Одинъ

Русскій языкъ.

ЛЕКЦІИ

ПО

РУССКОМУ ЯЗЫКУ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Д. А. Ч.

1908 г.

Предметъ русскаго яз. и его подраздѣленіе.

Русскій языкъ есть нашъ родной литературный языкъ, который значительно разнится отъ языка народнаго, имѣющаго въ каждой отдѣльной мѣстности свой особый характеръ.

Изученіе русскаго литературнаго языка въ средней школѣ имѣетъ двоякую цѣль: во-первыхъ оно имѣетъ въ виду развить въ учащихся способность ясно и отчетливо выражать свои мысли какъ устно, такъ и письменно, во-вторыхъ имѣетъ цѣлью познакомить учащихся съ лучшими произведеніями отечественной словесности. Такая двоякая цѣль изученія расчленяетъ весь курсъ на два отдѣла: *грамматическій* (курсъ 1—4 кл. гимн.) и *словесный* (курсъ 5—8 кл. гимн.): первая цѣль достигается путемъ изученія грамматики, вторая—путемъ изученія исторіи и теоріи словесности. Грамматика распадается на двѣ части: „*этимологія*“ (ученіе о словообразованіи) и „*синтаксисъ*“ (ученіе о соединеніи словъ). Далѣе признано полезнымъ для сознательнаго изученія родного языка знакомить учащихся съ формами нашего родоначальнаго языка, т. е. древняго церковно-славянскаго, почему въ программу 4 кл. входитъ „*грамматика древняго церковно-славянскаго яз.*“ Параллельно съ теоретическимъ изученіемъ грамматики, для лучшаго усвоенія ея дѣлаются практическія упражненія, какъ-то: объяснительное и выразительное чтеніе, заучиваніе басенъ и стихотвореній письмо подъ диктовку, или на память, изложенія прочитанныхъ статей и т. д. Совокупность всѣхъ этихъ упражненій составляетъ особый отдѣлъ русскаго яз., который назовемъ сокращенно „*практика русскаго яз.*“ Казалось-бы указанные четыре отдѣла русскаго яз. вполнѣ исчерпываютъ программу первыхъ четырехъ классовъ гимназій, но, имѣя въ виду то обстоятельство, что нѣкоторые изъ нашихъ читателей будутъ готовиться не по гимназической программѣ, а къ какому-либо спеціальному экзамену (напр. къ учительскому званію), гдѣ вмѣсто древняго церковно-славянскаго яз. требуется—новый, мы принуждены были ввести еще дополнительный отдѣлъ: „*грамматика новаго церковно-славянскаго языка.*“

Переходя затѣмъ къ программѣ высшихъ классовъ гимназій, мы прежде всего замѣчаемъ подраздѣленіе предмета словесности на два отдѣла: „*исторія словесности*“ и „*теорія словесности.*“ Такъ какъ изученіе словесности должно сопровождаться практическими занятіями (разборомъ словесныхъ произведеній, сочиненіями на темы и т. д.), то возникаетъ и здѣсь отдѣлъ „*практика русскаго яз.*“ Такимъ образомъ, весь предметъ русскаго яз. раздѣлился на 8 отдѣловъ: *Этимологія, синтаксисъ, грамматика древняго церковно-славянскаго яз., грамматика новаго церковно-славянскаго яз., практика русскаго яз. для I—IV классовъ, исторія словесности, теорія словесности и практика русскаго яз. для V—VIII кл.* На эти отдѣлы раздѣляются и наши лекціи, а для быстраго повторенія всего предмета въ концѣ лекцій приложенъ „*вопросникъ-экзаменаторъ*“ и „*конспектъ къ вопроснику*“.

Практическое наставленіе для самообученія.

Изученіе русскаго яз. безъ помощи учителя не представляетъ большихъ затрудненій, если придерживаться нѣкоторыхъ правилъ и быть послѣдовательнымъ въ изученіи. Эти правила состоятъ въ слѣдующемъ: 1) не пропускать ничего въ изложенномъ: заучивать правила, просматривать примѣры и дѣлать упражненія; 2) если въ упражненіяхъ явится затрудненіе, то это доказываетъ,

что плохо усвоены предыдущія правила и не внимательно просмотрѣны примѣры, а потому слѣдуетъ обратиться назадъ для повторенія; 3) переходить къ слѣдующему только тогда, когда предыдущее усвоено хорошо. Послѣдовательность въ изученіи первой половины русскаго яз. должна быть такая: сначала изучить этимологію, затѣмъ синтаксисъ и, наконецъ, грамматику церковно-славянскаго яз. (древняго, или новаго—какой положенъ по программѣ). Что-же касается практики, то ее надо вести параллельно съ изученіемъ грамматики, т. е. начать одновременно съ этимологіей русскаго яз. и кончить съ окончаніемъ грамматики церковно-славянскаго языка.

Послѣдовательность въ изученіи второй половины русскаго яз. должна быть такая: сначала изучить исторію словесности и дѣлать разборъ словесныхъ произведеній, затѣмъ—теорію словесности и писать сочиненія на данныя темы.

Такимъ образомъ, проходится весь курсъ русскаго языка, положенный программою среднеучебныхъ заведеній.

ЭТИМОЛОГІЯ.

(Состав. Е. Гурьева).

Когда мы говоримъ, то въ результатѣ получается *рѣчь*. Разсматривая отдѣльныя слова нашей рѣчи, мы замѣчаемъ, что одни изъ нихъ означаютъ названіе предмета, другія—качества, приписываемыя предмету, третьи—дѣйствія и т. д. Такимъ образомъ, имѣется возможность всѣ слова распредѣлить въ группы, имѣющія въ рѣчи опредѣленное назначеніе. Эти группы называются въ грамматикѣ *частями рѣчи*: ихъ девять—*имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, мѣстоименіе, глаголъ, нарѣчіе, союзъ, предлогъ и междометіе.* Есть еще двѣ части рѣчи: *причастіе и дѣепричастіе*, но ихъ принято относить въ грамматикѣ къ глаголу, хотя по значенію первое сходно съ именемъ прилагательнымъ, а второе—съ нарѣчіемъ. Ученіе о частяхъ рѣчи составляетъ первый отдѣлъ грамматики, называемый **этимологіей**.

Къ этимологіи относится также ученіе о составѣ словъ (т. е. о звукахъ), называемое **фонетикой**.

I. Имя существительное.

Имя существительное есть *названіе всякаго предмета,* существующаго въ мірѣ дѣйствительномъ, или воображаемомъ, напримѣръ: городъ, домъ, камень, человѣкъ, птица, трава, Богъ, геній, смиреніе, благословеніе.

Всѣ предметы дѣлятся на *чувственные и умственные*, сообразно чему дѣлится и имя существительное. Къ чувственнымъ относятся такіе предметы, съ которыми знакомимся мы посредствомъ пяти внѣшнихъ нашихъ *чувствъ*, напримѣръ: табунъ, зданіе, животное, запахъ, музыка, жидкость. Къ умственнымъ—относятся такіе предметы, которые не постигаются внѣшними чувствами, а представляются только *въ умѣ*, напримѣръ: Богъ, ангелъ, терпѣніе, благоволеніе.

Чувственные предметы подраздѣляются на *одушевленные* и *неодушевленные*: первые могутъ самопроизвольно двигаться, вторые—лишены этой способности. Примѣры одушевленныхъ предметовъ: человѣкъ, животное, птица, букашка, червякъ. Примѣры неодушевленныхъ предметовъ: камень, дерево, земля, домъ, книга, бумага.

Задача I. Написать 30 именъ существительныхъ: 10—одушевленныхъ, 10—неодушевленныхъ и 10—умственныхъ.

Задача 2. Взять изъ хрестоматіи какую-нибудь статью, выписать изъ нея всѣ имена существительныя и надъ одушевленными поставить *о*, надъ неодушевленными—*н*, надъ умственными—*у*.

Задача 3. Подъ всѣми, указанными во 2-й задачѣ, именами существительными чувственными (т. е. одушевленными и неодушевленными) подписать, съ помощью какихъ именно чувствъ постигается каждое изъ нихъ, т. е. зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса или осязанія, (при этомъ имѣть въ виду, что нѣкоторые предметы постигаются не однимъ, а нѣсколькими чувствами, напр. камень можно видѣть и осязать, свѣтъ—только видѣть, а музыку—только слышать и т. д.).

Среди именъ существительныхъ различаютъ имена *нарицательныя и собственныя.*

Имя нарицательное принадлежитъ порознь всѣмъ предметамъ какой-либо группы, напримѣръ: человѣкъ, книга, рѣка.

Имя собственное принадлежитъ только одному какому-либо опредѣленному предмету, напр.: Москва, Нева, Сибирь, Чудово, Иванъ, грамматика.

Среди нарицательныхъ именъ находимъ *собирательныя и вещественныя.*

Собирательное имя обозначаетъ собраніе однородныхъ предметовъ въ одно цѣлое, напр.: городъ, стадо, лѣсъ.

Вещественное имя обозначаетъ предметъ-вещество, изъ котораго что-нибудь дѣлаютъ, и часть котораго удерживаетъ названіе цѣлаго, напр.: мука, масло, кисель, золото, соль.

Задача 4. Написать 20 именъ существительныхъ, 10 нарицательныхъ и 10 собственныхъ.

Задача 5. Написать 20 именъ существительныхъ: 10 собирательныхъ и 10 вещественныхъ.

Задача 6. Выписать изъ стихотворенія Лермонтова „Споръ“ сначала собственныя имена существительныя, потомъ нарицательныя; затѣмъ изъ нарицательныхъ выписать собирательныя, и наконецъ, вещественныя.

Предметы существуютъ въ мірѣ и въ меньшемъ видѣ противъ обыкновеннаго, а также и въ большемъ видѣ, напр.: въ меньшемъ видѣ — возикъ, мужичекъ, домикъ; въ большемъ—возище, мужичина, мужичище, домище.

Имена существительныя, представляющія предметъ въ большемъ противъ обыкновеннаго размѣрѣ, называются *увеличительными*, напр.: ручища, домина—домище, столина—столище. Имена существительныя, представляющія предметъ въ меньшемъ, противъ обыкновеннаго размѣрѣ, называются *уменьшительными*, напр.: ручка, домикъ, столикъ, рученька.

Задача 7. Написать 20 именъ существительныхъ: 10 увеличительныхъ и 10 уменьшительныхъ.

Задача 8. Отъ слѣдующихъ именъ существительныхъ: собака, книга, дитя, перо, палка, человѣкъ, огородъ, садъ, носъ, лобъ,—произвести сначала увеличительныя, а потомъ уменьшительныя. Окончанія подчеркнуть.

Имена существительныя дѣлятся на три рода— *мужескій, женскій и средній*, напр.—воинъ, жена, дитя.

Родъ именъ существительныхъ узнается *по окончанію и по значенію.* Напр. по значенію: волкъ, медвѣдь, левъ, пѣтухъ, воевода, судья (муж. р.); волчиха, медвѣдица, львица, курица, корова (женск. р.). Имена существительныя мужескаго рода оканчиваются на *ъ*, *ь*, и *й*, наприм.: столъ, пень, рай. Имена существит. женск. рода— оканчиваются на *а*, *я*, и *ь*, напр.: вода, пѣсня, любовь. Имена существит. средняго рода — на *о*, *е*, напр.: село, море.

Такъ какъ всѣ эти окончанія отличаютъ имя существительное отъ другихъ частей рѣчи, то они называются *отличительными окончаніями* именъ существительныхъ.

Нѣкоторыя изъ именъ существительныхъ одушевленныхъ муж. р. оканчиваются на *а* и *я*, напр.: воевода, судья. Узнаются по значенію.

Къ среднему роду относится 10 словъ на *мя*: темя, бремя, стремя, время, знамя, пламя, имя, вымя, племя, сѣмя и слово *дитя.*

Задача 9. Написать 30 именъ существ.: 10 муж. р., 10 женск. р. и 10 средн. р.

Задача 10. Выписать изъ стихотворенія Лермонтова „Вѣтка Палестины“ сначала имена существ. муж. р., потомъ женск. р. и наконецъ средняго.

Нѣкоторыя имена существительныя могутъ относиться ко всѣмъ тремъ родамъ, напр.: сирота, калѣка, болтушка; такія имена существительныя образуютъ *общій родъ.*

Задача 11. Написать 5 именъ существительныхъ общаго рода.

Имя существительное имѣетъ два числа: *единственное и множественное.* Когда мы говоримъ объ одномъ предметѣ, то имя существительное стоитъ въ единственномъ числѣ, напр.: буря, мальчикъ, книга. Когда мы говоримъ о двухъ или нѣсколькихъ предметахъ, то имя существительное стоитъ во множественномъ числѣ, напр.: бури, мальчики, книги.

Задача 12. Написать 10 именъ существительныхъ и поставить ихъ во множественномъ числѣ.

Задача 13. Списать басню Крылова „Любопытный“ и подчеркнуть одною чертою имена существ. въ единств. ч. и двумя — имена существ. во множеств. ч.

Имена существительныя вещественныя и собственныя употребляются только въ единственномъ числѣ напр.; вещественныя—золото, серебро, молоко, соль, пламя; собственныя—Москва, Нева, Франція.

Нѣкоторыя вещественныя имена употребляются иногда и во множеств. числѣ, но только для означенія сорта: масла́ (конопляное, подсолнечное, горчишное и проч.), соли (поваренная, медицинская и проч.).

Есть существительныя, которыя употребляются только во множеств. числѣ, напр.: сани, хоромы, очки, сливки, дрова, квасцы.

Родъ въ такихъ именахъ существительныхъ опредѣляется по слѣдуюшимъ признакамъ:

Къ мужскому роду относятся тѣ, которыя въ родительномъ падежѣ оканчиваются на *овъ* и *евъ*, напр.: вѣсы—вѣсовъ, щипцы—щипцовъ; къ женскому роду относятся тѣ, которыя въ родит. пад. оканчиваются на *ъ* (но предыдущая согласная не *в*) и на *ей*, напр.: сливки—сливокъ, отруби—отрубей; къ среднему роду относятся тѣ, которыя въ обыкновенномъ прямомъ названіи оканчиваются на *а*, напр.: перила, чернила, ворота.

Существ. *будни* муж. р., потому что происходитъ отъ слова *день*.

Существ. *очки* — средн. р., потому что происходитъ отъ слова—*око* или *очко*.

Задача 14. Написать 15 им. существ., употребляющихся только во множеств. числѣ: 5 муж. р., 5 жен. р. и 5 средн. р.

Одно и тоже имя существительное можетъ отвѣчать на различные вопросы, напр.: книга (что?), человѣкъ (кто?), книги (чего?), человѣка (кого?), книгѣ (чему?), человѣку (кому?), книгу (что?), человѣка (кого?), книгою (чѣмъ?), человѣкомъ (кѣмъ?), о книгѣ (о чемъ?), о человѣкѣ (о комъ?),

Отвѣчая на различные вопросы, имя существит. измѣняетъ свое окончаніе Измѣненія окончаній въ именахъ существит. называются *падежами*.

Падежныя окончанія находятся на самомъ концѣ словъ, напр.: книг*а*, книг*и*, книг*ѣ*, книг*у*.

Въ русскомъ языкѣ семь падежей: *Именительный, Родительный, Дательный, Винительный, Творительный и Предложный*.

Именительный и звательный называются *прямыми* падежами, а остальные—*косвенными*.

Именительный и звательный падежъ отвѣчаетъ на вопросы: *кто? что?*—Родительный на—вопросы: *кого? чего?*—Дательный на вопросы: *кому? чему?*—Винительный—на вопросы: *кого? что?* —Творительный—на вопросы: *кѣмъ? чѣмъ?* Предложный— на вопросы: *о комъ? о чемъ? въ комъ? въ чемъ? на комъ? на чемъ? при комъ? при чемъ?*

Окончанія косвенныхъ падежей называются *относительными* окончаніями, такъ какъ посредствомъ ихъ выражаемъ взаимное отношеніе между словами.

Измѣненіе имени существ. по числамъ и падежамъ называется *склоненіемъ*.

Въ русскомъ яз. два склоненія.

Къ первому склоненію относятся имена мужескаго и средняго рода съ окончаніями: *ъ, ь, й, о* и *е* (домъ, конь, рой, море, село).

Ко второму склоненію относятся имена женскаго рода съ окончаніями: *а, я* и *ь* (вода, башня, ночь.)

Примѣры 1-го склоненія именъ существительныхъ.

Единственное число.

И. Домъ	конь	рой	море	село
Р. Дома	коня	роя	моря	села
Д. Дому	коню	рою	морю	селу
В. Домъ	коня	рой	море	село
Т. Домомъ	конемъ	роемъ	моремъ	селомъ
П. (о) Домѣ	конѣ	роѣ	морѣ	селѣ

Множественное число.

И. Дома	кони	рои	моря	села
Р. Домовъ	коней	роевъ	морей	селъ
Д. Домамъ	конямъ	роямъ	морямъ	селамъ
В. Дома	коней	рои	моря	села
Т. Домами	конями	роями	морями	селами
П. (о) Домахъ	коняхъ	рояхъ	моряхъ	селахъ

Задача 15. Просклонять: столбъ, сапогъ, олень, голубь, герой, ходатай, окно, поле, горе, сѣдло. Окончанія подчеркнуть.

Примѣры 2-го склоненія именъ существительныхъ.

Единственное число.

И. Вода	башня	ночь
Р. Воды	башни	ночи
Д. Водѣ	башнѣ	ночи
В. Воду	башню	ночь
Т. Водою	башнею	ночью
П. (о) Водѣ	башнѣ	ночи

Множественное число.

И. Воды	башни	ночи
Р. Водъ	башенъ	ночей
Д. Водамъ	башнямъ	ночамъ
В. Воды	башни	ночи
Т. Водами	башнями	ночами
П. (о) Водахъ	башняхъ	ночахъ

Задача 16. Просклонять: стѣна, доля, волна, рыба, воля, кость, дочь, вещь. Окончанія подчеркнуть.

Задача 17. Просклонять: груздь, печь, Казань, жизнь, орелъ, пустыня, телѣга, дно, гнѣздо, вѣче, вой.

Кромѣ этихъ двухъ склоненій есть еще склоненіе *разносклоняемое*.

Къ разносклоняемымъ именамъ принадлежатъ тѣ, которыя склоняются частію по первому, а частію по второму склоненію. Сюда относятся всѣ имена средняго рода съ окончаніемъ на *мя* и слово *дитя*. **Примѣры:**

Единственное число.

И. Время	дитя
Р. Времени	дитяти
Д. Времени	дитяти
В. Время	дитя
Т. Временемъ	дитятею
П. (о) Времени	дитяти

Множественное число.

И. Времена	дѣти
Р. Временъ	дѣтей
Д. Временамъ	дѣтямъ
В. Времена	дѣтей
Т. Временами	дѣтьми
П. (о) Временахъ	дѣтяхъ

Задача 18. Просклонять: сѣмя, бремя, стремя, пламя, знамя, племя, имя. Окончанія подчеркнуть.

Общій законъ всѣхъ измѣненій (всѣхъ склоненій) есть слѣдующій: *твердыя отличительныя окончанія должны измѣняться: на твердыя относительныя окончанія, а мягкія—на мягкія,* исключая изъ этого правила случаи несочетаемости нѣкоторыхъ согласныхъ звуковъ съ гласными. Напр.: мужъ (мужемъ, а не мужомъ), мечъ (мечемъ—а не мечомъ), а также—мужи, мечи, а не мужы, мечы.

Задача 19. Слѣдующія имена существительныя: товарищъ, шалашъ, борщъ, сторожъ, сычъ—поставить въ творит. пад. ед. ч. и во множ. ч.

Винительный пад. въ именахъ существ. средняго рода постоянно сходенъ съ именит: напр.: око—око, поле—поле; а въ именахъ сущ. муж. р. онъ сходенъ съ нимъ только въ именахъ собирательныхъ и въ именахъ неодушевленныхъ предметовъ, напр.: день (имен. пад.) былъ хорошій. Я провелъ этотъ день (вин. пад.) весело. Идетъ полкъ (им. п.) солдатъ. Я вижу полкъ (вин. п.) солдатъ;—въ именахъ же одушевленныхъ предметовъ винит. пад. всегда сходенъ съ родительнымъ, напр.: я люблю этого человѣка (вин. пад.),—я не могу обойтись безъ этого человѣка (род. п.).

Задача 20. Поставить слѣдующія имена существ. въ винит. пад. ед. ч.: слово, добро, пень, лѣсъ, рой, старикъ, купецъ, стадо, вѣтеръ, шумъ.

Имена существ. мужск. рода вещественныя часто въ родит. падежѣ ед. ч. вмѣсто окончаній *а* и *я*, принимаютъ и другое окончаніе сходное съ окончааніемъ дательн. падежа—*у* или *ю*, напр.: фунтъ табак*у*, сахар*у*, ча*ю*, мѣл*у*, бутылка уксус*у*.

Задача 21. Подыскать 20 им. сущ. веществ. муж. р., оканчивающихся въ род. пад. ед. ч. на *у* или *ю*.

Нѣкоторыя существит. муж. р. и въ предложномъ падежѣ, когда удареніе падаетъ на послѣдній слогъ, оканчиваются на *у* и *ю*; напр.: въ лѣс*у*, въ ра*ю*, на кра*ю*, въ угл*у*, въ сад*у*—вмѣсто—въ лѣс*ѣ*, въ ра*ѣ*, на кра*ѣ*, въ угл*ѣ*, въ сад*ѣ*.

Задача 22. Подыскать 20 именъ существ. муж. р., оканчивающихся въ предложн. пад. на *у* и *ю*.

Нѣкоторыя имена существ. муж. р., съ удареніемъ на первомъ слогѣ, во множ. ч., въ имен. пад. принимаютъ окончаніе *а* и *я*, вмѣсто *ы* и *и*: писарь—писаря, лѣсъ—лѣса, городъ—города, лѣкарь—лѣкаря. Нѣкоторыя изъ такихъ существительныхъ могутъ имѣть по два окончанія, напр.: учители—учителя, сыны—сыновья, листы—листья.

Задача 23. Найти 10 именъ существительныхъ съ окончаніемъ на *а* и *я* въ именит. пад. множеств. ч.

Имена существ. муж. р., оканчивающіяся на *енокъ*, имѣютъ во множеств. числѣ окончанія—*ата* и *ята*, напр.: ребенокъ—ребята, теленокъ—телята.

Задача 24 Написать 10 именъ существ. муж. р. съ окончаніемъ на *енокъ* и поставить ихъ во множ. числѣ въ имен. пад.

Имена существ. мужск. рода на *анинъ* и *янинъ* имѣютъ во множ. числѣ им. пад. окончаніе *е*—напр.: христіанинъ—христіане, дворянинъ—дворяне.

Задача 25. Найти 10 именъ существ. муж. р. съ окончаніемъ на *анинъ* и *янинъ* и поставить ихъ во множественномъ числѣ им. пад.

Нѣкоторыя имена существ. муж. р. имѣютъ въ род. пад. множ. числа одинаковое окончаніе съ именит. единств. ч., напр.: нѣсколько человѣкъ (вм. человѣковъ), сапогъ (вм. сапоговъ).

Существительныя: яблоко, окошко, око, ухо, колѣно, плечо—во множ. числѣ въ им. пад. имѣютъ окончанія *ы* и *и*—вмѣсто—*а* и *я*: яблоки, очи, уши, колѣни, плечи.

Существит.—*небо* и *чудо*—во множ. ч. принимаютъ въ наращеніе слогъ *ес*: небеса—чудеса, небесъ—чудесъ.

Задача 26. Просклонять небо и чудо.

Въ именахъ сущ. женск. р., оканчивающихся на *ь*, въ един. ч. одинаковы—родит., дат. и предложный падежи: всѣ они оканчиваются на *и*, напр.: тѣнь—тѣни—въ тѣни.

Задача 27. Написать 20 именъ существ. женск. р., оканчивающихся на *ь*, и поставить ихъ въ родит., дат. и предл. пад. единств. числа.

Слова—мать и дочь—въ косвенныхъ падежахъ и во множ. числѣ принимаютъ въ наращеніе слогъ *ер*, напр.: матери, дочери, матерью, дочерью.

Задача 28. Просклонять—мать и дочь.

Существ. женск. р., съ окончаніями на *ня*, съ предыдущею согласною и полугласною, въ род. пад. множ. ч., имѣютъ на концѣ *ъ*, вмѣсто *ъ*, напр.: башня—башенъ, пѣсня—пѣсенъ. Но деревня—деревень, сударыня—сударынь.

Задача 29. Поставить въ род. пад. множ. ч. слѣдующія имена существит.: пѣсня, вишня, сотня, кухня, бойня, обѣдня, спальня.

Имена муж. р. съ окончаніями на *а* и *я*, склоняются, какъ и имена женск. род. на *а* и *я*.

Въ именахъ существ. женск. рода на *ь* и средняго на *мя* въ дательн. и предложн. ед. ч. пишется всегда *и*, напр.: лѣнь—лѣни, Сибирь—Сибири; темя—темени, время—времени.

Задача 30. Написать въ дат. и предл. пад. ед. ч. слѣдующія существит.: печь, дочь, вещь, тѣнь, пустынь, гарь, радость, смерть, удаль, время, сѣмя (род. пад. сѣмянъ), имя, рожь, моль, бремя.

Имена существ. муж. р., оканчивающіяся на *ій*, въ предложн. пад. ед. ч. имѣютъ *и*, а не *ѣ*, напр.: о Василіи, о Юріи.

Задача 31. Написать въ предложномъ пад. ед. ч.: Аверкій, Аврелій, Амвросій, Виталій, Анатолій, Антоній, Прокопій, Григорій, Георгій, геній.

Имена существ. женск. и мужеск. р., оканчивающіяся на *ія*, имѣютъ предложн. и дат. пад. ед. ч.,—*и*, а не *ѣ*, напр.: Лидія—Лидіи—о Лидіи, Дарія—Даріи—о Даріи, Франція—Франціи—о Франціи; Илія—Иліи—о Иліи.

Задача 32. Написать 20 именъ существ. муж. и женск. р. съ окончаніемъ на *ія* и поставить ихъ въ дат. и предл. падежахъ ед. ч.

Имена существ. средн. р. на *іе* имѣютъ въ предл. пад. ед. числа *и*, а не *ѣ*, напр.: въ имѣніи, въ пѣніи.

Задача 33. Поставить въ предл. пад. ед. ч. слѣдующія имена существит.: мученіе, вѣяніе, обмываніе, терпѣніе, хожденіе, пониманіе, мышленіе, веденіе, поведеніе, углубленіе, ущеліе, веселіе.

Существ. средн. р. съ окончаніемъ *ье* (сокращенное изъ *іе*) могутъ оканчиваться въ предложн. пад. и на *и* и на *ѣ*, напр.: въ ученьѣ — въ ученьи, въ ущельѣ—въ ущельи. Но если удареніе падаетъ на послѣдній слогъ, то непремѣнно пишется *ѣ*, напр.: о житьѣ—бытьѣ, въ бѣльѣ.

Задача 34. Написать 20 именъ существительн. ср. р.: 10—оканчивающихся на *ье* и 10—на *іе* и поставить ихъ въ предложн. пад.

Въ именахъ сущ. муж. р. им. пад. ед. ч. послѣ шипящихъ пишется *ъ*, напр.: мечъ, сторожъ, борщъ.

Задача 35. Написать 20 именъ существ. муж. р., оканчивающихся на согласные и непремѣнно шипящіе.

Въ именахъ сущ. ж. р. им. пад. ед. ч. послѣ шипящихъ пишется *ь*, напр.: рожь, вещь, ночь

Задача 36. Написать 20 именъ существ. жен. р., оканчивающихся на согласные и непремѣнно шипящіе.

Въ именахъ существ. женск. и средн. рода, оканчивающихся на *жа, ча, ша, ща, же* и *ще*, въ род. пад. мн. ч. на концѣ пишется *ъ*, напр.: кожа—кожъ, туча—тучъ, каша — кашъ, чаща—чащъ, ложе—ложъ, жилище—жилищъ.

Задача 37. Написать по 5 именъ существ. ж. р., оканчивающихся на *жа, ша, ча, ща*, и ср. р.—на *же* и *ще*, и поставить ихъ въ родит. пад. множ. ч.

Существ. уменьшит. средн. рода оканчиваются на *ышко*, а женск. р.—на *ушка*, напр.: гнѣздышко, ведрышко, коровушка, головушка.

Задача 38. Написать 15 именъ сущ. уменьшительн. средн. р., оканчивающихся на *ышко* и 15—женск. р., оканчивающихся на *ушка*.

Имена существ. уменьшит. оканчиваются на *екъ* и *икъ*; *екъ* надо писать тогда, когда послѣдній гласный звукъ выпадаетъ въ косвенныхъ падежахъ, напр.: цвѣточекъ—цвѣточка, кусочекъ—кусочка; если же послѣдній гласный не выпадаетъ, то пишется *икъ*—мальчикъ—мальчика, пальчикъ—пальчика.

Задача 39. Отъ именъ существительныхъ: голубь, клубокъ, тлистъ, ноготь, карандашъ, котъ, молотъ, произвести уменьшит. съ окончаніемъ *екъ*, или *икъ*.

Существит. уменьшит. оканчиваются еще на *онька, енька*, напр.: Васенька, дяденька, маменька.

Задача 40. Произвести уменьшительныя отъ слѣдующихъ именъ существ.: Коля, Петя, папа, тетя, Миша, Катя, Митя, Оля, Поля, Витя.

2. Имя прилагательное.

Имя прилагательное показываетъ различные *признаки* предмета, какъ-то: его *качество*, *принадлежность* его другому предмету и *отношеніе* его къ мѣсту, ко времени или къ матеріалу, изъ котораго онъ сдѣланъ, напр.: *зеленое* поле, *ясное* солнце, *заячій* мѣхъ, *полевой* цвѣтокъ, *сегодняшній* № газеты, *деревянный* столъ.

Задача 41. Выписать имена прилагательныя изъ стихотворенія Лермонтова „Когда волнуется желтѣющая нива".

Задача 42. Ночь темна, на небѣ тучи, бѣлый снѣгъ кругомъ, и разлитъ морозъ трескучій въ воздухѣ ночномъ. Вдоль по улицѣ широкой избы мужиковъ; ходитъ сторожъ одинокій, слышенъ скрипъ шаговъ". Списать этотъ отрывокъ и подчеркнуть прилагательныя.

Имена прилагательныя раздѣляются на *качественныя*, *притяжательныя* и *относительныя*, напр.: красный, дѣдовскій, лѣтній.

Качественныя имена прилагательныя показываютъ *качество* предмета, напр.: красный, зеленый, синій.

Задача 43. Выписать имена прилагательныя качественныя изъ стихотворенія Пушкина „Пророкъ".

Задача 44. Написать 20 именъ прилагательныхъ качественныхъ.

Притяжательныя имена прилагательныя показываютъ *принадлежность* одного предмета другому, напр.: *Петровъ* постъ, *отцовскій* домъ, *Царицынъ* лугъ, *лебяжій* пухъ.

Задача 45. Написать 20 именъ прилагательныхъ, показывающихъ *отношеніе* предмета къ мѣсту, времени и матеріалу, напр.: *садовый* цвѣтокъ, *зимній* день, *мѣдный* котелъ.

Задача 46. Написать 30 именъ прилагательныхъ относительныхъ: 10,—показывающихъ отношеніе къ мѣсту, 10—ко времени, 10—къ матеріалу.

Качественныя имена прилагательныя имѣютъ также *увеличительную* форму, представляющую качество предмета въ большемъ размѣрѣ; оканчиваются на *охонекъ, ехонекъ, ошенекъ, ешенекъ:* глупехонекъ, бѣлехонекъ, молодешенекъ — увеличительныя прилагательныя.

Задача 47. Написать 20 именъ прилагательныхъ увеличительныхъ.

Имена прилагательныя качественныя имѣютъ и *уменьшительную* форму, представляющую качество предмета въ меньшемъ размѣрѣ, оканчиваются на *онькій, енькій, оватый, еватый:* глуповатый, красненькій, сладенькій.

Задача 48. Написать 20 именъ прилагательныхъ уменьшательныхъ.

Имена прилагательныя уменьшительныя съ окончаніемъ на *енькій* принадлежатъ къ *ласкательнымъ.*

Имена прилагательныя качественныя имѣютъ еще *степени сравненія*; въ степеняхъ сравненія извѣстный предметъ сравнивается съ другими извѣстными предметами по своему качеству, напр. сахаръ *сладокъ,* а медъ еще *слаще.* Степеней сравненія въ прилагательныхъ три: *положительная, сравнительная и превосходная.*

Когда имя прилагательное *обозначаетъ* качество предмета не сравнивая его съ качествомъ другого предмета, то говорятъ, что имя прилагательное стоитъ въ положительной степени напр.: *бѣлый* снѣгъ, *широкое* поле.

Задача 49. Написать 15 именъ прилагательныхъ въ положительной степени.

Задача 50. Выписать имена прилагательныя въ положительной степени изъ басни Крылова „Стрекоза и Муравей".

Когда имя прилагательное обозначаетъ качество одного предмета, *сравнительно* съ качествомъ другого, или даже нѣсколькихъ предметовъ, выше или ниже ихъ, лучше или хуже, то имя прилагательное, говорятъ, стоитъ въ сравнительной степени, напр.: добрый—*добрѣе,* умный — *умнѣе* —*умнѣйшій,* горькій—*горьче—горьчайшій.*

Сравнительная степень имѣетъ два окончанія—долгое (склоняемое)—*ѣйшій, айшій* и короткое (спрягаемое) *ѣе.*

Задача 51. Написать въ сравнительной степени имена прилагательныя: синій, желтый, сладкій, мокрый, хорошій, веселый, удалый, мрачный, тѣсный, холодный, горячій, крѣпкій, легкій.

Задача 52. Написать 20 именъ прилагательныхъ въ сравнительной степени.

Когда имя прилагательное обозначаетъ, что предметъ въ какомъ-либо качествѣ *превосходитъ* всѣ другіе предметы одного съ нимъ рода, —или стоитъ ниже всѣхъ ихъ, тогда прилагательное, говорятъ, стоитъ въ превосходной степени, напр.: самый лучшій, прекрасный, наисильнѣйшій, предобрѣйшій, разудалый.

Превосходная степень образуется посредствомъ прибавленія приставокъ къ положительной или сравнительной степени, а именно: *наи, пре, раз, все,* и словъ: *очень, весьма, самый.*

Задача 53. Произвести превосходную степень отъ слѣдующихъ прилагательныхъ: сильный, могучій, скрипучій, далекій, черный, милый, любезный, мудрый, безпокойный, темный, вѣрный, алый, бѣлый, милостивый, веселый, честный.

Задача 54. Написать 20 именъ прилагательныхъ въ превосходной степени.

Имена прилагательныя кромѣ того, что *склоняются,* т. е. измѣняются по числамъ и падежамъ, *измѣняются и по родамъ.*

Имена прилагательныя качественныя мужеск. рода ед. числ. оканчиваются на *ный, ій* и на *ой,* когда удареніе падаетъ на послѣднюю гласную, напр.: крас*ный*, син*ій*, слѣп*ой*;—женск. рода оканчиваются на *ая, яя,* напр.: крас*ная*, син*яя*; —средн. рода—на *ое, ее,* напр.: крас*ное*, син*ее*; множествен. числа муж. рода оканчиваются на *ые* и *іе,* напр.: крас*ные*, син*іе*; женск. и сред. р. на *ыя* и *ія,* напр.: крас*ныя*, син*ія.*

Задача 55. Написать 15 именъ прилагательныхъ качественныхъ и измѣнить ихъ по родамъ и числамъ.

Качественныя имена прилагательныя имѣютъ двоякое окончаніе—склоняемое (долгое) и спрягаемое (краткое). Склоняемое: *ый, ій, ой, ая, яя, ое, ее, ѣйшій, айшій,* спрягаемое: *ъ, ь, о, е, а, я, ѣе.*

Задача 56. Написать 20 именъ прилагательныхъ съ краткимъ окончаніемъ.

Такимъ образомъ имя прилагательное склоняется и измѣняется по родамъ.

Склоненіе именъ прилагательныхъ.

Единственное число.

И. красн*ый*	син*ій*	слѣп*ой*	красн*ая*	син*яя*
Р. красн*аго*	син*яго*	слѣп*ого*	красн*ой*	син*ей*
Д. красн*ому*	син*ему*	слѣп*ому*	красн*ой*	син*ей*
В. красн*ый* (*аго*)	син*ій* (*яго*)	слѣп*ой* (*ого*)	красн*ую*	син*юю*
Т. красн*ымъ*	син*имъ*	слѣп*ымъ*	красн*ой* (*о*)	син*ей* (*ею*)
П. (о) красн*омъ*	син*емъ*	слѣп*омъ*	красн*ой*	син*ей*

Множественное число.

	Мужескій родъ.			*Женскій родъ.*	
И.	красные	синіе	слѣпые	красныя	синія
Р.	красныхъ	синихъ	слѣпыхъ	красныхъ	синихъ
Д.	краснымъ	синимъ	слѣпымъ	краснымъ	синимъ
В.	красные (-ыхъ)	синіе (-ихъ)	слѣпые (-ыхъ)	красныя (-ыхъ)	синія (-ыхъ)
Т.	красными	синими	слѣпыми	красными	синими
П.	(о) красныхъ	синихъ	слѣпыхъ	красныхъ	синихъ

Средній родъ.

	Един. ч.		*Множ. ч.*
И.	красное	синее	какъ женскій родъ.
Р.	краснаго	синяго	
Д.	красному	синему	
В.	красное (-аго)	синее (-яго)	
Т.	краснымъ	синимъ	
П.	(о) красномъ	синемъ	

Задача 57. Просклонять: сильный, голубой, рыжій. Измѣнить по родамъ.

Задача 58. Просклонять: теплая погода, длинное ухо, синее море, ранняя весна, шипучій лимонадъ, осеннее пальто. Окончанія подчеркнуть.

Примѣры склоненій прилагательныхъ притяжательныхъ.

	Ед. число. *М. ж.*	*Ж. р.*	*Средн. р.*	*Множ. ч. во всѣхъ родахъ.*
И.	Петровъ.	Петрова	Петрово	Петровы
Р.	Петрова	Петровой	Петрова	Петровыхъ
Д.	Петрову	Петровой	Петрову	Петровымъ
В.	Петрова (въ)	Петрову	Петрово	Петровыхъ (вы)
Т.	Петровымъ	Петровой	Петровымъ	Петровыми
П.	(о) Петровомъ	Петровой	Петровомъ	Петровыхъ

Задача 59. Просклонять во всѣхъ родахъ: Николаевъ, дядинъ, сестринъ, Соколовъ, отцовъ, царевъ.

Примѣры склоненій прилагательныхъ относительныхъ.

	Ед. число. *Муж. р.*	*Женск. р.*	*Средн. р.*	*Множ. ч. во всѣхъ родахъ.*
И.	Соболій	соболья	соболье	Собольи
Р.	Собольяго	собольей	собольяго	Собольихъ
Д.	Собольему	собольей	собольему	Собольимъ
В.	Собольяго (ье)	соболью	собольяго (ье)	Собольи (ихъ)
Т.	Собольимъ	собольею	собольимъ	Собольими
П.	(о) Собольемъ	собольей	собольемъ	Собольихъ

Задача 60. Просклонять во всѣхъ родахъ: заячій, медвѣжій, лисій, вороній, человѣчій, коровій, лебяжій, говяжій.

Во всѣхъ прилагательныхъ мужскаго и средн. рода въ род. пад. ед. ч. нужно писать *аго, яго* и *ого,* когда слышится *ава, ева, ова,* напр.: стараго (вм. старова), синяго (вм. синева), хромого (вм. хромова).

Задача 61. Поставить въ род. пад. ед. ч. слѣдующія прилагательныя: веселый, довольный, высокій, слѣпой, удалый, зеленый, легкій, горячій, шипучій, рыжій, тѣсный, малый, косой, здоровый, большой, умный. Окончанія подчеркнуть.

Задача 62. Написать 20 именъ прилагат. муж. и сред. р. ед. ч. род. пад.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на окончаніе прилагательныхъ женск. р. ед. числа, творит. и винит. пад.: въ вин. пад.—*ую, юю,* а въ творит. —*ою, ею,* напр.: черную корову и черною коровою,—въ нынѣшнюю зиму,—нынѣшнею зимою.

Задача 63. Написать 20 именъ прилагательныхъ женск. рода ед. числа въ винит. пад. и поставить ихъ въ творит. пад. ед. ч.

Имена прилагательныя уменьшительныя оканчиваются на *енькій,* напр.: бѣленькій, новенькій, тепленькій.

Задача 64. Написать 20 именъ прилагательныхъ уменьшительныхъ; окончанія подчеркнуть.

Прилагательныя притяжательныя, оканчивающіяся на *ій*, въ которыхъ *і* переходитъ въ *ь*, въ именит. пад. множеств. числа, вмѣсто окончаній *іе* и *ія*, оканчиваются на *ьи* во всѣхъ родахъ, напр.: сорочьи гнѣзда, сорочьи голоса, сорочьи головы.

Задача 65. Написать 20 именъ прилагат. притяжат. съ окончаніемъ на *ій* и поставить ихъ во множ. числѣ, въ именит. падежѣ. Слѣдуетъ особенное вниманіе обратить на окончанія *цкій*, *дскій* и *тскій*, напр.: посадскій, дурацкій, солдатскій. Прилагательныя съ окончаніемъ *цкій* происходятъ отъ существительныхъ, оканчивающихся на *чъ* и *къ*, напр.: Галичъ—галицкій, мужикъ—мужицкій.

Задача 66. Написать 20 именъ прилагательныхъ съ окончаніемъ на цкій.

Прилагательныя съ окончаніемъ на *дскій* и *тскій* происходятъ отъ существительныхъ, оканчивающихся на *дъ* и *тъ*, напр.: сосѣдъ—сосѣдскій, кадетъ—кадетскій.

Задача 67. Написать 20 именъ прилагательныхъ съ окончаніемъ на дскій и тскій.

3. Имя числительное.

Имя числительное означаетъ *количество или счетъ* предметовъ, напр.: пять, пятый, семь—седьмой.

Задача 68. Написать 20 именъ числительныхъ.

Имена числительныя раздѣляются на *количественныя и порядковыя*.

Имена числительныя количественныя обозначаютъ количество предметовъ и отвѣчаютъ на вопросъ: *сколько?* напр.: два, десять, сто пять.

Задача 69. Подыскать 20 именъ числительныхъ количественныхъ.

Имена числительныя порядковыя обозначаютъ счетъ или порядокъ предметовъ и отвѣчаютъ на вопросъ: *который?* напр.: пятый, десятый, сотый.

Задача 70. Подыскать 20 именъ числительныхъ порядковыхъ.

Въ числительныхъ количественныхъ различаютъ еще числительныя *дробныя* которыя означаютъ не цѣлыя числа, а части чиселъ, напр.: полтора, половина, четверть, осьмуха.

Задача 71. Написать 15 именъ числительныхъ дробныхъ.

Количественныя имена числительныя *склоняются*, какъ существительныя, съ тѣми же окончаніями, напр.: *И.* пять, *Р.* пяти, *Д.* пяти, *В.* пять, *Т.* пятью, *П.* пяти.

Задача 72. Просклонять: шесть, семь, десять, двадцать.

Порядковыя имена числительныя *склоняются*, какъ имена прилагательныя съ склоняемыми окончаніями, наприм.: *И.* пятый, *Р.* пятаго, *Д.* пятому, *В.* пятаго (пятый), *Т.* пятымъ, *П.* о пятомъ.

Задача 73. Просклонять: первый, шестой, восьмой, десятый, сотый, двадцатый, тысячный, сороковой, второй.

Примѣры склоненія именъ числительныхъ.

Единств. число.

	Муж. р.	*жен. р.*	*ср. р.*
И.	Одинъ	одн*а*	одн*о*
Р.	Одн*ого*	одн*ой*	одн*ого*
Д.	Одн*ому*	одн*ой*	одн*ому*
В.	Одн*ого* (одинъ)	одн*у*	одн*ого* (одн*о*)
Т.	Одн*имъ*	одн*ою*	одн*имъ*
П.	Объ одн*омъ*	одн*ой*	одн*омъ*

Множеств. число.

	Муж. р.	*жен. р.*	*ср. р.*
И.	Одн*и*	однѣ	одн*и*
Р.	Одн*ихъ*	—	—
Д.	Одн*имъ*	—	—
В.	Одн*и* (*ихъ*)	однѣ	одн*и*
Т.	Одн*ими*	—	—
П.	Объ одн*ихъ*	—	—

	муж. и ср. р.	*ж. р.*	*м. и ср. р.*	*ж. р.*
И.	два	двѣ	об*а*	обѣ
Р.	дв*ухъ*	—	обо*ихъ*	обѣ*ихъ*
Д.	дв*умъ*	—	обо*имъ*	обѣ*имъ*
В.	два (двухъ)	двѣ	об*а* (обо*ихъ*)	обѣ (обѣ*ихъ*)
Т.	дв*умя*	—	обо*ими*	обѣ*ими*
П.	о дв*ухъ*	—	объ обо*ихъ*	обѣ*ихъ*

	ед. ч.		*множ. ч.*	
И.	четвер*о*	ст*о*	—	двѣст*и*
Р.	четвер*ыхъ*	ст*а*	сот*ъ*	двухъ-сот*ъ*
Д.	четвер*ымъ*	ст*а*	ст*амъ*	двумъ-ст*амъ*
В.	четвер*ыхъ*—ро	ст*о*	—	двѣст*и*
Т.	четвер*ыми*	ст*а*	ст*ами*	двумя-ст*ами*
П.	четвер*ыхъ*	ст*а*	ст*ахъ*	двухъ ст*ахъ*

Числительное—*одинъ*—въ родит. пад. ед. ч. пишется *одного*, а не однаго. Во мн. ч. женск. рода въ им. пад. на концѣ пишется *ѣ*.

Задача 74. Написать склоненіе *одинъ* во всѣхъ родахъ.

Сложныя количественныя и порядковыя до 50-ти (двѣнадцать, двадцать, тридцать и проч.) въ послѣднемъ слогѣ пишутся черезъ *д*, а не *т* (какъ произносимъ), потому что *дцать* есть сокращенное *десять*. Эти же числителяныя на концѣ имѣютъ *ь*, а не *ъ*, потому что здѣсь *десять* стоитъ въ винит. пад. един. ч.: *двѣнадцать*. Напротивъ, числительныя, начиная съ 50-ти (пятьдесятъ, шестьдесятъ, семьдесятъ), имѣютъ на концѣ *ъ*, а не *ь*, потому что въ нихъ *десятъ* стоитъ въ неупотребительномъ въ отдѣльности род. пад. множ. числа, какъ *сто* въ *пятьсотъ*.

4. Мѣстоименіе.

Мѣстоименіе есть такая *служебная* и вмѣстѣ съ тѣмъ *склоняемая* часть рѣчи, которая ставится *вмѣсто именъ* существительныхъ и прилагательныхъ съ числительными, напр.: Старикъ ловилъ неводомъ рыбу... Разъ онъ закинулъ неводъ... А потому обычай мой (вм. Кутузова) такой... Не каждый день (беретея во вниманіе количество дней) коту масляница.

Задача 75. Выписать мѣстоименія изъ стихоренія Кольцова „Что ты спишь, мужичокъ“.

По общему назначенію своему, мѣстоименія дѣлятся на *существительныя* и *прилагательныя*, напр.: кто, что, нѣкто, кто-то, себя, такой, нашъ, мой.

По частному назначенію своему, мѣстоименія бываютъ: *личныя*, напр.: я, ты, мы; *возвратное*—себя, *притяжательныя*, напр.: мой, вашъ; *указательныя*, напр.: этотъ, тотъ, *относительныя*, напр.: кто что, который; *вопросительныя*, напр.: кто? что? который? *опредѣлительныя*, няпр.: самъ, весь; *неопредѣленныя*, напр.: нѣкоторый, кто-то.

Личныя мѣстоименія обозначаютъ собою лица: 1-е лицо, которое говоритъ,—*я*, *мы*; 2-е лицо, которому говорятъ,—*ты, вы,* 3-е лицо о которомъ говорятъ,—*онъ, она, оно, они, онѣ*.

Задача 76. Выписать личныя мѣстоименія изъ басни Крылова „Оселъ и соловей.“

Возвратное мѣстоименіе замѣняетъ собою мѣстоименіе личное, когда дѣйствіе обращается на дѣйствующій же предметъ; это—*себя*.

Задача 77, Просклонять возвратное мѣстоименіе „себя“.

Прилагательныя притяжательныя показываютъ *принадлежность* одного предмета другому, напр.: мой, вашъ, нашъ твой, свой, его, ихъ.

Задача 78. Просклонять перечисленныя выше притяжательныя мѣстоименія.

Указательныя мѣстоименія служатъ *для указанія* на предметы и ихъ качества, напр.: этотъ, такой, сей, тотъ, такой, этакой.

Задача 79. Составить 6 предложеній, въ которыхъ были бы указательныя мѣстоименія.

Относительныя мѣстоименія служатъ для внѣшняго *соединенія* главнаго предложенія съ придаточнымъ:—напр. который, каковой, чей, кто и что.

Задача 80. Просклонять перечисленныя относительныя мѣстоименія.

Вопросительныя мѣстоименія служатъ для выраженія *вопроса*. Они тѣ же самыя, что и относительныя.

Задача 81. Написать 10 предложеній, въ которыхъ были бы вопросительныя мѣстоименія.

Опредѣлительныя мѣстоименія служатъ для болѣе точнаго опредѣленія предметовъ и ихъ качествъ; каковый, самъ, весь, всякій, каждый и самый.

Задача 82. Написать 10 предложеній, въ которыхъ были бы опредѣлительныя мѣстоименія.

Неопредѣленныя мѣстоименія замѣняютъ собою имя существительное, или прилагательное неопредѣленнымъ иногда отрицательнымъ образомъ: каковы: нѣкоторый, иной, нѣкто, нѣчто, нѣсколько, никто, ничто, никакой, кто-то, что-то, что-нибудь, кто-нибудь, что-либо, кто-либо и т. п.

Задача 83. Написать 15 предложеній такихъ чтобы каждое заключало въ себѣ различныя не опредѣленныя мѣстоименія.

Задача 84. Выписать мѣстоименія, написавъ надъ каждымъ изъ нихъ—*какія*, изъ стихотворенія Пушкина „Утопленникъ.“

Мѣстоименія. какъ самыя имена, которыя они замѣняютъ, склоняются.

Склоненіе мѣстоименій.

Единственное число.

И.	я	ты	онъ	она	оно	кто	что
Р.	меня	тебя	его	ея	его	кого	чего
Д.	мнѣ	тебѣ	ему	ей	ему	кому	чему
В.	меня	тебя	его	ее	его	кого	что
Т.	мною	тобою	имъ	ею	имъ	кѣмъ	чѣмъ
П.	(о) мнѣ	тебѣ	немъ	ней	немъ	комъ	чемъ

Множественное число.

И. мы	вы	они	онѣ	они	Не имѣетъ множеств. числа.
Р. насъ	васъ	ихъ	—	—	
Д. намъ	вамъ	имъ	—	—	
В. насъ	васъ	ихъ	—	—	
Т. нами	вами	ими	—	—	
П. (о) насъ	васъ	нихъ	—	—	

Единственное число.			*Множ. ч.*
м. р.	*ж. р.*	*ср. р.*	*во всѣхъ род.*
И. этотъ	эта	это	эти
Р. этого	этой	этого	этихъ
Д. этому	этой	этому	этимъ
В. этого (этотъ)	эту	это (этого)	эти (этихъ)
Т. этимъ	этою	этимъ	этими
П. (объ) этомъ	этой	этомъ	этихъ

Единственное число.			*Множ. ч.*
м. р.	*ж. р.*	*ср. р.*	*во всѣхъ родахъ.*
И. весь	вся	все всѣ	тѣ
Р. всего	всей	всего всѣхъ	тѣхъ
Д. всему	всей	всему всѣмъ	тѣмъ
В. всего (весь)	всю	все всѣхъ (всѣ)	тѣхъ (тѣ)
Т. всѣмъ	всею	всѣмъ всѣми	тѣми
П. (о) всемъ	всей	всемъ всѣхъ	тѣхъ

Единственное число.		*Множ. число.*	
м. р.	*ж. р. ср. р.*	*м. р.*	
И. сàмый	сàмая сàмое	сàмые	сàмыя
Р. сàмаго	сàмой сàмаго	сàмыхъ	—
Д. сàмому	сàмой сàмому	сàмымъ	—
В. сàмаго (сàмый)	сàмую сàмое	сàмые	сàмыя
Т. сàмымъ	сàмою сàмымъ	сàмыми	—
П. (о) сàмомъ	сàмой сàмомъ	сàмыхъ	—

Единственное число.			*Множ. ч.*
м. р.	*ж. р.*	*с. р.*	*во всѣхъ род.*
И. самъ	сама	само	сами
Р. самого	самой	самого	самихъ
Д. самому	самой	самому	самимъ
В. самого	самое	само	самихъ
Т. самимъ	самою	самимъ	самими
П. о самомъ	самой	самомъ	самихъ

Единственное число.			*Множ. ч.*
м. р.	*ж. р.*	*с. р.*	*во всѣхъ род.*
И. чей	чья	чье	чьи
Р. чьего	чьей	чьего	чьихъ
Д. чьему	чьей	чьему	чьимъ
В. чей (чьего)	чью	чье	чьихъ, (чьи)
Т. чьимъ	чьею	чьимъ	чьими
П. о чьемъ	чьей	чьемъ	чьихъ

Задача 85. Выписать всѣ мѣстоименія и опредѣлить ихъ, также родъ число и падежъ изъ „Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ“ Пушкина.

Отрицательная частица—*ни*—въ мѣстоименіяхъ —никто, ничто—въ предложномъ падежѣ, и вообще при предлогахъ, отдѣляется отъ мѣстоименія предлогомъ напр.: ни о комъ, ни о чемъ, ни за что, ни за кого, ни почему и проч.

Задача 86. Написать 20 предложеній съ отрицательными мѣстоименіями, чтобы частица *ни* отдѣлялась предлогомъ.

Мѣстоименіе *онъ*, послѣ предлоговъ, въ косвенныхъ падежахъ, для удобства выговора принимаетъ вставочную букву *н*, напр.: у него, къ нему, предъ нимъ.

Задача 87. Написать 15 примѣровъ съ личнымъ мѣстоименіемъ *онъ* въ косвенныхъ падежахъ со вставкою буквы *н*.

Если же мѣстоименіе *онъ* въ род. пад. употребляется въ качествѣ мѣстоименія притяжательнаго, то уже не принимаетъ этой вставки, напр.: я былъ у его брата, а не у него брата; я былъ у ея тетки, а не у нея тетки.

Задача 88. Написать 20 примѣровъ, въ которыхъ бы мѣстоименіе *онъ* въ род. пад. не принимало бы буквы *н*.

5. Глаголъ.

Глаголъ показываетъ дѣйствіе (играетъ, пишетъ) *или состояніе предмета* (ходитъ, сидитъ).

Задача 89. Выписать глаголы изъ стихотворенія Пушкина „Зимній вечеръ“.

Задача 90. Написать 20 глаголовъ: 10—означающихъ дѣйствіе предмета 10—состояніе предмета.

Различныя направленія дѣйствій и состояній предмета показываютъ *залоги.*

Русскіе глаголы имѣютъ два залога для обозначенія собственно дѣйствія предмета: *дѣйствительный и возвратный,* и два залога для выраженія состоянія предмета: *средній и страдательный.*

Глаголы дѣйствительнаго залога выражаютъ *дѣйствіе, переходящее съ подлежащаго на второстепенный предметъ въ предложеніи,* напр.: Старикъ *ловилъ* рыбу, старуха *пряла* пряжу.

Глаголы дѣйствительнаго залога требуютъ послѣ себя дополненія въ вин. пад., напр.: ловилъ (кого? что?) рыбу, пряла (что?) пряжу. Если же передъ глаголомъ стоитъ отрицаніе *не,* то прямое

дополненіе (вин. пад.) ставится въ родит. пад., напр.: старикъ не ловилъ (кого? чего?) рыбы. Старуха не пряла (чего?) пряжи.

Задача 91. Выписать глаголы дѣйствительнаго залога изъ стихотворенія Пушкина „Полтавскій бой".

Задача 92. Написать 20 глаголовъ дѣйствительнаго залога.

Глаголы *возвратнаго* залога показываютъ *дѣйствіе предмета, которое обращается на дѣйствующій же предметъ* и производитъ въ немъ какую-нибудь перемѣну. Эти глаголы образуются изъ дѣйствительнаго залога чрезъ присоединеніе частицы *ся* (сокращ. себя, напр.: одѣвать+ся=одѣвать себя).

Задача 93. Подчеркнуть глаголы возвратнаго залога: „Зашумѣлъ вѣтеръ, закачались деревья. Но только подъ гору, лошадь перевалилась, возъ началъ напирать, телѣга раскатилась".

Задача 94. Написать 20 глаголовъ возвратнаго залога.

Къ глаголамъ возвратнаго залога относятся глаголы *взаимные.* Они выражаютъ взаимное дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ предметовъ, взаимно другъ на друга дѣйствующихъ и требуютъ послѣ себя дополненія на вопросъ: *съ кѣмъ? съ чѣмъ?* напр.: дружиться (съ кѣмъ) воевать (съ кѣмъ?)

Глаголы взаимные не всегда оканчиваются на *ся.*

Задача 95. Списать и подчеркнуть глаголы взаимнаго залога: „Не дай Богъ съ дуракомъ связаться. Петербургская губернія граничитъ съ Эстляндской. Какъ дереву съ огнемъ дружиться? Ей Шавка говоритъ: тебѣ-ль съ слономъ возиться? Недавно Россія воевала съ Японіей. Простолюдинъ со знатью не роднися.

Задача 96. Написать 15 глаголовъ взаимнаго залога.

Глаголы *средняго* залога выражаютъ или *непереходящее дѣйствіе или состояніе предмета* напр.: сидѣть, плыть.

Задача 97. Выписать глаголы средняго залога изъ стихотворенія Пушкина: „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ".

Задача 98. Написать 20 глаголовъ средняго залога.

Глаголы *страдательнаго* залога показываютъ страдательное состояніе главнаго предмета, на который переходитъ дѣйствіе второстепеннаго члена въ предложеніи; глаголы страдательнаго залога требуютъ послѣ себя дополненія въ творит. пад. безъ предлога, напр.: могильной засыплюсь я землею... Когда то о веснѣ звѣрями въ надсмотрщики медвѣдь былъ (надъ ульями".

Страдательные глаголы, какъ и возвратные, могутъ образоваться только изъ дѣйствительныхъ, напр.: засыпать (кого? что?) засыплюсь (чѣмъ?); выбрать (кого?) выбранъ (кѣмъ?).

Задача 99. Выписать глаголы страдательнаго залога изъ какой-нибудь статьи въ хрестоматіи.

Задача 100. Написать 15 предложеній, въ которыхъ сказуемое было бы выражено глаголомъ страдат. залота.

Въ русскомъ яз. оконченность и неоконченность, повторяемость и неповторяемость дѣйствія показываютъ особые *виды глагола.*

Видами называются особыя измѣненія въ глаголахъ, одного и того же корня,—измѣненія, совершающіяся съ цѣлью, чтобы глаголъ могъ выразить—оконченное или неоконченное, повторяемое или неповторяемое дѣйствіе напр.: свистать, (неоконч.) посвистать, (оконч.) свиснуть, (неповт.) посвистывать, (повтор.)

Задача 101. Написать 40 глаголовъ:—10, показывающихъ неоконченное дѣйствіе, 10—оконченное, 10—неповторяемое и 10 повторяемое.

Неоконченное дѣйствіе выражаетъ *несовершенный видъ глаголовъ,* напр.: свистать, стучать —несоверш. вида.

Задача 102. Написать 20 глаголовъ несовершеннаго вида.

Оконченное дѣйствіе выражаетъ *совершенный видъ глаголовъ,* напр.: посвистать, простучать, стукнуть.

Задача 103. Написать 20 глаголовъ совершеннаго вида,

Повторяемое дѣйствіе выражаетъ *многократный видъ,* напр.: посвистывать, постукивать.

Задача 104. Написать 20 глаголовъ многократнаго вида.

Неповторяемое дѣйствіе выражаетъ *однократный видъ,* напр.: свиснуть, стукнуть.

Задача 105. Написать 20 глаголовъ однократнаго вида.

Задача 106. Въ стихотвореніи Лермонтова „Воздушный корабль" опредѣлить виды всѣхъ глаголовъ.

Кромѣ залоговъ и видовъ глаголъ имѣетъ *наклоненія, времена, лица, числа, а въ прошедшемъ вр. и родъ.*

Измѣненіе глагола по наклоненіямъ, временамъ, лицамъ, числамъ, а въ прошедшемъ времени и по родамъ называется *спряженіемъ.*

Наклоненій четыре: *неопредѣленное, изъявительное, повелительное и сослагательное.*

Неопредѣленное наклоненіе только *называетъ* дѣйствіе или состояніе, напр.: лежать, писать, любить. Оканчивается оно на *ть, чь, ти* или *ться, чься,* напр.: лежать, найти, печь, бояться, беречься.

Задача 107. Написать 20 глаголовъ въ неопредѣленномъ накл.

Изъявительное наклоненіе *разсказываетъ* о дѣйствіи предмета, напр.: старуха пряла, старикъ ловилъ.

Оно имѣетъ времена, лица, числа, а въ прош. вр. и роды.

Задача 108. Написать 20 глаголовъ въ изъявит. накл.

Повелительное наклоненіе выражаетъ *повелѣніе*, или просьбу, желаніе, совѣтъ лица говорящаго, чтобы дѣйствіе совершилось, напр.: Встань, проснись, подымись, на себя посмотри. Это наклоненіе имѣетъ *2 лица—2-е и 3-е*.

Задача 109. Написать 20 глаголовъ въ повелительномъ наклоненіи.

Сослагательное наклоненіе служитъ для выраженія *предполагаемаго или возможнаго* только дѣйствія, которое можетъ случиться и не случиться. Оно образуется 1) изъ изъяв. наклоненія съ присоединеніемъ частицы *бы*; 2) замѣняется повелительнымъ, при чемъ нарушается грамматическая правильность въ согласованіи словъ 3) неопредѣл. накл. въ соединеніи съ частицею *бы*, или вспомогат. глаголомъ *было*, напр.: Поклажа бы для нихъ казалась и легка.—Щепотки волосковъ лиса не пожалѣй, остался-бъ хвостъ у ней. —Было мнѣ лучше сидѣть бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею.

Задача 110. Написать 15 предложеній, въ которыхъ сказуемое было бы выражено сослагательнымъ наклоненіемъ.

Окончаніе глагола въ неопред. накл. называется *отрицательнымъ*, а всѣ прочія—*относительными*.

Въ русскомъ яз. *два спряженія*: 1-ое и 2-ое. Къ первому спряженію относятся тѣ глаголы, которые во 2-мъ лицѣ ед. ч. оканчиваются на *ешь*, а въ 3-мъ лицѣ множ. ч.—на *утъ* и *ютъ*, напр.: писать,—пишешь,—пишутъ,идти,—идешь,—идутъ.

Задача 111. Написать 20 глаголовъ 1-го спряженія..

Ко 2-ому спряженію относятся тѣ глаголы, которые во 2-мъ лицѣ ед. ч. оканчиваются на *ишь*, а въ 3 лицѣ мн. числа на *атъ* и *ятъ*, напр. смотрѣть—смотришь—смотрятъ.

Задача 112. Написать 20 глаголовъ 2-го спряженія.

Задача 113. Опредѣлить виды спряженія всѣхъ глаголовъ въ стихотвореніи Пушкина „Утопленникъ".

Глаголъ—*быть*, по залогу средній имѣетъ *двоякое назначеніе* въ рѣчи: иногда составляетъ сказуемое и тогда называется *существительнымъ*, иногда же выражаетъ связь между подлежащимъ и сказуемымъ, или берется въ помощь къ спряженію другихъ глаголовъ,—и тогда называется *вспомогательнымъ*.

Спряженіе глагола *быть*: Неопредѣленное наклоненіе — *быть*. изъявит. накл. наст. вр. ед. числа 1 лица. *я есмъ*, 2 лица: *ты еси*, 3 лица: *онъ (она оно) есть;* множеств. ч. 1 лица: *мы есмы*, 2 лица: *вы есте*, 3 лица: *они (онѣ) суть*. Прошедш. вр. ед. ч. 1, 2, и 3 лица—*я, ты, онъ (она оно) былъ(—а,—о)*, множ. ч. для всѣхъ лицъ: *были*. Будущее вр. 1 лица: *я буду*, 2 лица: *ты будешь*, 3 лица: *онъ(она оно) будетъ*; множ. ч. 1 лица: *мы будемъ*, 2 лица: *вы будете*, 3 лица: *они (онѣ) будутъ*. Повелительное накл. ед. ч. 2 лица: *будь ты*, 3 лица: *пусть онъ будетъ*; множ. ч. 2 лица: *будьте вы*, 3 лица: *пусть они будутъ*.

Спряженіе дѣйствительныхъ и среднихъ глаголовъ неопред. накл. 1 спряж.: дѣлать (несов. в.), сдѣлать (соверш. в.); **2-е спряж.**: приходить (несоверш. в.), придти (соверш. в.). *Изъявит. наклон., настоящ. вр. ед. число, 1 л.* я дѣлаю, прихожу; *2 л.* ты дѣлаешь, приходишь; *3 л.* онъ (она, оно) дѣлаетъ, приходитъ; *множ. ч. 1 л.* мы дѣлаемъ, приходимъ; *2 л.* вы дѣлаете, приходите; *3 л.* они (онѣ) дѣлаютъ, приходятъ. *Глаголы соверш. вида не имѣютъ настоящаго времени. Прошедш. вр. единств. число 1, 2 и 3 л.* дѣлалъ (ла, ло), сдѣлалъ (ла, ло), приходилъ (ла, ло), пришелъ (ла, ло); *множ. ч. 1, 2 и 3 л.* дѣлали, сдѣлали, приходили, пришли. *Будущее вр. ед. ч. 1 л.* я буду дѣлать (приходить), я сдѣлаю, я приду, *2 л.* ты будешь дѣлать (приходить), ты сдѣлаешь, ты придешь, *3 л.* онъ будетъ дѣлать (приходить), онъ сдѣлаетъ, онъ придетъ; *множ. число: 1 л.* мы будемъ дѣлать (приходить), мы сдѣлаемъ, мы придемъ; *2. л.* вы будете дѣлать (приходить), вы сдѣлаете, вы придете; *3 л.* они будутъ дѣлать (приходить), они сдѣлаютъ, они придутъ. *Повелительное наклоненіе 2 л.* сдѣлай ты, дѣлай ты, приходи, приди; *3 л.* пусть онъ дѣлаетъ, пусть сдѣлаетъ, пусть приходитъ, пусть придетъ; *множеств. число 2 л.* дѣлайте вы, сдѣлайте, приходите, придите; *3. л.* пусть они дѣлаютъ, пусть сдѣлаютъ, пусть приходятъ, пусть придутъ.

Спряженіе страдательнаго глагола. *Неопред. наклон.: несоверш. в.* быть любимымъ, *соверш. в.* быть забытымъ. *Изъявительное наклон. настоящ. вр. 1, 2 и 3 л.* я, (ты, онъ, она, оно) любимъ, (-а, -о); я, (ты, онъ, она, оно) забытъ (-а, -о); *множ. ч.* мы (вы, они, онѣ) любимы; мы (вы, онѣ, они) забыты. *Прошедш. вр. единств. ч.* я (ты, онъ, она, оно) былъ (-а, -о) любимъ (-а, -о), я (ты, онъ, она, оно) былъ (-а, -о), забытъ (-а, -о); *множ. ч.* мы (вы, они, онѣ) были любимы; мы (вы, они, онѣ) были забыты. *Будущее вр.* я буду любимъ (-а, о), я буду забытъ (а, -о), ты будешь любимъ (-а, -о), ты будешь забытъ (-а, -о), онъ (она, оно) будетъ любимъ (-а, -о), онъ (она, оно) будетъ забытъ (-а, -о); *множ. ч.* мы будемъ

любимы, забыты, вы будете любимы, забыты, они будутъ любимы, забыты. *Повелительное накл. 2 л. ед. ч.* будь ты любимъ (-а, -о), будь ты забытъ (-а, -о); *3 л.* пусть онъ будетъ любимъ (-а, -о), пусть онъ будетъ забытъ (-а, о); *множеств. ч. 2 л.* будьте вы любимы, будьтс забыты, *3 л.* пусть они будутъ любимы, пусть будутъ забыты.

Задача 114. Проспрягать: носить, смотрѣть, прыгать, найти, стеречь, беречься, укласть, вести, читать, вѣшать, блистѣть, темнѣть, разнести, подъѣхать.

Кромѣ глаголовъ, относящихся къ 1-му и 2-му спряженію есть глаголы, которые спрягаются въ однихъ лицахъ по первому, а въ другихъ по второму спряженію, такіе глаголы называются *неправильными*, напр.: хотѣть—хочу—хочешь, хотимъ, хотятъ; бѣжать—бѣгу—бѣжитъ—бѣгутъ.

Задача 115. Написать неправильные глаголы и проспрягать ихъ.

Есть глаголы, которые употребляются только въ одномъ *3-мъ лицѣ*, а въ прошедш. врем. въ *среднемъ родѣ*, напр. смеркается—смеркалось, разсвѣтаетъ—разсвѣло,—такіе глаголы называются *безличными*.

Задача 116. Написать 10 безличныхъ глаголовъ.

Въ глаголахъ, оканчивающихся въ повелит. накл. ед. числа на *ь*, этотъ мягкій знакъ удерживается и во множ. ч. 2 л. передъ частицею *те*, напр.: сядь—те, кинь—те.

Задача 117. Написать 20 глаголовъ въ повелит. накл. 2 л. ед. ч., оканчивающихся на *ь*, и поставить ихъ во 2 л. множ. ч.

Въ неопред. накл. передъ *ся* пишется *ь*, напр.: кидать—ся, дружить—ся.

Задача 118. Написать 20 глаголовъ неопред. накл., оканчивающихча на *ся*.

Во 2-мъ л. настоящ. и будущ. вр., ед. числа, изъявит. накл. послѣ буквы *ш* пишется *ь* (мягкій знакъ), напр.: смотришь, уйдешь. Этотъ же мягкій знакъ удерживается въ подобныхъ случаяхъ и передъ *ся*, напр.: убережешься, кидаешься.

Задача 119. Написать 20 глаголовъ 2 л. въ наст. и будущ. врем. изъявит. накл.

Глаголы, оканчивающіеся въ прошедш. вр. на *ѣлъ* и *ѣли*, пишутся чрезъ *ѣ*, напр. смотрѣлъ, смотрѣли, велѣлъ—велѣли, хотѣлъ—хотѣли.

Задача 120. Написать 20 глаголовъ въ прош. врем., оканчивающихся на *ѣлъ*.

Причастіе есть отглагольное имя прилагательное, напр.: смотрѣть—смотрятъ—смотрящій, двигать—двигаютъ—двигающій.

Причастіе служитъ для сокращенія придаточныхъ опредѣлительныхъ предложеній, напр.: Мышенокъ, невидавшій свѣта, попалъ было въ бѣду (мышенокъ, который не видалъ свѣта, попалъ было въ бѣду).

Дѣепричастіе есть отглгольное нарѣчіе, напр. глядя, видѣвши.

Дѣепричастіе служитъ для сокращенія придаточн. обстоятельственныхъ, предложеній напр.: Пріѣхавъ въ городъ, я остановился въ гостинницѣ. (Когда я пріѣхалъ въ городъ, то остановился въ гостинницѣ).

6. Нарѣчіе.

Нарѣчіе есть *неизмѣняемая* часть рѣчи, которая показываетъ различныя обстоятельства, напр.: жадно, тихонько, по-маленьку, гдѣ, тамъ, вчера.

Задача 121. Написать 20 нарѣчій.

Задача 122. Выписать всѣ нарѣчія изъ слѣдующихъ предложеній; „Нынче лучше отдохну, завтра то и то начну. Онъ нѣкогда предавался различнымъ развлеченіямъ, теперь ему некогда проводить праздную жизнь.—Гдѣ-гдѣ залаетъ песъ дворовый.—Куда ни посмотришь—вездѣ пусто, только индѣ торчитъ сухой кустарникъ.—Много спалось, много видѣлось.—Отчего ты веселъ? Оттого, что получилъ радостную вѣсть“.

Нарѣчія опредѣляютъ слѣдующія обстоятельства:

1) Обстоятельство *образа дѣйствія и состоянія предмета, или качество его* напр.: умно, пѣшкомъ, по-русски.

Задача 123. Написать 20 нарѣчій, показывающихъ образъ дѣйствія и состоянія предмета, или качество его.

Къ этому виду нарѣчій относятся *количественныя* нарѣчія, напр., однажды, дважды;—*образа выраженія*—напр.: конечно, вѣроятно, подлинно;—а также и *отрицательныя нарѣчія*,—напр.: нѣтъ, не такъ, отнюдь.

Задача 124. Написать 15 нарѣчій: 5—образа выраженія, 5—количественныхъ и 5-отрицательныхъ.

2) *Обстоятельство причины*, напр.: сгоряча, сдуру, спросонокъ.

Задача 125. Написать 10 нарѣчій—причины.

3) *Обстоятельство мѣста*, напр.: вблизи, вдали, здѣсь.

Задача 126. Написать 10 нарѣчій—мѣста.

4) *Обстоятельство времени*, напр.: вчера, сегодня, послѣ.

Задача 127. Написать 10 нарѣчій—времени.

Нѣкоторыя нарѣчія, образовавшіяся изъ именъ прилагательныхъ качественныхъ, *измѣняются по степенямъ сравненія*, напр.: пріятно-пріятнѣе, близко-ближе.

Задача 128. Написать 10 нарѣчій качественныхъ и измѣнить ихъ по степенямъ сравненія.

Нѣкоторыя нарѣчія, образовавшіяся также изъ именъ прилагательныхъ качественныхъ имѣютъ *увеличительную* и *уменьшительную* форму, напр.: глуповато, немножко, тепленько; тихохонько, смирнехонько.

Задача 129. Написать 10 увеличительныхъ и 10 уменьшительныхъ нарѣчій.

Нарѣчія въ сравнительной степени оканчиваются на *ѣе, ѣй, ѣйше*, напр.: покорнѣйше, быстрѣе.

Задача 130. Написать 10 предложеній, въ которыхъ находились бы нарѣчія въ сравнительной степени.

Въ нарѣчіяхъ, образовавшихся изъ старинныхъ дательныхъ и предложныхъ падежей именъ существ. и прилагат., каковы: послѣ, вчернѣ, возлѣ, кромѣ и проч.—принято писать на концѣ букву *ѣ* и вообще, въ окончаніи всѣхъ тѣхъ нарѣчій, которыя по формѣ своей сходны съ этими падежами, напр.: гдѣ, вездѣ, развѣ.

Нарѣчія—прежде, лучше, вообще—имѣютъ на концѣ *е*, нарѣчіе—*наизусть*—имѣетъ на концѣ *ь*. *Поперекъ*—черезъ *к*, а не *г*.—отсюда происходитъ глаголъ *перечить* и существительное—*поперечникъ*. Нарѣчія—по-латыни, кстати—на концѣ имѣютъ *и*, происходятъ отъ существит.—*латынь* и *стать*. Нарѣчіе—*внезапно*—пишется черезъ *е*, потому что образовалось изъ предлога *въ*, отрицательной частицы *не* и старинной формы *запу*.

Нарѣчія образа выраженія, когда стоятъ въ началѣ предложенія, имѣютъ одну *запятую* послѣ себя, напр.: Итакъ, совсѣмъ не мудрено, что разгорѣлося оно!

Когда же они стоятъ въ срединѣ предложенія, то ограждаются съ обѣихъ сторонъ *запятыми*, напр.: Вотъ еслибъ, напримѣръ, съ тобой у насъ такая дружба завелась!

Отрицательная частица—*ни*—пишется слитно съ мѣстоименіями, образуя отрицательныя мѣстоименія, наприм.: никто, никакой, и съ нарѣчіями, напр.: нигдѣ, никуда.

Задача 131. Написать 20 примѣровъ нарѣчій и мѣстоименій съ *ни*.

Ни—отдѣльно употребляется при окончательномъ отрицаніи, напр.: „Про жизнь пустынную какъ сладко *ни* пиши, а въ одиночествѣ способенъ жить не всякій.

Задача 132. Написать 10 предложеній, въ которыхъ было бы отрицаніе *ни*, употребленное отдѣльно.

Ни—отдѣльно употребляется также, когда къ окончательному отрицанію чего-нибудь присоединяется еще какое-нибудь дѣленіе, напр.: „Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда“.

7. Предлогъ.

Предлогъ выражаетъ взаимныя отношенія между предметами, о которыхъ говоримъ въ одномъ и томъ же предложеніи, напр.: книга лежитъ *на* столѣ, книга лежитъ *въ* столѣ, книга лежитъ *подъ* столомъ.

Задача 133. Написать 15 предлоговъ.

Предлогъ есть *служебная* и *неизмѣняемая* часть рѣчи.

Взаимныя отношенія между предметами выражаются въ нашей рѣчи не одними предлогами, но и *падежами*; такимъ образомъ, у предлоговъ и падежей одно назначеніе, чѣмъ, между прочимъ, и объясняется то обстоятельство, что предлогъ всегда *требуетъ падежа* и что онъ только и понятенъ при именахъ существительныхъ.

Падежи показываютъ отношенія между предметами болѣе общія,—а предлоги выражаютъ всѣ частные оттѣнки или особенности этихъ отношеній.

Коренные предлоги слѣдующіе: *безъ (безо), въ (во), для, до, за, изъ (изо), къ (ко), на, надъ (надо), о, объ (обо), отъ (ото), по, про, подъ (подо), предъ (предо), при, ради, съ (со), у* и *черезъ*. Всѣ эти предлоги за исключеніемъ *къ, для*, употребляются и слитно съ другими словами и раздѣльно, смотря по надобности. Предлоги—*къ, для*—всегда отдѣльно отъ другихъ словъ.

Задача 134. Написать 15 предложеній, въ которыя входили бы различные предлоги.

Предлоги—*изъ-за, изъ-подъ*,—составленные изъ двухъ или нѣсколькихъ простыхъ предлоговъ, называются сложными.

Задача 135. Написать 20 сложныхъ предлоговъ.

Сложные предлоги всегда употребляются отдѣльно отъ другихъ словъ.

Частицы: *вз (воз, взо), вы, низ (низо), пере, раз (разо), пра* и *на*, по формѣ очень похожія на предлоги, всегда употребляются слитно съ другими словами, напр.; взводъ, выходъ, низвергнуться, переходъ, разводъ, прадѣдъ, падчерица.

Нарѣчія: *близъ, вдаль, вмѣсто, внутри, внутрь, внѣ, возлѣ, вопреки, впередъ, кромѣ, между, мимо, около, поперекъ, поверхъ, подлѣ, позади, поодаль, послѣ, прежде, противъ, насупротивъ, назади, сверхъ,*

среди—употребляются иногда въ смыслѣ предлоговъ.

Задача. 136. Написать 10 предложеній, въ которыхъ нарѣчія были бы въ смыслѣ предлоговъ.

Предлоги, не требующіе падежа, пишутся всегда *слитно* съ слѣдующими словами, напр: *Раз*горѣлся день огнемъ солнечнымъ, *подо*бралъ туманъ выше темя горъ... Какъ ни *при*манчива свобода, но для *на*рода не меньше гибельна она, когда *раз*умная ей мѣра не дана.

Когда предлоги требуютъ падежа, то всегда *отдѣльно* отъ словъ, ими управляемыхъ, напр.: *Съ* больной головы *на* здоровую. Огурецъ величиною *съ* гору.

Въ слитныхъ частицахъ—*зз, из, низ, раз,*—*з* переходитъ въ *с* передъ: *к, л, т, п, ч, ш, щ,* и *ц,* напр.: Вскипѣла кровь его... Разстрогала рѣчь эта голубка... Какъ расшумѣлся онъ... Восходъ солнца.

Задача 137. Къ словамъ: ходъ, хватъ, катъ, токъ, печь, пить, кипѣть, прибавить: *вз, из, низ, раз.*

Предлоги—*без* и *чрез*—никогда не мѣняютъ буквы *з* на *с*, напр.: чрезполосный, безпокойный.

Задача 138. Написать 10 словъ, съ которыми предлоги *без* и *чрез* писались бы вмѣстѣ.

8. Союзъ.

Союзъ есть такая служебная часть рѣчи, которая служитъ для соединенія предложеній и частей предложеній между собою, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ и взаимное отношеніе связуемыхъ предложеній, напр.: и, а, да, однако.

Къ первообразнымъ союзамъ принадлежатъ: *а; да, же, и, ли, но.*

Большая часть союзовъ производныхъ отъ другихъ частей рѣчи, напр.: *лишь* (лишить), *пусть, пускай* (пустить, пускать), *однако* (одинъ).

Задача 139. Написать 10 союзовъ производныхъ.

Нѣкоторые союзы заимствуются отъ нарѣчій, напр.: *когда-тогда, такъ-какъ.*

По способу употребленія. союзы бываютъ одиночные напр.: *и, а, но, же, да;* повторяемые напр.: *то то, частію—частію;* двойные, употребляются всегда по два вмѣстѣ, напр.: *если—то, какъ, такъ, сколько—столько.*

По значенію связываемыхъ предложеній, союзы дѣлятся на: *соединительные и противительные,* напр.: *и; а.*

Соединительные союзы связываютъ такія предложенія и части ихъ, которыя, по смыслу *согласны* между собою, напр.: *и, да, также, даже, еще притомъ.*

Противительные союзы связываютъ такія предложенія и части ихъ, которыя, по смыслу, не согласны и *противоположны* между собою, напр.: *но, а, же, напротпвъ, да.*

Задача 140. Опредѣлить союзы въ сказкѣ Пушкина „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.

Соединительные союзы раздѣляются на: причинные, напр.: такъ какъ-то, потому-что, оттого-то, посему, чтобы, дабы, и—такъ, слѣдовательно, стало быть; *условные,* напр.: если-то, коль-то; *сравнительные,* напр.: какъ-такъ, такъ же какъ; *послѣдовательные,* напр.: когда-тогда, прежде-нежели; *изъяснительные,* напр.: такъ-что, даже.

Противительные союзы раздѣляются на: противоположные, напр.: но, а, же, *раздѣлительные,* напр.: или-или, либо-либо; *уступительные,* напр.: пускай, хотя, правда—однако.

Если союзу—также—соотвѣствуетъ союзъ *какъ, то-же*—пишется раздѣльно: *такъ же,* напр. Онъ такъ же скоро пишетъ, какъ и ты.—Ты жилъ,—я также могъ бы жить.

Задача 141. Написать 10 предложеній: 5 съ союзомъ *такъ же* и 5—съ *такъ-же.*

Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на союзы—*тоже, оттого-зато*—и на мѣстоименія съ союзами и предлогами—*то же, отъ того, за то,* напр.: За то, что хвалитъ онъ кукушку.—За это платье заплачено дороже вдвое дороже, чѣмъ за то, но зато оно и вдвое лучше,

Союзъ—*потому-что*—имѣетъ двоякое начертаніе: *потому-что,* и *потому-что,* напр.; Мнѣ грустно... потому—что весело тебѣ. Разумѣется, если хотите, оно пріятно, только все же потому, что сердце бьется сильнѣе.

Слѣдуетъ отличать союзы—*такъ-что* и *такъ, что,* напр.: И бережетъ мѣшокъ онъ такъ, что на него ни какъ ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха сѣсть не смѣетъ... Въ мягкихъ муравахъ у насъ пѣсни, рѣзвость всякій часъ, такъ-что голову вскружило.

27

9. Междометіе.

Междометіе есть такая неизмѣняемая часть рѣчи, которая служитъ для выраженія различныхъ отрывочныхъ чувствъ звукоподражаній, напр.: увы! ахъ! ой! эхъ!

Междометія выражаютъ радость: ура! *Смѣхъ:* ха, ха, хи-хи! *Одобреніе.* ай-да! то-то! браво! *Призывъ:* эй! гей! *Увѣреніе:* ей-ей! да! право! *Удивленіе:* а! а! и! ахъ! ай! ба! ба! чу! ой-ли? *Откликъ:* ась! ау! а! *Угрозу:* ага! *Печаль и сожалѣніе:* ахъ! охъ! ахти! увы! *Указаніе:* вотъ! (=в+о+тъ!) вонъ! (=в+о+нъ!) *Понужденіе:* ну-ка! *Пьезрѣніе:* фи! *Запрещеніе:* прочь! тсъ! цыпъ! *Испугъ:* ой! ухъ!

Задача 142. Написать 20 междометій.

Кромѣ указанныхъ междометій есть еще междометія *звукоподражательныя и отглагольныя,* напр.: динь-динь! хлопъ!

Звукоподражательныя междометія подражаютъ звуку безсловеснымъ животнымъ и неодушевленнымъ предметамъ, напр.: ку-ку-реку! бухъ!

Задача 143. Написать 10 звукоподражательныхъ междометій.

Отглагольныя междометія происходятъ отъ глагольныхъ корней и выражаютъ мгновенное дѣйствіе, напр.: толкъ, хвать, бацъ.

Задача 144. Написать 10 отглагольныхъ междометій.

По своему значенію каждое междометіе равняется цѣлому неразвитому предложенію. Поэтому междометіе почти всегда отдѣляется отъ остальной части предложенія или запятой или восклицательнымъ знакомъ.

Нѣкоторыя междометія могутъ служить для выраженія сказуемаго и такимъ образомъ замѣнять глаголы, напр.: Увидѣвши слона, *ну* на него метаться, *и* лаять, *и* визжать, *и* рваться. Здѣсь междометія—*ну, и*—вмѣсто—*стала, начала.*

Задача 145. Написать 5 предложеній, въ которыхъ сказуемое было бы выражено междометіемъ.

10. Составъ словъ (Фонетика).

а) Звуковой составъ словъ.

Каждое слово состоитъ изъ слоговъ, напр.: кни-га, домъ, *а каждый слогъ изъ одного или нѣсколькихъ звуковъ,* напр.: и-м-ѣ-н-і-е, д-о-м-ъ, к-н-и-г-а.

Слогъ есть часть слова, произносимая однимъ затворомъ гортани, напр.: де-ре-во, шля-па, у-до-воль-стві-е.

Задача 146. Списать стихотвореніе „Птичка" Пушкина и раздѣлить слова на слоги.

Всѣ звуки раздѣляются на гласные: а, е, и, і, о, у, ы, ю, я, ѣ, э; *согласные:* б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ, ѳ; *полугласный* й; *безгласные* ъ, ь.

Задача 147. Списать стихотвореніе Кольцова „Ну, тащися, сивка" и подчеркнуть гласные звуки прямою чертою, а согласные—волнистою.

Гласными звуками называются такіе, которые произносятся посредствомъ голоса легко, какъ бы однимъ свободнымъ дыханіемъ, безъ всякаго замѣтнаго участія другихъ органовъ рѣчи, напр.: а, е, и.

Согласными звуками называются такіе, которые произносятся посредствомъ голоса съ нѣкоторымъ усиліемъ дыханія и съ участіемъ разныхъ органовъ рѣчи, напр.: б, в, г, д.

Удареніемъ называется протяженіе слога въ словѣ, напр.: мука̀—му̀ка, замо̀къ—за̀мокъ, воды—во̀ды.

Задача 148. Списать стихотвореніе Лермонтова „Молитва" и поставить ударенія.

Всѣхъ буквъ въ русской азбукѣ 35. Буква есть условный письменный звукъ того, или другого звука.

Всѣ буквы, какъ и звуки, по органамъ произнія дѣлятся на *гласные и согласные.*
Буквы *твердый и мягкій знаки* не выражаютъ собою никакого отдѣльнаго звука, а служатъ только для обозначенія твердаго, или мягкаго произношенія предшествующей согласной буквы, напр.: былъ—быль, цѣлъ—цѣль, кровъ—кровь.

Гласные звуки и буквы, по способу произношенія, дѣлятся *на твердые и соотвѣтствующіе имъ мягкіе,* напр.: а—я; о—ё; э—е (ѣ); у—ю; ы—и, (і).

Согласныхъ звуковъ и буквъ въ русской азбукѣ 21, при чемъ для двухъ звуковъ—звонкаго *г* и гортаннаго *г* (h)—существуетъ одинъ знакъ (*г*), а для одного звука *ф*—два знака—*ф* и *ѳ*.

Буква *ѳ* употребляется въ словахъ, перешедшихъ къ намъ прямо съ греческаго языка напр.: Аѳонъ, Ѳома она соотвѣтствуетъ греческому языку *th;* въ греческихъ словахъ съ этою буквою, пере-

шедшихъ къ намъ изъ другихъ языковъ,—замѣняется *т*, напр.: театръ (вм. ѳеатръ), теорія (вм. ѳеорія).

Задача 149. Написать 20 словъ съ *ѳ*.

Согласные звуки и буквы раздѣляются *по органамъ и по способу произношенія.*

По органамъ произношенія согласные звуки раздѣляются на: 1) *гортанные*: г (д), г (h), к, х, *нёбные* или *язычные*: л, р, н (звуки: л, р, н, м—называются еще *плавными*); *губные*: б, п, в, ф, м; *зубные*: т, д; къ зубнымъ относятся *шипящіе*: ж, ч, ш, щ, и *свистящіе*: з, с, ц.

По способу произношенія согласные звуки дѣлятся на *глухіе* и соотвѣтствующіе имъ *ясные*, напр.: г (д)—к, г (h)—х, д—т, з—с, ж—ш, б—п, в—ф.

Звукъ—*в*—переходитъ въ *л* и наоборотъ, напр.: свобода вм. слобода, сочельникъ вм. сочевникъ.

Задача 150. Написать 5 подобныхъ случаевъ.

Звуки: *г, д, з* переходятъ въ *ж*, напр.: Богъ—Боже, уродъ—урожай, лизать—лижу.

Задача 151. Написать 30 случаевъ перехода *г, д, з* въ *ж*.

Звуки; *к, т, ц* переходятъ въ *ч*, напр.: ликъ—лицо—личико; летѣть—лечу.

Задача 152. Написать 20 случаевъ перехода *к, т, ц* въ *ж*.

Звуки *х* и *с*—въ *ш*, напр.: смѣхъ—смѣшной, красный—краше.

Задача 153. Написать 20 примѣровъ перехода *х* и *с* въ *ш*.

Звуки—*ск, ст*—въ *щ*, напр.: воскъ—вощеный, ростъ—ращу.

Задача 154. Написать 20 примѣровъ перехода *ск, ст* въ *щ*.

Передъ плавными *л, м* и *н* часто *выпадаютъ* изъ слова *д, т, г п*, напр.: плету—плелъ (вм. плетлъ), поду—палъ (вм. падлъ), дать—дамъ (вм. дадмъ, кор. дадъ.), глядѣть — глянулъ (вм. гляднулъ), брызнуть (вм. брызгнуть), уснуть (вм. успнуть).

Задача 155. Написать 20 примѣровъ выпадеденія *д, т, г* и *п* передъ плавными—*л, м* и *н*.

Иногда встрѣчаются случаи *перемѣщенія* звуковъ въ словѣ, напр.: ладонь вм. долонъ (отъ длань), потчивать вм. почтивать (отъ чтить), лакомый вм. алкомый (отъ алкать).

Задача 156. Написать 5 примѣровъ перемѣщенія звуковъ. Изъ согласныхъ звуковъ чаще другихъ вставляются *л* и *н*, напр. ловить—ловлю, купить—куплю, графить—графлю; принять вм. пріять, внушить вм. в-ушить.

Задача 157. Написать 20 примѣровъ на вставку *л* и *н*.

Для устраненія зіянія, т. е. стеченія гласныхъ звуковъ, вставляется *в*, напр.: одѣвать вм. одѣать, давать вм. даать.

Задача 158. Написать 10 примѣровъ на вставку *в*.

Передъ плавнымъ *р* вставляется *т* и *д*, напр.: встрѣча, ноздри.

Когда слово начинается гласнымъ ударнымъ *д*, то приставляется *в*, напр.: вм. оспа, отчимъ, острый—слышится воспа вотчимъ, вострый.

При стеченіи неудобопроизносимыхъ согласныхъ звуковъ вставляются гласные *о* и *е*, напр.: земледѣліе, пароходъ.

Письменно мы передаемъ рѣчь посредствомъ большихъ или прописныхъ и малыхъ буквъ.

Большія буквы пишутся: 1) Въ началѣ рѣчи, послѣ каждой точки, послѣ знаковъ вопросительнаго, восклицательнаго, многоточія, соотвѣтствующихъ точкѣ, напр.: Слышить визгъ! Это женскій голосъ... Взойдемъ... Двери заперты—крики замолкли — шумъ продолжается. 2) Первое слово чужой рѣчи, приводимой послѣ двоеточія между кавычками. 3) Во всѣхъ наименованіяхъ, относящихся къ истинному Богу, напр.: Спаситель, Провидѣніе, Троица,—къ Ангеламъ и святымъ Божіимъ, напр.: Богородица, Св. Григорій Богословъ. 4) Каждое слово, начинающее стихъ. 5) Титулы царствующаго въ Россіи Дома, напр.: Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Государь. 6) Имена существит. собственныя, какъ-то: личныя имена, фамилія, географическія имена. 7) Титулы, званія и величанія всѣхъ государственныхъ чиновъ, когда присоединяются къ собственному имени, напр.: Статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Соколовъ. 7) Названіе разныхъ присутственныхъ мѣстъ, государственныхъ и учебныхъ учрежденій, а также различныхъ обществъ. 9) Названія праздниковъ, недѣль и дней, имѣющихъ особенное церковное значеніе, напр.: Святая недѣля, Преполовеніе. 10) Имена прилагательныя, образованныя изъ именъ сущ. собственныхъ, напр.: Чудское озеро, Балтійское море, Московская губернія. 11) Заглавія книгъ, періодическихъ изданій, стиховъ, статей, стихотвореній, напр.: Ревизоръ Гоголя, Дѣяніе Святыхъ Апостолъ, Новое время. 12) Въ письмахъ—обращенія: Милостивый Государь, Милостивая Государыня, а также — мѣстоименіе 2-го лица—Вы, Васъ, Вамъ, Вами, о Васъ и проч.

Задача 159. Написать по три примѣра на каждый изъ 12 случаевъ употребленія прописной буквы.

б) Грамматическій составъ словъ.

Къ грамматическому составу словъ принадлежитъ—*коренъ приставка и окончаніе,* напр.: по-садить, сад-овник-ъ.

Корнемъ называется извѣстный звуковой комплексъ имѣющій опредѣленное значеніе, напр.: *сад*-ъ, по-*сад*-ить, поли-*сад*-никъ, *сад*-овникъ.

Задача 160. Опредѣлить корень въ слѣдующихъ словахъ: Вода, водный, подводный, водянка, водяная, наводненіе; гора, нагорный, пригорокъ; грѣхъ, грѣшникъ, грѣшить, прегрѣшеніе, согрѣшеніе; сила, сильный, силиться, силачъ, посильный.

Приставкою называется часть слова, стоящая впереди корня, напр.: *по*-садить, *пали*-садникъ.

Задача 161. Приставку отдѣлить, корень подчеркнуть въ слѣдующихъ словахъ: подарить, подарокъ, разговоръ, приговоръ, сговоръ, заговоръ, уговоръ, переговоры, наговоры, узнать, признать, познать, разознать, согрѣть, пригрѣть, подогрѣть.

Окончаніемъ называется часть слова, стоящая послѣ корня, напр.: сад-*ъ*, посад-*ить*.

Задача 162. Отдѣлить окончаніе отъ корня въ словахъ задачи № 161.

Окончаніе раздѣляется на *суффиксы и флексіи*.

Флексіей называется отличительное и относительное окончаніе всѣхъ частей рѣчи. Суффиксомъ называется часть слова, стоящая между корнемъ и флексіей, напр.: сад-овник-ъ (*сад*—корень, *овник*—суффиксъ, *ъ*—флексія).

Суффиксъ называется *производственнымъ* окончаніемъ, потому что при помощи его образуются новыя слова.

Слова, не имѣющія суффиксовъ, называются *первообразными* или *коренными*, напр.: сад-ъ, дом-ъ, кон-ь, коров-а.

Слова съ (производственнымъ окончаніемъ) суффиксомъ называются *производными*, напр.: сад-ик-ъ.

Задача 163. Написать 40 словъ: 20 первообразныхъ и 20 производныхъ и опредѣлить корень, приставку и окончаніе.

При переносѣ словъ изъ одной строки на другую нужно придерживаться слѣдующихъ правилъ: 1) односложныя слова не раздѣляются и не переносятся, напр.: конь, полъ, страхъ; одна гласная буква не оставляется въ концѣ строки, напр.: у-мѣніе, а также и не переносится, напр.: умѣні-е, (можно раздѣлить при переносѣ—умѣніе); 2) при раздѣленіи слова при переносѣ нужно руководиться образованіемъ словъ, т. е. дѣлить на составныя части, напр.: со-зданъ, со-бра-ніе, без-дна. 3) Въ иностранныхъ словахъ не раздѣляются *кс* и *кз*, напр.: Александръ, экзархъ. 4) При двухъ одинаковыхъ, рядомъ стоящихъ согласныхъ буквахъ, одна относится къ предыдущему, а другая къ послѣдующему слогу, напр.: сум-ма, Ан-на. 5) Нѣсколько согласныхъ между двумя гласными переносятся къ слѣдующему слогу, напр.: се-стра; но главная всегда относится къ предыдущему слогу, напр.: дол-женъ, гор-дость. 6) Буква *ъ* всегда относится къ предыдущей согласной и не переносится, а также не переносятся сочетанія: *ье, ьо, ья*, напр.: пись-мо, кольцо, крестья-нинъ. 7) Общее правило—при переносѣ слова раздѣляются на слоги, напр.: ко-ро-ва.

Задача 164. Списать стихотвореніе Некрасова „Морозъ" и раздѣлить слова на части для переноса изъ одной строки въ другую.

в) Логическій составъ словъ.

По логическому составу слова раздѣляются на *простыя и сложныя*.

Простымъ словомъ называется такое, которое состоитъ изъ одного корня, а поэтому и заключаетъ въ себѣ только одно понятіе, напр.: домъ, бумага, жена.

Задача 165. Написать 20 простыхъ словъ.

Сложнымъ словомъ называется такое, которое заключаетъ въ себѣ два, или болѣе понятій, напр.: мореходъ, пароходъ.

Задача 166. Написать 20 сложныхъ словъ.

Сложныя слова образуются двоякимъ образомъ: или простыя слова сливаются въ сложныя такъ, что первое теряетъ свое окончаніе и присоединяется ко второму посредствомъ соединительныхъ, или вставочныхъ гласныхъ *о* и *е*, напр.: ледоходъ, землемѣръ; (такія слова называются сложнослитными) или же каждое слово удерживаетъ свой первоначальный видъ и соединяются посредствомъ маленькихъ тире, напр.: баба-яга, жаръ-птица, хлѣбъ-соль.

Въ сложно-слитныхъ словахъ склоняется только одно послѣднее слово, напр.: пароходъ, парохода, пароходу. Въ неслитносложныхъ словахъ иногда склоняется только одно послѣднее слово, напр.: жаръ-птица, жаръ-птицы, жаръ-птицѣ; иногда же оба слова, напр.: баба-яга, бабѣ-ягѣ, бабу-ягу.

Буква *ѣ* употребляется въ корняхъ, гдѣ слышится звукъ *е*, если только онъ не вставочный, напр.: бѣлый, бѣда, вѣсъ, грѣхъ.

Задача 167. Написать коренныя слова съ буквою *ѣ*.

Въ корнѣ словъ послѣ: *г, к, х*, (исключая *хѣръ*). *ж, ч, ш, щ*—никогда не пишется *ѣ*.

Звукъ *ё* всегда пишется чрезъ *е*, исключая: гнѣзда, звѣзды, сѣдла, цвѣлъ, пріобрѣлъ, позѣвывать, надѣванъ.

Неопредѣленная приставка *нѣ* пишется чрезъ *ѣ*, напр.; нѣ-кто, нѣ-который, нѣ-когда.

Задача 168. Написать 20 словъ съ приствкою *нѣ*.

Въ именахъ прилагательныхъ сравнительной степени въ окончаніяхъ—*ѣйше, ѣе* пишется *ѣ*.

Задача 169. Написать 20 именъ прилагательныхъ сравнительной степени.

Въ прошедш. вр. глаголъ, окончивающійся на *ѣлъ*, пишется чрезъ *ѣ*, напр.: смотрѣлъ, хотѣлъ.

Задача 170. Написать 20 глаголовъ прошед. вр. съ окончаніемъ на *ѣлъ*.

Въ производственномъ окончаніи слово—свирѣль—пишется *ѣ*.

Ѣ употребляется въ производственномъ окончаніи словъ, напр.: свѣдѣніе, сомнѣніе, хотѣніе;—иначе въ отглагольныхъ существительныхъ, произведенныхъ отъ глагола неопредѣл. накл., оканчивающагося на *ѣть*.

Задача 171. Написать 20 отглагольныхъ именъ существит., оканчивающихся на *ѣніе*.

Въ относительныхъ падежахъ *ѣ* пишется въ дательн. и предлож., напр.—книгѣ, о книгѣ.

Во всѣхъ словахъ, перешедшихъ въ нашъ языкъ изъ иностранныхъ, коренной и бѣглый *е* изображается *е*, напр.: медикъ, сцена, театръ, манежъ, гувернеръ.

Задача 172. Написать 20 словъ съ кореннымъ *е*, если же иностранное слово приняло русское отличительное окончаніе и склоняется *ѣ*, напр.: на сценѣ, въ театрѣ, о медикѣ.

Въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ принято писать *ѣ*, такъ какъ въ нихъ *і* выговаривается, какъ *е*. напр.: Апрѣль—Априль, Алексѣй—Алексій, Сергѣй—Сергій.

Въ именахъ собственныхъ, заимственныхъ съ греческаго языка, *аі* (греческій двоегласный знакъ) передается чрезъ *ѣ*, напр.: Матѳѣй—Матвѣй, Елисѣй, Еремѣй.

Въ словахъ: Глѣбъ, Вѣна, Днѣпръ, Днѣстръ и печенѣгъ—принято писать *ѣ*.

Ѣ ставится вмѣсто *і* въ слѣдующихъ словахъ: индѣецъ и индѣйскій (если обозначаетъ и племена или расу).

Въ двухсложныхъ и многосложныхъ словахъ въ которыхъ, кромѣ *ѣ*, есть и *е*, мѣсто *ѣ* узнается по ударенію, напр.: невѣста, телѣга, желѣзо, невѣжда, человѣкъ.

Синтаксисъ.

(Сост. К. Смирновъ).

Понятіе о предложеніи и его членахъ.

Синтаксисъ есть вторая часть грамматики, имѣющая цѣлью—соединеніе отдѣльныхъ словъ въ предложенія и цѣлыхъ предложеній въ связную рѣчь. Прежде всего нужно замѣтить, что *рѣчь* наша состоитъ изъ предложеній. *Предложеніе* есть часть рѣчи, заключающая въ себѣ только одну мысль. Напр. если я скажу: „я приближаюсь къ деревнѣ, когда солнце уже заходило: дѣти играли въ мячъ, собаки бросились мнѣ навстрѣчу“, то въ этой рѣчи выскажу *четыре* самостоятельныхъ мысли, а слѣдовательно самую рѣчь можно раздѣлить на *четыре* предложенія, что и, видно изъ разстановки знаковъ препинанія: каждое предложеніе отдѣляется отъ другихъ какимъ-нибудь знакомъ препинанія.

Далѣе, каждое слово предложенія, кромѣ своего этимологическаго значенія, имѣетъ особое значенія, въ предложеніи. Въ этомъ смыслѣ слова наз. *членами* предложенія. Разли-чаютъ два рода членовъ: *главные,* безъ которыхъ нельзя представить себѣ предложенія и *второстепенные,* которые служатъ для поясненія и могутъ отсутствовать. Главные члены предложенія суть: *подлежащее,* обозначающее тотъ предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи (обыкновенно онъот вѣчаетъ на вопросы: кто? что?), и *сказуемое,* обозначающее то, что говорится о предметѣ, (обыкновенно оно отвѣчаетъ на вопросы: что дѣлаетъ предметъ? что съ нимъ дѣлается? въ какомъ состояніи онъ находится? каковъ онъ?). Въ приведенномъ выше примѣрѣ: „я, солнце, дѣти, собаки“—*подлежащія*; „приближался, заходило, играли, бросились“—*сказуемыя.* Второстепенные члены предложенія суть; *опредѣленія,* указывающія качества, или принадлежность предмета (обыкновенно отвѣчаютъ на вопросы: какой? который? чей?) *дополненія,* дополняющія смыслъ сказуемаго (обыкновенно отвѣчаютъ на вопросы: кого? чего? кому? чему? кого? что? кѣмъ? чѣмъ? о комъ? о чемъ? что дѣлать?) и *обстоятельственныя слова,* указывающія обстоятельства

мѣста (отвѣчаютъ на вопросы: гдѣ? куда? откуда?) *времени* (отвѣчаютъ на вопросы: когда? какъ долго? съ какого до какого времени?) *образа дѣйствія* (отвѣчаютъ на вопросы: какъ? какимъ образомъ?) *причины* (отвѣчаютъ на вопросы: почему? отчего?) и *цѣли* (отвѣчаютъ на вопросы: для чего? зачѣмъ?).

Примѣръ: „по случаю тучъ красное солнышко сегодня не взошло и мы не имѣемъ такого удовольствія весело ѣхать въ графскій лѣсъ для охоты“. *Подлежащія:* „солнышко, мы“; *сказуемыя:* „не взошло, не имѣемъ“; *опредѣленія:* „красное, такого, графскій“; *дополненія:* „удовольствія, ѣхать“; *обстоятельственныя слова:* „по случаю тучъ (причина), сегодня (время), весело (обр. дѣйствія), въ лѣсъ (мѣсто), для охоты (цѣль).

Кромѣ главныхъ и второстепенныхъ частей предложенія, въ рѣчи встрѣчаются слова, къ которымъ обращаемся съ рѣчью; это, такъ наз. *звательныя слова:* по смыслу они представляютъ цѣлое предложеніе, т. к. въ каждомъ звательномъ словѣ скрыта цѣлая мысль. Примѣръ: о, *юность*, гдѣ ты?“ Будучи по смыслу отдѣльнымъ предложеніемъ (услышь юность), звательныя слова отдѣляются отъ другихъ членовъ предложенія знаками препинанія, т. е если оно стоитъ въ началѣ предложенія, то послѣ него ставится запятая, (*Спаситель*, чиста моя вѣра); если въ серединѣ, то запятыя ставятся предъ нимъ и послѣ него (о, *другъ* побудь со мною!); если въ концѣ, то предъ нимъ ставится запятая, а послѣ него знакъ (ну, тащися, *сивка*!).

Задача 1. Выписать изъ хрестоматіи статью и раздѣлить ее на предложенія.

Задача 2. Въ предложеніяхъ предыдущей задачи указать подлежащія буквой *п*, сказуемыя—*с*, опредѣленія—*о*, дополненія—*д*, обстоятельственныя слова—*об.*, звательныя—*з*.

Выше мы сказали, что въ каждомъ предложеніи должны быть: подлежащее и сказуемое. Однако, есть исключенія. Первое такое исключеніе мы видѣли въ звательныхъ словахъ, которыя однимъ словомъ выражаютъ мысль, т. е. составляютъ предложеніе. Далѣе, иногда подлежащее, или сказуемое не выражается, если оно очевидно и легко подразумѣвается, напр.: „идемъ домой“ (вмѣсто „мы идемъ домой“), смотри, дождь—(вмѣсто: „смотри ты, дождь идетъ“). Предложенія, въ которыхъ подлежащее и сказуемое имѣются на лицо, наз. *полными;* а тѣ, въ которыхъ одинъ изъ главныхъ членовъ подразумѣвается, наз. *неполными.* Наконецъ, есть такія предложенія, въ которыхъ подлежащее никогда не выражается, напр.: „морозитъ, свѣтаетъ, смеркается“. Каждое изъ такихъ словъ является предложеніемъ (т. к. выражаетъ мысль), хотя подлежащаго нѣтъ. Такія предложенія наз. *безличными* въ отличіе отъ *личныхъ*, употребляемыхъ съ подлежащими.

Задача 3. Написать нѣсколько предложеній полныхъ, неполныхъ, личныхъ и безличныхъ.

Задача 4. Изъ какой нибудь статьи хрестоматіи выписать всѣ предложенія полныя, неполныя, личныя и безличныя.

Выше мы сказали, что въ составъ предложенія должны входить члены главные и могутъ входить члены второстепенные. Если предложеніе состоитъ изъ главныхъ и второстепенныхъ членовъ, то оно наз. *распространеннымъ* (напр.: „странные звуки слышались иногда въ этомъ домѣ“). Если-же предложеніе состоитъ только изъ главныхъ членовъ, то оно наз. *краткимъ* (напр.: „звуки слышались“).

По отношенію другъ къ другу, предложенія бываютъ: главныя, придаточныя, вводныя и вносныя.

Главнымъ предложеніемъ наз. такое, которое является независимымъ отъ другихъ предложеній; *придаточнымъ*—наз. такое, которое зависитъ отъ главнаго и служитъ для поясненія какого-нибудь отдѣльнаго члена главнаго предложенія (иначе сказать: придаточное предложенія есть второстепенный членъ, распространенный въ цѣлое предложеніе). Примѣры: „человѣкъ, который приходилъ сегодня, знаетъ тебя“: „онъ хочетъ того, чего нѣтъ“; „тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ“. Здѣсь *главными* предложеніями будутъ: „человѣкъ знаетъ тебя“, „онъ хочетъ того“, „тамъ хорошо“; а *придаточными:* „который приходилъ сегодня“, „чего нѣтъ“, „гдѣ насъ нѣтъ“; Первое—служитъ *опредѣленіемъ* къ слову „человѣкъ“, второе—*дополненіемъ* къ слову „того“, третье—*обстоятельствомъ* къ слову „тамъ“.

Вводныя предложенія суть такія, которыя не имѣютъ связи съ главнымъ и вводятся для общаго поясненія, напр.: земля, (*какъ говорятъ астрономы*), движется около солнца. „Здѣсь предложеніе „какъ говорятъ астрономы“—вводное: свойство его таково, что оно можетъ быть выкинуто безъ нарушенія смысла. Иногда вводныя предложенія выражаются однимъ словомъ, напр. „дорога, *говорятъ*, плоха. Слово—„говорятъ“—вводное.

Вносныя предложенія суть такія, которыя представляютъ собой подлинныя слова другого лица; они отдѣляются отъ главнаго—двоеточіемъ и ограждаются ковычками, напр.:—псари кричатъ: „*ахти, ребята, воръ*“. Предложеніе—„ахти, ребята, воръ“—вносное, при чемъ видимъ, что въ немъ есть вводное слово—ребята.

Задача 5. Написать нѣсколько предложеній главныхъ съ придаточными, вносными и вводными и указаніе ихъ.

Задача 6. Изъ какой-нибудь статьи хресто-

матіи выписать предложенія главныя, придаточныя, вводныя и вносныя.

Если мысль ограничивается однимъ главнымъ предложеніемъ, гдѣ одно подлежащее и одно сказуемое, то такое предложеніе наз. *простымъ*, напр. „поздняя осень, грачи улетѣли, лѣсъ обнажился, поля опустѣли, только не сжата полоска одна, грустную думу наводитъ оиа".

Если для выраженія мысли служатъ не только главныя предложенія, а также придаточныя, то получается *сложное* предложеніе, напр.; „грачи, улетѣвъ на югъ, оставили наши поля, покрытыя снѣгомъ".

Отъ сложныхъ предложеній отличаютъ *составныя*, образующіяся изъ соединенія главныхъ, напр.: „хотя земля, какъ доказываютъ астрономы, движется около солнца, однако и солнце не стоитъ на мѣстѣ и движется около какого-то тѣла, недоступнаго для нашего наблюденія".

Есть еще одинъ видъ предложеній, которыя наз. *слитными*: это такія, въ которыхъ имѣется по нѣсколько подлежащихъ, или другихъ частей предложенія сказуемыхъ, и которыя могутъ быть разложены на нѣсколько простыхъ, напр.; „*и разсудокъ, и сердце, и память* губя, я не даромъ такъ жарко цѣлую тебя." Первое предложеніе, будучи придаточнымъ, является также слитнымъ и можетъ быть раздѣлено на три „и разсудокъ губя", „и сердце губя", „и память губя".

Задача 7. Подыскать нѣсколько предложеній простыхъ, сложныхъ, составныхъ и слитныхъ.

Выраженіе членовъ предложенія частями рѣчи.

Познакомившись съ предложеніемъ и его членами, посмотримъ—съ помощью какихъ частей рѣчи выражается каждый изъ членовъ предложенія.

Подлежащее есть главный предметъ предложенія, отвѣчающій на вопросы: кто? что? что дѣлать? слѣдовательно самой обыкновенной формой для его выраженія является *именительный падежъ имени существительнаго и личнаго мѣстоименія* (напр.: *человѣкъ* мыслитъ, *онъ* идетъ), а также *неопредѣленное наклоненіе глагола*, употребляемое вмѣсто существительныхъ именъ (напр.: „пріятно *слушать*" вмѣсто „слушаніе пріятно"). Кромѣ того, подлежащее можно выражать *именемъ прилагательнымъ, мѣстоименіемъ. существительнымъ неопредѣленнымъ количественнымъ нарѣчіемъ въ соединеніи съ род. пад. имени сущ. и междометіемъ*; во всѣхъ этихъ случаяхъ, подразумѣвается имя существительное, напр.: „*счастливые* (разумѣютъ—люди) часовъ не наблюдаютъ"; „*кто—то* (разумѣютъ—какой-то человѣкъ) пріѣхалъ"; „*сколько* славныхъ именъ хранитъ исторія"; (здѣсь къ подлежащему—сколько—присоединяется имя въ родит. падежѣ); „*эй*—раздалось позади" (подлежащее—эй, являясь междометіемъ, получаетъ значеніе имени существительнаго отвлеченнаго).

Сказуемое есть то слово, которое говоритъ о подлежащемъ: что дѣлаетъ оно? что съ нимъ дѣлается? въ какомъ состояніи оно находится? каково оно? Слѣдовательно, для выраженія сказуемаго служитъ *глаголъ* (напр. „крестьянинъ *ѣдетъ* въ городъ"), а также имя *прилагательное*, или *существительное* въ соединеніи съ вспомогательнымъ глаголомъ (напр.: „люди *хитры*, кони *были сильны*, ракъ *не рыба*, онъ *будетъ докторъ*). Какъ видно, вспомогательный глаголъ „быть" употребляется только въ прошедшемъ и будущемъ времени, а въ настоящемъ—опускается.

Опредѣленія отвѣчаютъ на вопросы: какой? который? чей? слѣдовательно выражаются именемъ *прилагательнымъ, числительнымъ, мѣстоименіемъ* и *существительнымъ* (напр.: „*громкія* пѣсни пѣли солдаты—*герои*: это *ихъ пятая* побѣда").

Дополненія выражаются именами *существительными, прилагательными, числительными,, мѣстоимѣніями и неопредѣленнымъ наклоненіемъ глагола* (напр.: „онъ далъ ей *книгу*", „слабый побѣжденъ *сильнымъ*", „зови сюда *перваго*", „любишь *кататься*, люби и саночки *возить*".

Обстоятельственныя слова выражаются обыкновенно нарѣчіями, но съ помощью предлоговъ можно выражать ихъ и другими частями рѣчи, преимущественно именами (напр.: „*тамъ* чудеса *вчера* видѣли", „жить ему *хорошо*", „*почему* нельзя выходить?" „останьтесь *для насъ*", „у *города* стояла толпа").

Звательныя слова выражаются именительнымъ падежомъ имени существительнаго, или другой части рѣчи, замѣняющей имя существительное (напр.: „*человѣкъ*, подай вина", „эй, *ты*, сторонись"," „*слѣпой*, сворачивай съ дороги").

Задача 8. Написать по пяти случаевъ выраженія подлежащаго именемъ существительнымъ, прилагательнымъ, личнымъ мѣстоименіемъ, неопредѣленнымъ мѣстоимѣніемъ,, глаголомъ, нарѣчіемъ и междометіемъ.

Задача 9. Написать по пяти случаевъ выраженія сказуемаго глаголомъ, именемъ прилагательнымъ и именемъ существительнымъ.

Задача 10. Написать по пяти случаевъ выраженія опредѣленій именемъ прилагательнымъ и именемъ существительнымъ.

Задача 11. Написать по пяти случаевъ выраженія дополненій именемъ существительнымъ, прилагательнымъ, числительнымъ, мѣстоименіемъ и глаголомъ.

Задача 12. Написать по пяти случаевъ съ различными видами обстоятельствъ: мѣста, времени, образа дѣйствія, причины и цѣли.

Согласованіе словъ*). Познакомившись съ отдѣльными членами предложенія и съ выраженьемъ ихъ частями рѣчи, перейдемъ къ *согласованію словъ*. Въ каждомъ предложеніи отдѣльные члены его согласуются между собою. *Согласованіе* состоитъ въ томъ, что два члена предложенія стоятъ въ одномъ и томъ же *родѣ, числѣ, падежѣ* и *лицѣ*.

Сказуемое согласуется съ подлежащимъ, опредѣлительныя слова—съ опредѣляемыми. Разсмотримъ сначала *согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ*. Сказуемое—глаголъ согласуется со своимъ подлежащимъ въ лицѣ, числѣ, а въ прошедшемъ времени и въ родѣ (напр.: „*поднялся* вдругъ весь царный *дворъ*"). Находясь при нѣсколькихъ подлежащихъ, сказуемое—глаголъ ставится обыкновенно во множественномъ числѣ (напр.: „*Комендантъ, Иванъ Игнатьичъ* и *я*—мигомъ очутились за крѣпостной стѣной). Если подлежащія принадлежатъ къ разнымъ лицамъ, то сказуемое глаголъ ставится въ лицѣ преимущественномъ (первое лицо считается преимущественнымъ предъ вторымъ, второе—предъ третьимъ), напр.: „ты и твоя мать *пойдете* въ церковь". При подлежащемъ, выраженномъ количественнымъ нарѣчіемъ (или неизмѣняемою частью рѣчи), глагольное сказуемое ставится въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа, а въ прошедшемъ времени и въ среднемъ родѣ, напр.: „такъ мало *прожито*, такъ много *пережито*", „въ лѣсу не смолкало ау".

Задача 13. Выписать изъ какой-нибудь басни всѣ глагольныя сказуемыя и тѣ подлежащія, съ которыми они согласуются.

Нѣкоторыя особенности въ употребленіи временъ при глагольныхъ сказуемыхъ. Настоящее время, кромѣ обычнаго своего употребленія, ставится еще въ тѣхъ случаяхъ, когда говорится о *постоянномъ признакѣ* предмета (напр.: „собаки лаютъ на чужихъ"). Иногда для большей ясности разсказа прошедшее время замѣняютъ настоящимъ (напр.: „какъ нынѣ *сбирается* вѣщій Олегъ") такое настоящее время называется историческимъ. Особенно часто, вмѣсто прошедшаго времени, употребляется настоящее или будущее при глаголѣ—*бывало* (напр.: „бывало часто *говорю* ему: ну, что, братъ, Пушкинъ?", „бывало, *пойдемъ* съ нею въ лѣсъ"). Нерѣдко настоящее время ставится и вмѣсто будущаго, когда говорящій увѣренъ, что будущее непремѣнно должно осуществиться (напр.: „завтра же *ѣдемъ*").

Задача 14. Составить четыре примѣра, въ которыхъ выражались бы вышеуказанныя особенности въ употребленіи временъ при глагольномъ сказуемомъ.

Употребленіе наклоненій въ личномъ предложеніи. Въ большинствѣ случаевъ сказуемое—глаголъ ставится въ изъявительномъ наклоненіи. Но иногда для того, чтобы указать на *мгновенность* дѣйствія, изъявительное наклоненіе замѣняютъ междометіями: *хвать, шасть, толкъ* и т. д. (напр.: „и рукою дерзновенной *хвать* за вражескій вѣнецъ"). Когда же нужно выразить *длительность* дѣйствія, употребляютъ междометіе *ну* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, напр.: „ершъ *ну рваться* и кричать". Въ предложеніяхъ вопросительныхъ и восклицательныхъ сказуемое выражается иногда не глаголомъ, а мѣстоименіемъ *что* съ частицею *за*, напр.: „что-за бѣда!" Въ предположительныхъ предложеніяхъ сказуемое—глаголъ употребляется въ сослагательномъ наклоненіи, которое, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ замѣняется изъявительнымъ съ прибавленіемъ частицъ *бы* и *было*, напр.: „не *сдѣлалъ бы* этого никогда", „онъ *собрался-было* ѣхать, да раздумалъ". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сослагательное наклоненіе для большей выразительности замѣняется повелительнымъ, напр.: „не *будь* меня, коптѣлъ бы ты въ Твери". Въ предложеніи повелительномъ глагольное сказуемое ставится въ повелительномъ наклоненіи, напр.: „вы *подуйте* съ горъ, вѣтры буйные". Иногда для смягченія повелѣнія къ повелительному наклоненію прибавляется частица—*ка* (напр.: „послушай-ка, дружище!"). Когда въ повелительномъ предложеніи выражается приказаніе, или просьба, въ исполненіи которыхъ желаетъ участвовать самъ говорящій, тогда сказуемое, вмѣсто повелительнаго наклоненія, ставится въ будущемъ времени изъявительнаго (напр.: „покаемся, любезные друзья"); иногда, вмѣсто этого оборота, употребляются слова: *давайте, начнемъ, станемъ*, причемъ глаголъ, выражающій желаемое дѣйствіе, ставится въ неопредѣленномъ наклоненіи, напр.: „*начнемъ просить* его". Въ молитвенныхъ воззваніяхъ повелительное наклоненіе замѣняется церковно-славянскою формою: *да будетъ, да исполнится* и т. д.

Задача 15. Написать по пяти примѣровъ выраженія глагольнаго сказуемаго наклоненіями: изъявительнымъ, повелительнымъ и сослагательнымъ.

Различныя формы выраженія глагольнаго сказуемаго въ безличномъ предложеніи. Въ безличныхъ предложеніяхъ глагольное сказуемое

*) Сост. Н. Л. Моррисонъ.

выражается безличными глаголами, — большею частью тогда, когда рѣчь идетъ о явленіяхъ природы, или о душевномъ состояніи человѣка, напр.: „съ юга *пахнуло* тепломъ“, „безъ Мишеньки *тошнится*“. Въ другихъ случаяхъ сказуемое выражается глаголами личными: въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа („воронъ ни *жарятъ*, ни *варятъ*“) и во 2-мъ лицѣ единств. числа („что *посѣешь*, то *пожнешь*“). Въ значеніи безличныхъ глаголовъ употребляются иногда имена существительныя и нарѣчія, напр.: „прощай Онѣгинъ, мнѣ *пора*“, „*жаль* бѣднаго старика.“ Особенно важную роль въ безличныхъ предложеніяхъ играетъ *неопредѣленное наклоненіе*. Иногда оно является сказуемымъ, замѣняя собою сослагательное наклоненіе („не говори такъ громко: не *попасться бъ*“), иногда употребляется вмѣсто будущаго времени изъявительнаго наклоненія („ужъ *не видать* мнѣ свѣтлыхъ дней“, вмѣсто „ужъ *не увижу* я“), наконецъ, нерѣдко оно замѣняетъ собою повелительное наклоненіе, если воля говорящаго лица непремѣнно должна быть исполнена („*Вѣшать* его, сказалъ Пугачевъ).“

Задача 16. Написать нѣсколько безличныхъ предложеній, гдѣ сказуемое—глаголъ выражалось бы неопредѣленнымъ наклоненіемъ.

Согласованіе съ подлежащимъ сказуемаго—прилагательнаго. Сказуемое прилагательное согласуется со своимъ подлежащимъ въ родѣ, числѣ и падежѣ, напр.: „на словахъ *легка услуга*.“ Находясь при нѣсколькихъ подлежащихъ, сказуемое—прилагательное ставится обыкновенно во множественномъ числѣ, напр.: „*прекрасны* здѣсь лѣса, рѣка и горы.“ Впрочемъ, бываютъ случаи, когда сказуемое—прилагательное, относясь ко многимъ подлежащимъ, согласуется только съ ближайшимъ изъ нихъ и потому ставится въ единственномъ числѣ. напр.: „мнѣ *пріятенъ* городской шумъ и постоянная суета на улицахъ.“ Когда подлежащее выражено неопредѣленнымъ наклоненіемъ, сказуемое—прилагательное *всегда* ставится въ единственномъ числѣ и въ среднемъ родѣ, не исключая даже тѣхъ случаевъ, когда подлежащихъ нѣсколько, напр.: „*полезно* ѣздить верхомъ, плавать, грести.“ Въ томъ же родѣ и числѣ ставится прилагательное—сказуемое и въ тѣхъ безличныхъ предложеніяхъ, гдѣ прилагательное замѣняетъ собою безличный глаголъ, а существительное превращается въ дополненіе, напр.: „*скучно, грустно* мнѣ, православный царь.“ Для полнаго согласованія съ подлежащимъ сказуемое—прилагательное (какъ и существительное) требуетъ вспомогательныхъ глаголовъ, напр.: „ея сестра *звалась* Татьяна.“ *Звалась*—служитъ здѣсь вспомогательнымъ глаголомъ. Вспомогательный глаголъ *быть*—всегда опускается въ настоящемъ времени, напр.: „эта картина (есть) прелестна.“ Въ противоположность ему, глаголъ *бывать* не опускается никогда. напр.: „иногда и кошки *бываютъ* очень ласковы.“

Задача 17. Отыскать въ какой-нибудь статьѣ изъ хрестоматіи всѣ предложенія со сказуемыми прилагательными и объяснить согласованіе этихъ сказуемыхъ съ подлежащими.

Согласованіе съ подлежащимъ сказуемаго—существительнаго. Мы видѣли, что сказуемое прилагательное согласуется со своимъ подлежащимъ въ родѣ, числѣ и падежѣ. Сказуемое же существительное согласуется съ подлежащимъ только въ падежѣ, а въ родѣ и числѣ можетъ не согласоваться, напр.: „*стишки* для васъ—одна *забава*.“ Въ родѣ сказуемое существительное согласуется съ подлежащимъ только тогда. когда имя его имѣетъ особыя окончанія для мужскаго и женскаго рода, напр.: „онъ—ремеслен*никъ*, она—ремеслен*ница*.“ Находясь при нѣсколькихъ подлежащихъ, поставленныхъ въ единственномъ числѣ, или въ разныхъ числахъ, сказуемое—существительное употребляется обыкновенно во множественномъ числѣ, напр.: „Ока и Волга—большія *рѣки*.“ Выше мы сказали, что сказуемое существительное согласуется со своимъ подлежащимъ только въ падежѣ. Но иногда даже этого не бываетъ, напр. въ предложеніи: „и *онъ* мнѣ *спасителемъ* былъ“—подлежащее стоитъ въ именительномъ падежѣ, а сказуемое—существительное—въ творительномъ. Въ большинствѣ случаевъ съ подлежащимъ согласуется (т. е. ставится въ именительномъ падежѣ) такое сказуемое—существительное, которое указываетъ на *постоянный* признакъ предмета („она—*умница*“) если же сказуемое—существительное обозначаетъ признакъ *случайный*, оно ставится въ творительномъ падежѣ (она стала *лѣнтяйкой*“). Впрочемъ, на практикѣ отъ этого правила допускается много отступленій.

Вспомогательный глаголъ—*быть*—при сказуемомъ—подлежащемъ въ настоящемъ времени большею частью подразумѣвается, въ прошедшемъ же будущемъ онъ не опускается никогда. Всѣ вспомогательные глаголы (*быть*, *бывать*, *статъ* и др.) согласуются съ подлежащимъ въ лицѣ, числѣ, а въ прошедшемъ времени и въ родѣ, напр.: „и *сдѣлалась* моя *Матрена* ни пава, ни ворона.“ Но бываютъ такіе случаи, когда авторъ согласуетъ вспомогательный глаголъ не съ подлежащимъ, а съ самимъ сказуемымъ, напр.: „Вѣра *былъ вожатый* мой“, здѣсь вспомогательный глаголъ согласованъ не съ подлежащимъ—вѣра, а со сказуемымъ—вожатый. Глаголъ *быть*, служа сказуемымъ, постоянно употребляется въ единственномъ числѣ, хотя бы подлежащее стояло во множественномъ, напр.: „*есть люди*, которые всѣмъ завидуютъ.“

Задача 18. Въ какой—нибудь статьѣ изъ хрестоматіи отыскать нѣсколько предложеній со сказуемыми—существительными и объяснить какимъ образомъ эти сказуемыя согласуются со своими подлежащими.

Согласованіе опредѣлительныхъ словъ съ опредѣляемыми Мы разсмотрѣли какъ согласуются различнаго вида сказуемыя со своими подлежащими. Перейдемъ теперь къ согласованію опредѣлительныхъ словъ съ опредѣляемыми. Какъ мы знаемъ, опредѣленія бываютъ двухъ родовъ: *опредѣленія—прилагательныя* и *опредѣленія существительныя*. Опредѣленіе прилагательное составляетъ со своимъ опредѣляемымъ какъ бы одно понятіе, поэтому согласуется съ нимъ во всемъ—въ родѣ, числѣ и падежѣ, напр.: „погасло *дневное свѣтило*, на *море синее вечерній* палъ *туманъ*". Находясь при нѣсколькихъ разнородныхъ опредѣляемыхъ, опредѣленіе—прилагательное ставится во множественномъ числѣ, а изъ родовъ отдаетъ предпочтеніе въ согласованіи мужскому роду, напр.: „показались король и королева окружен*ные* (а не окружен*ныя*) свитою".

Знаки препинанія: Если въ предложеніи стоятъ рядомъ нѣсколько прилагательныхъ, опредѣляющихъ предметъ съ одной какой-нибудь стороны, то они отдѣляются другъ отъ друга запятыми, напр.: „я нашелъ въ немъ любезнаго, добродушнаго, искренняго человѣка." Если же находящіяся рядомъ прилагательныя опредѣляютъ предметъ съ разныхъ сторонъ, запятыхъ между ними не ставятъ, напр.: „я купилъ большую соломенную шляпу."

Задача 19. Въ какой-нибудь баснѣ отыскать всѣ опредѣленія—прилагательныя и объяснить ихъ согласованія съ опредѣляемыми.

Согласованіе опредѣленій—существительныхъ. Опредѣленіе—существительное *(приложеніе)* согласуется со своимъ опредѣляемымъ только въ падежѣ, въ родѣ же и числѣ можетъ и не согласоваться, напр.: „*признакъ* Бога, *вдохновенье*, для нихъ и чуждо и смѣшно." Въ родѣ приложеніе согласуется съ опредѣляемымъ только тогда, когда имя его имѣетъ особыя окончанія для мужскаго и женскаго рода („корми*лецъ*—батюшка" „корми*лица*—матушка").

Знаки препинанія. Находясь предъ опредѣляемымъ, приложеніе не имѣетъ при себѣ знака, или соединяется съ опредѣляемымъ словомъ черточкою, напр.: „голубушка—сосѣдка." Если же оно стоитъ послѣ опредѣляемаго слова, то отдѣляется отъ него запятою („старый Власъ, старикъ сѣдой"). Находясь въ срединѣ предложенія, приложеніе съ обѣихъ сторонъ ограждается запятыми. („Льву, кесарю лѣсовъ, Богъ сына даровалъ"). Заглавія книгъ, приводимыя въ видѣ приложеній, ставятся во вносныхъ знакахъ, или между двумя тире, напр.: „Романъ Достоевскаго—Братья Карамазовы—имѣлъ громадный успѣхъ".

Задача 20. Написать пять предложеній съ опредѣленіями—существительными и уяснить себѣ согласованіе ихъ съ опредѣляемыми словами.

Согласованіе числительныхъ количественныхъ. Числительныя порядковыя по своему согласованію ничѣмъ не отличаются отъ прилагательныхъ.

Но имена числительныя количественныя имѣютъ въ согласованіи нѣкоторыя особенности. Количественныя—*два, три, четыре, оба, полтора*—согласуются со своими опредѣляемыми во всѣхъ падежахъ („изба освѣщена *двумя* сальными свѣчками"), кромѣ именительнаго и винительнаго, гдѣ они требуютъ послѣ себя родительнаго падежа. Послѣ количественныхъ—*два, три, четыре, полтора*,—родительный падежъ ставится въ единств. числѣ (напр: „деревня, гдѣ я провелъ два *года* незамѣтныхъ"), послѣ количественныхъ, начиная съ *пяти*, и послѣ собирательныхъ—родительный падежъ ставится во множественномъ числѣ (напр.: „на пространствѣ пяти *верстъ* были разбросаны толпы народа"). Количественныя, употребленныя съ предлогомъ *по*, всегда требуютъ послѣ себя существительнаго въ родит. падежѣ множественнаго числа, напр.: „они получили *по* двѣнадцати *рублей*".

Когда при имени существительномъ, которое служитъ опредѣленіемъ къ числительнымъ: *два, три, четыре, оба*, бываетъ опредѣленіе, то послѣднее ставится въ именительномъ или въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, напр.: „здѣсь я провелъ два года *незамѣтныхъ*." Сказуемое—глаголъ при подлежащемъ—числительномъ количественномъ употребляется: или во множественномъ числѣ (когда подлежащее отвѣчаетъ на вопросъ: *кто* и *что*? напр.: „пѣли три солдата"), или въ единственномъ (когда подлежащее отвѣчаетъ на вопросъ—сколько?—„десять тысячъ воиновъ *легло* на полѣ битвы").

Задача 21. Написать десять примѣровъ на вышеуказанныя особенности въ согласованіи числительныхъ и количественныхъ.

Управленіе словъ. Познакомившись съ согласованіемъ словъ, перейдемъ теперь къ управленію словъ. *Управленіемъ словъ называется такое соотношеніе ихъ, по которому одно слово требуетъ, чтобы другое, отъ него зависящее, находилось въ томъ или другомъ падежѣ*. Напр., въ предложеніи: „ты внемлешь *грохоту* громовъ и *гласу* бури и валовъ", слова *грохоту* и *гласу* стоятъ въ дательномъ падежѣ, потому что этого требуетъ глаголъ—*внемлешь*. Тѣ слова, которыя требуютъ

отъ другихъ словъ извѣстнаго падежа, называются *управляющими* словъ, а слова, зависящія отъ нихъ — управляемыми. Управленіе бываетъ двухъ родовъ; *непосредственное*, когда управляющее слово требуетъ послѣ себя извѣстнаго падежа *безъ предлога* („онъ былъ лѣтъ сорока" и *посредственное*, когда управляющее слово требуетъ послѣ себя извѣстнаго падежа *при посредствѣ предлога* („по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ"). Какъ посредственное, такъ и непосредственное управленіе выражается только косвенными падежами.

Задача 22. Написать два примѣра на непосредственное управленіе и два—на посредственное.

Управленіе словъ непосредственное. Важнѣйшіе случаи употребленія родительнаго падежа. Родительный падежъ можетъ служить опредѣленіемъ и въ этомъ случаѣ называется родительнымъ опредѣлительнымъ. Онъ обозначаетъ: во—первыхъ, *принадлежность* одного предмета другому („мнѣ чувство *матери* одно теперь лишь мило"), во—вторыхъ, указываетъ на *качество* предмета (родительный описательный), напр.: „герой нашъ былъ осмотрительно *охлажденнаго характера*".

Родительнаго падежа требуютъ всѣ имена существительныя, означающія мѣру, вѣсъ, и существительныя собирательныя (напр. „много у него *добра, мѣховъ*"). Родительный падежъ служитъ дополненіемъ къ глаголамъ дѣйствительнаго залога, когда дѣйствіе переходитъ не на весь предметъ, а *только на часть* его, напр.: „онъ проситъ *хлѣба* и *воды* (т. е. часть хлѣба и воды"). Родительнаго падежа, какъ прямого дополненія требуютъ глаголы съ отрицаніемъ *не*, напр.: „еще не кончилъ онъ *отвѣта*". Этотъ уже падежъ служитъ дополненіемъ при глаголахъ, означающихъ: требованіе, желаніе, опасеніе, отвращеніе, стыдъ, надежду и т. д., напр.: „людской чуждается *молвы*", „я ищу свободы и покоя", „я боюсь простуды". Родительнаго падежа, какъ дополненія, требуютъ и прилагательныя: полный, достойный и чуждый, напр.: „сынъ, достойный своего славнаго *отца*". Этотъ же падежъ, какъ грамматическое дополненіе, ставится при безличныхъ глаголахъ, когда говорится о количествѣ чего-нибудь (напр. „для безбѣднаго существованія *довольно* и *этого*"), при всѣхъ нарѣчіяхъ и при словѣ *жаль*, употребленномъ въ смыслѣ безличнаго глагола („жаль бѣдняка"). Родительный падежъ употребляется также при формѣ сравнительной степени: „Я ль на свѣтѣ *всѣхъ* милѣй, *всѣхъ* румянѣй и бѣлѣй". Этотъ же падежъ выражаетъ обстоятельство времени на вопросъ: когда именно? (напр: „Онъ родился *двадцатаго іюля 1880-го года*".).

Задача 23. Написать 10 примѣровъ, гдѣ управляющія слова требовали бы родительнаго падежа.

Важнѣйшіе случаи употребленія дательнаго падежа. Въ дательномъ падежѣ ставится названіе предмета, въ пользу или во вредъ котораго совершается означенное дѣйствіе, напр.: „бури сѣвера не вредны русской *розѣ*". Дательный падежъ служитъ также для обозначенія предмета, которому что-либо свойственно, нужно, пріятно (или наоборотъ), напр.: „*дѣлу*—время, *потѣхѣ*—часъ". Глаголы безличные, выражающіе какое-либо чувствованіе, требуютъ дополненія въ дательномъ падежѣ. напр.: „*показалось мнѣ*, что гдѣ-то звонятъ". Дательный падежъ употребляется, наконецъ, и при неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ, выражающихъ: необходимость, возможность, повелѣніе, напр.: „ужъ надъ тобою быть *грѣху*".

Задача 24. Написать по примѣру на каждый случай употребленія дательнаго падежа.

Важнѣйшіе случаи употребленія винительнаго падежа. Обыкновенно въ винительномъ падежѣ ставится названіе того предмета, на который (*на весь* предметъ) обращено дѣйствіе подлежащаго, напр. „меня вы *бѣдную* не погубите". Нерѣдко винительнымъ падежомъ выражаются обстоятельства: *мѣста* („нужно итти еще *версты двѣ*"), *времени* („*каждый день* я ждала ее"), *образа дѣйствія* въ значеніи мѣры, счета („прошли шаговъ *десятковъ пять*").

Задача 25. Написать четыре примѣра на употребленіе винительнаго падежа.

Важнѣйшіе случаи употребленія творительнаго падежа. Творительный падежъ употребляется для обозначенія предмета (или орудія), дѣйствующаго при глаголахъ страдательнаго залога, напр.: „создана ужъ такъ она *природой*", „рожь срѣзали *серпами*".

Это—творительный образъ дѣйствія. Есть еще творительный усиленія, который употребляется только для того, чтобы усилить какое-нибудь понятіе, напр.: „*стономъ* — стонали верхушки осинъ", „она *крикомъ*—кричала надъ своимъ сыномъ". Творительный падежъ ставится и для означенія отношенія (на вопросъ: въ какомъ отношеніи?), напр.: „*умомъ* и *добротою* онъ выдѣлялся изъ всѣхъ". Творительный падежъ употребляется также и для выраженія обстоятельствъ: *времени* („*полуднемъ* жаркимъ ухожу я"), *мѣста* („мы поѣхали *полемъ*"), *образа дѣйствія* („*муравьемъ* кишитъ православный людъ").

Задача 26. Написать пять примѣровъ на важнѣйшіе случаи употребленія творительнаго падежа.

Управленіе посредственное. Посредственное управленіе, какъ мы сказали выше, состоитъ въ томъ, что управляющее слово требуетъ послѣ себя извѣстнаго падежа *при посредствѣ предлога.* Предлоги имѣютъ двоякое значеніе: *собственное*, когда показываютъ *положеніе предмета въ пространствѣ* и *переносное*, когда указываютъ на время, причину, количество, цѣль и т. д.

Предлоги, требующіе послѣ себя родительнаго падежа, слѣдующіе: *у, подлѣ, близъ, около и вокругъ, среди, между, противъ, изъ, безъ, кромѣ, изъ-за, изъ-подъ, съ, отъ, до, для* и *ради, напр.*: „близъ *церкви*", „около *печки*", „среди *друзей*" и т. д.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, какъ мы видимъ, послѣ предлоговъ стоитъ родительный падежъ. О родительномъ падежѣ съ предлогомъ *изъ* надо замѣтить, что иногда онъ означаетъ *матеріалъ* изъ котораго сдѣланъ предметъ, напр.: „Статуя изъ *мрамора*". Разсмотримъ теперь нѣсколько случаевъ *употребленія предлоговъ*, требующихъ родительнаго падежа, *въ переносномъ значеніи*: предлоги *изъ-за, изъ-подъ* и *съ*—выражаютъ причину дѣйствія („отъ радости въ зобу дыханье сперло"), предлоги—*отъ—до, съ—до*—въ переносномъ значеніи показываютъ начало и конецъ дѣйствія (*отъ* весны *до* осени мы живемъ на дачѣ"), предлоги— *для* и *ради*—выражаютъ цѣль и основаніе дѣйствія (*для* новыхъ друзей онъ отказался отъ прежнихъ").

Задача 27. Написать пять примѣровъ на употребленіе предлоговъ (съ родит. падежомъ) въ значеніи собственномъ и пять—въ значеніи переносномъ.

Предлоговъ, требующихъ дательнаго падежа, только два: *къ* и *по*, напр.: „мы подъѣхали *къ* шумному городу", „*по* синимъ волнамъ океана". Въ переносномъ значеніи эти предлоги опредѣляютъ обстоятельство времени, напр.: „она постится *по средамъ* и *по пятницамъ*, „день клонится *къ вечеру*". Что касается предлога *по*, то онъ выражаетъ еще причину и образъ дѣйствія: „*по* твоему *хотѣнью, по* щучьему *велѣнью*".

Задача 28. Написать 5 примѣровъ на употребленіе предлоговъ съ дательнымъ падежомъ.

Предлоги, требующіе винительнаго падежа, слѣдующіе: *черезъ, сквозь, въ, на, за, подъ, предъ, съ, о, объ* и *по*. Примѣры: „*черезъ рѣку* перекинутъ мостъ", „телѣга ѣдетъ *подъ гору*", „его прогнали *сквозь строй*" и т. д. Въ переносномъ значеніи предлогъ *за* означаетъ въ большинствѣ случаевъ промежутокъ времени (напр.: „все будетъ готово *черезъ часъ*"). Предлоги—*въ, на, подъ* и *по*—опредѣляютъ *обстоятельства времени* („*въ среду* праздникъ", „*подъ крещенье* мы гадали" и т. д.), а предлогъ *за*—выражаетъ *причину* дѣйствія („ты поплатишься *за* свой *поступокъ*). *Съ*—въ переносномъ значеніи указываетъ на величину предмета: „мужичекъ *съ ноготокъ*".

Задача 29. Въ какой-нибудь статьѣ отыскать нѣсколько предлоговъ съ винительнымъ падежомъ и указать гдѣ они поставлены въ значеніи собственномъ и гдѣ въ переносномъ.

Предлоги, требующіе творительнаго падежа, слѣдующіе: *за, предъ, надъ, подъ, съ*, напр.: „за *горою*", „надъ *столомъ*", „подъ *лавкою*" и т. д. Въ переносномъ значеніи предлогъ *за*—означаетъ *цѣль*, причину („*за неимѣньемъ* гербовой, пишутъ на простой"), предлогъ *съ*—выражаетъ совокупность предметовъ („Ванька съ Петькою побѣжали удить рыбу„), а иногда указываетъ на качество предмета („человѣкъ *съ образованіемъ* всегда найдетъ дѣло").

Предлоги, *требующіе предложнаго падежа*, суть: *въ, на, о—объ, при и по*, наприм.: „*въ комнатѣ* свѣтло", „*на небѣ* загорѣлись звѣзды", „кошка гуляетъ *по крышѣ*" и т. д. Въ переносномъ значеніи—*въ, на* и *при*—опредѣляютъ время, напр.: „*на* этой *недѣлѣ* Срѣтенье", „это было *при* царѣ *Петрѣ*" и т. д.

Задача 30. Написать четыре примѣра употребленія предлоговъ (съ творит. и предложн. падежомъ) въ значеніи собственномъ и четыре—на употребленіе ихъ въ значеніи переносномъ.

Сочетаніе предложеній. Какъ изъ отдѣльныхъ словъ, соединенныхъ въ одно цѣлое (при помощи согласованія и управленія), получается *простое предложеніе*, такъ изъ отдѣльныхъ простыхъ предложеній, соединенныхъ между собою, получается *предложеніе составное*. Сочетаніе предложеній происходитъ или *по способу сочиненія*, когда соединяются нѣсколько равносильныхъ предложеній, или *по способу подчиненія*, когда къ главному предложенію присоединяется одно или нѣсколько придаточныхъ.

Сочетаніе предложеній по способу подчиненія. Какъ мы уже сказали, *по способу подчиненія* сложное предложеніе образуется изъ *главнаго* и *придаточныхъ* предложеній. Придаточныя предложенія *замѣняютъ* собою *второстепенные члены* для главнаго предложенія и соотвѣтственно этому, дѣлятся на *придаточныя опредѣлительныя*, *придаточныя дополнительныя* и *придаточныя обстоятельственныя*.

Придаточныя опредѣлительныя предложенія. Придаточными опредѣлительными называются такія предложенія, которыя *замѣняютъ опредѣленіе* для предложенія главнаго. Они отвѣ-

чаютъ на вопросъ: который, какой, чей? и подчиняются главному предложенію относительными мѣстоименіями: *который, чей, какой.* Въ главномъ предложеніи этимъ мѣстоименіямъ соотвѣтствуютъ явныя или подразумѣвающіяся указательныя мѣстоименія: *тотъ* и *такой,* напр.: „Я—*тотъ* (главн. предл.), *которому* внимала ты (прид. опред. предл.)“, „прошелъ (*такой*) сильнѣйшій дождь (главн. предл.), *какого* давно не бывало (прид. предл.). Мѣстоименія—*такой, который*—согласуются въ родѣ и числѣ съ существительнымъ главнаго предложенія, но ставятся въ томъ падежѣ, котораго требуетъ сказуемое придаточнаго предложенія, напр.: „дождь, *какого* давно *не бывало*“. Мѣстоименіе чей—и въ родѣ и въ падежѣ согласуется съ опредѣляемымъ словомъ придаточнаго, а не главнаго предложенія, наприм.: „это *тотъ* самый, *чью деревню* мы видѣли“; изъ этого примѣра ясно, что мѣстоименіе „*чей*“ согласуется не съ опредѣляемымъ словомъ главнаго —*тотъ,* а съ опредѣл. словомъ придаточнаго—*деревню.*

Иногда придаточныя опредѣлительныя предложенія подчиняются главному посредствомъ нарѣчій мѣста (*гдѣ, куда, откуда*) и *времени* (*когда, какъ*). Эти нарѣчія ставятся вмѣсто относительнаго мѣстоименія—*который.* Примѣры: „ты знаешь край, *гдѣ* (въ которомъ) все обильемъ дышетъ“; „онъ смотрѣлъ въ ту сторону, *гдѣ* (въ которой) отстрѣливались казаки“. Надо замѣтить, что придаточныя опредѣлительныя предложенія могутъ подчиняться главному не только вышеуказанными мѣстоименіями и нарѣчіями, но и всякими другими словами, напр.: „нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ, *какъ* (въ которые) подъ каждымъ ей кустомъ былъ готовъ и столъ и домъ“. Такія придат. опредѣлительныя предложенія узнаются не по внѣшней формѣ, а только *по смыслу.*

Задача 31. Въ какой-нибудь статьѣ хрестоматіи отыскать всѣ опредѣлительныя предложенія, указать по какому слову главнаго онѣ относятся и какими мѣстоименіями или нарѣчіями подчиняются.

Сокращеніе придаточныхъ опредѣлительныхъ предложеній. Придаточныя опредѣлительныя предложенія, такъ же какъ и всѣ другія придаточныя предложенія, *могутъ сокращаться. Сокращеніе* состоитъ въ томъ, что придаточное предложеніе дѣлается болѣе короткимъ, причемъ смыслъ его не мѣняется. Придаточныя опредѣлит. предложенія сокращаются: во-первыхъ, посредствомъ *имени существительнаго.* При этомъ придаточное опредѣлит. теряетъ форму отдѣльнаго предложенія и дѣлается *простымъ предложеніемъ,* напр.: „Меркурій, *который былъ богомъ древнихъ,* покровительствовалъ торговлѣ“ сокращается такъ: „Меркурій, *богъ древнихъ,* покровительствовалъ торговлѣ“. Во-вторыхъ, посредствомъ *имени прилагательнаго,* напр.: „ты побѣду теперь одержалъ, *труднѣйшую* первой“ (вмѣсто: *которая труднѣе* первой). *Въ-третьихъ,* посредствомъ *причастія,* напр.: „они пошли въ бесѣдку, *стоящую* въ глубинѣ сада (вмѣсто: *которая стоитъ* въ глубинѣ сада“). Но не всякое опредѣлительное предложеніе можно сократить. Придаточныя опредѣлительныя *не сокращаются:* 1) когда относительное мѣстоименіе (*который, какой* и т. д.) стоитъ въ *косвенномъ* падежѣ, напр.: „зажгли фонарь, *которымъ* скудно освѣтилась наша улица“; въ этомъ примѣрѣ придаточное опредѣлит. не можетъ быть сокращено, потому что мѣстоименіе (*который*) стоитъ въ косвенномъ падежѣ—творительномъ. 2) Когда глагольное сказуемое придаточнаго опредѣлительнаго предложенія стоитъ въ *будущемъ времени.* Поэтому невозможно сократить такое, напр., предложеніе: „Письмо, которое ты *получишь,* обрадуетъ тебя“. 3) Когда сказуемое—глаголъ стоитъ въ *сослагательномъ наклоненіи.* На основаніи этого правила нельзя сократить предложенія: „я увидѣлъ необходимость прекратить разговоръ, который *могъ бы* окончиться для меня невыгоднымъ образомъ“. Примѣчаніе. Если рядомъ стоятъ нѣсколько опредѣлительныхъ предложеній, поясняющихъ одно и то же существительное, то они должны быть или *всѣ* полныя или *всѣ* сокращенныя. *Нельзя сократить одного изъ нихъ,* оставивши безъ измѣненія другія.

Задача 32. Въ какой-нибудь статьѣ хрестоматіи отмѣтить всѣ придаточныя опредѣлит. предложенія и сократить, какія можно.

Согласованіе причастій въ сокращенныхъ опредѣлительныхъ предложеніяхъ. Причастіе (или имя прилагательное), посредствомъ котораго сокращено опредѣлительное предложеніе, согласуется съ опредѣляемымъ словомъ въ родѣ, числѣ и падежѣ, напр.: „почти всѣ *рѣки, протекающія* въ этой странѣ, маловодны“. О времени причастій замѣтимъ слѣдующее: причастіе стоитъ въ *настоящемъ времени,* когда указываетъ на *постоянный признакъ* предмета („здѣсь поселился больной, *требующій* хорошаго ухода“), или же, когда означаетъ дѣйствіе *одновременное* съ дѣйствіемъ въ главномъ предложеніи („Дѣти тихо *сидѣли* около няни, повѣствующей о старинѣ“). Въ прошедшемъ времени причастіе ставится тогда, когда означаетъ дѣйствіе *предшествующее* главному, напр.: „набожный графъ, *умиленный* душою, колѣни свои *преклоняетъ*.“

Задача 33. Отыскавши нѣсколько сокращенныхъ придаточныхъ опредѣлит. преложеній въ какой-нибудь статьѣ, указать способъ согласованія причастій (и прилагательныхъ) со словомъ опредѣляемымъ.

Придаточныя дополнительныя предложенія. Придаточными дополнительными предложеніями называются такія предложенія, которыя замѣняютъ собою *дополненіе* для сказуемаго главнаго предложенія. Они подчиняются главному предложенію союзами: *что, чтобы, будто* и мѣстоименіями: *кто, что.* Примѣры: „Злой *боится* (главн. предл.), *чтобы* его не узнали (прид. дополн.)", „пустынникъ очень *радъ* (глав. предл.), *что* далъ ему Богъ въ другѣ кладъ (прид. дополн.)". Иногда, вмѣсто *чтобы*, ставится церковно-славянское—*да*: „мы въ сердцахъ молились, *да* ниспошлетъ Господь любовь и миръ его душѣ". Когда придаточныя дополнительныя заключаютъ въ себѣ какой-нибудь вопросъ, они подчиняются главному предложенію союзами: *какъ, ли* („Я никогда не интересовался знать, существуетъ *ли* онъ на свѣтѣ"), а также мѣстоименіями и нарѣчіями вопросительными: *кто, что, чей, куда* и т. д. (напр.: „Скажи теперь при всѣхъ лишь насъ, *чему* ученъ ты, *что* ты знаешь и *какъ* ты свой народъ счастливымъ сдѣлать чаешь?"). *Сокращеніе придаточн. дополнительныхъ предложеній.* Придаточныя дополнительныя предложенія послѣ сокращенія перестаютъ быть предложеніями и превращаются въ простыя дополнительныя слова. Они сокращаются: во-первыхъ, посредствомъ *имени существительнаго* (напр.: „о *жадности* волковъ всякій знаетъ", вмѣсто полнаго: „Что волки жадны, всякій знаетъ"), во-вторыхъ, посредствомъ *неопредѣленнаго наклоненія* („я прошу *дать* мнѣ книгу", вмѣсто: „я прошу, *чтобы дали* мнѣ книгу"). въ—третьихъ, посредствомъ имени *прилагательнаго*, или *причастія* („міръ принадлежитъ *терпѣливому*", вмѣсто: „міръ принадлежитъ *тому, кто терпѣливъ*").

Задача 34. Написать пять сложныхъ предложеній съ придаточными дополнительными; потомъ эти придаточныя сократить.

Отъ придаточныхъ дополнительныхъ предложеній надо отличать *придаточныя подлежащія*, которыя тоже относятся къ сказуемому и отвѣчаютъ на вопросъ: *что*! Но въ этихъ случаяхъ—*что?*—вопросъ не винительнаго, а именительнаго падежа. Кромѣ того, при придаточномъ подлежащемъ, главное предложеніе *всегда безлично*, напр. „мнѣ пріятно (главн. пр.), что онъ повеселѣлъ (прид. предл.)"

Придаточныя обстоятельственныя предложенія замѣняютъ собою для главнаго предложенія обстоятельственныя слова и, подобно послѣднимъ, дѣлятся на обстоятельственныя: *мѣста, времени, образа дѣйствія, причины* и *цѣли. Обстоятельственныя предложенія мѣста* подчиняются главному посредствомъ нарѣчій: *гдѣ, куда, откуда*, которымъ въ главномъ соотвѣтствуютъ: *тамъ, туда, оттуда* (явныя или подразумѣваемыя), напр.: „и поѣхалъ онъ (*туда*), *куда* глаза глядятъ".

Обстоятельственныя предложенія времени относятся въ большинствѣ случаевъ къ глаголу. Если они означаютъ дѣйствіе *одновременное* съ главнымъ, то подчиняются главному нарѣчіями: *когда, пока, доколѣ, какъ, межъ тѣмъ какъ*, которымъ отвѣчаютъ явныя или подразумѣваемыя: *тогда, дотолѣ, до тѣхъ поръ*, напр.: „спи жъ (главное), *пока* заботъ не знаешь (прид. обст. вр.)". Если же придаточныя обстоятельственныя указываютъ на дѣйствіе *предшествующее* главному, они подчиняются посредствомъ нарѣчій: *когда, едва, чуть, лишь, лишь только, только что*, напр. „*едва* успѣемъ оглянуться, какъ первые невѣжи тутъ вотрутся". Въ тѣхъ случаяхъ обстоятельственныя предложенія времени обозначаютъ дѣйствіе, *совершившееся послѣ главнаго*, они подчиняются главному союзными нарѣчіями: *прежде чѣмъ, прежде нежели*, напр.: „*прежде нежели* повелѣвать, научись повиноваться". Если обстоят. предложеніе времени указываетъ на дѣйствіе неожиданное, то начинается словами: *какъ вдругъ*, напр.: „мы уже собрались итти въ лѣсъ, *какъ вдругъ* налетѣла страшная буря".

Задача 35. Написать по пяти примѣровъ на придаточныя предложенія обстоят. мѣста и времени, и подчеркнуть тѣ слова главныхъ предложеній, къ которымъ они относятся.

Обстоятельственныя предложенія образа дѣйствія бываютъ трехъ родовъ: *собственно образныя, изъяснительныя* и *сравнительныя. Собственно образныя* поясняютъ *главное* дѣйствіе предмета другимъ *второстепеннымъ* дѣйствіемъ того же самаго предмета, при чемъ дѣйствіе второстепенное выражается дѣепричастіемъ, напр.: „ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу спокойно, *чистя носъ*, глядитъ"; здѣсь главное дѣйствіе—*глядитъ*—поясняется дѣйствіемъ второстепеннымъ — *чистя носъ. Сравнительныя предложенія образа дѣйствія* объясняютъ дѣйствіе посредствомъ сравненія его съ чѣмъ-нибудь, напр.: „и все закипѣло, *какъ буря*"; въ этомъ предложеніи, какъ мы видимъ, употреблено сравненіе съ бурею. Сравненіе бываетъ *качественное*, когда предметы сравниваются по качеству (какъ въ вышеуказанномъ примѣрѣ) и *количественное*, когда предметы сравниваются по количеству. Качественныя подчиняются главному посредствомъ нарѣчій: *какъ-такъ, словно, подобно, будто бы, какъ бы* (напр.: „а сама-то величава, выплываетъ, *будто* пава, а какъ рѣчь-то говоритъ, *словно* рѣченька журчитъ"), количественныя подчиняются при помощи союзовъ: *сколько, во*

столько, тѣмъ (напр.: „добрый рабъ пріобрѣлъ столько же талантовъ, *сколько* и самъ получилъ“). Если при сравненіи предметовъ, какому-нибудь изъ нихъ отдается предпочтеніе, то придаточное предложеніе подчиняется главному союзами *нежели* и *чѣмъ*, напр.: „*чѣмъ* на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду“. Къ обстоятельственнымъ предложеніямъ образа дѣйствія относятся, какъ мы уже знаемъ, предложенія *изъяснительныя*. Это такія предложенія, которыя объясняютъ главное дѣйствіе указаніемъ на его послѣдствія. Они подчиняются главному союзами: *кто, что, чтобы*, напр.: „проказники тутъ до того шумѣли, *что* захватило ихъ въ дыму“.

Задача 36. Написать по примѣру на каждый видъ придаточныхъ предл. обстоят. образа дѣйствія и подчеркнуть тѣ слова главнаго предложенія, къ которымъ они относятся.

Придаточныя предложенія обстоятельства причины указываютъ на причину дѣйствія или состоянія предмета и подчиняются главному союзами: *потому-что, оттого-что, за то-что, за тѣмъ-что*, напр.: „Мнѣ скучно (главн. пр.), *потому-что* весело тебѣ (прид. обст. прич.)“.

Придаточныя предложенія обстоятельства цѣли указываютъ на цѣль извѣстнаго дѣйствія или состоянія и подчиняются главному посредствомъ союзовъ: *чтобы, дабы, для того-чтобы*, напр.: „непріятель удвоилъ засады *для того, чтобы* лишить осажденныхъ всякой помощи“.

Задача 37. Написать по два примѣра на придаточныя обстоят. причины и цѣли и подчеркнуть тѣ слова главнаго, къ которымъ они относятся.

Сокращеніе придаточныхъ предложеній обстоятельственныхъ. Предложенія *обстоятельства мѣста* сокращаются посредствомъ сказуемаго глагола и союзнаго нарѣчія именемъ существительнымъ съ предлогомъ, причемъ предложеніе превращается въ простое обстоятельственное слово, напр.: „я приближался къ *мѣсту* своего назначенія“, вмѣсто: „я приближался *туда, куда былъ назначенъ*“. *Предложенія обстоятельства времени* сокращаются: 1) посредствомъ *дѣепричастія* (а иногда и причастія), напр.: „*пріѣхавъ* въ городъ, онъ осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности“, вмѣсто: „*когда пріѣхалъ* въ городъ, онъ осмотрѣлъ...“ 2) посредствомъ имени *существительнаго съ предлогомъ*, напр.: „во время чаепитія, мы услыхали звонокъ“, вмѣсто: „*когда пили* чай, то услыхали звонокъ“. *Сокращеніе предложеній обстоятельства образа дѣйствія* имѣетъ отношеніе *только* къ предложеніямъ сравнительнымъ. Они сокращаются или *черезъ опущеніе союзнаго* реченія („онъ помчался вихремъ“ вмѣсто: онъ помчался, *какъ* вихрь“) или посредствомъ *дѣепричастія* („*сдѣлавши* свое дѣло, вѣтеръ утихъ“, вмѣсто: „*когда сдѣлалъ* свое дѣло, вѣтеръ утихъ). Предложенія же собственно образныя всегда являются въ уже сокращенномъ видѣ, а предложенія изъяснительныя не сокращаются почти никогда. *Придаточныя обстоятельства причины* сокращаются: 1) посредствомъ *дѣепричастія*, если подлежащее одинаково съ главнымъ, напр.: „*почуя* сѣраго такъ близко забіяку, псы залились въ хлѣвахъ“, вмѣсто: „*когда почуяли* сѣраго такъ близко забіяку“... 2) посредствомъ *причастія* страдательнаго залога (или именемъ прилагательнымъ), напр.: „*покоренный* его искренностью, я простилъ ему все“, вмѣсто: „*потому что былъ покоренъ* его искренностью, я простилъ ему все;“ 3) посредствомъ имени *существительнаго* съ предлогомъ, напр.: „за *неимѣнъемъ* ничего лучшаго, онъ довольствуется этимъ“, вмѣсто; „*потому что не имѣетъ* ничего лучшаго, онъ довольствуется этимъ.“ *Придаточныя обстоятельства цѣли* сокращаются или посредствомъ *дѣепричастія*: „онъ громко кричалъ, *призывая* на помощь“, вмѣсто „онъ громко кричалъ *для того, чтобы призвать* на помощь“, или посредствомъ *существительнаго* съ предлогомъ, напр.: „я ушелъ *во избѣжаніе* непріятнаго разговора“, вмѣсто: „я ушелъ, *чтобы избѣжать* непріятнаго разговора.“

Задача 38. Отыскать въ какой-нибудь статьѣ хрестоматіи всѣ сокращенныя обстоятельственныя предложенія и обратить ихъ въ полныя тамъ, гдѣ это возможно.

Включеніе и соподчиненіе придаточныхъ предложеній. Придаточное, подчиненное главному, можетъ само подчинять себѣ другое придаточное, которое въ свою очередь можетъ имѣть при себѣ третье придаточное предложеніе. Такое послѣдовательное подчиненіе одного придаточнаго другому называется *включеніемъ*. Придаточное непосредственно подчиненное главному предложенію, называется придаточнымъ *первой степени*, зависящее отъ него—придаточнымъ *второй степени* и т. д. Примѣръ: „мнѣ показалось (главное), что я сталъ дышать свободнѣе (прид. 1-й ст.), когда мы начали подыматься на торжественныя крутизны Іудеи (прид. 2-й ст.).“ Когда нѣсколько придаточныхъ предложеній подчинены *одному* общему главному, они называются *соподчиненными*. Примѣръ: „давно сдѣлавшись равнодушнымъ къ литературѣ (придат.), Крыловъ машинально соглашался со всякимъ (главное), что бы кто ни говорилъ (придат.).“ Въ этомъ примѣрѣ два придаточныхъ относятся къ одному главному, слѣдовательно они *соподчинены*.

Задача 39. Написать два примѣра на включеніе (при чемъ отмѣтить степень включенія) и два—на соподчиненіе.

Сочиненіе предложеній. Познакомившись со способомъ соединенія предложеній по способу подчиненія, разсмотримъ теперь способъ *сочиненія предложеній*. По способу сочиненія соединяются между собою предложенія *равносильныя*, т. е. изъ которыхъ ни одно не подчиняется другому. Предложенія, соединенныя по способу сочиненія, представляютъ собою одно неразрывное цѣлое. Связь между ними бываетъ двоякая: во-первыхъ, внутренняя—*логическая*, во-вторыхъ, внѣшняя *грамматическая*. *Логическая* связь заключается въ общемъ содержаніи всѣхъ соединенныхъ предложеній, въ ихъ *общей мысли*. *Грамматическая* связь выражается союзами. Главнѣйшую роль играетъ связь логическая, а грамматической иногда можетъ и не быть. *Виды сочетанія*. Предложенія, соединенныя по способу сочиненія, могутъ раскрывать главную мысль или съ одной какой-нибудь стороны, или же съ разныхъ (иногда противоположныхъ) сторонъ. Въ первомъ случаѣ всѣ соединенныя предложенія будутъ выражать мысли *согласныя*, во второмъ же случаѣ въ нихъ будутъ заключаться мысли *несогласныя*; отсюда происходитъ два вида сочиненія: *сочетаніе соединительное* и *сочетаніе противительное*.

Сочетаніе соединительное. Въ соединительное сочетаніе входятъ, какъ мы уже сказали, предложенія согласныя между собою, или вообще соприкосновенныя въ какомъ-нибудь отношеніи. Такое соединеніе предложеній чаще всего примѣняется при изображеніи картинъ природы (или человѣческой дѣятельности),—вообще при описаніи предметовъ близкихъ между собою по положенію ихъ *въ пространствѣ*. Въ этомъ случаѣ предложенія соединяются посредствомъ нарѣчій мѣста: *здѣсь, тамъ, туда, сюда, справа, слѣва*. Примѣръ: „*Здѣсь* неслась часть домика, гдѣ обитатели находили незадолго передъ тѣмъ покой и довольство: *тутъ* бурная волна несла запасъ осторожнаго, но тщетно осторожнаго поселянина; *тамъ* плыла бѣдная блеющая овца:“ Въ этомъ примѣрѣ *три* сочиненныхъ предложенія, отдѣленныхъ другъ отъ друга точкою съ занятой. Въ нихъ описываются различные предметы; но всѣ эти предметы соединяются между собою, какъ близостью въ пространствѣ, такъ и участіемъ въ одной общей картинѣ—*наводненія*.—Когда сочиненныя предложенія выражаютъ явленія, сходныя между собой посредствомъ союзовъ: *то—то, и*, нарѣчій: *сначала, потомъ, наконецъ, во-первыхъ, во-вторыхъ*, мѣстоименій *кто—кто, тотъ—тотъ, одинъ — другой*. Примѣръ: „*кто* ловитъ піявокъ на лавѣ, гдѣ матка колотитъ бѣлье; *кто* няньчитъ сестренку, двухлѣтнюю Глашку; *кто* тащитъ на пашню ведерко кваску“. Здѣсь три сочиненныхъ предложенія. Всѣ они описываютъ явленія, происходящія въ одно время, и составляющія въ общемъ—одну *картину деревенской жизни*. Въ тѣхъ случаяхъ, когда соединенныя предложенія выражаютъ мысли *сходныя, подобныя*, сочетаніе ихъ происходитъ при посредствѣ союзовъ: *и, да, тоже, а, ни—ни, и—и*. Примѣръ: „*Ни* солнца мнѣ не видѣнъ свѣтъ, *ни* для корней моихъ простору нѣтъ, *ни* вѣтеркамъ вокругъ меня свободы“. Всѣ три предложенія въ этомъ примѣрѣ *сходны* между собою по мысли: каждое изъ нихъ выражаетъ жалобу дерева на житейскія неудобства. Когда сочиненныя предложенія выражаютъ мысли, изъ которыхъ одна *усиливаетъ другую*, они соединяются посредствомъ союзовъ: *не только—но и, даже, притомъ, также* и посредствомъ реченій: кромѣ *того, сверхъ того*, напр.: „львамъ, барсамъ и слонамъ вездѣ такая честь; *притомъ* съ великаго и до меньшого все рѣчь о нихъ лишь да о нихъ“. Здѣсь второе предложеніе усиливаетъ смыслъ перваго.—Къ соединительному сочетанію равносильныхъ предложеній, раскрывающихъ одну главную мысль, относится еще, такъ называемое, *винословное сочетаніе*. Оно заключается въ томъ, что отдѣльныя предложенія относятся другъ къ другу, какъ *причина къ слѣдствію*, или какъ *слѣдствіе къ причинѣ*. Винословное сочетаніе дѣлится на *причинное* и *условное*; въ *причинномъ*—указывается на причину уже *существующую*, въ *условномъ*—на причину только *возможную*. Примѣръ причиннаго сочетанія: „мнѣ грустно, *потому что* скоро ты уѣзжаешь“. Здѣсь два предложенія, изъ которые второе объясняетъ причину того состоянія, которое описано въ первомъ (грустно). Какъ мы видимъ изъ примѣра, предложенія этого рода соединяется между собою рѣченіями *потому что* (или другими близкими по смыслу). Примѣръ *сочетанія условнаго*: „*Если* ужъ должно быть опыту снова, то рыцаря вышли—не пажа молодого“. Изъ этого примѣра мы видимъ, что первое предложеніе указывается на возможную причину *(опытъ)*, при которой можетъ совершиться дѣйствіе, описанное во второмъ предложеніи—„рыцаря *вышли*“. При сочетаніи условномъ предложенія соединяются между собою союзами: *если, когда, коли*.

Задача 40. Составить нѣсколько предложеній, соединенныхъ между собою по способу сочетанія соединительнаго.

Задача 41. Написать два примѣра винословнаго сочетанія причиннаго, и два примѣра—сочетанія условнаго.

Сочетаніе противительное. Въ противительное сочетаніе, какъ мы уже знаемъ, входятъ пред-

ложенія, выражающія мысли несогласныя или даже противоположныя. Грамматическою связью между ними служатъ союзы: *но, же, а, да* (=*но*), *тогда—какъ, межъ тѣмъ—какъ*, а также реченія: *напротивъ, въ противномъ случаѣ, не то*. Примѣръ: „Путь широкій давно предо мною лежитъ, *да* нельзя мнѣ по немъ не летать, не ходитъ".

Противительное сочетаніе дѣлится на: *противоположное, раздѣлительное* и *ограничительное*.

Въ противоположномъ сочетаніи выражаются мысли одна другой противоположныя, напр.: „Правду говори, не то тебѣ достанется".

Въ раздѣлительномъ сочетаніи соединяются такія предложенія, которые по смыслу совершенно уничтожаютъ другъ друга, напр.: „либо панъ, либо пропалъ". Изъ этого примѣра мы видимъ, что здѣсь сопоставляются двѣ мысли, но такихъ мысли, что при осуществленіи одной изъ нихъ, другая непремѣнно уничтожается.

Въ *ограничительномъ сочетаніи* сопоставляются такія мысли, изъ которыхъ одна противоположна другой только отчасти, напр.: „небо было ясно и совершенно чисто; *только* надъ африканскимъ берегомъ лежала масса бѣлыхъ облаковъ. Какъ мы видимъ изъ примѣра въ ограничительномъ сочетаніи предложенія соединяются союзомъ *только* (или же: *лишь, впрочемъ, развѣ, однако*).

Къ *ограничительному сочетанію* относятся всѣ сочетанія, извѣстныя подъ именемъ *уступительныхъ*. Они заключаются въ томъ, что одно изъ соединенныхъ предложеній выражаетъ *причину*, а другое—*слѣдствіе*, но такое, котораго нельзя было ожидать, напр.: „*хотя* ты и кажешься добрымъ и умнымъ, сближаться съ тобой я не желаю". Подобныя предложенія соединяются посредствомъ союзовъ: *хотя, пусть, пускай* и выраженій: *правда* что, *положимъ что*. Общею темою уступительныхъ предложеній служитъ та мысль, что заключеніе ума нашего не всегда сходится съ дѣйствительною жизнью, и что „нѣтъ правила безъ исключенія".

ГРАММАТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ.

1. Разборъ этимологическій *(образецъ)*.

Водопадъ и Ручей.

Водопадъ—имя сущ., чувст., неодуш., нариц., муж. р., един. ч., имен. пад.

и—союзъ, соедин.

ручей—имя сущ., чувст., неодуш., нариц., муж. р., един. ч., имен. пад.

Кипящій—имя прил., качест., полож. ст., муж. р., един. ч., имен. пад.

водопадъ—имя сущ., чувст., неодуш., нариц., муж. р., един. ч., имен. пад.

свергаяся—дѣеприч., возвр., наст. вр.

со—предлогъ.

скалъ—имя сущ., чувст., неодуш., нариц., женск. р., множ. ч., родит. пад.

цѣлебному—имя прил., качест., полож. ст., муж. р., един. ч., дат. пад.

ключу—имя сущ., чувст., неодуш., нариц., муж. р., един. ч., дат. пад.

съ—предлогъ.

надменностью—имя сущ., умст., жен. р., един. ч., творит. пад.

сказалъ—глаголъ, дѣйст. зал., соверш. в., изъяв. нак., прош. вр., 3-го лица, един. ч., муж. р.

который—мѣстоим., опред., муж. р., един. ч., имен. пад.

подъ—предлогъ.

горой—имя сущ., чувст., неодуш., нариц., женск. р., един. ч., творит. пад.

2. Разборъ синтаксическій *(образецъ)*.

Мой домикъ.

Я—подлежащее, *нанялъ*—сказуемое, *свѣтлый*—опредѣленіе, *домъ*—дополненіе, *съ диваномъ*—дополн., *камелькомъ*—дополненіе, *три*—опредѣленіе, *комнатки*—подлежащее, *простыя*—опредѣленіе, *въ нихъ*—обст. мѣста, *злата*—подлежащее, *бронзы*—подлежащее, *нѣтъ*—сказуемое, *и*—связка, *ткани*—подлежащее, *выписныя*—опредѣленіе, *не кроютъ*—сказуемое, *ихъ*—опредѣленіе, *паркетъ*—дополненіе. *Окошки*—подлежащее, *въ садъ*—обстоят. мѣста, *веселый*—опредѣленіе, *гдѣ*—обст. мѣста, *липы*—подлежащее, *престарѣлы*—опредѣленіе, *съ черемухой*—дополн., *цвѣтутъ*—сказуемое, *гдѣ*—обс. мѣста, *мнѣ*—дополненіе, *въ часы*—обст. времени, *полдневны*—опредѣленіе, *березокъ*—дополненіе, *своды*—подлежащее, *темны*—опредѣл., *прохладну*—опредѣленіе, *тѣнь*—дополненіе, *даютъ*—сказуемое, *гдѣ*—обст. мѣста, *ландышъ*—подлежащее, *бѣлоснѣжный*—опредѣленіе, *сплелся*—сказуемое *съ фіалкой*—дополн., *нѣжной*—опредѣленіе, *и*—связка, *быстрый*—опредѣленіе, *ручеекъ*—подлежащее, *въ струяхъ*—обст. мѣста, *неся*—обст. обр. дѣйствія, *цвѣтокъ*—дополн., *невидимый*—опредѣленіе, *для взора*—дополн., *лепечетъ*—сказуемое, *у забора*—обст. мѣста.

едва—нарѣчіе обр. дѣйст.
лишь—нарѣчіе обр. дѣйст.
былъ—глаголъ, сред. з., несов. в., изъяв. нак., прош. вр., 3-го лица, един. ч., муж. р.
примѣтенъ—имя прил., качест., полож. ст., муж. р., един. ч., имен. пад.
но—союзъ против.
силой—имя сущ. умст., жен. р., ед. ч., твор. п.
славился—глаголъ, возврат. в., несов. в., изъяв. нак., прош. вр. 3-го лица, един. ч. муж., р.
цѣлебною—имя прил., качест., полож. ст., жен. р., един. ч., твор. пад.
своей—мѣстоим., притяж., жен. р., ед. ч., тв. п.
не—нарѣчіе отриц.
странно—нарѣчіе обр. дѣйст.
ль—союзъ раздѣлит.
это—мѣстоим. указ., ср. р., ед. ч., имен. пад.
Ты—мѣстоим. личное, 2-го лица, един. ч., им. п.
такъ—нарѣчіе колич.
малъ—имя прил., качест., полож. ст., муж., един. ч., имен. пад.
водой—имя сущ., чувст., неодуш., вещест., жен. р., един. ч., твор. пад.
такъ—нарѣчіе колич.
бѣденъ—имя прил., качест., полож. ст., муж. р., един. ч., имен. пад.
а—союзъ против.
у—предлогъ.
тебя—мѣстоим., личное, един. ч., род. пад.
всегда—нарѣчіе времени.
премножество—нарѣчіе колич.
гостей—имя сущ., чувст., одуш., муж. р., множ. ч., род. пад.
не—нарѣчіе отриц.
мудрено—нарѣчіе обр. дѣйст.
коль—союзъ раздѣлит.
мнѣ—мѣстоим., личное, един. ч., дат. пад.
приходитъ—глаголъ, сред. з., несов. в., изъяв. накл., наст. вр., 3-го лица, един. ч.
кто—мѣстоим., опред. един. ч., имен. пад.
дивиться—глаголъ, возвр. з., несов. в., неопред. накл.
къ—предлогъ.
тебѣ—мѣстоим., личное, 2-го лица, един. ч., дат. пад.
зачѣмъ—нарѣчіе причины.
идутъ—глаголъ, сред. з., несов. в., изъяв. накл., наст. вр., множ. ч., 3-го лица.
лѣчиться—глаголъ, возвр. з., несов. в., неопред. накл.
смиренно—нарѣчіе обр. дѣйствія.
прожурчалъ—глаголъ, сред. з., совер. в., изъяв. накл., прош. вр., един. ч., 3-го лица, муж. р.
ручей—имя сущ., чувст., неодуш. нариц., муж. р., един. ч., имен. пад.

3. Разборъ сложнаго предложнеія

(образецъ).

Находчивость русскаго солдата.

Часовой, *который стоялъ у пристани на рѣкѣ*, увидѣлъ, *что офицеръ шелъ мимо него по льду, прямо на широкую полынью, которую чуть только подернуло льдомъ и запорошило снѣгомъ.* Часовой сталъ кричать офицеру, *чтобы онъ не ходилъ туда*, да за сильнымъ встрѣчнымъ вѣтромъ офицеръ не могъ ничего разслышать: оглянулся было, но пошелъ опять своимъ путемъ. Часовой закричалъ ему въ другой разъ изо всей силы, и *когда офицеръ опять на него оглянулся*, то часовой нашъ отдалъ ему ружьемъ на погребенье. Офицеръ поглядѣлъ, призадумался, подошелъ ближе и спросилъ: „что это значитъ?" Часовой растолковалъ ему дѣло и спасъ такимъ образомъ офицера отъ смерти.

Въ этомъ образцѣ главныя предложенія печатаны обыкновеннымъ шрифтомъ, придаточныя-курсивомъ, а вносное находится въ ковычкахъ и потому не выдѣлено. Но такъ какъ придаточныя предложенія бываютъ опредѣлительныя, дополнительныя, подлежащія, сказуемыя. обстоятельственныя, а такъ же полныя и краткія, то слѣдуетъ разобрать ихъ по категоріямъ:

„Который стоялъ у пристани на рѣкѣ"—придаточное опредѣлит. полное.

„Что офицеръ шелъ мимо него по льду на широкую полынью"—придаточное дополнительное полное.

„Которую чуть только подернуло льдомъ и запорошило снѣгомъ"—опредѣлительное, придаточное предложеніе—слитное, такъ какъ изъ него можно образовать два предложенія: „которую чуть только подернуло льдомъ" и „которую чуть только запорошило снѣгомъ."

„Чтобы онъ не ходилъ туда"—придаточное предложеніе обстоятельства цѣли, полное.

„Когда офицеръ опять на него оглянулся"—придаточное обстоятельственное времени, полное.

Указанными способами разобрать этимологически и синтаксически нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Практика русскаго языка."

Практика русскаго языка.

Практика русскаго яз. I—IV кл. гимназій состоитъ изъ устныхъ и письменныхъ работъ.

Устныя работы слѣдующія: 1) объяснительное чтеніе, 2) выразительное чтеніе, 3) разсказъ видѣннаго и слышаннаго, 4) заучиваніе наизусть басенъ и стихотвореній.

Письменныя работы слѣдующія: 1) диктовка, 2) письменное изложеніе прочитаннаго, (или разсказаннаго) по вопросамъ и безъ вопросовъ, 3) писаніе наизусть заучевныхъ басенъ и стихотвореній, 4) описаніе знакомыхъ предметовъ, 5) сравненіе двухъ предметовъ, 6) письменное изложеніе видѣннаго, или слышаннаго, 7) составленіе плана прочитаннаго описанія, или разсказа, 8) составленіе описаній и повѣствованій по плану.

Работы устныя. *а) Объяснительное чтеніе.* Главное условіе всякаго чтенія заключается въ томъ, чтобы *понимать* читаемое. Для того, чтобы убѣдится въ пониманіи читаемаго служитъ объяснительное чтеніе. Оно состоитъ въ томъ, что ученикъ, прочитавъ статью, пересказываетъ ее своими словами, соблюдая только смыслъ прочитаннаго и по возможности планъ его. Конечно, нельзя требовать сразу пересказа всей прочитанной статьи, но надо придти къ этому постепенно. Сначала можно пересказывать статью по предложеніямъ, т. е. прочитать одно предложеніе и пересказать своими словами, прочитать второе—и пересказать его и т. д. Потомъ можно дѣлить статью по 2—3 и т. д. предложеній, постепенно увеличивая размѣръ разоваго пересказа и путемъ такой постепенности можно дойти до того, что ученикъ научается пересказывать заразъ цѣлую статью, размѣръ который опять-таки можно увеличивать постепенно. Дадимъ примѣръ такой послѣдовательной работы. Пусть мы читаемъ басню *„Чижъ и соловей“*.

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И чижъ, и соловей висѣли
И пѣли.]
Лишь только соловей, бывало, запоетъ,
Сынъ маленькій отцу проходу не даетъ;
Все птичку показать къ нему онъ приступаетъ,
Что этакъ хорошо поетъ.]
Отецъ, обѣихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ;
„Ну“ говоритъ: „узнай, мой свѣтъ,
Которая тебя такъ много забавляетъ?]
Тотчасъ на чижика мальчишка указалъ:
„Вотъ, батюшка, она“, сказалъ.
И мальчикъ отъ чижа въ великомъ восхищеньи;
„Какія перышки, куда какъ онъ пригожъ!
Затѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!“

Хемницеръ.

Сначала раздѣлимъ эту басню на 4 части, какъ указано вертикальными чертами и будемъ пересказывать ее по частямъ въ 4 пріема такъ:

1) Въ одномъ домѣ въ клѣткахъ пѣли чижъ и соловей.

2) Сыну хозяина очень нравилось пѣніе соловья, и онъ просилъ отца показать голосистую птичку.

3) Отецъ снялъ обѣ клѣтки и предложилъ сыну самому указать соловья.

4) Мальчикъ указалъ на красиваго чижа.

Затѣмъ постараемся пересказать эту басню въ два пріема, т. е. соединивъ 1-ю и 2-ю часть въ одну и также 3-ю и 4-ю. Если это не затруднитъ насъ, то можно приступить, наконецъ, къ пересказу всей басни безъ раздѣленія, примѣрно такимъ образомъ:

„Въ одномъ домѣ въ клѣткахъ пѣли чижъ и соловей. Сыну хозяина очень нравилось пѣніе соловья, и онъ просилъ отца показать голосистую птичку. Отецъ снялъ обѣ клѣтки и предложилъ сыну самому указать соловья. Мальчикъ указалъ на красиваго чижа.“

Такимъ образомъ можно прочитать и пересказать слѣдующія статьи и стихотворенія:

Морозъ.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи,
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.
Глядитъ—хорошо ли мятели
Лѣсныя тропы занесли,
И нѣтъ ли гдѣ трещины, щели,
И нѣтъ ли гдѣ голой земли?
Пушисты ли сосенъ вершины,
Красивъ ли узоръ на дубахъ?
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ воoахъ?
Идетъ—по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
А яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.

Некрасовъ.

Чудесный мальчикъ.

Поздно вечеромъ, наканунѣ Рождества, лѣсомъ возвращался крестьянинъ домой изъ города. Тамъ онъ своимъ дѣткамъ купилъ для праздника каравай хлѣба. А то бѣдняки питались одной почти корой. Былъ сильный морозъ. На небѣ свѣтила луна. Вдругъ онъ видитъ: въ сугробѣ, прислонившись къ дереву, стоитъ полуодѣтый, почти окоченѣлый отъ стужи мальчикъ, и согрѣваетъ руки своимъ дыханіемъ. Крестьянинъ снялъ съ себя шубу, одѣлъ мальчика и привелъ къ себѣ въ избу. Домашніе обласкали гостя. Потомъ семья, помолившись, сѣла за столъ, гдѣ былъ поставленъ хлѣбъ съ водой. Хозяйка посадила гостя около себя, начала рѣзать хлѣбъ и первый кусокъ подала мальчику. „Благословенъ убогихъ даръ",—со слезами промолвилъ отрокъ, принимая хлѣбъ. Хозяйка продолжаетъ рѣзать каравай, но хлѣбъ, все цѣлъ, не убываетъ... Вдругъ необыкновенный свѣтъ озарилъ хату. Изумленная семья глядитъ на гостя —онъ весь преобразился: на мѣстѣ оборваннаго мальчика сидѣлъ въ бѣлоснѣжной одеждѣ, свѣтлокрылатый, прекрасный, какъ рай, Ангелъ.

Онъ всталъ, благословилъ семью и исчезъ.

Съ тѣхъ поръ подъ кровлей этихъ добрыхъ бѣдняковъ воцарилось полное довольство и благоденствіе. Съ тѣхъ поръ понынѣ то мѣсто за столомъ въ избѣ крестьянина, гдѣ когда-то, въ образѣ нищаго мальчика, бесѣдовалъ Божій Ангелъ, остается во время обѣда и ужина не занятымъ.

— То мѣсто свято,—говоритъ, набожно крестясь, хозяинъ,—тамъ Ангелъ былъ.

Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ-ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной-ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?
Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?
И пальма та жива-ль понынѣ?
Все также-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?
Или, въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла, какъ и ты,
И дольный прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?
Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?
Иль, Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?
Заботой тайною хранима,
Передъ иконою святой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Лермонтовъ.

Пѣсня пахаря.

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной;
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ.
Ну! Тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю,—
Ну! тащися, сивка!
Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка—
Ну! тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка—
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядится
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ
Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою...
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю;
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство.

Кольцовъ.

Что ты спишь, мужичекъ?

Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ, и что сталъ,
И что есть у тебя?
На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна,
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмёлъ
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ,
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ.
Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой!
Со двора и гумна
По дорожкѣ большой.
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!
А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.
А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ;
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его.
Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Кольцовъ.

Полтавскій бой.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ,
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленіе крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ!
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью,
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло! Съ Богомъ!..“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се, равнину оглашая,
Далече грянуло: „ура!“
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могучъ и радостенъ, какъ бой;
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны—
Его товарищи-сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпинъ,
И—счастья баловень безродный—
Полудержавный властелинъ.
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.

Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму, среди равнины,
И—грянулъ бой, Полтавскій бой!..
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груду тѣлъ на груду,
Шары чугунные по повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ!
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды...
Ура! мы ломимъ, гнутся Шведы.
О, славный часъ! о, славный видъ!
Еще напоръ,—и врагъ бѣжитъ...
И слѣдомъ конница пустилась:
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Пушкинъ.

Воздушный корабль.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ:
Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.
Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему ни-почемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.
Зарытъ онъ, безъ почестей бранныхъ,
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.
И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.
Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ:
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.
Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится,
И быстро пускается въ путь.
Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.
И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.
На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ,
И маршаловъ грозно зоветъ.
Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.
И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.
И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:
Зоветъ онъ любезнаго сына—
Опору въ превратной судьбѣ—
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только—себѣ.
Но, въ цвѣтѣ надежды и силы,
Угасъ его царственный сынъ,
И, долго его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ,—
Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодной песокъ.
Потомъ на корабль свой волшебный,

Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

Лермонтовъ.

Утопленникъ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
„Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца“.
— „Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята:
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!
Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь...
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣ жъ мертвецъ?“—„Вонъ, тятя, э-вотъ!“—
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разосланъ мокрый неводъ,
Мертвый видѣнъ на пескѣ.
Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмельный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ—
Мужику какое дѣло!
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ;
И отъ берега крутого
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.
Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
— „Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу;
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то поколочу“.
Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ; хозяйка дремлетъ;
На палатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.
—„Кто тамъ?“—„Эй, впусти, хозяинъ!“
—„Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда...
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно!“
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.
Изъ-за тучъ луна катится—
Что же? голый передъ нимъ;
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.
И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ. „Чтобъ ты лопнулъ!“
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.
Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

Пушкинъ.

Пѣсня о Вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается Вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хазарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ:
—Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро-ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любаго возьмешь ты коня“.
—„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ!
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ...
Запомни же нынѣ ты слово мое:

Воителю слава — отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могущему данъ.
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего".
Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой;
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый,
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.
„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!
Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите".
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.
Пируетъ съ дружиною Вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана;
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
„А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?"
И внемлетъ отвѣту: „На холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ".
Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „Что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня".
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „Спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь...
Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!"
Изъ мертвой главы гробовая змія,
Шипя, между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась,
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.
Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

Пророкъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!"

А. Пушкинъ.

Ангелъ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ;
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Лермонтовъ.

Молитва.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

Лермонтовъ.

Когда волнуется желтѣющая нива.

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

Лермонтовъ.

Зимній вечеръ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалый
Къ намъ въ окошко застучитъ.
Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя,—гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.
Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Выпьемъ добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя,—гдѣ же кружка?—
Сердцу будетъ веселѣй.

Пушкинъ.

Два великана [1]).

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣриться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ!
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ —
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій—и упалъ...
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ,

[1]) Александръ I и Наполеонъ I.

На невидимый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

Лермонтовъ.

Споръ.

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою [1])
Былъ великій споръ.
„Берегись!" сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
„Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ —
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!"
— Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары
Пѣну сладкихъ винъ.
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.

[1]) Эльбрусъ.

Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!
„Не хвались еще заранѣ!"
Молвилъ старый Шатъ:
„Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно братъ".—
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ,
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньи
Смотритъ, полный думъ;
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамена,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно-медленны, какъ тучи,
Прямо на востокъ.
И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый—
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ —
И навѣкъ затихъ.

Лермонтовъ.

Перелетная птичка.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ:
Солнце красное взойдетъ—

Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ,
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ;
Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море,
Улетаетъ до весны.

Пушкинъ.

Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,—
Пришелъ неводъ съ одной тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,—
Пришелъ неводъ съ травою морскою;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотою рыбкой,—
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
„Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь!“
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобы рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
—„Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо!
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ“.

* * *

Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо:
—„Я сегодня поймалъ-было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась;
Откупалась тѣмъ, что пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ,
Такъ пустилъ ее въ синее море“.
Старика старуха забранила:
„Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть-бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось!“

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю,
Видитъ море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
—„Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою;
Надобно ей новое корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось“.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто“.

* * *

Воротился старикъ ко старухѣ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
„Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ,
Поклонись ей, выпроси ужъ избу“.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю;
Помутилось синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
—„Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу проситъ сварливая баба“.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ“.
Пошелъ онъ къ своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда:
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На-чемъ-свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ:
„Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть черною крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой“.

* * *

Пошелъ старикъ къ синему морю
(Неспокойно синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
—„Смилуйся, государыня рыбка!

Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой".
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!"
Воротился старикъ ко старухѣ,—
Что-жъ онъ видитъ? Высокій теремъ.
На крыльцѣ стоитъ старуха
Въ дорогой, собольей душегрѣйкѣ;
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
—„Здравствуй, барыня-сударыня-дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна?"
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

* * *

Вотъ недѣля, другая проходитъ.
Еще пуще старуха вздурилась:
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
„Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей".
Испугался старикъ, взмолился:
—„Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь—
Насмѣшишь ты цѣлое царство!"
Осердилась пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа.
„Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью,
Не пойдешь, поведутъ по-неволѣ!"
Старичекъ отправился къ морю:
Почернѣло синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?"
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
—„Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей".—
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!"
Старичекъ къ старухѣ воротился.
Что-жъ? Передъ нимъ царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ свою старуху:
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вокругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ:
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался,
Въ ноги онъ старухѣ поклонился.
Молвилъ: „Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна?"—
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали,
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
„По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
Не садись не въ свои сани!"

* * *

Вотъ недѣля, другая проходитъ.
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
„Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою.
Чтобы жить въ окіанѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая,
И была-бъ у меня на посылкахъ".
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слово молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю—
Видитъ: на морѣ черная буря—
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче!"
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
—„Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морской,
Чтобы жить ей въ окіанѣ-морѣ,
Чтобъ ты сама ей служила,
И была-бы у нея на посылкахъ".—
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился—
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.

Пушкинъ.

б) *Выразительное чтеніе.* Когда учащійся научится пересказывать прочитанныя статьи цѣликомъ, можно приступить къ художественному чтенію, называемому иначе *выразительнымъ.* Объяснительное чтеніе имѣетъ въ виду только одно лицо—читающее и требуетъ, чтобы оно понимало прочитанное. Выразительное чтеніе имѣетъ въ виду слушателей и требуетъ, чтобы чтеніе было пріятно для слуха и поддерживало-бы вниманіе слушателей. Главныя условія выразительнаго чтенія слѣдующія: а) слова, не раздѣленныя знаками препинанія, сливаются вмѣстѣ; б) слова раздѣленныя знаками препинанія, произносятся раздѣльно, при чемъ запятая требуетъ очень короткій разрывъ (пауза) между словами, остальные знаки препинанія—болѣе продолжительный; в) слово, послѣ котораго стоитъ восклицательный знакъ, произносится съ повышеніемъ голоса, (т. е. громче, чѣмъ другія); г) слова, послѣ которыхъ стоитъ вопросительный знакъ, произносятся вопросительно, при чемъ вопросительный оборотъ падаетъ на то слово, въ которомъ заключается вопросъ, (т. е. въ справедливости котораго сомнѣваются); д) правильно дѣлать ударенія въ словахъ, при чемъ различаются ударенія двоякаго рода: грамматическое, которое есть въ каждомъ словѣ и которое при выразительномъ чтеніи выдѣляется не рѣзко, и логическое, рѣзко выдѣляющееся на томъ словѣ, на которое нужно обратить большое вниманіе.

Не слѣдуетъ думать, что выразительное чтеніе есть чтеніе искусственное: оно будетъ вполнѣ удовлетворять своему назначенію, если произносится такъ, какъ обыкновенно говорятъ; слѣдовательно выразительное чтеніе есть чтеніе естественное.

Возьмемъ для примѣра стихотвореніе Пушкина „Полтавскій бой“. Многіе изъ учениковъ младшихъ классовъ читаютъ стихи такимъ образомъ, что дѣлаютъ остановку послѣ каждаго стиха (строчки) и сливаютъ всѣ слова одной строчки такъ, что получается впечатлѣніе, похоже на то, когда слушаемъ—какъ рубятъ капусту. Въ данномъ случаѣ, они прочитаютъ такъ: „Горитъ востокъ зарею новой. Ужъ на равнинѣ, по холмамъ. Грохочутъ пушки дымъ багровый. Кругами всходитъ къ небесамъ. На встрѣчу утреннимъ лучамъ“... (Точки разставлены на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они сдѣлаютъ остановку). Такъ какъ остановки послѣ словъ: *по холмамъ, багровый* не имѣютъ основанія и лишаютъ предложенія смысла; такъ какъ въ каждомъ стихѣ (строчкѣ) число грамматическихъ удареній одинаково, что и производитъ впечатлѣніе рубки, то такое чтеніе дѣйствуетъ на слухъ непріятно, не вызываетъ никакихъ представленій, трудно понимается и потому является *невыразительнымъ.*

Совсѣмъ другой эффектъ произведемъ на слушателей, если прочитаемъ такимъ образомъ: „Горитъ востокъ зарею новой. Ужъ на равнинѣ по холмамъ грохочутъ пушки. Дымъ багровый кругами всходитъ къ небесамъ, на встрѣчу утреннимъ лучамъ.“.. Во-первыхъ сдѣлаемъ логическое удареніе на словѣ „горитъ“ (надъ буквою *и*) и пониженіе голоса на послѣднемъ слогѣ въ словѣ „новой“. Послѣ пониженія голоса слѣдуетъ остановка и затѣмъ продолжается чтеніе. Второе предложеніе: „ужъ на равнинѣ, по холмамъ грохочутъ пушки“—имѣетъ логическое удареніе въ словѣ „грохочутъ“ (на слогѣ *хо*) и пониженія голоса въ словахъ: „равнинѣ“ и „пушки“. Третье предложеніе: „дымъ багровый кругами всходитъ къ небесамъ, на встрѣчу утреннимъ лучамъ“—имѣетъ логическое удареніе на послѣднемъ слогѣ слова „небесамъ“, гдѣ должно-бы быть пониженіе голоса предъ запятой; пониженіе голоса остается только на послѣднемъ словѣ „лучамъ“.

Если такимъ образомъ мы прочитаемъ все стихотвореніе, соблюдая ударенія, пониженія голоса (предъ знаками препинанія), остановки послѣ знаковъ препинанія, то чтеніе произведетъ на слушателей хорошее впечатлѣніе, вызоветъ въ ихъ воображеніи цѣлый рядъ картинъ и явится чтеніемъ выразительнымъ.

Соблюдая указанныя правила, предлагаемъ читателямъ прочитать выразительно всѣ приведенныя выше (для объяснительнаго чтенія) стихотворенія. Что-же касается прозы, то она читается выразительно гораздо легче, соблюдая тѣ-же самыя правила.

в) *Разсказъ видѣннаго и слышаннаго.* Объяснительное чтеніе научаетъ насъ пересказывать прочитанную статью. Но если мы не читаемъ, а слышимъ чтеніе, или какой-нибудь разсказъ, то понятно можемъ воспользоваться тѣми-же пріемами и пересказать слышанное. Другое дѣло, если требуется пересказать видѣнное. Здѣсь мы не читаемъ и не слышимъ—вообще, не имѣемъ готовыхъ словъ для пересказа, а должны подыскать ихъ сами, сообразуясь съ впечатлѣніями органа зрѣнія. Поэтому, разсказать видѣнное значительно труднѣе, чѣмъ слышанное и прочитанное. Приведемъ три примѣра разсказа о видѣнной грозѣ: 1) совершенно безыскусственный — ученическій, 2) искусственный—прозаическій и 3) искусственный—поэтическій. По первому образцу предлагается написать разсказы о видѣнномъ торжествѣ, бурѣ и т. п.—вообще о томъ, что въ памяти каждаго особенно сильно запечатлѣно.

Гроза.

Сначала появилось на горизонтѣ небольшое черное облако, которое, приближаясь къ намъ, все расло и расло такъ, что чрезъ полчаса заволокло все видимое пространство. Дунулъ вѣтеръ—деревья нагнулись, листья зашумѣли. Пыль поднялась кверх-

ху и закружилась въ воздухѣ. Птицы испуганно прятались въ гнѣзда, или въ вѣткахъ деревьевъ и вмѣсто ихъ пѣнія начался заунывный вой вѣтра. Вдругъ между тучами мелькнула молнія и раскаты грома потрясли воздухъ. Почти одновременно съ первыми раскатами грома полился такой обильный дождь, что въ нѣсколько минутъ превратилъ нашу улицу въ одну сплошную лужу. Между тѣмъ молнія продолжала сверкать, описывая между тучами зигзагообразныя линіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ раздавались удары грома все сильнѣе и сильнѣе. Люди попрятались въ жилища, набожно крестясь при каждомъ ударѣ грома, животныя поспѣшили скрыться и поля опустѣли. Но вотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впервые показалось облачко, просіяло голубое небо—сначала съ ладонь величиною, но потомъ разростающееся все болѣе и болѣе. Вѣтеръ утихъ, дождь прекратился, снова засіяло солнце и лужи быстро исчезли. Снова птичій хоръ раздался, животныя вышли на мокрые поля и люди по-прежнему закопошились.

Гроза.

Полуденный воздухъ, накаленный знойными лучами солнца, становился душенъ и тяжелъ. Вотъ и солнце спряталось. Стало темно. И лѣсъ, и дальнія деревни, и трава—все облеклось въ безразличный, какой-то зловѣщій цвѣтъ. Съ запада тянулось, точно живое чудовище, черное, безобразное пятно, съ мѣднымъ отливомъ по краямъ, и быстро надвигалось на село и на рощу, простирая будто огромныя крылья по сторонамъ. Все тосковало въ природѣ. Коровы понурили головы; лошади обмахивались хвостами, раздували ноздри и фыркали, встряхивая гривой. Пыль подъ ихъ копытами не поднималась вверхъ, но тяжело, какъ песокъ, разсыпалась подъ колесами. Туча надвигалась грозно. Вскорѣ медленно прокатился отдаленный гулъ. Все притихло, какъ будто ожидало чего-то небывалаго. Куда дѣвались эти птицы, которыя такъ рѣзво порхали и пѣли при солнышкѣ? Гдѣ насѣкомыя, что такъ разнообразно жужжали въ травѣ? Все спряталось и безмолствовало. И бездушные предметы, казалось, раздѣляли зловѣщее предчуствіе. Деревья перестали покачиваться и задѣвать другъ друга сучьями: они выпрямились; только изрѣдка наклонялись верхушками между собою, какъ будто взаимно предупреждая себя шопотомъ о близкой опасности. Въ деревнѣ всѣ старались убраться во-время по домамъ. Наступила минута всеобщаго, торжественнаго молчанія. Отъ лѣсу какъ передовой вѣстникъ, пронесся свѣжій вѣтерокъ, повѣялъ прохладой въ лицо прохожему, прошумѣлъ по листьямъ, захлопнулъ мимоходомъ ворота въ избѣ и, вскрутя пыль на улицѣ, затихъ въ кустахъ. Слѣдомъ за нимъ мчится бурный вихрь, медленно двигая по дорогѣ столбъ пыли; вотъ ворвался въ деревню, сбросилъ нѣсколько гнилыхъ досокъ съ забора, снесъ соломенную кровлю, взвилъ платокъ у несущей воду бабы и погналъ вдоль улицы пѣтуховъ и куръ, раздувая имъ перья. Пронесся. Опять безмолвіе. Все суетится и прячется; только глупый баранъ не предчувствуетъ ничего: онъ равнодушно жуетъ свою жвачку, стоя посреди улицы, и глядитъ въ одну сторону, не понимая общей тревоги; да перышко съ соломинкой, кружась по дорогѣ, силятся поспѣть за вихремъ. Упали двѣ-три крупныя капли дождя — и вдругъ блеснула молнія. Старикъ всталъ съ завалинки и поспѣшно повелъ маленькихъ внучатъ въ избу; старуха, крестясь, торопливо закрыла окно. Грянулъ громъ и, заглушая людской шумъ, торжественно прокатился въ воздухѣ. Испуганный конь оторвался отъ коновязи и мчится съ веревкой въ полѣ; тщетно преслѣдуетъ его крестьянинъ. А дождь такъ и сыплетъ, такъ и сѣчетъ, все чаще и чаще, дробитъ въ кровли и окна, сильнѣе и сильнѣе, и чья-то рука боязливо высовываетъ на балконъ предметъ нѣжныхъ заботъ—цвѣты.

Гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.

* * *

Гремятъ раскаты молодые;
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нивы золотитъ;

* * *

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный;
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный —
Все вторитъ весело громамъ.

Тютчевъ.

г) *Заучиваніе наизусть басенъ и стихотвореній.* Программы учебныхъ заведеній требуютъ знанія нѣсколькихъ басенъ и стихотвореній для выразительнаго ихъ произношенія. Вотъ примѣрно списокъ тѣхъ басенъ и стихотвореній, которыя необходимо заучить наизусть:

Басни: Демьянова уха, Пустынникъ и Медвѣдь, Волкъ на псарнѣ, Волкъ и Журавль, Гуси, Квартетъ, Стрекоза и Муравей, Любопытный, Оселъ и Соловей, Обезьяна, Двѣ бочки, Трудолюбивый Медвѣдь, Щука и Котъ, Мартышка и Очки, Ворона и Лисица. *Стихотворенія:* Перелетная птичка, Зимній вечеръ, Пророкъ, Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ,

Кавказъ, Утопленникъ, Горцы, Бѣсы, Туча, Поэтъ, Клеветникамъ Россіи, Полтавскій бой, Зима (Пушкина), Бородино, Споръ, Вѣтка Палестины, Три пальмы, Ангелъ. Молитва, Когда волнуется желтѣющая нива, Воздушный корабль, Тучи, Парусъ, (Лермонтова), Пѣсня пахаря, Что ты спишь мужичекъ? Лѣсъ (Кольцова), Кто онъ? (Майкова).

Демьянова уха.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста, покушай“.
— „Сосѣдушка, я сытъ по горло“. — „Нужды нѣтъ!
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!“
— „Я три тарелки съѣлъ“.—„И, полно, что за счеты!
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! да какъ жирна!
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!“
Такъ потчевалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однакоже еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю. „Вотъ друга я люблю!“
Вскричалъ Демьянъ: „зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!“
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.
Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во-время не умѣешь
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

Крыловъ.

Пустынникъ и медвѣдь.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

* * *

Жилъ нѣкто, человѣкъ безродный, одинокій,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій:
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: „А лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?“
Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть.
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ;
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу,
И милому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ неговорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ:
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можемъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій, побродить по рощамъ, по лугамъ
И по доламъ и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
— „Прилягъ-ка, братъ, и отдохни
Да, коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу“.
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла:
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,

А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ отъ часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: „Молчи жъ, ужъ я тебя во-
струху!“
И, у друга на лбу подкараулю муку,
Что силы есть—хвать друга камнемъ въ
лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ что черепъ врозь раз-
дался,
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался!

Крыловъ.

Волкъ на псарнѣ.

Волкъ ночью, думая залѣсть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: „Ахти, ребята, воръ!“
И въ мигъ ворота на запоръ.
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.

„Огня!“ кричатъ: „огня!“ Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ;
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ наконецъ
Ему расчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры

И началъ такъ: „Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры.
Забудемъ прошлое! уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...“—„Послушай-ка, сосѣдъ“,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
„Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю,
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой“.
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

Крыловъ.

Волкъ и журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
За то на одного изъ нихъ пришла бѣда;
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть,
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ Журавль случился.
Вотъ кой-какъ, знаками, Волкъ сталъ его манить,
И проситъ горю пособить.
Журавль свой носъ, по шею,
Засунулъ Волку въ пасть
И съ трудностью большою
Кость вытащилъ и сталъ за трудъ просить.
—„Ты шутишь!“ звѣрь вскричалъ коварный.
„Тебѣ за трудъ? Ахъ, ты неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ?!
Поди-жь пріятель, убирайся,
Да берегись? впередъ ты мнѣ не попадайся“.

Крыловъ.

Гуси.

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;
И правду-истину сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной.
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню.
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
„Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти!
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ какъ будто-бы простыхъ гусей гоняетъ;
А этого не смыслетъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,—
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ
гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ;
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!“
— „А вы хотите быть за что отличены?“
Спросилъ прохожій ихъ.—Да наши предки...“
— „Знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?“
— „Да наши предки Римъ спасли...“
— „Все такъ, да вы что сдѣлали такое?“
— „Мы? ничего!“—„Такъ что-жъ и добраго въ
васъ есть?

Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣломъ была и честь,—
А вы, друзья, лишь годны на жаркое".

* *
Басню эту можно-бы и болѣ пояснить,
Но чтобъ гусей не раздразнить...

Крыловъ.

Квартетъ.

Проказница Мартышка.
Оселъ,
Козелъ,
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ...
„Стой, братцы, стой!" кричитъ Мартышка: „погодите!
Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы не такъ сидите...
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я—примо—сяду противъ вторы:
Тогда пойдетъ ужъ мызыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!"
Разсѣлись, начали квартетъ,—
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
„Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ",
Кричитъ Оселъ: „мы вѣрно ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ".
Послушались Осла, усѣлись чинно въ рядъ,
А все квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ пуще прежняго пошли у нихъ разборы
И споры:
Кому и какъ сидѣть.
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье:
„Пожалуй, говорятъ, возми на часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ намъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть,—
Скажи лишь: какъ намъ сѣсть?"
— „Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй",
Имъ отвѣчаетъ соловей:
„А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь!"

Крыловъ.

Стрекоза и Муравей.

Попрыгунья Стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ.
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ, и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, холодъ, настаетъ;
Стрекоза ужъ не поетъ,—
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный?
Злой тоской удручена,
Къ Муравью ползетъ она:
— „Не оставь меня, кумъ милый,
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй!"
— „Кумушка мнѣ странно это!
Да работала-ль ты въ лѣто?"
Говоритъ ей Муравей.
До того-ль голубчикъ было!
Въ мягкихъ муравахъ у насъ—
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило".
— „А, такъ ты..."—„Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла".
—„Ты все пѣла?—это дѣло!...
Такъ поди-же попляши!"

Крыловъ.

Любопытный.

„Пріятель дорогой, здорово! гдѣ ты былъ?"
— „Въ кунсткамерѣ, мой другъ! часа тамъ три ходилъ,
Все видѣлъ, высмотрѣлъ: отъ удивленья,
Повѣришь-ли,— не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ—палата!
Куда на выдумки природа торовата:
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки:
Однѣ—какъ изумрудъ, другія—какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право менѣе булавочной головки!"
— „А видѣлъ-ли слона? Каковъ собой на взглядъ?
Я, чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?"
— „Да развѣ тамъ онъ?"—„Тамъ".
„Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ".

Крыловъ.

Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья
И говоритъ ему: „Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ пѣть великій мастерище;

Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье:
Велико-ль, подлинно, твое умѣнье?"
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ вѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
„Изрядно" говоритъ: „сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ.
Еще-бъ ты болѣ навострился,
Когда-бы у него немножко поучился".
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и—полетѣлъ за тридевять полей.

——

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!

Крыловъ.

Обезьяна.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
Зато, кто мимо не проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: „спасибо! исполать!"
Мартышку это въ зависть вводитъ.
Хвалы приманчивы—какъ ихъ не пожелать!—
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ и ну надъ нимъ возиться.
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ.
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ,
И, наконецъ, она, пыхтя, насилу дышитъ:
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

Крыловъ.

Двѣ Бочки.

Двѣ Бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая.
Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется,
Другая вскачь несется;
Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ,
И пыль столбомъ;
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмется,
Ее заслышавши изъ далека;
Но какъ та Бочка не громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой велика.
Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ вѣрно мало толку;
Кто дѣловъ истинно,—тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Крыловъ.

Трудолюбивый Медвѣдь.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнуть съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за версту проказу.
Орѣшника, березника и вязу
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,
А не дается ремесло!
Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта
И говоритъ: „Сосѣдъ, что за причина эта?
Деревья таки я ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу:
Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?"
—„Въ томъ", отвѣчалъ сосѣдъ,
„Чего въ тебѣ, кумъ вовсе нѣтъ:
Въ терпѣньѣ".

Крыловъ.

Щука и Котъ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ;
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить илъ выслушать разумнаго совѣта.

——

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю, завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть ей рыбный столъ наскучилъ,—
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить.
„Да полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?"
Сталъ Щукѣ Васька говорить:
„Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится".
— „И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
„Мы лавливали и ершей".
— „Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!" Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ.
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это Щука,
Тебѣ наука—
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить!

Крыловъ.

Мартышка и Очки.

Мартышка въ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще на такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести Очки.
Очковъ съ полдюжины она себѣ достала;
Вертитъ Очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ.
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
„Тьфу пропасть!" говоритъ она: „и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про Очки лишь мнѣ налгали;
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ".
Мартышка тутъ съ досады и печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

———

Къ несчастью, то жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь,—цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжда познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

Крыловъ.

Ворона и Лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрокъ
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

———

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру.
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ; Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
„Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ право сказки!
Какія перышки, какой носокъ!
И вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты бъ у насъ была Царь-птица!"
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло,—
И на привѣтливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло;
Сыръ выпалъ—съ нимъ была плутовка такова.

Крыловъ.

Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины...
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье;
И первое грозныхъ обваловъ движенье;
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени;
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! нѣтъ ни пищи ему ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

Пушкинъ.

Горцы.

(Изъ поэмы „Кавказскій плѣнникъ").

Европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье;
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту
И легкость ногъ и силу длани;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда черкесъ проворный,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукѣ склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесъ оружіемъ обвѣшанъ,
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій конный—
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство—конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится;
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій,
И странника въ учелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги;
Все путь ему: болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ —
Онъ въ глубь кипящую несется,
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая смерти проситъ
И зритъ ее передъ собой...
Но мощный конь—его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.
Иль ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые —
Щитъ, бурку, панцирь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ,
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки —
И мимо нихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась—и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.
  Когда же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И, спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня —
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ, ласково встаетъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь[1]) отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріемный.
Бывало, въ свѣтлый Баиранъ[2])
Сберутся юноши толпою,
Игра смѣняется игрою:
То, полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То, съ высоты крутыхъ холмовъ,
Нетерпѣливыми рядами,

---

[1]) Чихирь—красное грузинское вино.
[2]) Байранъ, или Байрамъ—праздникъ розговѣнья.

При данномъ знакѣ, вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.
Но скученъ міръ однообразный
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ.
И въ радости младенцы плещутъ.

Пушкинъ.

Бѣсы.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій, —
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно по неволѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
—Эй, пошелъ, ямщикъ!.. „Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи,
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно—
Сбились мы. Что дѣлать намъ!
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.
„Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ плюетъ на меня;
Вонъ теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ свекнулъ онъ искрой малой,
И пропалъ во тьмѣ пустой..."
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,—
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ.
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали...—Что тамъ въ полѣ?
—„Кто ихъ знаетъ; пень иль волкъ!"
Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ-динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового-ли хоронятъ,
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ.
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,—
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ.

Пушкинъ.

Туча.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! пора миновалась:
Земля освѣжилась и буря промчалась.
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Пушкинъ.

Поэтъ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетного свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы,
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.

А. Пушкинъ.

Клеветникамъ Россіи.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненіе Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судь-
бою,—
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы!
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неровномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ?—вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага!
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...
За что-жъ? отвѣтствуйте: за то-ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, предъ кѣмъ дрожали вы?
За то-ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Кол-
хиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля!...
Такъ высылайте-жъ намъ, витіи,
Своихъ озлолбленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Росссіи
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

Пушкинъ.

Зима.

Зима... крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь.
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь.
Бразды пушистыя вздымая,
Летитъ кибитка удалая.
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ.
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ;
Ему и больно, и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно.

Пушкинъ.

Бородино.

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!“
— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя;
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!
Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
Что-жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что-ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?..“
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Фрацузы тутъ-какъ тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ, мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи!“
И вотъ на полѣ грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь!

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй...
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ,
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
— И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну-жъ былъ денёкъ! Сквозь дымъ летучій,
Французы двинулись какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетѣть мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой...
Земля тряслась, какъ наши груди...
Смѣшались въ кучу кони, люди.
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...
Да были люди въ наше время,
Могучее лихое племя,
Богатыри—не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы.

Лермонтовъ.

Три пальмы.

Въ печальныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый изъ чуждой земли
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой;
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
„На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ничей благосклонный не радуя взоръ...
Неправъ твой, о небо, святой приговоръ!..“

И только замолкли — въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорные полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ —
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежды ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ.
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ:
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключомъ;
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Лермонтовъ.

Тучи.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною,
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.
Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?
Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Лермонтовъ.

Парусъ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны; вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы онъ счастія не ищетъ.
И не отъ счастія бѣжитъ.
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой.

Лермонтовъ.

Лѣсъ.

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?
Что Бова-силачъ,
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,
Ты стоишь,—поникъ
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?
Густолиственный,
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ—
И развѣялъ въ прахъ.
Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь поникъ
И не ратуешь,
Гдѣ-жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя ль было,
Въ ночь безмолвную,
Заливная пѣснь
Соловьиная...
У тебя-ль, было,
Дни—роскошество,
Другъ и не другъ твой
Прохлаждаются...
У тебь-ль было,
Поздно вечеромъ,
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ:
Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ—холодомъ
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
„Вороти назадъ,
Держи около!..“
Закружитъ она,
Разыграется...
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься—
Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ...
Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море...
Гдѣ-жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился,
Одичалъ, замолкъ...
Только въ непогодь
Воешь жалобу
На безвременье...
Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Всю ты жизнь свою
Маялъ битвами.
Не осилили
Тебя сильные—
Такъ дорѣзала
Осень черная:
Знать, во время сна,
Къ безоружному

Силы вражія
Понахлынули,
Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову—
Не большой горой,
А соломинкой...

Кольцовъ.

Кто онъ?

На берегу Невы великой,
По тропиночкѣ лѣсной
Ѣхалъ всадникъ. Вкругъ все дико:
Ель, сосна, да мохъ сѣдой.
Передъ нимъ рыбачья хата.
Подъ сосной, у синихъ волнъ,
Старый рыбарь бородатый
Колотилъ дырявый челнъ.
Всадникъ молвилъ: „Дѣдъ, здорово!"
Богъ на помощь! какъ живешь?
Много-ль ловишь ты, и лова
Гдѣ добычу продаешь?"
Отвѣчалъ старикъ сердито:
„Рыбы мало-ли въ рѣкѣ...
Только нѣтъ инаго сбыта,
Какъ въ сосѣднемъ городкѣ.
„Да теперь мнѣ что въ ловитвѣ?
Вишь, какая здѣсь возня!
Вы дрались, а бомбой въ битвѣ
Челнъ прошибло у меня".
Всадникъ прочь съ коня; безмолвно
Взялъ топоръ и млатъ съ пилой,
Мигомъ сбилъ борты у челна,
Руль привѣсилъ за кормой.
„Ну, старинушка, готово:
Смѣло въ воду челнъ содвинь,
И на счастіе Петрово
Сѣти на море закинь!"
Онъ исчезъ. Старикъ строптивый
Думалъ молча: „что за диво?
Съ виду смотритъ онъ царемъ,
А гораздъ такъ топоромъ"...

А. Майковъ.

Работы письменныя. а) *Диктовка.* Для того, чтобы учащіеся научились правописанію, въ младшихъ классахъ учебныхъ заведеніяхъ введена диктовка. Она состоитъ въ томъ, что учитель прочитываетъ отдѣльныя предложенія, выборъ которыхъ приноравливается къ изучаемому грамматическому матеріалу, а ученики пишутъ то, что учителъ читаетъ. Такъ какъ произношеніе не всегда сходно съ правописаніемъ, то для избѣжанія ошибокъ необходимо знаніе грамматическихъ правилъ. Повѣрка диктовки обнаруживаетъ это знаніе и, такимъ образомъ, оно закрѣпляется. При самообразованіи диктовка не всегда возможна, такъ какъ не всегда можно найти человѣка, который былъ-бы способенъ диктовать. Чтобы избѣжать это затрудненіе, не оставляя пробѣла въ нашемъ трудѣ, мы предлагаемъ читателямъ *зрительный* диктантъ, пользованіе которымъ сводится къ слѣдующему: списывать въ тетрадь предлагаемый диктантъ, вставляя пропущенные въ словахъ буквы. Эти пропущенныя буквы въ диктантѣ замѣнены черточками. Когда диктантъ будетъ переписанъ и пропущенныя буквы вставлены, работу можно повѣрить по ключу, приведенному далѣе и, такимъ образомъ, обнаружится количество ошибокъ. Сдѣланныя ошибки слѣдуетъ заучить и объяснить ихъ извѣстными грамматическими правилами.

Зрительный диктантъ.*)

Урокъ 1-й (согласные звуки, неясные въ произношеніи). Пока тра—ка подрастетъ, воды много утече—ъ.— Старый дру—ъ лучше новыхъ двухъ.— Привѣтъ и любо—ь лучше всякихъ пиро—ъ.— На болотѣ почва зы—кая и тонкая.— Нѣкогда и въ богатыхъ домахъ вмѣсто мя—кихъ дивановъ употреблялись дубовыя ла—ки.— Медвѣ—ь большой охотникъ до меда.— Береги дене—ку на черный день.— Кто не богатъ, тотъ алтыну ра—ъ.— Самый холодный и рѣ—кій вѣтеръ—сѣверо-восточный.— Каково деревцо, тако—ъ и пло—ъ.— Ры—ка мелка, да уха сла—ка.— Лоша—ка, снѣгъ почуя, плетется рысью какъ-нибу—ь.

Урокъ 2-й (на буквы *и, і, ѣ, э, ѳ*). Солнышко с—яетъ добрымъ и злымъ.— Вел—кій князь Кіевскій Влад—міръ ввелъ на Руси христіанскую в—ру.— На весь м—ръ не угодишь.— Худой м—ръ лучше доброй ссоры.— М—рныя занятія поселянина заслуживаютъ такого же уважен—я, какъ храбрые подвиги воина.— На м—ру и смерть красна.— Съ к—мъ живешь, того пѣсенку по—шь.— Чѣмъ глубж— скорбь, т—мъ ближе Богъ.— Апр—льскіе дожди не такъ пол—зны для полей, какъ майск—е.— Всего чаще встр—чаются фамиліи Алеке—евъ, Серг—евъ, Ерем—евъ, Тимоѳ—евъ, А—анасьевъ, —едоровъ, —оминъ.— Пушкинъ нашъ лучшій по—тъ.— Экваторъ есть линія, раздѣляющая земной шаръ на два полушарія.— Баталіонъ состоитъ изъ тысячи челов—къ.— Въ Росс—и бол—е ста милліоновъ жителей.— Батальонами командуютъ ма—оры.— „Все мо—" сказало злато. „Все мое" сказалъ булатъ.— Богъ тому да—тъ, кто правдою жив—тъ.— Долгъ платежемъ крас—нъ.— Новая м—тла чисто мететъ.— Ласточка д—нь начинаетъ, а солов—й кончаетъ.— —хо есть отголосокъ.— Въ Москв— есть зданія въ пять и въ шесть —тажей.

*) Примѣры заимствованы изъ грамматики Преображенскаго.

Урокъ 3-й (на усиленіе гласныхъ и полногласіе). За худ—мъ пойдешь, на бѣду набредешь.— Ложь не приведетъ къ д—бру.— Много наберешь, д—мой не донесешь.— Богъ есть тв—рецъ и хранитель міра.— Во всякомъ п—ложеніи человѣкъ долженъ быть честенъ.— Человѣкъ предп—лагаетъ, а Богъ расп—лагаетъ.— Легк—мысленные люди любятъ въ разг—ворѣ до всего коснуться слегка.—На сѣверѣ р—стутъ преимущественно хвойныя деревья.— И чрезъ зол—то слезы льются.— Чей берегъ, т—го и рыба.— Порохъ легко в—спламеняется.— Олень водится въ х—лодныхъ странахъ.— Б—реги платье снова, а честь смолода.— Въ старину барскія жилища назывались х—ромами.— М—локо здоровая и питательная пища.— Уѣзды дѣл—тся на волости.— Дерево узнаютъ по пл—дамъ, а человѣка—по д—ламъ.— Друга легко найти, да трудно с—хранить.— Не т—ряй драг—цѣннаго времени даромъ.

Урокъ 4-й (на смягченіе и употребленіе согласныхъ). Въ садахъ д—рожки посыпаютъ пескомъ.—Своя рубашка къ тѣлу бл—же.— Не давай об—щаній, которыхъ не можешь исполнять.— Кузнечики трещатъ, когда л—таютъ.— У дикихъ народовъ мщ—ніе считается добродѣтелью.— Рыба ищетъ гдѣ гл—бже, а человѣкъ—гдѣ лучше.— Т—плая шубка зимою не шутка.—Сдѣлавши дѣло, можно отд—хнуть.— Безъ здоровья человѣкъ не можетъ быть сч—стливъ.— Дикари украшаютъ ноздри к—льцами.—Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ считается однимъ изъ крас—вѣйшихъ зданій.—Пришла бѣда, —творяй ворота.— Память изощряется зауч—ваніемъ наизусть.

Урокъ 5-й (соединеніе согласныхъ съ гласными). Рыбій ж—ръ употребляется какъ лѣкарство.— Волга шире и длиннѣе друг—хъ рѣкъ Европы.— Щука ж—рная рыба.— Ч—йное дерево растетъ въ Китаѣ.— Азія—самая большая ч—сть свѣта.— Лучше свое поберечь, чѣмъ ч—жое прож—ть.— Чужую бѣду руками разведу, а къ своей бѣдѣ ума не прилож—. —Медиц—на есть наука о лѣченіи болѣзней.— Нынѣ употребляемыя ц—фры называются арабскими.— Чай привозятъ изъ Китая въ ц—бикахъ.— Ц—нга страшная болѣзнь.

Урокъ 6-й (гласные звуки, неясные въ произношеніи). Г—ристыя мѣста красивы.— Безъ заботъ и хл—потъ не проживешь на свѣтѣ.—Умываться холодной в—дой весьма здорово.—М—рская вода имѣетъ горькосоленый вкусъ.— Въ м—лодые годы трудъ не тяжелъ.— Нѣк—торыхъ животныхъ выучиваютъ пл — сать. — Многія птицы питаются черв — ками. — Страусово —йцо величиною съ дыню. — Мы многаго боимся, п — ка не приглядимся. — Не красна изба углами, красна пир — гами. — Свои два глаза д—роже алмаза.—. За Богомъ м—литва, за царемъ служба не пропадаетъ. — У всякой птички свой г—лосокъ. Волга при вп—деніи въ Каспійское море дѣлится на множество рукавовъ.

Урокъ 7-й (имена нарицательныя и собственныя). Ока впадаетъ въ —олгу у Нижняго-Новгорода.— Славна —страхань осетрами, а Сибирь—соболями.— Кіевъ былъ столицею древней —уси. — —азанью когда-то владѣли татары.—Въ —ифлисѣ живутъ русскіе, армяне, персіяне, грузины.— Коронованіе государей совершается въ —спенскомъ соборѣ.— Петербургъ есть резиденція —осударя Императора. — У —ога милости много. — Памятникъ Минину и —ожарскому находится въ —осквѣ. на Красной площади. —На —евскомъ проспектѣ самыя лучшія зданія.

Урокъ 8-й (слова сложныя). Хлѣб — пашество есть источникъ богатства нашего отечества. — Земл—трясенія истребляютъ иногда цѣлые города.— Россія гибла отъ межд—усобій и спаслась един— державіемъ.— Трудъ земл — дѣльца самый здоровый.—О началѣ Руси разсказывается въ лѣт — писи Нестора.— Добр — душный человѣкъ всѣхъ располагаетъ къ себѣ. — Разн — образіе занятій облегчаетъ трудъ. — Пут — шествія развиваютъ нашъ умъ.—Благ—вѣщеніе бываетъ 25 марта.— Чест—любіе погубило многихъ.— Велик — душіе есть качество истинно благороднаго человѣка. — Сказки о цар—дѣвицѣ и жар—птицѣ любопытны.— Сум — сшедшіе заслуживаютъ сожалѣнія.— Науки из—щряютъ нашъ умъ.—Умѣлъ ошибиться с—мѣй и поправиться.— Ни въ одной наукѣ не успѣешь если не будешъ знать всего пред — дущаго. Въ старину писцовъ называли под — ячими.— Народныя пѣсни называются без—скуственными.—Много въ природѣ для насъ необъ—снимо.

Урокъ 9-й (суффиксы именъ существительныхъ). Солнечный луч— пробѣгаетъ пространство отъ солнца до земли въ восемь минутъ и восемь секундъ...—Вѣрная собака—надеж—ый сторожъ. Пища жителей крайн—го сѣвера скудна и однообразна.— Лож — унижаетъ человѣка. — Въ безснѣж — ыя зимы замерзаетъ озим—.—Иней появляется на дерев—яхъ въ ясные морозны— дни послѣ оттепели. — Улей служитъ жилищемъ дл — пчелъ.— Острі— ножей дѣлае—ся изъ стали.—Затм—ніе луны бываетъ тогда, когда между луною и со—нцемъ становится земля.— Песк — рь водится въ рѣкахъ съ песчанымъ дномъ. — Англичан — владѣютъ обширн—ми колоніями.— Женщин— занимаются домашнимъ хозяйствомъ, а мужчины ненесутъ болѣе тяжелый тру — ъ; пашутъ, косятъ и проч.— Дружба дружб — й, а служба службой. — Подснѣжникъ—первый весенн—й цвѣточ—къ.— Память великомуч — ника Георг — я празднуется 23 апрѣля.— Слово можжев—льникъ образовалось изъ двухъ словъ: между—ельникъ. — Извозчики бываютъ легковы —и ломовы—. Колибри сама — маленька — птичка. — Въ народныхъ пѣс—яхъ Владиміръ Святой называется Крас — ымъ

Солнышкомъ.— Курочка по зерн—шку сбираетъ, да сыта бываетъ.—Всякъ молод—цъ на свой образ—цъ. — На хорош—й цвѣточ—къ и пчелка летитъ. —Убогимъ Богъ прибѣж—ще. Кіевъ русской славы колыб—ль.—Падчер—ца съ мачихой рѣдко уживаются. — Знаменитую Куликовскую битву народъ называетъ Мамаевымъ побоищ—мъ.—На всякое хотѣніе есть терп—ніе.—Повтор—ніе—мать ученію.—Не по нашему хотѣнью, а по Божь—му изволенію.—

Урокъ 10-й (склоненія существит). Безгрѣшнаго человѣка на свѣт—нѣтъ. Шило въ мѣшк—не утаишь.—Съ другомъ жить—вс—дѣлить.—Съ разборомъ— выбирай друзей.—Таланты Богомъ даются, а богатств—пріобрѣтается самимъ человѣкомъ.—Съ сосѣдям—должно жить въ мирѣ и согласі—Домашніе слуг—въ старину назывались холопами.—Болгар—освобождены русскими изъ—подъ власти турокъ.—Поверхность земл—нагрѣвается солнечными лучам—. Въ чужомъ глаз—сучекъ видишь, а въ своемъ бревн—не чувствуешь.—Дѣт—должны повиноваться родителямъ и воспитателямъ.—Цыган—ведутъ кочевую жизн—Куликовская битв—была при Дмитрі—Ивановичѣ Донскомъ.—Съ умнымъ товарищ—мъ побесѣдуешь, ума себѣ прибавишь.

Урокъ 11-й. Шиломъ мор— не нагрѣешь.—Одинъ въ пол— не воинъ.—Некогда собакъ кормить, когда собрался въ пол— ѣхать.—Искусный плаватель въ мор— не утонетъ.—Во всякомъ звані— бываютъ хорошіе люди.—Не спѣши языкомъ, торопись дѣл—мъ.—Николай Васильевичъ Гоголь учился въ гимназі— князя Безбородка.—На Черномъ мор— осенью бываютъ бури.—Въ гор— не унывай, а на Бога уповай.—Села отличаются отъ деревен— тѣмъ, что имѣютъ церковь.—И на солнц— есть темныя пятна.—Плодовыя деревья разводятъ преимущественно въ среднихъ и южныхъ губерні—хъ.—Въ деревенскихъ избахъ окн— бываютъ маленькія.—У грековъ процвѣтали всѣ искусств—.—Лѣсъ сѣчь— не жалѣть плеч—. Рукоятка копі— дѣлается изъ клена.—Въ Италі—открыто въ землѣ много древнихъ жилищъ.—Языческі— храмы называются капищами.

Урокъ 12-й. Кто не знаетъ басн— о попрыгуньѣ-стрекозѣ?—Изъ пѣсни слов— не выкинешь.—Русскія войска бывали въ Турці—, Германі—, Италі— и Франці—.—Хорошо птичк— въ золотой клѣткѣ, а еще лучше на зеленой вѣтк—. Кошк— игрушки, а мышк— слезки.—Въ семь—не безъ урода, на войнѣ не безъ урона.—Дом—съ золотою кровлей назывались въ старину златоверхими.—Соловь— баснею не накормишь.—Сѣверные лѣса состоятъ по преимуществу изъ сосен—и еле—.—Въ прежнія времен— вѣрили въ колдуній, вѣдьмъ и русалокъ.—Кремль окруженъ стѣною со множествомъ башен—. —Въ Малороссіи большая часть садовъ состоитъ изъ вишен—, груш— и черешен—.—Для глухого двухъ обѣден— не служатъ.—Наши южныя губерніи служатъ житнице— Россіи.—Рѣшеніе ариѳметическихъ задач— развиваетъ сообразительность.—Крыль— бабочекъ покрыты маленькими чешуйками.

Урокъ 13-й. Изъ слоновой кост— выдѣлываются разныя дорогія вещ—. —Иванъ Сусанинъ пожертвовалъ своею жизні— для спасенія царя.—Великъ Богъ своею милості—.—Смѣлостью город—берутъ.—Аравія славится лошад—ми.—Въ древност— наградой побѣдителю служили вѣнки изъ лавровыхъ вѣтвей.—Многіе народ— не имѣютъ понятія о печахъ.—На озими пасутся стада овец—и коз— безъ вреда для посѣв—.

Урокъ 14-й. До пор— до времени не сѣютъ сѣмен—. —Всякая печаль излѣчивается времен—мъ.—Болгар— и серб— много вѣковъ страдали подъ бременемъ турецкаго ига.—Им—на великихъ мужей живутъ въ памяти потомства.—Касьянъ бываетъ им—нинникъ черезъ три года на четвертый.—Дитят— маменька купила частый гребешокъ.—Стада составляютъ главное богатство кочевыхъ плем—нъ.—Китайцы называютъ свое государство неб—сною имперіей.—Дит— не заплачетъ, мать не догадается. Въ московскихъ и кіевскихъ церкв—хъ сохранилась древняя стѣнная живопись.

Урокъ 15-й (суффиксы прилагательныхъ). Много званныхъ—, да мало избранныхъ—.—Въ Исакіевскомъ соборѣ хранится точена— люстра работы Петра Великаго.—Сахара сама— обширна— песчана—пустыня.—Ярославска— губернія славится полотняными издѣліями.—Вмѣсто старинныхъ глиняныхъ и оловянныхъ сосудовъ нынѣ употребляютъ стеклянны—. —Въ Россіи мало серебряных—рудниковъ.—До Петра Великаго въ Москвѣ были деревянны— мостовыя.—Лись— шубы самы—теплыя.—Воловь— кожа идетъ на выдѣлку подошвъ.—У новгородцевъ былъ воевода по прозванію Волчі— хвостъ.—Рѣзва— лошадка не долго живетъ.—Въ старину былъ обычай надѣвать лѣнивымъ ученикамъ дурацкі— колпакъ.—Дальні—проводы—лишні— слезы.—Легавы—собаки отличаются тонкимъ чутьемъ.

Урокъ 16-й (склоненія прилагательныхъ). Многія птицы осенью перелетаютъ въ теплы— страны.—Безпечны— люди не заботятся о завтрашнемъ днѣ.—Конны— пѣшему не товарищъ.—Даровом—коню въ зубы не смотрятъ.

Въ старину воины покрывали голову стальным—шлемомъ.—Петръ Великі— проводилъ жизнь въ неусыпномъ трудѣ.—Ломоносовъ отличался необыкновенно— любовію къ наукамъ.—Въ лѣтнее время утрення— заря начинается вскорѣ послѣ вечерне—. Съ чужог— коня среди грязи долой.—Полевы— работы продолжаются съ ранней весны до поздней осени.—Москва ведетъ обширну—

торговлю фабричными издѣліями.—Дѣтскі— годы считаются самою счастливо— порой жизни.—Добры— люди послѣднею копѣйкою дѣлятся съ бѣдными.—Многі— звѣзды, которыя намъ кажутся такими маленькими, на самомъ дѣлѣ гораздо больше земли. Охотничь— собаки легко отыскиваютъ свѣжі— заячьи слѣды.—Лучшими мѣхами считаются собольи, бобровы—, медвѣжь— и песцовые.—Изъ овечье— шерсти дѣлается сукно, а изъ коровь—й—войлоки:—Дѣла Божь— неисповѣдимы.

Урокъ 17-й (степени сравненія). Утро вечера мудрен—е.—Правда свѣтл—е солнца.—Умъ—хорош—, а два—еще лучш—. Не во-время гость хуж— татарина.—Съ Божіею помощью всякій трудъ легч—. Москва древн—е Петербурга, а Новгородъ и Кіевъ еще древн—е Москвы.—Кіевъ есть одинъ изъ древн—йшихъ и красив—йшихъ городовъ русскихъ.—Высочайші— горы находятся въ Азіи и Америкѣ.—Что можетъ пріятн—й быть, какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить?—Умѣренность есть наилучш—е средство сохранить здоровье.

Урокъ 18-й (имя числительное) *). Съ одн—го вола двухъ шкуръ не дерутъ. Петръ Великій умеръ на пятьдесят— третьемъ году.—Бородинско— сраженіе происходило 26 Августа 1812 года.—Съ XVII столѣті— на Украйнѣ села имѣли видъ крѣпостей.—Въ 1862 году Россія праздновала тысячел—тіе своего существованія.—Ломоносовъ родился въ 1711 г—ду. — Экваторъ д—лится на 360 градусовъ, длина градуса 15 миль, т. е. 105 верстъ, такимъ образомъ, вокру—ъ всей земли 37800 верстъ.—По послѣдней переписи въ Россіи оказал—сь 128000000 ж—телей, въ Петербургѣ около 1,200,000, а въ М—сквѣ болѣе 988,000.

Урокъ 19-й (мѣстоименія). Не хвали сам—го себя: есть много лучше т—бя.—Ч—мъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало.—Съ к—мъ живешь, того пѣсни поешь.—Суворовъ въ сво— время почитался за самаго знаменитаго полководца.—Не презирай совѣта ничь—го, но прежде разсмотри е—о.—Не вс—мъ казакамъ въ атаманахъ быть.—Рѣки важны для государства, ибо он— служатъ дешевыми и удобными путями сообщенія.—Люби ближняго, какъ самого с—бя.—Голова вс—му начало.—Нечѣмъ хвалиться, когда вс— изъ рукъ валится.—Безъ матки рой не держится: безъ н—я пропадутъ и дѣтки.—Н—которыя птицы живутъ, какъ говорятъ, болѣе ста лѣтъ.—Южная Россія изобилуетъ вс—ми сортами хлѣба; ее называютъ житницею Европы, такъ какъ изъ н—я хлѣбъ вывозится почти во вс— государства Западной Европы.—Счастье съ несчастьемъ въ одн—хъ саняхъ ѣздятъ.

Урокъ 20-й (глаголъ). Наша обязанность— помогат— бѣднымъ.—Старайся пріобрѣст— расположеніе товарищей. — Чѣмъ будешь сѣят—, тѣмъ и пожнеш—. Заболѣт— легко, да выздоровѣт— трудно.—Похвально и отрадно умерет— за отечество.—Трудовую денежку надо береч.—Случается нерѣдко намъ и трудъ и мудрость видѣт— тамъ, гдѣ стоитъ только догадат—ся, за дѣло просто взят—ся.—Когда у насъ бѣда надъ головой, то рады мы тому молит—ся, кто вздумает— за насъ вступит—ся.—Кто умѣетъ трудит—ся, тотъ сумѣетъ и прокормит—ся.—Любиш— катат—ся, люби саночки возит—. Трудясь, можешь разбогат—ть.—Лучше вѣкъ терпѣть, чѣмъ вдругъ умерет—. Лучше вѣрнаго дождаться, чѣмъ за обманчивой надеждою гонят—ся.

Людскихъ рѣчей не переслушаеш—. — Тише ѣдеш—, дальше будеш—. — Лжецъ невзначай и правду скажет—. — Черное къ бѣлому не прилипн—тъ.—Не узнаеш—, гдѣ найдеш—, гдѣ потеряеш—.—Богъ видит—, кто кого обидит—.—Щедрая рука не оскудѣвает—.—Своя ноша не тянет—.—Какъ умѣю, такъ и бр—ю.—Мы не можемъ объяснит— того, чего сами ясно не понимаемъ.—Какъ живет—, такъ и прослывет—.

Цезарь писал— сенату: „Пришел—, увидѣл—, побѣдил—".—Англичане провел— телеграфъ черезъ океанъ изъ Европы въ Америку.—Рано пташечка запѣла—, какъ бы кошечка не съѣл—.—Русскіе много разъ побѣждал— турокъ.—Паровую машину изобрел— англичанинъ Стефенсонъ. — За двумя зайцами погониш—ся, ни одного не поймаеш—. Вѣкъ долгъ—всѣмъ полонъ: наплачеш—ся и нарадуеш—ся.— Кто Бога не небои—ся тотъ и людей не стыди—ся. — Полный колосъ къ землѣ клони—ся, а пустой къ верху торчи—ъ. — За что прилежно возьмеш—ся, навѣрно толку добьеш—ся. Уважа— старшихъ и слуша—ся ихъ совѣта.—Не муч—те животныхъ, ибо и они чувствуютъ боль.—Не трат—е времени напрасно.—Старайся учит—ся прилежно, чтобы родители и учители радовалис— твоимъ успѣхамъ.—Семь разъ отмѣр—, одинъ разъ отрѣж—.—Хлѣбъ-соль ѣш—, а правду рѣж—.—Прежде чѣмъ повелѣват—, научись повиноват—ся.—Куда ни кин—, вездѣ клинъ.—Щепотки волосковъ лиса не пожалѣ—,остался бъ хвостъ у ней.—Былъ бы хлѣбъ, а мыши будутъ.

Урокъ 21-й (причастіе). Зеленѣющі— поля радуютъ поселянина.—Любопытно послушать человѣка, много видѣвш—го на своемъ вѣку.—Пріятно смотрѣть на поле, пестрѣющ—е цвѣтами.—Люди, удалившi—ся отъ Бога, погибаютъ.—Людей знающихъ и трудящ—хся всѣ уважаютъ.—Утопающі— за соломенку хватается.—Царь Алексѣй Михайловичъ составилъ сборникъ законовъ, называем—й Уложеніемъ.—Бережен—го Богъ бережетъ.—Потерянн—го времени не воротишь.—

*) цифры писать прописью.

Посѣянно— жнется.—Безъ пользы издержанно—, что въ воду брошенное.—Въ Римѣ побѣдители въѣзжали въ городъ, увѣнчанны— лавровыми вѣнками.

Урокъ 22-й (нарѣчія). Кто везд—, тотъ нигдѣ.—Свой своему поневол— другъ.—Сначал— хорошенько обдумай, а потомъ ужъ дѣлай.—Кто прилежн— работаетъ, тотъ никогд— не будетъ безъ куска хлѣба.—Петербургъ построенъ близ— устья Невы.—Тамъ, гд— нынѣ видишь обработанныя поля, н—когда росли дремучіе лѣса.—Кто вечеромъ плачетъ, тотъ поутр— засмѣется. Богатство проживается гораздо скор—е и легче, ч—мъ наживается.—Умный человѣкъ всегда говоритъ —стати.—Въ дорогѣ пріятный собесѣдникъ вдвойн— цѣнится.—Счастье не вн— насъ, а въ насъ самихъ. Лѣниться крайн— вредно.—Люди образованные умѣютъ правильно писать п— -русски.—Водопады образуются т—мъ, гдѣ попере—ъ рѣки лежатъ большіе камни.—Въ южныхъ странахъ ночь наступаетъ тотч—съ по заходѣ солнца.—Умѣй выразить свои мысли —кратцѣ.—Прилежный старается успѣвать наравн— съ лучшими товарищами.

Урокъ 23-й (отрицаніе). Н— всякому слуху можно вѣрить.—Деревья я таки ломать могу, а н— согнулъ н— одного въ дугу.—Онъ н— красивъ, но видъ его пріятенъ.—Н— волкъ н— медвѣдь не смѣлъ напасть на меня.—Я ослѣпъ и съ той поры не зналъ н— дня н— ночи.—Больному н— велѣно прогуливаться ни вечеромъ ни рано утромъ.—Дѣломъ н— одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.—Н— можетъ волкъ ни охнуть ни вздохнуть.—Некогда н— пить н— ѣсть, н— даже духу перевесть.—Въ силѣ льву никто н— равенъ.— Куму н— сѣнца, хотѣлось бы мясного.—Безъ проказъ н— на часъ.—Что тамъ за дома? Двоимъ за нужду влѣзть, и то н— стать н— сѣсть.—Рейнскій водопадъ есть н— что иное, какъ н—высокій водяной выступъ.

Урокъ 24-й (предлогъ). От— привычки трудно о—выкнуть.—Нынѣ у насъ гораздо меньше заграничныхъ товаровъ, чѣмъ было в— прежнее время.—Будьте снисходительны к— слабымъ.—Трусливый человѣкъ падаетъ духомъ пр— первой неудачѣ.—Берись з— то, к— чему ты сроденъ.—Люди безпокойнаго характера ни с— кѣмъ не уживаются.—В— умной бесѣдѣ ума наберешься, а в— глупой и свой растеряешь.—Наши неудачи часто зависятъ от— насъ самихъ.—Всему бываетъ мѣра и пр—дѣлъ. — Трусливыхъ людей пр— зираютъ.—Пр—одолѣвая препятствія, мы укрѣпляемъ наши силы.—Въ храмѣ Христа Спасителя три пр—дѣла: во имя Рождества Христова, Николая Чудотворца и Александра Невскаго.—Множество французовъ погибло пр— пер—правѣ черезъ рѣку Березину.—Римское государство господствовало над— Европой въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.—Медвѣдь лежитъ в— берлогѣ въ пр—долженіе всей зимы.—Нѣкоторые пр—юты для бѣдныхъ называются богадѣльнями.—Па—черица рѣдко пользуется любовію мачехи.—Бе—ъ труда нѣтъ плода.—Бе—полезныя травы называются сорными.—Старайся, чтобы ра—ходъ не превышалъ дохода.—И—полняй свои обязанности добросовѣстно.—И—кореняй дурныя наклонности въ самомъ началѣ.—Жизнь пережить, что море пер— плыть.—Слава великихъ мужей не и—чезаетъ.

Урокъ 25-й (буква *ѣ*). Ѣду, ѣду, не свищу, а какъ на—ду, не спущу.—Животныя, которыя ѣдятъ растит—льную пищу, называются травоядными.—Пришла б—да, растворяй ворота.—Хл—бъ да вода—молод—цкая ѣда.—Ѣдкая насм—шка рѣжетъ больн—е ножа.—Имя русскаго прославл— но поб—дами.—Б—лые медвѣди водятся на крайнемъ сѣв—рѣ.—Въ стихотвореніи „Бѣсы" упоминаются привид—нія.—Нев—жда въ ослѣпл—ньи бранитъ науки и уч—нье.—Въ старину люди в—рили въ существованіе вѣдьмъ или волш—бницъ. — Спокойная сов—сть лучше богатства.—Палатки половцевъ назывались в—жами.—Глаза защищаются отъ пыли в—ками.—В—къ живи, в—къ учись.—Въ старину женихъ платилъ родителямъ нев—сты выкупъ, который назывался в—номъ. Городъ Вѣна отличается в—ликолѣпіемъ зданій.—Русскіе государи вѣнчались на царство въ Москв— въ Успенскомъ собор—. Добрый совѣтъ, что запов—дь.—Каковъ прив—тъ, таковъ и отв—тъ.—Весело птичк— на зел—ной вѣткѣ.—Открылась бездна, зв—здъ полна; зв—здамъ числа нѣтъ, бездн— дна.—Медв—дь—самый сильный звѣрь въ нашихъ странахъ.—Свѣж—е яичко на солнышкѣ просв—чиваетъ.—Въ большихъ городахъ употребляется газовое и электрическое освѣщ—ніе.—Макъ цв—тетъ и бѣлыми и красными цв—тами.—Дѣлу время, а потѣх— часъ.—Грѣшно изд—ваться надъ увѣчными.—Смир—нье—дѣвушк— ожерелье.—Д—ти должны слушаться старшихъ.—Тужитъ д—дъ, что плохо одѣтъ.—Пословица говоритъ: „на чужой коровай рта не раз—вай".—Тѣхъ, кто работаетъ л—вою рукою, называютъ л—вшами.—Б—реги здоровье, какъ з—ницу ока.—Л—карства приготовляются большею частію изъ травъ и м—талловъ.—Въ Одесс— изъ города на берегъ моря ведетъ великолѣпная л—стница.—Л—нь есть мать пороковъ.—Ласточки лѣпятъ гн—зда изъ глины.—Старая хл—бъ—соль забывается.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я впервые увидѣлъ Пол—сье.—Передо мной разбѣгались синѣющіе л—са.—В—чный туманъ вис—лъ надъ ними.—Нигд— не бѣлѣла церковь, не св—тлѣли поля.—Въ жаркій л—тній день пріятно было ѣхать черезъ этотъ т—нистый лѣсъ.—Бл—дный свѣтъ луны —сть отраженіе яркаго солнечнаго св—та.—Для птички вѣтка лучш— золотой

кл—тки.—Люди узнали мѣдь гораздо пр—жде, нежели жел—зо.—Въ богад—льняхъ живутъ старики и кал—ки.—Пл—мя Іакова разд—лялось на двѣнадцать колѣнъ.—Вчера я растворилъ темницу воздушной пл—нницы моей.—Пл—сень есть скопленіе м—лкихъ грибковъ. — Н—жная мать особенно лелѣетъ своего ребенка.—Сл—пые различаютъ предметы осязаніемъ.—Зимою м—лкій скотъ держатъ въ хл—вахъ.—Пл—шь на дѣтинѣ не укоръ.—Дрова распиливаются на пол—нья.—Отъ усталости мл—ютъ руки.—Материнскій гн—въ—что вешній снѣгъ.—Собака чутьемъ отыскиваетъ сл—ды звѣрей.—Готовь лѣтомъ сани, а зимой тел—гу.—Въ Индіи вмѣсто хл—ба ѣдятъ вареный рисъ.—По берегамъ Волги много м—ловыхъ горъ.—Малообразованные народы ведутъ м—новую торговлю.—Какою м—рою м—рите, такою будутъ м—рить и вамъ.—Не мѣсто краситъ челов—ка, а челов—къ мѣсто.—Въ теченіе года уч—никъ свободенъ около трехъ мѣсяцевъ, а потому въ учебное время ему не сл—дуетъ лѣниться.—Лѣность мѣшаетъ усп—хамъ.—Сибирь торгуетъ м—хами.—Въ южныхъ странахъ много ядовитыхъ зм—й.—См—лость города беретъ.—Безпричинный смѣхъ—признакъ глупости.—Дѣти должны цѣнить н—жную заботливость родителей.—Въ Петербургѣ есть училище для глухон—мыхъ. — Не принимай никакого р—шенія въ минуту гнѣва.—Гн—дыхъ лошадей гораздо болѣе, нежели пѣгихъ.—Вершины Кавказскихъ горъ покрыты в—чными снѣгами.—Дн—пръ называютъ купелью Руси.—Днѣстръ впадаетъ въ Черное мор—. — Печенѣги и половцы производили частые наб—ги на южные пред—лы древней Руси. — П—на состоитъ изъ пузырьковъ жидкости, наполненныхъ воздухомъ.—Лѣнь ходитъ такъ м—дленно, что б—дность всегда поспѣваетъ за нею.—Войско состоитъ изъ п—хоты, конницы и артиллеріи.—Посп—шишь, людей насмѣшишь.—Наши п—вчія птички на зиму ул—таютъ въ теплыя страны.—Въ Египтѣ дожди бываютъ чрезвычайно р—дко.—Р—дька, рѣпа и хрѣнъ—полезные овощи. — Порѣзвитесь, д—тки, а потомъ смирно посидите. — Волга—самая большая р—ка въ Европѣ.—Р—сницы защищаютъ глаза отъ пыли.—Жаворонки высоко р—ютъ въ воздухѣ.—Р—чи Демосѳена и Цицерона до сихъ поръ считаются образцовыми.—Не всякая пословица —сть мудрое изр—ченіе.—Гр—шно тѣшиться чужою б—дою. Дома, гдѣ призрѣваютъ бѣдныхъ называются богад—льнями.—Ор—ховое дерево цѣнится дорого.—Въ сырыхъ погребахъ овощи скоро пр—ютъ. — Р—чная вода имѣетъ прѣсный вкусъ.—Въ звѣринцахъ хищныхъ звѣрей держатъ въ кр—пкихъ клѣткахъ за желѣзными рѣшетками.—Къ старости зрѣніе слаб—етъ.—Дикари сражаются стр—лами. Левъ и тигръ самые свир—пые звѣри.

Ключъ къ зрительному диктанту.

1. Дорогъ бываетъ хлѣбъ, когда денегъ нѣтъ.—Пока травка подрастетъ, воды много утечетъ.—Старый другъ лучше новыхъ двухъ.—Привѣтъ и любовь лучше всякихъ пировъ. — На болотѣ почва зыбкая и топкая.—Нѣкогда и въ богатыхъ домахъ вмѣсто мягкихъ дивановъ употреблялись дубовыя лавки. — Медвѣдь большой охотникъ до меда.—Береги денежку на черный день.—Кто не богатъ, тотъ алтыну радъ.—Самый холодный и рѣзкій вѣтеръ—сѣверо-восточный.—Каково деревцо, таковъ и плодъ.—Рыбка мелка, да уха сладка.—Лошадка, снѣгъ почуя, плетется рысью какъ-нибудь.

2. Солнышко сіяетъ и добрымъ и злымъ.—Великій князь Кіевскій Владиміръ ввелъ на Руси христіанскую вѣру.—На весь міръ не угодишь.—Худой миръ лучше доброй ссоры.—Мирныя занятія поселянина заслуживаютъ такого же уваженія, какъ храбрые подвиги воина. — На міру и смерть красна.—Съ кѣмъ живешь, того пѣсенку поешь.—Чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ.—Апрѣльскіе дожди не такъ полезны для полей, какъ майскіе.—Всего чаще встрѣчаются фамиліи: Алексѣевъ, Сергѣевъ, Еремѣевъ, Тимофѣевъ, Аѳанасьевъ, Ѳедоровъ, Ѳоминъ.—Пушкинъ—нашъ лучшій поэтъ.—Экваторъ есть линія, раздѣляющая земной шаръ на два полушарія. — Батальонъ состоитъ изъ тысячи человѣкъ.—Въ Россіи болѣе ста милліоновъ жителей. — Батальонами командуютъ майоры. — „Все мое", сказало злато. „Все мое", сказалъ булатъ.—Богъ тому даетъ, кто правдою живетъ.—Долгъ платежемъ красенъ. — Новая метла чисто мететъ.—Ласточка день начинаетъ, а соловей кончаетъ. — Эхо есть отголосокъ. — Въ Москвѣ есть зданія въ пять и въ шесть этажей.

3. За худымъ пойдешь, на бѣду набредешь.—Ложь не приведетъ къ добру.—Много наберешь, домой не донесешь.—Богъ есть творецъ и хранитель міра.—Во всякомъ положеніи человѣкъ долженъ быть честенъ. — Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.—Легкомысленные люди любятъ въ разговорѣ до всего коснуться слегка.—На сѣверѣ растутъ преимущественно хвойныя деревья.—И чрезъ золото слезы льются.—Чей берегъ, того и рыба.—Порохъ легко воспламеняется. — Олень водится въ холодныхъ странахъ.—Соловей—самая голосистая изъ пѣвчихъ птицъ. — Береги платье снова, а честь смолода.—Въ старину барскія жилища назывались хоромами.—Молоко—здоровая и питательная пища.—Уѣзды дѣлятся на волости.—Дерево узнаютъ по плодамъ, а человѣка—по дѣламъ.—Друга легко найти, да трудно сохранить.—Не теряй драгоцѣннаго времени даромъ.

4. Въ садахъ дорожки посыпаютъ пескомъ.—Своя рубашка къ тѣлу ближе.—Не давай обѣщаній, которыхъ не можешь исполнить.—Кузнечики трещатъ, когда летаютъ. — У дикихъ народовъ

мщеніе считается добродѣтелью.—Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ — гдѣ лучше.—Теплая шубка зимою не шутка.—Сдѣлавши дѣло, можно отдохнуть. — Безъ здоровья человѣкъ не можетъ быть счастливъ.—Дикари украшаютъ ноздри кольцами.—Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ считается однимъ изъ красивѣйшихъ зданій. — Пришла бѣда, отворяй ворота.—Память изощряется заучиваніемъ наизусть.

5. Рыбій жиръ употребляется, какъ лѣкарство.—Волга шире и длиннѣе другихъ рѣкъ Европы.—Щука—хищная рыба.—Чайное дерево растетъ въ Китаѣ.—Азія самая большая часть свѣта.—Лучше свое поберечь, чѣмъ чужое прожить.—Чужую бѣду руками разведу, а къ своей бѣдѣ ума не приложу.—Медицина есть наука о лѣченіи болѣзней.—Нынѣ употребляемыя цифры называются арабскими. — Чай привозятъ изъ Китая въ цибикахъ.—Цынга—страшная болѣзнь.

6, Гористыя мѣста красивы.—Безъ заботъ и хлопотъ не проживешь на свѣтѣ.—Умываться холодной водой весьма здорово. — Морская вода имѣетъ горько-соленый вкусъ. —Въ молодые годы трудъ не тяжелъ. — Нѣкоторыхъ животныхъ выучиваютъ плясать.—Многія птицы питаются червями.—Страусово яйцо величиною съ дыню.—Мы многаго боимся, пока не приглядимся.—Не красна изба углами, красна пирогами. — Свои два глаза дороже алмаза.—За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадетъ.—У всякой птички свой голосокъ.—Волга при впаденіи въ Каспійское море дѣлится на множество рукавовъ.

7. Ока впадаетъ въ Волгу у Нижняго Новгорода.—Славна Астрахань осетрами, а Сибирь—соболями. — Кіевъ былъ столицею древней Руси. — Казанью когда-то владѣли татары. — Въ Тифлисѣ живутъ русскіе, армяне, персіяне, грузины.—Коронованіе государей совершается въ Успенскомъ соборѣ.—Петербургъ есть резиденція Государя Императора. — У Бога милости много. — Памятникъ Минину и Пожарскому находится въ Москвѣ, на Красной площади.—На Невскомъ проспектѣ самыя лучшія зданія.

8. Хлѣбопашество есть источникъ богатства нашего отечества.—Землетрясенія истребляютъ иногда цѣлые города. — Россія гибла отъ междоусобій и спаслась единодержавіемъ. — Трудъ земледѣльца самый здоровый. — О началѣ Руси разсказывается въ лѣтописи Нестора. — Добродушный человѣкъ всѣхъ располагаетъ къ себѣ.—Разнообразіе занятій облегчаетъ трудъ.—Путешествія развиваютъ нашъ умъ.—Благовѣщеніе бываетъ 25 марта. — Честолюбіе погубило многихъ.—Великодушіе есть качество истинно благороднаго человѣка. — Сказки о царь-дѣвицѣ и жаръ-птицѣ любопытны. — Сумасшедшіе заслуживаютъ сожалѣнія. — Науки изощряютъ нашъ умъ. — Умѣлъ ошибиться, сумѣй и поправиться. — Ни въ одной наукѣ не успѣешь, если не будешь знать всего предыдущаго. — Въ старину писцовъ называли подьячими. —Народныя пѣсни называются безыскусственными.—Многое въ природѣ для насъ необъяснимо.

9. Солнечный лучъ пробѣгаетъ пространство отъ солнца до земли въ восемь минутъ и восемь секундъ..— Вѣрная собака—надежный сторожъ. — Пища жителей крайняго сѣвера скудна и однообразна.—Ложь унижаетъ человѣка.—Въ безснѣжныя зимы замерзаетъ озимь.—Иней появляется на деревьяхъ въ ясные морозные дни послѣ оттепели.—Улей служитъ жилищемъ для пчелъ.—Остріе ножей дѣлается изъ стали.—Затмѣніе луны бываетъ тогда, когда между луною и солнцемъ становится земля. Пескарь водится въ рѣкахъ съ песчанымъ дномъ.—Англичане владѣютъ обширными колоніями. — Женщины занимаются домашнимъ хозяйствомъ, а мужчины несутъ болѣе тяжелый трудъ: пашутъ, косятъ и проч. — Дружба дружбой, а служба службой.—Подснѣжникъ—первый весенній цвѣточекъ.—Память великомученика Георгія празднуется 23 апрѣля. — Слово можжевельникъ образовалось изъ двухъ словъ: между-ельникъ. — Извозчики бываютъ легковые и ломовые. — Колибри самая маленькая птичка.—Въ народныхъ пѣсняхъ Владиміръ Святой называется Краснымъ Солнышкомъ. — Курочка по зернышку сбираетъ, да сыта бываетъ.—Всякъ молодецъ на свой образецъ. — На хорошій цвѣточекъ и пчелка летитъ.—Убогимъ Богъ прибѣжище.—Кіевъ русской славы колыбель. Падчерица съ мачехой рѣдко уживаются.—Знаменитую Куликовскую битву называютъ Мамаевымъ побоищемъ.—На всякое хотѣніе есть терпѣніе. — Повтореніе—мать ученія.—Не по нашему хотѣнію, а по Божьему изволенію.

10. Безгрѣшнаго человѣка на свѣтѣ нѣтъ. — Шила въ мѣшкѣ не утаишь.—Съ другомъ жить—все дѣлить.—Съ разборомъ выбирай друзей.—Таланты Богомъ даются, а богатство пріобрѣтается самимъ человѣкомъ. — Съ сосѣдями должно жить въ мирѣ и согласіи.—Домашніе слуги въ старину назывались холопами.—Болгары освобождены русскими изъ-подъ власти турокъ.—Поверхность земли нагрѣвается солнечными лучами.—Въ чужомъ глазу сучокъ видишь, а въ своемъ бревна не чувствуешь.—Дѣти должны повиноваться родителямъ и воспитателямъ.—Цыгане ведутъ кочевую жизнь. Куликовская битва была при Дмитріи Ивановичѣ Донскомъ.—Съ умнымъ товарищемъ побесѣдуешь, ума себѣ прибавишь.

11. Шиломъ моря не нагрѣешь.—Одинъ въ полѣ не воинъ.—Некогда собакъ кормить, когда собрался въ поле ѣхать.—Искусный плаватель на морѣ не утонетъ. — Во всякомъ званіи бываютъ хорошіе люди. — Не спѣши языкомъ, торопись дѣломъ. — Николай Васильевичъ Гоголь учился въ гимназіи князя Безбородка.—На Черномъ морѣ осенью бываютъ бури. — Въ горѣ не унывай, а на Бога

уповай.—Села отличаются отъ деревень тѣмъ, что имѣютъ церковь.—И на солнцѣ есть темныя пятна. Плодовыя деревья разводятъ преимущественно въ среднихъ и южныхъ губерніяхъ.—Въ деревенскихъ избахъ окна бываютъ маленькія.—У грековъ процвѣтали всѣ искусства. — Лѣсъ сѣчь—не жалѣть плечъ.—Рукоятка копій дѣлается изъ клена.—Въ Италіи открыто въ землѣ много древнихъ жилищъ. — Языческіе храмы называются капищами.

12. Кто не знаетъ басни о попрыгуньѣ-стрекозѣ?—Изъ пѣсни слова не выкинешь.—Русскія войска бывали въ Турціи, Германіи, Италіи и Франціи.—Хорошо птичкѣ въ золотой клѣткѣ, а еще лучше на зеленой вѣткѣ.—Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки.—Въ семьѣ не безъ урода, на войнѣ не безъ урона.—Дома съ золотою кровлей назывались въ старину златоверхими.—Соловья баснею не накормишь.—Сѣверные лѣса состоятъ по преимуществу изъ сосенъ и елей.—Въ прежнія времена вѣрили въ колдуній, вѣдьмъ и русалокъ.—Кремль окруженъ стѣною со множествомъ башенъ.—Въ Малороссіи большая часть садовъ состоитъ изъ вишенъ, грушъ и черешенъ.—Для глухого двухъ обѣденъ не служатъ.—Наши южныя губерніи служатъ житницею Россіи.—Рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ развиваетъ сообразительность.—Крылья бабочекъ покрыты маленькими чешуйками.

13. Изъ слоновой кости выдѣлываются разныя дорогія вещи.—Иванъ Сусанинъ пожертвовалъ своею жизнію для спасенія царя.—Великъ Богъ своею милостію. Смѣлостью города берутъ.—Аравія славится лошадьми.—Въ древности наградой побѣдителю служили вѣнки изъ лавровыхъ вѣтвей.—Многіе народы не имѣютъ понятія о печахъ.—На озими пасутся стада овецъ и козъ безъ вреда для посѣва.

14. До поры до времени не сѣютъ сѣмени.—Болгары и сербы много вѣковъ страдали подъ бременемъ турецкаго ига.—Имена великихъ мужей живутъ въ памяти потомства.—Касьянъ бываетъ именинникъ черезъ три года на четвертый.—Дитяти маменька купила частый гребешокъ.—Китайцы называютъ свое государство небесною имперіей.—Дитя не заплачетъ, мать не догадается.—Въ московскихъ и кіевскихъ церквахъ сохранилась древняя стѣнная живопись.

15. Много званныхъ, да мало избранныхъ.—Въ Исакіевскомъ соборѣ хранится точеная люстра работы Петра Великаго.—Сахара самая обширная песчаная пустыня.—Ярославская губернія славится полотняными издѣліями.— Вмѣсто старинныхъ и оловянныхъ сосудовъ нынѣ употребляютъ стеклянные.—Въ Россіи мало серебряныхъ рудниковъ.—До Петра Великаго въ Москвѣ были деревянныя мостовыя.—Лисьи шубы самыя теплыя.—Воловья кожа идетъ на выдѣлку подошвъ.—У новгородцевъ былъ воевода, по прозванію Волчій хвостъ.—Рѣзвая лошадка не долго живетъ.—Въ старину былъ обычай надѣвать лѣнивымъ ученикамъ дурацкій колпакъ.—Дальніе проводы—лишнія слезы.—Легавыя собаки отличаются тонкимъ чутьемъ.

16. Многія птицы осенью перелетаютъ въ теплыя страны.— Безпечные люди не заботятся о завтрашнемъ днѣ.—Конный пѣшему не товарищъ.—Даровому коню въ зубы не смотрятъ.—Въ старину воины покрывали голову стальнымъ шлемомъ.—Петръ Великій проводилъ жизнь въ неусыпномъ трудѣ.— Ломоносовъ отличался необыкновенною любовью къ наукамъ.—Въ лѣтнее время утренняя заря начинается вскорѣ послѣ вечерней.—Съ чужого коня среди грязи долой.—Полевыя работы продолжаются съ ранней весны до поздней осени.—Москва ведетъ обширную торговлю фабричными издѣліями.—Дѣтскіе годы считаются самою счастливою порой жизни.—Многія звѣзды, которыя намъ кажутся такими маленькими, на самомъ дѣлѣ гораздо больше земли.— Охотничьи собаки легко отыскиваютъ свѣжіе заячьи слѣды.— Лучшими мѣхами считаются собольи, бобровые, медвѣжьи и песцовые. Изъ овечьей шерсти дѣлается сукно, а изъ коровьей — войлоки.—Дѣла Божія неисповѣдимы.

17. Утро вечера мудренѣе. — Правда свѣтлѣе солнца.—Умъ—хорошо, а два—еще лучше.—Не во-время гость хуже татарина.—Съ Божіею помощью всякій трудъ легче. — Москва древнѣе Петербурга, а Новгородъ и Кіевъ еще древнѣе Москвы.—Кіевъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ и красивѣйшихъ городовъ русскихъ. — Высочайшія горы находятся въ Азіи и Америкѣ.—Что можетъ пріятнѣй быть, какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить?—Умѣренность есть наилучшее средство сохранить здоровье.

18. Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ.—Петръ Великій умеръ на пятьдесятъ третьемъ году.—Бородинское сраженіе происходило 26-го августа 1812 года.—Въ XVII столѣтіи на Украйнѣ села имѣли видъ крѣпостей.—Въ 1862 году Россія праздновала тысячелѣтіе своего существованія.—Ломоносовъ родился въ 1711 году.—Экваторъ дѣлится на 360 градусовъ; длина градуса 15 миль, т. е. 105 верстъ, такимъ образомъ, вокругъ всей земли 37800 верстъ.—По послѣдней переписи въ Россіи оказалось 128000000 жителей, въ Петербургѣ около 1200000, а въ Москвѣ болѣе 988000.

19. Не хвали самого себя: есть много лучше тебя.—Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало.—Съ кѣмъ живешь, того пѣсни поешь.—Суворовъ въ свое время почитался за самаго знаменитаго полководца.—Не презирай совѣта ничьего, но прежде разсмотри его.—Не всѣмъ казакамъ въ атаманахъ быть.—Рѣки важны для государства, ибо онѣ служатъ дешевыми и удобными путями сообщенія.—Люби ближняго, какъ самого себя.—Голова всему начало.—Нечѣмъ хвалиться, когда все изъ рукъ валится.—Безъ матки рой не дер-

жится: безъ нея пропадутъ и дѣтки.—Нѣкоторыя птицы живутъ, какъ говорятъ, болѣе ста лѣтъ.—Южная Россія изобилуетъ всѣми сортами хлѣба; ее называютъ житницею Европы, такъ какъ изъ нея хлѣбъ вывозится почти во всѣ государства западной Европы.— Счастье съ несчастьемъ въ однѣхъ саняхъ ѣздятъ.

20. Наша обязанность — помогать бѣднымъ.— Старайся пріобрѣсти расположеніе товарищей.— Чѣмъ будешь сѣять, тѣмъ и пожнешь.—Заболѣть легко, да выздоровѣть трудно.—Похвально и отрадно умереть за отечество.—Трудовую денежку надо беречь.—Случается нерѣдко намъ и трудъ и мудрость видѣть тамъ, гдѣ стоитъ только догадаться, за дѣло просто взяться.— Когда у насъ бѣда надъ головой, то рады мы тому молиться, кто вздумаетъ за насъ вступиться.— Кто умѣетъ трудиться, тотъ сумѣетъ и прокормиться.— Любишь кататься, люби саночки возить.— Трудясь, можешь разбогатѣть.—Лучше вѣкъ терпѣть, чѣмъ вдругъ умереть.—Лучше вѣрнаго дождаться, чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться.

Людскихъ рѣчей не переслушаешь.—Тише ѣдешь, дальше будешь.—Лжецъ невзначай и правду скажетъ.— Черное къ бѣлому не прилипнетъ.— Не узнаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.—Богъ видитъ, кто кого обидитъ.—Щедрая рука не оскудѣваетъ.— Своя ноша не тянетъ.— Какъ умѣю, такъ и брею.— Мы не можемъ объяснить того, чего сами ясно не понимаемъ.— Какъ живете, такъ и прослывете.

Цезарь писалъ сенату: „Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“.— Англичане провели телеграфъ черезъ океанъ изъ Европы въ Америку.—Рано пташечка запѣла, какъ бы кошечка не съѣла.— Русскіе много разъ побѣждали турокъ.—Паровую машину изобрѣлъ англичанинъ Стефенсонъ.—За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.—Вѣкъ дологъ — всѣмъ полонъ: наплачешься и нарадуешься.— Кто Бога не боится, тотъ и людей не стыдится.— Полный колосъ къ землѣ клонится, а пустой къ верху торчитъ.—За что прилежно возьмешься, навѣрно толку добьешься.

Уважай старшихъ и слушайся ихъ совѣта.— Не мучьте животныхъ, ибо и они чувствуютъ боль.— Не тратьте времени напрасно.— Старайся учиться прилежно, чтобы родители и учители радовались твоимъ успѣхамъ.— Семь разъ отмѣрь, одинъ разъ отрѣжь.— Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь. Прежде чѣмъ повелѣвать, научись повиноваться.—Куда ни кинь, вездѣ клинъ.—Щепотки волосковъ лиса не пожалѣй, остался бъ хвостъ у ней.—Былъ бы хлѣбъ, а мыши будутъ.

21. Зеленѣющія поля радуютъ поселянина.— Любопытно послушать человѣка, много видѣвшаго на своемъ вѣку.—Пріятно смотрѣть на поле, пестрѣющее цвѣтами.—Люди, удалившіеся отъ Бога, погибаютъ.— Людей знающихъ и трудящихся всѣ уважаютъ.—Утопающій за соломину хватается.— Царь Алексѣй Михайловичъ составилъ сборникъ законовъ, называемый Уложеніемъ.— Береженаго Богъ бережетъ.— Потеряннаго времени не воротишъ.—Посѣянное жнется.—Безъ пользы издержанное, что въ воду брошенное.—Въ Римѣ побѣдители въѣзжали въ городъ, увѣнчанные лавровыми вѣнками.

22. Кто вездѣ, тотъ нигдѣ.—Свой своему поневолѣ другъ.— Сначала хорошенько обдумай, а потомъ ужъ дѣлай.—Кто прилежно работаетъ, тотъ никогда не будетъ безъ хлѣба.—Петербургъ построенъ близъ устья Невы.—Тамъ, гдѣ нынѣ видишь обработанныя поля, нѣкогда росли дремучіе лѣса.— Кто вечеромъ плачетъ, тотъ поутру засмѣется.—Богатство проживается гораздо скорѣе и легче, чѣмъ наживается.—Умный человѣкъ всегда говоритъ кстати.— Въ дорогѣ пріятный собесѣдникъ вдвойнѣ цѣнится.—Счастіе не внѣ насъ, а въ насъ самихъ.—Лѣниться крайне вредно.—Люди образованные умѣютъ правильно писать по-русски.— Водопады образуются тамъ, гдѣ поперекъ рѣки лежатъ большіе камни.—Въ южныхъ странахъ ночь наступаетъ тотчасъ по заходѣ солнца.—Умѣй выразить свои мысли вкратцѣ.—Прилежный старается успѣвать наравнѣ съ лучшими товарищами.

23. Не всякому слуху можно вѣрить.—Деревья я таки ломать могу, а не согнулъ ни одного въ дугу.—Онъ не красивъ, но видъ его пріятенъ.— Ни волкъ ни медвѣдь не смѣлъ напасть на меня.— Я ослѣпъ и съ той поры ни зналъ ни дня ни ночи.—Больному не велѣно прогуливаться ни вечеромъ ни рано утромъ.—Дѣломъ ни одинъ бѣднжкѣ не помогъ.— Не можетъ волкъ ни охнуть ни вздохнуть.— Некогда не пить, ни ѣсть, ни даже духу перевесть.—Въ силѣ льву никто не равенъ.— Куму не сѣнца, хотѣлось бы мясного.— Безъ проказъ ни на часъ.—Что тамъ за дома?—Двоимъ за нужду влѣзть, и то ни стать ни сѣсть.— Рейнскій водопадъ есть не что иное, какъ невысокій водяной уступъ.

24. Отъ привычки трудно отвыкнуть.—Нынѣ у насъ гораздо меньше заграничныхъ товаровъ, чѣмъ было въ прежнее время.— Будьте снисходительны къ слабымъ.—Трусливый человѣкъ падаетъ духомъ при первой неудачѣ.—Берись за то, къ чему ты сроденъ.—Люди безпокойнаго характера ни съ кѣмъ не уживаются.— Въ умной бесѣдѣ ума наберешься, а въ глупой и свой растеряешь.— Наши неудачи часто зависятъ отъ насъ самихъ.— Всему бываетъ мѣра и предѣлъ.— Трусливыхъ людей презираютъ.—Преодолѣвая препятствія, мы укрѣпляемъ наши силы.— Въ храмѣ Христа Спасителя три придѣла: во имя Рождества Христова, Николая Чудотворца и Александра Невскаго.— Множество французовъ погибло при переправѣ черезъ рѣку Березину.— Римское государство господствовало надъ Европой въ теченіе нѣсколь-

ковъ столѣтій.—Медвѣдь лежитъ въ берлогѣ въ продолженіе всей зимы.—Нѣкоторые пріюты для бѣдныхъ называются богадѣльнями.—Падчерица рѣдко пользуется любовью мачехи.—Безъ труда нѣтъ плода.—Бесполезныя травы называются сорными.—Старайся, чтобы расходъ не превышалъ дохода.—Исполняй свои обязанности добросовѣстно.—Искореняй дурныя наклонности въ самомъ началѣ.—Жизнь пережить, что море переплыть.—Слава великихъ мужей не исчезаетъ.

25. Ѣду, ѣду, не свищу, а какъ наѣду, не спущу.—Животныя, которыя ѣдятъ растительную пищу, называются травоядными.—Пришла бѣда, растворяй ворота.—Хлѣбъ да вода—молодецкая ѣда.—Ѣдкая насмѣшка рѣжетъ больнѣе ножа.—Имя русское прославлено побѣдами.—Бѣлые медвѣди водятся на крайнемъ сѣверѣ. Въ стихотвореніи „Вѣсы" упоминается привидѣнія.—Невѣжда въ ослѣпленьи бранитъ науки и ученье.—Въ старину люди вѣрили въ существованіи вѣдьмъ, или волшебницъ.—Спокойная совѣсть лучше богатства.—Палатки половцевъ назывались вѣжами.—Глаза защищаются отъ пыли вѣками.Вѣкъ живи, вѣкъ учись.—Въ старину женихъ платилъ родителямъ невѣсты выкупъ, который назывался вѣномъ.—Городъ Вѣна отличается великолѣпіемъ зданій.—Русскіе государи вѣнчаются на царство въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ.—Добрый совѣтъ, что заповѣдь.—Каковъ привѣтъ, таковъ и отвѣтъ.—Весело птичкѣ на зеленой вѣткѣ.—Открылась бездна, звѣздъ полна; звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.—Медвѣдь—самый сильный звѣрь въ нашихъ странахъ.—Свѣжее яичко на солнышкѣ просвѣчиваетъ.—Въ большихъ городахъ употребляется газовое и электрическое освѣщеніе.—Макъ цвѣтетъ и бѣлыми и красными цвѣтами.—Дѣлу время, а потѣхѣ часъ.—Грѣшно издѣваться надъ увѣчными.—Смиренье—дѣвушкѣ ожерелье.—Дѣти должны слушаться старшихъ.—Тужитъ дѣдъ, что плохо одѣтъ.—Пословица говоритъ: „на чужой коровай ротъ не разѣвай".—Тѣхъ, кто работаетъ лѣвою рукою, называютъ лѣвшами.—Береги здоровье, какъ зѣницу ока.—Лѣкарства приготовляются большею частію изъ травъ и металловъ.—Въ Одессѣ изъ города на берегъ моря ведетъ великолѣпная лѣстница.—Лѣнь есть мать пороковъ.—Ласточки лѣпятъ гнѣзда изъ глины.—Старая хлѣбъ—соль забывается.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я впервые увидѣлъ Полѣсье. Передо мной разбѣгались синѣющіе лѣса. Вѣчный туманъ висѣлъ надъ ними. Нигдѣ не бѣлѣла церковь, не свѣтлѣли поля. Въ жаркій лѣтній день пріятно было ѣхать черезъ этотъ тѣнистый лѣсъ.—Блѣдный свѣтъ луны есть отраженіе яркаго солнечнаго свѣта.—Для птички вѣтка лучше золотой клѣтки.—Люди узнали мѣдь гораздо прежде, нежели желѣзо.—Въ богадѣльняхъ живутъ старики и калѣки.—Племя Іакова раздѣлялось на двѣнадцать колѣнъ.—Вчера я растворилъ темницу воздушной плѣнницы моей.—Плѣсень есть скопленіе мелкихъ грибковъ.—Нѣжная мать особенно лелѣетъ своего ребенка.—Слѣпые различаютъ предметы осязаніемъ.—Зимою мелкій скотъ держатъ въ хлѣвахъ.—Плѣшь на дѣтинѣ не укоръ. Дрова распиливаютъ на полѣнья.—Отъ усталости млѣютъ руки.—Материнскій гнѣвъ—что вешній снѣгъ.—Собака чутьемъ отыскиваетъ слѣды звѣрей.—Готовь лѣтомъ сани, а зимой телѣгу.—Въ Индіи вмѣсто хлѣба ѣдятъ вареный рисъ.—По берегамъ Волги много мѣловыхъ горъ.—Малообразованные народы ведутъ мѣновую торговлю.—Какою мѣрою мѣрите, такою будутъ мѣрить и вамъ.—Не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто.—Въ теченіе года ученикъ свободенъ около трехъ мѣсяцевъ, а потому въ учебное время ему не слѣдуетъ лѣниться.—Лѣность мѣшаетъ успѣхамъ.—Сибирь торгуетъ мѣхами.—Въ южныхъ странахъ много ядовитыхъ змѣй.—Смѣлость города беретъ.—Безпричинный смѣхъ—признакъ глупости.—Дѣти должны цѣнить нѣжную заботливость родителей.—Въ Петербургѣ есть училище для глухонѣмыхъ.—Не принимай никакого рѣшенія въ минуту гнѣва.—Гнѣдыхъ лошадей гораздо болѣе, нежели пѣгихъ.—Вершины Кавказскихъ горъ покрыты вѣчными снѣгами.—Днѣпръ называютъ купелью Руси.—Днѣстръ впадаетъ въ Черное море.—Печенѣги и половцы производили частые набѣги на южные предѣлы древней Руси.—Пѣна состоитъ изъ пузырьковъ жидкости, наполненной воздухомъ.—Лѣнь ходитъ такъ медленно, что бѣдность всегда поспѣваетъ за нею.—Войско состоитъ изъ пѣхоты, конницы и артиллеріи.—Поспѣшишь, людей насмѣшишь.—Наши пѣвчія птички на зиму улетаютъ въ теплыя страны. Въ Египтѣ дожди бываютъ чрезвычайно рѣдко.—Рѣдька, рѣпа и хрѣнъ—полезные овощи.—Порѣзвитесь, дѣтки, а потомъ смирно посидите.—Волга—самая большая рѣка въ Европѣ.—Рѣсницы защищаютъ глаза отъ пыли.—Жаворонки высоко рѣютъ въ воздухѣ.—Рѣчи Демосѳена и Цицерона до сихъ поръ считаются образцовыми.—Не всякая пословица есть мудрое изрѣченіе.—Грѣшно тѣшиться чужою бѣдою.—Дома, гдѣ призрѣваютъ бѣдныхъ, называются богадѣльнями.—Орѣховое дерево цѣнится дорого.—Въ сырыхъ погребахъ овощи скоро прѣютъ.—Рѣчная вода имѣетъ прѣсный вкусъ.—Въ звѣринцахъ хищныхъ звѣрей держатъ въ крѣпкихъ клѣткахъ за желѣзными рѣшетками.—Къ старости зрѣніе слабѣетъ.—Дикари сражаются стрѣлами.—Левъ и тигръ—самые свирѣпые звѣри.

б) *Письменное изложеніе прочитаннаго.* Среди устныхъ работъ видное мѣсто занимали—объяснительное чтеніе и вообще разсказъ прочитаннаго, видѣннаго и слышаннаго. Эти работы служили подготовительными къ письменнымъ изложеніямъ прочитаннаго. При устномъ пересказѣ нужно только

одно—пониманіе читаемаго, при письменномъ изложеніи—кромѣ пониманія читаемаго, нужно знаніе правописанія. Такимъ образомъ, цѣль письменныхъ изложеній прочитаннаго двоякая — убѣдиться въ пониманіи читаемаго и въ знаніи правописанія. Параллельно съ этимъ долженъ вырабатываться навыкъ въ свободномъ изложеніи мысли съ соблюденіемъ логической послѣдовательности. Мы даемъ достаточное количество статей для письменнаго изложенія, имѣя въ виду важность этой работы, Образецъ письменнаго изложенія также приводимъ, но ключа ко всѣмъ статьямъ дать нельзя, такъ какъ у каждаго получится изложеніе особое. *)

Образецъ: Мой домикъ.

Я нанялъ свѣтлый домъ
Съ диваномъ, камелькомъ;
Три комнатки простыя:
Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,
И ткани выписныя
Не кроютъ ихъ паркетъ.
Окошки въ садъ веселый,
Гдѣ липы престарѣлы
Съ черемухой цвѣтутъ;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладну тѣнь даютъ;
Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжный
Сплелся съ фіалкой нѣжной,
И быстрый ручеекъ,
Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
Невидимый для взора,
Лепечетъ у забора.

Пушкинъ.

Примѣръ изложенія. Въ домѣ было три комнатки. Мебель стояла тамъ самая простая. Не было ни ковровъ, ни бронзовыхъ, ни золотыхъ вещей. Окна домика выходятъ въ садъ. Въ немъ растутъ липа, черемуха, березы и даютъ прохладную тѣнь. Тамъ же цвѣтутъ ландыши, фіалки и журчитъ, лепечетъ ручеекъ.

Статьи для письменнаго изложенія.

Свѣтелка.

Въ низенькой свѣтелкѣ
Со створчатымъ окномъ
Свѣтится лампада
Въ сумракѣ ночномъ;
Слабый огонечекъ
То совсѣмъ замретъ,
То дрожащимъ свѣтомъ
Стѣны обольетъ.
Новая свѣтелка
Чисто прибрана,
Въ темнотѣ бѣлѣетъ
Зановѣсъ окна;
Полъ оструганъ гладко,
Ровенъ потолокъ;
Печка развальная
Стала въ уголокъ.
По стѣнамъ укладка
Съ дѣдовскимъ добромъ;
Узкая скамейка,
Крытая ковромъ;
Крашеные пяльцы
Съ стуломъ раздвижнымъ,
И кровать рѣзная
Съ пологомъ цвѣтнымъ.

Мей.

*) Далѣе въ п. ж письменныхъ работъ будутъ приведены планы нѣкоторыхъ изъ этихъ статей для письменнаго изложенія.

Птичій дворъ.

Птичій дворъ (изба съ хлѣвомъ) устроенъ близъ большаго пруда, скорѣе похожаго на озеро. Мѣстечко было очень красивое: съ одной стороны возвышался крутой, поросшій высокими соснами, елями и березами, берегъ, а съ другой, противоположной, виднѣлся на горѣ красивый барскій домъ съ зеленою крышей. Домъ выходилъ своей широкой террасой и балкономъ въ большой, спускавшійся къ озеру, садъ съ кедровыми аллеями. Не далеко отъ птичника оранжерея, огородъ и плотина съ водяною мельницей.

У самой воды на нѣсколько саженъ берегъ поросъ камышемъ и высокой осокой. Для катанья на озерѣ есть нѣсколько шлюпокъ.

Любопытно зайти раннею весною на птичникъ, вскорѣ послѣ того, какъ вылупятся циплята... Вотъ разгуливаетъ горбатая индѣйка съ голыми, некрасивыми индюшатами. Курица-насѣдка подобрала подъ себя цѣлую дюжину циплятъ, и они, какъ пуховые мячики, выглядываютъ черными глазенками изъ-подъ растопыренныхъ крыльевъ матери. Курица встала... Вотъ желтенькія крошки разсыпались въ разныя стороны. Вдругъ посыплешь кашки... Курица подбѣгаетъ и какимъ-то особеннымъ, учащеннымъ крикомъ и клохтаньемъ скликаетъ своихъ малютокъ. И онѣ хорошо понимаютъ родимый зовъ: сейчасъ бѣгутъ, другъ друга перегоняя, торопятся, падаютъ, такъ какъ ножки еще очень слабы. Если курица найдетъ червячка или поймаетъ муху,—сама не съѣстъ, но опять зоветъ своихъ дѣтенышей,—и разноцвѣтные шарики быстро, быстро стремятся къ лакомой добычѣ.

Гусята, особенно утята, лишь изъ яйца—въ воду. Слабенькія ножки съ трудомъ донесутъ до воды... На водѣ, въ родной стихіи, утятамъ раздолье: ныряютъ, полощутся, догоняютъ другъ друга, оты-

скиваютъ червяковъ и, опустивъ головки въ воду, торчатъ оттуда одними хвостиками... Старыя гусыни и утки тутъ же: онѣ стерегутъ отъ враговъ дѣтей своихъ и съ гордостью любуются на рѣзвящуюся молодежь.

Иногда птичницы подкладываютъ подъ курицу утиныя яйца—и высиживаются утята. Надобно видѣть изумленіе и отчаяніе курицы, когда утята черезъ нѣсколько времени побѣгутъ на озеро и поплывутъ. Бѣдная курица бѣгаетъ изъ стороны въ сторону по берегу и жалобно кричитъ про свое горе до тѣхъ поръ, пока не наплаваются ея странныя дѣтки и не выйдутъ изъ воды.

Лебедь.

Лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной или водоплавающей птицы. Бѣлый, какъ снѣгъ, съ блестящими, прозрачными небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шеею, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей, по темносиней, гладкой поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начинаетъ-ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, поднимаетъ голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ-ли купаться, нырять и полоскаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ-ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и хвостѣ смятыя или замаранныя перья; распуститъ-ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косой парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ, — все живописно и великолѣпно въ немъ.

У русскаго народа „лебедь — лебедушка“ служитъ образомъ для выраженія женской красоты и статности. „Очи соколиныя, брови соболиныя, походка лебединая“... „Ходитъ плавно, словно лебедушка, смотритъ сладко, какъ голубушка, молвитъ слово—соловей поетъ“.. Такъ нашъ народъ описываетъ красивую, статную, стройную дѣвицу или молодицу.

Мышь и Крыса.

—„Сосѣдка, слышала-ль ты добрую молву?—
Вбѣжавши, Крысѣ Мышь сказала:
Вѣдь кошка, говорятъ, попалась въ когти льву!
Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!“
—„Не радуйся, мой свѣтъ,—
Ей Крыса говоритъ въ отвѣтъ:
И не надѣйся по пустому!
Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
То вѣрно льву не быть живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!“

Крыловъ.

Горохъ.

Горохъ, бобы, морковь, рѣпа, макъ — лѣтомъ для крестьянскихъ дѣтей единственное лакомство и замѣняетъ всякія другія сласти, на выдумки которыхъ тароваты города. Въ деревнѣ нѣтъ конфектъ, да и не на-что купить, а потому въ деревнѣ кондитерскіе и фруктовые магазины замѣняются огородами.

И вотъ крестьянки, при помощи ребятишекъ и дѣвчонокъ, весною приготовляютъ гряды подъ посѣвъ любимыхъ овощей: сдабриваютъ гряды навозомъ, тщательно перекапываютъ, разрыхляютъ, чуть не для каждаго сѣмячка дѣлаютъ ямки. А тамъ сѣютъ, садятъ съ молитвою, поливаютъ, выпалываютъ сорную траву, ухаживаютъ и зорко стерегутъ будущіе гостинцы. Весною, для спасенія грядъ отъ галокъ, воронъ, грачей, которые выклевываютъ иногда сѣмена, тотчасъ послѣ посадки овощей, ставятъ по срединѣ грядъ шестъ и привѣшиваютъ къ нему на мочалкѣ убитую ворону или грача.

Зазеленѣли гряды, заалѣлъ макъ, начали всходить тонкіе стебельки съ завитыми усиками гороха. Тотчасъ на гороховую гряду втыкаютъ ряды колышковъ (частоколъ), и по этой рѣшеткѣ вьются и ползутъ гороховыя, слабыя, тонкія вѣтки. Отцвѣлъ горохъ; образовались маленькіе стручки. Надзоръ и стража увеличивается... Налетятъ воробьи цѣлыми тучами. Бѣда! Тогда дѣлается изъ соломы чучело или пугало. Такое чучело гороховое, пугало воронье устраивается на-подобіе старика, съ растопыренными руками; надѣвается на него рваный зипунъ или какое-нибудь лепестье, а голова покрывается растрепанною, издерганною шапчонкой, и ставится посрединѣ грядъ. Иногда придѣлывается къ чучелу еще деревянная трещетка. Чуть вѣтеръ, — чучело завертится, затрещитъ и распугаетъ вороватыхъ птицъ... Иногда птицы привыкаютъ къ пугалу, и нерѣдко видишь ворону или грача, которые, преспокойно сидя на пугалѣ, выщипываютъ себѣ на гнѣздо пухъ и перья изъ дырявой шапки гороховаго сторожа.

Каждый гороховый стручекъ виситъ на тонкомъ стебелькѣ, точно зеленый пузатый пирожокъ, сшитый изъ двухъ половинокъ, начиненный въ два ряда круглыми горошинками, которыя, какъ ребрышки, виднѣются сквозь нѣжную кожицу и какъ будто хотятъ лопнуть и выскочить.

Вотъ и Второй Спасъ (6-го Августа) пришелъ. Затеребили морковь, зашелушили горохъ; по деревенскимъ улицамъ дѣти носятся: кто съ красной морковью въ рукахъ, кто съ горохомъ въ подолѣ. Хорошее время!

Если горохъ сѣется на поляхъ, его косятъ, молотятъ. Вареный горохъ, гороховый кисель съ льнянымъ масломъ, хоть и тяжелыя, но сытныя и любимыя нашими крестьянами блюда. Нѣмцы кормятъ своихъ солдатъ въ походахъ гороховой колбасой. Гороховая тыча (стебель)—хорошій кормъ для скота.

Первая ласточка.

Травка зеленѣетъ,
Солнышко блеститъ;
Ласточка съ весною
Въ сѣни къ намъ летитъ.
Съ нею солнце дольше
И весна милѣй...
Прощебечь съ дороги
Намъ привѣтъ скорѣй!
Дамъ тебѣ я зеренъ.
А ты пѣсню спой,
Что изъ странъ далекихъ
Принесла съ собой.

Плещеевъ.

Сѣнокосъ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями, рядами,
Ходятъ, сѣно шевеля.
Тамъ сухое убираютъ;
Мужики его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ...
Возъ растетъ, растетъ, какъ домъ...
Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ...
Уши врозь, дугою ноги,
И, какъ будто, стоя спитъ...
Только жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая въ попыхахъ.

А. Майковъ.

Сказочныя чудеса.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ, и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны:
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходитъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской.
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря,
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ бабою-ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ.
И я тамъ былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый:
Подъ нимъ сидѣлъ и котъ ученый,
Свои мнѣ сказки говорилъ.

Пушкинъ.

Власъ.

Въ армякѣ, съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ, старикъ сѣдой.
На груди икона мѣдная:
Проситъ онъ на Божій храмъ,—
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ.
Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки-Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы;
Словомъ истины Евангельской,
Собирая Богу дань,
Побываетъ и въ Архангельскѣ,
Проберется и въ Рязань.
Ходитъ съ образомъ и книгою,
Самъ съ собою говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.
Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары.
И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной!

Некрасовъ.

Деревня.

Высокій сосновый боръ. Вблизи него деревня. Два ряда избъ, крытыхъ соломой, образуютъ улицу. Посреди улицы колодецъ. Подлѣ каждой избы дворъ, гдѣ живетъ домашній скотъ и птица. За дворомъ огородъ, а тамъ, на задворкахъ, пойдутъ бани, гумна, овины, поля, нивы, выгоны.

Около всякаго двора стоятъ подъ навѣсомъ: телѣги, колеса, сохи, бороны, дрова, колья и жерди, которыми огораживаютъ поля. Вездѣ въ деревнѣ дерево, оттого деревней и зовутъ.

Деревня, гдѣ есть церковь, называется селомъ.

Зимой деревни почти не видать: вся она засыпана снѣгомъ. Кое-гдѣ изъ-подъ сугробовъ чернѣютъ крыши съ трубами, крылья мельницы или толчеи. На улицѣ пусто; развѣ проѣдетъ возъ съ дровами, или пронесутъ ушатъ съ водой отъ колодца.

Только засвѣтитъ весеннее солнышко, деревня пробуждается. Начало таять; потекли ручьи. Мальчишки ставятъ на ручейкахъ меленки, бѣгаютъ весело по лужамъ, примащиваютъ дупельки для скворцовъ; появляются на улицахъ коровы и лошади, и грѣются на солнцѣ. Весна на дворѣ. Мужики повезли колья, жерди — поля городить, пахать, сѣять... Работы пошли въ огородахъ: садятъ капусту, сѣютъ рѣпу, морковь... Зазеленѣлъ лѣсъ, распустились листья березки, зацвѣла рябина. Затрубилъ пастухъ, заголосили стада, запѣли птички. Ожила деревня.

Лѣто. Кругомъ деревни на широкихъ лугахъ трава по поясъ. Воздухъ чистый, свѣжій, благоухающій. На нивахъ поспѣваетъ хлѣбъ. Въ деревнѣ пусто: всѣ на поляхъ, гдѣ кипитъ-поспѣваетъ работа. Въ избахъ только старый да малый.

Вотъ и осень на дворъ черезъ прясло глядитъ. Шумъ работъ умолкъ. Наступаютъ длинные вечера. Изрѣдка еще слышится на гумнахъ стукъ цѣповъ. Вслѣдъ за осенью снова зима въ теплой шубѣ идетъ... Деревня опять засыпаетъ до весны...

Не взрачна, не красива наша деревенька: кое-гдѣ торчатъ около почернѣлыхъ избъ березки; румяная раскидалась рябина съ своими яркокрасными кистями; иногда деревянный рѣпеекъ (рѣзной изъ дерева кругъ въ родѣ флага) развѣвается надъ крышей съ мочальной лентой, либо деревянный вырѣзной пѣтушокъ торчитъ надъ свѣтелкой. Вотъ и все украшеніе! То-ли дѣло городъ, скажете вы... Но, дѣти, не все то хорошо, что красиво. Подъ соломенными крышами, въ черныхъ избахъ живетъ честный трудъ; безъ деревни, безъ крестьянъ, не было бы у насъ хлѣба, полотна, огородныхъ овощей. Безъ деревни не было бы и красивыхъ городовъ, и каменныхъ домовъ, и блестящихъ магазиновъ... Если бы не было пахатника, не было бы и бархатника!..

Заяцъ.

Наружность зайца извѣстна всѣмъ. Замѣчательно устроены у него заднія ноги: онѣ гораздо длиннѣе, толще, сильнѣе переднихъ и снабжены необыкновенно крѣпкими, легко растяжимыми жилами. Отсюда происходитъ способность зайца дѣлать длинные прыжки и рѣзво бѣгать. Заяцъ не ходитъ, а прыгаетъ; онъ даже не можетъ сидѣть на всѣхъ четырехъ ногахъ; какъ только останавливается онъ на своемъ бѣгу, то сейчасъ присядетъ на заднія ноги,—такъ онѣ длинны. Шея у зайца не повертывается и онъ не можетъ оглянуться назадъ; услыхавъ какой-нибудь шумъ сзади или сбоку, онъ опирается на заднія ноги, перекидываетъ всего себя въ ту сторону, откуда послышался шумъ, садится на корточки, какъ сурокъ, и насторожитъ свои длинныя уши.

Зайцы питаются травою, древесными листьями, хлѣбными всякими посѣвами. Зимою гложутъ они древесную кору, особенно осиновую.

Заяцъ—самое робкое беззащитное животное. Трусость видна во всѣхъ его торопливыхъ движеніяхъ. „Трусливъ, какъ заяцъ", молвитъ русскій народъ. Онъ боится и звѣря, и птицы, и только ночью, или по утреннимъ и вечернимъ зарямъ, выходитъ изъ своего дневнаго убѣжища. Съ разсвѣтомъ онъ выбираетъ укромное мѣстечко, ложится и съ открытыми глазами, по причинѣ своихъ короткихъ вѣкъ, чутко дремлетъ до вечера, протянувъ по спинѣ длинныя уши и безпрестанно моргая своей мордочкой, опушенной рѣдкими, но довольно длинными бѣлыми усами.

Русскій народъ называетъ зайца „косымъ". Его глаза не косы; но, будучи пугливъ, тороплив и не имѣя способности оглядываться, онъ набѣгаетъ иногда прямо на охотника или на пень; оторопѣвъ, круто бросается въ другую сторону и опять на что-нибудь набѣгаетъ. Вотъ почему назвали его косымъ, и даже человѣка, пробѣжавшаго второпяхъ мимо того предмета, котораго онъ ищетъ, или забѣжавшаго не туда, куда слѣдуетъ, привѣтствуютъ восклицаніемъ: „Эхъ, ты, косой заяцъ", или „куда забѣжалъ скосу!"

Зайца истребляютъ всѣ, кто можетъ: волки, лисицы, собаки, орлы, беркуты, большіе ястреба, даже большія совы. Черный беркутъ (степной орелъ),—громаднѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, похожій на копну сѣна, почернѣвшую отъ дождя, когда сидитъ,—увидитъ и, зашумѣвъ, какъ буря, упадаетъ на бѣднаго зайца внезапно изъ облаковъ, унесетъ въ длинныхъ и сильныхъ когтяхъ на далекое разстояніе, и, опустясь гдѣ-нибудь, съѣстъ почти всего, съ шерстью и мелкими костями!

Совы и филины ночью ловятъ зайцевъ слѣдующимъ образомъ: одной ногой сова, вкогтится въ

зайца, а другою ухватится за вѣтку куста или дерева и такимъ образомъ держитъ его, пока онъ не выбьется изъ силъ; тогда сова вкогтится въ него и другой лапой, и окончательно задушитъ.

Извѣстны три породы зайцевъ: русаки, бѣляки и тумаки (смѣсь).

Прогулка по Зоологическому саду.

Въ Петербургѣ Зоологическій садъ находится за Невой, въ Александровскомъ паркѣ, недалеко отъ крѣпости. Мы поѣхали туда на яликѣ, прямо чрезъ рѣку отъ Зимняго дворца. Съ середины рѣки совѣтую оглянуться кругомъ: что за прелесть видъ!.. Едва-ли есть что подобное въ Европѣ... Широчайшая рѣка тиха и свѣтла, какъ зеркало... Въ это зеркало глядятъ дворцы, башни, корабли... Смотрите: греческій храмъ,—биржа съ своими колоннами, гигантскими рострами и лѣсомъ мачтъ... Мрачный Исакій съ горящимъ на солнцѣ куполомъ... Тысяча оконъ—зеркалъ—между тысячами колоннъ Зимняго дворца, съ его балконами, куполами, статуями!..

Чу... слышны крики попугаевъ и ревъ какого-то звѣря,—вѣроятно льва... Вотъ и высокая деревянная рѣшетка сада, съ развѣвающимися флагами; около нея множество мальчишекъ, которые смотрятъ въ щели рѣшетки, силясь что-нибудь увидѣть... У нихъ нѣтъ денегъ и они лишены величайшаго удовольствія, какъ мы, быть въ саду и любоваться птицами, животными и звѣрями.

Вотъ разноцвѣтные попугаи: зеленые, бѣлые съ красными головами и хвостами огненнаго цвѣта... „Попугаемъ“ зовутъ у насъ того, кто повторяетъ чужія слова. Попугай очень переимчивъ: любя повторять чужой голосъ, выучивается говорить довольно внятно. Лучшіе попугаи живутъ въ Бразиліи. Гнѣзда вьютъ на самыхъ высокихъ деревьяхъ. Попугаи быстро лазаютъ, цѣпляясь своимъ крѣпкимъ клювомъ и ногами. Недалеко тутъ же, въ маленькихъ клѣточкахъ, птицы-мухи или колибри, величиною съ орѣхъ. Вся птичка зеленаго цвѣта, а крылья темнаго или краснаго; глазки блестятъ, какъ алмазы, изогнутый носикъ тонокъ, какъ булавка. Колибри водятся въ жаркихъ странахъ Америки. Индѣйцы носятъ колибри въ ушахъ, какъ серьги. Яички колибри, обыкновенно не больше горошины, кладетъ (не болѣе двухъ) въ искусно устроенныя гнѣздышка и храбро защищаетъ дѣтокъ своихъ.

Вотъ между елками бѣгаютъ красивые, серебряные и золотистые фазаны, похожіе на павлиновъ, ростомъ съ курицу; тутъ-же райская птица. Изъ-подъ ея короткихъ крыльевъ выходятъ пучки золотистыхъ перьевъ, а изъ хвоста два длинныхъ, нитевидныхъ пера яркаго, шоколаднаго цвѣта. А вотъ и прудъ... Боже мой! Сколько здѣсь птицъ! Утки, гуси, гагары, лебеди, пеликаны, аисты, цапли, журавли...

У пеликановъ, которые будутъ величиною съ гуся, носы или клювы около аршина. Подъ клювами широкая перепонка, въ видѣ мѣшка, которымъ ловятъ пеликаны рыбу, какъ сачкомъ, и своихъ дѣтей питаютъ изъ него. Вотъ почему пеликанъ служитъ символомъ материнской любви. Всѣ эти птицы длинноноги и длинноносы, потому что природа назначила имъ жизнь около воды и доставать пищу со дна рѣкъ и озеръ.

Встрѣча зимы.

По утру вчера дождь въ стекла оконъ стучалъ; надъ землею туманъ облаками вставалъ. Вѣялъ холодъ въ лицо отъ угрюмыхъ небесъ, и, Богъ знаетъ, о чемъ плакалъ сумрачный лѣсъ.

Въ полдень дождь пересталъ и, что бѣлый пушокъ, на осеннюю грязь началъ падать снѣжокъ. Ночь прошла. Разсвѣло. Нѣтъ нигдѣ облачка. Воздухъ легокъ и чистъ, замерзла рѣка. На дворѣ и домахъ снѣгъ лежитъ полотномъ и отъ солнца блеститъ разноцвѣтнымъ огнемъ. На безслѣдный просторъ побѣлѣвшихъ полей смотритъ весело лѣсъ изъ-подъ черныхъ кудрей—словно радъ онъ чему, и на вѣткахъ березъ, какъ алмазы, горятъ капли сдержанныхъ слезъ.

Здравствуй, гостья—зима! Просимъ милости къ намъ пѣсни сѣвера пѣть по лѣсамъ и степямъ. Есть раздолье у насъ—гдѣ угодно гуляй, строй мосты на рѣкахъ и ковры разстилай. Намъ не стать привыкать,—пусть морозъ твой трещитъ: наша русская кровь на морозѣ горитъ. Искони ужъ таковъ православный народъ: лѣтомъ, смотришь, жара—въ полушубкѣ идетъ; жгучій холодъ пахнулъ—все равно для него; по колѣна въ снѣгу, говоритъ: „ничего!“

Въ чистомъ полѣ мятель и крутитъ, и мутитъ,—нашъ степной мужичекъ ѣдетъ въ санкахъ, кряхтитъ: „ну, соколики, ну! выносите дружки!“ Самъ сидитъ и поетъ: „Не бѣлы-то снѣжки!“ Да и намъ-ли подчасъ смерть не встрѣтить, шутя, если къ бурямъ у насъ привыкаетъ дитя? Когда мать въ колыбель на ночь сына кладетъ, подъ окномъ для него пѣсни вьюга поетъ, разгулъ непогодъ съ раннихъ лѣтъ ему любъ, и ростетъ богатырь, что подъ бурями дубъ.

Разсыпай-же, зима, до весны золотой серебро по полямъ нашей Руси святой! И случится-ли, къ намъ гость незванный придетъ и за наше добро съ нами споръ заведетъ,—ужъ прими ты его на сторонкѣ чужой, хмѣльной пиръ приготовь, гостю пѣсню пропой; для постели ему бѣлый пухъ припаси и мятелью засыпь его слѣдъ на Руси!

Никитинъ.

Рождественская елка.

На краю села, досками заколоченный кругомъ, стоитъ покинутый, забытый, обветшалый барскій домъ. За усадьбою въ избушкѣ няня старая живетъ и ужъ сколько лѣтъ—не можетъ позабыть своихъ господъ. Все разсказываетъ внучку, какъ встрѣчали господа Новый Годъ, Святую, Святки... Какъ кутили иногда, и какія доводилось ей слыхать въ дому у нихъ чудодѣйныя сказанья про угодниковъ святыхъ. Позабытая старушка пополамъ съ нуждой живетъ, за крупу, за хлѣбъ, за масло зиму зимскую прядетъ. Внучекъ малъ, сыра избушка и до самаго окна, вплоть до ставня, снѣжной бурей съ ноября заметена.

Ночь, морозъ трещитъ, все глухо, вся деревня спитъ; одна няни тѣнь торчитъ за прялкой,—пляшетъ тѣнь веретена. Съ догорающей свѣтильней сумракъ борется ночной; на палатяхъ подъ овчиной шевелится домовой...

Внукъ пугливо смотритъ съ печи; всѣ скосматилъ волоса, поднялъ худенькія плечи, локотками подперся. — „Бабушка!..“ — „Чего, родимый?“— „На яву или во снѣ про рождественскую елку ты разсказывала мнѣ? Какъ эта елка въ барскомъ домѣ просіяла,—какъ на ней были звѣзды золотыя и гостинцы для дѣтей? Вотъ бы намъ такую елку! И сочельникъ не далекъ—только что это за елка? Мнѣ все какъ-то невдомекъ“... Порвалась у пряхи нитка, разсердилась и ворчитъ: „ишь не спитъ! про елку бредитъ... видно голоденъ—блажитъ“. Зачадясь, свѣтильня гаснетъ, не жужжитъ веретено. Помолясь, легла старуха; ночь бѣлѣется въ окно.—„Бабушка!..“—„Чего, родимый!“—„Ну, а гдѣ она растетъ эта елка-то? Ты только разскажи мнѣ: гдѣ растетъ?“.

„Гдѣ-жъ расти: растетъ въ лѣсочкѣ, въ ельникѣ растетъ... Постой... домовой никакъ проохалъ... тише... Спи, Господь съ тобой!...“

Рождества канунъ—сочельникъ. Вотъ, подтибривши топоръ, къ ночи внучекъ старой няни пробрался въ сосѣдній боръ. Тѣни сосенъ, молча, стали на дорогу выходить. Онъ рождественскую елку ищетъ бабушкѣ срубить. Вотъ и мѣсяцъ— засквозили сучьевъ сѣти и рога; свѣтъ его, какъ свѣтъ лампады, легъ на блѣдные снѣга. Смотритъ мальчикъ—что за чудо! Изъ-за темнаго бугра встала, выглянула елка, точно вся изъ серебра. Брилліанты на рогулькахъ, въ брилліантахъ—огоньки; дрогнулъ мальчикъ,—отъ натуги кровь стучитъ въ виски. Не звѣзда-ли—эта искра, превратившаяся въ ледъ? Ступитъ вправо—засверкаетъ, ступитъ влѣво—пропадетъ. Пораженный, умиленный, онъ стоитъ—и какъ тутъ быть?! Какъ рождественскую эту елку станетъ онъ рубить?! Мѣсяцъ льетъ свое мерцанье. Въ темномъ лѣсѣ ни гу-гу!.. Опустивъ топоръ, присѣлъ онъ передъ елкой на снѣгу. И сидитъ, и слышитъ: гдѣ-то словно колоколъ гудетъ... Это сонъ? Иль Божья смерть подъ благовѣстъ идетъ?... И рождественская елка передъ нимъ растетъ, растетъ, лучезарными вѣтвями обняла небесный сводъ. По вѣтвямъ ея на землю сходятъ ангелы; ихъ клиръ пѣснь поетъ о Славѣ Вышнихъ... всей землѣ пророчитъ миръ. И тьмы-темъ огненно-крылатыхъ, ослѣпительныхъ дѣтей, изъ вѣтвей глядятъ на землю миріадами очей. Словно ждутъ—какое міру Богъ готовитъ торжество. Смерть баюкаетъ ребенка, сердцу снится Рождество. И упалъ изъ рукъ топоръ, и заснулъ бы онъ на вѣкъ. Да случайно мимо лѣсомъ ѣхалъ пьяный дровосѣкъ. Онъ встряхнулъ его, ругаясь, и свистя отвезъ домой. И очнулся бѣдный мальчикъ на груди ему родной. Долго былъ потомъ онъ боленъ, чѣмъ-то смутно потрясенъ; никому не разсказалъ онъ сна, который видѣлъ онъ. Да и какъ бы могъ онъ, бѣдный, все то высказать вполнѣ, что душѣ его сказалось въ полусмерти—въ полуснѣ...

Полонскій.

Масляница въ Петербургѣ.

Въ Петербургѣ масляница празднуется на Царицыномъ лугу. Здѣсь устраиваются горы, балаганы, качели; петербургскіе жители впродолженіи масляной недѣли почти всѣ перебываютъ „подъ балаганами“... Съ высокихъ горъ, устланныхъ льдомъ, катаются на санкахъ. Въ балаганахъ происходятъ театральныя представленія: въ иныхъ показываютъ великановъ, въ другихъ катаются на вертящихся лодкахъ, точно плывутъ подъ музыку и пляску плясуновъ и плясуній; съ балконовъ балагановъ шуты, наряженные стариками, разными шутками-прибаутками смѣшатъ стоящій кругомъ народъ и зазываютъ въ балаганъ; въ нѣкоторыхъ панорамы (райки), гдѣ сквозь увеличительныя стекла показываютъ различные города: Римъ, Неаполь, Вѣну, Лондонъ и др. Хорошо смотрѣть панораму! Города точно настоящіе: словно вдругъ пріѣхалъ за нѣсколько тысячъ верстъ и очутился на улицѣ незнакомаго города... Тамъ и сямъ на площади раскинуты палатки холщевыя съ пряниками, орѣхами... Подлѣ нихъ куча скорлупы. Орѣхи, пряники—народное лакомство. Подлѣ палатокъ дымятся самовары со сбитнемъ и чаемъ. Хорошо на холодкѣ выпить сбитню горячаго... Около самоваровъ грѣются балаганные паяцы и плясуны. Всевозможныхъ балагановъ цѣлая улица. А по ней вереницей въ два ряда подвигаются сани катающихся: большинство катается на чухонскихъ лошадкахъ со множествомъ бубенчиковъ. Со всѣхъ сторонъ слышатся пѣнье, музыка съ барабаннымъ боемъ, гамъ, говоръ, ревъ звѣрей (въ звѣринцахъ), ружейные выстрѣлы (въ балаганахъ), топотъ пля-

шущихъ, скрипъ саней, звеньканье и диньканье бубенчиковъ. Особенно красивъ поѣздъ катающихся смолянокъ: тянется около 50 придворныхъ каретъ, одна за другою, запряженныхъ цугомъ въ 4 и 6 лошадей, съ красными лакеями, форейторами и кучерами въ треугольныхъ шляпахъ. Въ каждой каретѣ по 8 и болѣе дѣвицъ изъ оконъ каретъ любуются масляничными удовольствіями.

Великая Суббота и Свѣтлое Воскресеніе въ Іерусалимѣ.

Въ Великую Субботу, предъ обѣднею, которая тамъ бываетъ часа въ два за полдень, въ храмѣ Воскресенія собираются множество народа, ожидающаго св. огня. Арабы и другіе тамошніе христіане по своему выражаютъ радость и привѣтствіе наступающему празднику: бѣгаютъ съ криками кругомъ часовни, бьютъ въ ладоши, кричатъ. Около двухъ часовъ выходитъ въ полномъ облаченіи греческій митрополитъ изъ главнаго алтаря, держа въ рукахъ пукъ неззаженныхъ тонкихъ свѣчей, числомъ 33, по числу лѣтъ жизни Спасителя на землѣ, и идетъ къ часовнѣ Гроба Господня. Передъ нимъ идетъ все духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ. Наступаетъ торжественная тишина. Митрополитъ входитъ въ пещеру Гроба Господня одинъ; всѣ лампады потушены тамъ заранѣе; двери за митрополитомъ затворяются. Чрезъ нѣсколько минутъ блеснетъ изъ пещеры свѣтъ, и митрополитъ выходитъ изъ пещеры съ пукомъ пылающихъ свѣчъ. Радость христіанъ-арабовъ бываетъ неимовѣрная: митрополита они поднимаютъ на руки и на плечахъ своихъ несутъ до главнаго алтаря. Св. огонь быстро переходитъ изъ рукъ въ руки и весь храмъ снизу до верху освѣщается тысячею огней. Св. огонь бережно несутъ жители въ свои дома и деревни, вѣря, что въ домѣ, куда принесенъ огонь, будетъ благополучно впродолженіи всего слѣдующаго года.

Въ полночь начинается заутреня у самаго Гроба Господня. Все духовенство идетъ съ крестнымъ ходомъ къ часовнѣ Гроба Господня и три раза обходитъ ее, какъ у насъ церковь, съ пѣніемъ стиха: „Воскресеніе твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесахъ“. Крестный ходъ потомъ останавливается, а митрополитъ одинъ входитъ въ пещеру и вскорѣ выходитъ изъ нея въ блестящей одеждѣ, со словами: „Христосъ Воскресе!“ какъ во время оно Ангелъ, благовѣстившій женамъ—муроносицамъ о Воскресшемъ изъ гроба. Тогда начинается пѣніе: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“, и все духовенство идетъ въ разныя части храма продолжать богослуженіе, каждый по своимъ обрядамъ. Послѣ Свѣтлаго Праздника богомольцы отправляются на родину, или странствуютъ по другимъ мѣстамъ Св. Земли.

Мельница.

Течетъ вода въ рѣкѣ по склону. Если пріостановить рѣку запрудой (перепрудить), или такъ называемою гатью, вода въ запрудѣ станетъ выше, вода дальше по рѣкѣ останется на низу и въ самомъ дѣлѣ будетъ ниже. Сила паденія воды чрезъ это увеличится. Стоитъ приладить изъ лучинокъ на палочкѣ валикъ: вся игрушка зашевелится и будетъ вертѣться, пока вода перестанетъ падать на крылья. Вотъ и игрушечная мельница—первообразъ настоящаго мельничнаго колеса. На мельницѣ настоящей та-же игра, лишь пошире, побольше тораздо. Чтобы концы вала не вертѣлись понапрасну, забавляя только шалуна, его приводятъ къ деревянной рукояткѣ, называсмой веретеномъ, а къ послѣднему крѣпко-накрѣпко прикрѣпляютъ одинъ жерновой камень съ дырой. Вода падая на зубья колеса, вертитъ валъ съ шестерней, надѣтой на снасть или веретено. Съ передачей водяной силы, шестерня вертитъ веретено—и жерновъ, въ кругъ, около центра его. Этотъ вертящійся жерновъ верхній — съ дырой, называемой вечей, наглухо лежитъ на другомъ жерновѣ—нижнемъ. Дыра въ этомъ задѣлана деревянной втулкой, обложенной войлокомъ. Зерно сыплютъ изъ ковша подъ веретено, въ вечею; пойдутъ жернова разговаривать, растирать зерно въ мелкую пыль, и начнетъ скатываться зерновая пыль, называемая мукою, по деревянному наклону (жолобу, или корытцу) въ подставленный ларь или сусѣкъ, какъ вода польется... Летитъ мука мелкой пылью вверхъ, наполняетъ все зданіе мельницы, заваливается по всѣмъ щелямъ, обсыпаетъ и бѣлитъ, какъ мертвеца, самого мельника, не раздумывается, садится даже на глазныя брови и рѣсницы его. Однако, въ концѣ-концовъ, выходитъ на то, что загадываетъ загадка: „Одинъ говоритъ (вода)—побѣжимъ, другой (жернова)—полежимъ, третій (колесо)—покачаемся“.

Велика услуга, польза и силы воды, да велика и сила вѣтра въ полѣ. Поймали его, вольнаго гуляку, люди и приладили его силу, сколько ухватить могли, къ колесу и жерновамъ. Тамъ, гдѣ воды мало, а часто и совсѣмъ нѣтъ, другаго рода мельницы (вѣтряныя) служатъ такую же службу для хлѣба, превращая его въ муку. На вѣтрянкѣ тотъ же валъ, но не лежачій, какъ на водяной мельницѣ, а стоячій. Вертитъ валъ не вода, падая на кулаки колеса, а вѣтеръ, ударяя въ крылья, которыя и прилаживаютъ наискосокъ. Во всякомъ случаѣ она подражаетъ крыльямъ птицъ. Стоячій валъ также ворочаетъ колесо, но лежачее, которое своей шестерней шевелитъ жернова. Не всегда, однако, крылья вѣтрянки стоятъ противъ вѣтра;—обойдетъ вѣтеръ другой стороной — мельница молоть перестанетъ. Чтобы отвратить бѣду, придѣла-

ны такія бревна-правила, которыя и спускаются къ землѣ, чтобъ ухватить было можно. Правилами, или рулемъ этимъ ворочаютъ мельницу (верхъ ея) съ крыльями по вѣтру, куда надо. Устройство вѣтрянокъ проще и дешевле. Вотъ почему вѣтрянками обставлены всѣ селенія, деревни и города въ степныхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ любитъ родиться хлѣбъ, въ особенности пшеница.

Въ Малороссіи нельзя вообразить себѣ ни одной деревушки безъ вѣтряныхъ мельницъ, какъ нельзя представить себѣ этой же деревушки безъ воловъ. Волы и вѣтрянки съ растопыренными крыльями бросаются въ глаза прежде всего и оставляютъ по себѣ неизгладимое воспоминаніе.

Вѣтряныя мельницы оживляютъ гладкую и скучную степь: облитая алымъ свѣтомъ заходящаго солнца, стоя на горкѣ съ поломанными крышами, съ обгрызанными крыльями, онѣ представляютъ такія живыя картинки, которыми можно залюбоваться.

С. Максимовъ.

Въ деревнѣ.

Вотъ по распаханной, черной полянѣ,
Землю взрывая, бредутъ поселяне.—
Весело видѣть семью поселянъ,
Въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ!
Дорого-любо, кормилица нива,
Видѣть, какъ ты колосишься красиво,
Какъ ты, янтарнымъ зерномъ налита,
Гордо стоишь, высока и густа!
Но веселѣй нѣтъ поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;
Вторитъ ей эхо лѣсовъ и полей,
Словно кричитъ: „поскорѣй! поскорѣй!“
Звукъ благодатный! кого онъ разбудитъ,
Вѣрно весь день тому весело будетъ!
Только что шумное стадо прогнали;
Какъ на подмерзлой грязи натоптали
Лошади, овцы!.. Парнымъ молокомъ
Въ воздухѣ пахнетъ. Мотая хвостомъ,
За нагруженной снопами телѣгой
Чинно идетъ жеребеночекъ пѣгой.
Паръ изъ отворенной риги валитъ,
Кто-то въ окнѣ тамъ у печки сидитъ.
А на гумнѣ только руки мелькаютъ...
Да высоко молотила взлетаютъ...

Некрасовъ.

Казанскій соборъ.

Казанскій соборъ замѣчателенъ какъ по своему своеобразному, прекрасному наружному виду, внутреннему богатству, такъ особенно дорогъ этотъ храмъ для каждаго русскаго славными воспоминаніями и своей святынею.

Красивая колоннада собора украшаетъ главную улицу Петербурга—Невскій проспектъ. Внутреннее расположеніе собора представляетъ ясно видъ креста, длинная часть котораго (къ западу) уставлена въ два ряда гранитными колонами. Первый камень въ основаніе собора положенъ Императоромъ Александромъ I въ 1801 году. Десять лѣтъ продолжалось строеніе собора, и 15-го Сентября 1811 г. соборъ былъ торжественно освященъ. Замѣчательно, что все это великолѣпное зданіе выстроили и украсили живописью и изваяніями одни русскіе мастера, безъ участія иностранцевъ.

Главная святыня собора—святая икона Казанскія Божіей Матери. Явленіе иконы въ Казани совершилось въ 1579 году, въ царствованіе Іоанна Грознаго, откуда Казанское ополченіе въ 1611 году, по вызову вѣрныхъ Нижегородцевъ, отправляясь на защиту погибающей Москвы, взяло съ собою святую икону. Въ Москвѣ икона оставалась до 1710 года. Петръ Великій перенесъ икону для освященія имъ основанной столицы, гдѣ икона и понынѣ пребываетъ,—святая надежда, прибѣжище и утѣшеніе православныхъ жителей новой русской столицы.

Заступница Усердная Русской земли, въ смутную годину междуцарствія, сохранила своимъ покровомъ родину нашу и въ достопамятный 1812 годъ—

Послѣ изгнанія Французовъ, здѣсь, въ этомъ соборѣ, совершилось благодарственное побѣдное молебствіе за избавленіе отъ „Нашествія Галловъ и съ ними двунадесяти языкъ“. Сюда, въ этотъ храмъ „Взбранной Воеводы, имущей державу непобѣдимую“, какъ въ сокровищницу, стеклись жертвы благодаренія отъ русскаго сердца за избавленіе отъ враговъ: „Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся...“ Сюда Донскіе казаки принесли въ даръ отбитое у непріятеля, награбленное имъ въ храмахъ русскихъ, церковное серебро (48 пудовъ), изъ котораго слитъ великолѣпный иконостасъ собора; сюда христолюбивое русское воинство, къ подножію Заступницы, повергло свои побѣдные трофеи: ключи городовъ, маршальскій жезлъ Даву, многочисленные (107) знамена и орлы... Здѣсь же, подъ сѣнію знаменъ и трофеевъ, „спитъ маститый стражъ страны державной, смиритель всѣхъ ея враговъ“, побѣдоносный вождь, князь Кутузовъ-Смоленскій. Къ этому, дорогому для русской памяти, гробу великій поэтъ сказалъ свой вдохновенный привѣтъ

25 Декабря 1837 г., въ день празднованія двадцати-пяти-лѣтія со времени освобожденія Россіи отъ нашествія Французовъ, открыты два памятника, поставленные передъ соборомъ двумъ вождямъ 12 года: Кутузову и Барклаю-де-Толли. Памятники вылиты изъ чугуна и представляютъ фигуры полководцевъ, въ плащахъ, во весь ростъ, съ маршальскими жезлами въ рукахъ. Подъ ногами у нихъ французскія знамена.

Смерть капитана Миронова.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красивый казацкій кафтанъ, обшитый галунами; высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лицо его мнѣ показалось знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій стоялъ у крыльца съ крестомъ въ рукахъ, и, казалось, молча умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народъ и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина. „Который комендантъ?“ спросилъ самозванецъ. Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузьмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему: „Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?“ Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: „Ты мнѣ не государь, ты воръ и самозванецъ, слышь ты!“ Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ... Чрезъ минуту я увидѣлъ бѣднаго Ивана Кузьмича, вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича. „Присягай“, сказалъ ему Пугачевъ, „Государю Петру Ѳедоровичу!“ — „Ты намъ не государь“, отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, повторяя слова своего капитана,—„ты, дядюшка, воръ и самозванецъ!“—Пугачевъ махнулъ опять платкомъ, и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною (Гриневымъ). Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ неописанному моему изумленію, я увидѣлъ, среди мятежныхъ старшинъ, Швабрина (офицеръ, товарищъ Гринева, предавшійся на сторону Пугачева), обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. „Вѣшать его!“ сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня. Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ, близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу: „не бось, не бось“, повторяли мнѣ губители, можетъ быть и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услышалъ я крикъ: „Постойте, окаянные! погоди!“ Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ лежитъ въ ногахъ у Пугачева. „Отецъ родной!“ говорилъ бѣдный дядька: „что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ, а для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня — старика!“ Пугачевъ далъ знакъ и меня тотчасъ развязали и оставили.

„Батюшка нашъ тебя милуетъ“, говорили мнѣ. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку. „Цѣлуй руку, цѣлуй руку!“ говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію. „Батюшка, Петръ Андреичъ!“ шепталъ Савельичъ, стоя за мною и толкая меня: „не упрямься! Что тебѣ стоитъ? Плюнь да поцѣлуй у злод... (тьфу!), поцѣлуй у него ручку“. Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкой: „Его благородіе, знать, одурѣлъ отъ радости. Подымите его!“ Меня подняли и оставили на свободѣ.

Пушкинъ.

Москва.

Городъ чудный, городъ древній!
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
И, свои раздвинувъ рамки,
Понаставилъ въ нихъ картинъ;
И въ объемъ свой вдвинулъ замки
Ты, нашъ городъ-исполинъ!
Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ.
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!
И могучею рукою
Ты, какъ хартія, развитъ;
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ!
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Выростають дерева!
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ—
Это—матушка-Москва!
Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана-звонаря?
Кто царь-колоколъ подыметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?...
Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ;
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ!
Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!
И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,

И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною.
Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ!
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

Ѳ. Глинка.

Бѣгство Французовъ отъ Березины.

Разстройство непріятельской арміи, въ послѣднюю недѣлю бѣгства отъ Березины до Молодечно, достигло до невѣроятной степени отъ наступившей вдругъ жестокой стужи. Съ 16-го Ноября постоянно было больше 20-ти градусовъ мороза. 22-го Ноября едва было можно говорить: отъ холода спиралось дыханіе. Стиснувъ зубы враги шли и бѣжали въ безмолвномъ отчаяніи; ноги обвертывали попонами, рогожами, окладывались сѣномъ и соломою; добыть лошадиную шкуру считалось за счастіе. На дорогѣ находилось немного уцѣлѣвшихъ селеній; всѣ они, при шествіи непріятеля внутрь Россіи, были ограблены, раззорены, выжжены. Когда Французамъ пришлось бѣжать назадъ по дорогѣ, ими опустошенной, то, завидя какое-нибудь строеніе, они спѣшили къ нему; но дома были пусты, и въ нихъ раздавался лишь свистъ порывистыхъ вѣтровъ. Не находя крова, непріятель жегъ на пути своемъ дома, клѣти, хлѣвы, заборы—для того только, чтобы согрѣться на ночлегѣ. На пожарищахъ лежали кучи солдатъ; приблизившись къ огню, они не имѣли болѣе силы отойти отъ него. Намъ случалось заглядывать въ полусгорѣвшія корчмы: посрединѣ обыкновенно находился курившійся огонекъ, а вокругъ на полу замерзлые непріятели. Ближайшіе къ огоньку еще шевелились, а прочіе въ искривленномъ положеніи, съ судорожными лицами, лежали, какъ окаменѣлые. У многихъ вмѣсто слезъ, выступала кровь изъ глазъ, а потому, безъ преувеличенія можно сказать, что враги проливали кровавыя слезы. Подобно тѣнямъ бродили они по пепелищамъ и среди пустынь, гдѣ не было ни движенія, ни жизни. Сами не зная куда, тащились иные по дорогамъ, съ примерзшею къ ногамъ соломою, съ почернѣвшими отъ грязи ступнями, покрытыми ледяною корою, зараженными антоновымъ огнемъ. Съ отмороженными по колѣни ногами, окутанные въ отвратительныя ветоши, съ закоптѣлыми отъ дыма лицами, небритыми бородами, дикими глазами, иные не могли ходить, а ползали на рукахъ. Въ безпамятствѣ ложились на горящіе угли и погибали въ огнѣ, грызя себѣ руки, пожирая стерво и человѣческое мясо. Биваки были такъ-же пагубны, какъ и сильные дневные марши... Приходя къ ночлегу, изнеможенные, полузамерзшіе бросались вокругъ огней; крѣпкій сонъ одолѣвалъ ихъ, и жизнь угасала прежде, нежели потухали огни. Плѣнными уже давно пренебрегали: нерѣдко бабы, одна впереди, другая позади, гнали дубинами стада европейцевъ. Даже съ ружьями шатались Французы между снѣжными сугробами, въ сторонѣ отъ дороги: — никто ими не занимался. Они подходили къ нашимъ колоннамъ и бивакамъ, окутанные и скорчившіеся, какъ обезображенныя чучела, слабымъ голосомъ вымаливая кусокъ хлѣба.

Михайловскій-Данилевскій.

Тифлисъ.

Тифлисъ, или Тифлиси, значитъ горячій городъ, какъ въ Богеміи—Теплицъ. Еще за 10 верстъ до Тифлиса виднѣется мрачная, дикая, съ черными ребрами гора Св. Давида. На срединѣ ея блеститъ бѣлая точка: это — дѣвичій монастырь того же имени, гдѣ покоится прахъ нашего незабвеннаго поэта А. С. Грибоѣдова. Вскорѣ вы подымаетесь на большую гору,—и глазамъ вашимъ вдругъ представляется огромная долина со множествомъ строеній, какъ будто сидящихъ другъ на другѣ, съ широкой рѣкой, пересѣкающей этотъ ландшафтъ. Это городъ Тифлисъ.

Тифлисъ окруженъ скалистыми горами; онѣ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ и, раскаляясь на солнцѣ, не нагрѣваютъ, а кипятятъ недвижный воздухъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, царствующихъ въ Тифлисѣ.

На срединѣ склона горъ, выше строеній, расположены виноградные сады, какъ бы вѣнкомъ окаймляющіе городъ. Виноградъ вьется по столбамъ съ перекладинами и образуетъ аллеи, покрытыя лиственнымъ пологомъ. Надъ этимъ живымъ зеленымъ покровомъ возвышаются плодовыя деревья: миндаль, персики, абрикосы, сливы, груши, яблоки, издающія вмѣстѣ съ цвѣтами ароматный запахъ.

Рѣка Кура раздѣляетъ городъ на двѣ части: собственно городъ—на правой сторонѣ Куры и нѣмецкія колоніи—на лѣвой. Улицы въ нѣмецкихъ колоніяхъ чисты, опрятны, домики выкрашены. Собственно городъ дѣлится на новый — верхній и старый — нижній. Верхній городъ чисто европейскій: здѣсь двухъэтажныя зданія красивой архитектуры; на окнахъ занавѣски, цвѣты, слышатся звуки фортепьяно, встрѣчаются щегольскіе экипажи. Нижняя часть—совершенно азіятскій городъ: тамъ живутъ Грузины въ своихъ тѣсныхъ глиняныхъ домикахъ, до половины врытыхъ въ землю; всюду грязь, нечистота. Грузинскіе дома построены такъ, что плоская крыша нижняго дома служитъ дворомъ верхнему; крыши домовъ убиваютъ глиною и настилаютъ землею. Эти кровли постоянно усѣяны женщинами и дѣтьми. Кровли замѣняютъ

Грузинамъ и гостиную, и бульваръ, и театръ: здѣсь угощаются, ведутъ разговоры, ссорятся, любуются природой, поютъ и пляшутъ подъ звуки бубна.

Значеніе Куликовской битвы.

Лѣтописцы говорятъ, что такой битвы, какъ Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; отъ подобныхъ битвъ давно уже отвыкла Европа. Побоища подобнаго рода происходили и въ западной ея половинѣ въ началѣ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ, во время великаго переселенія народовъ, во время страшныхъ столкновеній между европейскими и азіатскими ополченіями: таково было побоище Каталонское, гдѣ полководецъ римскій спасъ Западную Европу отъ гунновъ; таково было побоище Турское, гдѣ вождь франкскій спасъ Зап. Европу отъ аравитянъ. Зап. Европа была спасена отъ азіатцевъ, но восточная ея половина надолго еще оставалась открытою для ихъ нашествій; здѣсь въ половинѣ IX в. образовалось государство, которое должно было служить оплотомъ для Европы противъ Азіи; въ XIII в. этотъ оплотъ былъ, повидимому, разрушенъ; но основы европейскаго государства спаслись на отдаленномъ сѣверовостокѣ; благодаря сохраненію этихъ основъ, государство въ полтораста лѣтъ успѣло объединиться, окрѣпнуть — и Куликовская побѣда послужила доказательствомъ этой крѣпости; она была знакомъ торжества Европы надъ Азіею; она имѣетъ въ исторіи Восточной Европы точно такое же значеніе, какое побѣды Каталонская и Турская имѣютъ въ исторіи Европы Западной, и носитъ одинаковый съ ними характеръ страшнаго побоища, отчаяннаго столкновенія Европы съ Азіею, долженствовавшей рѣшить великій въ исторіи человѣчества вопросъ: которой изъ этихъ частей свѣта восторжествовать надъ другою?—Таково всемірно-историческое значеніе Куликовской битвы; собственно въ русской исторіи она служила освященіемъ новому порядку вещей, начавшемуся и утвердившемуся на сѣверовостокѣ.

Отъ Самары до Астрахани.

Настоящая низовая Волга, съ своими низовыми городами, истинно широкимъ раздольемъ начинается отъ Самары и идетъ по безпредѣльнымъ, черноземнымъ степямъ до самой Астрахани... За Саратовомъ, самымъ многолюднымъ изъ низовыхъ городовъ (80 тысячъ жителей), около посада Дубовки, Волга сближается съ Дономъ на 60 верстъ. Здѣсь рѣки соединены теперь желѣзною дорогою.

За Царицыномъ Волга дѣлится на рукава и идетъ степью. На мѣстахъ, гдѣ сливаются рукава, Волга въ нѣсколько верстъ ширины. Въ 70-ти верстахъ отъ впаденія въ Каспійское море, на одномъ изъ острововъ, образуемыхъ Волгою, стоитъ Астрахань. Это послѣдній городъ на Волгѣ. Улицы въ немъ узки, грязны и кривы. На улицахъ и площадяхъ разноплеменный сбродъ: рядомъ съ русскимъ мужикомъ, казакомъ, малороссомъ, нѣмцемъ-колонистомъ, видишь татарина, бухарца, персіянина, калмыка, киргиза, армянина... Смѣсь одеждъ и лицъ! Не даромъ одна изъ Астраханскихъ улицъ носитъ названіе „Безродной". Около Астрахани богатыя рыбныя ловли, снабжающія рыбой и икрой всю Россію.

Волга—великая рѣка русская! плодоносной, безконечной лентой извилась она по родимой землѣ! Споконъ-вѣка многоводная, многорыбная, она кормила, поила и богатила нашу родину... Не мало неурядицъ, насилій, опасностей было на этомъ великомъ водномъ пути. Сколько трудоваго тяжелаго пота было пролито на волжскихъ водахъ! Давно-ли цвѣтущіе, улыбающіяся волжскіе берега печалила томная, сжимающая сердце, бурлацкая пѣсня?

„Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ широкою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣснью зовется,—
То бурлаки идутъ бичевой...

Но разбиты крѣпостныя оковы, и подневольный рабскій трудъ миновалъ. Въ волнахъ широкой Волги и на ея цвѣтущихъ берегахъ заиграли золотые лучи радостной свободы... Задымились, засвистали и залопотали пароходы. И — слава Богу! почти болѣе не слыхать этой страдной, подъяремной бурлацкой пѣсни. Еще привольнѣе, еще краше стоятъ живописные волжскіе берега; еще веселѣе, еще величественнѣе катитъ свои свѣтлыя воды матушка Волга...

Кочубей въ темницѣ.

Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно въ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ,
И пышныхъ гетмановъ сады,
И старый замокъ озаряетъ,
И тихо, тихо все кругомъ...
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьи,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.

Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему!—желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ.. Но, Боже, правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье:
Утратить жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья;
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтилъ взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!...
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился...

Пушкинъ.

в) *Писаніе наизусть заученныхъ басенъ и стихотвореній.* Выше были приведены образцы басенъ и стихотвореній для заучиванія и выразительнаго произношенія. Заученныя басни и стихотворенія представляютъ изъ себя хорошій матеріалъ для письменной работы, если ихъ написать наизусть и затѣмъ повѣрить по книгѣ. Замѣченныя при этомъ ошибки слѣдуетъ объяснить грамматически, т. е. припомнить тѣ правила, которыя объяснятъ—почему въ книгѣ не такъ, какъ написалъ учащійся?

г) *Описаніе знакомыхъ предметовъ.* Это—первая изъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ. Здѣсь дается только *тема*, т. е предметъ описанія, а самое описаніе учащійся долженъ написать самостоятельно на основаніи тѣхъ знаній, какія онъ имѣетъ о данномъ предметѣ. Эти знанія могутъ быть или изъ обыкновенныхъ наблюденій, или-же изъ знакомства съ подобными описаніями. Знакомство съ описаніями во всякомъ случаѣ необходимо, какъ необходима модель для изготовленія какого нибудь предмета и потому рекомендуется прежде всего прочитать нѣсколько описаній, помѣщенныхъ выше, напр. „Птичій дворъ, Лебедь, Горохъ, Деревня, Заяцъ" и т. д. Если напр. дадутъ тему „*Зима*", то для описанія ея каждый обладаетъ достаточными свѣдѣніями изъ обыденной жизни, но не смотря на то, затруднится этой работой, если никогда не видѣлъ образца ея. Дадимъ еще нѣсколько примѣровъ образцовыхъ описаній для прочтенія.

Казачья станица.

Новомлинская станица стоитъ въ трехъ верстахъ отъ Терека, отдѣляясь отъ него густымъ лѣсомъ. Съ одной стороны дороги, проходящей станицу—рѣка; съ другой—зеленѣютъ виноградные, фруктовые сады, и виднѣются песчаные буруны (наносные пески) нагайской степи. Станица обнесена землянымъ валомъ и колючимъ терновникомъ. Выѣзжаютъ изъ станицы и въѣзжаютъ въ нее высокими на столбахъ воротами, съ небольшою, крытою камышомъ крышкой, около которыхъ стоитъ на деревянномъ лафетѣ пушка, уродливая, сто лѣтъ не стрѣлявшая, когда-то отбитая казаками. Казакъ въ формѣ, въ шапкѣ и ружьѣ, иногда стоитъ, иногда не стоитъ на часахъ у воротъ; иногда дѣлаетъ, иногда не дѣлаетъ фронтъ проходящему офицеру. Подъ крышкой воротъ, на бѣлой дощечкѣ, черною краской написано: домовъ 266, мужскаго пола душъ 897, женскаго 1012. Дома казаковъ всѣ подняты на столбахъ отъ земли на аршинъ и болѣе, опрятно покрыты камышомъ, съ высокими князьками. Всѣ ежели не новы, то прямы, чисты, съ разнообразными высокими крылечками, и не прилѣплены другъ къ другу, а просторно и живописно расположены широкими улицами и переулками. Передъ свѣтлыми большими окнами многихъ домовъ, за огородками, поднимаются выше хатъ темнозеленыя раины, нѣжныя свѣтлолиственныя акаціи съ бѣлыми душистыми цвѣтами, и тутъ же блестящіе желтые подсолнухи и вьющіяся лозы травянокъ и винограда. На широкой площади виднѣются три лавочки съ краснымъ товаромъ, сѣмячкомъ, стручками и пряниками: и за высокой оградой, изъ-за ряда старыхъ раинъ, виднѣется длиннѣе и выше всѣхъ другихъ, домъ полкового командира съ створчатыми окнами. Народа, особенно лѣтомъ, всегда мало виднѣется въ будни по улицамъ станицы. Казаки на службѣ: на кордонахъ и въ походѣ, старики на охотѣ, рыбной ловлѣ или съ бабами на работѣ въ садахъ и огородахъ. Только совсѣмъ старые и больные остаются дома.

Л. Толстой.

Лѣтній дождь.

День былъ жаркій, свѣтлый, лучезарный день, не смотря на перепадавшіе дождики. По ясному небу плавно неслись, не закрывая солнца, низкія, дымчатыя тучи и повременамъ роняли на поля обильные потоки внезапнаго и мгновеннаго ливня. Крупныя сверкающія капли сыпались быстро, съ какимъ-то сухимъ шумомъ, точно алмазы; солнце играло сквозь ихъ мелькающую сѣтку; трава, еще недавно взволнованная вѣтромъ, не шевелилась,

жадно поглощая влагу; орошенныя деревья томно трепетали всѣми своими листочками; птицы не переставали пѣть, и отрадно было слушать ихъ болтливое щебетанье при свѣжемъ гулѣ, или ропотѣ пробѣгавшаго дождя. Пыльныя дороги дымились и слегка пестрѣли подъ рѣзкими ударами частыхъ брызгъ. Но вотъ тучка пронеслась, запорхалъ вѣтерокъ, изумрудомъ и золотомъ начала переливаться трава.... Прилипая другъ къ дружкѣ, засквозили листья деревьевъ.... Сильный запахъ поднялся отовсюду....

Тургеневъ.

Осенній вѣтеръ.

Уныло воетъ вѣтеръ въ дождливую, холодную осень. Прислушайтесь: слышите, съ какимъ суетливымъ безпокойствомъ шаритъ онъ вокругъ каждаго кусточка и стебля, какъ будто отыскивая тамъ что-то забытое или утраченное? Онъ заглядываетъ въ каждое дупло, въ каждую скважину, поднимаетъ каждый поблекшій листокъ, каждую травку, и какъ путникъ, вернувшійся на родину, который, вмѣсто уютнаго крова, находитъ всюду одну глухую пустыню, мчится далѣе къ темному лѣсу, неся на плечахъ своихъ гряды сизыхъ тучъ—нажитое богатство! Но помертвѣлый лѣсъ, окутанный туманнымъ своимъ саваномъ, не встрѣчаетъ уже его ласковой рѣчью, не киваетъ ему привѣтливо кудрявой головой. Отчаянный ревъ вѣтра смѣняется тогда тоскливымъ плачемъ и ропотомъ. Сѣрыя тучи нависли и нахмурились. Поля, лощины и лѣса окропились прощальною слезою. И вотъ снова, какъ бы негодуя на свою слабость, вѣтеръ однимъ махомъ подобралъ сизыя тучи, бросился къ опушкѣ и, взметнувшись вихремъ, помчался далѣе, увлекая на пути мокрые желтые листья.

Григоровичъ.

Классная комната.

Налѣво отъ двери были двѣ полочки: одна—наша, дѣтская, другая Карла Ивановича, собственная. На нашей были всѣхъ сортовъ книги—учебныя и неучебныя: однѣ стояли, другія лежали; коллекція книгъ на собственной если не была такъ велика, какъ на нашей, то была еще разнообразнѣе.

На другой стѣнѣ висѣли ландкарты, всѣ почти изорванныя, но искусно подклеенныя рукою Карла Ивановича.

На третьей стѣнѣ, въ серединѣ которой была дверь внизъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна изрѣзанная, наша; другая новенькая, собственная; съ другой—черная доска, на которой кружками отмѣчались наши большіе проступки и крестиками маленькіе. Налѣво отъ доски былъ уголъ, въ который насъ ставили на колѣни.

Въ серединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванной черной клеенкой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными ножами. Кругомъ стола было нѣсколько некрашенныхъ, но отъ долгаго употребленія залакированныхъ табуретовъ.

Послѣдняя стѣна была занята тремя окошками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога; за дорогой—стриженая липовая аллея, изъ-за которой кое-гдѣ виднѣется плетеный частоколъ; черезъ аллею виденъ лугъ, съ одной стороны котораго гумно, а напротивъ лѣсъ; далеко въ лѣсу видна избушка сторожа. Изъ окна направо видна часть террасы, на которой сиживали обыкновенно большіе до обѣда.

Л. Толстой.

Весна въ Россіи.

Нигдѣ весна не имѣетъ столько прелести, какъ въ Россіи. Бѣлая одежда зимы, наконецъ утомляетъ зрѣніе. Душа желаетъ перемѣны. И звонкій голосъ жаворонка раздается на высотѣ воздушной. Сердце трепещетъ отъ удовольствія. Солнце быстрымъ дѣйствіемъ лучей своихъ растопляетъ снѣжные холмы: вода шумитъ съ горъ, и поселянинъ, какъ мореплаватель, радостно восклицаетъ: „земля!" Рѣки рвутъ на себѣ ледяныя оковы, пышно выливаются изъ береговъ, и самый маленькій ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдные луга, упитанные благотворной влагой, пушатся свѣжею травою и красятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя рощи зеленѣютъ. За ними и дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ веселыхъ птичекъ, одѣваются листьями, а вѣтерки повсюду разносятъ благоуханіе ароматной черемухи.

Карамзинъ.

Задача: Составить описанія на слѣдующія темы: 1) Весна, 2) Лѣто, 3) Осень, 4) Зима, 5) Описаніе города, или села, въ которомъ я живу, (или въ которомъ жилъ), 5) Лошадь, 6) Собака, 7) Береза, 8) Ночь, 9) Знакомая рѣка, или море, 10) Знакомый предметъ, памятникъ, церковь и т. п.

Какъ примѣръ ученическаго сочиненія приведемъ описаніе весны.

Весна.

Одно изъ четырехъ временъ года—именно то, которое раздѣляетъ зиму отъ лѣта, называется весною. Весна начинается 9-го марта и продолжается 3 мѣсяца, какъ и каждое время года. Продолжительность весны опредѣляется по положенію солнца, а именно: весна начинается тогда, когда

солнце находится на экваторѣ, т. е. когда одинаково освѣщаются обѣ половины земли и на всей землѣ день равенъ ночи, т. е. по 12 часовъ, а это бываетъ 9-го марта. Весна кончается тогда, когда солнце подойдетъ къ намъ на самое близкое разстояніе, т. е. когда наступятъ самые длинные дни и короткія ночи, что бываетъ 9-го іюня: съ этого дня солнце начинаетъ удаляться отъ насъ, дни уменьшаются и наступаетъ лѣто. Весна есть воскресеніе природы. Зимой все застываетъ, жизнь прекращается — природа, подъ давленіемъ внѣшнихъ условій, отдыхаетъ. Весной все просыпается и возобновляется жизнь. На деревьяхъ отъ сырости и тепла разбухаютъ почки, распускаются листья, за ними цвѣты; сѣмя, брошенное въ землю, прорастаетъ и даетъ растеніе; луга покрываются травами и цвѣтами. Въ животномъ мірѣ также замѣтно большое движеніе. Стаи перелетныхъ птицъ тянутся къ намъ съ юга уже ранней весной, вьютъ гнѣзда и своимъ неустаннымъ пѣніемъ оживляютъ воздухъ; появляются разноцвѣтныя бабочки, тучи насѣкомыхъ, среди которыхъ не мало вредныхъ, жалящихъ человѣка, животныхъ и портящихъ растенія. Домашнія животныя выгоняются изъ душныхъ хлѣвовъ на луга и пасутся на волѣ. Человѣкъ приступаетъ къ обработкѣ земли, къ посѣву хлѣбовъ и къ другимъ работамъ, обезпечивающимъ въ концѣ лѣта урожай и запасы на зиму. Дѣти проводятъ цѣлыя дни на волѣ, придумываютъ сотни игръ, веселящихъ ихъ сердца и дающихъ хорошія физическія упражненія. Всѣ рады веснѣ и справедливо говорятъ, что весна лучшее изъ временъ года.

д) *Сравненіе двухъ предметовъ.* Особый видъ описанія, гдѣ сравниваются два предмета, или явленія, называется *сравненіемъ*. Мы предлагаемъ читателямъ написать слѣдующія сравренія: 1) Зима и лѣто, 2) Весна и осень, 3) Собака и кошка, 3) Сравненіе двухъ знакомыхъ читателю городовъ, или селъ, 4) Береза и ель, 5) Сравненіе двухъ знакомыхъ читателю зданій, памятниковъ, или другихъ предметовъ.

Само собою разумѣется, что сравнивать можно только тѣ предметы, которые имѣютъ нѣкоторыя сходства, но имѣютъ также и различія: поэтому нелѣпо было-бы сравнивать собаку съ березой, или лѣто съ кошкой. Для образца предлагаются два сравненія, заимствованныя изъ хрестоматіи Басистова.

Море и пустыня.

(*Планъ для сочиненія, по Холевіусу*).

Введеніе. Не вся земная поверхность можетъ служить жилищемъ для людей. Ледники, первобытные лѣса, море, пустыня.

Послѣднія два имѣютъ много общаго между собою; многія пустыни не что иное, какъ дно бывшихъ когда-то морей.

Тема. Сходство моря и пустыни по общимъ ихъ свойствамъ и по опасности для путешественниковъ.

1. Оба представляютъ собою безпредѣльныя, безплодныя и необитаемыя равнины. Названіе одного замѣняется другимъ: такъ море называется водяной пустыней, а пустыня—песчанымъ моремъ. Что для моря острова, то для пустыни оазисы.

2. На морѣ нѣтъ дорогъ: и корабль пустыни (верблюдъ) плыветъ по непроложенному пути. Фата моргана (марево) и тамъ и здѣсь обманываетъ путешественника близостью обитаемой земли.

3. Однообразіе путешествія. Тамъ человѣкъ не сходитъ съ корабля, здѣсь по цѣлымъ днямъ онъ остается на верблюдѣ, также страдая отъ морской болѣзни, вслѣдствіе его переваливающейся походки. Въ обоихъ случаяхъ путешественникъ отдѣленъ отъ всего остальнаго міра, постоянно одни и тѣ же спутники окружаютъ его. Зрѣлище величественное, но, оставаясь безъ всякаго измѣненія, наконецъ утомляетъ. Каждый новый день не что иное, какъ повтореніе всѣхъ предыдущихъ; вотъ почему всякое приключеніе, какъ то: охота на акулъ, или на гіенъ и тигра, составляетъ пріятный перерывъ въ однообразной жизни.

4. Недостатокъ въ свѣжихъ съѣстныхъ припасахъ. Скорбутъ — бичъ пустыни, какъ и моря. Опасность погибнуть отъ голода или жажды, когда настанетъ тишь или когда собьешься съ пути.

5. Какъ на морѣ, такъ и въ пустынѣ путешественнику угрожаютъ бури, хищныя животныя и разбойники.

Заключеніе. Море имѣетъ нѣкоторыя преимущества; главное изъ нихъ то, что благодаря удобству водяного сообщенія оно соединяетъ населенныя страны, тогда какъ пустыня въ сущности раздѣляетъ ихъ.

Лиственный лѣсъ и хвойный.

(*Планъ для сочиненія, По Холевіусу*).

Введеніе. Во время сельской прогулки насъ радуетъ видъ вольной природы и мы забываемъ, что большая часть того, на что обращается нашъ взоръ, не свободная первобытная природа. Фруктовые сады и огороды; пашни;—каналы и плотины. Даже луга часто засѣваются облагороженною травою. Одни только лѣса, да и то самые большіе, развиваются еще на свободѣ: топоръ и межевой снурокъ можетъ лишь на небольшомъ пространствѣ стереть печать свободной природы. Но и здѣсь различныя породы деревьевъ распадаются на отдѣльные группы, повинуясь закону природы, подобно тому какъ рука человѣка каждому растенію назначаетъ особое мѣсто. Конечно, бы-

ваютъ также смѣшанные лѣса, потому что причины, обусловливающія прозябаніе того или другого вида деревьевъ, могутъ встрѣчаться на одномъ и томъ же пространствѣ.

Тема. Лиственный и хвойный лѣсъ и свойственныя каждому особенности.

1. *Мѣстоположеніе и почва.* Лиственные лѣса любятъ сочную почву долинъ. Веселые ручейки и рѣчки изрѣзываютъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Хвойные лѣса довольствуются сухимъ песчанымъ грунтомъ. Они лѣпятся также по хребтамъ горъ. Снѣгъ и дожди даютъ начало бѣшенымъ горнымъ потокамъ, которые по глубоко-изрытымъ лощинамъ, не напояя лѣса, падаютъ съ террасы на террасу.

2. *Деревья.* Въ лиственномъ лѣсу стволы раздѣляются на множество сучьевъ и вѣтвей, которыя, то свѣшиваяся внизъ, то подымаясь къ верху, образуютъ куполъ или вершину. Листья самой разнообразной формы, оттѣненные различными переливами зелени. Стволы различныхъ породъ не одинаковой вышины и силы: кора у иныхъ жестче, у другихъ нѣжнѣе, и всегда окрашена иначе. Хвойное дерево развито гораздо меньше, недостатокъ внутренней жизни заставилъ его остановиться на полдорогѣ. Стволы торчатъ наподобіе копій; сучья, постепенно съуживаясь, образуютъ пирамиду. Часто стволъ совершенно обнаженъ и только верхушка украшена зеленымъ букетомъ. Жилки листа у деревьевъ первой породы напоминаютъ развѣтвленную вершину, а въ иглахъ хвойнаго дерева повторяется прямая линія ствола. Игла не имѣетъ сочной зелени листа, но за то она тверже и переживаетъ осень и зиму. Кора хвойныхъ деревьевъ еще болѣе увеличиваетъ ихъ однообразіе; она черна и суха, или же красновата и покрыта смолою.

3. *Окрестная растительность.* Сырость почвы, кучи сгнившихъ листьевъ, увеличивающихъ ея плодородіе, растилаютъ подъ лиственными деревьями прекрасный травяной коверъ. По немъ разсыпано множество цвѣтовъ. Безчисленные кустарники покрываютъ пустыя пространства между стволами, тянутся вдоль по ручьямъ и одѣваютъ луга живописными группами. Трава въ хвойныхъ лѣсахъ попадается очень рѣдко. Лужайки поросли мхомъ и лишаями. Тамъ и сямъ выглядываютъ кусты вереска. Подъ деревьями лежитъ слой бурыхъ иголъ; смола не допускаетъ ихъ до гніенія. Кустарниковъ не видно. Но и здѣсь много освѣжающихъ ягодъ. Ароматическій запахъ смолы.

4. *Температура.* Вслѣдствіе испареній почвы, травы и листьевъ въ лиственномъ лѣсу, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣдкія вершины свободно пропускаютъ солнечные лучи, воздухъ постоянно прохладенъ. Деревья, тѣснясь другъ подлѣ друга и сплетаясь своими вершинами, образуютъ пріятныя тѣнистыя убѣжища. Жаръ сверху надъ листьями и прохлада внизу подъ ними стремятся къ равновѣсію; вотъ почему между листьями постоянно слышится шелесть. Въ хвойномъ лѣсу лѣтнее солнце проникаетъ повсюду; воздухъ, и такъ уже сухой, становится въ немъ знойнымъ, удушливымъ. Въ лиственномъ лѣсу безпрестанно подуваетъ свѣжій вѣтерокъ, а въ хвойномъ все неподвижно, пока наконецъ не охватитъ его вѣтеръ извнѣ. Тогда трещатъ голые сучья, негибкія вершины стонутъ, не одинъ стволъ разлетается въ щепы, иногда даже цѣлыя деревья вырываются съ корнемъ. Въ глубокихъ ямахъ, которыя образовались на мѣстѣ вырванныхъ вѣтромъ или срубленныхъ деревьевъ, собираются красновато-бурыя иглы и еловыя шишки. Въ лиственномъ лѣсу буря не производитъ такого опустошенія, потому что деревья гнутся и вѣтеръ проносится надъ ними. Близкое сосѣдство также предохраняетъ ихъ отъ паденія и только немногія деревья, у которыхъ сердцевина почти совсѣмъ сгнила, не могутъ устоять отъ напора вѣтра.

5. *Животныя.* Пѣвчія птицы любятъ кусты и воду. Съ верхушки бука несется веселая пѣсня зяблика; съ липы, пріютившейся на берегу уединеннаго источника, до поздняго вечера слышится жалоба соловья. Серны и олени обгладываютъ нѣжныя вѣтви молодыхъ деревьевъ и грѣются на солнышкѣ на зеленыхъ лужайкахъ. Кабанъ нѣжится въ прохладныхъ болотахъ. Въ хвойномъ лѣсу, на вершинахъ деревьевъ гнѣздятся хищныя птицы. Въ песчаной почвѣ лисицы и барсуки безъ особеннаго усилія прокапываютъ себѣ норы, откуда ночью отправляются на добычу. Муравейники, тысячи осъ, жуковъ и бабочекъ, которыя любятъ яркій свѣтъ, летаютъ вокругъ, блестя своими пестрыми красками, но они не поютъ. Вообще пѣніе слышится только изрѣдка, а чаще хриплый крикъ хищной птицы.

Заключеніе. Лиственный лѣсъ располагаетъ къ веселому настроенію духа; хвойный же, скорѣе, наводитъ грусть и уныніе.

е). *Письменное изложеніе видѣннаго и слышаннаго.* При устныхъ работахъ мы различали пересказъ прочитаннаго отъ пересказа видѣннаго и слышаннаго, при чемъ замѣтили, что труднѣе всего сдѣлать пересказъ видѣннаго, т. к. тамъ нужно бываетъ то, съ чѣмъ ознакомились мы только помощью зрительныхъ ощущеній, т. е. мы должны сами подыскивать слова и выраженія, соотвѣтствующія даннымъ ощущеніямъ. На письмѣ различаемъ то-же самое. Письменное изложеніе прочитаннаго не трудно, такъ какъ при чтеніи мы знакомимся съ тѣми выраженіями, которыя передаютъ извѣстную мысль и, слѣдовательно, можемъ запомнить ихъ болѣе, или менѣе точно. Письменное изложеніе слышаннаго также не представитъ трудности, такъ какъ и здѣсь мы знакомимся съ выраженіями, передающими мысль. Но письменное

изложеніе видѣннаго приближается уже къ самостоятельной работѣ, къ самостоятельному изложенію на письмѣ извѣстной мысли. Въ видѣ упражненій такого рода предлагаемъ написать изложенія: 1) слышаннаго разсказа о какомъ-либо событіи, 2) слышаннаго описанія какого-либо предмета, 3) описанія видѣннаго предмета: зданія, животнаго, растенія и т. п., 4) повѣствованія о какомъ-либо видѣнномъ событіи, напр. торжество, прогулка и т. п.

ж). *Составленіе плана прочитаннаго описанія, или разсказа.* Описанія и повѣствованія составляются гораздо легче, когда данъ *планъ*, т. е. указана послѣдовательность работы. Но планъ не всегда дается и потому полезно самимъ учащимся ознакомится съ его составленіемъ. Работа по плану гораздо проще, такъ какъ, имѣя предъ собою планъ, мы легко припоминаемъ прочитанное, видѣнное, или слышанное и можемъ спокойно излагать, не опасаясь сбивчивости. Для ознакомленія съ составленіемъ плана приводимъ нѣсколько образцовъ-планы статей, данныхъ выше и предлагаемъ читателямъ составить планы всѣхъ остальныхъ статей.

Планъ для переложенія сочиненія „Птичій дворъ“. Изъ какихъ частей состоялъ птичій дворъ? Кто помѣщался въ избѣ? Кто въ хлѣвѣ? Поблизости чего былъ устроенъ птичникъ? Какія птицы были въ птичникѣ? Въ какое время года интересно быть на птичникѣ? Что тамъ можно видѣть весною?

Планъ для переложенія стихотворенія „Власъ“. Кто былъ Власъ?— Чѣмъ онъ занимался? — Возрастъ его. — Одежда. — Образъ. — Книга.— Вериги (желѣзныя цѣпи).— Когда и гдѣ онъ странствуетъ? Жертвованія?—Какъ создаются храмы на Руси? Гдѣ можно видѣть въ праздники сборщиковъ на построеніе храмовъ?

Планъ для переложенія сочиненія „Горохъ“. Что замѣняетъ въ деревнѣ конфекты? Гдѣ садится горохъ? Чѣмъ предохраняютъ горохъ и другіе овощи отъ птицъ? Изъ чего дѣлается пугало? Какую форму имѣютъ стручки? Когда поспѣваетъ горохъ? На что употребляется?

Планъ для переложенія стихотворенія „Сѣнокосъ“. Въ какомъ мѣсяцѣ бываетъ сѣнокосъ? Гдѣ косятъ сѣно и кто? Какой порядокъ работъ на сѣнокосѣ? Чѣмъ заняты бабы? Куда свозятъ сѣно? Что дѣлаетъ около воза собаченка? Конь?

Планъ для переложенія сочиненія „Лебедь“. Какъ называютъ лебедя за его осанку и красоту? Какой цвѣтъ перьевъ? Носъ? Глаза? Красота движеній лебедя.— Кого народъ сравниваетъ съ лебедью?

з). *Составленіе описаній и повѣствованій по плану.* Сочиненія также пишутся по плану гораздо легче, нежели безъ онаго. Поэтому, если дана тема, лучше всего написать сначала планъ, а затѣмъ уже по немъ — самое сочиненіе. Вотъ примѣръ такой работы.

Тема: „Сосна“.

Планъ: Положеніе сосны въ растительномъ царствѣ.—Общій видъ.—Мѣстонахожденіе и ростъ.— Употребленіе сосны.

Сочиненіе по плану: Сосна принадлежитъ къ хвойнымъ деревьямъ, такъ какъ у нея вмѣсто листьевъ — колючія иглы, называемыя хвоями. Сосна представляетъ собой прямое, не вѣтвистое дерево, обыкновенно имѣющее сучья только на вершинѣ. На сучьяхъ всегда — и лѣтомъ и зимой можно видѣть зеленые хвои и, кромѣ того, шишки съ сѣмянами. Кора на соснѣ коричневаго цвѣта съ замѣтными линіями вдоль ствола. Сосна растетъ въ сѣверной части Россіи, любитъ сухую, песчаную почву, хотя нерѣдко встрѣчается и на глинистой. Растетъ сосна очень медленно и достигаетъ до десяти сажень высоты. Вслѣдствіе медленнаго роста древесина сосны плотна и потому она представляетъ изъ себя цѣнный строительный матеріалъ. Цѣнность сосны для построекъ увеличивается еще болѣе вслѣдствіе того, что древесина ея содержитъ въ себѣ смолу и потому противостоитъ гніенію. Кромѣ обыкновенныхъ построекъ, сосна употребляется при кораблестроеніи, гдѣ особенно необходимъ матеріалъ, не поддающійся гніенію, а также на мачты, благодаря стройности стволовъ, отсутствію побочныхъ вѣтвей и небольшой толщины при основаніи. Сосна употребляется также на разныя домашнія подѣлки и вообще примѣненіе ея довольно разнообразно.

Предлагается составить планы и написать сочиненія на слѣдующія темы: 1) Ель, 2) Яблоня, 3) Земляника, 4) Овца, 5) Гуси, 6) Домъ, въ которомъ я живу, 7) Знакомый садъ, или лѣсъ, 8) Утро, 9) Одно изъ явленій природы: гроза, ливень, буря, или т. п., 10) Утки и гуси — сравненіе.

Дадимъ еще примѣръ составленія повѣствованія по плану, при чемъ тему возьмемъ изъ исторіи, какъ болѣе чистаго повѣствованія.

Тема: „Подвигъ Александра Невскаго“.

Планъ: Походъ Биргера. — Встрѣча враговъ Александромъ Невскимъ. — Видѣніе Пелгуя. — Нападеніе русскихъ на шведовъ.— Подвиги Александра, Олексича и другихъ.—Бѣгство шведовъ.— Титулъ Александра.—

Сочиненіе по плану. Король шведскій, досадуя на россіянъ за опустошенія Финляндіи, послалъ зятя своего Биргера на ладьяхъ въ Неву, къ устью Ижоры съ великимъ числомъ шведовъ, норвежцевъ, финновъ. Сей вождь опытный, дотолѣ счастливый, думалъ завоевать Ладогу, самый Новгородъ, и велѣлъ немедленно сказать Александру: „Ратоборствуй со мною, если смѣешь; я стою уже въ землѣ твоей“.

Александръ не изъявилъ ни страха ни гордости посламъ шведскимъ, но спѣшилъ собрать войско; молился съ усердіемъ въ Софійской церкви, принялъ благословеніе архіепископа Спиридона и, вышедши къ своей малочисленной дружинѣ, съ веселымъ лицомъ сказалъ: „Насъ не много, а врагъ силенъ; но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ княземъ!“ Онъ не имѣлъ времени ждать помощи отъ Ярослава, отца своего; самые новгородскіе воины не успѣли всѣ собраться подъ знамена. Александръ выступилъ въ поле, и 15 іюля приблизился къ берегамъ Невы, гдѣ стояли шведы. Тамъ встрѣтилъ его знатный ижерянинъ Пелгуй, начальникъ приморской стражи, съ извѣстіемъ о силѣ и движеніяхъ непріятеля.

Здѣсь современный лѣтописецъ разсказываетъ чудо. Ижеряне, подданные новогородцевъ, большею частію жили еще въ идолопоклонствѣ; но Пелгуй былъ христіанинъ, и весьма усердный. Ожидая Александра, онъ провелъ ночь на берегу Финскаго залива во бдѣніи и молитвѣ. Мракъ исчезъ, и солнце озарило необозримую поверхность тихаго моря; вдругъ раздался шумъ: Пелгуй содрогнулся— и видитъ на морѣ легкую ладью, гребцовъ, одѣянныхъ мглою, и двухъ лучезарныхъ витязей въ ризахъ червленыхъ. Сіи витязи совершенно походили на святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, какъ они изображались на иконахъ, и Пелгуй слышалъ голосъ старшаго изъ нихъ: „Поможемъ родственнику нашему Александру!“ По крайчей мѣрѣ такъ онъ сказывалъ князю о своемъ видѣніи и предзнаменованіи столь счастливомъ; но Александръ запретилъ ему говорить о томъ и, какъ молнія, устремился на шведовъ. Внезапность, быстрота удара привела ихъ въ замѣшательство. Князь и дружина оказали рѣдкое мужество. Александръ собственнымъ копіемъ возложилъ печать на лицо Биргера. Витязь россійскій Гавріилъ Олексичъ гналъ Принца, его сына, до самой ладіи, упалъ съ конемъ въ воду, вышелъ невредимъ и бодро сразился съ воеводою шведскимъ. Новогородецъ Сбыславъ Якуновичъ съ однимъ топоромъ вломился въ средину непріятелей; другой, именемъ Миша, съ отрядомъ пѣхоты истребилъ шнеки ихъ, или суда. Княжескій ловчій Яковъ Полочанинъ, предводительствуя горстью смѣлыхъ, ударилъ на цѣлый полкъ и заслужилъ отмѣнное благоволеніе Александра, который вездѣ былъ самъ и все видѣлъ. Ратміръ, вѣрный слуга князя, не уступалъ никому въ храбрости: бился пѣшій, ослабѣлъ отъ ранъ и палъ мертвый, къ общему сожалѣнію нашихъ. Еще стоялъ златоверхій шатеръ Биргеровъ; отрокъ Александровъ Савва подсѣкъ его столбъ; шатеръ упалъ, и россіяне возгласили побѣду. Темная ночь спасла остатки шведовъ. Они не хотѣли ждать утра: нагрузили двѣ шнеки тѣлами чиновниковъ, зарыли прочихъ въ яму, и спѣшили удалиться. Главный воевода ихъ Спиридонъ и епископъ, по разсказамъ плѣнниковъ, находились въ числѣ убитыхъ. Уронъ съ нашей стороны былъ едва замѣтенъ, и сія достопамятная битва, обрадовавъ тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозваніе Невскаго.

Предлагается составить планы и написать сочиненія на слѣдующія темы: 1) Куликовская битва, 2) Основаніе Русскаго государства, 3) Покореніе Сибири, 5) Полтавская битва, 5) Собственное жизнеописаніе.

Въ дополненіе къ предложенному матеріалу помѣщаемъ еще нѣсколько повѣствованій для болѣе лучшаго ознакомленія съ этимъ родомъ сочиненій. Эти сочиненія предлагается прочитать, составить къ нимъ планы и написать изложенія.

Наводненіе въ Петербургѣ, 1824 года.

Продолжительный морской вѣтеръ нагналъ массу воды въ Неву, и она, выступивъ изъ береговъ, разлилась по улицамъ и площадямъ столицы, угрожая людямъ, нарушившимъ тишину и необитаемость ея негостепріимныхъ береговъ, всеобщимъ разрушеніемъ и уничтоженіемъ. Обломки деревянныхъ домовъ и утвари носились по улицамъ; катера спасали людей. Населеніе было въ страшной агоніи; видѣли ясно, что если морской вѣтеръ продолжится еще часа два, то городъ погибъ. Провидѣніе, на этотъ разъ, отклонило гибель; вѣтеръ началъ стихать и перемѣнять направленіе, вода убыла: но бѣдствія, которыя она оставила за собой, были огромны.

Государь, въ порывѣ своей сострадательной души, работалъ неусыпно, какъ во время наводненія, такъ и послѣ его, посѣщая жилища бѣдняковъ и принося имъ помощь вещественную и утѣшеніе. Едва вода настолько стекла, что можно было проѣхать по улицамъ, онъ отправился въ Галерную. Тутъ страшная картина разрушенія предстала передъ нимъ. Видимо пораженный, онъ остановился и вышелъ изъ экипажа; нѣсколько минутъ стоялъ онъ, не произнося ни слова; слезы медленно текли по щекамъ; народъ обступилъ его съ воплемъ и рыданіями: „за наши грѣхи Богъ насъ караетъ“, сказалъ кто-то изъ толпы. „Нѣтъ, за мои!“ отвѣчалъ съ грустію Государь; самъ распорядился о временномъ пріютѣ и пособіи пострадавшимъ, оставивъ для исполненія и наблюденія одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ, и отправился на Литейный заводъ. Онъ подъѣхалъ къ уцѣлѣвшему зданію, вокругъ котораго толпился народъ, и вошедши въ него, увидѣлъ другого рода картину: на полу и нарахъ лежали двѣнадцать или болѣе труповъ, иные уже въ гробахъ, другіе ожидали еще своего вѣчнаго помѣщенія. Государь и тутъ нѣсколько времени оставался.

Двѣ эпохи въ жизни Александра особенно способствовали къ тому, чтобы соединить существованіе его съ существованіемъ народа и утвердить многочисленныя связи, ихъ сопрягавшія. Эпохи сіи суть—событія въ 1812 и бѣдствіе Петербурга въ 1824 году. Тутъ онъ является героемъ своего отечества, мужественнымъ защитникомъ своего народа, его подпорою и спасителемъ. Эти слова принадлежатъ С. С. Уварову, который былъ однимъ изъ исполнителей воли Александра во время бѣдствій 1824 года.

Татарскій погромъ.

Въ 1224 году по всей Россіи раздается слухъ о татарахъ. Орды монголовъ, дотолѣ таившіяся въ отдаленной Азіи подъ игомъ татаръ-ніучей, но вдругъ освобожденные сильною рукою Чингисхана и вмѣстѣ съ нимъ непобѣдимые, подъ грознымъ именемъ монголо-татаръ, быстро завоевываютъ все необъятное пространство Азіи отъ Аральскаго моря до Инда. Еще громъ распадающихся царствъ не достигъ до Россіи, беззаботно терзающей свою внутренность, а Чингисхановы завоеватели уже проникаютъ сквозь ущелія Кавказа и, побѣдивъ антовъ, преслѣдуя половцевъ, подходятъ къ южнымъ ея предѣламъ. Со всѣхъ сторонъ изъ южной Россіи сходятся войска на берега Днѣпра. Умерщвленіе пословъ татарскихъ рѣшитъ войну, а гибельное честолюбіе вождя, Мстислава Галицкаго, который одинъ хотѣлъ схватить побѣду, и бѣгство малодушныхъ половцевъ—рѣшитъ плачевную битву на Калкѣ. Русское войско съ шестью князьями истреблено; Мстиславъ и вѣрный сподвижникъ его Даніилъ спасаются бѣгствомъ въ Галичъ, а ополченіе татаръ преслѣдуетъ бѣгущихъ до Днѣпра, но вдругъ обращается на востокъ и исчезаетъ, какъ страшное привидѣніе.

Такъ проходятъ тринадцать лѣтъ послѣ кровавой битвы на Калкѣ. Между тѣмъ Чингисханъ умираетъ. Октай его сынъ, наслѣдуетъ могущество и завоевательные замыслы отца своего. Посланный имъ Батый съ тремя стами тысячъ монголовъ идетъ къ сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго моря и скоро потомъ приближается къ Волгѣ. Ниспровергнувъ столицу болгаровъ, онъ быстро вторгается въ Россію. Первою жертвою варваровъ становятся южныя области Рязани. Рязань погибаетъ вмѣстѣ съ своимъ княземъ и всѣмъ народомъ. Батый, изумленный мужествомъ Евпатія, напавшаго съ горстію храбрыхъ на все его ополченіе, устремляется къ сѣверу, поражаетъ русское войско въ Коломенской битвѣ, жжетъ Москву, разрушаетъ Владиміръ и страшно подвигается впередъ, какъ огненная лава. Городецъ Волжскій, Костромской Галичъ, Ростовъ, Ярославль, Юрьевъ-Польскій, Переяславль-Залѣсскій, Дмитровъ и еще четырнадцать городовъ разомъ разрушены; наконецъ на берегахъ Сити, вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ и великимъ княземъ, погибаетъ послѣдняя надежда Россіи. Новгородъ ждетъ истребленія. Но за сто верстъ отъ сего города, устрашенный лѣсами и болотами сѣвера, Батый внезапно обращается на югъ и, уничтоживъ Козельскъ, котораго мужественные жители падаютъ всѣ на трупахъ пораженныхъ ими враговъ, уходитъ къ Дону, въ половецкія степи.

Что же низвергло отечество наше въ это бѣдствіе?—Раздробленіе государства, которымъ уничтожилась его сила.

Мученическая смерть Михаила Тверского.

Юрій Даніиловичъ[1]) пробылъ въ Одрѣ два года и сумѣлъ войти въ милость къ хану Узбеку. Будучи вдовымъ, онъ женился на ханской сестрѣ Кончакѣ, принявшей въ крещеніи имя Агафіи, и затѣмъ получилъ ярлыкъ на великокняжеское достоинство, воротился въ Русь и тотчасъ затѣялъ войну съ тверскимъ княземъ Михаиломъ. Собравъ большія силы, онъ вошелъ въ тверскую землю. Въ его ополченіи находились нѣкоторые суздальскіе князья и татарскіе послы съ своимъ отрядомъ; въ числѣ пословъ первое мѣсто занималъ Кавгадый, человѣкъ близкій къ хану. Война шла, повидимому, не изъ-за великаго стола, отъ котораго Михаилъ уже отказался, а изъ-за того, кому держать богатый Новгородъ. Михаилъ сначала колебался выступить рѣшительно противъ Юрія и Кавкадыя, конечно, изъ опасенія раздражить Узбека. Но когда враги, опустошивъ правую сторону Волги, готовились перейти и на лѣвую, тверской князь, посовѣтовавшись съ боярами и взявъ благословеніе у епископа, пошелъ на Юрія и встрѣтилъ его при селѣ Бортеневѣ, въ 40 верстахъ отъ Твери. Послѣ упорной битвы тверичи, озлобленные опустошеніемъ своей земли, поразили на голову москвичей и татаръ; отбили множество плѣнныхъ и захватили многихъ бояръ московскихъ; вмѣстѣ съ послѣдними попала въ тверской плѣнъ и супруга Юрія, Кончака-Агафія. Въ этой битвѣ отличился особенно самъ Михаилъ, обладавшій высокимъ ростомъ, крѣпкими мышцами и храбростью.

Но побѣда имѣла для него гибельныя послѣдствія. Напрасно онъ старался задобрить Кавгадыя: послѣ битвы привелъ его съ татарскою дружиною въ Тверь, затѣмъ одарилъ и отпустилъ съ большою честью. Коварный татаринъ говорилъ ему льстивыя слова, а въ душѣ своей затаилъ жажду ме-

[1]) Московскій князь.

сти... Къ несчастью тверского князя, Кончака въ это время умерла въ Твери, и его враги распустили слухъ, будто она была отравлена. Михаилъ отправилъ въ Москву своего боярина Марковича, вѣроятно по поводу той же кончины. Юрій не уважая обычаевъ, убилъ посла, а затѣмъ поѣхалъ въ Орду вмѣстѣ съ Кавгадыемъ. Послѣдній принялся вооружать Узбека противъ Михаила, взводилъ на него разныя клеветы, между прочимъ обвинялъ въ утайкѣ даней. Юрія и Кавгадыя поддерживали своими жалобами и послы новгородскіе. Между тѣмъ Михаилъ прислалъ въ Орду юнаго сына Константина, а самъ пока медлилъ своимъ пріѣздомъ. И этимъ обстоятельствомъ воспользовались его враги, указывая на его непокорность хану.

Наконецъ въ августѣ 1318 года, Михаилъ Ярославичъ выѣхалъ изъ Твери напутсвуемый благословеніями епископа Варсонофія и слезами своей семьи. Супруга его Анна Дмитріевна (дочь ростовскаго князя) и сыновья провожали его часть пути. Во Владимірѣ онъ встрѣтилъ ханскаго посла Ахмыла, который сказалъ ему: „Зоветъ тебя царь, поѣзжай скорѣе; если не поспѣшишь черезъ мѣсяцъ, то уже назначена рать на тебя и на твои города. Кавгадый оболгалъ тебя передъ царемъ, говоря, что ты не пріѣдешь въ Орду“. Слова эти смутили близкихъ князю людей. Бояре стали совѣтовать ему, чтобы онъ обождалъ, пока минетъ ханскій гнѣвъ, и послалъ бы вмѣсто себя одного изъ старшихъ сыновей, Дмитрія или Александра, которые сопровождали отца до Владиміра. Но Михаилъ отвергъ этотъ совѣтъ, чтобы не навлечь новаго татарскаго разоренія на свою землю. Онъ написалъ рядную грамоту, по которой раздѣлилъ свои волости между дѣтьми, и отпустилъ сыновей домой, а самъ съ нѣсколькими боярами и слугами поѣхалъ въ Орду, сопровождаемый своимъ духовнымъ отцомъ, игуменомъ Александромъ, двумя священниками и діакономъ.

6 сентября князь достигъ Орды, которая тогда кочевала около устьевъ Дона. Онъ по обычаю, роздалъ подарки ханскимъ вельможамъ и женамъ, поднесъ дары самому хану, и сначала остался въ покоѣ. Но Кавгадый, пользовавшійся особою милостію Узбека, не переставалъ дѣйствовать, и, спустя полтора мѣсяца, ханъ велѣлъ своимъ вельможамъ разобрать дѣло Михаила Тверского съ Юріемъ Московскимъ. Судьи собрались въ шатрѣ, недалеко отъ ханской ставки, и позвали Михаила. Прежде всего ему объявлены были грамоты суздальскихъ князей, взводившихъ на него слѣдующее обвинененіе: „Многія дани бралъ въ городахъ нашихъ, а царю ихъ не отдалъ“. Князь доказывалъ несправедливость обвиненія и ссылался на записи всего того, что онъ роздалъ хану и князьямъ ордынскимъ. Черезъ недѣлю Михаила привели опять на судъ, на этотъ разъ уже связаннымъ Къ первому обвиненію прибавили еще два: „Бился противъ царскаго посла и уморилъ супругу великаго князя Юрія“. Напрасно Михаилъ оправдывался, говоря, что посла встрѣтилъ до брани и потомъ съ честію отпустилъ его; клялся, что неповиненъ въ смерти Агафіи. Судьи не слушали его оправданій, а внимали обвинительнымъ рѣчамъ Юрія и Кавгадыя. Хану донесли, что Михаилъ повиненъ смерти. Узбекъ согласился на этотъ приговоръ, но медлилъ его исполненіемъ. Между тѣмъ къ Михаилу приставили стражу и стали гнать отъ него бояръ и слугъ. На шею ему надѣли деревянную колодку, такъ что онъ не могъ лечь—и проводилъ безсонныя ночи, во время которыхъ находилъ утѣшеніе въ чтеніи псалтыря. Такъ какъ и руки его были связаны, то отрокъ сидѣлъ передъ нимъ и перевертывалъ листы рукописи.

Орда двинулась далѣе на югъ, къ Кавказскимъ горамъ; впереди ея ѣхалъ ханъ съ своимъ дворомъ и забавлялся охотою. Однажды Кавгадый велѣлъ вывести узника на торгъ, и разными способами наругался надъ нимъ въ присутствіи многочисленной разноплеменной толпы, которая съ любопытствомъ смотрѣла на такое униженіе прежде сильнаго и славнаго русскаго князя. Вѣрные слуги предлагали князю спасти себя бѣгствомъ въ горы; говорили ему, что уже готовы и кони и проводники. Но Михаилъ отвергъ это предложеніе, чтобы не подвергнуть избіенію своихъ бояръ, слугъ, своего сына и другихъ тверичей, пребывавшихъ въ Ордѣ...

Прошло около 4 недѣль со времени приговора. Орда перешла уже рѣку Терекъ и расположилась близъ Желѣзныхъ Воротъ (Дербента). Отогнавши отъ князя бояръ, большую часть слугъ, татары, по обычной своей вѣротерпимости, оставили при немъ игумена и священниковъ и не мѣшали имъ совершать божественныя службы въ княжомъ шатрѣ. 22 ноября 1318 года, въ среду, Михаилъ велѣлъ имъ очень рано отпѣть заутреню и часы; потомъ самъ прочелъ причастное правило, исповѣдалъ свои грѣхи духовному отцу и причастился. Князь, вѣроятно, былъ извѣщенъ своими доброхотами, что въ этотъ день должна совершиться его казнь. Онъ подозвалъ къ себѣ сына Константина и передалъ ему свои послѣднія распоряженія о раздѣлѣ вотчины, о своей супругѣ и боярахъ; поручилъ ему беречь тѣхъ, которые были съ нимъ въ Ордѣ. Затѣмъ онъ снова сталъ облегчать свою скорбь чтеніемъ псалтыря и молитвами.

Во время этихъ благочестивыхъ занятій въ его шатеръ вбѣжалъ отрокъ, весь блѣдный, и упавшимъ голосомъ объявилъ: „Господине княже! идутъ уже отъ Орды Кавгадый и великій князь Юрій Даниловичъ со множествомъ народа, прямо къ твоей вѣжѣ.—„Вѣдаю, на что идутъ: на убіе-

ніе мое", сказалъ со вздохомъ князь, и отослалъ поскорѣе сына Константина къ главной ханшѣ, подъ ея покровительство.

Кавгадый и Юрій остановились на торгу, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ вѣжи Михаила, и сошли съ коней, а къ нему отрядили толпу убійцъ. Сіи послѣдніе бросились на его вѣжу, какъ дикіе звѣри, и разогнали всѣхъ служившихъ ему. Князь стоялъ и молился; схватили за деревянную колодку, надѣтую на его шею, и такъ сильно ударили объ стѣну шатра, что она проломилась. Князь вскочилъ на ноги; но его снова повергли на землю и принялись бить нещадно пятами. Наконецъ какой то извергъ, по имени Романецъ, вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ сердце. Убійцы разграбили все, что было въ княжомъ шатрѣ, сняли съ князя и самую одежду, потомъ воротились на торгъ и объявили объ исполненіи своего дѣла. Кавгадый и Юрій подъѣхали къ шатру. „Развѣ онъ не дядя тебѣ? зачѣмъ же тѣло его такъ брошено нагое?" злобно замѣтилъ Кавгадый Юрію. Великій князь велѣлъ своимъ слугамъ прикрыть мученика, и одинъ изъ нихъ набросилъ на него свою котыгу (верхнюю одежду). Тѣло Михаила привязали къ доскѣ, положили на телѣгу и повезли на Русь, въ сопровожденіи нѣсколькихъ бояръ и слугъ Юрія, привезли въ Москву и здѣсь схоронили.

На слѣдующее лѣто Юрій воротился на Русь, ведя съ собою изъ Орды плѣнниками Михаилова сына Константина, его бояръ и слугъ. Тогда только тверичи узнали достовѣрно о судьбѣ своего князя. Супруга его Анна и его старшій сынъ и преемникъ Димитрій отправили во Владиміръ посольство просить великаго князя, чтобы онъ отпустилъ тѣло Михаила въ Тверь.

Буранъ.

Я приближался къ мѣсту моего назначенія *). Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону, и наконецъ, снявъ шапку, обратился ко мнѣ и сказалъ:

„Баринъ! не прикажешь ли воротиться?"

— Это зачѣмъ?

„Время не надежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу."

— Что за бѣда!

„А вишь, тамъ что?" (Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ).

*) Къ Оренбургу.

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи, да яснаго неба.

„А вонъ—вонъ: это облачко."

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облако, которое принялъ было за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облако предвѣщало буранъ.

Я слыхалъ о тамошнихъ мятеляхъ, и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ; я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи, и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ; но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облака обратились въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ— и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ, сдѣлалась мятель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло. „Ну, баринъ,"—закричалъ ямщикъ: „бѣда! буранъ!..."

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностію, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали. „Чтожъ ты не ѣдешь?" спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.—„Да что ѣхать?" отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка: „не вѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ и мгла кругомъ."—Я сталъ было его бранить.—Савельичъ за него заступился: „И охота была не слушаться",—говорилъ онъ сердито: „воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бъ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? добро бы на свадьбу!"—Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго круженія мятели... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное: „Эй, ямщикъ!" закричалъ я: „смотри, что тамъ такое чернѣется?" Ямщикъ сталъ всматриваться.—„А Богъ знаетъ, баринъ"—сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: „возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ, или человѣкъ."

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ навстрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поровнялись съ съ человѣкомъ. „Гей, добрый человѣкъ!" закричалъ ему ямщикъ: „скажи, не знаешь ли, гдѣ дорога?"

„Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ", отвѣчалъ дорожный: „да что толку?"

„Послушай, мужичокъ", сказалъ я ему: „знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довезти меня до ночлега?"

„Сторона мнѣ знакома", отвѣчалъ дорожный: „Слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперекъ. Да вишь какая погода: какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться, да переждать, авось буранъ утихнетъ, да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ.

Его хладнокровіе ободрило меня. Я уже рѣшился, предавъ себя волѣ Божіей, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучокъ, и сказалъ ямщику: „Ну, слава Богу, жило не далеко; сворачивай вправо, да поѣзжай." „А почему ѣхать мнѣ вправо?" спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ; „гдѣ ты видишь дорогу? Не бось, лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй не стой."—Ямщикъ казался мнѣ правъ. „Въ самомъ дѣлѣ", сказалъ я: „почему думаешь ты, что жило недалече?"—„А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ", отвѣчалъ дорожный: „и я слышу: дымомъ пахнуло; знать, деревня близко."— Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то въѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу, и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

Пушкинъ.

Крокодилъ.

Въ глубокой древности, толпа людей покинула свои старыя жилища и пустилась въ сторону, орошаемую Ниломъ. Имъ понравилась прекрасная рѣка съ ея притоками, и они настроили жилищъ по берегамъ ея. Но въ скоромъ времени изъ прекрасныхъ водъ Нила поднялось страшное чудовище, называемое крокодиломъ; ни люди, ни животныя не могли спастись отъ зубовъ его. Съ громкими воплями обратились жители къ богу Озирису, моля его освободить ихъ отъ чудовища. Тогда Озирисъ отвѣчалъ имъ устами мудраго жреца: „развѣ вамъ мало той силы и разума, которыми одарило васъ божество? Знайте же: кто призываетъ помощь свыше, не прибѣгая къ собственной силѣ, тотъ молитъ напрасно".

Тогда они вооружились мечами и кольями и напали на чудовище въ его тростниковомъ жилищѣ; настроили плотинъ и въ нѣсколько дней исполнили такія работы, за которыя не осмѣлились бы и взяться прежде. Такимъ образомъ люди сознали въ себѣ ту внутреннюю силу, которая создала впослѣдствіи величественныя пирамиды и обелиски; изобрѣли много искусствъ и орудій, неизвѣстныхъ имъ прежде.

Такъ борьба съ враждебной силой пробуждаетъ и укрѣпляетъ дремлющія силы человѣка.

Но у жителей нильской долины не было еще орудія, которымъ они могли бы окончательно уничтожить чудовище, защищенное крѣпкимъ панцыремъ. Они могли только напугать его на короткое время, чѣмъ и удовольствовались. Мало-помалу пропадало прежнее рвеніе ихъ въ борьбѣ съ непріятелемъ. А чудовище между тѣмъ все ростилось и множилось; и все сильнѣе и сильнѣе становилась его ярость. Тогда безумный и разслабленный народъ сталъ воздавать крокодилу божескія почести. Ему приносили добровольно тучныя жертвы, и чудовище усиливалось, а народъ погрязалъ въ тупоуміи и трусости.

Но лопнула наконецъ слишкомъ туго натянутая тетива, и заслуженная кара постигла тирана. Озирисъ сжалился надъ несчастными, и устами мудрыхъ жрецовъ сталъ ободрять ихъ на новую борьбу. Вскорѣ по всему берегу раздался воинственный крикъ, и рѣка побагровѣла отъ крови убиваемыхъ. Но, наконецъ, силы стали измѣнять бойцамъ. Тогда взмолился жрецъ, а за нимъ и народъ, къ Озирису о ниспосланіи имъ помощи, и божество услышало ихъ мольбу. На берегу Нила явилось маленькое животное, называемое ихневмономъ, или фараоновою мышью. „Смотрите", сказалъ жрецъ: „вотъ Озирисъ посылаетъ намъ помощь".— Ты смѣешься надъ нами? кричала ему толпа.

Тогда сказалъ имъ жрецъ: „ждите окончанія и довѣрьтесь высшей силѣ. Въ ея рукахъ самое ничтожное средство можетъ прекратить самое большое несчастіе".

Число чудовищъ между тѣмъ значительно убывало, и народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ маленькое животное усердно выслѣживало яйца и дѣтенышей крокодиловъ. Такимъ образомъ ихневмонъ въ короткое время истребилъ зародыши сотенъ тирановъ и освободилъ страну отъ язвы, отъ которой не могли избавить ее всѣ усилія человѣка.

„Видите", сказалъ имъ при этомъ мудрый жрецъ: „если вы хотите уничтожить зло, уничтожайте его въ зародышѣ и въ самомъ корнѣ. Тогда малое средство легко производитъ то, чего въ послѣдствіи не сдѣлаетъ цѣлое войско".

ГРАММАТИКА
ДРЕВНЯГО ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА.

(Сост. П. Заведеевъ).

Древній церковно-славянскій языкъ есть книжный языкъ нашихъ предковъ, на которомъ написаны были наши первыя священныя книги. Основателями славянской письменности считаются св. братья Кириллъ и Меѳодій, которые составили славянскую азбуку, перевели на славянскій языкъ (съ греческаго) богослужебныя книги и проповѣдывали на этомъ языкѣ св. Евангеліе.

Древнѣйшимъ памятникомъ церковно-славянскаго языка, гдѣ послѣдній наилучше сохранилъ свою чистоту, считается Остромирово Евангеліе, написанное въ 1056—1057 году дьякономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира. Этотъ памятникъ древнѣйшей нашей письменности и кладется въ основу изученія древняго церковно-славянскаго языка.

Цѣль изученія древняго церковно-славянскаго языка заключается въ томъ, чтобы на основаніи этого изученія лучше усвоить русскій языкъ, уясняя его происхожденіе, послѣдовательное развитіе и измѣненіе. Изученіе начинаемъ съ азбуки, которая нѣсколько отличается отъ современной.

АЗБУКА.

	Назв.	Произн.		Назв.	Произн.
А	— азъ	— а	К	— како	— к
Б	— буки	— б	Л	— люди	— л
В	— вѣди	— в	М	— мыслете	— м
Г	— глаголь	— г	Н	— нашъ	— н
Д	— добро	— д	О	— онъ	— о
Є	— есть	— е	Ѡ	— „	— о
Ж	— живѣте	— ж	П	— покой	— п
Ѕ	— зѣло	— з	Р	— рцы	— р
З	— земля	— з	С	— слово	— с
И	— иже	— и	Т	— твердо	— т
І	— і		Оу, Ꙋ	— укъ	— у

	Назв.	Произн.		Назв.	Произн.
Ф	— фрьтъ	— ф	Ю	— ю	
Х	— хѣръ	— х	Ѫ	юсы	
Ѿ	— отъ		Ѭ	юсы	
Ц	— ци	— ц	Ѧ	юсы	
Ч	— чрьвь		Ѩ	юсы	
Ш	— ша	— ш	Ꙗ	— я	
Щ	— ща	— щ	Ѯ	— кси	— кс
Ъ	— еръ	— ъ	Ѱ	— пси	— пс
Ы	— еры	— ы	Ѳ	— ѳита	— ѳ
Ь	— ерь	— ь	Ѵ	— ижица	— ѵ
Ѣ	— ять	— ѣ			

Буква й вошла въ употребленіе позднѣе. Сначала писали все крупно, четко (уставно); потомъ постепенно стали переходить къ скорописи.

Звуки гласные раздѣляются на твердые и мягкіе (иначе — широкіе и узкіе);

твердые (широкіе): а, о, оѵ, ы, ъ, ѫ.
мягкіе (узкіе): и, ь, ѧ, є, ѣ.

Къ мягкимъ гласнымъ относятъ *йотированные* гласные. Съ йотъ (j) соединяются и твердые и мягкіе звуки

j и а = ꙗ (я); j и оѵ = ю; j и ѫ = ѭ;
j и ѧ = ѩ; j и є = ѥ.

Въ древне-славянскомъ языкѣ было больше гласныхъ, чѣмъ въ современномъ русскомъ языкѣ.

Кромѣ гласныхъ чистыхъ, были гласные глухіе: ъ, ь и носовые: ѫ и ѧ.

Глухіе, употребляясь въ срединѣ словъ съ согласными, составляли слоги, напр. лъбъ = лобъ.

Въ русскомъ языкѣ буквы ъ и ь употребляются только для означенія твердаго и мягкаго произношенія, а въ древности ни были гласными и въ окончаніи. Вмѣсто русскаго о въ древнемъ письмѣ могло

стоять и **о**, и **ъ**, а вмѣсто **е** могло стоять и **є** и **ь**. Они употреблялись тогда, когда въ русскомъ языкѣ въ данномъ словѣ звукъ бѣглый, или послѣ плавныхъ *р* и *л*. Современно-русская форма — *полкъ, торгъ*.

Древне-славянская — **плъкъ, тръгъ.** (Гласныя **ъ** и **ь** ставились послѣ *р* и *л*, а произносились прежде).

Согласныхъ окончаній не было въ древне-славянскомъ языкѣ.

Задача I. Написать по древне-славянски слова: первенецъ, воскреснуть, днесь, волхвъ, свидѣтель, встать, домъ.

Носовая буква „юсы" существовала въ числѣ гласныхъ и постепенно замѣнилась **ѫ** — у, а **ѧ** — я.

Звуки **ѫ** и **ѧ** йотировались **ѭ**=ю, **ѩ**=е. **Ѫ** произносился въ древности какъ **он, ом**; **ѧ** какъ **ен, ем**; **ѭ** какъ **йон, йом**; **ѩ** какъ **йен, йем.**

При разложеніи юсовъ, когда требуется опредѣлить корень слова, всегда нужно помнить законъ: юсъ = гласному (чистому или глухому) + носовой согласный (**н** или **м**).

При разложеніи **ѫ** является глухой гласный **ъ** и чистый гласный **о**, а при разложеніи **ѧ** — глухой гласный **ь** и близкіе гласные звуки (чистые) **е** и **и**. Напр. слово надменный писалось: **надъменън.** Въ немъ на — приставка, еный — окончаніе, корень остается **дъм**. Такъ какъ **ъм** = **ѫ**, то корень **дѫ**. Приставивъ окончаніе неопредѣленнаго окончанія **ти**, получимъ **дѫти** = дути. Смыслъ слова, какъ причастія страдательнаго отъ **дѫти,** значитъ надутый.

Задача II. Опредѣлить корень словъ: начать — начну — начинаю — клясть — проклятіе — проклинаю, вязать, — узы.

Буква **ѣ** употреблялась не какъ теперь, а въ особыхъ случаяхъ и имѣла особое произношеніе, приближаясь къ *я*, или къ *е*. Это доказываетъ ея употребленіе. Напр. употреблялось **монастырѣ**, вмѣсто **монастырѩ.**

Близость ея къ *е* указываетъ смѣшеніе буквъ *ѣ* и *е* въ XI вѣкѣ и сліяніе этихъ буквъ: **нѣсть** = не + есть.

Гласные звуки переходили (понижались или возвышались) одинъ въ другой. Глухой звукъ переходилъ въ чистый и наоборотъ, напр. глаголъ *звать,* корень его *зв.*, а наст. вр. *зову*. Откуда здѣсь вставка **о**? Это мы легко объяснимъ, если обратимся къ старинному правописанію. *Звать* писалось *зъвати*. Въ настоящемъ времени *зъв* обратилось въ *зов*, т.-е. звукъ *ъ* въ *о*.

ь возвышался въ **е** и **и**
е „ „ **о** и иногда въ **ѣ**
о „ „ **а**
и „ „ **ѣ**.

Согласные звуки раздѣлялись по органамъ произношенія: *гортанные:* **г, к, х**; *зубные:* **д, т, ѕ, ꙁ, с, ц**; *губные:* **б, п, в, м**; *язычные:* **ж, ш, жд, шт, ч, р, л**; *небные:* **j** (й); *носовые:* **н, м**.

Звуки: **г, д, ꙁ, ѕ, ч, в, j, ж, жд** — *звучные,* **к, х, т, с, ц, п, ш, шт, ч** — *отзвучные.*

Звуки: **жд, т, ч, ц** и **ѕ** — *сложные,* а остальные *простые.*

Простые раздѣляются на *носовые* (**н, м**), *плавные* (**л, р**), *нѣмые* (**г, к, д, т, ц, п**), *придыхательные* (**х, ꙁ, с, в, ж, ш, й**) — **ж, ч, ш, щ,** — *шипящіе,* а **ꙁ, ц, с** — *свистящіе.*

Гортанные, губные и зубные смягчались, т.-е. переходили въ звуки другого органа, или соединялись съ нимъ.

Гортанные: **г** переходитъ въ **ꙁ** и **ж**; **к** — въ **ц** и **ч**; **х** — въ **с, ш**.

Зубные не смягчаются предъ узкими гласными, а передъ йотированными: **ꙁ** въ **ж, с** въ **ш, ц** въ **ч**.

Смягченіе **д** и **т** даетъ **жд** и **шт.**

Губные смягчаются: **б** — въ **бл**; **в** — **вл**; **м** — **мл**; **п** въ **пл** (смягченіе бываетъ предъ йотъ).

Согласные вставлялись и выпадали. Между двумя согласными, изъ которыхъ послѣдній *р*, вставлялось *т* и *д*. Выпаденіе звуковъ: губные предъ **д**: **гре-ти** вм. **греб-ти** (грести).

Звуки иногда переставлялись, особенно при плавныхъ **р** и **л**. Вмѣсто сочетанія:

гласный + плавный (**ар, ал**) употреблялось **ра, ла**; вмѣсто **ъ р, ъл**, употреблялось: **рѣ, лѣ**.

Явленіе въ звукахъ, въ силу котораго одинъ звукъ уподоблялся другому, напр.: **добраго = добрааго = добраѥго** (чрезъ выпущеніе j и превращеніе **є** въ **а**), называется ассимиляціей. Противоположное явленіе, напр. **плести** вм. **плет-ти**, называется ассимиляціей.

Составъ словъ. Въ каждомъ словѣ различаются: *корень*, *тема*, *приставка*, *окончаніе* и *соединительныя гласныя*. Приставка и соединительныя согласныя могутъ отсутствовать.

Корень — это первичная, неразложимая форма въ словѣ. Онъ можетъ состоять: изъ одного только гласнаго, гласнаго съ согласнымъ или двумя, гласнаго между согласными.

Есть еще случаи удвоенія корня.

Тема — это форма слова, лежащая въ основаніи склоненія, или спряженія. Иногда она бываетъ тождественна съ корнемъ.

Чтобы опредѣлить корень, надо данное слово раздѣлить на составныя части, т.-е. отдѣлить окончаніе и отбросить приставку и соединительныя согласныя, если онѣ есть въ словѣ, а чтобы опредѣлить тему (или основу) слова, надо отбросить только окончаніе.

Приставка—часть слова, стоящая предъ корнемъ слова въ словахъ сложныхъ.

Соединительныя гласныя бываютъ въ глаголахъ—между корнемъ и окончаніемъ и въ существительныхъ при сложеніи ихъ.

Окончаніе — то же суффиксъ въ словѣ служитъ для образованія различныхъ производныхъ словъ или формъ склоненія и спряженія отъ первообразнаго, даннаго слова. Въ словѣ **да-ръ** суффиксъ — **ръ** является для образованія существительнаго отъ корня **да-**. Суффиксовъ въ древне-славянскомъ языкѣ было очень много и они были очень разнообразны. Въ одномъ словѣ было по нѣскольку суффиксовъ.

Слова, состоящія только изъ корня и окончанія, называются простыми, остальныя — сложными.

Раздѣленіе словъ на части рѣчи. Въ древне-славянскомъ языкѣ различались тѣ же части рѣчи, что и въ современномъ, т.-е.: имя существительное, имя прилагательное, мѣстоименіе, имя числительное, глаголъ, нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междометіе.

Имя существительное. Тема его оканчивается на гласный, или согласный звукъ. Коренные гласные звуки: *а, і, у*. Слова съ темой на *у* усилились въ слова съ основой на *а*. Поэтому два звука для гласныхъ темъ: *а, і*.

А или сохраняется или ослабляется въ **о** и въ **ъ** — **вода — мѣсто — Богъ**.

Ꙗ въ **є** и въ **ь** — **ѕемлꙗ — море — мѫжь.**

Тема *і* ослабляется въ **ь** — **печаль.**

Слова на темы съ согласной буквой:

н, т, н, в, р, с.

Им. п. ед. ч. **ѧ, ѧ, ы, и, о.**

По склоненію имена существительныя раздѣляются: І-го склоненія имена муж. и средняго род.— съ темами на **а**, т.-е. имена: на **ъ, ь, (jъ), о, е**; ІІ-го склоненія женскаго рода съ темами на **а**, т.-е. имена на **а, ꙗ** и имена съ основой на **и** — **рабыни**; ІІІ-го склоненія имена съ темой на *і* — муж. род. на **ь** и женск. рода на **ь**.

Первое и второе склоненія раздѣляются на твердыя (на твердый гласный звукъ) и мягкія (на мягкій гласн. звукъ).

Склоненія древне-славянскія отличаются отъ современныхъ русскихъ инымъ измѣненіемъ словъ и богатствомъ формъ.

Сверхъ современныхъ падежей былъ звательный, и кромѣ чиселъ единственнаго и множественнаго было число двойственное.

Предложный падежъ употреблялся и безъ предлога, когда обозначалъ мѣсто, и назывался мѣстнымъ.

І-е склоненіе. Образцы измѣненій существительныхъ и прилагательныхъ краткихъ.

Твердое склоненіе.

Ед. ч. м. р.	*Мн. ч.*	*Двойств. ч.*
И. влъкъ	*И.* *З.* } влъц-и	*И.* *З.* *В.* } влък-а
В. влъкъ		
Зв. влъч-е	*Р.* влъ-къ	
Р. влък-а	*Д.* влък-о-мъ	*Р.* *П.* } влък-оу
Д. влъкоу	*В.* влъкы	
Т. влък-ъ-мь	*Т.* влък-ы	*Д.* *Т.* } влък-о-ма
П. влъц-ѣ	*П.* влъц-ѣ-хъ	

Въ тѣхъ словахъ, которыя имѣли основу на ъ вмѣсто у, предложный пад. могъ оканчиваться на оу, а также и падежи звательный и родительный. Дательный падежъ оканчивается на -ови. Имѣющія именит. пад. ед. ч. окончаніе инъ отбрасываютъ его во мн. числѣ им. п., а оканчиваются на -е — христіанинъ, христіане.

Средній родъ.

Ед. число.

И. *З.* *В.* } мѣст-о ꙁлачьно
Р. мѣст-а ꙁлачьн-а
Д. мѣстоу ꙁлачьн-оу
Т. мѣст-ъ-мь ꙁлачьн-ъ-мь
П. мѣстѣ ꙁлачьнѣ.

Множ. число.

И. *З.* *В.* } мѣста ꙁлачьн-ъ
Р. мѣстъ ꙁлачьн-ъ
Д. мѣстомъ ꙁлачьн-о-мъ
Т. мѣсты ꙁлачьн-ы
П. мѣст-ѣ-хъ ꙁлачьн-ѣ-хъ.

Двойственное число.

И. *В.* *З.* } мѣстѣ ꙁлачьнѣ
Р. *П.* мѣст-оу ꙁлачьн-оу
Д. *Т.* мѣст-о-ма ꙁлачьн-о-ма.

2. *Мягкое окончаніе.*

Ед. число.

И. оучитель вышьнь
Р. оучител-ꙗ вышьн-ꙗ
Д. оучителю вышьню
В. оучитель вышьн-ьн-ь
З. оучител-е(ю) вышьн-ь
Т. оучител-ь-мь вышьньмь
П. оучител-и вышьни.

Мн. число.

И. оучител-и вышьн-и
Р. оучитель вышьн-ь
Д. оучител-е-мъ вышьн-е-мъ
В. оучитела вышна
З. *Им. п.*
Т. оучител-и вышьн-и
П. оучител-и-хъ вышьн-и-хъ.

Двойственное число.

И. *В.* *З.* оучителꙗ вышьн-ꙗ
Р. *П.* оучител-ю вышьн-ю.
Д. *Т.* оучителе-ма вышьн-е-ма

Въ падежахъ: звательномъ и дательномъ един. числа и въ именит. множ. числа вмѣсто окончаній е, ꙗ, и встрѣчаются окончанія ю, еви, еве. По образцу именъ на ь склоняются имена на и — краи, раи.

Средній родъ.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
И. *В.* *З.*	море синє	морꙗ син-ꙗ
Р.	морꙗ син-ꙗ	морь синь
Д.	морю син-ю	моремъ синемъ
Т.	морь-мь синьмь	мори сини
П.	мор-и сини	морихъ синихъ

Двойств. число.

И. *В.* *З.* } мори сини
Р. *П.* морю синю
Д. *Т.* морема синема.

Въ первомъ склоненіи мягкимъ окончаніямъ соотвѣтствуютъ: ъ — ь, а — ꙗ, оу — ю, ѣ — и, ы — и, ы — ѧ.

II склоненіе. Образцы твердаго склоненія.

Ед. ч.

И. вода унст-а
З. вод-о унсто
Р. вод-ы унсты
Д. вод-ѣ унст-ѣ
В. водѫ унстѫ
Т. водо-ѭ унсто-ѭ
П. вод-ѣ унстѣ

Множ. ч.

И. З. В. воды унсты
Р. вод-ъ унстъ
Д. водамъ унст-а-мъ
Т. водамн унстамн
П. водахъ унстахъ

Двойств. число.

И. З. В. вод-ѣ унстѣ
Р. П. водоу унстоу
Т. Д. водам-а унст-а-ма

Мягкое окончаніе.

Ед. число.

И. вол-ꙗ вышь-нꙗ
З. волѥ вышьнѥ
Р. волѩ вышьнѩ
Д. вол-лн вышьнн
В. волѭ вышьнѭ
Т. волѥѭ вышьнѥѭ
П. волн вышьнн

Множ. число.

И. З. В. ꙁемлѩ ꙗрославлѧ
Р. ꙁемль ꙗрославл-ь
Д. ꙁемл-ꙗмъ ꙗрославлꙗмъ
Т. ꙁемлꙗмн ꙗрославлꙗмн
П. ꙁемлꙗхъ ꙗрославл-ꙗ-хъ.

Двойственное число.

И. З. В. ꙁемл-н ꙗрославл-н
Р. П. ꙁемлю ꙗрославл-ю.
Д. Т. ꙁемл-ꙗ-ма ꙗрославл-ꙗ-ма

Въ именахъ второго склоненія соотвѣтствуютъ твердымъ окончаніямъ мягкія: **а — ꙗ, ы — ѧ, ѣ — н, о — є, ъ — ь.**

Образцы именъ III-го склоненія.

а) Женскій родъ.

Ед. ч.

И. В. З. дверь
Р. Д. П. дверн
Т. двер-н-ѭ

Двойств. ч.

И. В. З. дверн
Р. П. двер-н-ю
Д. Т. двер-є-ма

И. З. В. дверн
Р. двер-н-н
Д. двер-є-мъ
Т. двер-ь-мн
П. дверєхъ.

б) Мужескій родъ.

Ед. ч.

И. В. З. пѫть
Р. Д. П. пѫтн
Т. пѫт-ь-мь

Двойств. ч.

И. Р. З. пѫтн
В. П. пѫт-н-ю
Д. Т. пѫт-ь-ма

И. пѫт-н-ѥ
Р. пѫт-н-н
З. В. пѫт-н
Д. пѫт-є-мъ
Т. пѫт-ь-мн
П. пѫт-є-хъ.

Такимъ образомъ мужескій родъ отъ женскаго отличается окончаніями творит. п. единств. числа и именит. множественн.

Слово **дьнь** родит. пад. имѣло **дьнє**, а въ родит. п. множеств. числа и **дьнин**, и **дьнъ**.

СКЛОНЕНІЕ НА ТЕМУ СОГЛАСНУЮ.

Образцы 4-го склоненія именъ существительныхъ.

а) Мужескій родъ.

Ед. ч.

И. кам-ы
З. камен-є
В. кам-ы, камень
Р. камен-є
Д. камен-н
Т. камен-ь-мь
П. камен-н

Множ. ч.

И. З. В. каменн
Р. каменнн
Д. каменємъ
Т. камен-ь-мн
П. камен-є-хъ

Двойств. число.

И. В. З. камен-н
Р. П. камен-н-ю
Д. Т. кам-єнє-ма.

б) Женскій родъ.

	Ед. ч.	*Множ. ч.*
И.	црькы	црькъв-и (И. З. В.)
З.	црькы	
В.	црькъвь	
Р.	црькъве	црькъв-ъ
Д.	црькъви	црькв-а-мъ
Т.	црькъв-иѭ	црькъв-а-ми
П.	црькъв-и	црькъв-а-хъ

	Ед. ч.	*Множ. ч.*
И.	дъщи	дъщери (И. З. В.)
З.	дъщерь	
В.	дъщере	
Р.	дъщере	дъщери-и(ъ)
Д.	дъщери	дъщеремъ
Т.	дъщер-иѭ	дъщер-ь-ми
П.	дъщер-и	дъщер-ехъ

Двойств. число.

И. В. З.	црькъв-и	дъщер-и
Р. П.	црькъв-и-ю	дъщер-и-ю
Д. Т.	црькъв-а-ма	дъщер-ь-ма.

в) Средній родъ.

Ед. число.

И. З. В.	имѧ небо
Р.	имен-е небесе
Д.	имени небеси
Т.	имен-ь-мь небес-е-мь
П.	имен-и небес-и

Множ. число.

И. З. В.	небеса, имена
Р.	небесъ именъ
Д.	небесемъ именемъ
Т.	небесы имен-ы
П.	небесехъ именехъ

Двойств. число.

И. З. В.	имени небеси
Р. П.	именоу небесоу
Д. и *Т.*	именема небесема.

Имя прилагательное.

Раздѣляются прилагательныя на *полныя* и *краткія.* Первыя произошли отъ соединенія послѣднихъ съ мѣстоименіемъ — и, ѩ, ѥ въ соотвѣтствующихъ падежахъ, при чемъ происходитъ ассимиляція перваго гласнаго мѣстоименія съ послѣднимъ гласнымъ прилагательнаго.

Напр. род. пад. добра + ѥго = добра + его = добра + аго.

Образецъ склоненія прилагат. полныхъ.

а) Твердое.

	Муж. р.	*Жен. р.*	*Ср. р.*
И.	ꙁълы-и	ꙁъла-ѩ	ꙁъло-ѥ
Р.	ꙁъла-аго	ꙁълыѩ	какъ муж.
Д.	ꙁълоу-оумоу,	ꙁълѣ-и	какъ муж.
В.	какъ имен.	ꙁълѫѭ	
Т.	ꙁълы-имь	ꙁъло-ѭ	какъ муж.
П.	ꙁълѣ-ѥмь	ꙁълѣ-и	какъ муж.

Двойств. число.

И. В. З.	ꙁъла-ѩ, ꙁълѣи, ꙁълѣ-и
Р. П.	ꙁълоу-ю
Д. Т.	ꙁълыи-ма.

Множ. число.

	Муж. р.	*Ср. р.*	*Жен. р.*
И. З.	ꙁълы-и	ꙁъла-ѩ	ꙁълы-ѩ
Р.	ꙁълы-ихъ	во всѣхъ	родахъ
Д.	ꙁълы-имъ	—	—
В.	ꙁълы-ѩ,	ꙁъла-ѩ	ꙁълы-ѩ
Т.	ꙁълы-ими	—	—
П.	ꙁълы-ихъ	—	—

б) Мягкое.

	Муж. р.	*Жен. р.*	*Ср. р.*
И. В. З.	син-и-и	син-ѩ	син-е-ѥ
Р.	син-ѩ-аго	син-ѩ-ѩ	какъ муж.
Д.	син-ю-оумоу	син-и-и	какъ муж.
Вин.	какъ имен.	син-ѭ-ѭ	—
Т.	син-и-имь	син-ѥ-ѭ	какъ муж.
П.	син-и-имь	син-и-и	какъ муж.

Двойств. число.

	Муж. р.	*Ж. и ср.*
И. В. З.	**син-ꙗ-ꙗ**	**син-и-и**
Р. П.	**синюю**	—
Д. Т.	**син-и-има**	—

Множ. число.

	Муж. р.	*Жен. р.*	*Ср. р.*
И. З.	**син-и-и**	**син-ѧ-ꙗ**	**син-ꙗ-ꙗ**
Р.	**сини-ихъ**	во всѣхъ родахъ	
Д.	**син-и-имъ**		
В.	**синѧ-ꙗ**	**син-ѧ-ꙗ**	**син-ꙗ-ꙗ**
Т.	**син-и-ими**	во всѣхъ родахъ	
П.	**син-и-ихъ**		

Сравнительная степень прилагательныхъ имѣла окончанія:

1) *м. р.* **ии**, *ж. р.* **ьши**, *ср. р.* **ѥ, єѥ**
2) „ **ѣи** „ **ѣиши** „ **ѣѥ.**

Первыя окончанія употреблялись въ словахъ, не имѣющихъ положительной степени, напр., **гор-ии, гор-ьши, гор-є.** Употребляются первыя окончанія также въ прилагат. коренныхъ, напр. **хоудъ — хоужд-ии** и въ прилагательныхъ съ суффиксомъ **-ок**, который, при образованіи степеней, отбрасывается, напр.: **глѫб-окъ—глѫбл-ии.**

Окончанія сравнительной степени **ѣи—ѣиши, ѣѥ** употреблялись въ прилагательныхъ, имѣющихъ суффиксъ **ок**, который, при образованіи степеней сравненія, не выпадалъ.

Въ прилагательныхъ, вовсе не имѣющихъ суффикса ок, напр. **добръ,—добрѣи, добрѣиши, добрѣѥ.**

Сравнительная степень образовалась при помощи приставокъ **-прѣ, наи.**

Нѣкоторыя прилагательныя степени сравненія имѣли неправильныя, т.-е. такія, которыя образовались отъ другихъ корней, напр., **ꙁълъ—гории, малъ—мьнии, великъ — болии, вѧщи, добръ — лоуч-ии, оунии.**

Образцы склоненія прилагат. въ сравн. и прев. степ.

	Муж. р.	*Жен. р.*	*Ср. р.*
И. З.	**бол-и-и**	**больши**	**бол-ѥ**
	больши	**больши-ꙗ**	**большеѥ**
Р.	**больша**	**больш-ѧ**	какъ муж.
	больша-аго	**большѧ-ѩ**	
Д.	**большоу**	**больш-и**	
	большоу-оумоу	**больши-и**	
В.	**больш-ь**	**большѫ**	**бол-ѥ**
	больш-ии	**большѫ-ѭ**	**больше-ѥ**
Т.	**больш-ємь**	**больш-єѭ**	какъ муж.
	больши-имь		
П.	**больш-и**	**больши**	
	больши-имь	**больши-и**	

Двойств. число.

	Муж. р.	*Жен. и ср.*
И. З. В.	**больш-а**	**больш-и**
	больша-ꙗ	**больши-и**

Всѣхъ родовъ.		*Муж. и ср.*	
Р. П.	**больш-оу**	*Д. Т.*	**большем**
	большоу-ю		**больши-има**

Жен. родъ.

Д. Т.	**больш-ама**
	больши-има.

Множ. число.

	Муж. р.	*Жен. р.*	*Ср. р.*
И. З.	**больш-е**	**больш-ѧ**	**больша**
	больше-и	**большѧ-ѩ**	**больша-ꙗ**
Р.	**больш-ь**	**больш-ь**	также
	больши-ихъ	**больши-ихъ**	
Д.	**больш-емъ**	**больш-амъ**	какъ муж. р.
	больши-имъ	**больши-имъ**	
В.	**больш-ѧ**	**больш-ѧ**	**больша**
	большѧ-ѩ	**большѧ-ѩ**	**больша-ꙗ**
Т.	**больш-и**	**больш-ами**	какъ муж. р.
	больши-ими	**больши-ими**	
П.	**большихъ**	**больш-ахъ**	
	больши-ихъ	**больши-ихъ**	

Прилагательныя съ окончаніями въ сравнительной степени на **ѣи, ѣиши, ѣѥ** склоняются подобно изложеннымъ образцамъ.

Имя числительное.

Всѣ числительныя раздѣляются: на *количественныя, порядковыя* и *собирательныя.*

Колич.	*Порядк.*	
юдинъ	**прьвын**	Отъ числительныхъ количественныхъ образуются собирательныя.
дъва	**вьторын**	
трн	**третнн**	
четыре	**четверьтын**	
пать	**патын**	Для обозначенія предметовъ одушевленныхъ употребляется **дъво-іє, тро-іє,** а для неодушевленныхъ **дъво-н, тро-н** и т. д.
шесть	**шестын**	
седмь	**седмын**	
осмь	**осьмын**	
девать	**деватын**	
десать	**десатын**	

Числительныя отъ 10—100 образуются такъ: **юдинъ на десате, дъва на десате** и т. д.

20 — **дъвадесате, дъвадесате и єдинъ...** или **юдинъ междѫ десатьма...**

30 — **триесате,** 40 — **четыредесате,** 50 — **патьдесатъ,** 100 — **съто,** 200 — **дъвѣстѣ,** 300 — **триста,** 400 — **четыреста,** 500 — **патьсътъ** и т. д. 1000 — **тысаща,** 10000 — **тьма.**

Порядковыя числительныя склоняются по образцу прилагательныхъ полныхъ.

Количествен. **юдинъ,** род. **юдиного, юдиномоу...** м. р. **дъва,** женск. и сред. — **дъвѣ;** Р. П. **дъвою (дъвоу);** Д. Т.—**дъвѣма, трию— трн, четырию — четыре** — по III склоненію.

Числительныя пять — десять по III склоненію, а во множеств. числѣ какъ прилагат. **седмь, седмихъ, седмимъ** и т. д.

	Ед. ч.	*Ед. ч.*
И.	**трию—трн**	**четыре-ию**
Р.	**трин**	**четыр-ь, -ъ**
Д.	**тремъ**	**четырьмъ**
В.	**трн**	**четыри**
Т.	**трьми**	**четырьми**
П.	**трьхъ, трехъ**	**четырьхъ**

	Ед. ч.	*Множ. ч.*
И.	**девать**	**десат-н, -е**
Р.	**деват-ь**	**десат-ъ**
Д.	**деват-н**	**десат-емъ**
В.	**девать**	**десат-н, -е**
Т.	**деватн-ѭ**	**десаты**
П.	**деватн**	**десат-ехъ.**

Десать, согласованное съ **дъва,** измѣняется вмѣстѣ съ послѣднимъ въ двойственномъ числѣ такъ:

И. В. З. **десат-н, десате,**
Р. П. **десат-оу**
Д. Т. **десать-ма.**

Въ числительныхъ сложныхъ съ **дъва, трн, четыре** измѣняется при склоненіи первая и вторая половина, а въ числительныхъ, сложныхъ съ **юдинъ, пать, шесть... десать,** только первая половина слова.

И. **юдинъ на десате**	**шестьдесатъ**
Р. **юдиного на десате**	**шестидесатъ**
и т. д.	и т. д.

И. **седмьсътъ**
Р. **седмисътъ**
и т. д.

Съто склоняется, какъ существ. I-го скл. ср. р., **тысаща**—какъ существ. женск. рода II-го склоненія.

Мѣстоименіе замѣняетъ собой въ рѣчи имя существительное, или имя прилагательное и раздѣляется

на *личныя:* **азъ, ты, н, ꙗ, ю;**
относительныя: **иже, ꙗже, юже;**
притяжательныя: **мон, твон, свон;**
вопросительныя: **кын, каꙗ, кою, чин, чиꙗ, чию;**
указательныя: **сь, сн, се, тъ, та, то;**
опредѣлительныя: **вьсь, вьсꙗ, вьсю;**
возвратное: **себе.**

Мѣст.: **азъ, ты, себе,** и вопр. **къ(+то)** по родамъ не различаются.

Окончаніе мѣстоименій личныхъ.

	Ед. ч. 1 л.	2 л.	*Множ. ч.* 1 л.	2 л.	
И.	**азъ**	**ты**	**мы**	**вы**	—
Р.	**мене**	**тебе**	**насъ**	**васъ**	**себе**
Д.	**мънѣ**	**тебѣ**	**намъ**	**вамъ**	**себѣ**
	мн	**тн**	(рѣдко **ны**)	(**вы**)	**сн**
В.	**ма**	**та**	**ны**	**вы**	**са**
Т.	**мъноѭ**	**тобоѭ**	**нами**	**вами**	**собоѭ**
П.	**мънѣ**	**тебѣ**	**насъ**	**васъ**	**себѣ.**

Двойств. число.

И. **вѣ** (1-го лица), **вы**, **ва** (2-го лица); *В.* **на**, **ва**; *Р. П.* **наю**, **ваю**; *Д. Т.* **нама**, **вама**.

Мѣстоименіе 3-го лица.

	Ед. ч.			*Множ. ч.*		
	М. р.	*Ж. р.*	*Ср. р.*	*М. р.*	*Ж. р.*	*Ср. р.*
И.	**и**	**ꙗ**	**ѥ**	**и**	**ѩ**	**ꙗ**
Р.	**ѥго**	**ѥѩ**	**ѥго**	**ихъ**	**ихъ**	**ихъ**
Д.	**ѥмоу**	**ѥи**	**ѥмоу**	**имъ**	**имъ**	**имъ**
В.	**и(ь)**	**ѭ**	**ѥ**	**ѩ**	**ѩ**	**ѧ**
Т.	**имь**	**ѥѭ**	**имь**	**ими**	**ими**	**ими**
П.	**ѥмь**	**ѥи**	**ѥмь**	**ихъ**	**ихъ**	**ихъ**

По этому образцу склоняется **иже**, **ꙗже**, **ѥже**, приставляется только частица **же**.

Въ мѣстоименіи **вьсь** въ творит. пад. единств. числа муж. и средняго рода, а также и во множеств. числѣ въ родит., дат. и творит. пад. буква **и** замѣняется **ѣ**. Двойств. числа не имѣетъ.

Мѣстоименіе **сь** въ единств. числѣ винит. пад. муж. рода **сь**, женск. рода **сиѭ**; въ двойств. числѣ И.В.З. м. рода: **сиꙗ**; множ. число, имен. пад. жен. р. **си-ѩ**; ср. р. **си**. Вин. п. муж. и женск.: **сиѩ**. Въ остальномъ мѣстоименіе сходно съ формами **и**, **ꙗ**, **ѥ**.

Склоненіе вопросительнаго мѣстоименія.

Ед. число.

И. З.	**кыи**	**каꙗ**	**коѥ**
Р.	**коѥго**	**коѥѩ**	муж. р.
Д.	**коѥмоу**	**коѥи**	—
В.	**кыи**, **коѥго**,	**кѫѭ**	**коѥ**
Т.	**кыимь**	**коѥѭ**	} какъ
П.	**коѥмь**	**коѥи**	} муж.

Двойств. число.

И. З. **каꙗ** (муж. р.) **кои** (жен. и ср.)
П. Р. **коѥю**
Д. Т. **кыима** (во всѣхъ родахъ)

Множ. число.

	Муж. р.	*Жен. р.*	*Ср. р.*
И. З.	**кии**	**кыѩ**	**каꙗ**
Р.	**кыихъ**	—	—
Д.	**кыимъ**	—	—
В.	**кыѧ**	**кы**	**каꙗ**
Т.	**кыими**	—	—
П.	**кыихъ**	—	—

Склоненіе указательнаго мѣстоименія.

	Ед. ч.			*Множ. ч.*		
И.	**тъ**	**та**	**то**	**ти**	**ты**	**та**
Р.	**того**	**тоѩ**	**того**	**тѣхъ**	во всѣхъ	
Д.	**томоу**	**тои**	**томоу**	**тѣмъ**	—	—
В.	**тъ**	**тѫ**	**то**	**ты**	**ты**	**та**
Т.	**тѣмь**	**тоѭ**	**тѣмь**		**тѣми**	
П.	**томь**	**тои**	**томь**		**тѣхъ**	

Двойств. число.

И. В. З.	**та**	**тѣ**	**тѣ**
Р. П.	**тою**	—	—
Д. Т.	**тѣма**	—	—

По образцу **тъ** склоняются мѣстоименія: **къждо** (**жьдо** не измѣняется), **инъ**, **самъ**, **такъ**, **ꙗкъ**, **коликъ**, **вьсꙗкъ**.

Мѣстоименіе **кьто**, **чьто**, какъ составленное изъ корня **къ** и приставки **то**, склоняется такъ:

Р. **кого—чьсо** (**чьсого**); *Д.* **комоу—чемоу** (**чьсомоу—чесомоу**);
В. **кого—чьто**; *Т.* **цѣмь—чимь**;
П. **комь—чемь** (**чесомь**).

Мѣстоименія на **чии** склоняются, какъ прилагательныя полныя.

Глаголъ.

Въ глаголахъ различаютъ двѣ основы или темы: тема *неопредѣленнаго наклоненія* и тема *настоящаго времени*; рѣдко онѣ могутъ быть тождественными.

Напр. **ходи-ти** и **хож-оу**; **бьра-ти—бер-ѫ**.

Неопредѣленное наклоненіе оканчивалось въ древне-славянскомъ языкѣ на **ти**, или на видоизмѣненное **щи** (**шти**).

Окончаніе настоящаго времени приставляется или прямо къ корню и тогда глаголы называются первообразными, или при помощи соединительныхъ гласныхъ: **ѣ**, **и**, **а**, **ꙗ** (**чит-а-ти**, **сид-ѣ-ти**), или слоговъ: **ов-а**, **нѫ** (**оуп-ов-а-ти**), и тогда глаголы называются производными.

Въ древне-славянскомъ языкѣ для обозначенія цѣли при глаголахъ, выражающихъ движеніе, употреблялось, такъ на-

зываемое, *достигательное наклоненіе*; оно оканчивалось на **тъ** или (въ глаголахъ неопр. наклон. на **щи**) на **щь (шть)**, напр. **идѫ ловн-тъ рыбъ.**

Повелительное наклоненіе въ древне-славянскомъ языкѣ имѣло примѣтой, кромѣ **и**, послѣ согласныхъ въ двойств. и множ. числѣ „**ѣ**“, напр. **нес-ѣ-те.**

Окончаніе I-го лица наст. вр. было или **мь**, или **ѫ** (**ѭ**). Первое окончаніе — архаическое и встрѣчается въ немногихъ словахъ, а второе принадлежитъ ко времени позднѣйшему.

Глаголы, имѣющіе примѣту **нѫ** въ не опредѣленномъ наклоненіи, имѣютъ первое лицо наст. времени на **н — ѫ**, напр., **двиг-нѫ-ти — двиг-н-ѫ.**

Примѣта **ов** переходитъ въ **оу.**

Отъ темъ неопред. накл. и наст. времени образуются всѣ остальныя формы, которыхъ въ древне-славянскомъ языкѣ было больше, чѣмъ въ современномъ русскомъ. Онъ имѣлъ особыя флексіи для выраженія дѣйствія прошедшаго, кромѣ сложныхъ два простыхъ прошедшихъ: преходящее и аористъ съ окончаніемъ въ I лицѣ ед. числа на **-хъ.**

Причастіе прошедшаго времени дѣйствительной формы имѣло неизмѣняемыя окончанія: **лъ, ла, ло; ли, лы, ла.** Кромѣ современныхъ было два наклоненія: достигательное и условное.

Образованіе формъ.

Аористъ образуется отъ темы неопредѣленнаго наклоненія чрезъ прибавленіе приставки прошедшаго времени **хъ**, напр. **кла-ти — кла-хъ.** Иногда образуется съ соединительной гласной между темой и окончаніомъ **хъ**, напр., **нес-о-хъ.** Это бываетъ, когда тема оканчивается на согласный.

Отъ темы неопред. наклон. образуется прошедшее причастіе дѣйствительнаго залога въ глаголахъ на согласную, склоняемое причастіе образуется: **нес-ти — нес-ъ, нес-ъши, нес-ъ** на **ъ, ъши, ъ**; въ глаголахъ на гласную на **-въ, въши, въ ҁъва-въ, ҁъва-въши, ҁъва-въ**; въ глаголахъ съ темой на **и** причастіе оканчивается на **-ь, ьши, ь: рожд-ь, рожд-ьши, рожд-ь.** Несклоняемое на **-лъ, ла, ло: чита-лъ, -ла, -ло.**

Отъ темы неопредѣленнаго наклоненія образуется причастіе прошедшаго времени страдательнаго залога чрезъ присоединеніе къ ней окончанія **тъ**, или, при помощи соединительнаго гласнаго **е**, окончанія **нъ**. Напр., **би-тъ, чита-е-нъ = читанъ** (происходитъ ассимиляція).

-нъ присоединяется къ темамъ на звукъ согласный, на **и, ѣ**, не принадлежащіе корню, на гласный **а.**

Напр., **нес-е-нъ, вид-ѣ-нъ, да-нъ.**

Окончаніе **-тъ** присоединяется къ темамъ, оканчивающимся на гласные, принадлежащіе къ корню: **ѣ, а, ы, и, оу — пѣ-тъ, кла-тъ, рытъ**

но { **-би-ıе-нъ** и **отъкрьс-тъ.** }

Темы на **ѧ** имѣютъ и **нъ** и **тъ**, что объясняется свойствомъ **ѧ** — разлагаться на части: **ѧ = ьи(м), еи(м), ии(м).**

Двойственную форму имѣютъ и глаголы съ темой на **ы**, такъ какъ **ы = ъв, ов; ы**, разлагаясь, даетъ и **ен** (**ы** — носовое) возвышенный носовой.

Съ примѣтой **нѫ** имѣли четыре формы прич. стр. прош. вр.

постиг-нѫ-ти { **постиж-ен-ъ**, **постиг-нѫ-тъ**, **постиги-енъ**, **постигнов-енъ.** }

Нужно замѣтить, что въ древности причастіе страдательн. прошедшаго времени имѣло не два **н**, а одно; отсюда — **биıеныи.**

Причастіе настоящаго времени образуется отъ темы настоящаго времени.

Дѣйств. формы: **ҁъв-а-ти — ҁов-ѫ — ҁов-ы**
Страдат. формы: **ҁовѫ — ҁов-омъ, -ы и**

Окончаніе **мъ** присоединяется съ соединительной гласной **— о, е**, къ глаголамъ на тему согласную **нес-о-мъ**, а къ глаголамъ на гласную съ соединительной гласной — **ıе**, напр. **би-ıе-мъ.**

Дѣепричастій въ древне-славянскомъ языкѣ не было, а соотвѣтствующія современнымъ формы — **ѧ**, **въ** имѣли значеніе причастій и склонялись, напр.: **дѣла-ѩ**, р. п. **дѣла-ѭщѧ** и т. д.=(дѣлающій) дѣлавшій = **дѣла-въ**, р. п. — **дѣлавъшѧ** и т. д.

Причастіе наст. времени имѣло окончаніе **ѧ**, и **ы**. Первое окончаніе въ темѣ на гласный; напр. **чита-ѩ**, а второе въ темѣ на согласный, напр. **вед-ѫ—вед-ы**; **ѧ** именительнаго падежа въ косвенныхъ падежахъ сохраняется только въ глаголахъ съ темой на гласный **и**, въ остальныхъ случаяхъ утрачивается: **хвалѩщѧ**, но **пи-ѭ-щѧ**.

Отъ темы настоящаго времени образуется повелительное наклоненіе чрезъ прибавленіе окончанія повелит. наклон., напр. **нес-ѫ — нес-и**.

Преходящее время образуется въ однихъ глаголахъ отъ темы настоящаго времени, а въ другихъ отъ темы неопредѣленнаго наклоненія. Напр., наст. врем. **двиги-ѫ**, преход. **двиги-ѣа-хъ** отъ неопред. наклон.: **писа-ти**, преход. — **писа-а-хъ**.

Окончанія настоящаго времени.

		Окончанія архаическія.	*Окончанія обыкновенныя.*
Ед. ч.	1.	**-мь**	**ѫ, ѭ**
	2.	**-си**	**ши**
	3.	**-ть**	**ть**
Дв. ч.	1.	**-вѣ**	**вѣ**
	2.	**-та**	**та**
	3.	**-та**	**та**
Мн. ч.	1.	**-мъ**	**мъ**
	2.	**-те**	**те**
	3.	**-ѫть, ѭть, ѧть, ѩть**	**ѫть, ѭть, ѧть, ѩть**

Архаическія окончанія, или древнѣйшія, при образованіи формъ присоединялись къ глагольной темѣ непосредственно. Такихъ глаголовъ только нѣсколько: **ѥс-мь, вѣ-мь, ꙗ(д)-мь, да-мь**. Въ остальныхъ глаголахъ, имѣющихъ окончанія обыкновенныя (**ѫ, ши**...), послѣднія присоединялись къ темѣ глагольной съ помощію соединительнаго гласнаго **е**, напр.: **нес-е-ши, ид-е-ши**. Этотъ звукъ **е** въ глаголахъ съ темой на **и** ассимилировался, напр.

гори-ѥ-ши = гори-иши = гори-ши.

Окончанія аориста и преходящаго.

		Окончанія аориста.	*Окончанія преходящія.*
Ед. ч.	1.	-(хъ) (о) -(х)ъ	-(х)ъ
	2.	-е	(ш)е
	3.	-е	(ш)е
Дв. ч.	1.	(х) -(о) -вѣ	(х) -(о) -вѣ
	2.	(с) та	(с)та
	3.	(с) та	(с)та
Мн. ч.	1.	(х) -(о) -мъ	(х) -(о) -мъ
	2.	-(с) те	(с)те
	3.	(ш) ѧ	(х)ѫ

Въ глаголахъ первообразныхъ, какъ напр.: **чьсти** (корень и тема **чьт**), иногда вмѣсто **хъ** въ аористѣ встрѣчается окончаніе **съ**.

Послѣднее окончаніе древнѣе **хъ**. Присоединяется оно къ корню, при чемъ происходитъ ассимиляція конечной корневой буквы, коренная гласная обыкновенно возвышается, а согласная уничтожается, напр. **чьт-съ = чьс-съ = чь-съ = чисъ**.

Въ аористѣ преходящемъ предъ гласными является **х**, а передъ согласными **с** (признакъ времени).

Былъ еще, кромѣ аориста I-го, въ древне-славянскомъ языкѣ аористъ II-ой безъ признака времени, напр.: **плет-ъ, плет-е... плет-о-мъ, плет-е-те**. Глаголы съ темой на гласныя: **ѧ, и, ѣ**, принадлежащія корню, аористъ въ 3-мъ лицѣ единств. ч. оканчивался иногда на -**тъ**, напр.; **би-ти-би-тъ**.

Кромѣ аориста и преходящаго было еще описательныя формы прошедшаго времени. Соотвѣтствующее по значенію аористу составлялось изъ причастія прошедшаго несклоняемаго и настоящаго врем. глагола вспомогательнаго **быти**. Соотвѣтствовавшее времени преходящему составлялось изъ причастія прошедшаго несклоняемаго и преходящаго времени отъ глагола **быти**. Прошедшее условное

имѣло составную форму изъ причастія спрягаемаго и аориста глагола **бытн**: **чнталъ быхъ**.

Будущее время пользовалось или окончаніями настоящаго времени, или же составлялось изъ будущаго времени глаголовъ вспомогательныхъ, каковыми были: **бытн, нмѣтн, начатн, хотѣтн**, и неопредѣленнаго наклоненія глагола спрягаемаго, напр. **нмамь, чнтатн, начьнѫ глаголатн**.

Будущее условное составляется изъ будущаго времени вспомогательнаго глагола и причастія несклоняемаго отъ глагола спрягаемаго: **бѫдѫ чнталъ**.

Въ древне-славянскомъ языкѣ глаголы раздѣлялись на два спряженія. Глаголы II-го спряженія имѣли въ темѣ настоящаго времени конечной буквой **н**, напр.: **горѭ** (=**горн-ѫ**) — **горншн**. Глаголы съ другими тематическими звуками — спряженія I-го.

Глаголы перваго спряженія во II-мъ лицѣ един. числа наст. времени оканчиваются на **ешн**, а II-е спряженіе — на **ншн**.

Въ III-мъ лицѣ множеств. числа глаголы I-го спряженія имѣютъ **ѫть, ѭть**, а II-го спряженія **ѧть, ѩть**. Глаголъ **нтн** при образованіи настоящаго времени принимаетъ букву **д** — **н-д-ѫ**.

Архаическое спряженіе. Сюда принадлежатъ глаголы: **бытн, вѣд-ѣ-тн, да-тн, ѩстн, нмѣтн**.

Глаголъ **бытн** имѣетъ корень **ес** для образованія настоящаго времени и прич. дѣйств. наст. врем. и корень **бы** для всѣхъ остальныхъ формъ глагола.

Изъявит. наклоненіе наст. времени.

	Ед. ч.	*Дв. ч.*	*Мн. ч.*
1.	**ѥс-мь**	**ѥс-вѣ**	**ѥс-мъ**
2.	**ѥс-(с)н**	**ѥс-та**	**ѥс-те**
3.	**ѥс-ть, ѥ**	**ѥс-та**	**(ѥ)с-ѫть.**

Причастіе дѣйств. наст. времени.

Ед. ч.	*Дв. ч.*	*Мн. ч.*
сы	**сѫщa**	**сѫще**
сѫщн	**сѫщн**	**сѫщѧ**
сы	**сѫщн**	**сѫща.**

Неопр. наклоненіе **бы-тн.**

	Ед. ч.	*Дв. ч.*	*Мн. ч.*
Аористъ 1.	**бы-хъ**	**бы-х-о-вѣ**	**бы-х-о-мъ**
2.	**бы**	**бы-с-та**	**бы-с-те**
3.	**бы, бысть**	**бы-с-та**	**бы-ш-ѧ.**

Преходящее.

Ед. ч.		*Дв. ч.*	
бѣахъ	**бѣхъ**	**бѣаховѣ**	**бѣховѣ**
бѣаше	**бѣ**	**бѣаста**	**бѣста**
бѣаше	**бѣ**	**бѣста**	**бѣста**

Множ. число.

бѣахомъ	**бѣхомъ**
бѣасте	**бѣсте**
бѣахѫ	**бѣшѧ.**

Будущее.

Ед. ч.	*Дв. ч.*	*Мн. ч.*
бѫдѫ	**бѫд-е-вѣ**	**бѫд-емъ**
бѫд-ешн	**бѫд-е-та**	**бѫд-е-те**
бѫд-е-тъ	**бѫд-е-та**	**бѫд-ѫть.**

Повелительное наклоненіе: *Ед. ч. 2 л.*: **бѫдн.**
Дв. ч. 1 л. **бѫд-ѣ-вѣ** *2 л.* **бѫд-ѣ-та**
Мн. ч. 1 л. **бѫд-ѣ-мъ.** *2 л.* **бѫд-ѣ-те.**

Причастіе прошедш. времени *склоняемое:*
бывъ, бывъшн, бывъ;
несклон.: *Ед. ч.* **былъ, была, было.**
Дв. ч. **была, былѣ, былѣ.**
Мн. ч. **былн, былы, была.**

Сложныя времена.

Аористъ.

ѥсмь / **ѥс-н** / **ѥсть**	**былъ, а, о**	**ѥсвѣ** / **ѥста** / **ѥста**	**была, -ѣ, -ѣ**	**ѥсмь** / **ѥсте** / **сѫть**	**былн -ы, -а.**

Преходящее.

1. **бѣахъ**	**былъ**	**бѣаховѣ**	**была**
2 и 3. **бѣаше**	**-а, о**	**бѣаста**	**-ѣ, -ѣ**

бѣахомъ
бѣасте } **былн, -ы, -а.**
бѣахѫ

Прошедшее условное.

быхъ, бы, бы	былъ, -а, -о	быховѣ, быста, —	была, -ѣ, -ѣ
быхомъ, бысте, бы-шѧ	были, -ы, -а.		

Будущее условное.

бѫдѫ былъ, -а, -о и т. д.
бѫдевѣ была, ѣ, ѣ и т. д.
бѫдемъ были, ы, -а и т. д.

Сходно съ этимъ глаголомъ спрягаются глаголы: **вѣмь, ꙗмь, дамь** и въ наст. вр. **имамь.**

Кромѣ указанныхъ въ глаголѣ **быти** формъ, они имѣютъ наклоненіе достигательное: **вѣд-ѣтъ, датъ, ꙗстъ.**

Повелительное наклоненіе имѣютъ: **вѣждь, даждь, ꙗждь.**

Образецъ измѣненія глаголовъ I-го спряженія.

Неопредѣленное наклон.— **нес-ти**
Достигательное накл.— **нес-тъ.**

Повел. накл.	*Ед. ч.* 2. **неси**		*Мн. ч.*
	Дв. ч. 1. **нес-ѣ-те**		1. **нес-ѣ-мъ**
	2 и 3. **нес-ѣ-та**		2. **нес-ѣ-те.**

Изъявительное наклоненіе.

	Ед. ч.	*Дв. ч.*	*Мн. ч.*
Наст. вр.	**нес-ѫ**	**нес-е-вѣ**	**нес-е-мъ**
	нес-еши	**нес-е-та**	**нес-е-те**
	нес-е-ть	**нес-е-та**	**нес-ѫть.**

Аористъ.

нес-о-хъ	**нес-о-х-о-вѣ**	**нес-о-х-о-мъ**
нес-е	**нес-о-с-та**	**нес-о-с-те**
нес-е	**нес-о-с-та**	**нес-о-шѧ.**

Преходящее.

нес-ѣа-хъ	**нес-ѣа-х-о-вѣ**	**нес-ѣа-х-о-мъ**
нес-ѣа-ше	**нес-ѣа-с-та**	**нес-ѣа-с-те**
нес-ѣа-ше	**нес-ѣа-с-та**	**нес-ѣа-хѫ.**

Времена: прошедшія сложныя, будущее и условное накл. сходны съ образованіемъ въ глаголѣ **быти** (вмѣсто **былъ** — **неслъ**).

Причастіе дѣйствительное: *наст. вр.* **несы,** *прошедш. вр.* **несъ,** а несклоняемое: **нес-лъ.**

Страдат. формы наст. вр. **нес-о-мъ**
» » *прош. вр.* **нес-е-нъ.**

Образецъ измѣненій глаголовъ II-го спряженія.

1. Неопредѣленное наклон.: **люб-н-ти.**
2. Достигательное наклон.: **люб-н-тъ.**
3. Повелит. накл. *Ед. ч.* 2 л. **люби**
Дв. ч. 1. **люб-н-вѣ**
2 и 3. **люб-н-та.**
Мн. ч. 1. **люб-н-мъ**
2. **люб-н-те.**

4. Изъявительное наклоненіе.

Настоящее время.

люблѭ	**люб-н-вѣ**	**люб-н-мъ**
люб-н-ши	**люб-н-та**	**люб-н-те**
люб-н-ть	**люб-н-та**	**люб-ѧть.**

Аористъ.

люб-н-хъ	**люб-н-х-о-вѣ**	**люб-н-х-о-мъ**
люб-н	**люб-н-с-та**	**люб-н-с-те**
люб-н	**люб-н-с-та**	**люб-н-ш-ѧ.**

Преходящее.

любл-ꙗа-хъ	**любл-ꙗа-х-о-вѣ**	**любл-ꙗа-х-о-мъ**
любл-ꙗа-ше	**любл-ꙗа-с-та**	**любл-ꙗа-сте**
любл-ꙗа-ше	**любл-ꙗа-с-та**	**любл-ꙗа-хѫ.**

Времена: будущее, прошедшія сложныя и условное наклоненіе образуются по глаголу **быти.**

Причастія: *дѣйств.* наст. вр. **любѧ.**
Прошедш. вр.: I — **любивъ,**
а II (нескл.) **любилъ.**
Страдат. наст. вр. **любимъ.**
Прош. вр. **любл-е-нъ.**

Образецъ измѣненій глаголовъ страдательнаго залога.

Неопредѣленнаго наклон. **быти любимоѹ**
(Ср. р. **быти любимо**).

Изъявительное наклоненіе.

Наст. вр. **юсмь, юси, юсть** } **любимъ, -а, -о**; **юсвѣ, юста, юста** } **любима, -ѣ, -ѣ**
юсмъ, юсте, сѫть } **любими, -ы, -а.**

Аористъ. Ед. ч. **быхъ любимъ, -а, -о и т. д.**
Мн. ч. **быхомъ любими, -ы, -а и т. д.**
Дв. ч. **быховѣ любима, -ѣ, -ѣ и т. д.**
Преходящее **бѣахъ любимъ, -а, -о и т. д.**
Будущее **бѫдѫ любимъ, -а, -о и т. д.**
Повелител. накл. **бѫди любимъ, -а, о и т. д.**

Чтобы образовать формы совершеннаго времени, употребляется съ вспомогательнымъ глаголомъ **быти** причастіе прошедшаго времени спрягаемаго глагола: **быти любленоу**. Страдательный залогъ образуется также чрезъ прибавленіе **ся** къ формѣ дѣйствительной: **сказаіеться**.

Неизмѣняемыя части рѣчи.

Къ неизмѣняемымъ частямъ рѣчи, какъ и въ современномъ русскомъ языкѣ, относились 1) *нарѣчіе.*

Однѣ нарѣчія сложныя или производныя, другія простыя или первоначальныя.

Къ простымъ относятся: **оу** (съ частицей **не = неоу**) (съ союзомъ **же = оуже**); **не, нѣ, ни.**

Къ производнымъ относятся образуемыя отъ всѣхъ измѣняемыхъ частей рѣчи: **добрѣ** (отъ **добръ**), **вънезапѫ, дважьды, сь-де, къ-де, полъма**, отъ существ. **вьчера, кром-ѣ, междѫ, тъч-ьѭ, горѣ**; отъ прилагательныхъ: **ꙁълѣ, латиньск-ы**. Слова сложныя: **искони, негли, иꙁ-прьва, въсъкѫдѣ, оуже.**

2) *Предлоги* въ древне-славянскомъ языкѣ были тѣ же, что и въ русскомъ.

Предлогъ **съ = сѫ**, предлогъ современный **вы** замѣнялся **иꙁъ: иꙁъгнати** = выгнать.

Предлогъ **въꙁ** употреблялся иногда отдѣльно отъ того слова, при которомъ стоялъ, — **въꙁ чьто** = за что.

3) *Союзовъ* въ древне-славянскомъ было больше, чѣмъ въ современномъ. Таковы: **бо, оубо, али, аще, ꙁане, нели, поне** и современные русскіе: **и, да...** Союзы производные: **єдин-ако, ѥ-же, оубо.**

Междометія были почти тѣ же и образовывались такъ же, что и въ современномъ языкѣ: **оуа! оувы! ѡ!**

Особенности древне-славянскаго синтаксиса.

Въ современномъ русскомъ языкѣ, при оборотахъ рѣчи, стоящій въ настоящемъ времени вспомогательный глаголъ обыкновенно выпускается, въ древне-славянскомъ же языкѣ не выпускался — **мы слѣпи юсмъ.**

При подлежащемъ — имени собирательномъ, глаголъ въ русскомъ современномъ языкѣ обыкновенно стоитъ въ единственномъ числѣ, напр.: стая гусей кричала, а въ древне-славянскомъ языкѣ стояло въ числѣ множественномъ: **народъ глаголахѫ.**

Изъ двухъ прилагательныхъ, соединенныхъ союзомъ, въ древне-славянскомъ языкѣ одно ставилось въ полной, а другое въ краткой формѣ: **блажени не видѣвъшеи и вѣровавъше.**

Вмѣсто изъявительнаго наклоненія нерѣдко глаголъ употреблялся въ формѣ причастія дѣйствительнаго залога: **не вѣдать бо ся, чьто творяще.**

Употребленныя вмѣсто имени существительнаго прилагательныя, мѣстоименія и причастія ставились въ среднемъ родѣ множественнаго числа, напр. **моꙗ вьсꙗ твоꙗ сѫть и твоꙗ моꙗ** (русск. *„все твое — мое“*).

Мѣстоименіе *ся*, употребляемое въ русскомъ языкѣ нераздѣльно отъ глаголовъ въ древне-славянскомъ языкѣ ставилось отдѣльно, или впереди глагола, и даже отдѣлялось дополненіемъ: **молимъ ти ся.** Два глагола, оканчивающіеся на *ся*, если соединялись въ одномъ предложеніи, то при второмъ — **ся** опускалось: **начать ротитися и клати.**

Для выраженія негодованія и сожалѣнія при междометіи **ѡ** употреблялся падежъ родительный или дательный: **ѡ жидовскь-скааго!**

Въ древне-славянскомъ нарѣчіи вмѣсто творительнаго падежа употреблялся именительный, или винительный при глаголѣ **бытн** въ неопред. наклоненіи, а также и при глаголахъ: **нарицати, творнтн,** когда они употреблены были въ залогѣ страдательномъ: **нѣсть достонмъ нарещнса сынъ твон.**

Дѣйствительный залогъ указанныхъ глаголовъ требуетъ дополненія въ падежѣ винительномъ. При глаголахъ, означающихъ дѣйствіе поступательное, употреблялось наклоненіе достигательное съ дополненіемъ въ родительномъ падежѣ: **иджловнть рыбъ** (род. пад.).

На вопросъ *куда?* для выраженія движенія въ древне-славянскомъ нарѣчіи употреблялся дательный падежъ безъ предлога, такъ называемый дательный мѣста.

Родительный-раздѣлительный употреблялся съ предлогомъ **отъ** (вмѣсто русскаго **изъ**) и безъ предлога: **ієдинъ отъ васъ; комоужьдо насъ.** Когда рѣчь шла о мѣстѣ или времени, употреблялся мѣстный падежъ безъ предлога: **нсцѣлѣ отрокъ томь часѣ.**

При глаголахъ: **хотѣтн, сѧднтн, надѣꙗтнса, одолѣтн, трьпѣтн** употреблялся падежъ дательный, вмѣсто родительнаго и винительнаго, употребляемыхъ въ этомъ случаѣ въ современномъ русскомъ языкѣ.

Дательный самостоятельный. Когда въ предложеніяхъ, выражающихъ обстоятельства времени, подлежащія были различны въ главномъ и придаточномъ предложеніи, въ старо-славянскомъ нарѣчіи имѣла мѣсто форма сокращенія предложеній — дательный самостоятельный. При этомъ союзъ, соединяющій главное предложеніе съ придаточнымъ, опускался, подлежащее придаточнаго предложенія ставилось въ дательномъ падежѣ, а сказуемое — глаголъ обращался въ причастіе и согласовался съ дательнымъ подлежащаго, напр. **въходащоу ІѴсви въ вьсь нѣкѫѭ, сърѣте єго прокаженъ мѫжь.**

Руководство къ чтенію, переводу и грамматическому разбору текста „Остромирова Евангелія".

Іисоусоу рождьшоуса въ Внѳлеємѣ Іоудеистѣємь, въ дьни Ирода цесарꙗ, се, вльсвн отъ въстока прндоша въ Ієроусалнмъ, глаголѭще:

Къде ієсть рождиися цесарь Іоудеискъ; видѣхомъ бо ꙁвѣꙁдѫ ієго на въстоцѣ, н прндохомъ поклоннтъса іємоу.

Оуслышавъ же Иродъ цесарь съматеса, н вьсь Ієроусалнмъ съ нимь.

И съвьравъ вьса архиєрєꙗ н кънижьникы людьскыꙗ, въпрашааше ꙗ: къде Христосъ раждаієтьса;

Они же рекоша іємоу: въ Внѳлеємѣ Іоудеистѣємь. Тако бо писано ієсть пророкъмь:

И ты, Внѳлеємє, ꙁемлє Іоудова, ничимьже мьньши ієсн въ владыкахъ Іоудовахъ: нꙁъ тебе бо нꙁьидеть владыка, иже оупасеть люди моꙗ Иꙁраилꙗ.

Читается такъ:

Іисусу рождьшуся въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ въ дьни Ирода цесаря се волсви отъ востока придоша въ Іерусалимъ, глаголюще:

Гдѣ есть рождійся цесарь іудейскъ; видѣхомъ бо звѣзду его на востоцѣ и придохомъ поклонится ему.

Услышавъ же Иродъ цесарь смятеся, и весь Іерусалимъ съ нимь.

И собьравъ вся архіерея и книжникы людскыя, вопрашааше я: гдѣ Христосъ рождаеться;

Они же рекоша ему: въ Виѳлеемѣ іудейстѣмъ. Тако бо писано есть пророкомь.

И ты, Виѳлееме, земле Іудова, ничимьже меньши еси во владыкахъ Іудовахъ: изъ

тебе бо изойдеть владыка, иже упасеть люди моя Израиля.

Переводится такъ:

Когда же Іисусъ родился въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ, во дни царя Ирода, пришли въ Іерусалимъ волхвы съ востока и говорятъ:

Гдѣ родившійся царь Іудейскій? ибо мы видѣли звѣзду Его на востокѣ и пришли поклониться Ему.

Услышавъ это, Иродъ царь встревожился, и весь Іерусалимъ съ нимъ.

И, собравши всѣхъ первосвященниковъ и книжниковъ народныхъ, спрашивалъ у нихъ: гдѣ *должно* родиться Христу?

Они же сказали ему: въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ: ибо такъ написано чрезъ пророка:

И ты, Виѳлеемъ, земля Іудина, ничѣмъ не меньше воеводствъ Іудиныхъ, ибо изъ тебя произойдетъ вождь, который упасетъ народъ мой, Израиля.

Образецъ разбора (по Буслаеву).

рождьшоуса прич. прош. вр. дѣйств. зал., отъ гл. **роднти-са**, съ смягченіемъ *д* въ *жд;* дат. п. ед. ч. въ краткой формѣ — **Иоудейстѣемь**, въ муж. р. мѣст. п. въ полной формѣ: *ст* смягченно изъ *ск:* **Иоудейскъ** — дательный самостоятельный. — **дьнн** отъ **дьнь**, *день ъ=е.*—**цесарь**—*царь.*— **влъсвн** именит. мн. ч., смягченно, въ отличіе отъ винит. **влъхвы**, **влъхвъ**—*волхвъ: ъ=о; ъ* послѣ плавн. *л.*—**въстокъ**—*востокъ: ъ=о;* уже въ древн. цс. *възъ* ассимилировалось въ *въс* и утратило *ъ* на концѣ.— **прндоша** (вм. **прнидоша**), съ **а**; въ нов. съ **а**: прїидоша.—**глаголюще** прич. наст. дѣйств. зал. множ. ч. муж. р., въ краткой формѣ, отъ **глагола**, въ нов. глаголюще.

къде — *гдѣ: к* перешло въ *г;* состоитъ изъ **къ** и **де**.—**рождннса** полная форма отъ краткой **рождьса**.—**звѣздж** съ **ж**.—**юго** съ смягченнымъ, или іотированнымъ **ю**. — **въстоцѣ**: *ц* смягчено изъ *к.*—**поклоннтъса** достигат. наклоненіе, или супинумъ, при глаголѣ, означающемъ движеніе; въ нов. просто неопред. наклоненіе поклонитися.

оуслышавъ прич. прош. вр. дѣйств. зал. ед. ч. муж. р. им. п.; у насъ перешло въ дѣепричастіе.—**съматеса**—прош. вр. ед. ч. 3-го л. отъ гл. **съмастнса**; 1-е л. ед. ч. **съматохъса**; съ предлог. **съ**, корень **мат**: *т* переходитъ въ *с,* въ **мас-тн**; въ новомъ смутися, по древнему начертанію было бы: **съмжтнса** (1-е л. **съмжтнхъса**): корень **мат**, черезъ усиленіе, или подъемъ **а** въ **ж**,— переходитъ въ **мжт**, откуда *мут-ный, мутить.*—**вьсь**—*весь,* **вьсꙗ**—*вся: ь=е.*—**съ нимь**—*съ нимъ.*

събьракъ прич. прош. вр. дѣйст. зал. муж. р. ед. ч. имен. пад., въ кратк. формѣ; у насъ дѣепричастіе: съ предлогомъ *съ,* отъ **бьр-атн**: *ь* усиливается въ *и,* въ формѣ **бнр-атн**, *со-бирать* въ новомъ, какъ и въ рус., безъ *ъ.*— **вьса**: **а** знакъ вин. п. множ. ч. муж. род., какъ и въ слѣд. словѣ.— **кънижьннкы**: отъ слова **кънига**, съ суффиксами *н:* **кънинж-ь-н-ъ**, и -**нкъ**: **кънинж-ь-н-нкъ**: *г* передъ *ь* смягчается въ *ж,* на концѣ **ы** знакъ вин. п. мн. ч. муж. р., какъ въ словѣ **влъхвы**. Въ новомъ книжники: *и* соединено съ *к,* противъ свойствъ славянскаго языка. — **людьскыꙗ**: *ь* отдѣляетъ корень **люд** отъ окончанія **-скый**, **ꙗ** знакъ вин. п. мн. ч. муж. р.: въ нов. людскїѧ: пропущено *ь,* и *и* опять соединено съ *к,* какъ принято въ русскомъ языкѣ. — **въпрашааше** продолженная форма преход. вр. ед. ч. 3-го л. — **ꙗ** вин. п. мн. ч. муж. р. отъ мѣстом. **и**, **ꙗ**, **ѥ** — *раждати* отъ *родити: о* усиливается въ *а.*

пророкъмь — твор. пад. ед. ч., *пророкомъ;* отъ гл. **рек-ж**, съ усиленіемъ *е* въ *о: рокъ.*

Внѳлеѥме зв. п. ед. ч. отъ формы муж. р. **Внѳлеѥмъ**. — **земле** зв. п. ед. ч. — *Іуд-овъ,* въ рус. переводѣ *Іуд-инъ,* отъ *Іуда.* — **чнмь** — чѣмъ. — **мьньшн** женск. р. ед. ч. им. п. отъ прилаг. въ сравн. ст. **мьнин**. — **Иоудовахъ** въ кратк. формѣ, а въ нов. Їудовыхъ — въ полной, вм. **Иоудовънхъ**. — **Изранлꙗ** — съ простымъ **ꙗ**; ибо это род. п. муж. р. ед. ч.; въ нов. стоитъ **а** безъ всякой причины.

ГРАММАТИКА
НОВАГО ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА.

(Сост. П. Заведеевъ).

Новымъ церковно-славянскимъ языкомъ называется тотъ самый языкъ, на которомъ написаны въ настоящее время всѣ богослужебныя книги въ Православной церкви и книги Священнаго Писанія; вообще тотъ, который употребляется въ церковной практикѣ Православной церкви. Онъ есть не что-нибудь, отличное отъ языка древне-славянскаго, но лишь представляетъ собой видоизмѣненіе древняго языка подъ вліяніемъ языка русскаго, почему называется новымъ.

Азбука новаго церковно-славянскаго языка.

Изображеніе.	Произношеніе.	Названіе.	Изображеніе.	Произношеніе.	Названіе.
А а	а	азъ	Т т	т	твердо
Б б	б	буки	Оу оу, ꙋ	у	укъ
В в	в	вѣди	Ф ф	ф	фертъ
Г г	г	глаголь	Х х	х	хѣръ
Д д	д	добро	Ѿ ѿ	отъ	отъ
Є є	е	есть	Ц ц	ц	цы
Ж ж	ж	живѣте	Ч ч	ч	червь
Ѕ ѕ	з	зѣло	Ш ш	ш	ша
З з	з	земля	Щ щ	щ	ща
И и	и	иже	Ъ ъ	ъ	еръ
І ї	і	і	Ы ы	ы	еры
К к	к	како	Ь ь	ь	ерь
Л л	л	люди	Ѣ ѣ	ѣ	ять
М м	м	мыслѣте	Ю ю	ю	ю
Н н	н	нашъ	Ꙗ ꙗ	я	я
О о	о	онъ	Ѧ ѧ	я	юсъ
Ѡ ѡ	о	о	Ѯ ѯ	кс	кси
П п	п	покой	Ѱ ѱ	пс	пси
Р р	р	рцы	Ѳ ѳ	ѳ	ѳита
С с	с	слово	Ѵ ѵ	и, в	ижица.

Произношеніе и употребленіе нѣкоторыхъ буквъ въ церковно-славянскомъ языкѣ.

1. Буква г, когда стоитъ передъ гортанными г, к, х, произносится какъ *н;* напр. а҆́ггелъ (ангелъ).

2. Буквы Є (большая) и є (малая) произносятся одинаково, но первая употребляется только въ началѣ словъ, а вторая въ срединѣ и концѣ; напр. Є҆́зеро, по́ле.

3. Буква ѕ употребляется только въ немногихъ словахъ церковно-славянскаго языка и произносится одинаково съ буквой з: ѕло̀, ѕѣло̀, ѕелїе, ѕла́къ, ѕвѣ́рь.

4. Буква ї произносится и употребляется такъ же, какъ русское *і*. Но кромѣ употребленія передъ гласными, она употребляется и передъ согласными въ словахъ иностранныхъ; напр. ї҆рмо́съ (слово греческое, означающее пѣснопѣніе по опредѣленному напѣву), ї҆матї́сма — верхняя одежда (слово греческое).

5. Буква ѡ употребляется въ началѣ нѣкоторыхъ славянскихъ словъ и въ словахъ иностранныхъ, напр. ѡ҆са́нна (евр. слово) = спаси, ѡ҆та́й = тайно, и҆ге́мѡнъ (греч. слово) = начальникъ области. Употребляется также въ словахъ для отличія формъ, напр. село́мъ (творит. пад. ед. числа) и селѡ́мъ (дат. п. мн. числа).

6. Буквы: ѹ, у, ꙋ произносятся, какъ *у*. Буква ѹ пишется въ началѣ словъ, а ꙋ въ срединѣ и концѣ; напр. ѹ҆брꙋ́съ = платокъ.

7. Буква ѿ, сложная изъ ω и т, произносится *от.*

8. ѯ состоитъ изъ *к-с,* а ѱ изъ *п-с;* напр. ѱалóмъ.

9. Буква ꙗ употребляется въ началѣ словъ, а ѧ въ концѣ; напр. ꙗ҆́рмо, и҆́мѧ.

10. Буква ѵ произносится предъ согласной, какъ *и;* напр. ѵ҆ссѡ́пъ. Передъ гласными какъ *в;* напр. є҆ѵⷢ҇гелїе (евангеліе).

Знаки сверхстрочные въ церковно-славянскомъ языкѣ.

1. Удареній въ церковно-славянскомъ языкѣ три: острое (´)—оксія, тяжелое (\`)—варія, и облеченное (῀)—камóра.

Острое (´) ставится въ началѣ и срединѣ словъ, а также и въ концѣ, если окончаніе согласное; напр. пóле, чл҃вѣ́къ, И҆́родъ.

Тяжелое удареніе (\`) ставится въ тѣхъ словахъ, которыя оканчиваются гласной и на ней имѣютъ удареніе; напр. менѐ, чꙋдесà.

Облеченное ставится въ падежахъ двойственнаго и множественнаго числа, когда они сходны съ падежами числа единственнаго; напр. кра̑й (родит. множ. числа) и крáй (имен. един. числа), селѣ̑ (двойственное число имен. пад.) и селѣ́ (предлож. ед.).

2. Придыханій два: тонкое (҆) и густое (҅).

Густое ставится въ началѣ слова надъ буквой ѵ; напр. ѵ҅постáсь.

Тонкое ставится въ началѣ словъ надъ прочими гласными, напр. и҆мы́й, ᲂу҆́тренюю, и҆ꙋдѣйскїй.

3. Въ церковно-славянскомъ языкѣ для обозначенія сокращенія начертанія употребляются титла. Титло бываетъ простое (҃), означающее пропускъ въ словѣ гласной буквы; напр. гл҃голъ, и буквенное, которое означаетъ, что въ словѣ пропущена на ряду съ гласной — согласная. Упускаться могутъ не всѣ согласныя, а только нѣкоторыя: ⷢ҇, ⷣ҇, ⷪ҇, ⷬ҇, ⷭ҇, ⷮ҇), отсюда и названіе буквеннаго титла: глаголь-титло, добро-титло, онъ-титло, рцы-титло, слово-титло, твердо-титло. Буквенныя титла иногда могутъ замѣняться простыми. Подъ титлами пишутся не всѣ слова, а только нѣкоторыя, наиболѣе уважаемыя, напр. Гдь, Єѵⷢ҇лїе, Бл҃гца и отъ нихъ производныя, напр. Гдⷭ҇нь, А҆пⷭ҇лскїй.

4. Употребляется еще надстрочный знакъ ерокъ (ꙿ), который ставится иногда вмѣсто пропущеннаго *ъ;* напр. изꙿ грáда.

Примѣчаніе. Строчные знаки въ церковно-славянскомъ языкѣ тѣ же, что и въ русскомъ.

Особенность состоитъ въ томъ, что знакъ вопроса (?) изображается точкой съ запятой (;), а восклицательный—замѣняется запятой или точкой; напр. Оу҆чи́телю, что̀ сотворю̀, да живóтъ вѣ́чный наслѣ́дꙋю;

Раздѣленіе звуковъ.

Всѣ звуки церковно-славянскаго языка дѣлятся на: гласные, согласные и полугласные.

Гласные различаются—твердые: а, о, оу, ы и мягкие: ꙗ, ѧ, е, ѣ, ю, и, ѵ.

Согласные дѣлятся по органамъ произношенія на гортанные: к, г, х; губные: п, б, ф, в; зубные: т, д, с, з, ц; небные: ш, ж, ч, щ; язычные: р, л и носовые: м, н. Буквы: р, л, м, н называются еще плавными.

Измѣненіе звуковъ.

Съ гласными и согласными звуками происходятъ тѣ же измѣненія, что и въ русскомъ языкѣ, напр. *переходъ* одной буквы въ другую, *усиленіе*, *смягченіе* и т. п.

Коренные гласные при образованіи словъ могутъ усиливаться:

е въ о, напр. ведꙋ — водити,
о „ а, „ творити — тварь,
и „ ѣ, „ видѣти — вѣдѣти,
ѧ „ ꙋ, „ смѧтеніе — смꙋта.

Губные согласные звуки смягчаются и послѣ себя принимаютъ букву л, напр. любити — люблю.

Гортанные смягчаются: к въ ч и ц, напр. праздникъ, — празднице, — праздницѣ; г смягчается въ ж и з, погрꙋжати — погрꙋзити, благъ — блажити; х въ ш и с: дꙋхъ, дꙋше, о дꙋсѣ.

Зубные смягчаются: т въ щ: свѣтъ — свѣща, д въ жд: ходити — хождꙋ.

Части рѣчи.

Въ церковно-славянскомъ языкѣ частей рѣчи столько же и онѣ тѣ же, что и въ русскомъ языкѣ.

Имя существительное.

Всѣ существительныя раздѣляются на пять склоненій: къ I принадлежатъ имена мужескаго рода на ъ, ь, й; ко II имена средняго рода на о, е; къ III имена женскаго рода на а, ѧ; къ IV имена женскаго рода на ь; къ V имена средняго рода на мѧ, а также принимающія суффиксы въ косвенныхъ падежахъ.

Падежи тѣ же, что и въ русскомъ языкѣ.

Въ церковно-славянскомъ языкѣ кромѣ единственнаго и множественнаго есть еще *двойственное* число.

Имена съ окончаніемъ на ъ, о, а — склоненія твердаго, остальныя — мягкаго.

Образцы измѣненія именъ I склоненія.

	Ед. число.	*Множ. число.*
И.	пророкъ	пророцы
Р.	пророка	пророкωвъ и пророкъ
Д.	пророкꙋ	пророкωмъ
В.	пророка	пророцы
З.	пророче	пророцы
Т.	пророкомъ	пророки
П.	пророцѣ	пророцѣхъ

Двойств. число.

И. В. З.	пророка
Р. П.	пророкꙋ
Д. Т.	пророкома.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*	*Двойств. ч.*	
И.	врачь	врачи	*И. В. З.*	врача
Р.	врача	врачей	*Р. П.*	врачꙋ
Д.	врачꙋ	врачамъ	*Д. Т.*	врачема.
В.	врача	врачей		
З.	врачꙋ	врачи		
Т.	врачемъ	врачи		
П.	врачѣ	врачѣхъ		

	Ед. ч.	*Мн. ч.*	*Двойств. ч.*	
И.	край	краи	*И. В. З.*	краѧ
Р.	краѧ	край	*Р. П.*	краю
Д.	краю	краемъ	*Д. Т.*	краема.
В.	край	краѧ		
Т.	краемъ	краи		
П.	краи	краѧхъ		
З.	краю	краи		

Въ дательномъ падежѣ единственнаго числа нѣкоторыя имена имѣютъ окончаніе -ови, -еви: цар-еви, бог-ови.

Звательный един. ч. въ именахъ на ъ, й оканчивается на е, при этомъ происходитъ смягченіе: пророче. Имена на ь имѣютъ зват. п. на ю, ꙋ, а имена собственныя на й имѣютъ на е.

Гортанные звуки въ предложн. пад. един. ч. и въ именит. и зват. множ. ч. смягчаются, но въ винит. и творит. множ. остаются безъ перемѣны.

Большія буквы ѡ и ѥ употребляются во множественномъ числѣ, когда формы созвучны съ единственнымъ числомъ, гдѣ употребляются о и е. Въ единственномъ числѣ употребляется острое и тяжелое удареніе, а во множ. облеченное. Въ родительномъ падежѣ един. числа встрѣчается иногда окончаніе ꙋ, вмѣсто а, а въ именительномъ и звательномъ множ. числа — окончаніе -ове, еве, їе, е, ра́кове, фарисе́ѥ, дѣлателе.

Образцы измѣненія именъ II склоненія.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Двойств. ч.
И.	крило̀	кри́ла	И. В. З. крилѣ̀
Р.	крила̀	кри́лъ	Р. П. крилꙋ̀
Д.	крилꙋ̀	крилѡ́мъ	Д. Т. крило́ма.
В.	крило̀	кри́ла	
З.	крило̀	кри́ла	
Т.	крило́мъ	кри́лы	
П.	крилѣ̀	крилѣ́хъ	

Мягкое.

	Един. ч.	Множ. ч.
И.	мо́ре	мора̀
Р.	мо́ря	море́й
Д.	мо́рю	море́мъ (мора́мъ)
В.	мо́ре	мора̀
Т.	мо́ремъ	мора̀
П.	мо́рѣ	мо́ри (мора́ми)
З.	мо́ре	море́хъ (мора́хъ)

Двойств. число.

И. В. З. мо́ри
Р. П. мꙋ́рю
Д. Т. мо́рема.

Образцы измѣненій III склоненія.

Твердое.

	Един. ч.	Множ. ч.
И.	нога̀	но́ги
Р.	ногѝ	но́гъ
Д.	ногѣ̀	нога́мъ
В.	но́гꙋ	но́ги
З.	ного̀	но́ги
Т.	ного́ю	нога́ми
П.	ногѣ̀	нога́хъ (-ѣхъ)

Двойств. число.

И. В. З. ногѣ̀
Р. П. ногꙋ̀
Д. Т. нога́ма.

Мягкое.

	Един. ч.	Множ. ч.
И.	ски́нїа	ски́нїй
Р.	ски́нїи	ски́нїй
Д.	ски́нїи	ски́нїамъ
В.	ски́нїю	ски́нїи
З.	ски́нїа	ски́нїи
Т.	ски́нїею	ски́нїами
П.	ски́нїи	ски́нїахъ

Двойств. число.

И. В. З. ски́нїи
П. Р. ски́нїю
Д. Т. ски́нїама.

Существительныя на -ына и -їа имѣютъ звательный падежъ сходный съ именительнымъ.

Существительныя на а съ предыдущею шипящей предложный пад. имѣютъ на и, а творительный падежъ на -ею, о добы́чи, добы́чею.

Образцы измѣненій IV склоненія.

Един. число.

И.	сѣ́нь	за́повѣдь
Р.	сѣ́ни	за́повѣди
Д.	сѣ́ни	за́повѣди
В.	сѣ́нь	за́повѣдь
З.	сѣ́нь	за́повѣдь
Т.	сѣ́нїю	за́повѣдїю
П.	сѣ́ни	за́повѣди

Множ. число.

И.	сѣ́ни	за́повѣди-їе
Р.	сѣ́ней	за́повѣдїй (ей)
Д.	сѣ́немъ	за́повѣдемъ
В.	сѣ́ни	какъ именит.
З.	сѣ́ни	
Т.	сѣ́ньми	за́повѣдьми(и)
П.	сѣ́нехъ	за́повѣдехъ

Двойств. число.

И. В. З.	сѣ́ни	за́повѣди
Р. П.	сѣ́нїю	за́повѣдїю
Д. Т.	сѣ́ньма	за́повѣдема.

Примѣчаніе. По образцу за́повѣдїе склоняется слово лю́дїе. Слово Госпо́дь въ родительномъ, дательномъ и предложномъ—склоняется по I склоненію, а въ остальныхъ падежахъ по IV; зват. Го́споди, им. мн. Госпо́дїе.

Образцы измѣненій именъ V склоненія.

Един. число.

И.	и́мѧ	сло́во	жребѧ̀
Р.	и́мене	словесѐ	жребѧ́те
Д.	и́мени	словесѝ	жребѧ́ти
В.	и́мѧ	сло́во	жребѧ̀
Т.	и́менемъ	словесе́мъ	жребѧ́темъ
П.	и́мени	словесѝ	жребѧ́ти
З.	и́мѧ	сло́во	жребѧ̀

Един. число.

И.	дщѝ	любы̀ (-о́вь)
Р.	дще́ре	любвѐ (-о́ве)
Д.	дще́ри	люб(о́)ви
В.	дще́рь	любо́вь
Т.	дще́рїю	любо́вїю
П.	дще́ри	люб(о́)ви
З.	дщѝ	

Множ. число.

И.	имена̀	словеса̀	жребѧ́та
Р.	имѐнъ	слове́съ	жребѧ́тъ
Д.	именѡ́мъ	словесе́мъ	жребѧ́тѡмъ-емъ
В.	имена̀	словеса̀	жребѧ́та
Т.	имены̀	словесы̀	жребѧ́ты-ами
П.	именѣ́хъ	словесѣ́хъ	жребѧ́техъ
З.	имена̀	словеса̀	жребѧ́та

И.	дще́ри	любо́ви
Р.	дще́р-ей-їй	любо́вей
Д.	дще́ремъ	лкбо́камъ
В.	дще́рей	любо́вей
Т.	дще́рьми	любо́вами
П.	дще́рехъ	любо́вахъ
З.	дще́ри	любо́ви.

Двойств. число.

И. В. З.	имени	словеси́	жребѧ́ти
Р. П.	имену	словесу	жребѧту
Д. Т.	именѣ́ма-а́ма	словесе́ма	жребѧ́тема

И. В. З.	дще́ри	любо́ви
Р. П.	дще́рїю	любо́вїю
Д. Т.	дще́рема	любовама.

По образцу и́мѧ склоняется зна́мѧ, времѧ̀ и другія, принимающія наращеніе ен въ родит. и проч. падежахъ. Существительное сло́во, когда означаетъ второе лицо Святой Троицы Сына Божія, склоняется безъ наращенія.

По образцу жребѧ̀ склоняются имена, означающія названія молодыхъ животныхъ, напр. ѻслѧ̀, а также слово ѻтроча̀.

По образцу дщѝ склоняется ма́ти.

По образцу любꙑ̀ склоняется свекрꙑ̀ и другія имена, у которыхъ бываетъ еще окончаніе -овь: свекро́вь.

Слово нѐбо склоняется и по: сло́во и по второму склоненію (въ един. ч.).

Слова: о҆́ко и ᲂу҆́хо имѣютъ двойств.: о҆́чи, ᲂу҆́ши; о҆чі́ю, ᲂу҆ші́ю; о҆чи́ма, ᲂу҆ши́ма.

Имя прилагательное.

Имена прилагательныя раздѣляются на краткія (неопредѣленныя) и полныя (опредѣленныя).

Прилагательныя неполныя или краткія склоняются по образцамъ именъ существительныхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ падежей (твор. пад. един. и дат. и предл. множ.).

Краткое склоненіе.

Един. число.

		Муж.	*Жен.*	*Сред.*
Твердое.	*И.*	ста́ръ	стара̀	старо̀
	Р.	стара̀	старꙑ̀	стара̀
	Д.	старꙋ̀	старѣ̀	старꙋ̀
	В.	ста́ръ -а	старꙋ̀	старо̀
	Т.	ста́рымъ	ста́рою	ста́рымъ
	П.	старѣ̀	старѣ̀	старѣ̀
	З.	ста́ръ -е	стара̀	старо̀

		Муж.	*Жен.*	*Сред.*
Мягкое.	*И.*	вы́шнь	вы́шнѧ	вы́шнє
	Р.	вы́шнѧ	вы́шни	вы́шнѧ
	Д.	вы́шню	вы́шни	вы́шню
	В.	вы́шнь -ѧ	вы́шню	вы́шнє
	Т.	вы́шнимъ	вы́шнєю	вы́шнимъ
	П.	вы́шнѣ	вы́шни	вы́шнѣ
	З.	вы́шнь	вы́шнѧ	вы́шнє

Множ. число.

	Муж.	*Жен.*	*Сред.*
З. И.	ста́ри	старꙑ̀	стара̀
Р.	ста́ръ	во всѣхъ родахъ	
Д.	ста́рымъ		
В.	старꙑ̀	старꙑ̀	стара̀
Т.	старꙑ̀	старꙑ́ми	старꙑ̀
П.	ста́рыхъ	во всѣхъ родахъ	

	Муж.	*Жен.*	*Сред.*
З. И.	вы́шни	вы́шни	вы́шнѧ
Р.	вы́шнь	во всѣхъ родахъ	
Д.	вы́шнимъ		
В.	вы́шни	вы́шни	вы́шнѧ
Т.	вы́шни	вы́шними	вы́шни
П.	вы́шнихъ	во всѣхъ родахъ	

Двойств. число.

	Муж.	*Жен.*	*Сред.*
И. В. З.	стара̀	старѣ̀	старѣ̀
Р. П.	старꙋ̀	во всѣхъ родахъ	
Д. Т.	ста́рыма		

	Муж.	*Жен.*	*Сред.*
И. В. З.	вы́шнѧ	вы́шни	вы́шни
Р. П.	вы́шню	во всѣхъ родахъ.	
Д. Т.	вы́шнима		

Гортанные звуки при склоненіи предъ окончаніями смягчаются: бла́гъ, бла́же, блазѣ̀.

Полное склоненіе именъ прилагательныхъ съ твердымъ окончаніемъ.

Един. число.

	Муж.	*Жен.*	*Сред.*
И. З.	ста́рый	ста́раѧ	ста́рое
Р.	ста́рагѡ	ста́рыѧ	ста́рагѡ
Д.	ста́ромꙋ	ста́рѣй	ста́ромꙋ
В.	какъ им. или род.	ста́рꙋю	какъ имен.
Т.	ста́рымъ	ста́рою	ста́рымъ
П.	ста́рѣмъ	ста́рѣй	ста́рѣмъ

Множ. число.

	Муж.	*Жен.*	*Сред.*
И.	ста́рїи	ста́рыѧ	ста́раа
Р.	ста́рыхъ	во всѣхъ родахъ	
Д.	ста́рымъ		
В.	ста́рыѧ -ыхъ	ста́рыѧ	ста́раа
Т.	ста́рыми	во всѣхъ родахъ	
П.	ста́рыхъ		

Двойств. число.

	Муж.	*Жен.*	*Сред.*
И. В. З.	ста́раа	ста́рѣи	ста́рѣи
Р. П.	ста́рꙋю	во всѣхъ родахъ.	
Д. Т.	ста́рыма		

Образецъ мягкаго склоненія полныхъ именъ прилагательныхъ.

Един. число.

	Муж.	*Жен.*	*Сред.*
И. З.	вы́шнїй	вы́шнаа	вы́шнее
Р.	вы́шнагѡ	вы́шнїѧ	вы́шнагѡ
Д.	вы́шнемꙋ	вы́шней	вы́шнемꙋ
В.	какъ имен. или род.	вы́шнюю	какъ имен. или род.
Т.	вы́шнимъ	вы́шнею	вы́шнимъ
П.	вы́шнемъ	вы́шнѣй -ей	вы́шнемъ

Множ. число.

	Муж.	*Жен.*	*Сред.*
З. И.	вы́шнїи	вы́шнїѧ	вы́шнаа
Р.	вы́шнихъ	во всѣхъ родахъ	
Д.	вы́шнимъ		
В.	вы́шнїѧ -ихъ	вы́шнїѧ	вы́шнаа
Т.	вы́шними	во всѣхъ родахъ	
П.	вы́шнихъ		

Двойств. число.

	Муж.	*Жен.*	*Сред.*
И. В. З.	вы́шнаа	вы́шнїи	вы́шнїи
Р. П.	вы́шнюю	во всѣхъ родахъ	
Д. Т.	вы́шнима	во всѣхъ родахъ	

Имена прилагательныя въ церковно-славянскомъ языкѣ такъ же, какъ и въ русскомъ языкѣ, дѣлятся на качественныя и относительныя.

Качественныя имѣютъ степени сравненія.

Степени сравненія.

Степеней сравненія три: положительная, сравнительная и превосходная.

Окончанія сравнительной степени: шїй, шаѧ, шее, или: ѣй, ѣйши, ѣе (ср.), или ѣйшїй, айшїй. Эти окончанія присоединяются къ основѣ слова, при чемъ гортанные звуки смягчаются, а буква ѣ переходитъ въ а; напр. ве́тхъ,—ветш-а́й,—ветш-а́йшїй.

Превосходная степень по окончаніямъ сходна съ сравнительной и отличается только по смыслу.

Образуется она также при помощи приставокъ пре-, веле-, все-: пре-бла́гїй, все-бла́гїй; и при помощи мѣстоименія са́мый и нарѣчій: ве́льмѝ, ѕѣлѡ̀, напр. ѕѣлѡ̀ ста́ръ, ве́льмѝ до́бръ, са́мый до́брый.

Имена прилагательныя, имѣющія неправильныя степени сравненія: бла́гїй — оу҆́нїй — оу҆́ншїй; крѣ́пкїй — крѣ́плїй — крѣ́пльшїй; ма́лый — мні́й — ме́ньшїй; вели́кїй—бо́лїй—бо́льшїй—ва́щїй; до́брый—добрѣ́й—лꙋ́чшїй; ѕло́й — ѕлѣ́й — горѣ́е, го́ршїй.

Имя числительное.

Числительныя раздѣляются, какъ и въ русскомъ языкѣ: на количественныя и порядковыя.

Количественныя.		Порядковыя.
а҃	є҆ди́нъ	пе́рвый
в҃	два̀ (двѣ̀)	вторы́й
г҃	трі́е, трѝ	тре́тій
д҃	четы́ріе (-и)	четве́ртый
є҃	пѧ́ть	пѧ́тый
ѕ҃	ше́сть	шесты́й
з҃	се́дмь	седмы́й
и҃	ѡ҆́смь	ѡ҆смы́й
ѳ҃	де́вѧть	и т. д.
і҃	де́сѧть	
а҃і	є҆ди́н-на́-десѧть,	є҆ди́н-на-деся́тый
	и т. д.	два-на-деся́тый и т. д.
к҃	(20) два́-десѧть	два-деся́тый
л҃	(30) трѝ-десѧть	три-деся́тый и т. д.

Примѣчаніе. Буквами алфавита въ церковно-славянскомъ языкѣ обозначаются цифры, при чемъ надъ буквой ставится удареніе облеченное а҃, в҃, г҃ и т. д.

Такимъ образомъ, количественныя, начиная съ одиннадцати и до двадцати, образуются сложно, при помощи союза на, который связуетъ числительныя первообразныя съ де́сѧть; количественныя съ двадцати до ста образуются изъ числительнаго, означающаго количество десятковъ и количественнаго де́сѧть.

Порядковыя числительныя оканчиваются на ый и склоняются по образцу прилагательныхъ съ полнымъ окончаніемъ.

И. є҆ди́нъ, -а, -о
Р. є҆ди́н-огѡ, -ыѧ, -ого

и т. д. по твердому мѣстоименію ѻ҆́нъ.

И. В. З.	два̀, двѣ̀	
Р. П.	двою̀ и дву̀	во всѣхъ родахъ.
Д. Т.	двѣма̀	

По образцу два̀ склоняется ѡ҆ба, ѡ҆бѣ.

Един. число.

И.	трі́е	трѝ
Р.	тре́хъ	тріе́хъ (трі́й)
Д.	тріе́мъ	тре́мъ
В.	тре́хъ	трѝ
Т.	тріе́ми	тре́ми
П.	тріе́хъ	тре́хъ

Множ. число.

И. четы́р-е (-іе)
Р. четыре́хъ (четы́рь)
Д. четыре́мъ
В. четы́ри (е)
Т. четы́рьми
П. четы́рехъ

Двойств. число.

И. В. З. двѣ́сти (двѣ́стѣ)
Р. П. двою́-сту, дву́-сту
Д. Т. двѣма̀-сто́ма (ста́ма)

Числительное сто̀ въ единств. числѣ склоняется по II склоненію, а во множественномъ числѣ такъ: *И. В.* ста̀, *Р.* сѡ́тъ, *Д.* ста́мъ и стѡ́мъ.

Въ числительныхъ отъ 300 до 900 измѣняются по падежамъ обѣ части.

Числительныя: пѧ́ть, ше́сть до де́сѧть склоняются по образцу существительныхъ IV склоненія. Ты́сѧща склоняется по III склоненію, кромѣ того встрѣчаются формы: пѧти́хъ (род. мн.) и пѧти́мъ (дат. мн.).

Въ числительныхъ отъ 11 до 19 склоняется какая-нибудь одна часть.

Въ числительныхъ: 20, 30, 40 склоняется только вторая часть (де́сѧть), а въ числительныхъ отъ 50 до 90 склоняются обѣ части (пѧти́-де́сѧти и т. д.).

Мѣстоименіе.

Един. число.

И.	а҆́зъ	ты̀	—
Р.	менѐ	тебѐ	себѐ
Д.	мнѣ̀, мѝ	тебѣ̀, тѝ	себѣ̀, сѝ
В.	менѐ, мѧ̀	тебѐ, тѧ̀	себѐ, сѧ̀
Т.	мно́ю	тобо́ю	собо́ю
П.	мнѣ̀	тебѣ̀	себѣ̀

И.	ѻ҆́нъ	ѻ҆на̀	ѻ҆но̀ (є҆̑)
Р.	є҆гѡ̀	є҆ѧ̀	є҆гѡ̀
Д.	є҆мꙋ̀	є҆́й	є҆мꙋ̀
В.	є҆го̀ (ѝ)	ю҆̀	є҆̑
Т.	и҆́мъ	є҆́ю	и҆́мъ
П.	є҆́мъ	є҆́й	є҆́мъ

Двойств. число.

И. З. мы̀, вы̀ (вѣ̀) (ва̀)
Р. П. на́ю, ва́ю
Д. Т. на́ма, ва́ма
В. ны̀, вы̀.

Множ. число.

И.	мы̀	вы̀	возвратное не имѣетъ.
Р.	на́съ	ва́съ	
Д.	на́мъ	ва́мъ	
В.	на́съ, ны̀	ва́съ, вы̀	
Т.	на́ми	ва́ми	
П.	на́съ	ва́съ	

И. ѻ҆нѝ, ѻ҆нѣ̀, ѻ҆нѝ
Р. и҆́хъ
Д. и҆́мъ
В. и҆́хъ, ѧ҆̑, ѧ҆̑ (и҆́хъ) ѧ҆̑ (и҆́хъ)
Т. и҆́ми
П. и҆́хъ

Двойств. число.

И. ѻ҆́на, ѻ҆́нѣ, ѻ҆́нѣ
В. ѧ҆̑ ѧ҆̑ ѧ҆̑
Р. П. є҆ю̀ } во всѣхъ родахъ.
Д. Т. и҆́ма }

По образцу ѻ҆́нъ склоняется и҆́же, ѧ҆́же, є҆́же (который), частица же неизмѣнно приставляется ко всѣмъ падежамъ.

II. Склоненіе притяжательныхъ.

Един. число.

И.	на́шъ	на́ша	на́ше
Р.	на́шего	на́шеѧ	на́шегѡ
Д.	на́шемꙋ	на́шей	на́шемꙋ
В.	на́шъ, -его	на́шꙋ	на́ше
Т.	на́шимъ	на́шею	на́шимъ
П.	на́шемъ	на́шей	на́шемъ

Множ. число.

И. на́ши, на́шѧ, на́ша
Р. на́шихъ
Д. на́шимъ
В. на́шихъ—на́шѧ, на́ша, на́шѧ
Т. на́шими
П. на́шихъ

Двойств. число.

	Муж.	*Жен.*	*Сред.*
И. В. З.	на́ша	на́ши	на́ши

Р. П. на́шею } всѣхъ родовъ.
Д. Т. на́шима }

Такъ же склоняется ва́шъ.

Мо́й, тво́й, сво́й склоняются, какъ прилагательныя.

III. Склоненіе указательныхъ.

Един. число.

И.	се́й	сі́ѧ	сі́е, сѐ
Р.	сегѡ̀	сеѧ̀	сегѡ̀
Д.	семꙋ̀	се́й	семꙋ̀
В.	сегѡ̀, се́й	сі́ю	сі́е, сѐ
Т.	си́мъ	се́ю	си́мъ
П.	се́мъ	се́й	се́мъ

Множ. число.

И. сіи, сіѧ, сіѧ		*В.* сихъ, сіѧ, сіѧ	
Р. сихъ		*Т.* сими	
Д. симъ		*П.* сихъ	

Двойств. число.

И. В. З.	сіѧ	сіи	сіи
Р. П.	сею	во всѣхъ родахъ	
Д. Т.	сима		

Такъ же склоняется чей, чіѧ, чіе, чіегѡ и т. д.

Един. число.

	Муж.	*Жен.*	*Сред.*
И.	той	таѧ, та	тое, то
Р.	тогѡ	тоѧ	тогѡ
Д.	тому	той	тому
В.	того, той	тую, ту	тое, то
Т.	тѣмъ	тою	тѣмъ
П.	томъ	той	томъ

Множ. число.

И. тіи, тыѧ, таѧ, та
Р. тѣхъ
Д. тѣмъ
В. тыѧ, тыѧ, ты, таѧ, та
Т. тѣми
П. тѣхъ

Двойств. число.

И. В. З.	та	тѣ	тѣ
Р. П.	тою	во всѣхъ родахъ	
Д. Т.	тѣма		

По этому образцу склоняется той-жде.

IV. Склоненіе вопросительныхъ и относительныхъ.

И. кто, что
Р. когѡ, чегѡ, чесогѡ
Д. кому, чему, чесому
В. кого, что, чего
Т. кимъ, чимъ
П. комъ, чесомъ, чемъ

И. кій, кой, коѧ, кое
Р. коегѡ, коеѧ, коегѡ
Д. коему, коей, коему
В. коего, кій, кой, кую, кое
Т. кіимъ, коимъ, коею, кіимъ, коимъ
П. коемъ, коей, коемъ

И. кіи, кои, кіѧ, каѧ
Р. кіихъ, коихъ } во всѣхъ родахъ
Д. кіимъ, коимъ }
В. какъ имен. или родит.
Т. кіима, коима } во всѣхъ родахъ.
П. кіихъ, коихъ }

Такъ же склоняется кійждо (каждый).

Глаголъ.

Въ церковно-славянскомъ языкѣ глаголъ измѣняется такъ же, какъ и въ русскомъ языкѣ. Однѣ изъ формъ образуются отъ основы неопредѣленнаго наклоненія, а другія отъ основы настоящаго времени.

I. Спряженій въ церковно-славянскомъ языкѣ два: глаголы I спряженія имѣютъ 2-е лицо един. ч. на еши, а 3-е лицо множ. ч. на утъ, ютъ: глаголеши, глаголютъ; глаголы II спряженія имѣютъ второе лицо единств. ч. на иши, а 3-е множ. ч. на атъ, ѧтъ: хвалиши, хвалѧтъ.

II. Залоги въ церковно-славянскомъ языкѣ тѣ же, что и въ русскомъ съ примѣтой и дѣйств. зал., а съ примѣтой ѣ— средній зал.

III. Кромѣ наклоненій, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ, есть наклоненіе въ церковно-славянскомъ языкѣ желательное, которое означаетъ дѣйствіе желаемое: да будетъ.

IV. Временъ въ церковно-славянскомъ языкѣ больше, чѣмъ въ языкѣ русскомъ. Вмѣсто одного прошедшаго тамъ нѣсколько: 1) аористъ означаетъ прошед-

шее неопредѣленное, 2) прошедшее продолженное или преходящее означаетъ дѣйствіе, продолжавшееся прежде, 3) прошедшее совершенное означаетъ дѣйствіе оконченное, 4) давно-прошедшее означаетъ дѣйствіе, совершившееся прежде другого прошедшаго.

Настоящее и будущее означаютъ то же, что и въ русскомъ языкѣ.

V. Виды въ церковно-славянскомъ языкѣ тѣ же, что и въ русскомъ языкѣ. Видъ несовершенный и многократный имѣетъ примѣты: а, ѧ: плáкати.

Однократный видъ съ примѣтой на -нꙋ: двиг-нꙋ-ти.

Образованіе формъ.

I. Отъ основы неопредѣленнаго наклоненія образуются: а) аористъ чрезъ присоединеніе окончанія 1-го лица -хъ, если основа глагола оканчивается на гласную; или о-хъ, если основа оканчивается на согласную; напр. люби́-хъ, нес-о-хъ.

Гортанные при этомъ смягчаются во 2 и 3 лицѣ.

Примѣта нꙋ въ глаголахъ выпадаетъ въ аористѣ.

Един. число.

Аор.	1.	рек-óхъ
	2.	реч-е̑
	3.	рече̑
Дв. ч.	1.	рек-óх(-о)ва, вѣ, вѣ
	2.	рек-óс-та, тѣ, тѣ
	3.	рек-óс-та, тѣ, тѣ
Ед. ч.	1.	ви́дѣхъ
	2.	ви́дѣ
	3.	ви́дѣ
Дв. ч.	1.	ви́дѣхова, вѣ
	2.	ви́дѣ-с-та (тѣ)
	3.	ви́дѣ-с-та (тѣ)

Въ двойственномъ числѣ окончанія: ва, та—мужескаго рода, а вѣ, тѣ женскаго и средняго рода.

Множ. число.

1.	рек-óх-о-мъ	ви́дѣ-х-омъ
2.	рек-óс-те	ви́дѣ-сте
3.	рекóша	ви́дѣ-ша.

II. Отъ основы неопредѣленнаго наклоненія образуется преходящее время чрезъ перемѣну окончанія неопредѣленнаго наклоненія на ахъ (въ 1-мъ лицѣ, на ше во 2-мъ и 3-мъ и на -хꙋ въ 3-мъ множ.). (Если основа на гласную, то въ 1-мъ лицѣ а выпадаетъ, гортанные при образованіи формъ смягчаются).

Ед. ч.	1.	мож-á-хъ	хвал-áхъ
	2.	можá-ше	хвалáше
	3.	можá-ше	хвалáше
Дв. ч.	1.	можá-хова, вѣ	хвалáхова, вѣ
	2 и 3.	можáста, тѣ	хвалáста, тѣ
Мн. ч.	1.	можáхомъ	хвалáхомъ
	2.	можáсте	хвалáсте
	3.	можá-хꙋ	хвалáхꙋ.

III. Отъ неопредѣленной основы образуется причастіе прошедшаго времени первое (склоняемое) и второе (несклоняемое).

Причастіе первое образуется чрезъ прибавленіе къ основѣ окончаній: муж. и сред. -ъ, -къ, шъ, а жен. -ши: хвали́въ, хвали́вши.

Причастіе второе образуется чрезъ присоединеніе къ основѣ окончаній: -лъ, -ла, -ло: хвали́лъ, хвали́ла, хвали́ло. Въ глаголахъ съ примѣтой на и иногда встрѣчается въ причастіи 1-мъ окончаніе ь: роди́-ти—рóждь, при этомъ происходитъ смягченіе.

V. Отъ основы неопредѣленнаго наклоненія образуется причастіе прошедшаго времени страдательнаго залога чрезъ присоединеніе окончанія: нъ (ный), тъ (тый): хвалѐ-нъ (-ный), бѝтъ (тый).

I. Отъ основы настоящаго времени образуется настоящее время чрезъ присоединеніе окончаній:

Един. ч.	*Двойств. ч.*
1. -ѹ, -ю, -мь	-ва, -вѣ (ср. и ж.)
2. -ши, -си	-та, -тѣ
3. -тъ, -ть	-та, -тѣ

Множ. число.

1. -мъ, -мы
2. -те
3. -ѹтъ, -ютъ, -ѧтъ, -ѹть, -ѧтъ.

Гортанные предъ окончаніемъ -е смягчаются.

Губные и зубные, находящіеся предъ окончаніемъ основы -и и -е, смягчаются: любл-ю.

II. Отъ основы настоящаго времени образуется повелительное наклоненіе чрезъ прибавленіе окончаній -и, -й, -ь: хвал-ѝ, побѣждь.

III. Отъ основы настоящаго времени образуется причастіе дѣйствительной формы настоящаго времени чрезъ прибавленіе окончаній: муж. р. щь, ѧ; жен. щи; средн. ще (щій, ѧй; щаѧ; -щее): хвал-ѧй, хвал-ѧщъ, или окончаній: ый, щаѧ, щее: ведый, щаѧ, щее.

IV. Отъ основы настоящаго времени образуется причастіе настоящаго времени страдательнаго залога чрезъ прибавленіе окончаній: -мъ, -ма, -мо, или полныхъ: -мый, -маѧ, -мое: хвалѝ-мъ.

Сложное образованіе формъ.

I. Прошедшее совершенное время образуется изъ причастія несклоняемаго (II) и глагола вспомогательнаго єсмь; хвалѝлъ, -а, -о єсмь.

II. Давнопрошедшее образуется изъ того же причастія и глагола вспомогательнаго бы́ти, поставленнаго въ (прошедшемъ продолженномъ) преходящемъ времени: хвалѝлъ, -а, -о бѣхъ (бѧхъ).

III. Будущее время у глаголовъ вида совершеннаго образуется какъ въ русскомъ языкѣ, сходно съ настоящимъ временемъ: понесѹ.

Въ остальныхъ глаголахъ сложно: изъ неопредѣленнаго наклоненія спрягаемаго глагола и вспомогательнаго глагола бы́ть (или другого какого: хощѹ, ймамъ), поставленнаго въ будущемъ времени: бѹдѹ хвалѝти. Это будущее называется будущимъ сложнымъ.

IV. Желательное наклоненіе образуется изъ частицы да и будущаго времени.

V. Будущее условное образуется изъ причастія несклоняемаго (II) и вспомогательнаго глагола въ будущемъ времени: хвалѝлъ, -а, -о бѹдѹ.

Наглядная таблица сложныхъ формъ.

хвалѝлъ, -а, -о	єсмь—прошедшее совершенное
	бѣхъ (бѧхъ)—давнопрошедшее
	бы єсмь—прошедшее условное
	бѹдѹ — будущее условное.

Будущее сложное: бѹдѹ хвалѝти

Желательное: да хвалю̀.

Измѣнить по формамъ глаголъ нес-тѝ.

Спряженіе глагола вспомогательнаго.

Изъявительное наклоненіе.

Настоящее время.

	Ед. ч.	*Дв. ч.*	*Мн. ч.*
1.	є҆́смь	є҆сва̀, -вѣ	є҆смы̀
2.	є҆сѝ	є҆ста̀, тѣ	є҆стѐ
3.	є҆́сть	є҆ста̀, тѣ	сꙋ́ть

Аористъ.

1.	бы́хъ	бы́хова, -вѣ	бы́хомъ
2.	бы̀	бы́ста, -тѣ	бы́сте
3.	бы̀	бы́ста, -тѣ	бы́ша

Преходящее.

1.	бѧ́хъ	бѧ́хова, вѣ (бѧ́сва)	бѧ́хомъ
2.	бѧ́ше	бѧ́ста, -тѣ (бѣ́ста)	бѧ́сте
3.	бѧ́ше	бѧ́ста, -тѣ (бѣ́ста)	бѧ́хꙋ или бѣ́хꙋ

Прошедшее сов.

	Един. число.	*Двойств. число.*
1.	бы́лъ, -а, -о є҆́смь	бы́ла, -ли є҆сва̀, -вѣ
2.	„ є҆сѝ	бы́ла, -ли є҆ста̀
3.	„ є҆́сть	такъ же какъ 2

Множ. число.

1. бы́ли є҆смы̀
2. „ є҆стѐ
3. „ сꙋ́ть

Давнопрошедшее.

	Един. ч.	*Двойств. ч.*
1.	бы́лъ, -а, -о бѧ́хъ	бы́ла, -ли бѧ́хова
2.	„ бѧ́ше	„ бѧ́ста, -тѣ
3.	„ бѧ́ше	„ бѧ́ста, -тѣ

Множ. ч.

1. бы́ли бѧ́хомъ
2. „ бѧ́сте
3. „ бѧ́хꙋ

Будущее.

	Ед. ч.	*Дв. ч.*	*Мн. ч.*
1.	бꙋ́дꙋ	бꙋ́дева, -вѣ	бꙋ́демъ
2.	бꙋ́деши	бꙋ́дета, -тѣ	бꙋ́дете
3.	бꙋ́детъ	бꙋ́дета, -тѣ	бꙋ́дꙋтъ.

Условное.

	Един. ч.	*Двойств. ч.*
1.	бы́лъ, -а, -о бы́хъ	бы́ла, -ли бы́хова
2.	„ бы̀	„ бы́ста
3.	„ бы́сть	„ бы́ста

Множ. ч.

1. бы́ли бы́хомъ
2. „ бы́сте
3. „ бы́ша

Повелительное.

	Ед. ч.	*Дв. ч.*	*Мн. ч.*
1.	—	бꙋ́дѣва, -вѣ	бꙋ́демъ
2.	бꙋ́ди	бꙋ́дѣта, тѣ	бꙋ́дите
3.	бꙋ́ди	бꙋ́дѣта, -тѣ	—

Неопредѣленное бы́ти.

Причастія.

Настоящее вр. полное: сы́й, сꙋ́щаѧ, сꙋ́щее; краткое: сы̀, сꙋ́щи, сы̀.

Прошедшее I полное: бы́вшїй, бы́вшаѧ, бы́вшее; краткое: бы́въ, бы́вши, бы́въ. II (несклоняемая) бы́лъ, была̀, было̀.

Будущее полное: бꙋ́дꙋщїй, бꙋ́дꙋщаѧ, бꙋ́дꙋщее; краткое: бꙋ́дꙋщъ, бꙋ́дꙋщи, бꙋ́дꙋще.

Страдательный залогъ образуется или отъ дѣйствительнаго чрезъ прибавленіе -сѧ, или отъ причастій страдательныхъ съ вспомогательнымъ глаголомъ бы́ти; напр. хвалю́-сѧ, бы́ти хвали́мꙋ,— хвале́нꙋ.

Формы страдательнаго залога.

Изъявительное наклоненіе.

Един. число.

Наст. вр. хвали́мь, -ма, -мо є҆́смь
„ є҆сѝ
„ є҆́сть

Двойств. ч.	хвалима, -мѣ	єсва, -вѣ
"		єста, тѣ
"		єста, тѣ
Множ. ч.	хвалими, -мы, -ма	єсмы
"		єсте
"		сꙋть.

Аористъ хвалимь быхъ (или хваленъ).
Преходящее хвалимь бахъ (или хваленъ).
Давнопрош. хвалимь (хваленъ) былъ бахъ.
Прошедш. соверш. хвалимь (хваленъ) былъ єсмь.
Будущее вр. хвалимь (хваленъ) имамъ быти.
Условное хвалимь (хваленъ) былъ быхъ.
Желательное хвалимь (хваленъ) да бꙋдꙋ.
Повелительное хвалимь (хваленъ) бꙋди.

Глаголы неправильные.

Нѣкоторые глаголы имѣютъ неправильное, т.-е. древнѣйшее (архаическое) спряженіе, которое остальные глаголы утратили.

Къ такимъ глаголамъ относятся: имамъ, вѣмь, дамъ, ꙗмь и єсмь (вспомогательный).

	Ед. ч.	*Дв. ч.*	*Мн. ч.*
Наст. вр.	имамъ	имава, -вѣ	имамы
	имаши	имата, -тѣ	имате
	имать	имата, -тѣ	имꙋтъ

Всѣ остальныя формы правильно, неопр. имѣти.

Наст. вр.	вѣмь	вѣва, -вѣ	вѣмы
	вѣси	вѣста, -тѣ	вѣсте
	вѣсть	вѣста, -тѣ	вѣдатъ

Неопр. вѣдѣти.

Аор.	вѣдѣхъ	вѣдѣхова, -вѣ	вѣдѣхомъ
	вѣдѣ	вѣдѣста, -тѣ	вѣдѣсте
	вѣдѣ	вѣдѣста, -тѣ	вѣдѣша
Преходящее.	вѣдахъ вѣдаше и т. д.	вѣдахова и т. д.	вѣдахомъ и т. д.

Повелительное.

Ед. 2. вѣждь	1. вѣдива, -вѣ	вѣдимъ
	2. вѣдита, -тѣ	вѣдите

Причастіе наст. вр. вѣдый (полное), вѣдꙋщъ, вѣдащъ (краткое).

Прич. прош. вр. вѣдѣвый (полное), вѣдѣвъ (краткое).

Несклоняемое прич. вѣдѣлъ, -ла, -ло.

Наст. время.

ꙗмь	дамъ	ꙗва, -вѣ	дадива, -вѣ
ꙗси	даси	ꙗста, -тѣ	дадита, -тѣ
ꙗстъ	дастъ	ꙗста, -тѣ	дадита, -тѣ
ꙗмы	дамы		
ꙗсте	дадите		
ꙗдатъ	дадꙋтъ		

Аористъ.

1. ꙗдохъ	дахъ	ꙗдохова, -вѣ	дахова, -вѣ
2. ꙗстъ	даде	ꙗдоста, -тѣ	даста, -тѣ
3. ꙗстъ	даде	ꙗдоста, -тѣ	даста, -тѣ
1. ꙗдохомъ	дахомъ		
2. ꙗсте	дасте		
3. ꙗдоша	даша		

Преходящее ꙗдахъ, ꙗдаше и т. д.
Отъ дати не употребляется.

Повелительное.

2. ꙗждь, даждь	1. ꙗдива	дадива
	ꙗдита, -тѣ	дадита, -тѣ
	ꙗдимъ	дадимъ
	ꙗдите	дадите

Причастіе прош. вр. ꙗдый (полное), ꙗдъ, ꙗдшъ (краткое), ꙗлъ—несклоняемое; давый (полное), давъ, давшъ (краткое), далъ — несклоняемое.

Причастіе наст. вр. ꙗдый, ꙗдꙋщій (полное), ꙗдꙋщъ, ꙗды, ꙗдѧ (краткое).
Отъ дати не употребляется.

Примѣчаніе. Причастія всѣхъ залоговъ склоняются подобно прилагательнымъ полнымъ и краткимъ, исключая несклоняемыхъ.

Неизмѣняемыя части рѣчи.

Въ церковно-славянскомъ языкѣ неизмѣняемыя части рѣчи сходны большею частію съ русскими.

Нарѣчіе.

Нарѣчія дѣлятся такъ же, какъ и въ русскомъ языкѣ: на качественныя, количественныя, мѣста, времени, образности.

Большинство изъ нихъ сходны съ русскими.

Къ нарѣчіямъ, принадлежащимъ только языку церковно-славянскому, относятся:

I. *Нарѣчія времени:* днесь (сегодня), присно (всегда), абіе (тотчасъ), выну (всегда), не у (еще не), дондеже (до тѣхъ поръ пока), егда (когда).

II. *Нарѣчія мѣста:* камо (куда), сѣмо (сюда), аможе (куда бы, то ни было), онамо (туда, тамъ, по ту сторону), онамо (по сю сторону рѣки, сюда), внѣуду (снаружи), онде (тамъ), инуду (въ иное мѣсто).

III. Образности: вельми (очень), аки (какъ), кольми паче (тѣмъ болѣе).

Нарѣчія образуются въ ц.-славянскомъ языкѣ такъ же, какъ и въ русскомъ, отъ измѣняемыхъ частей рѣчи, напр. днесь (отъ день), то-гда (отъ то).

Предлогъ.

Большая часть предлоговъ сходна съ русскими: къ, при, на, по, за, чрезъ.

Нѣкоторые предлоги встрѣчаются только въ ц.-славянскомъ языкѣ (въ видѣ приставокъ). Предлогъ воз- употребляется вмѣсто русскаго „вы", напр. выгнать = изгнати.

Предлогъ ѿ употребляется въ смыслѣ изъ: единъ ѿ васъ = одинъ изъ васъ. Предлогъ возъ употребляется отдѣльно въ смыслѣ за.

Союзъ.

Большинство союзовъ сходно съ русскими, напр.: и, что, но. Другіе присущи только языку церковно-славянскому: яко, аще, во, убо, али, обаче (однако), еже (что, чтобы).

Такъ же, какъ и въ русскомъ языкѣ, союзы бываютъ первообразные: и, же, и сложные, которые происходятъ отъ соединенія или двухъ союзовъ: и-ли. Или отъ соединенія предлоговъ съ измѣняемыми частями рѣчи: тѣмже (отъ тѣмъ—мѣст. творит. пад. и же), по-н-еже (изъ мѣст. еже съ предлогомъ по).

Междометіе.

Междометія въ ц.-славянскомъ языкѣ тѣ же, что и въ русскомъ: о, увы, охъ.

И собственно ц.-славянскія: уа, ей, оле, се.

Синтактическія особенности въ церковно-славянскомъ языкѣ.

1. При междометіяхъ нерѣдко въ церковно-славянскомъ языкѣ вмѣсто звательнаго падежа употребляется родительный: о безуміа велія.

2. Имя прилагательное или мѣстоименіе, если поставлено въ смыслѣ существительнаго, употребляется во множ. ч. (а въ русскомъ языкѣ въ един. ч.), напр.: вся моя твоя суть = все мое—твое; сказахъ вамъ вся, яже слышахъ ѿ Отца.

3. При глаголахъ: поставити, сотворити, нарицати и др. сказуемое приложеніе къ дополненію прямому ставится въ падежѣ винит., а не въ творит. (какъ въ русскомъ языкѣ), напр. Рекохъ васъ други (ти) = рекохъ васъ друзей (двойной винит.). Нарече Богъ свѣтъ день — назвалъ Богъ свѣтъ днемъ.

4. Въ сказуемомъ составномъ ставятся иногда причастія дѣйствительной формы, напр.: бѣ съ ними Петръ стоя и грѣяся.

5. Нѣкоторые глаголы, напр. судити, плакати, управляютъ въ ц.-славянскомъ языкѣ не тѣми падежами, что въ языкѣ русскомъ: судити міру (дател. падежъ), плакати брата (винительный падежъ).

Сокращеніе предложеній.

1. Обстоятельственныя предложенія въ ц.-славянскомъ языкѣ сокращаются посредствомъ причастій: Іисусъ же, бѣдый вся, изшедъ рече имъ...

2. Когда подлежащія главнаго и придаточнаго предложеній различны, то происходитъ сокращеніе, извѣстное подъ именемъ дательнаго самостоятельнаго. При этомъ подлежащее придаточнаго предложенія ставится въ дат. падежѣ, а сказуемое-глаголъ, обратившись въ причастіе соотвѣтствующаго времени и залога, согласуется съ подлежащимъ въ родѣ, числѣ и падежѣ, напр.: Отшедшымъ же имъ (волхвамъ), се Ангелъ Господень во снѣ явися Іосифу... Восшедшу ему на гору, приступиша къ Нему ученицы Его.

3. Придаточныя предложенія дополнительныя сокращаются двояко: 1) или винительнымъ падежомъ съ причастіемъ, напр.: видяху бо Петра со Христомъ суща (ибо видѣли Петра, что онъ былъ со Христомъ); 2) или винит. падежомъ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, при чемъ въ придаточномъ предложеніи дополнительномъ сказуемое ставится въ винительномъ падежѣ, а сказуемое-глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи, напр.: ученицы мняху призракъ быти.

Образецъ чтенія по церковно-славянски.

(Зачало г҃). Іисусъ Христово рождство сице бѣ: обрученѣй бо бывши матери Его Маріи Іосифови, прежде даже не снитися има, обрѣтеся имущи во чревѣ отъ Духа Свята. Іосифъ же мужъ ея, праведенъ сый, и не хотя ея обличити, восхотѣ тай пустити ю. Сія же ему помыслившу, се Ангелъ Господень во снѣ явися ему, глаголя: Іосифе, сыне Давидовъ, не убойся пріяти Маріамь жены твоея: рождшее бо ся въ ней отъ Духа есть Свята. Родитъ же сына, и наречеши имя ему Іисусъ: той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ. Сіе же все бысть, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ, глаголющимъ: Се дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына, и нарекутъ имя ему Еммануилъ, еже есть сказаемо, съ нами Богъ. Воставъ же Іосифъ отъ сна, сотвори якоже повелѣ ему Ангелъ Господень, и пріятъ жену свою. И не знаяше ея, дондеже роди сына своего первенца, и нарече имя ему Іисусъ.

Читается такъ:

(Зачало третье). Іисусъ Христово рождество сице бѣ: обрученѣй бо бывши матери Его Маріи Іосифови, прежде даже не снитися има, обрѣтеся имущи во чревѣ отъ Духа Свята. Іосифъ же мужъ ея, праведенъ сый, и не хотя ея обличити, восхотѣ тай пустити ю. Сія же ему помыслившу, се Ангелъ Господень во снѣ явися ему, глаголя: Іосифе, сыне Давидовъ, не убойся пріяти Маріамь жены твоея: рождшее бо ся въ ней отъ Духа есть Свята. Родитъ же сына и наречеши имя ему Іисусъ: той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ. Сіе же все бысть, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ, глаголющимъ: Се дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ сына и нарекутъ имя ему Эммануилъ, еже есть сказаемо, съ нами Богъ. Воставъ же Іосифъ отъ сна, сотвори якоже повелѣ ему Ангелъ Господень и пріятъ жену свою. И не знаяше ея, дондеже роди сына своего первенца и нарече имя ему Іисусъ.

Исторія русской словесности.

(Сост. Е. Гурьева).

Словесность есть наука, разсматривающая художественныя литературныя произведенія и литературныя эпохи въ ихъ генезисѣ и изслѣдующая законы литературнаго развитія. Такимъ образомъ словесность ставитъ себѣ цѣлью установить генезисъ художественныхъ произведеній (т. е. такихъ, въ которыхъ есть эстетическій элементъ) и литературныхъ эпохъ, а затѣмъ и изслѣдовать законы литературнаго развитія. Несмотря на опредѣленное содержаніе словесности, въ древній періодъ нашей литературы мы включаемъ такія произведенія, которыя лишены всякаго художественнаго элемента, напр., поученія. Это объясняется тѣмъ, что отъ древняго періода нашей литературы дошли до насъ очень скудные остатки, поэтому и мы должны дорожить всякимъ литературнымъ памятникомъ той эпохи.

I. Древній періодъ литературы.

Дѣятельность свв. Меѳодія и Кирилла, какъ основателей книжной словесности или литературы у славянъ. Начало письменности у насъ относится ко времени принятія христіанства, когда заимствовали изъ Болгаріи богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ. Просвѣтителями славянъ были братья Кириллъ (въ міру Константинъ) и Меѳодій. Они составили славянскую азбуку и перевели богослужебныя книги съ греческаго языка на славянскій и тѣмъ положили начало славянской письменности. Но и до изобрѣтенія славянской азбуки у славянъ также была письменность, хотя русскія лѣтописи объ этомъ умалчиваютъ. У болгарскаго писателя конца IX и начала X вѣка, черноризца Храбра находимъ свѣдѣнія о томъ, что у славянъ язычниковъ были какія-то письмена въ родѣ чертъ и рѣзовъ. Другое извѣстіе находимъ въ Паннонскомъ житіи свв. Кирилла и Меѳодія, въ немъ говорится, что во время посѣщенія Кирилломъ Херсонеса Таврическаго, имъ были найдены Евангеліе и псалтырь, написанныя „руськими письменами“. Восточные писатели также упоминаютъ о надписяхъ на русскихъ могилахъ и идолахъ. Кириллъ и Меѳодій происходили изъ Македоніи, изъ города Солуни. Въ Македоніи и въ другихъ частяхъ Византіи, да и въ самомъ Царьградѣ жило много славянъ; нѣкоторые изъ нихъ занимали высокія должности. Въ Солуни славянскій элементъ былъ на столько силенъ, что языкъ славянскій наравнѣ съ греческимъ былъ языкомъ образованнаго общества. Поэтому Кириллъ и Меѳодій, живя среди славянъ, могли хорошо знать ихъ языкъ, что помогло имъ при составленіи азбуки и переводѣ книгъ. Что касается происхожденія Кирилла и Меѳодія извѣстно только то, что они были дѣтьми одного вельможи Льва, занимавшаго въ Солуни высокій постъ. Были ли они греки или славяне, біографы этого не указываютъ. Оба они получили блестящее образованіе, въ особенности Кириллъ, который воспитывался при дворѣ византійскаго императора вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола. Передъ братьями былъ открытъ путь къ блестящему положенію въ свѣтѣ, но оба, сначала Меѳодій, а потомъ и Кириллъ, постриглись въ монашество. Нѣкоторое время они жили въ монастырѣ, на горѣ Олимпѣ. Около Олимпа находилась цѣлая славянская колонія, и многіе монастыри были славянскіе. Есть предположеніе, что братья тутъ уже начали составлять азбуку, переводить богослужебныя книги на славянскій языкъ. Дальнѣйшая жизнь ихъ была наполнена миссіонерскою дѣятельностью. Первую миссію они совершили къ хозарамъ для борьбы съ магометанской и іудейской проповѣдью. По дорогѣ они остановились въ Корсуни для изученія еврейскаго языка. Проповѣдь въ хозарской землѣ несомнѣнно имѣла значеніе и для славянъ, которые входили въ общеніе съ ними. Изъ лѣтописи мы знаемъ, что славяне платили имъ дань до половины X вѣка. Значитъ, часть русскихъ задолго до крещенія Руси могла слышать христіанскую проповѣдь. Возвратившись отъ хозаръ, братья, по просьбѣ моравскаго князя Ростислава, прибыли въ Моравію и Паннонію, привезя съ собою книги на славянскомъ языкѣ. Послѣ этого они распространяли христіанство въ Болгаріи. Кириллъ и Меѳодій приносили съ собой не только христіанство, но и просвѣщеніе: они приносили съ собою зачатки письменности и заводили школы во вновь

обращенныхъ земляхъ. Въ своей дѣятельности имъ пришлось столкнуться съ латинскими проповѣдниками. Въ это время уже началось раздѣленіе церквей на Западную и Восточную. Западное духовенство недружелюбно и подозрительно относилось къ византійскимъ проповѣдникамъ. Оно обвинило славянскихъ просвѣтителей въ ереси, такъ какъ богослуженіе, по ихъ мнѣнію, можно было совершать на одномъ изъ трехъ языковъ, на которыхъ была сдѣлана надпись на крестѣ Господнемъ—на еврейскомъ, римскомъ и греческомъ. Братьямъ два раза пришлось путешествовать въ Римъ для укрѣпленія результатовъ своей проповѣди: выдѣлить новыя христіанскія общины въ особое епископство и получить разрѣшеніе совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Кириллъ умеръ на пути въ Римъ, Меѳодій еще нѣсколько лѣтъ продолжалъ дѣло просвѣщенія и мужественно отстаивалъ самостоятельность славянской церкви.

Въ основу славянской азбуки положена греческая, изъ которой взяты 24 буквы, а большинство остальныхъ взято изъ алфавитовъ еврейскаго, армянскаго, коптскаго; нѣкоторыя, а именно: юсъ малый, юсъ большой, *ь*, *ъ*, *ы*, придуманы вновь. Эта азбука съ небольшими добавленіями сохранилась и до сихъ поръ въ языкахъ восточныхъ и южныхъ православныхъ славянъ; она называется „кириллицей". Кромѣ нея существуетъ и другая „глаголица", которая отличается отъ первой очень вычурнымъ начертаніемъ буквъ и распространяется у пріадріатическихъ славянъ. Полагаютъ, что она возникла изъ кириллицы, но вскорѣ послѣ нея, такъ какъ памятники, написанные глаголицей, такъ же древни, какъ и кириллицей. Несомнѣнно, богослужебныя книги Кириллъ перевелъ на языкъ македонскихъ славянъ, такъ какъ родина братьевъ была Македонія, и очень можетъ быть, что они и сами были славяне. Въ Паннонскомъ житіи Кирилла и Меѳодія говорится, что книги переведены для проповѣди въ Панноніи. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ самымъ культурнымъ были славяне Македоніи и вообще всѣ славяне, жившіе по берегамъ Мраморнаго и Чернаго морей: они уже издавна входили въ общенія съ греками, ихъ языкъ былъ языкомъ образованнаго общества, значитъ, былъ приспособленъ для выраженія тѣхъ идей, которыми жило общество. Многіе изъ нихъ были христіанами, имѣли свои монастыри, поэтому, если не богослуженіе, то проповѣдь могла быть на славянскомъ языкѣ. Этимъ и объясняется быстрота перевода и устойчивось его. Братья перевели Евангеліе и Псалтырь. Дѣятельность братьевъ продолжали въ Болгаріи ихъ ученики.

Произведенія XI вѣка. Слово митрополита Иларіона о Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ и похвала князю Владиміру. Къ числу произведеній XI вѣка относятся сочиненія митрополита Иларіона. Изъ біографическихъ свѣдѣній извѣстно, что до посвященія въ Кіевскіе митрополиты онъ состоялъ священникомъ съ селѣ Берестовѣ. Характернымъ его произведеніемъ является слово „О законѣ и благодати" или „О Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ и похвала князю Владиміру". При изученіи этого произведенія возникаетъ вопросъ: есть ли это церковная проповѣдь, произнесенная Иларіономъ, или она была только написана имъ, но не произносилась? Нѣкоторые историки литературы разсматриваютъ ее, какъ торжественную рѣчь, произнесенную по поводу какого-нибудь выдающагося событія. Уже изъ этого можно заключить, что въ этой проповѣди Иларіона мы не найдемъ простоты изложенія. Самъ авторъ выражается о себѣ такъ: „не бо къ невѣдущимъ пишемъ,.. но къ насытившимся книжной сладости". При невысокомъ уровнѣ тогдашняго просвѣщенія такими людьми, насытившимися книжной сладости, были развѣ только духовныя лица. Къ нимъ то, вѣроятно, и обращается Иларіонъ въ своемъ поученіи. Поученіе состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части проповѣдникъ разсуждаетъ о превосходствѣ Христовой вѣры, какъ источникѣ благодати и истины передъ закономъ Моисеевымъ, и говоритъ объ утвержденіи христіанства въ русскомъ народѣ. Вторая часть заключаетъ въ себѣ восхваленіе великаго князя Владиміра, благодаря которому Русь просвѣтилась христіанствомъ, и, наконецъ, въ третьей части Иларіонъ обращается къ Богу съ молитвой ото всей Русской земли. Судя по тѣмъ параллелямъ, которыя проводитъ авторъ въ поученіи, можно заключить, что оно написано для людей, „искушенныхъ книжной сладости". Новый Завѣтъ уподобляетъ свободной Саррѣ, а Ветхій—рабынѣ Агари. Поученіе, повидимому, относится къ какому-то историческому факту, можетъ быть, къ принятію христіанства, лакъ какъ написано вскорѣ послѣ этого событія.

Лѣтопись. Большинство произведеній древней литературы относится къ религіозно-нравственному отдѣлу, такъ какъ главная цѣль ихъ дать поученіе или душеспасительное чтеніе. Но кромѣ этого, былъ другой отдѣлъ—историческій, который распадался на два вида—лѣтописи и житія святыхъ. Первымъ мотивомъ къ составленію лѣтописи явилось желаніе сохранить память о событіи. Въ силу этой потребности еще до началписьменности на Руси создавались отдѣльныя истоарическія сказанія. Въ силу той же потребности при возникновеніи у насъ письменности появляются отдѣльныя записи и замѣтки о различныхъ событіяхъ съ числовыми данными, напр., съ обозначеніемъ года чьей-нибудь смерти, какого-либо событія и т. п. Подобныя записи ведутся въ разныхъ краяхъ Русской земли: въ монастыряхъ, при важнѣйшихъ церквахъ, при княжескихъ дворахъ. По мѣрѣ знакомства нашихъ предковъ съ византійской литературой, эти записи и сказанія объе-

диняются въ болѣе крупные своды по примѣру византійскихъ. Постоянная переписка, передѣлка и новыя дополненія лѣтописей тянутся до самаго XVIII вѣка. Этотъ отдѣлъ является самымъ обширнымъ во всей древней литературѣ. Поэтому лѣтописи являются живымъ отраженіемъ древне-русской жизни и древне-русскаго міросозерцанія. А такъ какъ лѣтописи повѣствуютъ объ историческомъ прошломъ народа, то въ нихъ находимъ и развитіе національнаго историческаго сознанія. Этотъ видъ исторической литературы носитъ различныя названія: лѣтопись, въ точномъ смыслѣ этого слова, лѣтописный сводъ, лѣтописный списокъ, лѣтописный сборникъ. Лѣтописью называется хронологически расположенная запись о какихъ-нибудь событіяхъ. Если нѣсколько лѣтописей и другіе источники, напр., различныя сказанія, сольются въ одинъ крупный памятникъ, то они образуютъ лѣтописный сводъ. Такимъ образомъ, лѣтописный сводъ—компиляція*) на основаніи прежнихъ лѣтописей и другихъ какихъ-нибудь источниковъ. Лѣтописнымъ спискомъ называется та рукопись, въ которой сохранилась лѣтопись или сводъ. Изъ соединенія нѣсколькихъ лѣтописныхъ сводовъ образуется лѣтописный сборникъ. Лѣтописи въ чистомъ видѣ до насъ не дошли. Изъ массы, дошедшихъ до насъ списковъ, наиболѣе драгоцѣнными являются два самые древніе — Лаврентьевскій и Ипатьевскій. Первый изъ нихъ относится къ концу XIV вѣка, а второй къ первой половинѣ XV. Сравнивая различные списки, находимъ въ началѣ ихъ одну общую часть, которая называется Несторовой лѣтописью, потому что долгое время авторомъ ея считали Нестора, монаха Печерскаго монастыря, и которая носитъ заглавіе: „Се повѣсти временьныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руськая земля, кто въ Кыевѣ поча первѣе княжити и откуду руськая земля стала есть“. Эта повѣсть обнимаетъ время до 1110 года, а подъ 1116 г. находимъ слѣдующую замѣтку: „Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написахъ книгы си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у Святаго Михаила“. Такимъ образомъ эта повѣсть разсказываетъ о событіяхъ, бывшихъ въ то время, когда Русь еще не распалась на удѣлы. Никогда послѣ въ нашемъ старомъ лѣтописаніи не возникала больше мысль разсказать о прошлой судьбѣ всего русскаго народа. Послѣ заглавія слѣдуютъ слова: „Се почьнемъ повѣсть сію“. Разсказъ начинается съ временъ библейскихъ, съ раздѣленія земли между сыновьями Ноя, послѣ потопа. Потомъ говорится о раздѣленіи народовъ; послѣ столпотворенія Вавилонскаго произошло 72 языка, и одинъ изъ нихъ былъ славянскій, причемъ онъ происходилъ отъ потомства Іафета. По прошествіи многихъ лѣтъ славяне сѣли на Дунаѣ, но вотъ пришелъ какой-то дикій народъ, который прогналъ славянъ съ насиженныхъ мѣстъ. Они разбрелись въ разныя стороны, между прочимъ на востокъ, гдѣ осѣлись по Днѣпру и его притокамъ. Затѣмъ перечисляются названія славянскихъ племенъ и описываются ихъ нравы и обычаи. Въ началѣ „повѣсти“ разсказъ идетъ безъ годовъ, но лишь съ 852 г. (6360) начинается хронологія лѣтописи. Подъ этимъ годомъ находимъ такую запись: „Въ лѣто 6360 (852 г.) наченьшу Михаилу*) царствовати, начася прозыватися руськая земля... При семъ цари приходиша Русь на Царьградъ, якоже пишется въ лѣтописаньи гречестѣмъ... Тѣмже отселѣ почьнемъ и числа положимъ“. Слѣдовательно, авторъ даетъ обѣщаніе вести запись по годамъ, однако въ дальнѣйшемъ изложеніи встрѣчаемъ цѣлый рядъ пустыхъ годовъ. Ихъ особенно много въ началѣ лѣтописи. Существованіе пустыхъ годовъ долгое время объясняли тѣмъ, что главнымъ источникомъ лѣтописей являлись такъ называемыя пасхальныя таблицы, въ которыхъ на нѣсколько лѣтъ впередъ были вычислены дни Пасхи и другихъ переходныхъ праздниковъ. Противъ каждаго года оставалось пустое мѣсто, которое иногда заполнялось краткими замѣтками о событіяхъ, поражавшихъ современниковъ. Многіе годы оставались незаполненными. Лѣтописецъ, имѣя предъ своими глазами таблицу, списывалъ замѣтки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пустые годы. Но обращая вниманіе на лѣтопись, болѣе пустыхъ годовъ, найдемъ въ началѣ ея въ разсказѣ о первыхъ русскихъ князьяхъ. Съ другой стороны, многіе разсказы, которые были безъ годовъ, лѣтописецъ располагаетъ по годамъ, а если не знаетъ къ какому именно году относится разсказъ, пріурочиваетъ къ нѣсколькимъ годамъ. Такимъ образомъ пасхальныя таблицы многое не объясняютъ. Болѣе внимательное разсмотрѣніе лѣтописи до 1110 года покажетъ, что это лѣтописный сводъ, источниками котораго являются: народныя преданія, житія и отдѣльныя сказанія, Библія (тексты), греческія лѣтописи (хроника Георгія Амартола, монаха IX в., византійскаго лѣтописца), древнія лѣтописи, которыя уже съ первыхъ вѣковъ письменности велись въ разныхъ краяхъ русской земли; оффиціальные акты—договоры съ греками Олега, Игоря, Святослава; разсказъ о Кириллѣ и Меѳодіи изъ Паннонскаго житія. Сводъ составленъ въ концѣ XI и началѣ XII вѣка, въ Кіевѣ, монахомъ, такъ какъ все повѣствованіе проникнуто духомъ христіанской набожности. Къ тому же монахи были самымъ образованнымъ классомъ и имѣли болѣе досуга и средствъ. Въ монастырь приходилъ князь за благословеніемъ, отправляясь въ

*) Несамостоятельное произведеніе, а созданное на основаніи другихъ произведеній.

*) Греческій императоръ.

походъ, монахи сами участвовали въ походѣ, часто отправлялись послами; такимъ образомъ, монахъ не былъ изолированъ отъ текущей жизни, наоборотъ, монастырь имѣлъ огромное вліяніе на политическія и общественныя дѣла. Въ одномъ изъ списковъ—Хлѣбниковскомъ, въ заглавіи лѣтописи до 1110 года стоитъ имя Нестора. Несторъ былъ монахъ Кіево-Печерскаго монастыря, жившій въ концѣ XI и началѣ XII вѣка. Но утверждать, что Несторъ былъ составителемъ даннаго свода, мы не имѣемъ основанія. Мы не находимъ въ лѣтописи подробнаго описанія важныхъ событій Лавры, чего не могло бы быть, если бъ составителемъ былъ монахъ Кіево-Печерскій. Къ тому же между житіемъ Бориса и Глѣба, помѣщеннымъ въ лѣтописи, и житіемъ, несомнѣнно составленнымъ Несторомъ, существуютъ разногласія, чего также быть не могло бы, если бъ былъ одинъ и тотъ же авторъ. Сильвестръ, игуменъ Михайловскаго монастыря, также не составитель свода—никакихъ свѣдѣній въ лѣтописи объ этомъ монастырѣ нѣтъ. Въ настоящее время вопросъ о составителѣ свода до 1110 г. остается открытымъ.

Лѣтопись написана на древне-русскомъ языкѣ, мѣстами съ сильной примѣсью церковно-славянскаго. Стиль простъ въ передачѣ народныхъ преданій и болѣе изысканъ въ разсказахъ книжнаго характера. Вообще стиль отличается пестротой, живостью и наглядностью, чему способствуютъ діалоги, сравненія, пословицы, поговорки, повторенія выраженій, что напоминаетъ народную поэзію.

Прежде всего остановимся на **легендѣ объ апостолѣ Андреѣ.** Этотъ разсказъ названъ лигендой потому, что ни въ одномъ греческомъ житіи ап. Андрея не говорится объ этомъ фактѣ, хотя всюду упоминается его проповѣдь въ Скиѳіи. Дѣйствительно, лѣтописецъ передаетъ устное преданіе, ходившее среди славянъ, онъ самъ на это указываетъ словами „якоже рѣша". Основной мотивъ къ созданію этой легенды лежитъ въ желаніи прославить Кіевъ, связавъ его значеніе въ дѣлѣ распространенія христіанства съ апостольскимъ предсказаніемъ. Основаніемъ этому послужили извѣстія о проповѣди апостола Андрея въ Скиѳіи. Слѣдовательно, эта легенда возникла въ Кіевской области. Это подтверждается и ироническимъ отношеніемъ къ обычаямъ Сѣвера.

Преданіе объ основаніи Кіева относится къ области народныхъ сказаній, къ странствующимъ сюжетамъ, такъ же какъ и разсказъ **„Мщеніе Ольги"**. Сожженіе въ банѣ враговъ встрѣчаемъ и въ скандинавскихъ сагахъ*). Побѣда надъ врагами путемъ пожара отъ птицъ и животныхъ часто встрѣчается въ разсказахъ библейской и древней исторіи. Взятіе города Искоростеня Ольгой посредствомъ пожара отъ птицъ напоминаетъ слѣдующіе образы. Самсонъ мстилъ за свою обиду филистимлянамъ такъ: онъ пустилъ по ихъ полямъ лисицъ съ привязанными къ хвостамъ факелами. Аннибалъ привязалъ къ рогамъ быковъ зажженный хворостъ и пустилъ ихъ на вражескій станъ, чѣмъ произвелъ большое замѣшательство въ римскомъ войскѣ. Въ скандинавскимъ сагахъ разсказывается о витязѣ Гаральдѣ, который, подобно Ольгѣ, посредствомъ птицъ взялъ одинъ городъ въ Сициліи. Такимъ образомъ въ лѣтописи находимъ массу поэтическаго элемента, слѣды народнаго творчества. Въ бытовомъ отношеніи этотъ разсказъ важенъ тѣмъ, что даетъ намъ много бытовыхъ чертъ: характеристику княжеской дружины, тризны надъ могилой мужа, угощенія, бани, войны и т. п. Древляне представлены глупыми—несмотря на постоянный обманъ со стороны Ольги, они все-таки ей довѣряютъ и снова попадаются въ ловушку. Слѣдовательно, въ этомъ разсказѣ отразилась племенная вражда.

Князь Святославъ изображается истиннымъ героемъ, который проводилъ жизнь свою на ратномъ полѣ, „легко ходя аки пардусъ",... „возъ по себѣ не возяще, ни котла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъ кладъ поставъ и сѣдло въ головахъ"... Если хотѣлъ на кого идти войною, то посылалъ сказать: „хочу на вы ити". Сражаясь подъ Переяславцемъ съ многочисленнымъ греческимъ войскомъ, онъ говорилъ своей дружинѣ: „уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу, да не посрамимъ землѣ русскіе, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпцѣ, азъ же предъ вами поиду, аще моя голова ляжетъ, то промыслите собою".

Разсказывая **о кончинѣ Ольги**, летописецъ говоритъ: „и плакалъ о ней сынъ ея, и внуки ея и вси люди плачемъ великимъ... Она была предтечею въ христіанской землѣ, какъ денница передъ солнцемъ и какъ заря передъ свѣтомъ; она сіяла, какъ луна въ ночи, посреди невѣрныхъ людей свѣтилась, какъ бисеръ... Она первая вошла въ царство небесное отъ Руси; ее хвалятъ русскіе сыны, какъ начальницу; она по смерти молитъ Бога за Русь". Такъ характеризуетъ Ольгу лѣтописецъ.

Разсказъ **„Крещеніе Руси"** сильно напоминаетъ житіе св. Владиміра, такъ какъ содержаніе его во многомъ заимствовано изъ существующаго отдѣльно житія св. Владиміра. Къ описываемымъ событіямъ авторъ относится съ самымъ живымъ участіемъ: онъ съ отвращеніемъ описываетъ поганые обычаи язычниковъ, смѣется надъ побѣжденнымъ діаволомъ, прославляетъ Владиміра. Самой главной заслугой Владиміра считаетъ креще-

*) Сказкахъ.

ніе Руси: „Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьтѣй земли крестивъ ю“. Другой заслугой Владиміра является насажденіе книжнаго ученія. Наконецъ, лѣтописецъ прославляетъ его, какъ заступника земли и покровителя убогихъ. Разсказъ этотъ по стилю носитъ характеръ книжный, житійный.

Сказаніе о Кожемякѣ. Битва русскаго богатыря съ печенѣжиномъ напоминаетъ сказку о Никитѣ Кожемякѣ. Сходство между сказкой и лѣтописнымъ разсказомъ заключается въ разрываніи воловьихъ кожъ, въ единоборствѣ, въ мѣстѣ дѣйствія (въ Кіевѣ). Только нѣкоторыя лѣтописныя подробности измѣнились въ сказкѣ: Печенѣга замѣнилъ змѣй, а осажденныхъ русскихъ—плѣнная царевна. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ разсказахъ лѣтописи находимъ незначительные отголоски поэтическаго содержанія древней Руси.

Житіе Өеодосія Печерскаго, составленное Несторомъ. Въ исторіи нашей литературы видное мѣсто занимаютъ „Житія“ по своему отраженію идеала и міровоззрѣнія древне-русскаго человѣка. До насъ дошло большое количество житій съ многочисленными варіантами. Списываніе житій обыкновенно велось въ монастыряхъ, считалось душеспасительнымъ дѣломъ, было однимъ изъ проявленій усердія къ памяти святого, дѣлалось по обѣту, данному въ болѣзняхъ, или въ другихъ какихъ-нибудь несчастіяхъ. Житія святыхъ появлялись у насъ въ древности въ двоякой редакціи—или въ видѣ отдѣльныхъ сказаній, или же въ видѣ свода житій святыхъ, прославившихся въ одномъ монастырѣ, такіе своды житій извѣстны подъ именемъ патериковъ. Но наши русскія житія существовали преимущественно въ видѣ отдѣльныхъ сказаній о житіи и подвигахъ того или другого святаго. Изъ оригинальныхъ патериковъ извѣстенъ только Кіево-Печерскій патерикъ. Литература житій возникла въ XI в. и тянется вплоть до XVIII в. Мѣстомъ возникновенія и развитія житій была Кіево-Печерская Лавра. Во 1-хъ, потому, что Кіевъ прежде другихъ русскихъ городовъ принялъ христіанство, въ связи съ которымъ появилась культура, и возникла письменность. Вскорѣ по принятіи христіанства въ Кіевѣ появляются первые русскіе святые, таковы, напр.,—мученики варяги, сыновья Владиміра св.—Борисъ и Глѣбъ, самъ Владиміръ, Антоній и Өеодосій Печерскіе и проч. Во 2-хъ, близость Кіева къ Византіи и южнымъ славянамъ способствовала быстрому развитію въ немъ образованности. Вслѣдъ за Кіевомъ постепенно возникаютъ житія и въ другихъ мѣстахъ нашей родины. По мѣрѣ того, какъ христіанство распространялось и окончательно устанавливалось на Руси, выдвигались лица, болѣе или менѣе послужившія дѣлу христіанства и тѣмъ заслужившія въ глазахъ древне-русскаго человѣка святость. А въ глазахъ древне-русскаго человѣка, проникнутаго религіознымъ настроеніемъ, становились святыми—князья, защищающіе свою родину отъ „поганыхъ“; святители, заботящіеся о церковномъ устройствѣ; благочестивые подвижники и отшельники, основатели монастырей, проповѣдники христіанства среди языческихъ инородцевъ. Но кромѣ подвиговъ доказательствомъ святости служили чудеса. Древне-русскій человѣкъ черпалъ примѣры христіанскаго чуда изъ библейской, евангельской исторіи, дѣяній Апостоловъ, изъ житій первыхъ мучениковъ и подвижниковъ христіанскихъ. На почвѣ наивной вѣры въ чудеса создавались легенды. Иногда еще при жизни того или другого подвижника создавались легенды. По смерти же своей святой не умиралъ, его тѣло или кости продолжали источать исцѣленія; объ этихъ чудесахъ создавался иногда кругъ или циклъ легендъ. По смерти того или другого подвижника естественно ближайшіе его ученики, желая сохранить память о своемъ учителѣ, составляли его біографію, въ которую въ изобиліи вносили легендарный матеріалъ, повѣствующій о чудесахъ и подвигахъ святого. Легенды служили какъ бы убѣдительнымъ доказательствомъ святости подвижника. Такъ создавалось житіе—изъ біографіи дѣйствительнаго лица иногда въ связи съ историческими событіями, исторической обстановкой и легендъ—продукта народнаго творчества.

Къ житіямъ XI вѣка относится житіе преп. Өеодосія, написанное его ученикомъ Несторомъ (род. около 1056 г., а умеръ около 1114 г.). Өеодосій жилъ въ XI в., годъ рожденія его точно намъ неизвѣстенъ, скончался же въ 1074 году. Вотъ вкратцѣ содержаніе житія. Өеодосій происходилъ отъ благочестивыхъ христіанъ. Родиной его былъ городъ Васильевъ, находящійся вблизи Кіева; но вскорѣ послѣ рожденія Өеодосія родители его переселились въ Курскъ. Здѣсь Өеодосій учился грамотѣ. Въ дѣтствѣ онъ не вступалъ въ игры съ товарищами, но предавался тяжелымъ аскетическимъ подвигамъ, несмотря на суровое и жестокое запрещеніе матери и насмѣшки знатныхъ сверстниковъ. Два раза неудачно пытался онъ убѣжать изъ дома — разъ съ паломниками въ Св. землю, а другой разъ къ какому-то священнику. Наконецъ, онъ въ рубищѣ ушелъ изъ дома въ Кіевъ; здѣсь онъ долго не находилъ пріюта въ монастыряхъ, гдѣ его принимали за нищаго, и только Антоній Печерскій, жившій въ пещерѣ съ другимъ подвижникомъ, Никономъ, приняли Өеодосія. Никонъ постригъ его въ монашество. Наконецъ Өеодосію удалось подчинить своему вліянію мать, которая поступила въ женскій монастырь. Братія въ монастырѣ увеличилась, и Өеодосій получилъ санъ пресвитера, а затѣмъ и игумена, выдавшись своею кротостью, смиреніемъ, трудолюбіемъ, аскетическими подвигами и вообще добродѣтельнымъ житіемъ. Несторъ

съ любовію разсказываетъ всѣ эти доблести блаженнаго и великаго отца Ѳеодосія, не оставляя безъ вниманія и историческихъ событій. Несторъ постепенно разсказываетъ, какъ возникъ и росъ Печерскій монастырь, какъ пріобрѣлъ онъ высокое значеніе не только въ Кіевѣ, но и во всей тогдашней Руси, какъ относились къ нему князья и бояре, какъ помогалъ монастырь убогимъ, больнымъ и заключеннымъ, наконецъ, какъ поддерживался порядокъ въ самомъ монастырѣ. Разсказываетъ Несторъ, какъ вступился Ѳеодосій за великаго князя Изяслава Ярославича, котораго изгнали братья—Святославъ и Всеволодъ; какъ грозно, безъ боязни, обличалъ онъ незаконно владѣвшаго Кіевскимъ столомъ Святослава Ярославича. Въ житіи передается борьба Ѳеодосія съ жидами. По житію, въ кельѣ самого Ѳеодосія шла постоянная работа надъ списываніемъ книгъ, надъ ихъ переплетомъ. Ѳеодосій давалъ примѣръ неустаннаго труда и молитвы, онъ исполнялъ даже самыя тяжелыя работы съ полнымъ смиреніемъ. Несторъ соединяетъ подвиги Ѳеодосія и братіи Печерскаго монастыря съ чудесными знаменіями и необыкновенными явленіями. Не только злые люди являлись врагами монаховъ, но и злые духи-бѣсы. По дѣйствію бѣсовскому не разъ наносился вредъ монастырскому хозяйству: бѣсы портили муку, мучили скотъ въ хлѣвахъ, пугали монаховъ, но, по молитвѣ Ѳеодосія, всѣ эти бѣды прекращались. Воры, собиравшіеся ограбить монастырь, удерживались чудесными видѣньями, будучи очевидцами того, такъ поднималась церковь и монастырь на воздухъ. Самая смерть и погребеніе Ѳеодосія сопровождались солнечнымъ сіяніемъ изъ-за тучъ, послѣ дождя. Несторъ отмѣчаетъ предсмертныя слова Ѳеодосія и подтверждающія ихъ событія, что онъ и за гробомъ остается покровителемъ своего монастыря. Въ житіи находимъ историческія и бытовыя черты. Такимъ образомъ оно знакомитъ насъ съ міровоззрѣніемъ тогдашняго общества, съ бытомъ, съ нравами, отчетливо обрисовываетъ высокій нравственный обликъ самого Ѳеодосія и вмѣстѣ съ тѣмъ въ связи съ его жизнью касается жизни современниковъ и Кіево-Печерскаго монастыря.

Написано житіе на древне-русскомъ языкѣ съ преобладаніемъ формъ церковно-славянскаго. Стиль отличается общедоступностью, простотой, ясностью, встрѣчается діалогическая форма, размышленія, сравненія, лирическія отступленія. Произведеніе не вполнѣ самостоятельное,—Несторъ подражалъ готовымъ византійскимъ образцамъ. Онъ самъ указываетъ на источники и образцы; такъ онъ часто пишетъ: „якоже пишеться таково о св. и велицѣмъ Савѣ", „якоже пишеть въ отеческыхъ книгахъ", „якоже о св. и велицѣмъ Антоніи пишеться"; и т. д. Изъ греческихъ житій Несторъ заимствовалъ такъ называемыя общія мѣста, къ которымъ обыкновенно относилась жизнь святого до поступленія въ монастырь и разсказы о подвигахъ. Такъ, по житію, Ѳеодосій съ самыхъ раннихъ лѣтъ оказывается предназначеннымъ къ высокому своему призванію. Мать всячески препятствуетъ его стремленію къ иноческой жизни; бѣсы пытаются искушать. Такимъ образомъ наши житія при самомъ своемъ возникновеніи подчинились условному книжному стилю переводныхъ византійскихъ и славянскихъ житій.

Произведенія XII вѣка: „Слово въ новую недѣлю по Пасцѣ", Кирилла Туровскаго. Кириллъ родился въ Туровѣ и былъ сыномъ богатыхъ родителей, но отказался отъ богатства и вступилъ въ монастырь; здѣсь онъ велъ строгую подвижническую жизнь. Слава о его подвигахъ быстро распространилась. По просьбѣ князя и жителей Турова онъ былъ возведенъ на епископскій Туровскій престолъ. Это было въ княженіе Андрея Боголюбскаго. Кириллъ былъ блестящій ораторъ, одаренный богатой поэтической фантазіей, такъ что современники прозвали его за краснорѣчіе русскимъ Златоустомъ. Кириллъ не только отъ природы владѣлъ недюжиннымъ талантомъ оратора, но и прошелъ школу высшаго риторическаго образованія. У него тѣ же ораторскіе пріемы, тѣ же поэтическіе обороты рѣчи, тѣ же символы и аллегоріи, какъ и у византійскихъ проповѣдниковъ. Содержаніе его словъ состоитъ въ наглядномъ поэтическомъ представленіи евангельскихъ событій. Лучшимъ его произведеніемъ является „Слово въ новую недѣлю по Пасцѣ". Въ немъ проводится параллель между временами года и исторіею человѣчества въ двухъ ея періодахъ—въ до-христіанскомъ и христіанскомъ. Первый періодъ онъ уподобляетъ зимѣ, второй — веснѣ. Солнце — Христосъ, луна Ветхій Завѣтъ съ пророками и еврейскими субботами, которыя противополагаются новозавѣтному воскресенію; буйные вѣтры изображаютъ грѣховые помыслы и т. п. Иногда проповѣдникъ, въ видѣ риторическаго пріема, вводитъ въ поученія притчи и аллегоріи.

Хожденіе игумена Даніила во Святую землю. Интереснѣйшимъ отдѣломъ древней литературы по отраженію воззрѣній и интересовъ древне-русскаго человѣка будутъ описанія путешествій. Путешествія начались вскорѣ послѣ принятія христіанства и предпринимались чаще всего въ Святую землю, Палестину, для поклоненія гробу Господню. Такіе путешественники, отправлявшіеся съ религіозными цѣлями, назывались паломниками, странниками, пилигримами, каликами перехожими. Пилигримъ и паломникъ—слова иностраннаго происхожденія; это названіе дано отъ слѣдующаго обычая. Богомольцы возвращались домой съ пальмовыми вѣтвями, съ которыми они слушали заутреню въ Вербное Воскресеніе у гроба Господня.

Паломничество было чрезвычайно распространено и приносило большой вредъ. Часто паломники отправлялись къ святымъ мѣстамъ цѣлыми семьями, иногда даже поселками, а поля оставались необработанными, земли пустѣли. Такое сильное развитіе паломничества объясняется благочестивымъ настроеніемъ древне-рускихъ людей, религіознымъ рвеніемъ недавно обращенныхъ христіанъ, религіозный интересъ которыхъ сталъ преобладать надъ всѣмъ въ этой жизни. Духовенство принимало мѣры противъ увлеченія паломничествомъ. До насъ дошло множество списковъ различныхъ описаній путешествій. Эти описанія путешествій носятъ разнообразныя названія: Хожденія, Путника, Странника, Паломника и проч. Къ XII вѣку относится одно изъ самыхъ типичныхъ и самыхъ распространенныхъ произведеній древности—Паломникъ Даніила мниха или Хожденіе игумена Даніила во Святую землю. Начинается описаніе съ момента выѣзда изъ Константинополя, а оканчивается возвращеніемъ въ Константинополь; состоитъ изъ вступленія, нѣсколькихъ главъ и заключенія. **Вступленіе** носитъ такое заглавіе: „Сказаніе о пути иже есть къ Іерусалиму и о градѣхъ и о самомъ градѣ Іерусалимѣ и о мѣстахъ честныхъ, иже около града и о церквахъ святыхъ. Во вступленіи Даніилъ говоритъ о своемъ пути до Іерусалима, о своемъ пребываніи въ подворьѣ св. Саввы и о святыняхъ, находящихся вблизи Константинополя. Авторъ полонъ смиренія; оно было вполнѣ искреннимъ, какъ подобало монаху, отвѣчало міровоззрѣнію тогдашняго общества; но кромѣ того оно было и литературной манерой, которую мы заимствовали изъ византійской литературы. Даніилъ указываетъ, что его влекло во Святую землю желаніе видѣть самыя мѣста, гдѣ жилъ и страдалъ Спаситель. На свое путешествіе онъ смотритъ, какъ на религіозный подвигъ, потому что путешествіе въ то время было сопряжено съ большими трудностями; поэтому ими можно было заслужить милость Божію, если этотъ подвигъ будетъ сопровождаться соотвѣтствующимъ благочестивымъ настроеніемъ, христіанскимъ смиреніемъ и добрыми дѣлами: „Иже бо кто путемъ симъ ходить со страхомъ и съ смиреніемъ, то не погрѣшить милости Божіа николиже. Азъ же неподобно ходихъ путемъ симъ, вся неподобная творяхъ, но надѣюся на милость Божію... не възношаяся, ни величаяся путемъ симъ. Мнози же и ходивше святый градъ Іерусалимъ, и възнесшеся умомъ, яко нѣчто добро сотворше, и пакы погубляютъ мьзду труда своего“.

Глава **„о Іерусалимѣ“** представляетъ примѣръ наблюдательности Даніила и вообще характеристики изложенія.

Въ главѣ о **„Іерданьстѣй рѣцѣ“** находимъ указаніе на ту область, изъ которой происходилъ Даніилъ. Здѣсь онъ сравниваетъ рѣку своей родины, Сновь, съ Іорданомъ. Сновь, какъ извѣстно, выходитъ изъ окрестностей Стародуба и впадаетъ въ Десну. Слѣдовательно, Даніилъ былъ изъ Черниговской области.

Заключеніе. Здѣсь Даніилъ указываетъ время своего хожденія: „Ходилъ есмы тамо во княженіе Руское великаго князя Святополка Изяславича“, слѣдовательно, Даніилъ путешествовалъ въ первой четверти XII в.; описалъ свое путешествіе онъ самъ, значитъ, и описаніе относится приблизительно къ этому же времени. Затѣмъ онъ разсказываетъ о томъ, что посѣщая св. мѣста, онъ не забывалъ молиться: „во всѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыхъ не забывахъ именъ князей рускыхъ... но вездѣ поминалъ есмь въ молитвахъ... Богъ сподоби мя написати имена Рускыхъ князей въ Лаврѣ у св. Саввы и нынѣ поминаются въ октеніихъ;... прочее же о вьсѣхъ Русьскыхъ князехъ и о боярехъ и о вьсѣхъ христіянехъ Русьскыя земля, и отпѣхомъ же литургій вьсѣхъ 90 за князей и за бояръ и за дѣти моя духовьныя и за правовѣрьныя христіяны, за живыя 50, а за мертвыя 40; быша же литургіи ты у Гроба Господьня и въ вьсѣхъ мѣстѣхъ святыхъ“. Даніилъ старается упомянуть всѣхъ въ своей молитвѣ у гроба Господня, потому что вѣритъ, что молитва здѣсь наиболѣе угодна Богу и можетъ имѣть наибольшую силу. Эта молитва его о всѣхъ князьяхъ русской земли, о всѣхъ боярахъ, о всѣхъ христіанахъ русскихъ указываетъ на его христіанское братолюбіе и патріотизмъ, лишенный всякихъ мѣстныхъ пристрастій, простиравшійся на всю Русскую землю. Это сознаніе единства Русской земли отразилось и въ другихъ памятникахъ древней литературы. Кромѣ того, здѣсь Даніилъ прямо говоритъ, что чтеніе путешествій ко св. мѣстамъ было душеспасительнымъ чтеніемъ: „Буди же вьсѣмъ почитающимъ писаніе сіе съ вѣрою и съ любовію, благословеніе отъ Бога... пріиметъ бо мьзду равну съ ходившими до св. града Іерусалима... почьтѣте его съ любовію, да мьзду пріимете равьну отъ Бога“... „Блажени бо видѣвъше и вѣроваша; треблаженіи не видѣвъше вѣроваша“... Эти послѣднія слова взяты изъ Евангелія, изъ повѣствованія о явленіи Іисуса Христа Ѳомѣ невѣрному. Выдержки изъ св. писанія встрѣчаются у Даніила довольно часто. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что Св. Писаніе было хорошо извѣстно игумену Даніилу. Слѣдовательно, онъ былъ по своему времени человѣкомъ образованнымъ и начитаннымъ.

Даніилъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на описаніи церквей, монастырей и святынь, мало обращая вниманія на страны, на племена, на ихъ нравы и обычаи. Это объясняется религіозно-нравственною цѣлью автора—дать душеспасительное чтеніе, которое въ нравственномъ отношеніи можетъ замѣнить самое путешествіе. Но кромѣ того авторы путешествій имѣли въ виду и прак-

тическія цѣли — „Паломники“ служили путеводителями послѣдующимъ путешественникамъ.

Въ „Паломникѣ“ Даніила находимъ много апокрифическаго элемента, который отчасти проникалъ изъ существовавшихъ уже апокрифовъ, отчасти создавался вновь. Апокрифы составляли цѣлый отдѣлъ литературы. Содержаніемъ апокрифа является смѣсь библейской истины съ вымысломъ, поясняющимъ самое библейское сказаніе. Апокрифы начали создаваться въ первые вѣка христіанства. До X в. церковь хотя и признавала апокрифы книгами ложными, но не запрещала ихъ читать. Съ X в., когда въ Болгаріи появилась ересь богомиловъ*), и еретики старались проводить свои вѣрованія въ апокрифахъ, чтобы такимъ образомъ ознакомить съ ними народъ, церковь начала преслѣдовать чтеніе ихъ. Несмотря на это, апокрифы оставались любимымъ чтеніемъ не только народа, но и большинства духовенства. Такъ въ „Паломникѣ“ Даніила находимъ слѣдующія апокрифическія подробности. Метафорическое, образное выраженіе Св. Писанія—кровь Спасителя омыла грѣхи рода человѣческаго—было не понято. Такъ какъ люди малоразвитые не могутъ мыслить отвлеченно, они думаютъ всегда о конкретныхъ предметахъ; и въ данномъ случаѣ метафора была понята буквально. Стали искать объясненія, какимъ образомъ кровь І. Х. могла омыть грѣхи всего человѣчества? Въ Евангеліи говорится, что когда воинъ пронзилъ бокъ І. Х., потекла кровь и вода; что въ моментъ смерти Спасителя камни распались; изъ этого рѣшили, что тогда же треснулъ камень подъ распятіемъ, что подтверждалось наличностью глубокой трещины на Голгоѳѣ, которую видѣлъ и Даніилъ; отсюда заключили, что кровь І. Х. должна была протечь по образовавшейся щели. А такъ какъ Адамъ родоначальникъ грѣшнаго человѣчества и, чтобы омыть грѣхи людей, надо омыть грѣхи его; а если кровь Спасителя омыла грѣхи людей, то слѣдовательно, Адамъ былъ похороненъ подъ Голгоѳою. Такъ создавались апокрифы. Интересна глава по апокрифическому матеріалу „о пещерѣ Мелхиседековѣ“. Библія очень туманно говоритъ о Мелхиседекѣ, и вокругъ таинственной личности этого древняго богатыря преданіе собрало множество различныхъ сказаній, которыя въ варіантахъ встрѣчаются у всѣхъ народовъ; сюжетъ о Мельхиседекѣ принадлежитъ къ такъ называемымъ бродячимъ сюжетамъ. Въ „Паломникѣ“ указывается опредѣленная пещера, которая будто бы служила жилищемъ Мелхиседеку; говорится, что Авраамъ трижды звалъ Мелхиседека изъ пещеры, что онъ остригъ Мелхиседека, потому что тотъ былъ космать и обрѣзалъ когти его, что онъ первый началъ совершать литургію хлѣбомъ и виномъ, наконецъ, говорится, что Мелхиседекъ и до сихъ поръ совершаетъ литургію въ своей пещерѣ. Послѣднее представленіе, что Мелхиседекъ до сихъ поръ совершаетъ литургію въ своей пещерѣ — элементъ уже совершенно фантастическій, въ народномъ вкусѣ; обыкновенно народъ не можетъ примириться съ мыслью о смерти любимыхъ героевъ, представляетъ себѣ ихъ, гдѣ-то живущими и ожидаетъ ихъ возвращенія.

Кромѣ указанныхъ апокрифовъ въ „Паломникѣ“ Даніила, находимъ много другихъ апокрифическихъ подробностей. Игуменъ Даніилъ, какъ человѣкъ своего времени, естественно, подчинялся вліянію различныхъ апокрифическихъ сказаній и объясненій, которыя слышалъ на мѣстѣ, во время своихъ странствованій.

Поученіе Владиміра Мономаха. Поученіе Владиміра Мономаха относится къ числу важнѣйшихъ памятниковъ нашей древней литературы, во 1-хъ, по отношенію міровоззрѣнія нашихъ предковъ въ отдаленную эпоху русской исторіи, во 2-хъ, какъ произведеніе свѣтскаго человѣка. Если мы вспомнимъ, какой человѣкъ былъ авторомъ этого поученія, то тѣмъ болѣе поймемъ всю важность и интересъ изученія его произведенія. Лѣтописи отзываются о немъ съ очень симпатичной стороны. Для людей благочестивыхъ Владиміръ Мономахъ былъ образцомъ благочестія. Лѣтописцы очень часто указываютъ на благочестивое настроеніе, говоря „даръ си отъ Бога прія“, называютъ Мономаха „братолюбцемъ, нищелюбцемъ и добрымъ страдальцемъ за Русскую землю“. Послѣднее выраженіе характеризуетъ Мономаха, какъ человѣка, посвятившаго себя на пользу родинѣ. Поученіе дошло до насъ только въ одномъ лѣтописномъ спискѣ—въ Лаврентьевскомъ, гдѣ оно помѣщено подъ 1096 г. Обращаясь къ самому памятнику, видимъ, что „Поученіе“ написано во время путешествія. Мономахъ пишетъ: „на далечи пути да на санехъ сѣдя“. Выраженіе „сѣдя на санехъ“ ученые понимаютъ различно — одни буквально, а другіе въ переносномъ смыслѣ. „Сѣдя на санехъ“ значитъ, по ихъ мнѣнію, приближаясь къ смерти. Поводомъ этому послужилъ обычай хоронить на саняхъ. Извѣстія объ этомъ обычаѣ находимъ въ лѣтописяхъ. Такъ, по лѣтописи извѣстно—Владиміръ Святой умеръ 15 іюля, похороны происходили лѣтомъ, тѣмъ не менѣе его положили на сани. Тѣла Бориса и Глѣба везли на саняхъ, хотя ихъ хоронили 2-го мая. Этотъ обычай былъ въ полной силѣ и въ XVII вѣкѣ; послѣднимъ по этому обычаю былъ похороненъ царь Іоаннъ Алексѣевичъ (1696 г.). Теперь онъ сохранился только на сѣверѣ и обусловливается чисто практическими соображеніями: везти на саняхъ было удобнѣе, такъ какъ дороги были плохія. Этотъ обычай въ древности точно также возникъ изъ практическихъ соображеній, а потомъ уже былъ возведенъ въ религіозный обрядъ.

*) Признавали дуализмъ въ сотвореніи міра — творца Бога и творца Сатанаила.

Правильнѣе понимать выраженіе „сѣдя на санехъ“ буквально. Въ самомъ „Поученіи“ находимъ на то указаніе. Мономахъ говоритъ: „Усрѣтоша бо мя слы отъ братія моея на Волзѣ“... или „на далечи пути, да на санехъ сѣдя“. Къ тому же буквальное пониманіе этого выраженія вообще гармонируетъ съ общимъ тономъ всего „Поученія“, которое отличается простотой изложенія. Поводомъ къ написанію „Поученія“ послужило предложеніе братьевъ идти на Ростиславичей и отнять у нихъ волость. Мономахъ не согласился помогать братьямъ, потому что не хотѣлъ нарушить крестное цѣлованіе, а самое предложеніе братьевъ произвело на него удручающее впечатлѣніе. Мономахъ искалъ утѣшенія въ Псалтыри; онъ раскрылъ ее наудачу и прочелъ выпавшія ему слова: „вскую печалуети, душе? вскую смущаеши мя?“... Въ даннномъ случаѣ Мономахъ не просто читалъ Псалтырь, но гадалъ по ней. Псалтырь была въ старину самой любимой и уважаемой книгой. Гаданіе по книгѣ было обычнымъ въ ту эпоху. Въ античномъ мірѣ также очень распространено было гаданіе по книгѣ; особенно часто гадали по Гомеру (греки), и Виргилію (римляне). Такимъ образомъ гаданіе по книгѣ было унаслѣдовано Византіей и Западомъ отъ античной древности. Изъ Византіи оно перешло къ намъ. Поученіе Мономаха написано для его дѣтей и для всѣхъ, кто пожелаетъ прочесть; форма его — форма завѣщанія. Такая форма была въ обычаѣ въ древней Руси. Въ сборникахъ, очень распространенныхъ въ старину, встрѣчалось много подобныхъ завѣщаній съ различными названіями, напр., „Слово нѣкоего отца къ сыну“, „Поученіе къ дѣтямъ“ и т. п. Изъ такихъ поученій самыми распространенными въ Византіи и на Западѣ были: „Поученіе буржуа сыну“, „Поученіе Людовика Св. сыну Филиппу“, поученія Ксенофонта и Өеодоры.

Поученіе знакомитъ насъ съ религіозными взглядами древне-русскаго передового человѣка. Мономахъ говоритъ, что тремя добрыми дѣлами: слезами, покаяньемъ и милостыней можно заслужить прощеніе грѣховъ и не лишиться царства небеснаго, не прибѣгая къ монашеству. Но самое монашество и связанные съ нимъ подвиги Мономахъ не отрицаетъ, а предоставляетъ его болѣе сильнымъ. Такимъ образомъ, Мономахъ признаетъ аскетическій идеалъ—монашество. Этотъ идеалъ былъ общераспространеннымъ въ то время, мы знаемъ массу случаевъ, что князья передъ смертью принимали монашество. Во взглядѣ на аскетизмъ въ древней Руси не было разлада—аскетизмъ всѣми считался высшимъ идеаломъ. И самъ Мономахъ не былъ чуждъ аскетизма. Перечисляя обязанности человѣка къ Богу, онъ говоритъ о ночной молитвѣ, которая побѣждаетъ дьявола и избавляетъ насъ отъ сдѣланныхъ днемъ грѣховъ. Такое значеніе ночной молитвѣ приписывается на основаніи того, что она трудна и является такимъ образомъ извѣстнымъ аскетическимъ подвигомъ. Такіе аскетическіе взгляды проникли къ намъ изъ Византіи. Послѣ принятія христіанства, изъ Византіи перешло къ намъ много книгъ, въ томъ числѣ сборники, въ которыхъ помѣщались поученія Отцевъ церкви. Всѣ эти поученія характеризуются аскетическимъ направленіемъ.

Перечисляя обязанности человѣка къ Богу, Мономахъ прежде всего выставляетъ смиреніе. Онъ совѣтуетъ испускать слезы о грѣхахъ своихъ, говоря: „якоже блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй“. Мономахъ говоритъ, что нужно говорить молитву постоянно; если кто не знаетъ никакихъ молитвъ, то достаточно говорить „Господи помилуй“. Далѣе требуетъ ночной молитвы. Въ то время, когда Русь еще не такъ давно приняла христіанство, объ отношеніяхъ человѣка къ Богу не лишне было упомянуть.

Изъ обязанностей человѣка къ ближнему на первый планъ выставляетъ милостыню. Онъ говоритъ, что по мѣрѣ силъ нужно помогать бѣднымъ. Далѣе вмѣняетъ въ обязанность защиту угнетенныхъ и слабыхъ. Отъ князя требуетъ правосудія, и чтобы судъ производилъ самъ князь. Это требованіе вызвано злоупотребленіями княжскихъ помощниковъ (тіуновъ), которымъ князь поручалъ иногда производить судъ. Къ подсудимому требовалъ милостиваго отношенія. Словами—„ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его“—Мономахъ отрицаетъ смертную казнь, онъ боится загубить душу преступника, которая, вслѣдствіе скорой смерти, лишается возможности покаяться и исправиться. Вообще смертная казнь была не свойственна древне-русской жизни, и если впослѣдствіи стала примѣняться, то какъ результатъ византійскаго вліянія. Подтвержденія тому, что смертной казни не было въ древней Руси находимъ и въ Русской Правдѣ въ ней нѣтъ указаній на смертную казнь, за различныя предступленія въ Русской Правдѣ опредѣляется извѣстный денежный штрафъ, называемый вирою. Вторымъ подтвержденіемъ того, что смертная казнь была чужда древне-русской жизни, является разговоръ Владиміра Св. съ епископами. На увѣщанія греческихъ епископовъ казнить разбойниковъ Владиміръ отвѣчалъ: „боюсь грѣха“. Такимъ образомъ Владиміръ Св. руководствовался сознаніемъ истинныхъ христіанскихъ требованій. Новообращенный язычникъ понялъ лучше то, чего, повидимому, не понимали, или не хотѣли понять греческіе епископы.

Далѣе Мономахъ пересчитываетъ обязанности человѣка къ самому къ себѣ. Онъ предостерегаетъ давать клятвы. Крестное цѣлованіе нужно давать обдумавши, а если дано—не нарушать его. Соблюденіе крестнаго цѣлованія было очень важно для того вре-

мени, такъ какъ оно уменьшило бы княжескія усобицы, отъ которыхъ страдало населеніе. Мономахъ требуетъ почитанія духовенства. Духовенство вообще пользовалось большимъ почетомъ въ древней Руси. Это уваженіе было настолько велико, что духовныя лица могли мирить князей своими увѣщаніями и совѣтами, которые князья выслушивали съ полной покорностью. Это объясняется тѣмъ, что духовенство, какъ менѣе образованное, могло пріобрѣтать вліяніе на менѣе образованный народъ. Къ тому же князья сами создавали имъ положеніе въ обществѣ, давали духовнымъ различныя преимущества и даже десятину отъ своихъ доходовъ.

Далѣе Мономахъ требуетъ смиренія, такъ какъ всѣ люди смертны, слѣдовательно, и всѣ равны. Онъ запрещаетъ копить деньги и зарывать въ землю. Обычай копить и зарывать драгоцѣнности былъ очень распространенъ въ то время; онъ восходитъ къ очень древнему времени, напр., находятъ клады съ монетою VIII в. Запрещая копить богатства, Мономахъ совѣтуетъ постоянно подавать милостыню. Старшихъ, говоритъ, надо почитать, какъ отца, а молодыхъ, какъ братьевъ. Далѣе идутъ наставленія о домашней жизни, въ чемъ сказался практическій умъ Мономаха. Затѣмъ переходитъ къ изложенію обязанностей князя. Князь во время похода долженъ позже всѣхъ ложиться спать и раньше всѣхъ вставать, не полагаться на воеводъ, не лѣниться. Путешествуя по своимъ землямъ, князья не должны позволять другимъ притѣснять жителей и совѣтуетъ имъ самимъ накормить, напоить несчастныхъ. Такой совѣтъ, дѣйствительно, былъ необходимъ. Когда князья со своей дружиной обходили свои земли для сбора дани, то жителямъ приходилось очень тяжело. Дружина часто притѣсняла ихъ, жестоко обходилась съ ними, зная, что они не рѣшатся жаловаться князю на его же слугъ. Кромѣ того, многіе князья потакали своимъ слугамъ. Мономахъ совѣтуетъ быть гостепріимнымъ, такъ какъ гость прославитъ человѣка по чужимъ землямъ злымъ или добрымъ. Отношеніе къ женщинѣ въ „Поученіи“ гуманное, негрубое. Мономахъ говоритъ: „жену свою любите“. Чтобы понять все значеніе этого предписанія Мономаха для тогдашняго русскаго человѣка, надо вспомнить, каковы были взгляды на женщину въ то время. Въ первые вѣка русской исторіи, какъ мы знаемъ, у славянъ женщины пользовались значительною долею независимости и бывали даже правительницами, напр., княгиня Ольга. Съ принятіемъ христіанства, подъ вліяніемъ Византіи сталъ развиваться отрицательный взглядъ на женщину. Высказывалось мнѣніе, что женщина существо нечистое, считали, что она источникъ грѣха. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ ссылались на Соломона, который говоритъ, что отъ жены начало всему грѣху, и отъ нея мы погибаемъ всѣ. Но предписывая любить жену, Мономахъ прибавляетъ, что мужъ не долженъ давать женѣ надъ собою власти. Такое мнѣніе было общераспространеннымъ, еще ап. Павелъ говоритъ о повиновеніи жены мужу. Въ заключеніе всѣхъ совѣтовъ Мономахъ говоритъ: „страхъ Божій имѣйте выше всего“, т. е. бойтесь нарушать заповѣди Божіи. Мономахъ совѣтуетъ учиться, какъ можно больше, предостерегаетъ отъ лѣни. Образованіе, по его мнѣнію, необходимо. Онъ приводитъ въ примѣръ своего отца, который зналъ пять языковъ. Далѣе идетъ автобіографія Мономаха, на основаніи которой можно сказать, что жизнь его была очень дѣятельна. Онъ самоотверженно, или какъ самъ говоритъ, „не блюда живота своего, не щадя головы своея“, трудился для народа, защищая его отъ враговъ и отъ дикихъ звѣрей. Охота въ то время, при обиліи дикихъ звѣрей, носила характеръ княжеской обязанности, а не забавы. Разсказывая свою жизнь, Мономахъ, какъ бы хочетъ показать дѣтямъ, что онъ не требуетъ отъ нихъ невозможнаго. Такимъ образомъ его жизнь является иллюстраціей къ высказаннымъ положеніямъ. Эта часть „Поученія“ много напоминаетъ „Завѣты патріарховъ“. Свое „Поученіе“ Мономахъ заканчиваетъ мыслью, что человѣку не слѣдуетъ бояться никакой опасности, потому что Богъ печется о немъ, и ничто въ мірѣ не совершится безъ воли Бога; а если же Богъ пошлетъ несчастье, то ничто не спасетъ человѣка.

Итакъ, „Поученіе“ Владиміра Мономаха знакомитъ насъ съ религіозными, нравственными взглядами древне-русскаго передового человѣка, рисуетъ идеалъ древне-русскаго князя и отчасти бытъ древней Руси.

„Слово о полку Игоревѣ“ По содержанію, формѣ и значенію это — замѣчательный поэтическій памятникъ древне-русской письменности. Поэтическія достоинства „Слова“ признаны всѣми учеными міра. Рукопись „Слова“, относящаяся къ концу XV вѣка, была найдена графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ 1795 г., въ одномъ старинномъ сборникѣ. Эта рукопись сгорѣла въ 1812 году, утраченную рукопись „Слова“ замѣняетъ намъ его первое изданіе, выпущенное въ свѣтъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ 1800 г., въ Москвѣ. Въ 60-хъ годахъ 19 стол. академикомъ Пекарскимъ была найдена въ бумагахъ императрицы Екттерины II, въ Государственномъ Архивѣ, рукописная копія, сдѣланная съ этого произведенія въ концѣ XVIII стол.

Содержаніе „Слова“ историческое — походъ на половцевъ Новгородъ-Сѣверскаго князя Игоря Святославича, сына Святослава Ольговича, князя Черниговскаго, съ братомъ Всеволодомъ, княземъ Трубчевскимъ, съ племянникомъ Святославомъ Ольговичемъ, княземъ Рыльскимъ, и съ сыномъ Владиміромъ, княземъ Путивльскимъ. Изображаются подробно всѣ событія, сопровождающія походъ, слѣдствіе его, подвиги и битвы князей.

Весь походъ и всѣ событія, составляющія предметъ содержанія „Слова", описаны въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1185 г. такимъ образомъ:

Князь Игорь, позвавъ съ собою брата своего Всеволода, племянника Святослава и сына Владиміра, отправился въ степь на половцевъ. Пріѣхавъ къ Донцу, онъ увидалъ солнечное затменіе и принялъ это за недоброе предзнаменованіе. Однако это его не остановило. Переѣхавъ Донецъ, онъ два дня ждалъ брата своего Всеволода изъ Курска. Въ пятницу они встрѣтились съ половцами и побѣдили ихъ. Половцы обратились въ бѣгство. Но Игорь, не довольствуясь побѣдой, погнался за ними въ степь. Между тѣмъ половцы получили подкрѣпленіе, возвратились назадъ и въ субботу сами напали на русскихъ. Произошла жестокая битва и продолжалась цѣлый день; русскіе были совершенно разбиты. Игорь, раненый въ лѣвую ногу, и Всеволодъ были взяты въ плѣнъ. Другіе русскіе князья продолжали воевать съ половцами. Игорь оставался въ плѣну, гдѣ пользовался нѣкоторой свободой: ему разрѣшалось ѣздить на охоту, имѣть при себѣ священника. Одинъ половчанинъ, по имени Лаворъ, предлагалъ ему бѣжать изъ плѣна. Но Игорь, не желая оставить своихъ дружинниковъ въ плѣну, сначала не соглашался. Потомъ же, убѣжденный нѣкоторыми изъ нихъ, убѣжалъ въ свою землю, воспользовавшись сномъ половцевъ, упившихся кумысомъ. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1186 г. находимъ нѣкоторыя дополненія, напр., когда князья и бояре услышали о пораженіи русскихъ, то восплакали. Кіевскій князь Святославъ собралъ своихъ сыновей и другихъ князей и отправилъ ихъ на половцевъ. Половцы, услышавъ объ этомъ, бѣжали за Донъ. Князья возвратились и разошлись по своимъ областямъ. Половцы воспользовались этимъ, вновь пришли на Русскую землю и напали на Ярославль и другіе города. Между тѣмъ Игорь убѣжалъ отъ половцевъ. Сравнивая „Слово" съ лѣтописнымъ разсказомъ, находимъ много общаго не только въ главномъ, но и въ подробностяхъ. Все „Слово" можно раздѣлить на слѣдующія части: 1) вступленіе, 2) (съ самаго начала до словъ: „Тогда Игорь воззрѣ"... 2) Походъ Игоря (съ словъ: „Тогда Игорь воззрѣ"... до словъ: „А Святославъ мутенъ сонъ видѣ"...). 4) Вѣщій сонъ Святослава (съ словъ: „А Святославъ мутенъ сонъ видѣ"... до словъ: „Ярославинъ гласъ слышитъ"...). 4) Плачь Ярославны (отъ словъ: „Ярославнинъ гласъ слышитъ"... до словъ: „Прысну море полунощи"... 5) Бѣгство и возвращенія Игоря (отъ словъ: „Прысну море полунощи" и до конца). Обратимся къ переводу каждой части:

Не прилично ли намъ было бъ, братцы, начать старыми словесами печальную повѣсть о походѣ Игоревомъ, Игоря Святославича. Начаться же той пѣснѣ по былинамъ сего времени, а не позамышленію Боянову. Боянъ вѣдь вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь спѣть, то уносился мыслію какъ птица по дереву, какъ сѣрый волкъ, по землѣ, какъ сизый орелъ подъ облаками. Вѣдь помнилъ, говорили, первыхъ временъ усобицы; тогда (т. е. когда задумывалъ пѣснь пѣть) выпускалъ 10 соколовъ (пальцы) на стадо лебедей, (струны) которую соколъ догонялъ, та первая пѣснь пѣла старому Ярославу, храброму Мстиславу, который зарѣзалъ Редедю передъ полками касожскими (касоги—народъ, жившій на сѣверномъ Кавказѣ), красавцу Роману Святославичу. Боянъ же, братцы, не 10 соколовъ на стадо лебедей выпускалъ, но свои искусные персты на живыя струны воскладалъ, а они сами князьямъ славу говорили. Начнемъ же, братцы, повѣсть эту отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря, который укрѣпилъ умъ свой, а сердце сдѣлалъ мужественнымъ; наполнился воинственнаго духа и навелъ свои храбрые полки на землю половецкую за землю русскую.

Тогда Игорь посмотрѣлъ на свѣтлое солнце и увидѣлъ, что оно тьмою прикрывало его войска. И сказалъ Игорь дружинѣ своей: „Братцы и дружина! лучше убитымъ быть, чѣмъ взятымъ въ плѣнъ; сядемъ, братцы, на своихъ борзыхъ коней, да посмотримъ на синій Донъ"... „Вѣдь хочу,— сказалъ, копье переломить въ концѣ поля половецкаго, съ вами, русичи, хочу голову свою положить, или же испить шлемомъ Дона („испити шеломомъ Дону"—обычное выраженіе въ лѣтописи, значитъ совершать подвиги на водахъ). О Боянъ, соловей стараго времени, какъ бы ты воспѣлъ эти походы, скача, соловей, мыслью какъ птица по дереву, летая умомъ подъ облаками, соединяя, соловей, обѣ половины сего времени (т. е. воспѣвая прошедшее и настоящее, старину и былины сего времени), бѣгая тропою Трояновою, чрезъ поля на горы. Не такъ ли нужно было пѣть пѣснь Игорю, Олегову внуку: „Не буря соколовъ (русскихъ) занесла черезъ поля широкія, галки (половцы) стадами бѣжатъ къ Дону великому". Или такъ надо было воспѣть, вѣщій Боянъ, Велесовъ внукъ: „Кони ржутъ за Сулою; звенитъ слава въ Кіевѣ; трубы трубятъ въ Новгородѣ. Стоятъ знамена въ Путивлѣ, Игорь ждетъ милаго брата Всеволода. И сказалъ ему буй-туръ Всеволодъ. „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорь! Оба мы Святославича. Сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои готовы, осѣдланы, у Курска впереди. А мои куряне извѣстные наѣздники: подъ трубами вспеленаты, подъ шлемами укачаны, концемъ копья вскормлены, пути имъ извѣстны, овраги знакомы, луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли наострены, сами скачутъ какъ сѣрые волки, ища себѣ чести, а князю славы. Тогда вступилъ князь Игорь въ золотое стремя и поѣхалъ по чистому полю. Солнце ему тьмою путь застилало, ночь стеня грозою птицъ разбудила; свистъ звѣриный... дивъ кричитъ

вверху дерева, велитъ послушать незнакомой землѣ, Волгѣ, и Поморію (мѣста по берегамъ моря), и Посулію (по р. Сулѣ) и Сурожу (Азовское море) и Корсуню, и тебѣ тмутораканскій болванъ! А половцы неторными дорогами побѣжали къ Дону великому; кричатъ телѣги въ полночь, словно лебеди выпущенныя. Игорь къ Дону войска ведетъ... Волки по оврагамъ ждутъ грозы; орлы клектомъ на кости звѣрей зовутъ; лисицы лаютъ на красные щиты. О русская земля! ты уже за холмомъ. Долго ночь меркнетъ, заря свѣтъ запала; туманъ поля покрылъ; щекотъ соловьиный утихъ, говоръ галокъ пробудился. Русскіе обширныя поля загородили красными щитами, ища себѣ чести, а князю славы. Съ ранняго утра въ пятницу потоптали поганые полки половецкіе и разсыпались стрѣлами по полю, угнали съ собою половецкихъ красавицъ, а съ ними золото, паволоки (шелковая ткань) и дорогіе оксамиты (бархатная парча)... япончицами (родъ плаща) и шубами и всякими драгоцѣнными половецкими вещами начали мосты мостить по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ. Красное знамя, бѣлая хоругвь, красный бунчукъ, серебряное оружіе достались храброму Святославичу! Дремлетъ въ полѣ храброе гнѣздо Олегово, далеко оно залетѣло. Не было оно порождено обидѣ ни соколу, ни кречету, ни тебѣ черный воронъ, поганый половчининъ! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ, Кончакъ ему вслѣдъ направляется къ Дону великому. На другой день очень рано кровавыя зори день возвѣщаютъ; идутъ съ моря черныя тучи (половцы) хотятъ прикрыть 4 солнца (4-хъ русскихъ князей); а въ нихъ трепещутъ синія молнія: быть грому великому, идти дождю стрѣлами съ Дона великаго; тутъ копьямъ переломиться, тутъ саблямъ притупиться о шлемы половецкіе, на рѣкѣ на Каялѣ, у Дона великаго. О русская земля! ты уже за холмомъ. Вотъ вѣтры Стрибожьи внуки, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы; земля дрожитъ, рѣки мутно текутъ; пыль поля покрываетъ, знамена развѣваются; половцы идутъ отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ, русскіе полки отступили. Дѣти бѣсовы кликомъ поля загородили, а храбрые русскіе загородили (въ смыслѣ заняли) красными щитами. Яръ-туръ Всеволодъ! стоишь ты на брани (битвѣ), стрѣляешь въ войска, гремишь мечами булатными о шлемы, гдѣ туръ проскакивалъ своимъ золотымъ шлемомъ посвѣчивая, тамъ лежатъ поганыя головы половецкія; изсѣчены тобою саблями калеными шлемы оварскіе, Яръ-туръ, Всеволодъ!.. Были вѣка Трояновы, прошло время Ярослава; были походы Олеговы, Олега Святославича; вѣдь Олегъ мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлы по землѣ сѣялъ, вступаетъ въ золотое стремя въ городѣ Тмуторакани, а тотъ звонъ слышалъ прежній великій Ярославъ, а Владиміръ, сынъ Вселовода, каждое утро уши закрывалъ (Владиміръ Мономахъ оставался глухъ къ этому звону (воинскій громъ, слава) въ Черниговѣ. Бориса же Вячеславича слава до смерти довела за обиду Олегову, храбраго и молодого князя. Тогда при Олегѣ Гориславичѣ (Святославичѣ—игра словъ) сѣялись и росли усобицы, погибала жизнь Даждь-бога внука (князей), въ княжескихъ крамолахъ вѣка людямъ сокращались. Тогда по русской землѣ рѣдко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, собираясь летѣть на добычу. То было въ тѣ войны и въ тѣ походы, а такой войны не слышали. Съ ранняго утра до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ копья булытныя въ полѣ незнакомомъ, среди земли половецкой. Черна земля подъ копытами костьми засѣяная, а кровью политая,—скорбью взошли по русской землѣ. Что шумитъ, что звенитъ рано предъ зарями? Игорь полки заворочаетъ, вѣдь жаль ему милаго брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третій день къ полдню пали знамена Игоря. Тамъ братья разлучились на берегу быстрой Каялы; тамъ кроваваго вина не хватило; тамъ пиръ докончили храбрые русскіе: сватовъ напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнетъ трава отъ жалости, а дерево съ печали къ землѣ приклонилось. Уже, братцы, не веселыя времена наступили; уже пустыня силу прикрыла; встала обида въ силахъ (русскіе) Даждьбога внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крыльями на синемъ морѣ, плеская напомнила счастливыя времена. Усобицы между князьями... сказалъ братъ брату: „вотъ мое, а то мое же. И начали князья малое“ „большимъ“ называть, а сами на себя крамолу ковать, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили на Русскую землю и побѣждали. О! далеко къ морю зашелъ соколъ, птицъ побивая. А Игоря храбраго полка не воскресить. Жены русскія восплакали, говоря: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни глазами посмотрѣть, а золота и серебра намъ не нашивать. Возстоналъ, братцы, Кіевъ отъ печали, а Черниговъ отъ бѣды; тоска разлилась по русской землѣ: глубокая печаль распространилась по русской землѣ. А князья сами на себя крамолу ковали, а поганые сами съ побѣдами хаживали на русскую землю, брали дань по бѣлѣ отъ двора. Святославъ грозный, великій Кіевскій наступилъ на землю половецкую; притопталъ холмы и овраги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота; а поганаго Кобяка изъ лукоморья отъ желѣзныхъ великихъ полковъ половецкихъ, какъ вихрь вырвалъ; и палъ Кобакъ въ городѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святослава. Тутъ нѣмцы и венеціане, тутъ греки и морава поютъ славу Святославу, порицаютъ князя Игоря, который погрузилъ богатство на дно Каялы, рѣки половецкой. Русскаго золота насыпали. Тутъ Игорь князь пересѣлъ изъ сѣдла золотого, въ сѣдло плѣнника: пріуныли города и веселіе притихло.

А Святославъ тревожный сонъ видѣлъ. Въ Кіевѣ на горахъ въ эту ночь съ вечера одѣвали меня, сказалъ, черным покрываломъ на кровати тисовой; черпали мнѣ синее вино съ горемъ смѣшанное; сыпали на меня изъ пустыхъ колчановъ крупный жемчугъ на грудь и лелѣяли меня. Уже доски безъ князька въ моемъ златоверхомъ теремѣ. Всю ночь съ вечера вороны граяли".

И сказали бояре князю: „Уже князь, унынiе овладѣло: вотъ два сокола слетѣли съ отцовскаго золотого стола добыть города Тмуторокани, или же испить шлемомъ Дона: уже соколамъ крылья подрѣзали саблями поганыхъ, а самихъ опутали желѣзными путами. Темно было въ третій день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли, и съ ними молодые мѣсяцы. Олегъ и Святославъ тьмою покрылись. На рѣкѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; по русской землѣ разбѣжались половцы, какъ пардусовъ гнѣздо. Вотъ готскія красавицы воспѣли на берегу синяго моря, звеня русскимъ золотомъ: поютъ о времени Бусовѣ, вспоминаютъ месть Шарукана. А мы уже, дружина, жаждемъ веселія. Тогда великій Святославъ сказалъ золотое слово, съ слезами смѣшанное: „О мои племянники, Игорь и Всеволодъ! рано вы начали половецкую землю мечами сокрушать, а себѣ славы искать; но не съ честью одолѣли; не съ честью кровь поганую пролили. Ваши храбрыя сердца въ твердомъ булатѣ скованы, а въ дерзости закалены. То ли сдѣлали моей серебряной сѣдинѣ. А не диво ли, братцы, старому помолодѣть! Если соколъ линяетъ, высоко птицъ бьетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду... Великій князь Всеволодъ! не думаешь ли ты прилетѣть издалека, въ защиту отцовскаго золотого стола: ты вѣдь можешь Волгу веслами раскропить, а Донъ шлемами вычерпать; если бы ты былъ, то была плѣнница по ногатѣ (монета), а плѣнникъ по рѣзанѣ (монета). Ты, буй Рюрикъ и Давидъ! не ваши ли золотые шлемы по крови плавали? не ваша ли храбрая дружина кричитъ какъ туры, раненые саблями калеными въ полѣ незнакомомъ? Вступите, господа,, въ золотыя стремена за обиду сего времени, за землю русскую, за раны Игоревы, буего Святославича! Галицкій Осмомыслъ Ярославъ! высоко сидишь на своемъ златокованномъ столѣ, подперъ горы Венгерскія своими желѣзными полками, загородилъ королю путь, затворилъ Дунаю ворота, бросая тяжести за облака, суды творя до Дуная. Грозы твои по землямъ текутъ; отворяешь Кіеву ворота; стрѣляешь съ отцовскаго золотого стола до султановыхъ (указыв. на крестов. походъ) земель. Стрѣляй, господинъ, Кончака, поганаго плѣнника, за землю Русскую; за раны Игоря, храбраго Святославича! На Немигѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами булатными, на токѣ жизнь кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немиги посѣяны были не добромъ, но костьми русскихъ сыновъ. Князь Всеславъ людей судилъ, князьямъ города рядилъ, а самъ въ ночь волкомъ рыскалъ изъ Кіева добѣгалъ до пѣтуховъ Тмуторокани; великому Хорсу волкомъ путь перебѣгалъ. Въ Полоцкѣ звонили заутреню у Святой Софіи, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. Хотя и мудра душа въ иномъ тѣлѣ, но часто отъ бѣды страдаетъ. Про это вѣщій Боянъ впервые сказалъ: Ни хитрому, ни мудрецу, ни птицѣ разумной суда Божія не миновать. О! стонать русской землѣ, вспомнивши первыя времена и первыхъ князей! Того стараго Владиміра нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ; теперь одни знамена принадлежатъ Рюрику, а другія Давиду.

Ярославнинъ голосъ слышится; кукушкою невѣдомою рано кричитъ: „Полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю; омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, утру князю кровавыя его раны на мужественномъ его тѣлѣ". Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, говоря: „О вѣтеръ вѣтрило! зачѣмъ, господинъ, насупротивъ дуешь? Зачѣмъ направляешь ханскія стрѣлы на своихъ легкихъ крыльяхъ на войска моей лады? Развѣ тѣсно тебѣ вверху подъ облаками вѣять, качая корабли на синемъ морѣ? Зачѣмъ, господинъ, мое веселіе по травѣ ковыль развѣялъ". Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, говоря: „О Днѣпръ Словутичъ! ты пробилъ каменные горы сквозь землю половецкую; ты укачивалъ на себѣ Святославовы насады (плоскодонное судно) до полка Кобякова: принеси, господинъ, мою ладу ко мнѣ, чтобы я не слала къ нему слезъ на морѣ рано". Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, говоря: свѣтлое и тресвѣтлое солнце! всѣмъ ты свѣтло и красно, зачѣмъ, господинъ, простерло горячіе лучи на войска моей лады? въ полѣ безводномъ отъ жажды у нихъ луки стянуло, а печаль колчаны заткнула.

Взволновалось море въ полночь; идутъ тучи. Князю Игорю Богъ путь указываетъ изъ земли половецкой въ землю русскую къ отцовскому золотому столу. Погасла вечерняя заря. Игорь спитъ, Игорь представляетъ поле отъ великаго Дона до малаго Донца. Овлуръ въ полночь коня свистнулъ за рѣкою. Князь Игорь понялъ знакъ... Раздался стукъ, зашумѣла трава, въ половецкихъ палаткахъ задвигались. А князь Игорь поскакалъ горностаемъ къ тростнику и бѣлымъ гоголемъ по водѣ; вскочилъ на борзаго коня и соскочилъ съ него сѣрымъ волкомъ и побѣжалъ къ лугу Донца, полетѣлъ соколомъ, въ туманѣ избивая гусей и лебедей къ завтраку обѣду и ужину. Если Игорь соколомъ летѣлъ, то Влуръ (Лаворъ) волкомъ бѣжалъ, стряхивая подъ собою студеную росу: надорвали своихъ борзыхъ коней. Донецъ сказалъ: „Князь Игорь, большая тебѣ слава, а Кончаку озлобленья, а Русской землѣ радости". Игорь

отвѣчалъ! О Донецъ! большая слава тебѣ, лелѣявшему князя на волнахъ, устилавшему для него зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвавшему его теплыми туманами подъ сѣнью зеленаго дерева, ты стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на волнахъ, чернядьми въ воздухѣ. Не сороки вострекотали: вслѣдъ Игорю ѣдитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда вороны не граяли, галки замолкли, сороки не стрекотали,.. дятлы стукомъ къ рѣкѣ путь указываютъ, соловьи веселыми пѣснями разсвѣтъ возвѣщаютъ. Говоритъ Гзакъ Кончаку: „Если соколъ къ гнѣзду улетитъ, соколенка разстрѣляемъ своими золотыми стрѣлами". Сказалъ Кончакъ Гзѣ: „Если соколъ къ гнѣзду улетитъ, то мы соколенка опутаемъ красною дѣвицею. „И сказалъ Гзакъ Кончаку:" Если его опутаемъ красною дѣвицею, то не будетъ намъ ни соколенка, ни красной дѣвицы, и начнутъ они птицъ бить въ полѣ половецкомъ". Сказалъ Боянъ: „Тяжело тебѣ, голова, безъ плечъ, бѣда тебѣ, тѣло, безъ головы"; Русской землѣ безъ Игоря. Солнце свѣтится на небеси, Игорь князь въ Русской землѣ. Дѣвицы поютъ на Дунаѣ, несутся голоса чрезъ море до Кіева: Игорь ѣдетъ по Боричеву ко святой Богородицѣ Пирогощей; страны рады, въ городахъ веселье. Споемъ пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ: „Слава Игорю Святославичу, буй туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу; да здравствуютъ князья и дружина, сражающаяся за христіанъ съ погаными полками! „Князьямъ слава и дружинѣ". Аминь.

Основная идея „Слова о полку Игоревѣ" есть идея необходимости единства Русской земли въ противоположность тогдашней разрозненности земли и княжескимъ междоусобіямъ. На результатъ несчастнаго похода противъ половцевъ авторъ смотритъ, какъ на естественное слѣдствіе такого состоянія Руси. Мысль о междоусобіяхъ, чувство скорби объ этомъ современномъ бѣдствіи выражаются и въ описаніи пораженія русскихъ и плѣна князей, и въ воззваніи кіевскаго князя Святослава къ современнымъ князьямъ отомстить врагамъ за обиду Русской земли, и въ воспоминаніи о прежнемъ времени и о прежнихъ князьяхъ. Въ этихъ мѣстахъ повѣсть переходитъ въ лирическую думу; чувство выражено искренно и сильно. Изъ поэтическихъ достоинствъ „Слова", кромѣ глубины чувства автора, слѣдуетъ отмѣтить картинность изображенія. Этой цѣли авторъ достигаетъ: 1) *сравненіями* положительными и положительно-отрицательными, напр.: „какъ соколъ ширяясь по вѣтру"; „не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя вѣщая персты на живыя струны вскладаше"; битва уподобляется свадебному пиру; 2) *олицетвореніями*, напр.: обида представлена въ образѣ дѣвы; вѣтры называются внуками Стрибога; Донецъ разговариваетъ съ Игоремъ, никнетъ трава отъ жалости; 3) *народными эпитетами*, напр.: красныя дѣвы, поле чистое, море синее, волкъ сѣрый, стрѣлы каленыя, конь борзый, терема златоверхніе; 4) *тавтологіей*, *) напр.: мосты мостити; мыслію смыслити, трубы трубятъ; 5) *обиліемъ метафоръ*, напр.: мечомъ ковалъ крамолу; кроваваго вина недостало. Мѣстами „Слово" напоминаетъ отдѣльные виды народной поэзіи, напр., пѣсни—находимъ двѣ запѣвки во вкусѣ народныхъ пѣсенъ: „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дому великому". Или: „Комони ржутъ за Сулою" и т. д. Плачъ Ярославны напоминаетъ заговоръ. На „Словѣ" сказалось и книжное вліяніе, напр.: иже стягну умъ крѣпостіею своею и поостри сердца своего мужествомъ"... — фраза книжнаго характера, встрѣчается въ другихъ памятникахъ письменности.

Авторъ „Слова" неизвѣстенъ; несомнѣнно, онъ былъ дружинникомъ Святослава — всѣ его симпатіи на сторонѣ послѣдняго, напр.: восхваленіе Святослава и порицаніе Игоря.

Написано „Слово" въ 1187 году, такъ какъ оно не могло быть написано позже 1187 года—оно называетъ Ярослава Осмомысла, какъ современнаго князя, а онъ умеръ въ 1187 г.; не могло появиться и раньше—въ „Словѣ" говорится о женитьбѣ Владиміра Игоревича на Кончаковнѣ, а бракъ былъ заключенъ, какъ знаемъ по лѣтописи, въ 1187 г. Такимъ образомъ „Слово" должно было появиться не позже и не раньше 1187 года, слѣдовательно, въ 1187 году. Что представляетъ собою „Слово" по формѣ? Самъ авторъ называетъ его то повѣстью, то пѣснью. Въ древности эти слова различались: пѣснь требовала непремѣнно стихотворнаго размѣра, котораго мы не видимъ въ „Словѣ"; только изрѣдка встрѣчается въ немъ ритмъ. Но мы знаемъ, что пѣсня могла превращаться въ прозаическій разсказъ, какъ былины, напр., разлагались въ побывальщины. Это возможно было при томъ условіи, когда произведеніе было устнымъ. „Слово" же, несомнѣнно, письменное произведеніе, потому что иначе была бы путаница въ годахъ и именахъ; между тѣмъ, мы видимъ, что въ „Словѣ" каждый князь упоминается умѣстно и рисуются историческія событія. Такъ какъ „Слово" проникнуто языческимъ міровоззрѣніемъ (масса именъ языческихъ божествъ), христіанскихъ элементовъ въ немъ нѣтъ, то этимъ объясняется, почему „Слово" дошло до насъ въ единственномъ экземплярѣ. Духовенство преслѣдовало подобныя произведенія, на „Слово" смотрѣли, какъ на богомерзкую книгу, переписывать которую считалось дѣломъ грѣховнымъ.—Со времени открытія „Слова" оно много разъ и на многіе языки было переведено.

*) Повтореніе одного и того же корня въ двухъ или нѣсколькихъ рядомъ стоящихъ словахъ.

Произведенія XIII вѣка: Сочиненія Серапіона епископа Владимірскаго. Серапіонъ былъ сначала игуменомъ Кіево-Печерскаго монастыря, а потомъ занялъ епископскую каѳедру во Владимірѣ. Изъ поученій его извѣстны только пять, хотя ихъ должно быть было больше, потому что самъ онъ говоритъ въ своихъ поученіяхъ: „многажды глаголахъ вы“. Въ этихъ поученіяхъ проповѣдникъ говоритъ о знаменіяхъ Господнихъ, которыя должны были предостеречь народъ отъ грѣховъ, побудить его къ нравственному исправленію. Въ одномъ изъ нихъ Серапіонъ рисуетъ картину татарскаго нашествія и его послѣдствія. Причиной монгольскаго ига считаетъ грѣхи людскіе, поэтому призываетъ всѣхъ къ очищенію отъ грѣховъ. Такое покаянное настроеніе сквозитъ во всѣхъ поученіяхъ Серапіона.

„Моленіе Даніила Заточника“. „Моленіе Даніила Заточника“ является единственнымъ юмористическимъ памятникомъ въ до-монгольскій періодъ нашей литературы. Оно дошло до насъ въ 8 спискахъ, которые дѣлятъ на 2 редакціи. Какъ о времени составленія памятника, такъ и о личности автора существуютъ разнорѣчивые взгляды. Одни ученые относятъ его къ 12, а другіе къ 13 вѣку. Одни считаютъ автора за княжескаго дружинника, который былъ сосланъ за что-то; другіе за холопа. Наконецъ, недавно появилось третье мнѣніе, по которому авторъ „Моленія“ вовсе не былъ сосланъ; онъ былъ бѣденъ и просилъ князя избавить его отъ нищеты и взять къ себѣ на службу. Названіе же „Заточникъ“ было присоединено впослѣдствіи. Основная мысль „Моленія“— умные люди нужнѣе для князя, чѣмъ глупые, хотя бы и храбрые; эта мысль проводится съ той цѣлью, чтобы князь взялъ его къ себѣ на службу. Авторъ высказываетъ свое рѣшеніе обратиться съ просьбой къ Ярославу Всеволодовичу. Его ободряютъ слова Св. Писанія—просите и пріимите. Онъ жалуется на несправедливое отношеніе своихъ современниковъ къ бѣднымъ, на преклоненіе ихъ передъ богатствомъ. Авторъ добивается справедливаго къ себѣ отношенія князя, онъ проситъ его не обращать вниманія на его внѣшнія качества, а на внутреннія. Онъ выставляетъ свою разсудительность, свое краснорѣчіе, говоря: „Аще ти есмь на рати не храбръ, но на словахъ ти есмь крѣпокъ“. Всѣ люди должны подчиняться князю; князь глава надъ городами, полками, всѣми подданными; выше его только Богъ. Онъ сравниваетъ его съ корнями дуба, съ кормчимъ на кораблѣ; полкъ безъ князя онъ сравниваетъ со звѣремъ безъ головы. Князь долженъ, по мнѣнію автора, заботиться о дружинѣ и дѣлиться съ ней своимъ богатствомъ. Авторъ, повидимому, когда-то былъ богатъ, имѣлъ отца, мать, друзей, съ которыми весело пировалъ, но всего потомъ лишился. Онъ не можетъ помириться со своей бѣдностью, говоритъ, что ему лучше умереть, чѣмъ жить въ бѣдности. На князя онъ думаетъ подѣйствовать, съ одной стороны, словами Св. Писанія; а съ другой,— онъ какъ бы намекаетъ, что отъ бѣдности онъ можетъ впасть и въ воровство и въ разбой и тѣмъ причинить большой вредъ отечеству, поэтому князь долженъ избавить его отъ нищеты. Авторъ проситъ князя не оставить его; онъ называетъ себя рабомъ, сыномъ рабыни, говоритъ, что какъ рабыня смотритъ въ руку своей госпожи, такъ онъ смотритъ въ руку своего князя. Кромѣ отношенія нашихъ предковъ къ князю, къ боярамъ и совѣтникамъ князя, къ бѣднымъ и богатымъ, авторъ указываетъ и на положеніе женщины въ древне-русской семьѣ. Онъ смѣется надъ мужемъ, который слушается своей жены и требуетъ, чтобы мужъ былъ глава надъ женой, она же должна во всемъ ему повиноваться. Онъ возстаетъ противъ женитьбы по расчету и противъ подчиненія женской прихоти. Онъ осмѣиваетъ злыхъ женъ и женское кокетство. Со злой женой авторъ приводитъ цѣлый рядъ очень ядовитыхъ и злостныхъ сравненій; юморъ, и сатирическія выходки особенно сильно сказались здѣсь. Это и дало поводъ нѣкоторымъ ученымъ предполагать, что причиною всѣхъ бѣдъ автора „Моленія“ была какая-то женщина, но никакихъ доказательствъ справедливости на этотъ взглядъ не имѣемъ. „Слова о злыхъ женахъ“ были очень распространены въ древне-русской литературѣ; они очень рано начали проникать къ намъ изъ Византіи. Можно предполагать, что этотъ разсказъ не оригинальный, но заимствованный изъ другихъ памятниковъ. Источниками „Моленія“ служили Псалтырь, Евангеліе, „Пчелы“ („Пчелами“ назывались древне-русскіе сборники, составленные по образцу византійскихъ и содержащіе въ себѣ краткія изреченія нравственнаго характера) и другіе сборники. Но въ „Моленіи“ находимъ и народныя произведенія—народныя, мірскія притчи, пословицы. Личность автора „Моленія“ очень типична, какъ древне-русскаго, очень начитаннаго, образованнаго свѣтскаго человѣка. Про свою ученость онъ самъ говоритъ, что пріобрѣлъ ее не въ Аѳинахъ, не у философовъ, а собиралъ ее изъ множества книгъ, какъ пчела собираетъ медъ изъ множества цвѣтовъ. Книгами для чтенія служили всевозможные сборники, очень пестраго характера. Поэтому такая ученость представляла множество разнородныхъ свѣдѣній, ничѣмъ между собою не связанныхъ и вдобавокъ перемѣшанныхъ съ невѣжественными суевѣрными вымыслами. Таковъ характеръ „Моленія“—смѣсь размышленій о разныхъ предметахъ, изреченій изъ Св. Писанія, изъ народныхъ притчей, пословицъ и изреченій изъ разныхъ сборниковъ. Постоянныя подшучиванія автора „Моленія“ надъ своимъ собственнымъ горемъ придаютъ произведенію юмористическій характеръ— бѣдственное положеніе автора возбуждаетъ въ насъ

чувство жалости, а съ другой стороны, его сравненія вызываютъ добродушный смѣхъ. Кромѣ того авторъ часто употребляетъ, во вкусѣ народной рѣчи, риѳму, или игру словъ, въ видѣ созвучія цѣлыхъ выраженій, напр.: „Кому ти есть Переславль, а мнѣ Гореславль",—„Кому Любово, а мнѣ горе лютое",—„Кому Лачь озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, плачь горьки". Иногда авторъ впадаетъ въ риторику „плетеніе словесъ", что особенно ярко сказалось въ началѣ „Моленія". „Моленіе" пользовалось большой популярностью въ древней Руси: его читали, перечитывали, переписывали, передѣлывали и на него ссылались въ различныхъ обстоятельствахъ жизни.

Устная народная словесность.

Произведенія народной словесности отличаются отъ письменной литературы главнымъ образомъ тѣмъ, что авторъ неизвѣстенъ, и мы не можемъ, на основаніи произведенія, сказать что-нибудь о немъ, исключая того, что авторомъ является отдѣльная личность изъ народа. Созданное произведеніе, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, дѣлается достояніемъ народа, причемъ каждое поколѣніе вноситъ въ это произведеніе что-нибудь свое, новое, и такимъ образомъ, оно справедливо можетъ назваться народнымъ. Въ произведеніяхъ народной словесности выражается міровоззрѣніе, бытъ всего народа. Къ нимъ относятся заговоры, заплачки, пословицы, поговорки, пѣсни, сказки, былины.

Былины.

Былина есть такой стихотворный разсказъ, въ которомъ есть географическій, историческій и бытовой элементъ. Всѣ былины по теоріи Константина Аксакова дѣлятся на былины старшихъ и былины младшихъ богатырей. Кромѣ того существуетъ дѣленіе всѣхъ былинъ на другія двѣ группы: сѣверно-русскую и южно-русскую; эти группы отмѣчаются опредѣленно и отличіе той и другой обусловливается историческими условіями.

Всѣ былины найдены на сѣверѣ, хотя возникли онѣ на югѣ. Существуетъ много доказательствъ того, что нѣкогда въ южной Руси о богатыряхъ знали хорошо. Въ одномъ частномъ письмѣ одного воеводы къ другому встрѣчается выраженіе: „Если бы у меня была сила Ильи Муравленина"... Въ польской исторіи имѣется слѣдующее указаніе: „отъ Кіева идетъ дорога, которая тянется на десятки верстъ, по обѣ стороны ея погребены богатыри". Такимъ образомъ былины перекочевали съ юга на сѣверъ. Это объясняется тѣмъ, что постоянные набѣги хищниковъ на наши южныя окраины заставляли населеніе покидать свои жилища и уходить на сѣверъ. Къ тому же поддерживалась постоянная связь сѣвера съ Новгородомъ. Исчезновеніе былинъ вообще объясняется распространеніемъ цивилизаціи. Съ развитіемъ образованія съ распространеніемъ школъ, интересъ къ первобытному творчеству пропадаетъ, возникаютъ литературныя произведенія. Постепенно подъ вліяніемъ литературы на народной почвѣ въ настоящее время создается новая пѣсня — „частушка", въ которой почти всегда въ жертву риѳмѣ приносятъ смыслъ. Югъ сталъ раньше культурнѣе сѣвера, вслѣдствіе чего здѣсь и раньше исчезли былины.

Происхожденіе былинъ разсматриваютъ двѣ теоріи — миѳологическая и историческая. Происхожденіе былинъ по миѳологической теоріи рисуется слѣдующимъ образомъ:

Каждый народъ переживаетъ три періода: 1) миѳологическій, 2) героическій и 3) историческій. Каждому изъ этихъ періодовъ соотвѣтствуетъ извѣстный періодъ творчества. Къ миѳологическому періоду относятся сказанія о богахъ, или миѳы. При этомъ одинъ миѳологическій образъ размѣнивается на цѣлый рядъ образовъ и получаются самостоятельные миѳы. Въ героическомъ періодѣ отъ періода миѳологическаго получается рядъ сказаній. Въ этотъ періодъ у каждаго народа обыкновенно происходитъ борьба съ разными племенами; въ этой борьбѣ выдѣляются разные герои. И вотъ создаются сказанія объ этихъ герояхъ. Эти новыя сказанія присоединяются къ старымъ сказаніямъ о миѳологическихъ существахъ, т. е. къ миѳамъ, которые уже достаточно стерлись. Получаются такія сказанія, въ которыхъ фигурируютъ полубоги, люди, родственные богамъ (напр., въ греческой миѳологіи—миѳъ о Гераклѣ). Такимъ образомъ новое содержаніе вливалось въ старыя формы. Наконецъ, отдѣльныя общины переходятъ въ государство. Государство начинаетъ жить историческою жизнью, выдѣляются уже историческія личности и сказанія о нихъ смѣшиваются со старыми существующими уже сказаніями. Значитъ, наши былины состоятъ изъ нѣсколькихъ слоевъ: миѳологическаго, героическаго и историческаго. Задача историка литературы заключается въ томъ, чтобы въ каждой былинѣ отыскать миѳологическую основу. Напр., Илья Муромецъ человѣкъ, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ онъ напоминаетъ Илью Громовника. Такъ въ былинѣ находимъ: „Илья Муромецъ сиднемъ сидитъ", къ нему приходятъ калики перехожія, и онъ получаетъ силу перевернуть святорусскую землю". Здѣсь Илья Муромецъ сиднемъ сидящій—зима, калики—весна, и т. д. Въ былинѣ „о Соловьѣ Разбойникѣ" изображена борьба свѣтлыхъ силъ съ темными, представителемъ первыхъ является Илья Муромецъ, а вторыхъ—Соловей Разбойникъ. Но эта теорія въ настоящее время наукой отвергнута, такъ какъ, во-первыхъ, не во всякой былинѣ есть миѳологическій элементъ, во-вторыхъ,

миѳологическая теорія не объясняетъ происхожденіе эпопеи. Эпопею находимъ у грековъ „Эліада", у французовъ „Пѣснь о Ролландѣ", у нѣмцевъ „Нибеллунги", у испанцевъ „Сидъ", у индусовъ „Наль и Дамаянти", у персовъ „Рустемъ и Зорабъ", но у русскихъ эпопеи нѣтъ, что объясняется особыми историческими условіями. Для образованія эпопеи необходимо извѣстное культурное развитіе и тѣсная связь между интеллегентнымъ классомъ и народомъ. У насъ же со времени возникновенія культуры, т. е. съ принятія христіанства, произошелъ расколъ въ русскомъ народѣ на 2 группы—интеллегенцію, пропитанную церковно-византійскимъ направленіемъ и собственно народъ, по-прежнему грубый и невѣжественный. Въ 18 вѣкѣ пробудился интересъ къ народной поэзіи, но это былъ интересъ научный, а не непосредственный. Вслѣдствіе такихъ условій у насъ не могло создасться эпопеи.

Миѳологическую теорію дополняетъ историческая. Она такъ рисуетъ эволюцію былевого эпоса.*) Если появлялось лицо, которое совершало дѣла въ пользу народа, то въ честь него слагались пѣсни. Первоначально они могли состоять изъ восхваленій и описаній подвиговъ; но если такой герой умиралъ, то въ пѣсню вносился и лирическій элементъ, выражающій чувство скорби. Такъ создавались лиро-эпическія пѣсни. Можно доказать документально, что у насъ существовали такія лиро-эпическія пѣсни. Таково, напр., „Слово о полку Игоревѣ". Вотъ въ основѣ былинъ и лежатъ лиро-эпическія пѣсни. Съ теченіемъ времени лиро-эпическія пѣсни измѣнялись — лирическій элементъ исчезалъ, а эпическій даже увеличивался, и такимъ образомъ онѣ превращались въ эпическія пѣсни. Эти пѣсни со временемъ стали группироваться вокругъ любимаго лица, героя, иногда событія. Такъ образовались циклы (круги) пѣсенъ. Далѣе циклы срастаются, подвергаются полународной, полулитературной обработкѣ и образуютъ эпопею. Историческая теорія признаетъ, что въ извѣстномъ отношеніи миѳологическій элементъ могъ войти въ произведенія былевого эпоса, но она только отрицаетъ *миѳологическій элементъ*, какъ *основу* эпоса и со своей стороны основой эпоса признаетъ лиро-эпическую пѣсню. Кромѣ этихъ двухъ теорій, объясняющихъ происхожденіе былинъ, есть еще третья—теорія заимствованія. Она только дополняетъ прежнія двѣ теоріи.

Былина—о Волхвѣ Всеславьевичѣ. Въ одной изъ былинъ разсказывается какими чудесными знаменьями сопровождалось его рожденіе: „затряслась земля, заколыхалось море, рыба ушла въ глубину, птицы разлетѣлись подъ небеса, звѣри разбѣжались по горамъ и по лѣсамъ". Отличается онъ не столько силою, сколько хитростью—мудростью, онъ могъ щукой ходить въ глубокихъ моряхъ, птицей—соколомъ летать подъ облаками, сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ. Оборачиваясь звѣремъ, птицею и рыбою, онъ совершалъ искусные ловы, а оборатившись мурашикомъ и оборативъ въ мурашиковъ свою дружину, покорилъ Индійское царство.

Въ другой былинѣ находимъ подробности и **о Вольгѣ и о Микулѣ** вмѣстѣ. Вольга встрѣтилъ въ чистомъ полѣ другого старшаго богатыря—Микулу Селяниновича (т. е. сына селянина). Пахарь Микула одаренъ необычайной силой: его соху не можетъ сдвинуть съ мѣста вся дружина Вольги, тогда какъ самъ онъ поднимаетъ ее одной рукой.

Святогоръ одинъ изъ самыхъ старшихъ богатырей. Это воплощенная стихія, человѣческаго въ немъ слишкомъ мало. Онъ живетъ на высокихъ горахъ и самъ съ гору, ему „грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени", и съ этою силою не съ кѣмъ помѣряться. „Если бы я тягу нашелъ", говоритъ онъ, „я бы всю землю поднялъ". На пути ему попадается „маленькая сумочка переметная". Святогоръ пытается ее поднять, но отъ натуги увязаетъ по колѣно въ землю и погибаетъ. Эта былина поэтически изображаетъ моментъ перехода первобытной кочевой жизни въ осѣдлый, земледѣльческій бытъ.

Всѣ вышеназванные богатыри принадлежатъ къ старшимъ. Всѣ они борются не съ людьми, а со стихіями. Всѣ ихъ дѣйствія олицетворяютъ первобытный, звѣроловный, бродячій періодъ жизни русскаго народа, когда онъ еще смутно сознавалъ свои силы и не имѣлъ никакой опредѣленной цѣли жизни. Только Микула Селяниновичъ представляетъ такія черты, по которымъ видно, что народъ началъ сознавать преимущество земледѣльской жизни передъ кочевою.

Изъ младшихъ богатырей остановимся на **Ильѣ Муромцѣ** и **Добрынѣ Никитичѣ.** Всѣ былины объ этихъ богитыряхъ пріурочены къ городу Кіеву, вокругъ „краснаго солнышка", князя Владиміра. Основнымъ содержаніемъ этихъ былинъ является борьба Руси со степью. Представителемъ младшаго богатырскаго поколѣнія сдѣлался Илья Муромецъ. Онъ сынъ крестьянина изъ г. Мурома, изъ села Карачарова. Цѣлыхъ тридцать лѣтъ сидѣлъ онъ сиднемъ, не владѣя ни руками, ни ногами. Но вотъ по приказу каликъ перехожихъ онъ выпиваетъ питья и чувствуетъ, что онъ могъ бы поворотить землю. Тогда они даютъ ему еще выпить, и силы оказывается у него „половинушка". „Будетъ съ тебя, а то земля носить не станетъ", сказали они ему и предостерегли его не вступать въ бой ни съ Святогоромъ, котораго мать сыра земля не носитъ, ни съ Вольгой, который „не силой возь-

*) Всѣ былины, взятыя вмѣстѣ, называются былевымъ эпосомъ

метъ, такъ хитростью—мудростью", ни съ Микулой, котораго любитъ земля. Сверхъ того, Ильѣ дается обѣщаніе, что „смерть ему на бою не написана". Получивъ отцовское благословеніе, онъ отправляется на подвиги. Прежде всего онъ очищаетъ отъ Соловья-разбойника прямоѣзжую дорогу въ Кіевъ. Дальнѣйшимъ его подвигомъ является битва съ Жидовиномъ, подъ которымъ нѣкоторые изъ ученыхъ подразумѣваютъ Козарскую землю. Въ этой былинѣ приведена интересная характеристика богатырей. Въ былинѣ объ Идолищѣ Поганомъ выражена идея побѣды христіанства надъ язычествомъ.

Другой представитель младшаго богатырства—Добрыня Никитичъ, по происхожденію аристократъ—по лѣтописямъ онъ дядя Владиміру, а по народнымъ пѣснямъ племянникъ. Онъ храбръ, благороденъ, честенъ, вѣжливъ и отличается даромъ краснорѣчія. Изъ его подвиговъ замѣчательны два—двукратный бой съ летучимъ огненнымъ Змѣемъ Горыничемъ и очистка прямоѣзжей дороги до короля Этмануйла Этмануйловича (тестя Владиміра), отъ Чуди бѣлоглазой, отъ Сорочины *) долгополой, отъ черкесовъ Пятигорскихъ, отъ калмыковъ съ татарами, отъ чукчей и отъ олюторовъ.

Богатырскій Эпосъ заканчивается былиною **„Отчего перевелись витязи на Руси"?** По одной редакціи этой былины богатыри погибаютъ въ битвѣ съ татарами—разрубитъ богатырь татарина, а вмѣсто него появляется цѣлыхъ два; чѣмъ болѣе богатыри рубятъ враговъ, тѣмъ больше и больше ихъ становится. Утомились богатыри, испугалися, побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры и окаменѣли. По другой редакціи богатыри погибли отъ того, что вызвали на бой силу небесную или нездѣшнюю, которая ихъ и покарала, умноживъ чудесно вражью силу. Профессоръ Шевыревъ указываетъ, что въ этой былинѣ отразилось сознаніе народа, что прежняя физическая сила, которую олицетворяли богатыри, послѣ побѣды надъ татарами и азіатскими кочевниками, смѣнилась другою силою, духовною, силой гражданственности, которая постепенно распространилась по всей Русской землѣ.

Изъ новгородскихъ былинъ замѣчательны—**былина о Василіи Буслаевѣ и о Садко богатомъ гостѣ.** Василій Буслаевъ является представителемъ новгородской вольницы. Въ этой былинѣ изображается вольная буйная жизнь новгородская, столкновенія политическихъ партій, междоусобія, доходившія до того, что духовенство выходило съ крестомъ и св. иконами для усмиренія враждующихъ. Въ былинѣ отразилась характерная черта древне-русскаго человѣка: „съ молоду бито много, граблено; подъ старость надо душу спасти", т. е. наклонность въ молодости къ разгульной, буйной жизни, а подъ старость къ путешествіямъ ко Св. мѣстамъ.

Садко, богатый гость, является представителемъ промышленной новгородской жизни. Эта былина очень важна въ бытовомъ отношеніи—она знакомитъ насъ съ жизнью Великаго Новгорода.

Духовные стихи. Духовные стихи стоятъ на границѣ книжной и народной словесности, но какъ по формѣ, такъ и по содержанію ближе къ послѣдней. Содержаніе духовнаго стиха заимствовано изъ апокрифа, форма изъ народныхъ произведеній. Ближе всего они стоятъ къ былинамъ, отъ которыхъ отличаются книжной основой и христіанскимъ характеромъ. Духовные стихи — народныя стихотворныя произведенія, создавшіяся подъ вліяніемъ книжныхъ, главнымъ образомъ апокрифовъ. У насъ на Руси они начали слагаться со времени распространенія христіанства и получили широкое распространеніе. Это объясняется тѣмъ, что съ принятіемъ христіанства многихъ не вполнѣ удовлетворяла языческая поэзія. Кромѣ того враждебное отношеніе церкви къ народной поэзіи, гоненія на нее заставили ухватиться за новую поэзію, воплощенную въ привычныя формы. Духовные стихи большею частью слагались каликами перехожими, большинство которыхъ были люди убогіе, просящіе милостыню и поющіе пѣсни. Калики, какъ люди изъ народа, близкіе ему по духу, воплощали новое христіанское содержаніе въ старую народную форму.

Стихъ о Егоріи Храбромъ. Типъ Егорія—типъ богатыря;—его внѣшность сверхъестественна; также берется благословеніе, но только матери, передъ отправленіемъ на подвиги; снаряженіе въ путь; заставы. Демьянище при второй встрѣчѣ съ Егоріемъ напоминаетъ Соловья - разбойника: кричитъ по звѣриному, визжитъ по змѣиному. Сравнивая стихъ о Егоріи Храбромъ съ житіемъ Георгія, найдемъ, что первая часть стиха, повѣствующая о мученіяхъ Георгія, заимствована изъ греческаго житія. Такимъ образомъ, основа этого стиха взята изъ житія. На Руси это содержаніе вылилось въ народную форму, измѣнились нѣкоторыя книжныя черты, напр.: мѣсто дѣйствія переносится въ Іерусалимъ, находящійся на Руси. Діоклетіанъ, римскій императоръ, превращается въ Демьянище. Онъ совершаетъ нашествіе на Русь, послѣдствія котораго сходны съ послѣдствіями татарскаго — „вырубили все и выжгли, нѣтъ ни малаго, нѣтъ ни стараго". Темница житія превратилась въ погребъ (древне-русскія темницы). Вторая часть разработана самостоятельно народомъ, только направленіе фантазіи опредѣляется легендой. Георгій не могъ погибнуть, онъ долженъ былъ побѣдить и убить Діоклетіана и насадить вѣру христіанскую. Эта идея возникла подъ вліяніемъ имени Георгій, легенды, иконы. Стиль духовнаго стиха „о Егоріи Храбромъ" богатъ по-

*) Сарацинъ—магометанъ.

стоянными эпитетами, тавтологіей, повтореніемъ выраженій, такъ же какъ и въ былинахъ.

Историческія пѣсни. Дальнѣйшее развитіе былинъ представляютъ историческія пѣсни. По формѣ онѣ очень напоминаютъ былины. Въ основѣ каждой исторической пѣсни лежатъ историческія событія и историческіе дѣятели. Но по исторической пѣснѣ нельзя точно воспроизвести историческую обстановку, событія или характеристику того или другого лица, такъ какъ она выставляетъ то и другое только съ одной стороны. Достоинство исторической пѣсни заключается въ правдивой и поэтической передачѣ того впечатлѣнія, которое произвело на народъ историческія событія или лица. Центромъ историческихъ пѣсенъ является Москва, Московское государство. Предметомъ пѣсенъ служатъ такія лица и событія, которыя сильно подѣйствовали на народную жизнь; таковы напр., татарщина, царствованіе Грознаго, смутное время, время Алексѣя Михайловича и Петра Великаго. Большинство историческихъ пѣсенъ группируется около Ивана Грознаго.

О Щелканѣ Дудентьевичѣ. Въ основѣ этой пѣсни лежитъ событіе, бывшее въ Твери въ 1327, какъ сообщаетъ объ этомъ лѣтопись. Щелканъ передѣланъ изъ Шевкала, посла хана Узбека; Узбекъ — въ Азвяка. Въ пѣсни ярко изображены три типичныя черты татарскаго господства: 1) безчеловѣчное выжиманіе дани, 2) произволъ ханскихъ баскаковъ и ихъ кровожадность, 3) ханское покровительство и раздача земель тѣмъ баскакамъ, которые отличались безпощадной жестокостью къ покореннымъ. Тверичи возмутились и убили Шевкала.

Въ **пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ** воспѣвается его усердіе къ православію, его общительность съ народомъ, покореніе татарскихъ царствъ и укрѣпленіе государственнаго начала въ Москвѣ.

Такъ, напр., въ пѣснѣ **На взятіе Казани** живо, поэтически переданъ тотъ фактъ, что съ завоеваніемъ Казани Москва окончательно превратилась въ самодержавное государство.

Пѣсни о Петрѣ Великомъ. Всѣ пѣсни о Петрѣ Великомъ однообразны и малозанимательны— въ его царствованіе не было внѣшнихъ событій, поразившихъ народъ. Внутреннія преобразованія Петра въ большинствѣ случаевъ были не понятны народу; а замѣна старыхъ русскихъ обычаевъ европейскими вызвала со стороны раскольниковъ насмѣшку и раздраженіе. Въ пѣснѣ **на Рожденіе Петра Великаго** — Петра привѣтствуютъ какъ „перваго императора по землѣ", что показываетъ, что она сложилась послѣ принятія имъ императорскаго титула.

Произведеніе XVI вѣка.

Домострой. Каждый литературный памятникъ бываетъ тѣсно связанъ съ той эпохой, къ которой онъ относится. Эта связь выражается въ томъ, что онъ отражаетъ въ себѣ взгляды, бытъ, культурное состояніе того времени, къ которому онъ принадлежитъ. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ изученію Домостроя, нужно остановиться на характеристикѣ Руси въ 16 вѣкѣ и посмотрѣть, что за причины вызвали появленіе подобнаго произведенія. Къ 16 вѣку Русь окончательно объединилась подъ властію московскаго самодержавнаго государя. Объединеніе шло постепенно. Когда тяжелыя времена татарскаго господства въ первые ихъ набѣги были забыты, въ народѣ явилось и стало рости сознаніе собственнаго достоинства и надежда на возвращеніе самостоятельности. Но послѣднее было возможно только при полномъ объединеніи враждовавшихъ удѣльныхъ князей. Это сознаніе особенно ясно представлялось московскимъ князьямъ. Вотъ почему они и являются первыми собирателями Руси. Возвышенію Московскому государству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и московскому князю, много способствовало выгодное географическое положеніе Москвы — она находилась въ центрѣ Русской земли и въ то же время вдали отъ татарскихъ становищъ. Умѣніе московскихъ князей пользоваться обстоятельствами дало имъ возможность расширить свои владѣнія на счетъ удѣльныхъ княжествъ, присоединяя удѣлъ за удѣломъ. Сама орда къ этому времени была обезсилена внутренними неурядицами. На Куликовомъ полѣ московскіе князья впервые попытались свергнуть татарское иго. Хотя попытка эта и окончилась неудачей, но она показала, что освобожденіе Руси отъ татарскаго владычества зависитъ отъ объединенія русскихъ князей. Наконецъ при Іоаннѣ III, когда значительная часть удѣловъ была присоединена къ Москвѣ, татарское иго было свергнуто. При Іоаннѣ Грозномъ уже всѣ удѣльныя княжества входили въ составъ Московскаго государства; кромѣ того при немъ были присоединены къ Москвѣ татарскія царства. Отношенія удѣльныхъ князей къ великому князю московскому съ политическимъ ростомъ Москвы сводились на отношенія подданныхъ къ государю. Правда, сначала они были его совѣтниками, но уже Іоаннъ III рѣшалъ дѣла, какъ говоритъ писатель того времени, самъ третей у постели, т. е. съ двумя своими приближенными. Іоаннъ Грозный смотрѣлъ на бояръ, удѣльныхъ князей, какъ на своихъ слугъ, которыхъ въ его волѣ было казнить и миловать. Онъ безъ труда осуществилъ собою идеалъ самодержавнаго государя, такъ какъ все это было подготовлено его предшественниками. Желая придать большій блескъ и внѣшній почетъ своему

сану, онъ торжественно вѣнчался на царство, по примѣру византійскихъ императоровъ. Протестъ со стороны бояръ сказался въ формѣ отъѣзда (прим.—Курбскій). Съ идеей самодержавнаго государя русскіе познакомились изъ Византіи, гдѣ царя считали богомъ на землѣ. О распространеніи этой идеи позаботилось духовенство. Оно проповѣдывало, что царская власть на землѣ отъ Бога, и что Москва свыше предназначена быть охранительницей чистоты православія. Богъ за грѣхи предалъ грековъ въ руки турокъ, латиняне, хотя политически и свободны, но давно отпали отъ истинной вѣры. Такимъ образомъ Русь — хранительница истиннаго православія, а Москва—третій Римъ, два Рима пали (Константинополь и Римъ), а четвертому не бывать. Поэтому русская церковь является преемницей церкви Греческой и Римской. Но древнія церкви были прославлены чудесами и подвигами святыхъ и держались ихъ молитвами. Московскихъ же святыхъ было слишкомъ мало; въ каждой области были свои мѣстные святые, не признававшіеся во всей Руси и въ другихъ областяхъ. Съ возвышеніемъ Москвы святые и святыни покоренныхъ удѣловъ были отчасти признаны въ Москвѣ. Для популяризаціи святыхъ была сдѣлана канонизація ихъ. Въ то же время было издано митрополитомъ Макаріемъ обширное собраніе житій, расположенныхъ въ календарномъ порядкѣ, т. е. на каждый день каждаго мѣсяца полагалось житіе того святого, память котораго въ этотъ день празднуется; тутъ же находились писанія святого, если таковыя были, и отрывки изъ Свящ. Писанія и отеческихъ книгъ, предназначенные для чтенія въ этотъ день. Такое собраніе житій извѣстно подъ именемъ Четьи-Минеи. Такимъ образомъ было доказано, что Русская церковь такъ же богата чудесами и подвигами святыхъ, какъ и древнія церкви — Греческая и Римская. Въ другомъ своемъ произведеніи „Степенная книга“ митрополитъ Макарій старается доказать происхожденіе власти московскаго царя отъ первыхъ правителей Руси. Другой подобной же работой собирательнаго характера въ области религіозной и въ связи съ нею въ области общественной является работа Стоглаваго собора, который былъ созванъ въ Москвѣ Іоанномъ Грознымъ въ 1551 году. До сихъ поръ московское правительство заботилось о внѣшнемъ устройствѣ государства, мало обращая вниманія на культурное состояніе страны. Вслѣдствіе этого всюду царило полнѣйшее невѣжество. Образованныхъ не было, были только начетчики, они старались побольше запомнить наизусть, никакой критики къ читаемому не допускалось, чтобы не впасть въ ересь. Книги находились въ довольно безпорядочномъ состояніи. Переписчики зачастую вставляли свои замѣчанія, дѣлали ошибки и всячески искажали смыслъ книги. Все, что было занесено въ книгу, становилось закономъ, никто не могъ измѣнить, малѣйшая попытка исправить или отвергнуть что-либо объявлялась ересью, безбожіемъ. Нѣкоторые пытливые умы не довольствовались буквой писанія, задавали духовенству всякіе вопросы, отвѣтить на которые оно могло бы только въ томъ случаѣ, если бы оно было болѣе образовано и понимало бы внутренній смыслъ христіанства. Духовенство же ограничивалось тѣмъ, что спрашивавшаго объявляло еретикомъ. Къ концу первой половины 16 в. число такихъ вольнодумцевъ стало быстро расти. Передовые лучшіе люди общества стали сознавать испорченность книгъ, находили, что старина „поисшаталась“, надо ее вернуть и такимъ образомъ исправить существующія недоразумѣнія. Съ этою-то цѣлью и былъ созванъ Стоглавый соборъ. На немъ было указано на слѣдующіе недостатки современной жизни: отступленіе отъ церковныхъ уставовъ, неправильное писаніе иконъ, порча церковныхъ книгъ, которыя списывались съ неправильныхъ переводовъ, небрежное обученіе грамотѣ, отсутствіе училищъ, суевѣрія, совершеніе разныхъ языческихъ обрядовъ. Отвѣты на эти вопросы соборъ далъ общіе, указывая на необходимость исправленія, но не давая понятія о практическомъ примѣненіи выводовъ. Причиной всѣхъ недостатковъ соборъ считалъ забвеніе древнихъ обычаевъ: необходимо было вернуться къ старинѣ. Въ области нравственно-бытовой подводятся также итоги всей прошлой жизни древне-русскаго человѣка. Результатомъ такихъ трудовъ является Домострой. Это—сводъ правилъ повседневной жизни человѣка. Рукопись Домостроя дошла до насъ во многихъ спискахъ, что свидѣтельствуетъ о большой популярности этого памятника. Самые ранніе списки относятся къ началу 16 вѣка, а позднѣйшіе къ 17 в. Всѣ они раздѣляются на краткіе и распространенные; первые состоятъ изъ 63 главъ, вторые изъ 64. Въ послѣднихъ находится указаніе, что оригиналъ ихъ былъ написанъ священникомъ Сильвестромъ для своего сына Анфима. Перу Сильвестра, какъ доказано наукой, принадлежитъ только послѣдняя 64-ая глава, составляющая завѣщаніе и наставленіе его сыну. Она представляетъ краткое резюме всего сказаннаго въ Домостроѣ. Такимъ образомъ Сильвестръ былъ только собирателемъ и редакторомъ, но не авторомъ Домостроя. Сильвестръ происходилъ изъ Новгорода, гдѣ былъ священникомъ, но какъ человѣкъ выдающійся по уму и образованію, былъ замѣченъ митрополитомъ Макаріемъ и вызванъ имъ въ Москву. Здѣсь Сильвестръ вскорѣ сдѣлался приближеннымъ царя и его совѣтникомъ въ государственныхъ дѣлахъ. Но такая близость продолжалась недолго. Заподозрѣнный Грознымъ въ недоброжелательствѣ къ себѣ, онъ былъ сосланъ въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь. Въ Домостроѣ мы находимъ картину дѣйствительности и идеалы

16 вѣка. Цѣль Домостроя дать правила повседневной жизни русскаго человѣка. Такая цѣль была вызвана недовольствіемъ дѣйствительностью, которая была дурна, идеалы нужно было искать въ жизни древней Руси. Эти идеалы въ Домостроѣ изображены вполнѣ практически, а не отвлеченно, имѣютъ своей наградой не только милость Божію, но и похвалу отъ людей. Матеріалы для составленія свода брались изъ дѣйствительной жизни (отрицательная сторона), изъ Свящ. Писанія (тексты изъ посланія ап. Павла и глава о воспитаніи дѣтей изъ книги Іисуса сына Сирахова), изъ монастырскихъ уставовъ, изъ древнихъ обычаевъ, изъ хозяйственныхъ книгъ. Самыя характерныя черты жизни 16 в. — это взглядъ на государя, какъ на Бога на землѣ, внѣшнее пониманіе религіи (главная забота объ исполненіи обрядовъ), забота о хорошей молвѣ среди сосѣдей, невѣжество и суевѣріе съ нимъ связанное. Такимъ образомъ Домострой знакомитъ насъ съ идеалами и дѣйствительной жизнью Руси 16 вѣка, т. е. съ бытомъ, съ нравами, съ культурнымъ состояніемъ; въ этомъ и заключается его историко-литературное значеніе.

Домострой не является исключительнымъ явленіемъ русской жизни: въ литературѣ западной и славянской находимъ памятники, близкіе ему по содержанію. Языкъ Домостроя вполнѣ русскій; слогъ простой, разговорный, безъ всякихъ книжныхъ украшеній.

Въ главѣ „**Наказаніе отъ отца къ сыну**“ указывается, что наставленіе (наказаніе) пишется къ сыну, его женѣ, его дѣтямъ и домочадцамъ. Цѣль достигнуть полнаго благополучія, счастливой жизни и заслужить отъ Бога милость.

Како царя и князя чтити. Въ этой главѣ въ словахъ, указывающихъ на обязанности человѣка къ Богу, къ царю и ближнимъ отразились характерныя черты 16 вѣка, его воззрѣнія. Царь земной уподобляется Царю небесному. Повиновеніе ему и служеніе вѣрой и правдой является средствомъ для пріобрѣтенія милостей Царя небеснаго. Такой взглядъ на царя проникъ въ Россію, какъ мы знаемъ, изъ Византіи и заимствованъ изъ Библіи. По отношенію къ ближнимъ въ этой главѣ приписывается почитаніе старшихъ, любовь къ равнымъ себѣ, ласковое отношеніе къ слабымъ. (Въ какомъ памятникѣ находимъ эти же идеи? Въ „Поученіи Вл. М.—Отыскать общія черты въ „Поученіи“ и въ „Домостроѣ“).

О воспитаніи дѣтей. Воспитаніе преслѣдовало главнымъ образомъ научить дѣтей страху Божьему, вѣжеству, т. е. умѣнью обращаться съ другими людьми, знанію обычаевъ, рукодѣлію. Родителямъ рекомендовалось строгое обращеніе съ дѣтьми. Даже во время игры родители должны были сдерживать улыбку. Кромѣ того родительскій авторитетъ поддерживался тѣлесными наказаніями. Это нисколько не свидѣтельствовало о грубости нравовъ въ средневѣковой Россіи, въ средніе вѣка и въ Западной европѣ были въ большой модѣ тѣлесныя наказанія. За исполненіе своихъ обязанностей родителямъ наравнѣ съ милостью отъ Бога обѣщается и похвала отъ людей.

„Исторія князя великаго московскаго о дѣлахъ“. Виднымъ писателемъ 16 вѣка, являетея князь Андрей Михайловичъ Курбскій. Кромѣ его переписки съ Грознымъ, извѣстна его исторія царствованія Іоанна Грознаго, подъ названіемъ „Исторія князя великаго Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима“. Это произведеніе имѣетъ важное значеніе для историковъ, такъ какъ въ немъ сохранились многіе любопытные факты изъ жизни и правленія Іоанна Грознаго. По изложенію эта исторія представляетъ первый историческій опытъ прагматическаго разсказа, т. е. такого, который разсматриваетъ каждое явленіе, какъ продуктъ предшествующаго явленія. Въ исторіи Курбскій пытается объяснить, какимъ образомъ добрый благородный царь превратился въ тирана. Соотвѣтственно поставленной задачѣ, все сочиненіе дѣлится на двѣ части: въ одной изображается первая половина царствованія Грознаго, здѣсь онъ представленъ добрымъ государемъ; въ другой — мрачная, грозная половина его царствованіе, по которой онъ и получилъ свое прозваніе.

Посланіе Ивана Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Посланіе это написано по слѣдующему поводу: игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Козьма просилъ Іоанна Грознаго дать ему указанія, какъ бы справиться съ монахами, изъ опальныхъ бояръ, которые не хотѣли его слушаться. Грозный написалъ посланіе, въ которомъ онъ сказалъ все, что было у него на душѣ противъ бояръ, перенесшихъ въ монастырь мірскіе обычаи и противъ иноковъ, потакавшихъ боярамъ въ угоду собственному любострастію. Посланіе состоитъ изъ 2-хъ частей— въ одной рисуется образъ истиннаго отшельничества, въ другой сопоставляется этотъ идеалъ иноческаго житія съ жизнью Кирилло-Бѣлозерскихъ иноковъ и указывается между ними противорѣчіе.

Произведенія XVII в. Сочиненіе Григорія Котошихина: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“. Григорій Котошихинъ былъ подъячимъ посольскаго приказа. Во время второй войны съ Польшей находился при князѣ Долгорукомъ. Не поладивъ съ начальникомъ и боясь со стороны его мести, онъ бѣжалъ спачала въ Польшу, а потомъ въ Швецію. Въ Швеціи Котошихинъ написалъ свою исторію. Она изображаетъ почти всѣ стороны древне-русскаго быта

высшихъ сословій въ 17 вѣкѣ. Этотъ бытъ сложился въ теченіе всей предыдущей исторіи русскаго народа. Такимъ образомъ „исторія“ Котошихина изображаетъ эпоху предъ реформою Петра Великаго. Для историка—литературы она интересна преимущественно въ стилистическомъ отношеніи. Для этой цѣли достаточно остановиться на отрывкѣ **„О царскомъ воспитаніи“**. Изложеніе отличается ясностью и простотой. Это языкъ—приказный, отличный отъ языка церковной литературы; на немъ говорило московское правительство со всей Россіей. Уже съ первой половины 16 вѣка онъ сталъ проникать изъ дѣловыхъ документовъ въ области письменности, не находившіяся подъ непосредственной охраной церкви. Это былъ выработанный и вполнѣ законченный языкъ, имѣвшій шансы остаться неизмѣннымъ такъ долго, какъ долго просуществуетъ создавшій его уровень потребностей и понятій. Но въ 18 вѣкѣ, благодаря крупнымъ, кореннымъ реформамъ, создается новый языкъ.

Въ 16 и 17 вѣкахъ сказалось сильное вліяніе юго-западной образованности, центромъ которой былъ Кіевъ. Она отличалась характеромъ средневѣковой западной цивилизаціи и переходила къ намъ чрезъ Польшу. Эта образованность выразилась у насъ въ церковномъ краснорѣчіи, духовной драмѣ, силлабическомъ стихосложеніи и въ переводѣ польскихъ легендъ, повѣстей и сказокъ. Вліяніе польскаго языка сказалось и на стилѣ нѣкоторыхъ писателей 16 и 17 вв., напр., князя Курбскаго. Въ юго-западной Руси для борьбы съ іезуитами стали заботиться о просвѣщеніи и заводить школы, такъ называемыя братскія. По примѣру Кіевской Академіи въ Москвѣ въ концѣ 17 вѣка учреждается высшая духовная школа, Славяно-греко-латинская Академія. При Академіи образовались двѣ партіи, враждовавшія между собою, такъ какъ одна изъ нихъ стояла за преобладающее вліяніе —греческое, а другая — за латинское (западно-европейское). Вообще нужно отмѣтить, что со второй половины 17 вѣка въ Москвѣ, среди отдѣльныхъ личностей, началось усиленное стремленіе къ просвѣщенію. Таковы, напр., изъ приближенныхъ ко двору были: Ртищевъ, Ордынъ Нащокинъ и Матвѣевъ.

Произведенія XVIII вѣка. Въ 18 вѣкѣ со времени Петра Великаго произошелъ переворотъ въ политической, умственной и нравственной жизни Россіи. А такъ какъ литература служитъ отраженіемъ жизни, то и она съ эпохи Петра В. получаетъ новое направленіе. Съ Петра В. сильно возросла политическая мощь Россіи; съ этого времени Россія начинаетъ вмѣшиваться въ Западно-европейскія дѣла. Открытія фабрикъ и заводовъ вносятъ новую струю въ экономическій бытъ Россіи. Отмѣна патріаршества и учрежденіе Св. Синода дѣлаютъ церковь органомъ государственной власти. Въ области быта также произведено много реформъ. Большое вниманіе было обращено на развитіе образованности. Впервые открываются правительственныя школы. До сихъ поръ просвѣщеніе находилось въ рукахъ духовенства, было безпорядочнымъ и носило по преимуществу характеръ церковный. При Петрѣ начинаютъ заботиться объ образованіи дѣтей почти всѣхъ сословій и состояній. При архирейскихъ домахъ были открыты новыя школы—духовныя для дѣтей духовенства, элементарныя цыфирныя для дѣтей дворянъ и различныя профессіональныя школы, называвшіяся техническими, напр., морская академія, медицинскія школы, инженерныя, артиллерійскія и т. п. Вообще Петровское просвѣщеніе носило утилитарный характеръ, что обусловливалось историческими обстоятельствами—необходимы были спеціалисты по всѣмъ отраслямъ. По совѣту нѣмецкаго ученаго Лейбница, Петръ задумалъ открыть Академію Наукъ, но это ему не удалось. Открыта она была только въ царствованіе Екатерины I, по смерти Петра, хотя значительная часть матеріала была собрана имъ. Академія имѣла важное значеніе для русской науки. Здѣсь впервые началась научная разработка нашей исторіи, а впослѣдствіи Академія стала во главѣ изученія старины. Съ открытіемъ новыхъ школъ съ новыми задачами потребовался переводъ разныхъ иностранныхъ учебниковъ. Въ этомъ дѣлѣ весьма дѣятельное участіе принималъ самъ Петръ; онъ выбиралъ книги для переводовъ, часто самъ исправлялъ переводы и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы они дѣлались простымъ общедоступнымъ языкомъ. Заботясь объ изданіи книгъ, онъ открылъ, кромѣ существовавшихъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, новую типографію въ Голландіи. Для печатанія книгъ свѣтскаго характера составилъ гражданскую азбуку, упростивъ и приблизивъ начертаніе буквъ къ латинскому шрифту. Вся переводная литература носила также утилитарный характеръ. Чтобы ввести въ домашнюю переписку своихъ подданныхъ пріемы и обычаи европейскихъ народовъ, въ 1708 году было переведено съ нѣмецкаго: „Приклады како пишутся комплименты разные“. Вторымъ памятникомъ такой литературы служитъ „Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ“. Эта книга была издана въ 1717 году и должна была служить образцомъ того, какъ слѣдуетъ вести себя въ обществѣ, какъ относиться къ родителямъ, слугамъ, духовнымъ лицамъ, какъ проводить время и т. п. Эти памятники имѣютъ историко культурное значеніе, такъ какъ по тѣмъ наставленіямъ, которыя приписываются русскимъ людямъ 18 вѣка, мы можемъ представить картину культурнаго состоянія того времени. Книги эти въ свое время пользовались большимъ успѣхомъ. При Петрѣ были изданы первыя газеты —„Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти“; онѣ положили начало періо-

дической печати. Реформы бытовыя, оживленныя сношенія съ иностранцами, поѣздка самого Петра заграницу вызвали расколъ въ русскомъ народѣ и въ русскомъ обществѣ. За отсутствіемъ образованія, русскіе люди придавали слишкомъ большое значеніе внѣшности, формѣ, обряду, обычаю. Отъ старины въ народѣ осталось глубокое убѣжденіе, поддерживаемое и оффиціальными сферами, что всякое нововведеніе — дѣло неправославное еретическія выдумки, на соблазнъ и растлѣніе нравовъ. Во всѣхъ углахъ Россіи поднялся ропотъ и сильное броженіе. Приверженцы старины всячески старались мѣшать реформамъ Петра и возбуждать къ нему народную ненависть, распространяя о немъ въ народѣ самыя нелѣпыя выдумки. Для преслѣдованія и наказанія такихъ лицъ Петръ учредилъ въ Москвѣ *Преображенскій приказъ* или тайную розыскную канцелярію; въ ней разбирали политическія преступленія, такъ называвшіяся „Гусударевы дѣла". Несмотря на строгія мѣры и сильное преслѣдованіе, защитники старины не только не отрекались отъ обычаевъ предковъ, но иногда открыто обличали самого царя, разрушителя вѣры христіанской. Русскій царь, исконный защитникъ православія, теперь становится антихристомъ. Въ обществѣ также произошелъ расколъ—одни стояли за реформы, другіе за старину. Характернымъ представителемъ послѣднихъ является **Стефанъ Яворскій**, 1658—1722, шляхтичъ по происхожденію, воспитанникъ Кіевской коллегіи, а потомъ и іезуитской. Это былъ человѣкъ съ большимъ умомъ и широкимъ образованіемъ, отличный ораторъ. Петръ познакомился съ нимъ на похоронахъ московскаго боярина Шеина. Надгробное слово проповѣдника произвело на Петра глубокое впечатлѣніе. Петръ вызвалъ его въ Петербургъ, надѣясь найти въ немъ поддержку своимъ реформамъ. Стефанъ Яворскій сначала, дѣйствительно, оказался сторонникомъ Петровскихъ реформъ. Его **„Слово о побѣдѣ подъ Полтавою въ 1709 году"**— настоящій диѳирамбъ Петру. „Радуется убо Россійская держава, яко таковую Господь посла милость свою и побѣду Монарху нашему каковой отъ начала міра не было". Славна и велика была побѣда Іисуса Навина надъ врагами, но славнѣйшая здѣсь побѣда надъ шведами. Тамо безсловесныя свѣтила повелѣніемъ Божіимъ стали и помогали; здѣсь же мысленныя свѣтила: самъ Христосъ Спаситель, иже есть солнце, и луна — Пресвятая Дѣва Марія, стали и пособствовали побѣдити. Далѣе говоритъ: „Кіими убо вѣнцы похвальными вѣнчаемъ Тя, Монархо нашъ Петре? Се самъ Царь небесный, вѣнчавый Тя за труды твоя толикіе, безсмертною вѣнчаетъ тя славою и честію, глаголя: достоинъ еси пріяти славу, и честь и силу". Послѣ смерти патріарха Адріана Стефанъ Яворскій былъ назначенъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Когда Яворскій замѣтилъ, что Петръ не вполнѣ сочувственно относится къ церковной власти, не придаетъ ей первенствующаго значенія въ жизни государства, онъ охладѣлъ къ Петру и началъ враждебно встрѣчать реформы. Онъ началъ составлять противъ него обличительныя проповѣди и въ 1712 году открыто выступилъ противъ Петра съ обличеніемъ. Вскорѣ по дѣлу лѣкаря Тверитинова, сторонника Петровскихъ реформъ, онъ серьезно столкнулся съ Петромъ, и произошелъ окончательный разрывъ между ними. Умный, даровитый Тверитиновъ не ограничивался одной своей наукой, а касался и вопросовъ догматическаго характера. Приверженцы старины обвинили его въ еретичествѣ. Во главѣ обвинителей стоялъ Стефанъ Яворскій, а во главѣ защитниковъ самъ Петръ. Дѣло Тверетинова служитъ прекрасной иллюстраціей къ той борьбѣ, которую Петръ долженъ былъ вести съ интеллегентными представителями умиравшей, но не сдававшейся еще старины.

Къ числу приверженцевъ и защитниковъ Петровскихъ формъ принадлежитъ видный дѣятель того времени, **Ѳеофанъ Прокоповичъ** (1681—1736). Онъ происходилъ изъ купеческой семьи, воспитывался въ Кіевской Академіи, образованіе завершилъ заграницей въ Римѣ. Здѣсь онъ занимался философіей, поэзіей, изучалъ классическихъ писателей и т. д. По возвращеніи своемъ на родину, постригся въ монахи и вскорѣ началъ педагогическую дѣятельность, въ качествѣ преподавателя піитики и риторики, а затѣмъ и философіи въ Кіевской Академіи. Въ 1706 г. при посѣщеніи Петромъ Кіева, Прокоповичъ сказалъ привѣтственную рѣчь, въ которой охарактеризовалъ его, какъ распространителя просвѣщенія. Въ 1709 году послѣ Полтавской битвы онъ второй разъ привѣтствовалъ Петра рѣчью въ которой пытался выяснить значеніе этого великаго политическаго событія. А въ 1711 году Прокоповичъ былъ назначенъ игуменомъ Кіевскаго братства и ректоромъ Академіи. Петръ понялъ насколько Прокоповичъ можетъ быть ему полезенъ въ проведеніи реформъ, особенно въ качествѣ духовнаго лица, и въ 1716 году вызвалъ его въ Петербургъ. По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ Прокоповичу сразу пришлось вступить въ борьбу съ защитниками старины и выступить вождемъ прогрессивной партіи. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ выяснялъ и оправдывалъ реформы Петра. Такимъ же горячимъ защитникомъ всѣхъ начинаній Петра онъ сказался въ дѣлѣ царевича Алексѣя. Желая разъяснить необходимость суда надъ царевичемъ, онъ написалъ трактатъ подъ заглавіемъ „Правда воли Монаршей во опредѣленіи наслѣдника державы своей". Въ 1720 г. По порученію Петра онъ составилъ такъ называемый „Духовный регламентъ", имѣвшій своею цѣлью исправленіе „духовнаго чина". Тонъ этого произведенія боевой, особенно въ тѣхъ мѣ-

стахъ, гдѣ рѣчь идетъ о пастыряхъ народа. Пастыри, имѣвшіе не такъ давно рѣшающее вліяніе на весь ходъ жизни, выставлены невѣждами и хамами, препятствующими просвѣщенію, и возмутителями общественнаго спокойствія. Кромѣ указанныхъ произведеній Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ еще цѣлый рядъ проповѣдей, напр., проповѣдь **„О флотѣ Россійскомъ“**, въ которой доказывалъ всю важность флота. Въ своемъ словѣ **„На погребеніе Петра Великаго“** онъ выражаетъ глубокое чувство скорби, поразившее Россію по случаю великой утраты. Начинается оно словами: Что се есть! до чего мы дожили, о Россіяне? что видимъ, что дѣлаемъ?. Петра Великаго погребаемъ!“ Онъ не перечисляетъ всѣхъ заслугъ Петра, потому что краткими словами нельзя обнять безчисленной его славы, а распростаняться не допускаетъ печаль, допускающая только проливать слезы и испускать стенанія! Онъ сравниваетъ Петра съ Сампсономъ, Іафетомъ, Моисеемъ, Соломономъ, Давидомъ, Константиномъ. Утѣшеніемъ въ печали, говоритъ онъ, служитъ намъ то, что онъ не оставилъ насъ нищими и убогими, но сдѣлалъ Россію грозную врагамъ, славную и богатую.

Виднымъ дѣятелемъ въ Петровское время былъ Василій Никитичъ **Татищевъ** (1686—1750). Сначала онъ учился въ московской артиллерійской и инженерной школѣ, а закончилъ образованіе въ Германіи. Солидная подготовка дала ему возможность выказать плодотворную многостороннюю дѣятельность и въ администраціи и въ наукѣ. Онъ былъ начальникомъ горныхъ заводовъ, управляющимъ Оренбургскимъ краемъ, губернаторомъ Астраханскимъ, историкомъ и географомъ. Изъ его сочиненій извѣстны: **„Исторія Россійская“** и **„Духовное завѣщаніе сыну“**. Исторія Татищева—критическій сводъ лѣтописей. Онъ впервые пытается опредѣлить: что такое русская исторія и какія средства существуютъ для ея изученія. Политическіе взгляды Татищева отразились въ главѣ „о древнемъ правительствѣ русскомъ“.

Здѣсь онъ указываетъ на различіе трехъ формъ правленія—монархіи, аристократіи и демократіи, и приходитъ къ тому выводу, что Россія должна быть государствомъ монархическимъ.

Изучая Петровскій періодъ, слѣдуетъ остановиться еще на одной личности, безусловно заслуживающей вниманія. Это—Иванъ Тихоновичъ Посошковъ; по происхожденію крестьянинъ, по воззрѣнію принадлежалъ къ до-Петровской Руси. Заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ вполнѣ понялъ значеніе нѣкоторыхъ Петровскихъ реформъ, напр., экономическихъ, государственныхъ и общественныхъ, но осуждалъ его отношенія къ церкви. Въ своемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ онъ проводитъ оригинальныя для того времени мысли—богатство страны должно быть основано на благосостояніи народа, а не на царской казнѣ или богатствѣ царскаго синклита; невозможно насадить правосудіе, не измѣнивъ кореннымъ образомъ уставовъ. Поэтому, несмотря на изданіе многихъ новыхъ законовъ „не много въ нихъ дѣйство ибо всѣхъ ихъ древностная неправда одолѣваетъ“. Здѣсь же онъ проводитъ мысли объ улучшеніи положенія солдатъ (воиновъ), крестьянъ, купечества и сельскаго духовенства.

Весь совершившійся переворотъ нельзя приписать исключительно заслугамъ Петра. Въ исторіи нѣтъ такихъ личностей, которыя могли бы своими силами измѣнить путь намѣченной вѣками. Потребность пользоваться знаніями иностранцевъ сказалась еще въ 15 в. Такіе памятники старины, какъ Успенскій соборъ, Грановитая палата, колокольня Ивана Великаго созданы при помощи иноземцевъ. Іоаннъ Грозный выписывалъ уже иностранцевъ; при немъ въ Москвѣ существовала цѣлая нѣмецкая слобода. При Борисѣ Годуновѣ были отправлены заграницу молодые люди для обученія разнымъ наукамъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ сказалось сильно западное вліяніе, представителями котораго являлись Матвѣевъ, Симеонъ Полоцкій и Епифаній Славинецкій; при немъ былъ устроенъ въ Москвѣ театръ по западно-европейскому образцу. Такимъ образомъ допущеніе все большаго и большаго числа иностранцевъ въ Россію ясно доказывало нужду въ нихъ, ихъ превосходство въ наукѣ и необходимость у нихъ учиться. Все это вело къ тому сближенію съ Западной Европой, которое совершилось при Петрѣ. Только реформы Петра отличались крупнымъ и рѣзкимъ характеромъ. Онѣ привели къ тому, что образованіе, а въ связи съ нимъ и литература пріобрѣла свѣтскій характеръ.

Петровская эпоха не создала художественныхъ произведеній, да и создать не могла, потому что художественная литература служитъ отраженіемъ всей жизни народа, имѣетъ національный языкъ и опредѣленныя литературныя формы. Ничего подобнаго не находимъ въ до-Петровскомъ періодѣ. Кругъ идей до-Петровской эпохи былъ слишкомъ узокъ и потому литература этой эпохи не могла отражать въ себѣ всей національной жизни. Національнаго языка также не было—литературнымъ языкомъ былъ языкъ церковно-славянскій. Литературными формами въ до-Петровскій періодъ у насъ были: поученія, житія, апокрифическіе разсказы, тогда какъ въ Западной Европѣ существовалъ уже эпосъ, лирика и драма. Такимъ образомъ послѣ Петровской литературѣ предстояли слѣдующія задачи: 1) слить литературу съ жизнью всего русскаго народа, 2) усвоить западно-европейскія формы и 3) выработать національный литературный языкъ.

Антіохъ Дмитріевичъ Кантеміръ (1709—1744). Литературнымъ дѣятелемъ Петровской эпохи является Антіохъ Дмитріевичъ Кантеміръ, онъ былъ

сыномъ молдавскаго господаря, который во время Прутскаго похода былъ союзникомъ Петра противъ Турціи. По заключеніи мира Россіи съ Турціей, молдавскій господарь, опасаясь мести со стороны послѣдней, переселился въ Россію. Съ трехлѣтняго возраста Антіохъ жилъ среди русской природы и подъ впечатлѣніемъ русской жизни. Необыкновенно способный, онъ получилъ прекрасное образованіе, которое закончилъ въ Академіи Наукъ подъ руководствомъ иностранныхъ профессоровъ. Отношеніе Кантеміра къ Петру было восторженно. Онъ до конца жизни отзывался о немъ какъ объ идеальномъ правителѣ. Между тѣмъ въ обществѣ, со смертью Петра, началась усиленная реакція. При пріемникахъ Петра Великаго во главѣ правленія стоялъ Верховный Тайный Совѣтъ, котораго болѣе всего занимали придворныя интриги и частные интересы. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ воцарялся застой и усиливалась реакція. Сторонники Петра, съ его смертью, лишившись опоры, остались одинокими и слабыми. Активная борьба была невозможна, оставалось затаить негодованіе. Въ это время Кантеміръ остался со скуднымъ содержаніемъ, надѣяться на улучшеніе могъ лишь тогда, когда восторжествовала бы прогрессивная партія. Его болѣзненность еще болѣе усиливала мрачные взгляды на окружающую обстановку. Чтобы выразить всю свою грусть и негодованіе, Кантеміръ взялся за перо, и его настроеніе вылилось въ формѣ сатиры. Онъ написалъ нѣсколько сатиръ, но лучшей считается первая, написанная имъ въ 1729 году. Эта сатира носитъ два заглавія—**„Къ уму своему“** и **„На хулящихъ ученіе“**. Темою ея служитъ осмѣяніе невѣждъ. Сатира начинается обращеніемъ автора къ своему уму съ совѣтомъ не заниматься наукой и литературой, такъ какъ положеніе писателя очень тяжелое: „путь его не легокъ, нужно на немъ потѣть и томиться“; общество смѣется и гнушается того, кто сидитъ надъ книгой; наконецъ, трудъ писателя матеріально не обезпеченъ; „у ученыхъ хоть голова полна,—пусты руки“. За любовь къ наукамъ прославляютъ только царя изъ-за страха, подданныхъ же дерзко осуждаютъ. Затѣмъ Кантеміръ выводитъ на сцену враговъ просвѣщенія и влагаетъ въ уста ихъ обвинительныя рѣчи противъ науки. Слыша такія рѣчи, авторъ падаетъ духомъ и на возраженіе ума, что на такихъ людей какъ Критонъ, Сильванъ и другіе не стоитъ обращать вниманія, говоритъ, что кромѣ этихъ враговъ, епископы и судьи „мало любятъ, чуть не всѣ, истинну украссу“. Чтобы сдѣлаться епископомъ, нужно облечься въ епископскія одежды, благословлять всѣхъ направо и налѣво и заботиться о доходахъ церкви, такъ какъ на нихъ зиждится вся ея слава“. Судьи считаютъ для себя совсѣмъ лишнимъ знаніе законовъ, занимаются взяточничествомъ, предоставляя подъячимъ разбираться въ дѣлахъ, а сами подписываютъ только приговоры. Время Петра Великаго, когда раздавались должности по способностямъ и знаніямъ людей прошло, а теперь „гордость, лѣность, богатство—мудрость одолѣло“: „Невѣжество гордится подъ митрой, въ шитомъ платьѣ ходитъ, судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ, наука ободрана, въ лоскутахъ обшита, изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита“. Въ человѣкѣ цѣнится внѣшность, костюмъ, умѣнье играть въ карты, выбирать вина—таковъ идеалъ современнаго общества. Знающіе читать и писать требуютъ себѣ высокихъ духовныхъ и свѣтскихъ должностей. Писателю, живущему среди такихъ невѣжественныхъ людей, остается только уйти и „молчаливо таиться въ своемъ углу“, съ самимъ собою разсуждать о пользѣ науки, не провозглашать ее всему свѣту, изъ страха вмѣсто похвалы, „достать хулу злую“. Критонъ является представителемъ чернаго духовенства; онъ признаетъ и исполняетъ только обряды, сущность религіи его не интересуетъ и она ему не понятна; онъ принципіальный врагъ всякой науки, по его мнѣнію, наука разрушаетъ религію. Всѣ ученые—безбожники;—они не исполняютъ обрядовъ, хотятъ понять сущность религіи: „Библію честь стали“, толкуютъ всему хотятъ знать поводъ, причину „и оспариваютъ власть у духовенства. Сильванъ—дворянинъ, помѣщикъ. Онъ смотритъ на науку съ матеріальной точки зрѣнія, по его мнѣнію, она разоряетъ общество и служитъ причиной голода. Науки не приносятъ ни гроша въ карманъ, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., медицина, вредятъ здоровью; вообще всѣ онѣ не нужны для практической жизни. Онъ цѣнитъ въ жизни больше всего богатство. Третій врагъ науки Лука по міросозерцанію Эпикуреецъ: жизнь коротка, нужно умѣть ею пользоваться въ свое удовольствіе. По Божьему назначенію люди должны жить въ содружествѣ, а научныя занятія, требующія уединенія, нарушаютъ это. Наконецъ четвертый врагъ науки Медоръ—щеголь. Онъ типъ новаго времени, въ эпоху Кантеміра онъ только что нарождался. Выше всего онъ ставитъ красивую наружность и внѣшній европейскій лоскъ. Такіе люди были естественнымъ явленіемъ переходнаго времени отъ невѣжества къ просвѣщенію.

Такимъ образомъ вмѣсто старыхъ враговъ просвѣщенія появляются новые. Старые были опаснѣе, потому что отрицали науку, новые же равнодушно относятся къ ея существованію. На литературной дѣятельности Кантеміра можно прослѣдить его попытки рѣшить задачи, поставленныя новой русской литературѣ. Свои сатиры Кантеміръ назвалъ „опытомъ новаго на нашемъ языкѣ сочиненія“. Дѣйствительно, сатира, какъ опредѣленный видъ дидактической лирики, была до него неизвѣстна русскому обществу. Форму сатиры онъ заимствовалъ у Буало (французскаго писателя), который въ

свою очередь подражалъ Горацію (римскій поэтъ). Написаны онѣ силлабическимъ *) размѣромъ, который былъ заимствованъ съ польскаго языка. При жизни Кантеміра его сатиры распространялись въ рукописи и были извѣстны лишь небольшому кружку лицъ. Только въ 1762 году онѣ были изданы; въ это время уже Ломоносовъ заканчивалъ свою дѣятельность. Такимъ образомъ, всѣ вопросы, которые Кантеміръ затрогивалъ въ своихъ произведеніяхъ, независимо отъ него разрабатывались другими писателями. Историко-культурное значеніе его сатиръ заключается въ характеристикѣ русскаго общества первой половины 18 вѣка.

Ломоносовъ (1711—1765). Петровская реформа подвела Россію къ наукѣ; теперь нуженъ былъ человѣкъ, который, усвоивъ западно-европейское просвѣщеніе, перенесъ бы его въ Россію и распространилъ въ ней истинное знаніе. Такимъ человѣкомъ явился Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Онъ былъ сыномъ крестьянина изъ деревни Денисовки, Архангельской губ. Съ дѣтства занимался съ отцомъ рыбнымъ промысломъ, но сильная жажда знанія заставила его бѣжать изъ дома въ Москву. Здѣсь онъ поступилъ въ Заиконо-Спасскую школу. Во время пребыванія въ этой школѣ ему приходилось терпѣть крайнюю нужду. Получая въ день жалованья по алтыну, онъ могъ тратить только денежку на хлѣбъ, денежку на квасъ, а остальное на бумагу, обувь и прочее. Ко всему этому присоединялись насмѣшки товарищей—соучениковъ, такъ какъ Ломоносовъ давно вышелъ изъ школьнаго возраста—ему было уже 18 лѣтъ, когда онъ поступилъ въ школу, гдѣ учениками были дѣти. Ломоносовъ превозмогъ всѣ трудности своего положенія и окончилъ курсъ въ Заиконо-Спасской школѣ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Послѣ чего былъ принятъ въ Академію Наукъ, а для завершенія образованія былъ отправленъ въ Германію. Эта поѣздка имѣла важное значеніе. Подъ руководствомъ профессора Вольфа, онъ получилъ разностороннее образованіе, а главное, пріобрѣлъ положительный взглядъ на науку, какъ на свободное изслѣдованіе всѣхъ сферъ человѣческаго знанія. Но здѣсь же сказались и дурныя стороны его характера—склонность къ пьянству и разгулу. Вслѣдствіе такой жизни онъ впалъ въ долги. Тяжелое матеріальное положеніе, разрывъ съ профессорами принудили его вернуться въ Россію. По пріѣздѣ въ Россію онъ былъ принятъ адъюнктомъ **) въ Академію Наукъ, а затѣмъ получилъ и званіе профессора той же Академіи. Здѣсь онъ неутомимо работалъ до конца своей жизни. Недаромъ Пушкинъ назвалъ его „университетомъ“. Это названіе очень мѣтко характеризуетъ дѣятельность Ломоносова. Какъ университетъ служитъ разсадникомъ науки, такъ Ломоносовъ всю свою жизнь посвятилъ наукѣ, распространяя ее въ Россіи. Онъ оставилъ послѣ себя труды по различнымъ отраслямъ естествознанія, преобразованія языка, а также въ области чистой поэзіи. Русское общество того времени относилось къ наукѣ крайне враждебно; достаточно вспомнить сатиры Кантеміра. Ломоносовъ борется съ врагами науки—и въ своихъ рѣчахъ и въ своихъ сочиненіяхъ горячо протестуетъ противъ нихъ. Возражая Критону на его слова: „расколъ и ереси науки суть дѣти“, онъ говоритъ, что правда и вѣра двѣ родныя сестры и никогда между собою въ расприю идти не могутъ. Однако, хотя онѣ и не вредятъ другъ другу, но не должно ихъ смѣшивать потому что наука—одно, а вѣра—другое. Защита науки особенно увлекала Ломоносова, какъ религіозно-настроеннаго ученаго, между тѣмъ въ глазахъ общества наука была покушеніемъ открыть тайны, сокрытыя отъ людей самимъ Богомъ. Онъ борется съ такимъ предубѣжденіемъ противъ науки, стараясь привить обществу трезвый взглядъ на нее. Существуетъ неправильное мнѣніе, что Ломоносовъ защитникъ національной науки, русской науки отъ нѣмцевъ. Онъ боролся не противъ нѣмецкой науки (что противорѣчитъ его взгляду на науку, какъ на общее достояніе всѣхъ народовъ), а противъ злоупотребленій иностранныхъ профессоровъ.

Ломоносовъ является преобразователемъ нашего литературнаго языка. Петровская реформа, сообщивъ нашему образованію и нашей литературѣ свѣтскій характеръ, не выработала для нея литературнаго языка—языкомъ книжнымъ оффиціальнымъ, по-прежнему оставался церковно-славянскій а онъ не могъ удовлетворять всѣмъ вопросамъ свѣтскаго образованія. Въ литературный языкъ начинаетъ вноситься народный элементъ, съ другой стороны—иностранный. Получая съ Запада различныя знанія, мы вмѣстѣ съ нимъ заимствовали и иностранныя слова, потому что для выраженія новыхъ понятій у насъ не было своихъ собственныхъ словъ. Такимъ образомъ языкъ нашъ уже въ первой четверти 18 вѣка представляетъ смѣсь разныхъ элементовъ—церковно-славянскихъ, русскихъ и иностранныхъ. Свои идеи о преобразованіи русскаго литературнаго языка онъ проводитъ въ сочиненіи: „Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ“. Въ началѣ „Разсужденія“ онъ говоритъ, что русскій языкъ былъ бѣденъ до начала письменности, но затѣмъ обогатился чрезъ посредство церковно-славянскаго языка. Такимъ образомъ, въ этой части онъ проводитъ мысль, что развитіе языка тѣсно связано съ развитіемъ мысли. Далѣе онъ устанавливаетъ взаимное отношеніе двухъ элементовъ литературнаго языка — церковно-славянскихъ и русскихъ.

*) Силлабическій стихъ имѣетъ рифму и основанъ на количествѣ слоговъ.

**) Помощникомъ профессора.

Какъ мысли бываютъ различны по своей важности, такъ и слова, которыми онѣ выражаются, имѣютъ разныя степени, т. е. выраженіе мысли зависитъ отъ ея содержанія. Въ русскомъ языкѣ существуетъ три рода реченій въ зависимости отъ количества элементовъ церковно-славянскихъ. Такимъ образомъ, Ломоносовъ наряду съ церковно-славянскимъ допускаетъ въ литературный языкъ и народный русскій элементъ. Три рода реченій въ русскомъ языкѣ образуютъ три стиля,**) причемъ высшее значеніе получаетъ церковно-славянскій языкъ, а русскій—подчиненное. Онъ говоритъ, что каждому литературному виду соотвѣтствуетъ опредѣленный стиль. Вліяніе этого „Разсужденія“ было громадно—на немъ воспитывались всѣ писатели 18 вѣка. Но кромѣ достоинствъ, это „Разсужденіе“ имѣетъ и крупные недостатки. Заслуга Ломоносова въ томъ, что онъ ввелъ народный элементъ въ литературный языкъ; но ученіе о трехъ стиляхъ заключаетъ большіе недостатки—оно отводитъ преобладающее значеніе церковно-славянскому языку, а національные ставитъ въ подчиненіе. Во-вторыхъ, это ученіе сдавливаетъ свободу творчества. Отсюда, задачи послѣдующей эпохи—увеличить національную струю въ литературномъ языкѣ, а потомъ сдѣлать ее преобладающей и освободить поэзію отъ правилъ, стѣсняющихъ ея творчество. Кромѣ того, Ломоносовъ далъ русской рѣчи опредѣленный строй, создалъ синтаксисъ, но подчинивъ его нѣмецкому. Онъ первый внесъ въ нашу литературу и грамматику періоды, которые заимствовалъ изъ латинской грамматики Квинтиліана (римскій писатель), а также и изъ нѣмецкой. Одновременно съ Тредьяковскимъ (писатель, современникъ Ломоносова) онъ открылъ тоническое стихосложеніе*) и подтвердилъ свою теорію на практикѣ, написавъ въ 1739 г. тоническимъ стихосложеніемъ оду„ На взятіе „Хотина“, Ломоносовъ перенесъ въ Россію господствовавшее въ Западной Европѣ въ 17 вѣкѣ ложноклассическое направленіе. Названіе оно получило отъ того, что стремилось подражать классическимъ писателямъ (древнимъ греческимъ и римскимъ). Но подражаніе это было чисто внѣшнимъ. Интересъ къ классической древности началъ возникать еще въ эпоху Возрожденія, въ 13 вѣкѣ, когда человѣческая личность начала стремиться къ освобожденію отъ гнета церкви и государства, къ возрожденію. Ложноклассическое направленіе возникло во Франціи въ 16-мъ вѣкѣ, но расцвѣтъ его относится къ 17-му. Французы увлеклись красотою произведенія античнаго міра, но упустили изъ вида внутреннюю причину этой красоты. Они обратили исключительное вниманіе на внѣшнюю сторону, стали искать причины красоты классическихъ произведеній въ самой формѣ. Присматриваясь къ формамъ античныхъ произведеній, установили цѣлый рядъ правилъ для творчества. Отчасти на установленіе теоріи натолкнулъ французскихъ теоретиковъ самъ Аристотель (греческій философъ, ученый и писатель, IV в. до Р. X.) своей „Поэтикой“. Но у Аристотеля это были не правила, но эстопсихологическій анализъ античныхъ произведеній. А такъ какъ въ античномъ мірѣ самыми распространенными видами поэзіи являются драма и поэма, то поэтому ложноклассики создаютъ правила преимущественно для эпопеи и драматическихъ произведеній. Въ этой постановкѣ была глубочайшая психологическая ошибка — творчество должно было подчиняться извѣстнымъ правиламъ. Другое слѣдствіе такой постановки вопроса — паденіе интереса къ національной словесности. Это вполнѣ понятно, потому что произведенія классическаго міра въ силу природной способности своихъ творцовъ такъ велики, что національныя созданія казались ничтожными. Такимъ образомъ, въ результатѣ такой постановки вопроса получилось: уничтоженіе свободнаго творчества, разрывъ съ народной словесностью. Первымъ представителемъ ложноклассическаго направленія въ Россіи является Ломоносовъ. Литературная слава его основана на его одахъ. То обстоятельство, что онъ писалъ оды, объясняется историческими условіями. Въ 18 вѣкѣ литература развивалась подъ покровительствомъ меценатовъ, данью которымъ со стороны поэтовъ было восхваленіе ихъ въ своихъ одахъ. Современники цѣнили оды Ломоносова выше его научныхъ трудовъ и превозносили его, называя россійскимъ Пиндаромъ (греческій поэтъ, писалъ оды VI в. до Р. X.) за торжественность одъ и за звучность стиховъ. Но критика Пушкина и Бѣлинскаго развѣнчала славу Ломоносова, какъ поэта. Вся его заслуга главнымъ образомъ покоится на его научныхъ трудахъ и трудахъ по преобразованію *языку*. Нѣкоторыя изъ одъ Ломоносова не лишены однако поэтическаго достоинства, напр., ода **„Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ“**. Вся эта ода проникнута религіознымъ настроеніемъ. Созерцаніе величія природы приводитъ Ломоносова къ благоговѣнію предъ могуществомъ Творца. **„Ода на восшествіе на престолъ императрицы Елизаветы“** представляетъ яркій образецъ ложноклассическаго направленія, въ художественномъ отношеніи она не высока. Въ самомъ построеніи находимъ черты ложно-классицизма. Она состоитъ изъ приступа, изложенія и заключенія. Въ изложеніи находимъ много именъ, взятыхъ изъ греческой миѳологіи: Нептунъ, Марсъ, Парнасъ и проч. Упоминаніе о лирѣ было необходимой принадлежностью классической оды. Такъ находимъ и у Ломоносова „се хощетъ лира восхищенна гласить велики имена“. Слогъ напыщен-

*) Основано на слогоудареніи.
**) Высокій, средній и низкій.

ный, приподнятый, что также характерно для ложноклассическихъ произведеній. Кромѣ одъ, Ломоносовъ написалъ двѣ трагедіи, началъ даже эпическую поэму „Петръ В.“, но она была не окончена. Такимъ образомъ Ломоносовъ писалъ во всѣхъ родахъ поэзіи.

Похвальныя слова Ломоносова Елизаветѣ и Петру I относятся также къ ложноклассическому направленію. Они написаны по правиламъ схоластической риторики. **„Похвальное слово Петру I-му“** состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой онъ говоритъ о важнѣйшихъ дѣлахъ преобразователя; во второй, о препятствіяхъ, которыя онъ преодолѣлъ; въ третьей—о добродѣтеляхъ, которыя были ему необходимы для совершенія великихъ дѣлъ. Несмотря на ложноклассическій характеръ „Слова“, мѣстами оно не лишено сильнаго искренняго чувства. Напримѣръ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о неутомимой и многосторонней дѣятельности Петра. Сравненіе же Петра съ Богомъ страдаетъ неестественностью. Въ языкѣ много элементовъ церковнославянскихъ; рѣчь по преимуществу періодическая. Такимъ образомъ, Ломоносовъ, кромѣ преобразованія русскаго языка, содѣйствовалъ выработкѣ нѣкоторыхъ литературныхъ формъ. Въ этомъ заключается его значеніе въ исторіи русской литературы и просвѣщенія.

Александръ Петровичъ Сумароковъ (1718—1777). Литературная дѣятельность Сумарокова тѣсно связана съ возникновеніемъ русскаго театра. Поэтому, приступая къ изученію произведеній Сумарокова, слѣдуетъ остановиться на исторіи русскаго театра. Издавна на Руси существовало скоморошество и кукольныя комедіи, но эти зародыши драмы остались неразвиты. Причиною тому было отрицательное отношеніе духовенства ко всякому проявленію народнаго веселья, фантазіи и народнаго творчества. Духовенство строго осуждало послѣднее, какъ служеніе дьяволу и усердно старалось искоренить его. Свидѣтельства этому находимъ въ поученіяхъ пастырей церкви, въ постановленіяхъ Стоглаваго собора, въ правительственныхъ распоряженіяхъ Алексѣя Михайловича. Въ XVI—XVII вв. видимъ попытку внести драматическій элементъ въ церковное богослуженіе, въ формѣ „церковныхъ дѣйствъ“, которыя являются слабыми, отдаленными отзвуками западныхъ мистерій (средневѣковыхъ драмъ). Позднѣе чрезъ Польшу проникаютъ къ намъ театральныя зрѣлища въ видѣ школьной драмы. Эта школьная драма входила въ учебный курсъ Кіевской Академіи. Съ теченіемъ времени она уклонилась отъ чисто религіознаго типа: въ нее вносился свѣтскій элементъ, который развивался въ цѣлыя вставныя комедіи. Въ Москву школьная драма была занесена питомцами Кіевской Академіи, послѣ основанія Славяно-греко-латинской Академіи. Таковы были первоначальныя театральныя зрѣлища въ Россіи. Начало иноземнаго театра относится къ 70 годамъ 17 столѣтія. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича по примѣру Западной Европы были устроены комедіальныя хоромины и составлена труппа изъ 64 мальчиковъ, дѣтей подъячихъ и мѣщанъ. Руководителями ея были нѣмецкій пасторъ и русскій учитель. Театръ сдѣлался любимымъ развлеченіемъ царя. Но по смерти Алексѣя Михайловича на время прекратилось развитіе театральныхъ зрѣлищъ. Только при Петрѣ Великомъ снова былъ устроенъ театръ, причемъ не придворный, а общедоступный. Въ царствованіе Анны и Елизаветы театръ на время опять сдѣлался придворнымъ. Въ это же время принялъ участіе въ постановкѣ спектаклей Шляхетскій сухопутный корпусъ. Сухопутный кадетскій корпусъ, основанный въ 1732 году, былъ единственнымъ учебнымъ заведеніемъ, которое давало солидное по тому времени образованіе. Въ учебномъ курсѣ словесность занимала первое мѣсто. Воспитанники соединялись въ кружки любителей словесности, въ которыхъ читали свои опыты. Отъ этихъ чтеній перешли къ спектаклямъ. Въ 1750 году они разыграли на своей сценѣ первую трагедію Сумарокова „Хоревъ“. Игра такъ понравилась, что въ томъ же году было представлено кадетами еще нѣсколько трагедій Сумарокова. Потребность въ русскомъ театрѣ все сильнѣе. Необходимо было подусказывалась все сильнѣе. Необходимо было подумать о постоянномъ театрѣ и настоящихъ актерахъ. Первая труппа русскихъ актеровъ составилась въ Ярославлѣ, подъ руководствомъ Федора Григорьевича Волкова. Онъ былъ пасынкомъ богатаго кожевеннаго заводчика; по торговымъ дѣламъ часто бывалъ въ Петербургѣ, гдѣ и познакомился съ театральнымъ дѣломъ. О представленіяхъ Волкова дошла вѣсть до императрицы, и она потребовала ко двору ярославскихъ актеровъ, гдѣ имъ поручила сыграть „Хорева“. Волковъ съ труппою былъ оставленъ при дворѣ. Съ 30-го августа 1756 года театръ указомъ Сенату получилъ значеніе государственнаго учрежденія. Волковъ поступилъ въ него въ качествѣ перваго актера, а Сумароковъ былъ назначенъ директоромъ театра, съ обязанностью ставить въ то же время въ театрѣ и пьесы своего сочиненія. Такимъ образомъ, славу Сумарокову создалъ театръ. Въ трагедіяхъ Сумарокова отразилось ложноклассическое направленіе. Оно проникло къ намъ изъ Франціи. Законодателемъ ложноклассицизма является французъ Буало. Главное основное требованіе ложноклассической теоріи слѣдующее: произведеніе искусства должно сообразоваться съ разумомъ, съ здравымъ смысломъ, которымъ должны подчиняться фантазія и чувство. Далѣе: вся сила поэтическаго произведенія заключается въ формѣ, въ правильномъ построеніи и ясномъ планѣ его; драматическія произведенія должны сохранять три единства: дѣйствія, времени и мѣста, т. е. чтобы дѣйствіе разыгрывалось

безъ перемѣны мѣста, безъ перерыва времени и безъ осложненія одного дѣйствія другимъ. Кромѣ того, сила поэтическаго произведенія, по мнѣнію Буало, заключается въ простомъ и изящномъ выраженіи мыслей, не допускающемъ ничего грубаго, простонароднаго. На этомъ послѣднемъ положеніи Буало отразилось вліяніе современнаго ему общества, придворнаго этикета, требующаго благородной, изысканной рѣчи. Таковы главныя положенія ложноклассической теоріи. Дѣйствующими лицами ложноклассической трагедіи являлись цари и герои. Соблюдая единство времени (ограничивалось однимъ днемъ), приходилось сжимать дѣйствіе въ небольшой промежутокъ времени, что сдѣлало невозможнымъ всестороннее развитіе характеровъ, а потому ложноклассическая драма скорѣе драма страстей, чѣмъ характеровъ. Страсть же не понятна безъ характера, а потому въ ложноклассической драмѣ появились наперсники и наперсницы, которые разсказываютъ то, что необходимо для пополненія характера. Такимъ образомъ, драматическій элементъ замѣняется эпическимъ. Что касается внѣшности ложноклассической трагедіи, то она непременно должна состоять изъ 5 дѣйствій, раздѣленныхъ на явленія; а писались онѣ стихами.

Къ достоинствамъ ложноклассической трагедіи надо отнести превосходно разработанную завязку, стройное развитіе дѣйствія, естественную развязку и изящный языкъ. Въ нашей литературѣ писателемъ ложноклассическихъ трагедій и комедій является Сумароковъ. Онъ воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Будучи кадетомъ, онъ почувствовалъ сильное стремленіе къ словесности и занялся писательствомъ. Литературными кумирами его были—Корнель, Расинъ и Вольтеръ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ началъ писать трагедіи, и комедіи. Сюжеты своихъ произведеній бралъ изъ отечественной исторіи, а содержаніе и форма произведенія подвергались правиламъ ложноклассической трагедіи. Примѣромъ нашихъ ложноклассическихъ трагедій можетъ служить его трагедія **„Дмитрій Самозванецъ“.** Самозванецъ представленъ закоренѣлымъ злодѣемъ, противъ котораго Богъ и люди. Онъ говоритъ всѣмъ и на каждомъ шагу о своихъ неслыханныхъ злодѣяніяхъ, между тѣмъ дѣлъ у него нѣтъ. Это скорѣе—олицетвореніе тиранства, чѣмъ живое лицо. Далѣе находимъ слѣдующіе признаки ложноклассической трагедіи: во-первыхъ несоблюденіе исторической вѣрности въ изображеніи историческихъ лицъ и событій, напр., Самозванецъ неслыханный злодѣй на словахъ, а на дѣлѣ—трусъ; Ксенія проповѣдуетъ идеи, неизвѣстныя женщинамъ того времени; любовь Самозванца къ Ксеніи, дочери Шуйскаго,—эпизодъ неизвѣстный историкамъ. Во-вторыхъ, соблюденіе трехъ единствъ, отсюда вытекаетъ драма интригъ, а не характеровъ; олицетвореніе одной страсти—тиранства; введеніе наперсниковъ для пополненія характеровъ героевъ. Въ третьихъ, дѣленіе трагедіи на 5 дѣйствій, преобладаніе эпическаго элемента надъ драматическимъ и высокопарный слогъ. Таковы были всѣ трагедіи Сумарокова. Но слава ихъ была огромна; она объясняется условіями появленія ихъ. Это былъ первый примѣръ правильной трагедіи по тогдашнимъ понятіямъ; они служили матеріаломъ для первой русской сцены; наконецъ, въ нихъ проводились гуманныя идеи, изображались страсти и чувства. Литературная дѣятельность Сумарокова не ограничивалась только драматитескими произведеніями,—онъ писалъ эпическія и лирическія произведенія. Въ своихъ одахъ, драмахъ и сатирахъ онъ всегда являлся защитникомъ просвѣщенія, врагомъ невѣжества и предразсудковъ; онъ преслѣдовалъ неправосудіе, возмущался дикими проявленіями крѣпостничества. Такимъ образомъ, вліяніе его произведеній на современное ему поколѣніе было велико.

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ (1733—1807) представитель и продолжатель ложноклассическаго эпоса, начатаго Ломоносовымъ въ своей поэмѣ „Петръ Великій“. Херасковъ написалъ большую поэму **„Россіяду“,** воспѣвающую покореніе Казани Іоанномъ Грознымъ. Она есть подражаніе западно-европейскимъ поэмамъ: Потерянному Раю, Мессіадѣ, Освобожденному Іерусалиму и Генріадѣ. Для знакомства съ нею можно остановиться на отрывкахъ: **Вступленіе. Казанскій лѣсъ. Зима.**

Ипполитъ Өедоровичъ Богдановичъ (1743—1802) сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ на пути развитія нашей литературы. Онъ написалъ поэму **„Душенька“** въ подражаніе разсказу Лафонтена „Любовь Психеи и Купидона“, который въ свою очередь заимствовалъ сюжетъ изъ Апулеева (римскій писатель II в. по Р. Х.) романа „Превращеніе, или Золотой оселъ“. Популярность Душеньки объясняется легкостью изложенія и эстетическимъ содержаніемъ. Богдановичъ не придерживался условныхъ формъ и правилъ, наложенныхъ на стихотворство; шутливый тонъ разсказа, вмѣсто торжественнаго; вольный стихъ, вмѣсто александрійскаго или четырехстопнаго ямба. „Душенька“ —первое произведеніе въ родѣ легкой поэзіи, болѣе жизненной.

Иванъ Ивановичъ Хемницеръ (1744—1784) положилъ начало русской литературной баснѣ. Басни его дѣлятся на оригинальныя и переводныя. Нѣкоторыя изъ нихъ до сихъ поръ не утратили своего интереса и прелести, напр. **„Два сосѣда“, „Богачъ и бѣднякъ“, „Метафизикъ“.** Это объясняется талантомъ автора — онъ излагалъ ихъ интересно, замысловато—наивно, просто, чисто-русскими оборотами.

Разрѣшеніе литературныхъ и художественныхъ задачъ продолжается въ Екатерининскій періодъ: усвояются разнообразныя западно-литературныя формы, сближается литература съ жизнью, вырабатывается національный языкъ. Вообще литература Екатерининской эпохи отличается необыкновеннымъ оживленіемъ, замѣчательнымъ богатствомъ и разнообразіемъ. Это, съ одной стороны, объясняется участіемъ самой императрицы въ литературномъ движеніи: она стояла во главѣ движенія, покровительствовала писателямъ, сама занималась литературой. Съ другой стороны, большое оживленіе въ нашей литературѣ объясняется вліяніемъ французской философіи 18 вѣка. Французское вліяніе начало проникать въ Россію при Елизаветѣ Петровнѣ. Но настоящее знакомство съ новыми идеями французской философіи и литературы началось со времени Екатерины II. Отличительный характеръ философіи 18 вѣка состоитъ въ отрицаніи всего тогдашняго европейскаго строя, религіознаго, государственнаго и общественнаго, и стремленіе замѣнить его новымъ. Эти стремленія были вызваны тѣми злоупотребленіями и недостатками, которые накопились въ прежнемъ строѣ, во всѣхъ сферахъ жизни. Такимъ образомъ, философія, а вмѣстѣ съ нею и литература отличались критическимъ и обличительнымъ характеромъ. Эта философія обыкновенно называется французской. Но Франція была только распространительницею идей 18 вѣка, благодаря господству французскаго языка; первоначально онѣ возникли въ Англіи. Здѣсь впервые были провозглашены новые принципы во всѣхъ сферахъ жизни. Въ области педагогики требовалось развитіе всѣхъ элементовъ человѣческой природы, особенно же развитіе физическихъ силъ и нравственнаго чувства. Въ области религіи развился деизмъ, т. е. религія разума, онъ признаетъ существованіе Бога, но отвергаетъ всякое божественное откровеніе. Деисты проповѣдывали право свободы мысли, которая состоитъ въ отрицаніи авторитета и выработкѣ самостоятельнаго сужденія; они стояли за терпимость. Первымъ распространителемъ идей англійскихъ мыслителей во Франціи былъ Вольтеръ (1694—1778); затѣмъ Монтескье (1687—1755). Свои общественныя, государственныя и политическія идеи онъ изложилъ въ знаменитомъ сочиненіи „Духъ законовъ". Это были первые деисты во Франціи. Другіе пошли дальше и деизмъ выродился въ матеріализмъ*) и атеизмъ**). Вторая эпоха французской философіи 18 в. и есть эпоха матеріализма. Во главѣ этого движенія стояли Дидро и главнымъ образомъ Гольбахъ со своими послѣдователями, которые получили названіе энциклопедистовъ, такъ какъ они издавали Энциклопедію (алфавитный словарь по всякимъ отрослямъ знанія, которое освѣщалось съ точки зрѣнія людей 18 вѣка). Все это теченіе выдвигало господство разума, почему оно и называется *раціонализмомъ*. Противникомъ такого движенія является Руссо (1752—1778), въ противоположность разуму, онъ отдаетъ первенствующее значеніе въ жизни чувству. Время Руссо—третій періодъ французскаго просвѣщенія. Во всѣ стороны жизни, общественную и частную, онъ стремится провести принципы свободы, братства и равенства между людьми. Онъ возстаетъ противъ роскоши, изнѣженности и испорченности нравовъ, причиной чего считаетъ цивилизацію; призываетъ къ природѣ, простотѣ и естественности. Эти идеи французскаго просвѣщенія 18 в. проникли въ Россію. Сама императрица сдѣлалась послѣдовательницей нѣкоторыхъ идей этихъ мыслителей и стремилась распространить ихъ въ Россіи. Эти идеи она изложила въ „Наказѣ", который былъ построенъ главнымъ образомъ на „Духѣ законовъ" Монтескье. Прежде чѣмъ приступить къ просвѣтительнымъ реформамъ, необходимо было уничтожить крѣпостное право. Желаніе императрицы встрѣтило сильный отпоръ со стороны общества. Вслѣдствіе этого масса благихъ желаній не была приведена въ дѣйствіе, а позднѣе сама императрица сдѣлалась консервативнѣе. Наказъ имѣетъ важное историческое и литературное значеніе, какъ произведеніе, на которомъ отразилось вліяніе французской философіи. При Екатеринѣ II просвѣщеніе принимаетъ общеобразовательный характеръ, стремятся создать человѣка, гражданина. Крупнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія Екатерининскаго времени 18 в. является Бецкій. Просвѣтительная философія привела къ той мысли, что одного образованія не достаточно, нужно усовершенствованіе политическихъ формъ жизни. Первый, кто заговорилъ объ этомъ, былъ Радищевъ. Проникнутый гуманными идеями Запада, хорошо знакомый съ положеніемъ русскаго крестьянства онъ всю жизнь ратовалъ за освобожденіе крестьянъ. За свое сочиненіе „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" онъ былъ сосланъ въ Сибирь, а само „Путешествіе" долго считалось запрещеннымъ.

Нельзя не отмѣтить крупнаго дѣятеля въ дѣлѣ просвѣщенія Екатерининской эпохи Николая Ивановича Новикова. Значеніе его для 18 в. было огромно. Николай Ивановичъ Новиковъ родился въ 1744 году. Родители Новикова были люди богатые, но несмотря на это первоначальное образованіе дали сыну скудное. Есть извѣстіе, что въ дѣтствѣ онъ учился только у деревенскаго дьячка. Въ 1758 году онъ былъ уже въ гимназіи при Московскомъ Университетѣ и числился однимъ изъ лучшихъ способныхъ учениковъ, но чрезъ

*) Отрицаніе существованія всякой духовной силы.
**) Отрицаніе существованія Бога.

два года покинулъ гимназію и вскорѣ поступилъ въ Измайловскій полкъ. При тогдашней легкой гвардейской службѣ у Новикова было много досуга, который онъ посвящалъ самообразованію. Въ 1767 году въ Москву были отправлены лучшіе молодые гвардейцы для занятія письмоводствомъ въ знаменитой Комиссіи Депутатовъ. Въ числѣ отправленныхъ находился и Новиковъ. Онъ составлялъ дневныя записки по отдѣленію „о среднемъ родѣ людей" и велъ журналы общаго Собранія Депутатовъ. Послѣдніе читалъ при докладахъ императрицѣ, которая узнала его тогда лично. Конечно, государыня не могла не оцѣнить энергичнаго и талантливаго молодого человѣка, и ему въ будущемъ предстояла блестящая карьера. Но Новиковъ въ 1768 г. покидаетъ военную службу въ чинѣ поручика и посвящаетъ себя исключительно дѣлу отечественнаго просвѣщенія. Вся его дѣятельность распадается на два главные періода. Въ первый Петербургскій—Новиковъ сначала издаетъ сатирическіе журналы: Трутень, Живописецъ и Кошелекъ, въ которыхъ караетъ смѣшныя и гнусныя стороны современнаго ему общества.

Въ своихъ журналахъ онъ жестоко нападаетъ на крѣпостное право, на неправосудіе служащаго сословія; осмѣиваетъ рабскую подражательность иностранцамъ; указываетъ на необходимость хорошаго воспитанія и образованія, на пользу ознакомленія съ Западомъ, съ жизнью, нравами, бытомъ чужихъ народовъ; сочувствуетъ путешествіямъ, предпринятымъ съ разумною цѣлью, и много другихъ вопросовъ затрогиваетъ онъ въ своихъ журналахъ. Въ этотъ же періодъ Новиковъ является усерднымъ собирателемъ матеріаловъ для исторіи Россіи и ея литературы. Второй періодъ московскій. Въ это время Новиковъ увлекается масонствомъ. Масонство возникло въ Англіи, какъ реакція противъ раціонализма. Философія 18 в. игнорировала нравственность, религію. На это и обратило вниманіе масонство. Это было своего рода религіозно-нравственная секта. Названіе свое получила отъ французскаго слова „масонъ", что значитъ „каменщикъ". Первоначально масонство представляло идеальную религію, христіанство, свободное отъ нетерпимости; это былъ нравственный союзъ, взаимная помощь, постоянное самосовершенствованіе и воспитаніе братскаго чувства между людьми всѣхъ сословій. Съ самаго начала возникновенія масонство было окружено тайной. По мѣрѣ того, какъ развивалась легендарная исторія его возникновенія, начала развиваться обрядность и чиноначаліе. Наконецъ въ орденъ вносятся тайныя науки (магія, алхимія) и мистицизмъ. Магики и мистики съ пренебреженіемъ относятся къ истинной наукѣ, такъ какъ истину, по ихъ мнѣнію, человѣкъ можетъ узнать только въ масонствѣ. Такимъ образомъ, часть масоновъ являлась злѣйшими абскурантами. Изъ Англіи масонство распространилось въ Германіи, а оттуда проникло къ намъ. Новикова привлекало масонство своею проповѣдью братства, уваженіемъ къ человѣческому достоинству. Но Новиковъ не сдѣлался вполнѣ масономъ—онъ воспринялъ изъ него только идеальныя черты. Масонство натолкнуло Новикова на широкую благотворительность. Въ этомъ періодѣ Новиковъ посвятилъ себя просвѣтительной дѣятельности. Главная его забота просвѣщеніе провинціи, онъ устраивалъ школы, типографіи. Екатерина II враждебно относилась къ Новикову—она не могла примириться съ общественнымъ дѣятелемъ, самостоятельно будившимъ общество. Выжидался удобный случай, чтобы прибрать его съ глазъ. Случай представился и Новиковъ былъ приговоренъ къ заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости на 15 лѣтъ, несмотря на его явную невинность.

Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ (1744—1792) является однимъ изъ передовыхъ людей Екатерининской эпохи. Обратимся къ біографіи Фонъ-Визина. Біографическія свѣдѣнія для изученія литературной дѣятельности писателя имѣютъ важное значеніе, такъ какъ обстоятельства жизни и личный характеръ писателя отражаются на его творчествѣ. Главнымъ и почти единственнымъ матеріаломъ для біографіи Фонъ-Визина служитъ его же собственное сочиненіе, которое носитъ заглавіе: „Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ". Вотъ что находимъ въ этомъ признаніи. Отецъ Фонъ-Визина былъ человѣкъ со здравымъ умомъ, очень начитанный, но не получившій правильнаго, систематическаго образованія. Онъ отличался неподкупной честностью и правдивостью, былъ чуждъ низкопоклонничества, ненавидѣлъ лихоимство, съ людьми своими обходился кротко. Мать Фонъ-Визина была женщина умная и великодушная госпожа. Такимъ образомъ, на общемъ фонѣ московской жизни, исполненной обмана, воровства, взяточничества, несправедливости, жестокости къ людямъ, семья Фонъ-Визиныхъ выступаетъ, какъ рѣдкое свѣтлое явленіе. Съ первыхъ лѣтъ своей жизни Фонъ-Визинъ привыкъ къ свѣту и правдѣ, поэтому зрѣлище невѣжества и пороковъ, которое представляла русская жизнь того времени, должно было сильно поразить его. Вотъ почему обличеніе невѣжества и нравственныхъ пороковъ составляло задачу его комедій. Семья Ф.—старинная русская семья, въ которой жизнь была проникнута религіознымъ духомъ, вслѣдствіе чего мальчикъ выросталъ набожнымъ человѣкомъ. Отецъ заботился объ образованіи сына. Благодаря ему, мальчикъ изучилъ славянскій языкъ. Это знакомство ввело его въ знаніе національнаго языка. Отецъ занималъ дѣтей разсказами, которые производили на Ф. громадное впечатлѣніе и развили чувствительность. Въ дѣтствѣ Ф. не былъ далекъ

отъ родного народа, онъ слушалъ подчасъ сказки „пріѣзжаго мужика“. Все это имѣло важное значеніе для Ф. писателя. Въ воспитаніи того времени главную роль игралъ французскій языкъ, русскій же совершенно не входилъ въ число предметовъ обученія. Бывали случаи, что русскіе, воспитанные такимъ образомъ, съ трудомъ объяснялись на своемъ языкѣ. Заслуживаетъ особаго вниманія и то обстоятельство, что Ф. въ дѣтствѣ оставался на русскихъ рукахъ, не зналъ иностранныхъ гувернеровъ, окруженъ былъ русскою атмосферою, зналъ русскую жизнь, ея языкъ, обычаи и сказанія. Большинство писателей того времени народа не знало, потому и не могло изображать въ своихъ произведеніяхъ типы изъ народа. Всѣ подобныя попытки были неудачны. Что касается школьной обстановки, то она была довольно печальная. Преподаватели были люди невѣжественные и недобросовѣстные. Они не давали своимъ ученикамъ никакихъ знаній и не стѣснялись предлагать имъ идти на обманъ, чтобы выгородить себя на экзаменахъ. Дѣйствительно, въ концѣ 18 в. московскій университетъ былъ далеко не въ совершенномъ состояніи; но при всемъ томъ онъ оказалъ на Ф. и благотворное вліяніе. Здѣсь Ф. основательно изучилъ нѣмецкій языкъ, выучился латинскому, и главнымъ образомъ надо отмѣтить, что пребываніе въ университетской гимназіи развило въ Ф. „вкусъ къ словеснымъ наукамъ“. Склонность къ сатирѣ сказалась въ немъ очень рано. Его остроумныя замѣчанія становились всеобщимъ достояніемъ. Въ гимназіи Ф., очевидно, выдѣлялся своимъ умомъ и способностями. Онъ попалъ въ число избраннымъ учениковъ, которыхъ директоръ повезъ въ Петербургъ „для показанія основателю университета плодовъ сего училища“, (Университетъ въ Москвѣ и гимназія при немъ были основаны по проекту Елизаветинскаго вельможи И. И. Шувалова, который сталъ первымъ ихъ кураторомъ. *) Въ Петербургѣ Ф. познакомился съ придворной обстановкой и съ театромъ. Блескъ двора поразилъ ребенка, который до тѣхъ поръ ничего подобнаго не видѣлъ; театръ произвелъ на него особенно сильное впечатлѣніе. Ему удалось познакомиться съ артистами Волковымъ, Шумскимъ и Дмитревскимъ. Послѣдній, человѣкъ очень умный, образованный, съ большимъ интересомъ къ литературѣ—самъ не чуждъ былъ писательства. Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ университетѣ Ф. изучилъ французскій языкъ и настолько овладѣлъ имъ, что занялся переводами. По окончаніи университета Ф. прибылъ въ Петербургъ и поступилъ въ военную службу, но скоро перешелъ оттуда въ иностранную коллегію переводчикомъ. Въ Петербургѣ онъ попалъ въ общество людей, любившихъ щеголять безвѣріемъ и богохульствомъ. Ф. познакомился съ княземъ Козловскимъ, характернымъ типомъ той эпохи, когда матеріалистическая философія вошла въ свѣтскій кругъ и была усвоена лишь съ внѣшней стороны. Несмотря на то, что Ф. былъ очень набожнымъ человѣкомъ, онъ тоже отдалъ дань модному увлеченію. Тогдашнее его заблужденіе выразилось въ произведеніи „Посланіе къ слугамъ“. Въ 1764 году была написана имъ комедія „Бригадиръ“. Общество высоко оцѣнило это произведеніе за реальное изображеніе жизни. Графъ Панинъ совершенно правильно замѣтилъ: Это—первая комедія въ нашихъ нравахъ, которые, я вижу, вы очень хорошо знаете; бригадирша ваша всѣмъ родня, никто сказать не можетъ что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или какую-нибудь свойственницу“. Въ 1782 г. появилась его другая комедія „Недоросль“. Она имѣла еще большій успѣхъ, чѣмъ „Бригадиръ“. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Ф. жилъ подъ начальствомъ графа Н. И. Панина. Здѣсь Ф. принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ дѣлахъ. Начавшіяся вскорѣ болѣзни разстроили его довольство. По дѣламъ службы и для лѣченія Ф. ѣздилъ четыре раза за-границу. Но поѣздки не поправили его здоровья. Послѣдніе годы жизни были сплошнымъ страданіемъ.

Обратимся къ произведеніямъ Ф. Онъ извѣстенъ главнымъ образомъ своими комедіями. Комедія появилась въ Россіи съ Запада, откуда перенесли къ намъ комедію ложноклассическую. Комедія изображаетъ борьбу, но окрашенную комическимъ элементомъ. Герои — обыкновенные люди со слабостями и недостатками, они преслѣдуютъ низкія цѣли, ставятъ себя въ смѣшное положеніе. Цѣль комедіи осмѣять пороки и недостатки. Но такъ какъ поэзія въ то время понималась въ прикладномъ смыслѣ поученія, то комедіи предъявлялось требованіе не только смѣшить, но и давать пользу. Поэтому Ф. мало было осмѣять и на примѣрѣ показать всѣ послѣдствія неразумнаго воспитанія, онъ заставлялъ своихъ героевъ произносить нравоученія. Сентенціи произносили благонамѣренныя лица, которымъ давалось названіе „резонеровъ“, такъ какъ роль ихъ ограничивалась единственно разсужденіемъ. Резонеры замедляли ходъ дѣйствія, но безъ нихъ не могла обойтись ни одна комедія 18 в. Публика этого времени съ удовольствіемъ слушала резонерство и дидактику.

Въ комедіи „Бригадиръ“ Фонъ-Визинъ является типичнымъ представителемъ Екатерининскаго времени. Оно характеризуется увлеченіемъ Франціей. Русская императрица приняла живѣйшее участіе въ умственномъ движеніи 18 в. и тѣмъ открыла дорогу оффиціальному французскому вліянію. Въ Россіи всѣ мыслящіе и образованные люди заинтересовались просвѣтительными идеями, возникшими на Западѣ. Но понять новыя идеи могли лишь

---

*) Попечителемъ университета.

не многія личности, передовыя по развитію. Остальная часть русскаго общества гналась лишь за тѣмъ, чтобы схватить внѣшній лоскъ европеизма. Такіе типы ставили себѣ цѣлью усвоить французскій языкъ и манеры. Послѣ чего они считали себя образованными людьми, восхищались всѣмъ французскимъ и бранили все русское. Воспитаніе ихъ совершалось при помощи иностранныхъ гувернеровъ, обыкновенно людей грубыхъ и невѣжественныхъ. Иногда подобное образованіе заканчивалось поѣздкой за-границу, гдѣ молодые люди набирались французскихъ фразъ и манеръ. Такое воспитаніе осмѣяно въ сатирическихъ журналахъ 18 в., главнымъ образомъ въ журналахъ Новикова. Кромѣ вопросовъ о воспитаніи въ своихъ комедіяхъ Ф. нападалъ на многіе недостатки современной ему жизни: на распространеніе взяточничества, на господство невѣжества, на грубость нравовъ.

Другая комедія Фонъ-Визина **„Недоросль“** имѣла необычайный успѣхъ. Дѣйствіе группируется около „недоросля“. Недорослями назывались несовершеннолѣтніе. Первый, кто обратилъ вниманіе на недорослей, былъ Петръ В. Онъ издалъ указъ о томъ, чтобы недоросли изъ дворянъ обязательно обучались чтенію, письму, цифири, а затѣмъ являлись на смотръ въ Петербургъ. Здѣсь ихъ зачисляли въ тотъ или другой родъ службы. Не получившіе свидѣтельства о томъ, что обучались, не имѣли права жениться. Указы о недоросляхъ прекратились, когда стали размножаться казенныя и частныя школы. Но большинство родителей дворянъ, по старой привычкѣ, избѣгало школъ и продолжало обучать своихъ дѣтей дома, всячески стараясь оттянуть время службы, хотя это строго преслѣдовалось правительствомъ. Одинъ изъ такихъ недорослей, по имени Митрофанъ, съ окружающей средой, представленъ въ комедіи Ф. Всѣ дѣйствующія лица комедіи раздѣляются на двѣ группы—на отрицательные и положительные типы. Къ первымъ относятся: Простаковы, Митрофанъ, Скотининъ; ко вторымъ—Стародумъ, Правдинъ, Софья и Милонъ. Простакова представлена какъ мать, жена, помѣщица и хозяйка. Она горячо любитъ свое единственное дѣтище, хотя чисто животной любовью; зорко слѣдитъ за его интересами. Узнавъ, что Софья дѣлается богатой наслѣдницей, она взвѣшиваетъ всю выгоду женитьбы Митрофана на Софьѣ. Теряя власть, попавъ подъ опеку, Простакова послѣднее утѣшеніе ищетъ въ сынѣ: „Одинъ ты остался у меня, сердечный другъ, Митрофанушка“, говоритъ она Митрофану, но онъ грубо ее отталкиваетъ, и съ ней дѣлается дурно. Мужъ всецѣло находится въ ея рукахъ, онъ рабъ ея... „при твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ“; обращается она съ нимъ грубо, властно, иногда даже колотитъ. Домъ ея держится тѣмъ, что она ругается да бранится „съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладаю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится“. Слуги для нея—скотъ, который долженъ только работать; болѣть они не имѣютъ права, такъ какъ болѣзнь—привиллегія благородныхъ. Взглядъ на крестьянъ таковъ, что надо драть съ крестьянъ послѣднюю шкуру и бить ихъ во всю. Что касается образованія, она придаетъ ему отрицательное значеніе. Сыну даетъ образованіе въ силу необходимости — вѣкъ насталъ другой, требуютъ грамотности, а иначе на службѣ затрутъ. Сама она неграмотная, невѣжда... „Вотъ до чего дожили, говоритъ она про Софью, къ дѣвушкамъ письма пишутъ! Дѣвушки грамотѣ умѣютъ!.. Нѣтъ, я, благодаря Бога, не такъ воспитана. Я могу письма получать, но читать ихъ всегда велю другому“. Интересенъ ея отзывъ о географіи: „Да извощики-то на что-жъ? ихъ дѣло. Это таки и наука то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда—свезутъ, куда изволишь“. Ариѳметика совсѣмъ безполезна: „денегъ нѣтъ, что считать, деньги есть, сочтемъ и такъ хорошо“. Служба тяжелая принудительная повинность, но у нея есть тайная надежда, что, можетъ быть, и ея сынокъ, лежа на боку, достанетъ чиновъ. Деньги для нея составляютъ все. Она беретъ къ себѣ осиротѣлую Софью съ тѣмъ, чтобы обобрать ее; смотритъ на нее свысока, но узнавъ, что Стародумъ дѣлаетъ ее своею наслѣдницей, она перемѣняетъ съ ней обращеніе и изъ грубой и бранчливой дѣлается ласковой, заискивающей. Чтобы расположить Стародума къ своей семьѣ, она пускается на всѣ хитрости. Когда такимъ путемъ не удается достигнуть цѣли, она прибѣгаетъ къ насилію; когда и тутъ постигаетъ ее неудача—появляется Правдинъ и привлекаетъ ее къ отвѣтственности, Простакова гадливо унижается, чтобы, выпросивъ прощеніе, снова забрать власть въ свои руки. Стародумъ говоритъ про Простакову: „Вотъ злонравія достойные плоды“. Это злонравіе отъ воспитанія. Простакова росла безъ всякаго присмотра, въ темной невѣжественной семьѣ, враждебно относящейся ко всякому ученью. Простаковъ невѣжественenъ и забитъ, поэтому роли онъ въ комедіи не играетъ. Митрофана они воспитывали слѣдующимъ образомъ: къ нему, 16 лѣтнему юношѣ, была приставлена няня, на обязанности которой было слѣдить за тѣмъ, чтобы дитятко хорошо покушало, хорошо выспалось, было въ безопасности. Къ нему ходятъ три учителя: Кутейкинъ, семинаристъ „убоявшійся бездны премудрости“, дошедшій только до риторики, т. е. до младшаго класса семинаріи, а затѣмъ получившій увольненіе въ такой формѣ: Такого-то де семинариста отъ всякаго ученія уволить: писано бо есть—не мечите бисера передъ свиньями, да не попрутъ его ногами“. Другой учитель—Цыфиркинъ—горнизонный изъ оставныхъ. Наконецъ, Вральманъ—главный

учитель „учившій по французски и всѣмъ наукамъ“, хотя самъ изъ кучеровъ. Простакова учителями довольна, такъ какъ они дитятко ея не неволятъ къ ученью. Самъ Митрофанъ глупъ, тупъ, не умѣетъ читать, несмотря на свои 16 лѣтъ и несмотря на то, что учится уже 4 года; онъ лѣнивъ, грубъ, драчливъ по отношенію къ слугамъ, родителей нисколько не уважаетъ, даже не любитъ матери; особенно сказалось это въ послѣдней сценѣ. Этотъ поступокъ съ матерью всецѣло вытекаетъ изъ его дурного воспитанія: баловство развило въ немъ страшный эгоизмъ, окружающая обстановка не давало хорошаго воспитательнаго примѣра: ему никто не говорилъ о любви, гуманности, его всюду окружало насиліе и произволъ. Поэтому въ умственномъ и нравственномъ отношеніи онъ остался крайне не развитъ. Скотининъ такой же деспотъ и самодуръ, какъ и сестра. Его любовь къ свиньямъ выведена въ карикатурномъ видѣ (напр., почему на Софьѣ вздумалъ жениться?) Основныя черты характера отрицательныхъ типовъ: грубость, невѣжество, безмѣрный эгоизмъ. Среди положительныхъ типовъ центральнымъ лицомъ является Стародумъ. Онъ резонеръ, только разсуждаетъ. Въ своихъ разсужденіяхъ онъ касается семейной жизни, рѣшаетъ вопросы объ обязанностяхъ дворянина, о достоинствѣ человѣка, о воспитаніи. Счастье семейной жизни, по его мнѣнію, зависитъ отъ благонравія мужа и жены. Поэтому, выходя замужъ или женясь, надо обращать главное вниманіе не на богатство и знатность, а на благонравіе. Кромѣ того мужъ долженъ повиноваться разсудку, а жена мужу. Главная обязанность дворянина — служба отечеству. Онъ такъ говоритъ объ этомъ: „Дворянинъ считалъ бы за первое безчестіе не дѣлать ничего, когда ему столько дѣла: есть люди, которымъ надо помогать, есть отечество, которому надо служить. Дворянинъ только въ одномъ случаѣ можетъ и долженъ оставить службу: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ“. Въ связи со взглядами на человѣческое достоинство онъ говоритъ о воспитаніи. Хорошое воспитаніе должно развить благонравіе; главное достоинство человѣка заключается въ его душѣ, безъ души просвѣщеннѣйшая умница—жалкая тварь; невѣжда безъ души — звѣрь“. Такимъ образомъ Стародумъ на первый планъ ставитъ воспитаніе, а потомъ уже образованіе. Софья дѣвушка образованная, любящая читать хорошія книги, такъ она читаетъ французскаго писателя Фенелона о воспитаніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ благонравная. Правдинъ является представителемъ закона и правительства. Всѣ положительные типы значительно блѣднѣе отрицательныхъ, такъ какъ послѣдніе взяты изъ дѣйствительной жизни, а первые придуманы, представляютъ идеалы лучшихъ людей второй половины 18 в. Рѣчи Стародума въ настоящее время кажутся утомительными, скучными, но въ ту пору онѣ выслушивались съ напряженнымъ вниманіемъ, такъ какъ онѣ касались жгучихъ вопросовъ. Чрезъ Стародума Фонъ-Визинъ проводилъ просвѣтительныя идеи „Наказа“ Екатерины II. Одно образованіе, какъ пріобрѣтеніе знаній — ничто; нужно воспитаніе, которое сдѣлало бы человѣка благонравнымъ. Екатерина II проводила тѣ же идеи въ „Наказѣ“ — она хотѣла создать новую породу людей.—Завязка комедіи—приходъ Софьи съ письмомъ; развязка приходъ и приговоръ Правдина. Комедія по нѣкоторымъ признакамъ принадлежитъ къ ложноклассическимъ. Такъ въ ней удержано три единства—времени, мѣста, дѣйствія; дѣйствующія лица раздѣлены на добродѣтельныхъ и порочныхъ; введены резонеры; развязка искусственна; недостатки многихъ лицъ преувеличены, карикатурны.

Въ языкѣ комедіи находимъ два элемента — разговорный и книжный. Языкъ комедій Ф. по сравненію съ языкомъ литературныхъ произведеній предшествующаго періода отличается большей жизненностью, естественностью, особенно въ рѣчахъ отрицательныхъ типовъ; въ немъ много комической силы. Ко всему этому надо прибавить, что Ф. сумѣлъ выработать типическіе оттѣнки рѣчи героевъ.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ (1743—1816). Онъ родился въ Казани, происходилъ отъ татарскаго мурзы Багрима, пріѣхавшаго въ 15 в. изъ Золотой орды на Русь. Отецъ его былъ мелкій помѣщикъ. Почти все свое дѣтство и отрочество Державинъ провелъ въ глухомъ Оренбургскомъ краѣ, куда отецъ его былъ переведенъ по службѣ. Рано увидѣлъ Державинъ нужду, когда его мать, по смерти мужа, переселилась въ Казань и, едва перебиваясь самыми ничтожными средствами, должна была заботиться о воспитаніи дѣтей и вести судебные процессы съ сосѣдями, оттягивавшими у нея имѣніе. Въ это время будущему писателю, будучи еще мальчикомъ, пришлось познакомиться съ горестнымъ положеніемъ бѣдныхъ вдовъ, съ угнетеніемъ слабыхъ сильными. Эти примѣры глубоко запали въ его душу. Образованіе Державинъ получилъ скудное. Сначала онъ учился у церковныхъ начетчиковъ, потомъ поступилъ въ пансіонъ нѣмца Розе, порядочнаго невѣжды. Здѣсь Державинъ пробылъ 4 года и несмотря на всю несостоятельность постановки учебнаго дѣла, выучился нѣсколько нѣмецкому языку, здѣсь же впервые обнаружилась его любовь къ рисованію. По переѣздѣ въ Казань, онъ былъ отданъ для обученія ариѳметикѣ и геометріи гарнизоннымъ учителямъ, а послѣ открытія Казанской гимназіи поступилъ въ нее. Но и здѣсь серьезныхъ знаній Державинъ не пріобрѣлъ, такъ какъ не было хорошихъ учителей. Вообще, образованіе Держа-

вина было недостаточно. Онъ самъ сознавалъ это и говорилъ: „Я былъ воспитанъ въ то время и въ тѣхъ предѣлахъ имперіи, когда и куда не проникало еще въ полной мѣрѣ просвѣщеніе наукъ не только на умы народа, но и на состояніе, къ которому принадлежу (дворянское). Насъ учили тогда вѣрѣ безъ катехизиса, языкамъ безъ грамматики, числамъ и измѣренію безъ доказательствъ, музыкѣ безъ нотъ и т. п. Книгъ, кромѣ духовныхъ, почти никакихъ не читали". Въ 1762 году образованіе Державина закончилось — онъ былъ вызванъ въ Преображенскій полкъ.

Двѣнадцатилѣтняя жизнь въ полку была самымъ печальнымъ и тяжелымъ временемъ во всей жизни Державина. Здѣсь ему пришлось жить въ грубой, невѣжественной средѣ и исполнять даже тяжелые физическіе труды. Въ 1772 г. его производятъ въ офицеры и положеніе его нѣсколько улучшается; но вскорѣ онъ переходитъ въ статскую службу. Съ этого времени онъ переселяется въ Петербургъ, женится и входитъ въ кругъ извѣстныхъ тогда литераторовъ, напр., Капниста (автора комедіи „Ябеда", пользовавшейся большимъ успѣхомъ), Хемницера и друг. Благодаря вліянію вышеназванныхъ писателей, Державинъ усваиваетъ самостоятельное направленіе въ поэзіи, раньше же онъ переводилъ или подражалъ, главнымъ образомъ Ломоносову. Извѣстность его началась съ 1782 года, когда онъ написалъ оду „Фелица". Сама государыня обратила вниманіе на поэта и щедро наградила его. Съ этого времени Державинъ начинаетъ писать постоянно. Но смертью Екатерины окончилась первая и лучшая половина его поэтической дѣятельности. Время Екатерины было время громкой славы внѣшней политики Россіи и блестящей придворной жизни,—оно давало богатый матеріалъ для вдохновенія Державина. Что касается внѣшней жизни Державина, то за это время онъ былъ губернаторомъ Олонецкимъ и Тамбовскимъ, статсъ-секретаремъ государыни и сенаторомъ; въ 1803 году въ царствованіе Александра I состоялъ министромъ юстиціи и въ этомъ же году вышелъ въ отставку; послѣдніе годы своей жизни прожилъ въ своемъ имѣніи Новгородской губерніи. Вся литературная слава покоится на его одахъ. Онѣ раздѣляются на торжественныя, религіозно-философскія и сатирическія. Ложноклассическій элементъ находимъ во всѣхъ изъ нихъ но не въ одинаковой степени. Примѣромъ ложноклассической оды Державина будетъ **„На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока"**. Въ ней находимъ необходимыя принадлежности ложноклассической оды — лиру, классическія имена — напр., нимфы, сатира, зефира, Борея. Къ религіозно-философскимъ одамъ относятся **„На смерть князя Мещерскаго"** и ода **„Богъ"**. Основная мысль оды „На смерть князя Мещерскаго"—всемогущество смерти и непрочность всего земного. Эта мысль въ 18 в., была въ большой модѣ и на Западѣ. Это былъ вѣкъ роскоши и блеска. Смерть видныхъ общественныхъ дѣятелей того времени невольно наводила человѣка на мысль о бренности, суетѣ всего земного, о конечной цѣли человѣческой жизни. Взглядъ Державина на жизнь выразился въ словахъ: „Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:

Устрой ее себѣ къ покою
И съ чистою твоей душою
Благословляй судьбы ударъ".

Въ этихъ словахъ отражается эпикурейскій взглядъ на жизнь 18 вѣка: жизнь коротка, поэтому пользуйся ею, чтобы устроиться въ ней какъ можно лучше.

Ода **„Богъ"**—одно изъ лучшихъ произведеній Державина. По построенію она дѣлится на три части вступленіе (приступъ), изложеніе и заключеніе, какъ и всякая ложноклассическая ода. Тѣмъ не менѣе она служитъ выраженіемъ глубокаго, сильнаго религіознаго чувства. Первая строфа заключаетъ въ себѣ вступленіе — обращеніе къ Богу и перечисленіе его свойствъ; вторая—мысль о непостижимости Бога; третья — мысль о предвѣчности Бога, о сотвореніи міра изъ хаоса однимъ словомъ; вѣчность заключается въ Богѣ, Богъ источникъ свѣта; въ четвертой говорится — Богъ начало и конецъ всему; въ пятой — о томъ, что природа имѣетъ законы, данные Богомъ; вся вселенная предъ Богомъ, какъ тьма предъ свѣтомъ; міръ предъ Богомъ — точка, а человѣкъ ничто; въ седьмой—объ отраженіи Бога въ человѣкѣ, о существованіи Бога; восьмая, девятая и десятая строфы заключаютъ свидѣтельства природы, сердца и разума о бытіи Бога; отсюда выводъ — есть Богъ и человѣкъ не ничто. Далѣе опредѣляется— что такое человѣкъ—соединеніе слабаго, тлѣннаго тѣла съ сильнымъ духомъ—умомъ, разумомъ; изъ этого факта чудеснаго соединенія человѣка выводится—Богъ создалъ человѣка. Человѣкъ — созданье Бога праведнаго, Которому нужно, чтобъ человѣческій духъ чрезъ смерть возвратился въ безсмертіе. Въ заключеніе высказывается мысль о безсиліи человѣческаго воображенія начертать даже тѣнь Бога. Человѣку остается только почтить Бога, возвышаясь къ нему и представляя всю разницу между Богомъ и человѣкомъ. Слѣды ложноклассицизма сохранились не только въ построеніи оды, но и въ изложеніи ея—въ высокопарномъ тонѣ.

Примѣромъ сатирической оды можетъ служить ода **„Фелица"**; въ ней сказалось новое направленіе. Ближайшимъ поводомъ къ написанію оды „Фелица" послужила сказка „О царевичѣ Хлорѣ", написанная самой императрицей для своего внука Александра Павловича. Сказка эта аллегорическая*). Дѣйствіе, изображаемое въ ней, происходитъ на

*) Иносказательная.

Руси въ древнія времена, еще до княженія Кія. Содержаніе сказки слѣдующее: киргизскій ханъ похитилъ русскаго царевича Хлора, славившагося своею мудростью. Для испытанія его мудрости ханъ посылаетъ его искать розу безъ шиповъ. Въ судьбѣ Хлора принимаетъ участіе дочь хана—веселая, привѣтливая Фелица. Она даетъ Хлору въ спутники своего сына — Разсудокъ. Съ помощію Разсудка царевичъ преодолѣваетъ всѣ препятствія, а при содѣйствіи Честности и Правды восходитъ на гору, на которой растетъ роза безъ шиповъ и срываетъ ее. Эта роза олицетворяла собою добродѣтель. Смыслъ аллегоріи тотъ, что счастье достигается только добродѣтелью въ союзѣ съ разумомъ. Въ сказкѣ изображаются и отрицательные типы — мурзы Брюзга и Лѣньтяхъ. Сходство оды и сказки заключается, во-первыхъ, въ именахъ: Фелица, сынъ ея Разсудокъ, роза безъ шиповъ, Лѣньтяхъ и Брюзга. Подъ именемъ „Фелицы" Державинъ изображаетъ императрицу. Онъ говоритъ о простотѣ ея образа жизни, о снисходительномъ и любезномъ отношеніи къ людямъ, о твердости въ дружбѣ, о великодушіи, скромности, мудромъ правленіи государствомъ. Указываетъ на ея отношеніе къ поэзіи.

„Поэзія тебѣ любезна"
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ". (Обратите вниманіе на взглядъ на поэзію самого Державина).

Мѣстами говоритъ о Екатеринѣ въ гиперболическихъ выраженіяхъ. — „Богоподобная царевна; благостна — велика, какъ Богъ; Фелицы слава—слава Бога". Желая изобразить правленіе Екатерины, онъ пользуется пріемомъ контраста. Правленіе Екатерины дало благіе результаты — она устраивала для народа благотворительныя заведенія, издавала равные для всѣхъ законы, покровительствовала труду, торговлѣ, наукамъ, заботилась о правосудіи. Ея цѣль—благо народа. Царствованіе Екатерины онъ противопоставлялъ предыдущему времени царствованію Анны Іоанновны и правленію временщиковъ, когда унижалась личность человѣка и строго карались самые незначительные проступки. Кромѣ императрицы, Державинъ даетъ въ этой одѣ характеристику ея вельможъ и самого себя. Въ словахъ: „А я проспавши до полудня... до словъ. „Въ шинки пить меду заѣзжаю", рисуетъ Потемкина, его прихотливость, мечтательность, страсть къ нарядамъ, роскошную жизнь. Далѣе... или какъ — то наскучитъ мнѣ... до— и пляской веселю мой духъ... Или надъ невскими брегами... и греблей удалыхъ гребцовъ", изображаются любимыя игры графа А. Орлова. Далѣе рѣчь идетъ о графѣ Панинѣ, любителѣ псовой охоты. О себѣ говоритъ, что проводитъ большую часть времени за картами, ѣздитъ въ маскарады, проказитъ съ женой, читаетъ Полкана и Бову, спитъ надъ Библіей. Такимъ образомъ всѣ, окружающіе императрицу, люди невысокой нравственности. Они нужны были Державину, чтобы при сравненіи съ ними еще болѣе возвысить императрицу. Но Державинъ писалъ оду не изъ корыстныхъ цѣлей, а какъ онъ самъ говоритъ, чтобы почувствовать добра пріятства, т. е. чтобы получить нравственное удовлетвореніе. Въ одѣ находимъ нѣкоторые признаки ложноклассицизма—дѣленіе оды на вступленіе (3 первыя стороны)—изложеніе и заключеніе (послѣдняя строфа), предметъ оды важный, чувство восторженное; многія требованія ложноклассицизма не соблюдены—нѣтъ лирическаго безпорядка, нѣтъ эпизодовъ, не встрѣчаемъ словъ— „лира" и „пою". Языкъ оды простой, приближающійся къ разговорному, иногда къ поговоркамъ, напр.,

„*И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,*
А тотъ соленыхъ огурцовъ".

Или:

„Стамбулу *бороду ерошишь,*
На Таврѣ *ѣдешь чехардой,*
Задать Стокгольму *перцу* хочешь, и проч.

Кромѣ того, Державинъ вводитъ въ оду новый элементъ, не встрѣчавшійся до сихъ поръ въ ней— элементъ сатирическій—онъ выводитъ отрицательные типы и осмѣиваетъ ихъ. Но сатира его довольно поверхностна—она задѣваетъ лишь внѣшнія явленія.

Ода **„Видѣніе Мурзы"** написана Державинымъ для опроверженія нападковъ на него, которые посыпались по случаю появленія оды „Фелица". Державина упрекали въ лести Екатеринѣ. Онъ указываетъ на искренность чувства. Здѣсь онъ опять является пѣвцомъ Екатерины.

„Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ".

Ода **„Водопадъ"** написана подъ вліяніемъ смерти Потемкина (одинъ изъ самыхъ вліятельнѣйшихъ вельможъ Екатерининской эпохи). Въ этой одѣ говорится о Потемкинѣ и водопадѣ. Она дѣлится на вступленіе, изложеніе и заключеніе. Во вступленіи описывается водопадъ Кивачъ, находящійся на р. Сунѣ, въ Олонецкой губ. Водопадъ изображается могущественнымъ: онъ внушаетъ чувство страха волку, лани, и коню; причемъ волкъ отъ страха становится еще злѣе, стервенѣетъ, лань убѣгаетъ, а конь отважно стремится въ хлябь водопада. Подъ этими тремя животными Державинъ подразумѣваетъ при категоріи людей: злыхъ, кроткихъ и честолюбивыхъ. Къ послѣднимъ относитъ Потемкина. Въ царствованіе Екатерины II онъ являетстя иниціаторомъ многихъ важныхъ событій (напр., Турецкой войны, проекта объ изгнаніи турокъ изъ Европы, завоеванія Крыма: уничтоженія Запорожской сѣчи, заселенія Новорос-

сійскаго края, созданія Черноморскаго флота). Державинъ указываетъ на грандіозность плановъ Потемкина (парящій... умъ), на самостоятельность и оригинальность его характера, на его роскошную, блестящую жизнь. Вѣсть о смерти Потемкина произвела угнетающее впечатлѣніе на окружающихъ—все опечалилось, полки осиротѣли, Екатерина возрыдала, полъ-свѣта было поражено. Въ 54—57 строфахъ идутъ размышленія о непрочности жизни и о безсмертіи славныхъ дѣлъ. Онъ сравниваетъ нашу жизнь съ тяжелымъ шаромъ, висящимъ на волоскѣ, который можетъ разорвать даже легкій зефиръ. Въ заключеніи обращается къ водопаду, съ которымъ сравниваетъ Потемкина. Оба величественны, могущественны и оба одинаково свергаются судьбою съ высоты внизъ. Въ послѣднихъ строфахъ находимъ и главную мысль оды. Державинъ говоритъ въ обращеніи къ водопаду (Потемкину)—живи въ воспоминаніи людей красотою твоихъ дѣлъ. Пусть тучи рѣдко пробѣгаютъ по твоимъ водамъ (дѣламъ), т. е., чтобы твои воды (дѣла) были чисты; пусть мысль о тебѣ (умы людей) не омрачается (не затмѣвается) воспоминаніемъ о разженномъ громѣ и черномъ дымѣ (о разореніи отъ твоего честолюбія). Называя Суну матерью водопадовъ, онъ подразумѣваетъ подъ рѣкой Екатерину II, а подъ водопадами—вельможъ. Кромѣ построенія, въ одѣ находимъ слѣдующіе элементы ложноклассицизма — высокій слогъ, риторическій восторгъ (строфы 46 — 49), упоминаніе лиры, Пиндара, Минервы. Въ этой одѣ находимъ характерное для поэзіи 18 в.—дидактическій элементъ. Въ одѣ **„Памятникъ“** (подражаніе Гораціевой одѣ „Мельпоменѣ“) Державинъ объясняетъ свою славу тѣмъ, что онъ первый дерзнулъ

въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И *истину* царямъ съ *улыбкой* говорить.

Здѣсь же онъ рисуетъ свой идеалъ—„прямой герой“ крѣпкій своей правдой, строгій къ самому себѣ и снисходительный къ ближнимъ, его не поколеблютъ ни страданія, ни несчастія.

Такова въ общихъ чертахъ поэзія Державина. Его историко-литературное значеніе состоитъ въ томъ, что онъ первый поколебалъ господство ложноклассической оды, внеся въ нее сатирическій, элементъ и употребляя простой слогъ, приближающійся къ разговорному, народному. По теоріи Ломоносова оды должны быть написаны *высокимъ* стилемъ, т. е. такимъ, въ которомъ преобладаютъ церковно - славянскія слова; изъ русскихъ употреблять можно только тѣ, которыя входятъ въ оба языка, народнымъ словамъ здѣсь нѣтъ мѣста.

Николай Михайловичъ Карамзинъ (1766—1826) родился въ Симбирской губ., былъ сыномъ помѣщика. Въ раннемъ возрастѣ потерялъ свою мать, воспоминаніе о которой изложилъ въ автобіографической повѣсти „Рыцарь нашего времени“. Отъ матери передалась сыну ея чувствительность и мечтательность. Дальнѣйшему развитію чувствительности помогло чтеніе сентиментальныхъ романовъ. Въ Симбирскѣ Карамзинъ обучался нѣмецкому языку у врача-нѣмца, а французскому въ частномъ пансіонѣ. Затѣмъ онъ былъ отданъ въ московскій пансіонъ Шадена, одного изъ лучшихъ профессоровъ московскаго университета и усерднаго почитателя Геллерта, нѣмецкаго баснописца и преподавателя въ лейпцигскомъ университетѣ. Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ пансіонѣ, Карамзинъ посѣщалъ лекціи университета, гдѣ познакомился съ русской исторіей и словесностью. Подъ вліяніемъ Шадена Карамзинъ мечталъ о поѣздкѣ въ лейпцигскій университетъ, но по сложившимся обстоятельствамъ намѣреніе не было приведено въ исполненіе. Въ 1781 г. Карамзинъ поступилъ въ Преображенскій полкъ. Здѣсь онъ сошелся со своимъ землякомъ и писателемъ И. И. Дмитріевымъ. Къ этому времени относятся его первые литературные труды—переводъ Геснеровой идилліи „Деревянная нога“. Въ 1784 г. Карамзинъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Симбирскъ; но на другой годъ вмѣстѣ съ И. П. Тургеневымъ прибылъ въ Москву, гдѣ Тургеневъ ввелъ его въ Новиковскій кружокъ (Дружеское общество). Въ составъ этого общества входили образованные, серьезные люди, но по большей части масоны, напр., Новиковъ, профессоръ московскаго университета Шварцъ, Тургеневъ, Гамалѣй, Лопухинъ. Цѣль общества издавать и распространять книги преимущественно религіозно-нравственнаго содержанія, въ противоположность французскому энциклопедизму, заводить училища и благотворительныя заведенія, привлекать молодежь къ такимъ литературнымъ занятіямъ, которыя направляли бы мысль ихъ къ важнымъ предметамъ знанія. Особенное вліяніе оказалъ на Карамзина одинъ изъ членовъ Дружескаго Общества, даровитый юноша А. А. Петровъ, къ сожалѣнію, безвременно погибшій. Изъ сочиненія Карамзина „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“, посвященнаго своему другу, мы узнаемъ отчасти о томъ, вліяніи, какое оказалъ послѣдній на Карамзина. Подъ его руководствомъ расширился умственный кругозоръ Карамзина, развилось эстетическое чувство, выработался слогъ (есть извѣстія, что Петровъ исправлялъ слогъ К.). Въ Новиковскомъ кружкѣ, вѣроятно, жили и выростали новыя идеи, самъ Карамзинъ говоритъ, что они зачитывались Шекспиромъ, Оссіаномъ и Боннетомъ. Знакомство и дружеское отношеніе съ нѣмецкимъ поэтомъ Ленцомъ помогло К. изучить нѣмецкую литературу. По порученію общества онъ занялся переводами съ нѣмецкаго. Въ 1789 г. отправился путешествовать по Европѣ, гдѣ пробылъ полтора года.

Эта поѣздка имѣла важное значеніе для Карамзина—она замѣнила университетское образованіе. Вернувшись изъ-за границы, Карамзинъ всецѣло отдался литературной дѣятельности. Это былъ первый примѣръ поставить дѣятельность литератора наряду съ чиновничьей и военной службой отечеству. За это время онъ былъ редакторомъ *Московскаго Журнала, Вѣстника Европы*, издалъ „Пантеонъ россійскихъ авторовъ“ и проч.; написалъ повѣсти „Рыцарь нашего времени„, „Бѣдная Лиза“, „Наталья боярская дочь“, „Письма русскаго путешественника“. Въ 1804 г. Карамзинъ приступилъ къ составленію Русской Исторіи, а въ 1826 году выпустилъ уже 12 томовъ. Государь щедро наградилъ исторіографа. Вскорѣ послѣ этого—Карамзинъ почувствовалъ болѣзненные припадки, силы его ослабѣли, меланхолія усилилась. По настоянію врачей, онъ собирался ѣхать въ Италію, но смерть застала его въ приготовленіяхъ.

Посмотримъ, какія изъ задачъ, поставленныхъ послѣ-Екатерининской литературѣ, выполнилъ Карамзинъ?

Остановимся прежде всего на „Письмахъ русскаго путешественника“. Эпистолярная форма которую выбралъ Карамзинъ для описанія своего путешествія, была въ большой модѣ въ литературѣ 18 вѣка, напр., находимъ подобныя описанія Стерна въ англійской литературѣ. „Письма“ имѣютъ важное біографическое, историко-культурное и историко-литературное значеніе. Въ біографическомъ отношеніи они даютъ яркую характеристику личности Карамзина; рисуютъ его склонность къ меланхоліи, излишнюю чувствительность, наблюдательность, экспансивность, идеализмъ, который сказался въ томъ, что онъ подмѣчалъ все трогательное, все возвышающее душу человѣка, вызывающее слезы сочувствія и любви. Изъ „Писемъ“ узнаемъ, на произведеніяхъ какихъ писателей воспитывался Карамзинъ, а также и передовые представители новаго поколѣнія. Знакомимся съ умственнымъ и эстетическимъ развитіемъ и, что особенно важно, съ литературными и общественными взглядами. Что касается до литературныхъ взглядовъ Карамзина, то надо отмѣтить, что онъ уже сочувствуетъ новымъ писателямъ, но въ тоже время сохраняетъ старыя симпатіи. Знаетъ Шекспира, цѣнитъ его за знаніе человѣческаго сердца; въ то же время умиляется предъ Лагарпомъ, Батте (французскіе ложноклассики). Знаетъ Гете, но Клопштока ставитъ выше „ему самъ Гомеръ отдалъ бы лавровый вѣнецъ свой“, такъ говоритъ онъ о Клопштокѣ. Восторгается Геснеромъ, (что указываетъ намъ на будущаго автора статьи „Что нужно автору“). „Нѣжный Геснеръ“; „пишите такъ, какъ писалъ Геснеръ“; его творенія безсмертны“. Восторгается Вольтеромъ, Руссо, Томсономъ. Коцебу ставитъ чуть-ли не выше Шиллера. Не вполнѣ понимаетъ значеніе Рабле (французскій гуманистъ) и Эразма (нѣмецкій гуманистъ). Изъ анализа его взглядовъ на западно-европейскихъ писателей можно видѣть, что Карамзинъ намѣчаетъ новые пути, но не можетъ отдѣлаться отъ старыхъ традицій. Что касается до общественныхъ взглядовъ, замѣчается такая же неустойчивость, какъ и во взглядахъ литературныхъ. Политическая жизнь Запада была не вполнѣ понятна Карамзину. Онъ не понимаетъ историческихъ событій конца 18 вѣка, разразившихся во Франціи (революціи). Не видитъ внутреннихъ причинъ революціи, отсюда его отрицательное отношеніе къ ней. Хотя самъ въ теоріи республиканецъ—стоитъ за свободу, равенство и братство. Всюду предъ нами Карамзинъ является горячимъ патріотомъ, въ чемъ видимъ будущаго автора разсужденія“. **О любви къ отечеству и народной гордости**. Напр., говоря о крѣпости цитадели въ Мемелѣ, прибавляетъ: „однако жъ *наши русскіе* умѣли взять ее въ 57 году“; далѣе: „въ городѣ показывали мнѣ башню, въ разныхъ мѣстахъ простреленную *Русскими* ядрами“; „капитанъ отъ добраго сердца хвалилъ храбрость *нашихъ солдатъ*, которые по его мнѣнію, едва ли хуже Прусскихъ“; швейцарскія пѣсни напоминаютъ ему русскія; подмѣчаетъ преимущества русскаго языка предъ англійскимъ. Въ „Письмахъ“ находимъ массу историческихъ сюжетовъ (напр. Танкредъ, графъ Глейхенъ).

Этотъ интересъ къ старинѣ зародился отчасти подъ вліяніемъ Дружескаго Общества. Въ нихъ видимъ зачатки будущихъ историческихъ трудовъ Карамзина. Что касается до историко-литературнаго значенія „Писемъ русскаго путешественника“—они дали новое содержаніе и новую форму. Карамзинъ знакомитъ современное ему общество съ европейской цивилизаціей не путемъ научныхъ трактатовъ, а въ легкой формѣ занимательныхъ интересныхъ разсказовъ на разговорномъ языкѣ, устраняя періоды, введенные Ломоносовымъ, какъ обязательные въ нашъ строй рѣчи. Этимъ объясняется успѣхъ „Писемъ“ въ публикѣ. Въ то же время Карамзинъ устраняетъ изъ оборота устарѣвшіе славянизмы, а вводитъ въ случаѣ надобности неологизмы и варваризмы (напр., образовалъ новыя слова—промышленность, достижимая и проч.); ввелъ иностранныя—потребность, развитіе, вліяніе и проч. Такъ какъ Карамзинъ съ презрѣніемъ относился къ традиціоннымъ условнымъ правиламъ, господствовавшимъ въ нашей литературѣ со времени Ломоносова, то этимъ онъ навлекъ на себя нападки со стороны литературныхъ старовѣровъ. Интересна критическая статья Крылова (нашего баснописца) въ „С.-Петербургскомъ Меркуріи“ подъ заглавіемъ „Похвальная рѣчь Ермалафида, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей“ (Ермалафидъ = несущій чепуху, подъ нимъ Крыловъ подразумѣвалъ Карамзина). Крыловъ въ лицѣ Карамзина упрекнулъ современную литературную молодежь за то,

что она пишетъ, не думавши, стоитъ за свободу словесныхъ наукъ, отрицаетъ необходимость слѣдовать правиламъ „*у него одно только правило и оно состоитъ въ томъ, чтобы не слѣдовать никакимъ правиламъ*": отрицаетъ необходимость подражать знаменитымъ авторамъ, руководясь тѣмъ ошибочнымъ убѣжденіемъ, что *великій умъ* никогда ничему не слѣдуетъ. Крыловъ потѣшается надъ „богатствомъ воображенія", излишнимъ и безполезнымъ для классика, подчиненнаго правиламъ. Иронизируетъ надъ „глубокомысліемъ" „Писемъ", подразумѣвая подъ этимъ терминомъ чувство. „Спустя дней 10, пишетъ Крыловъ, авторъ вздумаетъ прочесть свое сочиненіе и не пойметъ, что онъ хотѣлъ сказать". Поражаетъ Крылова разнообразіе содержанія „Писемъ": для него, воспитаннаго на литературныхъ образцахъ, въ которыхъ чинность и порядокъ были непремѣнными условіями, было непонятно, какъ можно говорить: „о Гомерѣ, потомъ о дровахъ, то о Юнгѣ, то объ одеждѣ нѣмцевъ". Учиться нужно было Карамзину, по мнѣнію Крылова, а не другихъ учить.

Въ „Письмахъ русскаго путешественника" Карамзинъ является представителемъ новаго литературнаго направленія—сентиментализма. Это объясняется, съ одной стороны, природной наклонностью Карамзина ко всему чувствительному, а съ другой—господствомъ того же направленія въ литературѣ европейской. Чувствительность, по мнѣнію Карамзина, должна быть необходимымъ качествомъ автора. Въ статьѣ „Что нужно автору" онъ требуетъ отъ писателя служенія человѣчеству на почвѣ добра, а потому говоритъ, что авторъ долженъ имѣть нѣжное, благородное сердце, дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ. Сентиментализмъ, какъ литературное направленіе, возникъ въ Англіи въ 17 в. (Ричардсонъ, его романы „Клариса", „Памела или вознагражденная добродѣтель", „Грандиссонъ"), откуда былъ перенесенъ на материкъ. Возникновеніе сентиментальнаго направленія было вполнѣ понятно—оно явилось какъ протестъ противъ классицизма, литературы аристократіи, непонятной и чуждой народу. Съ политическимъ и экономическимъ ростомъ 3-го сословія возникаетъ новая литература, въ которой фигурируютъ герои изъ среды мѣщанъ. А такъ какъ самыя благопріятныя условія для развитія 3-яго сословія были въ Англіи, то здѣсь впервые зарождается мѣщанская литература. Но чтобы на первыхъ порахъ заручиться общественной симпатіей къ героямъ изъ мѣщанъ, необходимо было ихъ идеализировать. Главная цѣль—показать, что мѣщанская душа въ добродѣтели не только не уступаетъ, но превосходитъ душу аристократа. Отсюда явилось разсудочное чувство, или чувствительность. Заслуга сентиментальнаго направленія помимо гуманитарнаго вліянія на общество, состояла въ томъ, что оно, проповѣдуя культъ природы и чувства, внесло реалистическія черты—психологическій анализъ и описанія природы. Сентиментализмъ, въ „Письмахъ русскаго путешественника" впервые внесенный въ нашу литературу сказался, во 1-хъ, въ реализмѣ. Реализмъ находимъ въ описаніи будничной мелкой жизни, въ описаніяхъ природы (напр., описаніе русской весны: „Нигдѣ весна не имѣетъ столько прелестей, какъ въ Россіи"...); во 2-хъ, въ культурѣ природы—встрѣчаемъ частые диѳирамбы натурѣ; далѣе—въ культѣ чувства. Вслѣдствіе этого, находимъ психологическій самоанализъ. Карамзинъ старался подмѣтить каждый оттѣнокъ своего настроенія и объяснить причины; находимъ психологическія наблюденія надъ живыми людьми и возсозданіе психической жизни лицъ, давно сошедшихъ въ могилу. Карамзинъ выдвигаетъ равенство, равноцѣнность человѣческой личности въ психологическомъ отношеніи. („Въ самомъ низкомъ состояніи (сословіи) можетъ родиться и жить Геній дѣятельной мудрости". Парижъ. Май). Дальнѣйшее развитіе этой идеи находимъ въ повѣстяхъ. Далѣе, впервые подмѣчаетъ поэзію наивнаго дѣтскаго міра (мать, окруженная дѣтьми). Къ особенностямъ сентиментальнаго стиля надо отнести—обиліе слезъ, частыя восклицанія, вычурность.

Въ тонѣ „Писемъ", въ особенности изъ Германіи, сказался добродушный юморъ. Всѣ „Письма" можно раздѣлить на 4 группы, сообразно особенностямъ каждой изъ нихъ. Такъ „Письма" изъ Германіи характерны бесѣдами Карамзина съ учеными; „Письма" изъ Швейцаріи — описаніями красотъ природы; изъ Франціи—отзывами о литераторахъ; изъ Англіи—замѣчаніями объ общественныхъ учрежденіяхъ и отзывомъ о Шекспирѣ.

„Письмо изъ Твери 18-го мая 1789 г." собственно элегія въ прозѣ, представляетъ образецъ сентиментальнаго стиля, характерны мѣста: „разстался я съ вами, милые, разстался:"... „На что ни смотрѣлъ... на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи"... „Слезы заразительны, мои милые, а особенно въ такомъ случаѣ„... „видѣлъ я слезы его"... „хотѣлъ бы... выплакать сердце свое"... „Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства"... Эта фраза напоминаетъ намъ поэта В. А. Жуковскаго.

„Письмо 9-го августа 1789 г. изъ Швейцаріи". Картины природы на столько захватываютъ Карамзина, что вмѣсто описанія природы Швейцаріи, онъ знакомитъ насъ со своимъ настроеніемъ.

Письмо изъ Парижа апрѣля 1790 г. Здѣсь высказывается его политическій взглядъ — онъ противъ всякихъ перемѣнъ. „Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно, конечно, имѣетъ Свой планъ, въ Его рукѣ сердца Государей—и довольно".

„О Французской трагедіи“. Интересны сужденія о трагедіи французской и англійской, послѣдней отдаетъ пальму первенства. (Почему?)

„О Шекспирѣ“. Важны слова; „Величіе, истина характеровъ, занимательность приключенія, откровеніе человѣческаго сердца, и великія мысли, разсѣянныя въ драмахъ Британскаго Генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ“.

Бѣдная Лиза. Эта повѣсть имѣетъ такую же яркую сентиментальную окраску, какъ и „Письма русскаго путешественника“. Содержаніе ея взято изъ русской жизни—дѣйствующія лица крестьянская дѣвушка Лиза и ея мать, и молодой дворянинъ Эрастъ; мѣсто дѣйствія близъ Москвы, Симоновъ монастырь съ его окрестностями. Типы крестьянокъ—Лизы и ея матери—придуманы, ничего подобнаго не могло быть въ дѣйствительности въ то время. Лиза добрая, чувствительная, мечтательная дѣвушка; ей чужда какая-нибудь грубость; объясняется она, какъ барышня конца 18 вѣка, начитавшаяся сентиментальныхъ романовъ; ея идилическія мечты, хорошо если бъ Эрастъ былъ пастухомъ, отличаются крайней искусственностью: „Если бы тотъ, кто занимаетъ теперь мысли мои, рожденъ былъ простымъ крестьяниномъ, пастухомъ,—и если бы онъ теперь мимо меня гналъ стадо свое: ахъ! я поклонилась бы ему съ улыбкою, и сказала бы привѣтливо: Здравсвуй, любезный пастушокъ! куда гонишь стадо свое? И здѣсь растетъ зеленая трава для овецъ твоихъ, и здѣсь алѣютъ цвѣты, изъ которыхъ можно сплести вѣнокъ для шляпы твоей. Онъ взглянулъ бы на меня съ видомъ ласковымъ — взялъ бы, можетъ быть, руку мою... Мечта“! Эта картина не изъ русской жизни. Но такая идеализація Лизы придавала особенную цѣну ей въ глазахъ современнаго Карамзину общества. Его гуманныя идеи.—„крестьянки любить умѣютъ“... „Для твоего друга важнѣе всего душа чувствительная, невинная душа“.. (отвѣтъ Эраста на слова Лизы—„Я крестьянка“)—проводятъ новый взглядъ на народъ—равенство въ психологическомъ отношеніи. Эти идеи имѣли важное облагораживающее вліяніе, достаточно вспомнить отношенія дворянъ къ крестьянамъ въ 18 вѣкѣ. („Недоросль“ отношеніе Простаковой къ больной Палашкѣ).

Мѣстами повѣсть дышетъ искренностью, правдивостью. Напр., описаніе перваго посѣщенія Эрастомъ домъ Лизы. „Услужливая Лиза“ не дождавшись отвѣта отъ матери своей—можетъ быть для того, что она его знала напередъ—побѣжала на погребъ—принесла чистую кринку, покрытую чистымъ деревяннымъ кружкомъ — схватила стаканъ, вымыла, вытерла бѣлымъ полотенцемъ, налила и подала въ окно, но сама смотрѣла въ землю“. Или—когда Эрастъ просилъ Лизину мать никому кромѣ него, не продавать своей работы и обѣщалъ заходить за ней: „Тутъ въ глазахъ Лизиныхъ блеснула радость, которую она тщетно скрыть хотѣла; щеки ея пылали, какъ заря въ ясный лѣтній вечеръ; она смотрѣла на лѣвый рукавъ свой и *щипала его правою рукой*“. Эти сцены вѣрны въ психологическомъ отношеніи. Такимъ образомъ въ повѣсти видимъ попытку слить литературу съ жизнью. Особенное сильное стремленіе сблизить литературу съ жизнью замѣчаемъ съ эпохи Екатерины II. Это стремленіе выразилось, во-1-хъ, въ томъ, что матеріалъ для своихъ произведеній брали изъ русской дѣйствительности, какъ, напр., Фонъ-Визинъ, Новиковъ, Радищевъ; во-2-хъ, брали его изъ русской старины, какъ, напр., Екатерина, Сумароковъ. Хотя послѣднимъ не удавалось перенести читателей въ русскую старину, такъ какъ они ограничивались лишь тѣмъ, что брали сюжетъ и имена изъ древней жизни, никакой исторической обстановки въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ. Попыткой создать историческую повѣсть, не ограничиваясь одними именами и сюжетомъ, но рисуя древне-русскую обстановку, служитъ повѣсть Карамзина „Наталья боярская дочь“.

Разсужденія: **„О любви къ отечеству и народной гордости“** и **„О счастливѣйшемъ времени жизни“** интересны въ стилистическомъ отношеніи. Они даютъ образцы усовершенствованныхъ періодовъ.

„Исторія Государства Россійскаго“. Научная разработка нашей исторіи началась въ 18 в. въ Академіи Наукъ. Ученый нѣмецъ Шлецеръ впервые обратилъ серьезное вниманіе на лѣтопись Нестора. Съ этого времени началось изданіе историческихъ памятниковъ, но, къ сожалѣнію, большинство рукописей были прочитаны и изданы небрежно. Первая попытка дать Исторію Русскую была исторія Татищева, но она, въ сущности, представляла сводъ лѣтописей. Дальнѣйшая работа въ этой области принадлежитъ князю Щербатову, человѣку очень образованному для своего времени, честному консерватору и защитнику всего русскаго. Его исторія представляетъ прагматическое изложеніе событій, но только причинъ онъ искалъ не въ состояніи общества. По сравненію съ предшествующими трудами по исторіи и тогдашнимъ состояніемъ науки, Исторія Государства Россійскаго заслуживаетъ еще болѣе вниманія. Она впервые знакомитъ читателей съ отечественной исторіей, бывшей до сихъ поръ какъ бы невѣдомой землей, Пушкинъ назвалъ Карамзина, за его трудъ по исторіи, Колумбомъ древней Россіи. Основная идея Исторіи Карамзина—Россія достигла могущества благодаря самодержавію. Сообразно этой идеи вся русская исторія раздѣлена на три періода: первый отъ Рюрика до смерти Ярослава, второй отъ смерти Ярослава до Іоанна III и третій съ Іоанна III. Изложеніе начинается съ 862 г. и доведено до 1611. Освѣщеніе событій

и сужденія о государственныхъ дѣятеляхъ подчинены основному взгляду историка — представить развитіе самодержавія и одновременно съ тѣмъ развитіе государственнаго строя. Идеальнымъ правителемъ считаетъ Іоанна III. Но при оцѣнкѣ историческихъ дѣятелей Карамзинъ не ограничивается одною государственною точкою зрѣнія — онъ прилагаетъ къ нимъ еще нравственныя требованія. Строго осуждаетъ онъ Іоанна Грознаго за вторую половину царствованія. Вся „Исторія" проникнута горячимъ чувствомъ патріотизма. Признавая важное значеніе за римской и греческой исторіями, онъ считаетъ русскую исторію для насъ русскихъ болѣе интересной и болѣе занимательной, чѣмъ всякая другая исторія. „Всемірная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и дѣйствуетъ... „Мы (русскіе) одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество, желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія: да правила мудраго самодержавія и святой вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ связь частей; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой". Таково направленіе „Исторіи Государства Россійскаго", указанное авторомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Я писалъ съ любовію къ отечеству, къ благу людей въ гражданскомъ обществѣ и къ святымъ уставамъ нравственности". Слогъ „Исторіи" отличается ясностью, точностью и часто художественностью. Написана по преимуществу усовершенствованными періодами. Изъ характеристикъ личностей замѣчательны: Іоанна III и Іоанна IV, митрополита Филиппа, Годунова, Шуйскаго, Прокопія Ляпунова; а изъ разсказовъ о событіяхъ — осада и взятіе Казани. Для знакомства съ „Исторіей Государства Россійскаго достаточно остановиться на „**Предисловіи**", именно на опредѣленіе исторіи и важности ея; на „**осадѣ и взятіи Кіева татарами; на битвѣ на Куликовомъ полѣ;** на характеристикахъ: **Іоанна III; митрополита Филиппа;** на **второй половинѣ царствованія Годунова**.

Итакъ, значеніе литературной дѣятельности Карамзина состояло въ перенесеніи на русскую почву сентиментализма, въ выработкѣ литературнаго языка и въ сближеніи литературы съ жизнью.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ (1760—1837) происходилъ изъ Симбирской губ. Отецъ его, ведшій свой родъ отъ довольно древней дворянской фамиліи, считался однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ помѣщиковъ въ своей губерніи. Держась господствовавшаго въ то время мнѣнія, что молодому дворянину приличнѣе служить въ военной, чѣмъ въ статской службѣ, онъ записалъ своего сына съ дѣтства въ гвардію. До того времени, пока не потребуютъ его на дѣйствительную службу, отдалъ учиться въ частный пансіонъ сначала въ Казани, а потомъ въ Симбирскѣ. Но ученіе продолжалось недолго: бунтъ Пугачева, взволновавшій губерніи Понизовья, принудилъ его отца со всѣмъ семействомъ удалиться въ Москву. 14 лѣтъ И. И. Дмитріевъ поступилъ на дѣйствительную службу въ Семеновскій полкъ. Здѣсь онъ познакомился съ Державинымъ и подружился съ однимъ изъ своихъ сослуживцевъ, у котораго воспользовался богатой французской библіотекой. Эти чтенія развили его вкусъ. Благотворное вліяніе на Дмитріева оказалъ Карамзинъ. Это вліяніе сказалось въ той чувствительности, которой отличаются первыя извѣстныя стихотворенія Дмитріева. При вступленіи на престолъ Павла, Дмитріевъ бросилъ военную службу, переселился въ Москву и поступилъ въ гражданскую, причемъ одно время былъ даже министромъ юстиціи. Въ это время домъ его сдѣлался извѣстнымъ литературнымъ центромъ. Дмитріевъ писалъ оды, басни, пѣсни, сатиры и эпиграммы. Лучшимъ его произведеніемъ считается сатира „**Чужой толкъ**". Названіе свое она получила отъ того, что авторъ ведетъ въ ней рѣчь не отъ себя лично, а отъ лица строгаго критика Аристарха. Содержаніе сатиры можно раздѣлить на три части; въ первой дается характеристика современной автору русской оды; во второй указывается на причины ея неуспѣха и въ третьей отмѣчается личное отношеніе автора къ предмету разговора. Дѣйствующими лицами сатиры являются писатели ложноклассики. Сатира направлена противъ послѣднихъ. Она осмѣиваетъ искусственность, высокопарность, привычку выводитъ миѳологическія божества въ ложноклассическихъ одахъ. Представленная характеристика русской оды возбуждаетъ смѣхъ. Причины неуспѣха ея заключаются въ томъ, что многіе, принимаясь писать, не имѣютъ никакого таланта, образованія, времени для поэтической дѣятельности и пишутъ изъ-за низкихъ, корыстныхъ цѣлей. Авторъ осмѣивалъ страсть писать оды по искусственнымъ пріемамъ, потому что такое явленіе не соотвѣтствуетъ собственному взгляду поэта на истинную оду, на поэтическую дѣятельность вообще, т. е. не соотвѣтствуетъ его идеалу. Значеніе сатиры „Чужой толкъ" именно и состоитъ въ томъ, что она поразила русскую ложноклассическую оду. Но сатира здѣсь не глубока — она касается внѣшней стороны одъ, не затрогивая историческихъ условій, ихъ породившихъ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ) (1768 — 1844) родился въ Москвѣ, но дѣтство провелъ въ Оренбургѣ, куда былъ назначенъ его отецъ по случаю Пугачевсакго бунта. По окончаніи пугачевщины отецъ Крыловъ съ семействомъ переселяется въ Тверь. Первоначальное обученіе мальчика шло подъ руководствомъ отца, по смерти котораго

образованіе сына завершается въ домѣ предсѣдателя уголовной тверской палаты (дяди писателя Львова) и пополняется чтеніемъ книгъ изъ оставшейся ему отъ отца библіотеки. Рано Крыловъ почувствовалъ стремленіе къ писательству. На 15 году онъ написалъ оперу „Кофейница". Но бѣдственное матеріальное положеніе семьи, по смерти отца, заставило еще юнаго Крылова поступить на службу въ судебную канцелярію съ жалованьемъ по 2 руб. въ мѣсяцъ; потомъ Крыловъ получаетъ мѣсто въ кабинетѣ Государыни, гдѣ остается до 1790 г. Въ это время онъ познакомился съ Княжнинымъ (ложноклассическій трагикъ и комикъ) съ актеромъ Дмитріевскимъ и издавалъ сатирическій журналъ „Почту духовъ"; въ 1792 г. „Зритель", а въ 1793—„Петербургскій Меркурій". Одно время состоялъ на частной службѣ у князя С. Ѳ. Голицына. Въ 1808 г. началась его тѣсная дружба съ Оленинымъ, благодаря которому обезпечивается матеріальное положеніе Крылова. Спустя 4 года послѣ этого Крыловъ дѣлается сначала помощникомъ библіотекаря по русскому отдѣленію И. П. Библіотеки, а потомъ и библіотекаремъ. Съ этого времени началась для него тихая, беззаботная, однообразная, почти неподвижная жизнь вплоть до самой смерти.

Извѣстность Крыловъ пріобрѣлъ своими знаменитыми баснями, написанными простымъ народнымъ языкомъ, изобилующимъ пословицами, мѣткимъ, легкимъ. Содержаніе своихъ басенъ бралъ изъ современной ему общественной жизни. Однимъ изъ вопросовъ, затрогивающихъ въ баснѣ, былъ вопросъ о воспитаніи, просвѣщеніи и образованіи. Мысль о воспитаніи приводится въ басняхъ **„Крестьянинъ и Змѣя"**, **„Бочка"**, **„Кукушка и Горлинка"**. Въ первой изъ нихъ Крыловъ показываетъ вредное вліяніе иностранцевъ на ввѣряемыхъ имъ дѣтей; во второй—послѣдствія гибельнаго ученія, которымъ человѣкъ заражается съ юношества; въ третьей—что происходитъ, когда дѣти воспитываются не родителями, а посторонними. Въ баснѣ **„Червонецъ"** представляетъ европейское образованіе, которое даетъ внѣшній лоскъ, но убиваетъ природныя душевныя качества. Въ **„Водолазахъ"** показываетъ, что истинное просвѣщеніе требуетъ отъ ученія золотой середины между невѣжествомъ, происходящимъ отъ лѣни и глубокомысліемъ, происходящимъ отъ дерзости ума, суемудрія, которое ведетъ къ гибели. Подъ перомъ Крылова басня достигла совершенства. Изъ драматическихъ пьесъ Крылова только двѣ имѣли успѣхъ на сценѣ „Модная лавка" и „Урокъ дочкамъ".

Владиславъ Александровичъ Озеровъ (1770—1816) является послѣднимъ ложноклассическимъ трагикомъ. Онъ написалъ пять трагедій; три изъ нихъ пользовались большимъ успѣхомъ. **„Эдипъ въ Аѳинахъ"**, **„Фингалъ"** и **„Димитрій Донской"** наши лучшія трагедіи въ духѣ французскаго классицизма.

Василій Андреевичъ Жуковскій (ученикъ Карамзина и учитель Пушкина) (1783—1852) родился въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губ. Отецъ его былъ помѣщикъ, Бунинъ, мать его—плѣнная турчанка, была няней дочерей Бунина. (Отчество и фамилію поэтъ получилъ отъ своего крестнаго отца, помѣщика Жуковскаго). Бунинъ и его жена воспитывали мальчика, какъ родного сына, но тѣмъ не менѣе послѣдній не забывалъ, что онъ все же чужой въ ихъ семьѣ. Къ тому же неопредѣленное положеніе его родной матери тяжело дѣйствовало на впечатлительнаго мальчика. Жуковскій росъ въ женскомъ обществѣ, въ обществѣ дочерей Бунина и его внучекъ—дѣвочекъ. На ихъ судъ представлялъ онъ свои первыя произведенія. Женская критика направляла его на путь цѣломудренной и задушевной лирики. Въ 1797 году Жуковскій былъ отданъ въ благородный пансіонъ, бывшій при Московскомъ университетѣ. Въ пансіонѣ онъ сблизился съ сыновьями директора Андреемъ и Александромъ Тургеневыми, сыновьями И. П. Тургенева (масона, оказавшаго большое вліяніе на Карамзина). Жуковскій, Тургеневы и еще нѣсколько другихъ воспитанниковъ образовали литературный кружокъ, цѣлью котораго было умственное и нравственное развитіе. Этотъ кружокъ оказалъ несомнѣнное вліянія на Жуковскаго въ духѣ сентиментализма, такъ какъ тогдашнее молодое поколѣніе писателей увлекалось Карамзинымъ. По окончаніи пансіона Жуковскій поступилъ на службу, но, не прослуживъ и года, вышелъ въ отставку. Послѣ этого на службу онъ больше не поступалъ. Впослѣдствіи онъ состоялъ преподавателемъ русскаго языка для великой княгини Александры Ѳеодоровны, а затѣмъ былъ воспитателемъ наслѣдника престола, будущаго императора Александра II. Съ внѣшней стороны жизнь Жуковскаго была вполнѣ благополучной, но онъ часто груститъ, такъ какъ ему не удается осуществить завѣтную мечту достигнуть семейнаго счастья. Подругой жизни себѣ онъ намѣтилъ свою племянницу Марью Андреевну Протасову, но, несмотря на ихъ взаимную привязанность, мать М. А. и слышать не хотѣла объ этомъ бракѣ (по причинѣ родства, котораго въ сущности не было). Послѣ долгихъ неудачныхъ попытокъ добиться разрѣшенія на бракъ, Жуковскій отказался отъ мечты видѣть *Машу* своей женой, сохранилъ съ ней дружескія отношенія и самъ одобрилъ ея бракъ съ дерптскимъ профессоромъ Мойеромъ. Эта неудачная любовь, конечно, отражалась на лирикѣ Жуковскаго элегическими нотами. Маша рано умерла, ея смерть глубоко потрясла Жуковскаго, также тяжела была для него утрата второй любимой племянницы Александры Андреевны. Ко всему это-

му прибавилась вторичная неудачная любовь къ своей ученицѣ, графинѣ Самойловой. Уже подъ конецъ жизни удалось Жуковскому устроить семейное счастье. Онъ женился за-границей на дочери художника Рейтернъ.

Жуковскій считается представителемъ романтизма въ нашей литературѣ. Романтизмомъ называютъ литературное движеніе, бывшее въ Германіи, во Франціи и въ Англіи въ началѣ 19 в. Романтическая поэзія получила свое названіе отъ того, что первыя ея произведенія явились на языкахъ романскихъ.

Отличается романтизмъ стремленіемъ къ національности, недовольствомъ настоящимъ и стремленіемъ къ вѣкамъ прошедшимъ, преимущественно къ среднимъ, къ ихъ не знающей сомнѣнія вѣрѣ, фантастикѣ, тоже не знавшей ни сомнѣнія, ни предѣловъ. Недовольство настоящимъ вело или къ протесту, къ борьбѣ, или же къ примиренію и къ надеждѣ на будущее лучшее. Отсюда 2 рода романтиковъ. Истинный романтизмъ былъ только въ Германіи. Онъ явился здѣсь въ концѣ 18 в. подъ вліяніемъ различныхъ научныхъ трудовъ почти во всѣхъ областяхъ: научныхъ трудовъ Гердера, философіи и соціально-политической жизни, революціоннаго движенія. Представителями романтизма въ Германіи являются братья Шлегели, Тикъ, Новалисъ и философъ Шеллингъ. Изъ Германіи романтизмъ попалъ во Францію и принялъ другой характеръ. Представительница французскаго романтизма m-me Сталь (близкая съ братьями Шлегелями) понимала его, какъ протестъ противъ ложноклассическихъ правилъ. Расцвѣтъ романтизма во Франціи сказался, главнымъ образомъ, въ литературѣ Виктора Гюго. Такъ какъ Россія находилась преимущественно подъ вліяніемъ теченій, шедшихъ изъ Франціи, то и у насъ на первыхъ порахъ подъ романтизмомъ понималось всякое нарушеніе прежнихъ поэтическихъ правилъ. Потомъ идетъ сильное вліяніе нѣмецкаго романтизма. (Вліяніе изъ Германіи было и прежде, но не такъ сильно. Достаточно вспомнить кружокъ Новикова). Жуковскій, переводя нѣмецкихъ и англійскихъ романтиковъ, тѣмъ самымъ переносилъ европейскій романтизмъ въ русскую литературу. Причемъ для переводовъ онъ выбиралъ то, что своимъ содержаніемъ совпадало съ его душевнымъ настроеніемъ: „у меня, писалъ онъ Гоголю, почти все чужое или по поводу чужого— и все однако мое“. Къ однимъ изъ лучшихъ переводовъ относится переводъ съ англійскаго элегіи **„Сельское кладбище“** Грея. Грей въ своей элегіи описываетъ кладбище, находящееся въ Англіи, вблизи Виндзора. Жуковскій впослѣдствіи посѣтилъ это кладбище и даже нарисовалъ его. Въ началѣ элегіи описывается сельскій вечеръ. Поэтъ изображаетъ общую тишину, изрѣдка прерываемую жужжаніемъ жука, звукомъ рога, крикомъ совы. Эта тишина располагаетъ къ мечтанію и въ то же время гармонируетъ съ вѣчнымъ покоемъ кладбища, гдѣ непробуднымъ сномъ спятъ праотцы села. Затѣмъ отрицательно описана прошлая жизнь усопшихъ — указано, что раньше ихъ пробуждало ото сна, а теперь не можетъ пробудить, что раньше привлекало ихъ къ дому, а теперь не можетъ привлечь. Въ этомъ отрицательномъ описаніи поэтъ изображаетъ противоположность между міромъ мертвыхъ и міромъ живыхъ. Далѣе указывается значеніе скромной жизни поселянъ: труды ихъ полезны всѣмъ. Пусть не презираютъ ихъ скромные гробы—путь величія ведетъ также ко гробу и какими бы почестями ни погребали, смерть не отдастъ своей добычи, передъ смертью всѣ равны. Затѣмъ говорится, что природа одинаково всѣмъ даетъ свои дары, и въ этихъ могилахъ, можетъ быть, погребены люди съ чувствительнымъ сердцемъ, или способные править народомъ или съ умомъ великаго ученаго. Жизненныя условія не дали имъ проявить эти таланты: храмъ просвѣщенія для нихъ былъ закрытъ, цѣпи убожества обременили ихъ, геній умерщвленъ нуждой. Такихъ не проявившихъ себя геніевъ поэтъ сравниваетъ съ рѣдкимъ перломъ, скрытымъ въ волнахъ, и съ лиліей, запахомъ которой никто не насладился. Судьба не дала имъ прославиться доблестями, зато сохранила ихъ отъ злодѣйствъ, и отъ жестокостей, которыя свойственны людямъ высшихъ круговъ. Скромные памятники ихъ указываютъ, какую любовь оставили они по себѣ; не будь этой любви, никто бы не позаботился начертать ихъ лѣта и имена на надгробномъ камнѣ. Далѣе поэтъ указываетъ значеніе любви для умирающаго: человѣку трудно разстаться съ жизнью, сознавать, что его скоро всѣ забудутъ. Душа нѣжная, умѣвшая любить и вызывавшая любовь другихъ, утѣшается тѣмъ, что останется жить въ памяти друзей. Поэтъ называетъ себя другомъ почившихъ и представляетъ тотъ часъ, когда его будутъ погребать, и селянинъ будетъ разсказывать о немъ чувствительному пришельцу. Жуковскій рисуетъ здѣсь идеалъ поэта: онъ любитъ природу и уединеніе, любитъ грустить, предаваться своимъ чувствамъ; онъ кротокъ, сострадателенъ „меланхоліи печать была на немъ“, это поэтъ въ духѣ сентиментализма. Основная мысль элегіи: жизненныя случайности возвышаютъ одного человѣка надъ другими, но природа и смерть всѣхъ равняетъ. Только любовь нравственная возвышаетъ человѣка, только нѣжная, сострадательная душа оставитъ по себѣ память. Весь интересъ жизни человѣка полагается въ чувствѣ. Изъ оригинальныхъ элегій Жуковскаго наилучшая **„Теонъ и Эсхинъ“**. Основной мотивъ ея—тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ, по утраченномъ идеалѣ. Идеаломъ счастія была жизнь съ любимымъ человѣкомъ; поэтъ стремился къ нему, но судьба не допустила

его: разлука погубила счастье. Въ несчастіи поэтъ находитъ утѣшеніе въ воспоминаніи о потерянномъ благѣ и въ надеждѣ на его возращеніе. Въ настоящей жизни поэтъ живетъ воспоминаніемъ прошлаго. Скорбь есть залогъ счастія вѣрное свидѣтельство того, что идеалъ неокончательно утраченъ. Такимъ образомъ скорбь о потерянномъ счастьѣ въ элегіи не есть безотрадно тяжелое чувство, такъ какъ поэтъ находитъ утѣшеніе въ прошломъ и будущемъ. Всѣ несчастія не вызываютъ въ Теонѣ ни душевной горечи, ни презрѣнія къ жизни, напротивъ, въ душѣ его полное согласіе, миръ съ судьбой. Разсказъ о своей тяжелой судьбѣ онъ заключаетъ словами: „Хвала жизнодавцу Зевесу!" Такова вся поэзія Жуковскаго. Она проникнута меланхоліей, грустью; на землѣ нѣтъ счастья, здѣсь лишь тѣнь его; полное счастье возможно лишь за гробомъ — это мысль постоянно встрѣчается у Жуковскаго. Элегическій тонъ поэзіи Жуковскаго можно объяснить съ одной стороны, вліяніемъ сентиментальнаго направленія, съ другой личная жизнь Жуковскаго настраивала его на элегическій ладъ.

Жуковскій ввелъ въ нашу литературу новый видъ поэзіи—балладу. Баллада есть лироэпическое стихотвореніе, въ которомъ повѣствуется о какомъ-нибудь событіи и вмѣстѣ съ тѣмъ выражается настроеніе дѣйствующаго лица; въ большей части балладъ значительную роль играетъ фантастическій элементъ. Возникла баллада изъ народныхъ пѣсенъ англичанъ и шотландцевъ. Баллада **„Людмила"** есть передѣлка Бюргеровой*) „Леноры". По своей массѣ фантастическаго элемента представляетъ образецъ романтическаго произведенія. Кромѣ того Жуковскій перевелъ много другихъ балладъ съ нѣмецкаго и англійскаго.

Старинная повѣсть: **„Двѣнадцать спящихъ дѣвъ"** состоитъ у Жуковскаго изъ двухъ балладъ — „Громобоя" и „Вадима" Содержаніе ихъ слѣдующее: Громобой продалъ свою душу Асмодею за десять лѣтъ богатой жизни. Послѣ этого онъ получилъ отсрочку на двѣнадцать лѣтъ за души двѣнадцати своихъ дочерей. Но Громобой не погибаетъ.

Продавъ души дочерей, онъ начинаетъ вести благочестивую жизнь и въ раскаяньѣ находитъ спасеніе. Святой угодникъ, ликъ котораго онъ чтилъ въ построенномъ имъ храмѣ, спасаетъ своимъ заступничествомъ его и его невинныхъ дочерей. По слову ангела — мстителя, отецъ умираетъ, а дочери его погружаются въ непробудный сонъ и переносятся въ чудесно-воздвигнутую обитель, огражденную со всѣхъ сторонъ гранитной стѣной. Искупителемъ имъ будетъ чистой душой. Такимъ искупителемъ является новгородскій юноша Вадимъ, плѣнявшій всѣхъ красотою, мужествомъ и простосердечіемъ. Вторая баллада — „Вадимъ" и посвящена освобожденію дѣвъ. Оригинальныхъ балладъ Жуковскаго только двѣ—Свѣтлана и Ахиллъ. Содержаніе **„Свѣтланы"** взято изъ русской жизни—въ ней описываются гаданія русскихъ дѣвушекъ на святкахъ и страшный сонъ одной изъ гадавшихъ дѣвицъ; заключаетъ въ себѣ массу фантастическаго, таинственнаго элемента. Баллада **„Графъ Габсбургскій"** переведена съ нѣмецкаго (Шиллера). Жуковскій познакомилъ русское общество не только съ нѣмецкой и англійской литературою но съ греческимъ, индѣйскимъ и персидскимъ эпосомъ. Онъ перевелъ „Одиссею", „Наль и Дамаянти", „Рустемъ и Зорабъ" но не съ подлинниковъ, а съ нѣмецкаго перевода. Для знакомства съ переводомъ **Одиссеи** достаточно прочесть отрывокъ 12 пѣсни. Онъ содержитъ въ себѣ описаніе встрѣчи Одиссея съ сиренами и плаваніе его между утесами Сциллы и Харибды. Переводъ сдѣланъ вольнымъ стихомъ, который былъ впервые введенъ Жуковскимъ и впослѣдствіи окончательно усовершенствованъ Пушкинымъ („Борисъ Годуновъ").

Значеніе Жуковскаго главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что онъ обогатилъ содержаніе нашей лирики: онъ познакомилъ съ внутреннимъ міромъ человѣка, съ его представленіями, чувствами. Правда, предметъ лирики Жуковскаго былъ не широкъ, онъ ограничивается кругомъ личной жизни, но зато она глубока и искренна. Съ Жуковскаго въ нашей литературѣ господство оды смѣняется элегіей. Кромѣ того Жуковскій создалъ музыкальный и художественный стихъ и много способствовалъ дальнѣйшему развитію литературнаго языка.

Интересно остановиться на взглядахъ Жуковскаго на поэзію и поэта въ сравненіи со взглядами его предшественниковъ. Свои взгляды на поэзію и поэта онъ выражаетъ въ драматической поэмѣ „Камоэнсъ" (португальскій поэтъ, авторъ „Лузіады", въ которой описывается путешествіе Васко-де-Гама). Онъ говоритъ „Поэзія отъ неба исшедшая",... „Поэзія небесной религіи сестра земная"... „...Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли".- Такимъ образомъ онъ указываетъ на божественность ея происхожденія. Чтобы сдѣлаться истинным поэтомъ, нужно нравственное перерожденіе прежняго человѣка: „Я помню часъ, великій часъ меня всего пересоздавшій". (Васко Кеведо въ „Камоэнсѣ"). Значеніе поэта очень велико. Эта мысль выражается въ словахъ Васко Кеведо, что поэтъ долженъ быть... „крыломъ могучимъ, подъемлющимъ родныя сердца на высоту".

Хотя Державинъ въ „Памятникѣ" и говоритъ...

О, Муза! возгордись заслугой справедливой
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай...

тѣмъ ее менѣе на поэзію онъ смотритъ, какъ на удовольствіе:

„Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ",

*) Нѣмецкій поэтъ.

говоритъ онъ въ Фелицѣ. Положеніе чиновника въ обществѣ ставитъ выше положенія только поэта. Взглядъ Карамзина на поэзію уже болѣе возвышенный, приближающійся къ Жуковскому. Поэзія явилась, говоритъ Карамзинъ, изъ гимновъ Творцу. Этотъ взглядъ на поэзію, какъ на нѣчто божественное, зарождался въ Новиковскомъ кружкѣ, подъ вліяніемъ новыхъ идей, шедшихъ изъ Германіи.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ (1787—1855) современникъ Жуковскаго, былъ истинный предшественникъ Пушкина въ области стиха. Его стихъ достигъ высокой художественности—былъ гармониченъ и изященъ. Онъ усваивалъ русской литературѣ эллинскую антологію, итальянское поэтическое творчество и сѣверныя сказанія. Большей симпатіей его пользовался Торквато Тассо, итальянскій поэтъ, эпохи Возрожденія.

Кромѣ того Батюшковъ переводилъ изъ французскаго поэта Парни. Всѣ его сочиненія можно раздѣлить на четыре отдѣла: первый,—въ которыхъ поэтъ выражаетъ свои впечатлѣнія, испытанныя имъ при воспоминаніи о важнѣйшихъ событіяхъ своей жизни. Таковы, напр., **„Надежда“, Посланіе къ Дм. Вас. Дашкову“, „Тѣнь друга;** второй заключаетъ въ себѣ переводы съ итальянскаго и оригинальную элегію „Умирающій Тассъ“. Къ третьему относятся переводы античныхъ произведеній, напр., „Яворъ къ прохожему“; а къ четвертому—произведенія эротическаго характера, преимущественно переводъ изъ французскаго поэта Парни.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. (1795—1829) родился въ Москвѣ. Образованіе получилъ домашнее подъ руководствомъ иностранныхъ учителей, прекрасно владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками, что дало возможность ему познакомиться съ западно-европейской литературой. Въ 1810 г. поступилъ вольнослушателемъ въ московскій университетъ, гдѣ на него оказалъ сильное вліяніе профессоръ естественнаго права и эстетики Буле. Первымъ его литературнымъ произведеніемъ была пародія на „Димитрія Донского“ Озерова. Въ 1812 г. началась отечественная война, Грибоѣдовъ въ это время только что окончилъ университетъ и увлеченный всеобщимъ патріотизмомъ, поступилъ въ военную службу въ гусарскій полкъ. Полкъ этотъ былъ поставленъ въ Брестѣ въ резервѣ. Здѣсь Грибоѣдовъ, подчиняясь тогдашнему офицерскому режиму, сталъ вести разгульную, безсодержательную жизнь. Но такая жизнь ему вскорѣ надоѣла и онъ искалъ выхода. Къ счастью, онъ знакомится въ это время съ Шаховскимъ (стоявшимъ во главѣ литературнаго кружка изъ талантливыхъ писателей того времени: Гнѣдича (переводчика Иліады), Катенина, Загоскина и другихъ) и съ Бѣгичевымъ; благодаря послѣднему и бросаетъ прежній образъ жизни. Въ 1815 г. онъ переселяется въ Петербургъ, а въ 16 г. выходитъ въ отставку и входитъ членомъ въ кружокъ Шаховскаго. Чрезъ 2 года поступаетъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и вскорѣ отправляется секретаремъ посольства въ Персію. Здѣсь Грибоѣдовъ изучаетъ персидскій и арабскій языки. Въ 1822 г. его переводятъ къ главнокомандующему въ Грузію. Къ этому времени относится его поѣздка въ Москву, гдѣ онъ докончилъ свою комедію (1823—1824). По возвращеніи его въ Грузію началась война съ Персіей. Грибоѣдовъ сначала былъ назначенъ къ Ермолову, а потомъ къ Паскевичу-Эриванскому, которому оказалъ большую услугу при его сношеніяхъ съ шахомъ. По заключеніи мира съ Персіей въ 1828 г. былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ. Проѣзжая чрезъ Тифлисъ, онъ предложилъ руку княжнѣ Чевчевадзе, на которой вскорѣ и женился. Несмотря на литературную славу, значительность общественнаго положенія, радости семейной жизни, въ письмахъ этой эпохи выражается печальное настроеніе духа. Предчувствія близкой смерти стѣсняли его сердце. Въ 1829 году 30 января онъ былъ убитъ въ Тегеранѣ возмутившейся чернью, что въ домѣ посланника укрывались плѣнные русскіе, которые хотѣли вернуться на родину, но которыхъ стремилось задержать персидское правительство.

Вся литературная слава Грибоѣдова покоится на его комедіи **„Горе отъ ума“**. Она представляетъ борьбу двухъ временъ — умирающаго Екатерининскаго и нарождающагося Александровскаго. Представителемъ новаго общества является Чацкій. Въ первую четверть 19 вѣка образовался немногочисленный кругъ людей, выдѣлявшійся по своему умственному образованію и нравственнымъ требованіямъ изъ общественнаго большинства. Эти люди жили, руководствуясь не внѣшними побужденіями, а собразно сложившемуся міровоззрѣнію. Появленіемъ своимъ они обязаны, съ своей стороны, усиленнымъ развитіемъ просвѣщенія въ царствованіе Александра I; а съ другой,—непосредственнымъ сообщеніямъ русскаго дворянства съ Западной Европой по причинѣ заграничныхъ походовъ противъ Наполеона. Къ тому же нѣкоторые дворяне заканчивали свое образованіе въ заграничныхъ университетахъ. Въ средѣ этихъ людей развиваются даже политико-экономическіе взгляды. Первымъ подобнымъ трудомъ въ нашей литературѣ былъ „Опытъ теоріи налоговъ“ Н. И. Тургенева, учившагося въ Геттингенскомъ университетѣ. Эти люди сознаютъ необходимость самостоятельнаго развитія не только нашей литературы, но и всей нашей жизни, поэтому вступаютъ въ борьбу противъ слѣпого, рабскаго подражанія всему иностранному. Представителемъ Екатерининскаго времени является Фамусовъ съ Молчалинымъ и дру-

гими лицами. Чацкій и Фамусовъ расходятся какъ во мнѣніяхъ, такъ и въ дѣйствіяхъ. Прежде всего въ понятіи о службѣ. Фамусовъ смотритъ на службу, какъ на средство къ личнымъ выгодамъ: наживѣ, чинамъ, знакамъ отличія; для этого онъ совѣтуетъ при случаѣ прислужиться лицамъ, стоящимъ на высшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. (Дѣйств. II, явл. II, Фамусовъ „Вотъ то-то, всѣ вы гордецы“.. до конца). Службу отправляетъ формально, какъ самъ говоритъ объ этомъ: „что дѣло, что не дѣло, подписано, такъ съ плечъ долой“. При выборѣ чиновниковъ смотритъ не на ихъ способность и знаніе дѣла, а на родство. Въ своихъ поступкахъ руководствуется не голосомъ совѣсти, а лишь общественнымъ мнѣніемъ: „что скажутъ?“ (Особенно подчеркнуто въ послѣднемъ дѣйствіи, въ послѣднемъ явленіи: „что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна!“) Онъ ярый поборникъ невѣжества, науку называетъ чумою и предлагаетъ радикальное средство истребить чуму: „ужъ коли зло пресѣчь, собрать всѣ книги бы, да сжечь“. Таковъ Фамусовъ со своими единомышленниками. Для Чацкаго служба есть долгъ, требующій добросовѣстнаго исполненія и имѣющій конечною цѣлью—пользу отечеству. Всѣ его поступки основаны на нравственныхъ началахъ, на чувствѣ правды. Онъ вооружается противъ враговъ науки, противъ воспитанія, при которомъ заботились не о глубинѣ познаній, а о наборѣ учителей „числомъ поболѣе, цѣною подешевле“. Вооружается противъ пристрастія ко всему иноземному. Эта мысль выражена въ монологѣ: „...Я возсылалъ желанья, чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ“. (Дѣйствіе III, явленіе 22).

Эта комедія имѣетъ большое историко-культурное значеніе, такъ какъ прекрасно изображаетъ московское дворянское общество въ эпоху Александра I. Написана она вольными стихами (неодинаковое количество стопъ); мѣткимъ, въ высшей степени остроумнымъ языкомъ.

Въ нашей литературѣ существуютъ разнорѣчивые взгляды на личность Чацкаго. Одни находятъ, что Чацкій не живое лицо, манекенъ, кукла, которую заставилъ говорить Грибоѣдовъ. Съ другой стороны, находимъ діаметрально-противоположные взгляды. Такъ Гончаровъ въ своей интересной статьѣ „Мильонъ терзаній“ говоритъ, что Чацкій изъ всѣхъ наиболѣе живая личность, и какъ человѣкъ, и какъ исполнитель указанной ему Грибоѣдовымъ роли“... „Чацкій неизбѣженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ. Положеніе Чацкихъ на общественной лѣстницѣ разнообразно, но роль и участь все одна, отъ крупныхъ государственныхъ и политическихъ личностей, управляющихъ судьбами массъ, до скромной доли въ тѣсномъ кругу“.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ (1799—1837) по матери былъ потомкомъ негра Ибрагима, сына абиссинскаго князька, воспитанника Петра I. Отецъ его былъ гвардейскій офицеръ, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, переселившійся по выходѣ въ отставку изъ Петербурга въ Москву. Домъ Пушкиныхъ посѣщался извѣстными тогда литераторами Карамзинымъ, Жуковскимъ, И. Дмитріевымъ, А. Тургеневымъ. Къ тому же самъ отецъ Пушкина и дядя занимались стихотворствомъ. Воспитаніе Пушкина шло безъ всякой системы. Сначала ходила за нимъ няня Арина Родіоновна, потомъ бабушка, которую смѣнили иностранные гувернантки и гувернеры. Все преподаваніе велось на французскомъ языкѣ. До 9-ти лѣтъ Пушкинъ поражалъ окружающихъ своей апатіей, флегматическимъ характеромъ. Но чтеніе французской литературы 18 в. и эротическихъ стихотвореній, находящихся въ библіотекѣ отца сильно повліяли на развитіе мальчика. Въ 1811 году Пушкинъ былъ отданъ въ Царскосельскій Лицей. Изъ преподавателей Лицея наибольшее вліяніе оказали Галичъ и Куницынъ. Въ Лицеѣ образовался кружокъ юношей, интересующихся словесностью: они читали произведенія французской и отечественной словесности, сотрудничали въ лицейскихъ журналахъ, писали стихи. Въ 1815 г. на публичномъ экзаменѣ, въ присутствіи Державина, онъ прочелъ свое стихотвореніе „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“. Въ стихотвореніяхъ, написанныхъ за періодъ пребыванія въ Лицеѣ, онъ подражалъ Державину, Жуковскому, Батюшкову, а также французскимъ эротическимъ поэтамъ. Въ 1817 г. Пушкинъ вышелъ изъ Лицея и поступилъ на службу въ иностранную коллегію. Слѣдуетъ отмѣтить, что Лицей не далъ ему солидныхъ знаній, впослѣдствіи онъ долженъ былъ заполнять пробѣлы самообразованіемъ. Вступивъ въ иностранную коллегію, онъ попалъ въ среду людей, состоявшей изъ богатой военной молодежи, стремившейся преимущественно къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Представителемъ этого общества служитъ Евгеній Онѣгинъ. Въ это время онъ работалъ надъ поэмой „Русланъ и Людмила“, которая вышла въ 1820 г., писалъ памфлеты, сатиры, эпиграммы и другія стихотворенія. За одно изъ такихъ стихотвореній онъ былъ высланъ на югъ, въ Екатеринославль, въ канцелярію генерала Инзова, завѣдывавшему колонистами южнаго края. По прибытіи своемъ въ Екатеринославль, онъ заболѣлъ лихорадкой, почему и былъ взятъ генераломъ Раевскимъ для излѣченія на Кавказъ. Здѣсь онъ занялся изученіемъ англійскаго языка и подчинился вліянію Байроновской поэзіи. По выздоровленіи своемъ отправился въ Крымъ. Кавказская и Крымская природа дали обильную пищу его будущей поэтической дѣятельности. Изъ Крыма онъ долженъ былъ ѣхать въ Кишеневъ къ Инзову, куда былъ переведенъ послѣдній изъ Екатеринославля. Вскорѣ онъ перешелъ отъ Инзова въ штатъ новороссійскаго генералъ-губернатора гр. Воронцова въ Одессу. Но здѣсь недолго пробылъ Пушкинъ:

произошло столкновеніе съ начальникомъ и Пушкинъ былъ уволенъ со службы съ повелѣніемъ жить въ имѣніи своихъ родныхъ, въ селѣ Михайловскомъ (Псковск. губ.). За время пребыванія въ Одессѣ, Пушкинъ началъ поэму „Цыганы" и приступилъ къ „Евгенію Онѣгину". Періодъ жизни (1824 — 1826) въ Михайловскомъ былъ самый плодотворный въ поэтической дѣятельности: окончены „Цыганы", написана трагедія „Борисъ Годуновъ" и четыре главы Онѣгина. Здѣсь Пушкинъ серьезно занимался самообразованіемъ, изучалъ Шекспира и освободился отъ вліянія Байрона. Въ это же время онъ познакомился съ русскимъ сказочнымъ міромъ чрезъ свою няню Арину Родіоновну. По вступленіи на престолъ Николая I (1826 г.) Пушкину было разрѣшено свободное жительство въ любой изъ столицъ. Съ этого времени мѣстопребываніемъ Пушкина преимущественно были то Москва, то Петербургъ, исключая небольшихъ отлучекъ въ Царское Село и путешествія по восточной части Россіи. За этотъ періодъ имъ были созданы слѣдующія произведенія: „Полтава", „Повѣсти Бѣлкина", „Скупой Рыцарь", „Пиръ во время чумы", „Каменный гость", „Капитанская дочка", и друг., доконченъ Онѣгинъ. Въ 1831 году онъ женился на Гончаровой, съ этого времени начинается его вращеніе въ высшемъ свѣтѣ. Въ 1837 году Пушкинъ былъ убитъ на дуэли, вызванной отчасти интригами великосвѣтскаго общества, недоброжелательно настроеннаго противъ него. Такова внѣшняя жизнь нашего геніальнаго поэта. Теперь посмотримъ, что сдѣлалъ Пушкинъ въ эволюціи нашей литературы? Остановимся на анализѣ его произведеній. Пушкинъ писалъ во всѣхъ видахъ поэзіи. Изъ элегій его разберемъ: Уединеніе (Деревня), „Лицейская годовщина", „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ", „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье".

„Уединеніе" (Деревня) написано въ 1819 году въ селѣ Михайловскомъ вскорѣ послѣ окончанія Лицея. Прежде всего поэтъ описываетъ здѣсь прелесть деревенской жизни. Его прельщаетъ въ ней близость къ природѣ и свобода—„праздность вольная". Она освобождаетъ поэта отъ условностей свѣтской жизни и нравственно очищаетъ его. Особенное значеніе онъ придаетъ уединенію, такъ какъ оно способствуетъ его творческой дѣятельности. Съ внѣшней стороны въ деревенской жизни видитъ слѣды довольства и труда, но *болѣе* внимательное отношеніе къ ней, возбуждаетъ чувство грусти. Эта грусть вызывается рабствомъ народа. Поэтъ сожалѣетъ о безплодности своего дарованія, которое неспособно пробудить въ сердцахъ благородныя чувства. Заканчивается это стихотвореніе пожеланіемъ уничтоженія рабства, по манію царя и возстановленія гражданской свободы. Такимъ образомъ мотивъ грусти общественный.

„Лицейская годовщина" 1825 года. У лицеистовъ былъ традиціонный праздникъ 19 окт., день основанія лицея. Вошло въ обычай праздновать этотъ день и послѣ окончанія лицея. Каждый годъ бывшіе лицеисты перваго выпуска собирались въ этотъ день на квартирѣ одного изъ товарищей и устраивали чествованіе лицейской годовщины. Пушкинъ, находясь въ 1825 г. въ ссылкѣ въ с. Михайловскомъ, не могъ принять участія въ праздникѣ и посвятилъ ему стихотвореніе. Оно начинается съ описанія осенняго дня. Поэту грустно. Грусть эта вызвана одиночествомъ. Онъ мысленно переносится къ пирующимъ друзьямъ. Вспоминаетъ товарищей, но къ этимъ воспоминаніямъ примѣшивается грустное чувство, вслѣдствіе мысли о непрочности ихъ дружескаго союза. Далѣе поэтъ вспоминаетъ о своей скитальческой жизни и разочарованіяхъ въ новыхъ друзьяхъ. Вспоминаетъ посѣщеніе его въ селѣ Михайловскомъ тремя друзьями—Пущинымъ, Горчаковымъ и Дельвигомъ. Между поэтической дѣятельностью Дельвига и своей онъ видитъ различіе въ томъ, что Дельвигъ творитъ для души, воспитывая въ тишинѣ свой геній, тогда какъ онъ растрачивалъ свой даръ, откликаясь на всѣ впечатлѣнія жизни. Здѣсь высказывается его взглядъ на поэзію, которую онъ ставитъ очень высоко, ограждая отъ мірской суеты. Съ грустнымъ чувствомъ онъ вспоминаетъ прожиганіе своей жизни и поэтическаго дара въ прошломъ. Онъ обращается къ своему другу Кюхельбекеру и призываетъ его къ уединенью, такъ какъ міръ не стоитъ ихъ душевныхъ мукъ. Мысль о свиданіи съ друзьями, чувство благодарности и признательности лицею и наставникамъ ихъ вызываетъ восторженное, приподнятое настроеніе. Такимъ образомъ, при воспоминаніи, что многихъ товарищей уже нѣтъ, на поэта находитъ грустное настроеніе, отъ котораго онъ переходитъ къ мысли о бренности жизни и смерти. Ему представляется послѣдній одинокій товарищъ, пережившій остальныхъ, въ утѣшеніе поэтъ предлагаетъ ему провести этотъ день за чашей, предаваясь воспоминаніямъ.

„Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ" написано въ 1829 г. въ Петербургѣ. Мысль о смерти является Пушкину независимо отъ окружающей обстановки, а именно, предметы, противоположные понятію о смерти напоминаютъ ему о ней. Мысль о вѣчной красотѣ природы и юной жизни примиряетъ поэта съ неизбѣжностью смерти. Поэтъ желаетъ только умереть на родинѣ.

„Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье" написано въ 1830 г. Грусть вызвана воспоминаніемъ о прошлыхъ безумныхъ годахъ, уныніемъ настоящаго и предчувствіемъ въ будущемъ труда и горя. Но умереть онъ не хочетъ, хотя въ будущемъ ждутъ страданія. Онъ расчитываетъ, что среди горя и труда онъ найдетъ утѣшеніе въ собственномъ творчествѣ, въ наслажденіи произведеніями

искусства и въ любви. Пушкинъ въ это время былъ женихомъ Н. Н. Гончаровой.

Такимъ образомъ, на основаніи разсмотрѣнныхъ элегій, можно заключить объ оптимизмѣ, жизнерадостности Пушкина, о его полномъ душевномъ здоровьѣ.

Изъ балладъ Пушкина можно остановиться на **„Утопленникѣ“** и на **„Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ“**. Обѣ имѣютъ сюжетами народныя сказанія.

Пушкинъ былъ представителемъ новаго литературнаго направленія, которое проповѣдывало свободу творчества. Этой идеей проникнута вся поэзія Пушкина, но въ особенности она выразилась въ стихотвореніи **„Поэту“**—

„Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды высокихъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ.

Его поэзія чужда тенденціозности, т. е. стремленія служить извѣстному образу мыслей или возбуждать извѣстныя чувства.

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Съ другой стороны, находимъ стихотвореніе **„Эхо“**, въ которомъ поэтъ уподобляется эху.

Поэтъ самъ подчиненъ вдохновенію, пишетъ только по вдохновенію. Процессъ творчества не зависитъ отъ воли поэта; онъ происходитъ безсознательно.

„Какой то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ
И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные сплетались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались.

Такъ Пушкинъ рисуетъ моментъ вдохновенія. Чтобы сдѣлаться поэтомъ, человѣку нужно нравственно переродиться. Эта мысль проводится въ стихотвореніи, „Пророкъ“. Оно написано подъ вліяніемъ чтенія Св. Писанія. Пушкинъ развилъ въ своемъ произведеніи слова пророка Исаіи: „и посланъ бысть ко мнѣ одинъ изъ серафимовъ, и въ руцѣ своей имяше угль горящъ... и прикоснуся устомъ моимъ, и рече: се прикоснуся сіе устомъ твоимъ и отниметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ. И слышахъ гласъ Господа глаголюща:.. иди рцы людемъ симъ: слухомъ услышите, и не разумѣете: и видяще узрите и не увидите“... Подъ пророкомъ въ стихотвореніи подразумѣвается поэтъ, назначеніе котораго своими словами дѣйствовать на сердца людей. Поэтъ долженъ возвѣщать волю Бога, быть пророкомъ. Прежде чѣмъ человѣкъ станетъ поэтомъ, необходимо полное перерожденіе человѣка. Эта картина перерожденія и представлена въ данномъ стихотвореніи. Поэтъ вмѣсто грѣшнаго языка, трепетнаго сердца и т. д. долженъ имѣть языкъ, возвѣщающій правду, отзывчивое сердце, всевидящіе глаза и т. д. Въ другомъ своемъ стихотвореніи „Поэтъ“ Пушкинъ такъ говоритъ о минутахъ вдохновенія.

„Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ“ и т. д.

Въ минуты не вдохновенія поэтъ можетъ оказаться ниже простого смертнаго. Онъ такъ говоритъ объ этомъ:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ...
...межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Таковы взгляды Пушкина на поэта и поэзію. Кромѣ того отдѣльныя мысли разбросаны по многимъ его произведеніямъ.

Изъ эпическихъ произведеній прежде всего остановимся на поэмѣ **„Кавказскій плѣнникъ“**. Эта поэма явилась подъ впечатлѣніемъ кавказской природы и быта горцевъ. Но мотивы, послужившіе къ созданію поэмы, были различные. Во-первыхъ, стремленіе выразить личное настроеніе, вызванное разочарованіемъ въ наслажденіяхъ жизни и безнадежной любовью къ неизвѣстной женщинѣ. Во-вторыхъ, желаніе изобразить „преждевременную старость души“, которой отличалась молодежь начала 19 вѣка, по словамъ самого Пушкина; эта мысль выражена поэтомъ въ письмѣ къ Горчакову. Въ третьихъ, разсказъ московскаго пріятеля Пушкина, Нѣмцова, по содержанію очень близкій къ сюжету „Кавказскаго плѣнника“. Въ четвертыхъ, увлеченіе Байрономъ. Байронизмъ, какъ литературное направленіе, господствовало въ литературахъ въ началѣ 19 вѣка. Байронизмъ носитъ еще названіе „поэзіи міровой скорби“ или „протестующаго романтизма“. Въ „байронизмъ“ входитъ одинъ изъ элементовъ романтизма недовольство жизнью и протестъ противъ ея отрицательныхъ сторонъ. Другой отличительной чертой байронизма является воспѣваніе свободы, въ связи съ призывомъ къ борьбѣ за нее. Байронъ дѣйствительно не только воспѣваетъ свободу въ своихъ произведеніяхъ, но борется и умираетъ за нее. Но почва для байронизма была подготовлена (помимо характера Байрона) историческими условіями—это было время сильной реакціи, наступившее послѣ французской революціи. У Байрона и его послѣдователей мы замѣчаемъ большой интересъ къ анализу личности, стремленіе разгадать душу человѣка. Байронизмъ данной поэмы заключается въ фабулѣ, въ характеристикѣ плѣнника

и черкешенки. Эта поэма имѣетъ сходство съ байроновской поэмой „Чайльдъ Гарольдъ“. Герои обѣихъ поэмъ утомлены жизнью, съ ея обманчивыми надеждами и безплодными порывами; оба бѣгутъ отъ этой жизни, ищутъ утѣшенія въ странствованіяхъ, внѣ культуры, въ созерцаніи природы. Пушкинъ описываетъ нравы и обычаи горцевъ; Байронъ также знакомитъ читателя съ бытомъ обитателей острова, къ которому буря занесла корабль Гарольда. Оба автора указываютъ на гостепріимство описываемыхъ племенъ, приводятъ ихъ воинственныя пѣсни. Кромѣ того, неестественность черкешенки еще болѣе свидѣтельствуетъ о подражаніи Байрону. Передъ нами не дикарка, выросшая среди суроваго племени горцевъ, а идеализированная дѣвушка, напоминающая байроновскихъ героинь. Успѣхъ „Кавказскаго плѣнника“ объясняется условіями появленія поэмы. Критики справедливо замѣчали не только достоинства поэмы, но и ея недостатки. Такъ Плетневъ, журналистъ, публицистъ того времени, къ достоинствамъ причислилъ: красоту мѣстныхъ описаній, яркость изображенія быта горцевъ, художественную разработку характера черкешенки; а къ недостаткамъ отнесъ—неопредѣленность характера плѣнника, загадочность его судьбы и неполноту содержанія. Самъ Пушкинъ въ письмѣ къ Гнѣдичу выражаетъ неудовольствіе по поводу характера своего героя и отсутствія въ поэмѣ связи между описаніями и происшествіемъ. Но встрѣчающіяся противорѣчія въ характерѣ плѣнника свидѣтельствуютъ о самобытности поэмы: герой, какъ и авторъ, любитъ жизнь, его разочарованность напускная. Онъ говоритъ черкешенкѣ, что разучился любить, а самъ страдаетъ отъ любви къ какой-то далекой женщинѣ. О привязанности Пушкина къ жизни говорятъ слѣдующія строки: „не вдругъ увянетъ наша младость, не вдругъ восторги бросятъ насъ“. Другой поэмой, создавшейся подъ вліяніемъ Байрона, была поэма **„Цыганы“**, такъ же какъ и предыдущая лиро-эпическая (она навѣяна личнымъ впечатлѣніемъ. Объ этомъ говорится въ эпилогѣ). Въ эпилогѣ Пушкинъ говоритъ, что онъ бродилъ съ лѣнивыми толпами цыганъ, дѣлилъ ихъ простую пищу и „засыпалъ предъ ихъ огнями“. Дѣйствительно, во время одной своей поѣздки изъ Кишинева, гдѣ Пушкинъ былъ на службѣ, онъ присоединился къ цыганскому табору и провелъ съ ними нѣсколько дней. Въ 1823—24 г. была написана поэма „Цыганы“. Герой этой поэмы, Алеко, бѣжитъ отъ образованнаго общества, отъ стѣсняющихъ его законовъ этого общества и отъ несносныхъ ему правилъ жизни той среды. Онъ ищетъ новой лучшей жизни среди первобытнаго кочующаго племени, среди людей, близкихъ къ природѣ. Алеко съ презрѣніемъ говоритъ обо всемъ культурномъ обществѣ и произноситъ надъ нимъ страшныя безпощадныя осужденія. „Тамъ люди въ кучахъ за оградой, не дышатъ утренней прохладой“ и т. д. Въ данномъ отрывкѣ мы слышимъ энергичный, полный мощнаго негодованія голосъ. Слѣдовательно, какъ высоко нравственно долженъ стоять человѣкъ, рѣшившійся произнести анаѳему на все культурное общество. Такъ какъ поучать и предписывать правила можетъ лишь тотъ, кто самъ или уже постигъ истину, или близокъ къ ней. Если обратимся къ Алеко, то увидимъ, что онъ далеко не идеальный человѣкъ. Самъ Пушкинъ такими словами характеризуетъ своего героя: „Подобно птичкѣ беззаботной И онъ изгнанникъ перелетный Гнѣзда надежнаго не зналъ И ни къ чему не привыкалъ“... и т. д. Слѣдовательно, это человѣкъ пустой, лѣнивый, эгоистичный, злой, задорный и неумѣющій справиться со своими страстями. Душевная пустота и страшное себялюбіе—вотъ основныя черты его характера. Это герой на словахъ, а не на дѣлѣ, умѣющій только предписывать людямъ правила практической мудрости, хотя самъ далекъ отъ нея; протестуя противъ зла, самъ же является его поборникомъ и представителемъ. Въ разговорѣ Алеко со старымъ цыганомъ, когда послѣдній разсказываетъ о невѣрности своей Маріулы. „Да какъ же ты не поспѣшилъ тотчасъ во слѣдъ неблагодарной, и хищнику и ей коварной кинжала въ сердце не вонзилъ“. И дальше: „Я не таковъ“... и т. д. Алеко даже не думаетъ скрывать своей нравственной испорченности, своего страшнаго эгоизма. Поселившись съ людьми, близкими къ природѣ, онъ нисколько не измѣняется, но вноситъ страсти и страданія въ среду усыновившихъ его цыганъ. Тихіе кроткіе цыгане изгоняютъ его отъ себя, не мстя ему. „Оставь насъ гордый человѣкъ!“ и т. д. говоритъ Алеко старый цыганъ. Этотъ приговоръ долженъ былъ подѣйствовать сильнѣе всякой кровавой катастрофы. Бѣлинскій (нашъ критикъ) говоритъ по поводу этого: „Сидя на камнѣ, окровавленный, съ ножемъ въ рукахъ, смертельно-блѣдный, Алеко молчитъ, и въ этомъ молчаніи есть нѣмое признаніе справедливости постигнутаго его наказанія. И, можетъ быть, съ этой самой минуты въ Алеко звѣрь уже умеръ, а человѣкъ воскресъ. Если бы онъ устоялъ въ гордости своего мщенія, мы не помирились бы съ нимъ, ибо видѣли бы въ немъ все того же звѣря, какимъ онъ былъ прежде. Но онъ призналъ заслуженность своего наказанія — и мы должны видѣть въ немъ человѣка. Поэтическое сравненіе Алеко съ подстрѣленнымъ журавлемъ, печально остающимся въ полѣ, въ то время, когда станица весело поднимается на воздухъ, чтобы летѣть къ благословеннымъ краямъ юга, выше всякой трагической сцены“. Идею поэмы „Цыгане“ должно искать не въ одномъ только Алеко (осужденіе бездушнаго эгоиста, человѣка, слишкомъ самонадѣяннаго и несправедливаго къ другимъ), но въ общности поэмы. Судя по началу поэмы, авторъ

хотѣлъ показать образецъ человѣка, который до того проникнутъ сознаніемъ человѣческаго достоинства, что въ общественномъ устройствѣ видитъ только одно униженіе и позоръ этого достоинства, и потому въ цыганской волѣ ищетъ того, чего не могла ему дать образованная среда. Но весь ходъ поэмы, ея развязка и особенно играющее въ ней важную роль лицо стараго цыгана, неоспоримо показываетъ, что, желая и думая создать изъ этой поэмы апоѳеозу Алеко, поэтъ вмѣсто того, сдѣлалъ страшную сатиру на него и на подобныхъ ему людей. Старый цыганъ хорошо охарактеризовалъ Алеко: „Ты для себя лишь хочешь воли“. Этотъ чудовищный эгоизмъ и погубилъ Алеко. Стараго цыгана поэтъ изображаетъ кроткимъ безстрастнымъ, но полнымъ достоинства. Бѣлинскій назвалъ его однимъ изъ такихъ лицъ, созданіемъ которыхъ можетъ гордиться всякая литература. Онъ понимаетъ требованія жизни и ко всякой личности относится съ уваженіемъ. Онъ не негодуетъ на жену, убѣжавшую отъ него, но находитъ эту измѣну понятною и простительною. Къ убійцѣ его дочери, Алеко, онъ относится кротко, но въ то же время рѣшительно требуетъ, чтобы Алеко покинулъ таборъ. Въ жизни цыганъ находимъ идеализацію—на самомъ дѣлѣ, дикость цыганской жизни далеко не такъ ужъ привлекательна, какъ представилъ Пушкинъ. Кромѣ стараго цыгана Пушкинъ противопоставилъ Алеко Овидія. Овидій Назонъ былъ римскій поэтъ эпохи Р. Х., за что то онъ былъ сосланъ Августомъ на сѣверные берега Чернаго моря. Изъ своего изгнанія онъ писалъ императору, прося вернуть его на родину. Но ему не удалось видѣть ее — онъ умеръ въ Тавридѣ. Судьба Овидія, повидимому, сильно интересовала Пушкина. Пушкинъ находилъ, что между нимъ и Овидіемъ есть, кромѣ сходства талантовъ, еще поразительное сходство судьбы и общественнаго положенія. Онъ, какъ и Овидій, въ это время былъ изгнанникомъ. Въ изображеніи характера Алеко попрежнему сказалось вліяніе Байрона—разочарованіе, глухая ненависть къ людямъ, непреодолимыя страсти, мстительность. Но Пушкинъ развѣнчиваетъ своего героя. Байронъ же никогда не развѣнчивалъ своихъ героевъ, такъ какъ они были его любимцы, выношенные въ сердцѣ. Такимъ образомъ въ творчествѣ Пушкина увлеченіе Байрономъ пропадаетъ. Въ это время, какъ мы знаемъ изъ біографіи, Пушкинъ начинаетъ знакомиться съ Шекспиромъ.

Сюжетъ поэмы **„Полтава“** взятъ изъ нашего прошлаго; въ этой поэмѣ Пушкинъ уже освободился отъ вліянія на него Байрона. Главная идея этой поэмы: люди, дѣйствующіе во имя государственныхъ и общественныхъ интересовъ оставляютъ о себѣ добрую память въ потомствѣ, какъ, напр., Петръ Великій, Кочубей и Искра (у послѣднихъ двухъ личные интересы совпали съ государственными); люди, дѣйствующіе ради личныхъ интересовъ, оставляютъ о себѣ дурную память, какъ, напр., Карлъ XII, Мазепа, или вовсе не оставляютъ о себѣ никакой памяти въ потомствѣ, какъ, напр., Марія.

Капитанская дочка. Эта повѣсть является образцомъ новаго теченія въ нашей литературѣ—„реалистическаго“. Еще до появленія „Капитанской дочки“ въ „повѣстяхъ Бѣлкина“ Пушкинъ освободилъ нашу литературу отъ придуманности. Сюжетъ этой повѣсти заимствованъ изъ временъ пугачевщины. Въ ней хорошо изображаются нравы провинціальнаго средняго дворянства конца 18 вѣка, домашнее воспитаніе, понятіе о службѣ, патріархальное управленіе юго-восточной окраины Россіи и въ особенности Оренбургскаго края. Главными дѣйствующими лицами являются — дочь капитана Миронова, Марья Ивановна, скромная, разумная, сердечная дѣвушка; Петръ Гриневъ, почтительный сынъ, искренно любящій свою невѣсту, съ твердымъ характеромъ, честный; Швабринъ—подленькій, грязненькій человѣчекъ; Пугачевъ и Екатерина II—историческія лица; первый изображенъ поверхностно, а императрица въ бѣгломъ очеркѣ представлена согласно исторіи. Основная мысль повѣсти—изображеніе женскаго героизма.

Евгеній Онѣгинъ — романъ въ стихахъ; написанъ ямбомъ, состоитъ изъ 8 главъ. Въ романѣ представлена жизнь русскаго дворянскаго сословія двадцатыхъ годовъ 19 в. Въ немъ находимъ много автобіографическаго матеріала. Главныя дѣйствующія лица въ романѣ: Евгеній Онѣгинъ, Ленскій, Татьяна и Ольга Ларины. Евгеній—представитель дворянской молодежи начала 19 в. Онъ богатъ, отъ природы способный, но получившій поверхностное образованіе и воспитаніе, вслѣдствіе чего ни за что не умѣетъ взяться серьезно. Жизнь представляется ему цѣлью наслажденій. Онъ жадно бросается на удовольствія, но скоро пресыщается ими, и въ результатѣ является разочарованіе, хандра, бездѣлье. Принимается писать, чтобы избавиться отъ тягостнаго положенія, но ничего не выходитъ, пробуетъ читать, но читаетъ безъ толку и бросаетъ книги. Существо это самое обыкновенное и ничтожное (всѣ его поступки или безпричинны или вытекаютъ изъ мелкихъ побужденій); ничѣмъ не могъ онъ напоминать собою Байроновскихъ героевъ. Вотъ почему Пушкинъ называетъ его „москвичемъ въ Гарольдовомъ плащѣ“, „пасмурнымъ чудакомъ“. Въ лицѣ Ленскаго Пушкинъ представилъ молодого мечтательнаго романтика поэта, причемъ осмѣялъ слабыя стороны тогдашняго романтизма. Ленскій—герой прекрасныхъ, возвышенныхъ словъ, активнаго участія въ жизни онъ не принимаетъ. Татьяна и Ольга Ларины вполнѣ русскія дѣвушки, хотя воспитаны французскими гувернантками и читаютъ французскіе романы. Татьяна выше своей веселой и простосердечной

сестры по оригинальности и серьезности ума и чувства. Она страстно любитъ природу, простоту жизни. Въ романѣ находимъ массу художественныхъ картинъ, напр., портретъ Татьяны, ея сонъ, изображеніе русской деревни, русской природы, описаніе зимы, осени и весны.

Изъ драматическихъ произведеній Пушкина можно остановиться на „Борисѣ Годуновѣ" и „Скупомъ рыцарѣ".

„Борисъ Годуновъ" трагедія Пушкина явилась послѣ тщательнаго изученія имъ Шекспира. Шекспиръ — родоначальникъ и представитель новоевропейской трагедіи, отличной отъ трагедіи древне-классической. Источниками и образцами служили—Карамзинъ, лѣтописи и Шекспиръ. Самъ Пушкинъ говоритъ: „Шекспиру подражалъ я въ вольномъ и широкомъ развитіи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени". Что разумѣлъ Пушкинъ подъ вольнымъ и широкимъ развитіемъ характеровъ, онъ поясняетъ далѣе: „Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ, обстоятельства развиваютъ передъ зрителями ихъ разнообразные и сложные характеры"... Въ письмѣ 1825 г. Пушкинъ такъ говоритъ о Шекспирѣ: „Что за человѣкъ Шекспиръ. Я не могу придти въ себя отъ изумленія. Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ - трагикъ. Байронъ, во всю свою жизнь понявшій только одинъ характеръ — именно свой собственный... И вотъ Байронъ одному лицу далъ свою гордость, другому ненависть, третьему меланхолическую настроенность; такимъ образомъ, изъ одного полнаго, мрачнаго и энергическаго характера вышло у него множество незначительныхъ характеровъ. Развѣ это трагедія? Существовало и еще заблужденіе. Придумавъ разъ какой-нибудь характеръ, писатель старается высказать его и въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ... Это однообразіе, этотъ придуманный лаконизмъ и безпрерывная ярость—все это далеко, отъ природы. Отсюда неловкость разговора и блѣдность его. Но разверните Шекспира. Никогда не выдастъ онъ своего дѣйствующаго лица преждевременно. Онъ говоритъ у него со всею беззаботностью жизни, потому что въ данную минуту, въ настоящее время поэтъ уже знаетъ, какъ заставить его говорить, сообразно характеру имъ выражаемому". Слѣдуя во взглядахъ на характеристику дѣйствующихъ лицъ Шекспиру, Пушкинъ развертываетъ характеры дѣйствующихъ лицъ въ „Борисѣ Годуновѣ" во всей полнотѣ и разнообразіи. Главное дѣйствующее лицо — Борисъ; его всюду и всегда мучитъ угрызеніе совѣсти за совершенное преступленіе и дѣлаетъ подозрительнымъ, тревожнымъ и безпокойнымъ. Но въ то же время онъ добрый, любящій, просвѣщенный отецъ семейства, умный, опытный и заботливый государь. Самозванцу, несмотря на его безпечность, во всемъ удается, тогда какъ Борисъ съ самаго начала драмы предчувствуетъ „небесный громъ", согласно основной идеи драмы Пушкина, что злодѣяніе, подобное Борисову, сопровождается личными, семейственными и государственными несчастіями. Характеръ Самозванца раскрытъ во всей полнотѣ. Характеръ Марины вѣренъ исторіи: она умна, хитра, тщеславна и красива. Шуйскій типъ ловкаго царедворца. Главныя черты его характера — осторожность, хитрость, умѣнье приспособляться къ обстоятельствамъ. Карамзину Пушкинъ слѣдовалъ въ основномъ воззрѣніи на Бориса, какъ на убійцу царевича Димитрія и въ представленіи фактовъ его царствованія. Лѣтописи дали ему матеріалъ для представленія древне-русскаго монаха, лѣтописца. „Характеръ Пимена, писалъ Пушкинъ, не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собраны черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ: умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышитъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ минувшихъ". Такимъ образомъ „Борисъ Годуновъ" является плодомъ усиленной серьезной подготовки и поэтическаго вдохновенія и представляетъ первую новоевропейскую трагедію въ нашей литературѣ.

Скупой рыцарь также оригинальное драматическое произведеніе Пушкина, построенное по образцу драмъ Шекспира. Въ немъ находимъ вѣрную характеристику лицъ, свободное развитіе дѣйствія, естественную развязку и мѣткій, соотвѣтственный каждому типу діалогъ.

Поэзія Пушкина исполнена идеализма, вѣры и гуманности. Въ ней гармонически сочетался идеализмъ съ художественнымъ реализмомъ. Онъ изображалъ жизнь, какъ она есть, безъ всякихъ прикрасъ, но въ то же время жизнь въ изображеніяхъ Пушкина сама по себѣ достаточно поучительна и нравоучительна. Онъ понялъ жизнь во всѣхъ ея движеніяхъ, и это пониманіе передаетъ читателямъ. Такимъ образомъ, Пушкинъ является представителемъ натурализма и реализма въ нашей литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ вполнѣ національнымъ поэтомъ. Съ него наша литература вступила на путь самостоятельнаго творчества, освободившись отъ подражательности. Литература дѣлается отраженіемъ жизни.

Еще будучи въ селѣ Михайловскомъ въ 1825 г., онъ высказываетъ свои критическіе взгляды на прежнихъ и современныхъ русскихъ писателей, что говоритъ о полной зрѣлости, возмужалости и самостоятельности поэта. Такъ о Державинѣ: „Перечелъ я Державина всего, и вотъ мое окон-

чательное мнѣніе: этотъ чудакъ ни зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка, (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія, вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, онъ не можетъ выдержать и строфы... Что же въ немъ? Мысли, картины и движенія истинно поэтическія. Читая его, кажется, читаешь дурной вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. У Державина должно будетъ сохранить одъ восемь; да нѣсколько отрывковъ, а остальное сжечь". Въ Ломоносовѣ Пушкинъ признаетъ геніальнаго ученаго и отрицаетъ его поэтическій талантъ. Въ его лирикѣ нельзя найти ни игры воображенія, ни чувства. Пушкинъ цѣнилъ только его псалмы и подражанія высокой поэзіи священныхъ книгъ. Такимъ образомъ, Пушкинъ составилъ себѣ совершенно опредѣленное представленіе о писателяхъ прошлаго вѣка. Онъ одинъ изъ первыхъ самостоятельно высказался объ этихъ долго неприкосновенныхъ авторитетахъ русской литературы 18 в. Каковы его отношенія къ Карамзину и Жуковскому? Въ одномъ изъ писемъ Пушкинъ сожалѣлъ, что Карамзинъ не слышалъ его трагедіи „Борисъ Годуновъ", и не высказалъ своего мнѣнія о ней. Пушкинъ дорожилъ мнѣніемъ Карамзина; онъ высоко цѣнитъ его, но только, какъ историка, называетъ его великимъ писателемъ и т. д. Въ томъ же 1825 г. Пушкинъ пишетъ одному писателю о Жуковскомъ. „Ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Жуковскому. Я не слѣдствіе, а точно ученикъ его, и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться ему на дорогу, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть его слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи его слогу. Переводы избаловали, измѣнили его; но онъ, какъ Фоссъ, геній перевода. Къ тому же смѣшно говорить о немъ, какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его мужаетъ". Такимъ образомъ Пушкинъ цѣнитъ Жуковскаго за его могучій слогъ и какъ переводчика.

Вліяніе Пушкина было сильно и на поэтовъ предшествовавшаго періода: Крылова, Гнѣдича, Вяземскаго и Жуковскаго; но сильнѣе сказалось его вліяніе на тѣхъ, кто выступилъ съ нимъ или послѣ него на литературномъ поприщѣ. Ближайшими послѣдователями Пушкина были: Дельвигъ, Языковъ, Баратынскій, а за ними шли: О. Тютчевъ, Веневитиновъ, Хомяковъ, Илличевскій, Подолинскій и др.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ (1814—1841) родился въ Москвѣ. Это былъ отъ природы въ высшей степени нервный, болѣзненный, чуткій мальчикъ. Къ тому же въ дѣтствѣ ему пришлось пережить тяжелую душевную драму, вслѣдствіе разлада въ семьѣ между бабушкой и отцомъ. Эти грустныя первыя впечатлѣнія дѣтства могли только способствовать развитію его природной меланхоліи, а усиленное чтеніе книгъ съ ранняго возраста поддерживало въ немъ наклонность къ мечтательности. Дѣтство Лермонтова протекаетъ въ имѣніи бабушки; оно было обставлено любовію и лаской окружающихъ. Уже съ этихъ юныхъ лѣтъ Лермонтовъ научился любить и понимать природу. Особенно сильное впечатлѣніе оказала на него природа Кавказа, гдѣ онъ побывалъ съ бабушкой, когда ему было всего 10 лѣтъ. Въ 1828 г. его отдаютъ въ Московскій Благородный пансіонъ, здѣсь вскорѣ и начинается его поэтическая дѣятельность. Въ 1830 г. онъ переходитъ въ университетъ. За время пребыванія въ университетѣ онъ ведетъ свѣтскую шумную жизнь, хотя въ сущности былъ совершенно одинокъ со своими мыслями и чувствами, которыя онъ тщательно скрывалъ отъ свѣта. Обладая нѣжной и чуткой душой, онъ искалъ среди людей любви, чувствовалъ потребность въ любящей родной душѣ; но въ свѣтѣ ему приходилось частенько встрѣчать непріятности. Малѣйшіе уколы его самолюбія доставляли ему мучительныя страданія и заставляли его, и безъ того скрытнаго, еще болѣе замыкаться въ себя и становиться въ непріязненныя отношенія къ другимъ. Благодаря усиленному чтенію, онъ быстро развился и рано началъ интересоваться нравственными задачами жизни, старался уяснить себѣ свое отношеніе къ людямъ. Склонный во всякомъ жизненномъ явленіи находить его мрачныя стороны, онъ, естественно, долженъ былъ разочаровываться въ людяхъ, не находя въ нихъ отклика на запросы своей души; онъ отдалялся отъ нихъ, а свои думы и чувства посвящалъ только бумагѣ. Съ юности онъ мечтаетъ о своемъ высокомъ призваніи и симпатизируетъ Байрону, чувствуя свое сродство съ нимъ. Дѣйствительно, много сходнаго было въ жизни этихъ поэтовъ: и обстоятельства личной жизни и характеры ихъ. Неудовлетворенность настоящимъ, постоянное энергичное исканіе лучшаго, гордыя надежды на силы одинокой личности—таковы общіе элементы въ ихъ поэзіи. Но Лермонтовъ прекрасно сознавалъ оригинальность своего таланта, различіе условій жизни, которыя кладутъ извѣстный отпечатокъ на физіономіи отдѣльныхъ личностей. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, быть можетъ, желая разсѣять толки о подражательности его Байрону, категорически заявляетъ „Нѣтъ, я не Байронъ" и т. д. Въ 1832 г. Лермонтовъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и здѣсь поступаетъ въ школу гвардейскихъ юнкеровъ. Время его юнкерской и офицерской жизни въ Петербургѣ проходитъ безплодно для его поэтическаго творчества въ кутежахъ, да попойкахъ. Впослѣдствіи онъ самъ съ ужасомъ вспоминалъ объ этихъ годахъ. Смерть Пушкина, въ 1837 году, произвела на Лермонтова необыкновенно сильное отрезвляющее дѣйствіе. Она вызвала въ немъ цѣлую бурю

негодованія противъ общества и возбудила въ немъ вопросы о положеніи и призваніи поэта. За свое стихотвореніе: „На смерть Пушкина“, гдѣ онъ излилъ все свое негодованіе на общество, онъ былъ сосланъ на Кавказъ. Эта ссылка оказала благотворное вліяніе на Лермонтова. Здѣсь, на лонѣ природы, онъ отдохнулъ отъ разсѣянной петербургской жизни и нравственно возмужалъ. Въ 1838 г. онъ возвращается съ Кавказа съ полнымъ сознаніемъ ничтожества свѣтскаго общества и своего превосходства надъ нимъ. Онъ остается въ жизни одинокимъ; съ одной стороны, чувствуя себя чужимъ въ обществѣ, съ другой—игнорируя кружки серьезной молодежи, среди которой поднимались этическіе и общественные вопросы, надъ которыми мучился и самъ Лермонтовъ. Въ послѣдніе годы своей жизни его тревожное и мятежное настроеніе часто смѣняется мирнымъ, подъ вліяніемъ религіознаго чувства. Жизнь его прервалась очень рано. Онъ былъ убитъ на дуэли на Кавказѣ своимъ сослуживцемъ Мартыновымъ. Несмотря на то, что онъ всю жизнь мучился надъ выработкой міросозерцанія,—ничего цѣльнаго не оставилъ послѣ себя.

Въ произведеніяхъ **„Ангелъ“**, **„Дума“**, **„Пророкъ“** и **„Споръ“** сказался пессимизмъ Лермонтова, но не въ одинаковой степени. Въ стихотвореніи сатирѣ „Дума“ Лермонтовъ рисуетъ современное ему общество. Онъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ относится къ нему, называетъ его не имѣющимъ будущности, бездѣятельнымъ, равнодушнымъ ко всему, даже къ поэзіи и искусствамъ, наконецъ, промотавшимся въ духовномъ отношеніи. Однако, поэтъ былъ не вполнѣ справедливъ къ современникамъ, онъ не понялъ, что вокругъ него готовилось и совершалось. Это стихотвореніе относится къ 1838 г., т. е. къ сороковымъ годамъ, къ эпохѣ развитія философскихъ движеній въ Германіи и Франціи и преддверію интеллигентной жизни въ Россіи, подъ вліяніемъ французской революціи 30 года. У Лермонтова всѣ люди „сороковыхъ годовъ“ безпощадно унижены. Но Лермонтовъ могъ говорить только объ одномъ уголкѣ жизни, о томъ кругѣ молодежи, въ которомъ самъ вращался. Это былъ кругъ по преимуществу военныхъ, далеко стоящій отъ литературныхъ кружковъ того времени. Слабыя стороны этого круга онъ перенесъ на все молодое поколѣніе. Такая несправедливость, односторонность въ оцѣнкѣ современной ему жизни, объясняется его настроеніемъ; психологически она вполнѣ понятна: въ гнѣвѣ мы часто бываемъ несправедливыми. Стихотворенія **„Когда волнуется желтѣющая нива“** и **„Молитва“** относятся къ тому виду стихотвореній Лермонтова, въ которыхъ выражается его примиреніе съ жизнью. Поэтъ находитъ успокоеніе въ природѣ и въ молитвѣ. Мирныя красоты природы, подчиненной установленнымъ законамъ, слова молитвы усмиряютъ волненіе, наполняютъ грудь покоемъ, гонятъ сомнѣнія, внушаютъ вѣру.

Но Лермонтовъ обогатилъ не только нашу лирику изящными произведеніями, но и эпосъ. Изъ эпическихъ произведеній остановимся на **„Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“**, **„Бородино“** и **„Мцыри“**. Сюжетъ первыхъ двухъ произведеній взятъ изъ нашей русской исторіи. Въ нихъ Лермонтовъ является великимъ художникомъ родной дѣйствительности. Поэма „Мцыри“ создалась подъ вліяніемъ Байрона. Содержаніе ея состоитъ изъ разсказа мальчика черкеса, взятаго въ плѣнъ русскимъ генераломъ и воспитаннаго въ грузинскомъ монастырѣ. Шести лѣтъ привезли Мцыри въ монастырь, и онъ все время томился, какъ молодой орелъ въ клѣткѣ. Заболѣвъ, онъ томился безъ жалобъ, не обнаруживая мукъ даже слабымъ стономъ; отвергалъ пищу и въ гордомъ молчаніи ждалъ смерти. Потомъ его окрестили; онъ выросъ, сдѣлался послушникомъ и уже готовился дать обѣтъ монашества, какъ вдругъ въ одну осеннюю ночь убѣжалъ изъ монастыря. Черезъ три дня его нашли безъ чувствъ въ степи. Онъ былъ принесенъ въ монастырь. Передъ смертью Мцыри разсказалъ чернецу повѣсть своего бѣгства и передалъ тѣ впечатлѣнія, которыя пережилъ внѣ монастырскихъ стѣнъ. Три дня, проведенныя Мцыри на волѣ, были для него цѣлою жизнью. Будучи на свободѣ, имъ овладѣло чувство своего единства съ природой. Мцыри такъ говоритъ объ этомъ: „Давнымъ давно задумалъ я“... и т. д. Душа Мцыри была одержана въ то время однимъ могучимъ стремленіемъ къ бурной дѣятельности и простору. Онъ ненавидѣлъ душную келью и всю монастырскую жизнь. Онъ чувствовалъ что-то родственное со стихіями природы, съ восторгомъ привѣтствовалъ бурю. Онъ говоритъ: „Я зналъ одной лишь думы власть“ и т. д. Такой типъ мятежнаго скитальца, жаждущаго слиться съ бурей, вообще свойственъ поэзіи Лермонтова. Его мы находимъ въ „Демонѣ“, „Измаилѣ Бей“, „Парусѣ“, „Героѣ нашего времени“. Самая сильная черта характера Мцыри—это жажда свободы и неукротимая энергія. Наслаждаясь красотою окружающей природы, цвѣтущаго „Божьяго сада“, Мцыри затосковалъ по родинѣ. Ему захотѣлось привѣта и ласки. Въ немъ проснулось мечтательное, нѣжное, смутно сознаваемое имъ самимъ, чувство любви. Онъ любуется граціозной, молодой грузинкой, спускавшейся по скаламъ къ ручью за водой. Въ забытьѣ ему слышится пѣсня рыбки: „Дитя мое, Останься здѣсь со мной“... и т. д. Въглубинѣ души Мцыри таится непомѣрная гордость и презрѣніе къ людямъ. Эти чувства, затаенныя съ малыхъ лѣтъ, развиваются въ немъ въ ненависть, когда онъ очутился на свободѣ. Злоба въ его

сердцѣ доходитъ до того, что минутами онъ гордится своимъ отчужденіемъ отъ человѣка. Онъ былъ чуждъ людей, и ползъ и прятался, какъ змѣй, былъ золъ и дикъ, какъ барсъ пустынный. Сцена борьбы съ барсомъ одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы. Здѣсь нашла удовлетвореніе (хотя и минутное) та жажда борьбы, которой отличался Мцыри. Въ Мцыри представленъ человѣкъ сильный и гордый, который не можетъ существовать среди неудовлетворяющей его обстановки. Ему надо все или ничего. Весь разсказъ Мцыри о своихъ скитаніяхъ проникнутъ лирическимъ настроеніемъ. Здѣсь многое взято изъ личныхъ воспоминаній автора: одинокое дѣтство, мечтательность, жажда подвиговъ и тоска по любви и свободѣ. Поэтому, это произведеніе чрезвычайно субъективное. На немъ отразилось вліяніе Байрона. Это вліяніе сказалось, во-первыхъ, въ яркости красокъ описанія. Одну за другой поэтъ рисуетъ картины кавказской природы: горы, лѣса, ущелья, рѣки, водопады и т. д. Бѣлинскій такъ отзывается объ этихъ описаніяхъ: „Подробности и изложеніе этой поэмы изумляютъ своимъ исполненіемъ. Можно сказать, что поэтъ бралъ цвѣты у радуги, лучи у солнца, блескъ у молніи, грохотъ у громовъ, гулъ у вѣтровъ, что вся природа сама несла и подавала ему матерьялы, когда онъ писалъ эту поэму“. Далѣе вліяніе Байрона отразилось и въ самомъ характерѣ героя: угрюмый, непреклонный, гордый, чувствительный, чрезвычайно энергичный, безмолвно страдающій и т. д. Вообще, Байронъ имѣлъ болѣе сильное вліяніе на Лермонтова, чѣмъ на Пушкина. Это объясняется самимъ характеромъ Лермонтова. Лермонтовъ, подобно Байрону, во всѣхъ своихъ герояхъ рисуетъ самого себя. Въ романѣ **„Герой нашего времени“** главное дѣйствующее лицо Печоринъ съ такою же мятежною душою, какъ и Мцыри. Онъ не уживается съ мирною долею: его душа сроднилась съ битвами и бурями; онъ томится и вздыхаетъ на гостепріимномъ берегу, гдѣ ничто не можетъ удержать его. Но онъ къ тому же разочарованъ жизнью, страдаетъ сомнѣніемъ, скукой, жаждой забвенія, безнадежностью. Въ одномъ изъ разсказовъ даннаго романа, а именно въ **„Максимъ Максимовичъ“** художественно изображенъ старый русскій служака, штабсъ-капитанъ Максимъ Максимовичъ. Другой разсказъ изъ этого же романа **„Бэла“** знакомитъ насъ съ бытомъ, нравами горцевъ и тонко подмѣчаетъ душевную жизнь молодой черкешенки. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ разсказѣ знакомимся съ личностью Печорина.

По силѣ поэтическаго таланта Лермонтовъ занимаетъ мѣсто рядомъ съ Пушкинымъ, но характеръ его поэзіи иной. Отличительная черта его стиха—сила и энергія.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ (1808—1842). Обращеніе къ народной поэзіи, сдѣланное Пушкинымъ, дало возможность появиться поэтамъ изъ народа. Однимъ изъ крупныхъ народныхъ поэтовъ является Кольцовъ. Онъ былъ сынъ крестьянина Воронежской губ.; отъ природы даровитый и любознательный, первоначально самъ выучился кое-чему, потомъ продолжалъ самообученіе съ помощію своихъ земляковъ пріятелей. Много содѣйствовало его развитію знакомство съ нѣкоторыми литераторами Москвы и Петербурга. Отецъ его былъ прасолъ, т. е. торговецъ рогатымъ скотомъ; сыну съ раннихъ лѣтъ пришлось помогать отцу, путешествовать по степи, ночевать въ ней, а иногда и цѣлые дни проводить подъ открытымъ небомъ, среди народа. Такимъ образомъ, съ отроческихъ лѣтъ ему пришлось сблизиться съ народомъ, сочувствовать его радостямъ и горестямъ, восхищаться складомъ и мелодіей его пѣсенъ. Эта окружающая природа и народная жизнь и были источниками его поэзіи. Къ лучшимъ его пѣснямъ относятся: **„Пѣсня пахаря“**, **„Урожай“**, **„Лѣсъ“** (это стихотвореніе посвящено памяти Пушкина), **„Что ты спишь мужичекъ“**, **„Послѣдняя борьба“** и друг.

Николай Васильевичъ Гоголь (1809—1852) родился въ деревнѣ Васильевкѣ, имѣніи своихъ родителей, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Наслѣдственность дала Гоголю слабую физическую организацію, вслѣдствіе чего Гоголь всю жизнь страдалъ золотухой; отъ отца перешелъ юморъ и стремленіе разсказывать; а отъ матери религіозность съ мистическимъ оттѣнкомъ. Отецъ его былъ замѣчательный разсказчикъ юмористъ; своими разсказами онъ заставлялъ смѣяться своихъ гостей до-упаду. Къ тому же онъ былъ и писатель, хотя недаровитый, но не безъ таланта. Его малорусскія пьесы ставились на сценѣ домашняго театра Трощинскаго (родственника Г., очень знатнаго и богатаго помѣщика). Гоголь сынъ былъ въ числѣ актеровъ и такимъ образомъ впервые здѣсь познакомился со сценой. Мать Гоголя была необыкновенно религіозная. Религіозность ея носила мистическій и аскетическій характеръ. Это объясняетъ тотъ фактъ, что и Гоголь въ концѣ своей жизни былъ мистикомъ. Мать Гоголя, какъ женщина крайне религіозная, обращала особое вниманіе на религіозное воспитаніе дѣтей, но преимуществу на чисто-обрядовую сторону. Но тѣмъ не менѣе сумѣла заронить въ сынѣ глубокое религіозное чувство и это она сдѣлала своимъ непосредственнымъ религіознымъ созерцаніемъ. Большое вліяніе оказала на Гоголя природа Малороссіи, которую нашъ поэтъ такъ охарактеризовалъ:.. „въ ней все обильемъ дышетъ, и рѣки льются чище серебра, вѣтерокъ степной ковыль колышетъ, въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора“... Жизнь родителей Гоголя была тихая, мирная, довольная; желаніе ихъ, какъ и Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, не перелетало за частоколъ, окружа-

ющій дворъ. Слѣдовательно, обстановка, въ которой росъ Гоголь, была неприглядна. Характерной чертой до-школьнаго воспитанія было баловство. Оно развивало эгоизмъ. Дѣйствительно, въ характерѣ Гоголя находимъ сильно развитыя эгоистическія черты. Но гораздо важнѣе домашняго воспитанія было то, которое шло ненамѣренно, безсознательно изъ народной среды. Гоголь жилъ въ деревнѣ и, какъ большинство дѣтей малороссійскихъ помѣщиковъ, свободно вращался среди народа. Онъ познакомился и съ бытомъ его, и съ поэтическимъ наслѣдіемъ, съ природой сельской жизни, съ разсказами о малороссійской старинѣ, съ народными преданіями. Все это въ будущемъ должно было стать богатымъ источникомъ для его творчества. Крѣпостное право не имѣло никакого вліянія на Гоголя. Объясняется это отчасти тѣмъ, что въ малороссійскихъ деревняхъ оно было незамѣтно. Малороссійскіе крестьяне не чувствовали тяжести крѣпостничества. Они жили богато, а отношенія съ помѣщиками были патріархальны. Такимъ образомъ, эта сторона, вліявшая такъ сильно на другихъ писателей, для Гоголя не имѣла значенія. Когда Гоголю пошелъ 10-ый годъ, его отдали въ школу, въ Полтаву, а чрезъ годъ Гоголь поступилъ въ Нѣжинскую гимназію. Нѣжинская гимназія не дала Гоголю серьезныхъ знаній, но нельзя это объяснять только плохою постановкою учебнаго дѣла въ данной гимназіи,—многое надо отнести на счетъ лѣни и небрежности самого Гоголя. Но гимназія пріохотила къ литературнымъ занятіямъ, а гимназическіе спектакли развили его природный талантъ актера. По выходѣ изъ гимназіи, въ 1829, году онъ переселяется въ Петербургъ. Но вскорѣ послѣ испытанной имъ неудачи вступить на литературное поприще уѣзжаетъ на 2 мѣсяца за-границу. По возвращеніи своемъ Гоголь поступаетъ въ департаментъ удѣловъ (въ 1830 г.), гдѣ остается недолго. Такимъ образомъ, онъ знакомится съ чиновничьей средой. Періодъ отъ 1830—1832 г. является въ жизни Гоголя въ высшей степени важнымъ. Во-первыхъ, въ это время появляются обѣ части „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки", и съ этого момента начинается его литературная слава. Далѣе, въ это время онъ знакомится съ Жуковскимъ и, что особенно важно отмѣтить, съ Пушкинымъ. Вліяніе послѣдняго важно въ томъ отношеніи, что Гоголь впервые начинаетъ заниматься самоанализомъ, не какъ человѣкъ вообще, а какъ поэтъ. Онъ начинаетъ сознавать свою творческую силу и рѣшаетъ вопросы о задачахъ искусства—что такое искусство? каковы его задачи? что такое художникъ? объ отношеніи художника къ окружающему обществу, толпѣ и т. д. До этого времени Гоголь смотрѣлъ на искусство, только какъ на средства зарабатывать деньги. Успѣхъ первыхъ повѣстей былъ великъ. Объясняется это главнымъ образомъ тѣми толками народности, которыми были заняты страницы тогдашнихъ журналовъ. Вопросъ о народности возникъ въ связи съ дѣятельностью Пушкина. Но та народность, о которой говорили журналы 20-хъ годовъ, была однобокая народность, такъ сказать, простонародность. Но эта однобокость является историческимъ моментомъ, вполнѣ понятнымъ и естественнымъ. Повѣсти Гоголя „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки" явились откликомъ на требованіе народности. Дѣйствительно, въ нихъ впервые чрезвычайно широко изображена бытовая сторона. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ „Вечерахъ на хуторѣ" встрѣчаемъ смѣсь реалистическихъ элементовъ съ условностью, вычурностью изображенія романтиковъ. Всѣ любовныя сцены написаны далеко не реально, самое изображеніе представителей любви и ихъ рѣчи также не реальны. Эти повѣсти дали Гоголю славу писателя и познакомили съ литераторами, публицистами. Въ 1831 г. по протекціи Плетнева Гоголь дѣлается учителемъ географіи и исторіи въ женскомъ Патріотическомъ институтѣ; а въ 1834 г., благодаря своему сильному желанію, поступаетъ адъюнктомъ по кафедрѣ всеобщей исторіи. Но дѣятельность преподавателя, въ особенности же профессора, требовала серьезныхъ научныхъ знаній, которыми Гоголь не обладалъ, а потому вскорѣ покинулъ ее и отдался исключительно литературѣ. Что касается его творчества за это время, то въ 1831 г. была написана „Ссора И. И. съ Ив. Ник.", въ 1832 г.—„Старосвѣтскіе помѣщики", въ 1833—начата „Женитьба", въ 1834—„Тарасъ Бульба", „Невскій проспектъ", „Записки сумасшедшаго" и начатъ „Ревизоръ"; въ 1835 году начаты „Мертвыя души", написана „Коляска" и „Портретъ"; а въ 1836 году оконченъ „Ревизоръ" и написанъ „Носъ". Въ **„Старосвѣтскихъ помѣщикахъ"** находимъ яркое реальное описаніе быта малороссійскихъ помѣщиковъ. Изображеніе чувствъ этихъ старичковъ чуждо всякихъ прикрасъ. На ряду съ идилліей находимъ тоску и тоску довольно глубокую. Этотъ лпризмъ тоски остатокъ отъ романтическаго направленія прежнихъ лѣтъ. Въ повѣсти **„Тарасъ Бульба"** Гоголь хотѣлъ изобразить прошлое своей родины. Въ ней находимъ также много романтическихъ чертъ. Это объясняется тѣмъ, что Гоголь былъ недоволенъ малороссійскими лѣтописями и опирался не на нихъ, а на устныя преданія: въ лѣтописяхъ онъ не находилъ ничего яркаго для изображенія жизни его родины.

Въ 36 г., когда вышло первое изданіе „Ревизора", въ душевной жизни Гоголя произошелъ переломъ, который чрезъ 16 лѣтъ привелъ его къ роковой развязкѣ. Этотъ фактъ находится въ тѣсной связи съ той встрѣчей, которую оказала русское общество „Ревизору". Гоголя глубоко поразило невѣжество русскаго общества. И вотъ,

чтобы разсѣять свою тоску, онъ уѣхалъ за-границу. Съ этого времени начинается его жизнь за-границей съ частыми пріѣздами въ Россію. Въ 42 г. Гоголь, будучи въ Россіи, выпустилъ I-ый томъ „Мертвыхъ душъ“ и уѣхалъ за-границу въ тотъ день, когда „Мертвыя души“ вошли въ продажу. Критиками и отзывами онъ остался крайне недоволенъ. Съ „Мертвыми душами“ Гоголь связывалъ какое-то проповѣдничество, пророчество. Онъ боялся, что сдѣлалъ рядъ ошибокъ и хотѣлъ исправить ихъ, но не одинъ голосъ не указалъ, что ему было нужно. Съ 43 года болѣзнь неврастенія, а въ связи съ ней ипохондрія, которая впервые сказалась сильно въ 37 году, принимаетъ большую форму. Наряду съ развитіемъ болѣзни усиливается религіозное настроеніе. Гоголь читаетъ Житія Святыхъ, вдумывается въ ученіе Евангелія и, наконецъ, рѣшаетъ совершить паломничество въ Іерусалимъ, чтобы искупить прежнюю грѣховную жизнь. Въ 44 г. подготовляетъ къ печати II томъ „Мертвыхъ душъ“, но не выпускаетъ, а рѣшаетъ его сжечь, такъ какъ считаетъ не только безполезнымъ все, что до сихъ поръ писалъ, но даже грѣховнымъ. Въ 46 г. Гоголь издаетъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьми“. Въ этомъ произведеніи съ особенной силой сказалось мистическое настроеніе даннаго періода. Въ немъ онъ высказывалъ мысль, что считаетъ всю свою прежнюю дѣятельность ненужною, вредною. Въ это время онъ входитъ въ тѣсное сношеніе съ ржевскимъ священникомъ о. Матвѣемъ. Это былъ необыкновенно религіозный человѣкъ, съ яркимъ аскетическимъ міросозерцаніемъ. Его можно сопоставить съ древними сподвижниками, молчальниками, столпниками. При необычайно сильной волѣ онъ обладалъ недюжиннымъ умомъ. Онъ всегда всѣхъ, съ кѣмъ только входилъ въ общеніе, заражалъ своею вѣрою. Гоголь всецѣло подчинился вліянію о. Матвѣя и старался воспринять всѣ мысли этого фанатика. Онъ изучалъ монашескіе уставы, постился, несмотря на слабость тѣла и всѣ протесты врачей. Таковы были послѣдніе дни нашего геніальнаго писателя. Утромъ 21 февраля 1852 года Гоголя не стало.

„Мертвыя души“. Сюжетъ данъ Гоголю Пушкинымъ, какъ самъ Гоголь говоритъ объ этомъ въ Авторской исповѣди. Въ этой поэмѣ Гоголь хотѣлъ представить русскій народъ со всѣми его богатыми способностями, добродѣтелями и со всѣми слабостями и недостатками. Главный герой—Чичиковъ, плутъ пріобрѣтатель, разъѣзжавшій по Россіи и скупавшій мертвыя души, чтобы населить ими уголъ въ Херсонской или Таврической губ. Похожденія Чичикова служатъ только связующимъ звеномъ поэмы. Въ первомъ томѣ представлены отрицательные типы помѣщиковъ, которыхъ цивилизація или мало коснулась, или не коснулась вовсе. Таковы: Маниловъ — представитель мечтательной праздности; Коробочка—невѣжественная суевѣрная хозяйка скопидомка; Ноздревъ—человѣкъ дѣятельный, энергичный, но вся энергія котораго направлена на отрицательныя стороны,—онъ хвастунъ, забіяка, лгунъ; Собакевичъ—кулакъ помѣщикъ; Плюшкинъ—типъ скряги. Во II томѣ „Мертвыхъ душъ“, кромѣ отрицательныхъ типовъ, каковы Тѣнтѣтниковъ, Пѣтуховъ, Бетрищевъ, выведены и положительные — Улинька, Костанжогло, Муразовъ. Но они вышли очень неудачными, это сознавалъ и самъ авторъ и высказалъ въ письмѣ, что „людей добродѣтельныхъ, героевъ въ головѣ не выдумаешь“, если ихъ нѣтъ въ наличной дѣйствительности.

„Ревизоръ“. Въ этой комедіи находимъ типы не только общерусскіе, но и общечеловѣческій, хотя въ тоже время онъ не лишенъ индивидуальности. Всякій типъ только тогда и художественъ, когда имѣетъ индивидуальныя черты. Но изображая только индивидуальныя черты, художникъ даетъ фотографію; если же художникъ задастся цѣлью изобразить только общечеловѣческія черты, тогда получится символъ. Такимъ образомъ, художественный типъ только тогда и цѣненъ, когда онъ не символъ и не портретъ. Такимъ общечеловѣческимъ типомъ въ комедіи „Ревизоръ“ является Хлестаковъ. Самъ Гоголь такъ говоритъ о немъ: „Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но натурально въ этомъ не хочетъ только признаться, онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной... Словомъ, рѣдко, кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни—дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ“... Всѣ остальные типы общерусскіе, каждый изъ нихъ со своими отличительными чертами. Добчинскаго и Бобчинскаго Гоголь называетъ городскими сплетниками, лгунами, болтунами. Эти люди, выброшенные судьбою для чужихъ надобностей, а не для своихъ собственныхъ. Идея комедіи—представить всѣ безмятежныя злоупотребленія невѣжественныхъ провинціальныхъ властей—ихъ взяточничество, плутни, самоуправство, пока не потребовало отъ нихъ отчетъ высшее правосудіе.

Всѣ произведенія Гоголя, напр., „Шинель“, „Какъ поссорился Ив. Ив. съ Ив. Ник.“, „Женитьба“, „Старосвѣтскіе помѣщики“ и проч., дышатъ проповѣдью любви къ слабымъ, меньшимъ, забитымъ судьбою. Но въ то же время Гоголь заставляетъ читателей смѣяться надъ внѣшностью своихъ героевъ, потому что она не соотвѣтствуетъ сущности. Этотъ смѣхъ примиряетъ, оживляетъ, но съ другой стороны, караетъ, вызываетъ, на борьбу со зломъ, пошлостью. Никто не могъ такъ какъ Гоголь обнаружить пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула крупно всѣмъ въ глаза. Самъ

Гоголь придавалъ большое значенie своему смѣху. Объ этомъ онъ говоритъ въ „Театральномъ разъѣздѣ“, написанномъ на основанiи разговоровъ, которые онъ слышалъ во время театральнаго разъѣзда послѣ представленiя „Ревизора“. Этими толками Гоголь оставался недоволенъ, потому что среди героевъ не замѣтили главнаго героя—смѣха. „Странно, говоритъ онъ, мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей пьесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее во все продолженie ея. Это честное благородное лицо былъ смѣхъ“. Но смѣхъ Гоголя въ основѣ своей глубоконравственный, примиряющiй, позволяющiй чувствовать радость жизни. Въ этомъ видимомъ мiру смѣхѣ таятся незримыя, невѣдомыя ему слезы о человѣкѣ, существѣ, созданномъ по образу и подобiю Божiю, т. е. о томъ, что есть человѣкъ и чѣмъ онъ долженъ быть. Такое соединенie смѣха съ горечью, скорбью составляетъ отличительную черту юмора. Юморъ проходитъ чрезъ всѣ произведенiя Гоголя.

Значенie литературной дѣятельности Гоголя прекрасно указано Пыпинымъ въ юбилейной рѣчи Гоголю 1902 г. Оно состоитъ въ томъ, что Гоголь впервые направилъ генiальное художественное творчество не на отвлеченныя темы искусства, не на одинъ спокойный, часто какъ бы безстрастный эпосъ, но именно на прямую житейскую обыденную дѣйствительность. Такимъ образомъ, Гоголь сдѣлался родоначальникомъ натуральной школы. Онъ вложилъ въ свой трудъ всю страсть исканiя правды, любви къ простому человѣку, защиты его права и достоинства; обличенiя всякаго нравственнаго зла, окружающаго нашу жизнь—онъ сталъ поэтомъ дѣйствительности.

Эта морализирующая тенденцiя легла въ основу всей послѣдующей литературы. Ближайшими послѣдователями Гоголя являются—Гончаровъ, Тургеневъ и Островскiй. Со времени Гоголя русская литература вполнѣ выступаетъ на новый самостоятельный путь и съ этого времени въ западноевропейскомъ обществѣ пробуждается интересъ къ русской литературѣ.

Теорiя словесности.

Теорiя словесности есть ученie о сочиненiяхъ. Она раздѣляется на ученie о сочиненiяхъ вообще, на ученie о сочиненiяхъ прозаическихъ или теорiю прозы и на ученie о сочиненiяхъ поэтическихъ или теорiю поэзiи.

Понятiе о сочиненiи вообще. Каждое сочиненie будетъ состоять изъ слѣдующихъ элементовъ: темы, содержанiя, плана, изложенiя и основной идеи. Всѣ эти элементы располагаются въ вышеприведенномъ порядкѣ. Онъ обусловливается послѣдовательностью моментовъ работы. *Темой* будетъ то, что выбирается предметомъ сочиненiя. Послѣднимъ же можетъ быть все, что занимаетъ въ природѣ извѣстное пространство (т. е. всѣ предметы натуральные и искусственные); все, что совершается во времени (т. е. всѣ дѣйствiя и событiя); а также все, что находится въ нашемъ умѣ (т. е. отвлеченныя понятiя). Возьмемъ для примѣра „Соборъ въ Севильѣ“ Д. Григоровича. Темой будетъ „Соборъ въ Севильѣ“. Въ *содержанiе* войдутъ всѣ мысли о данномъ предметѣ, все, что мы будемъ о немъ писать. Такъ содержанiемъ „Соборъ въ Севильѣ“ будетъ слѣдующее:

„Сверху онъ представляется цѣлымъ кварталомъ сѣрыхъ каменныхъ зданiй, соединенныхъ въ одно цѣлое. Сначала глазамъ не вѣришь, что всѣ эти террасы, окруженныя каменными балясинами и идущiя одна за другою, что это безчисленное множество верхушекъ, сводовъ и каменныхъ куполовъ, что весь этотъ лѣсъ башенъ, готическихъ стрѣлокъ, контрфорсовъ — принадлежитъ одному строенiю.

Размѣры собора еще болѣе увеличиваются, когда сойдешь внизъ и начнешь оглядывать его у основанiя. Въ наружности его нѣтъ и не могло быть одинаковаго, обще-характернаго стиля. Онъ начатъ еще арабами; главная часть мечети и теперь совершенно цѣла; она выходитъ на дворъ, сохранившiй прежнее свое назначенie сада; цѣлъ даже фонтанъ, гдѣ мусульмане совершали омовенie; дворъ обсаженъ громадными апельсинными деревьями; они, говорятъ, посажены еще арабами. Въ четырнадцатомъ столѣтiи къ мечети, обращенной въ церковь, начали пристраивать новый храмъ. Соборный причтъ, владѣвшiй тогда несмѣтными сокровищами, принесъ въ жертву на постройку его всѣ свои доходы, оставя для себя только

необходимое. Такъ опредѣлено было по обѣщанію. Основаніемъ плану служила такая мысль: построить храмъ, какого еще не было на землѣ христіанской, которому бы міръ удивился! Надо сказать,—цѣль была вполнѣ достигнута. Для выполненія ея, конечно, много способствовали громадныя средства; но сравнительно съ тѣмъ, что осуществилось, средствъ однихъ было мало: къ такому результату могло только привести религіозное, фанатическое увлеченіе, которое тогда вдохновляло каждое отдѣльное лицо и управляло всѣмъ обществомъ. Съ постепеннымъ ослабленіемъ религіознаго чувства въ Испаніи, постройка собора замедлялась и, наконецъ, вовсе остановилась; теперь, по всей вѣроятности, онъ уже никогда не окончится.

Приподнявъ кожаный фартукъ, которымъ завѣшиваются здѣсь церковныя двери, и войдя во внутренность собора, человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, чувствуетъ себя приплюснутымъ, уничтоженнымъ, превращеннымъ въ муху.

Пять длинныхъ стрѣльчатыхъ сводовъ чистѣйшаго стиля первой эпохи готики, скрещиваясь между собою, составляютъ потолокъ; его поддерживаютъ ряды колоннъ, которыя у капителей кажутся тоненькими, между тѣмъ какъ у основанія онѣ толщиною съ башню; средній сводъ высоты необъятной: подъ нимъ свободно могла бы умѣститься Ивановская колокольня. По всей окружности собора, вдоль внутреннихъ стѣнъ, идутъ счетомъ восемьдесятъ придѣловъ и отдѣльныхъ часовенъ; многіе изъ нихъ могутъ служить большими церквами; въ общей громадѣ размѣровъ ихъ почти не замѣчаешь.

Все это строилось отдѣльными лицами или семействами изъ поколѣнія въ поколѣніе, и строилось со времени основанія собора до конца прошлаго столѣтія. Тутъ можете вы прослѣдить всевозможные стили архитектуры, отъ строгаго готическаго до напыщеннаго рококо, который, попавъ подъ руки испанскихъ художниковъ, превзошелъ богатствомъ орнаментаціи и фантазіей всѣ границы самаго необузданнаго воображенія. Скульптурныя изображенія сценъ изъ ветхаго и новаго завѣта и святыхъ изъ бронзы, кости, серебра, мрамора и дерева; рѣзьба изъ всевозможныхъ камней и деревъ; колонны, карнизы и фронтоны изъ порфира, яшмы, хрусталя, мрамора и обожженной расписной глины; мозаики и рѣдкія картины украшаютъ безчисленныя ниши и выступы этихъ придѣловъ; престолы ихъ уставлены, кромѣ того, распятіями, маленькими статуйками, драгоцѣнными подсвѣчниками, складнями, дарохранительницами, цвѣтами въ вазахъ самой тонкой художественной работы. Стѣны между этими отдѣльными часовнями украшены статуями, барельефами и картинами первоклассцѣйшихъ живописцевъ и скульпторовъ Испаніи.

Но желаніе дать обо всемъ хотя даже приблизительное понятіе было бы безуміемъ. Бывая здѣсь каждый день въ продолженіе круглаго года, всѣ-таки невозможно всего высмотрѣть. Умъ теряется, голова идетъ кругомъ при одномъ воспоминаніи такого страшнаго изобилія чудесъ искусства; они разсыпаны здѣсь съ тою невѣроятною щедростью, о которой могутъ дать понятіе однѣ развѣ церкви Италіи и Сициліи.

Соборъ освѣщается восьмидесятью тремя окнами, расписанными сюжетами изъ священнаго писанія. Такъ какъ окна расположены на значительной высотѣ и обходятъ вокругъ внутреннія стѣны,—солнце освѣщаетъ ихъ попеременно, проходя свой дневной кругъ. Въ какое время ни пойдешь въ соборъ, лучи солнца, пронизывая съ той или другой стороны окна и окрашиваясь яркими цвѣтами, опускаются радужными полосками въ сумрачный полусвѣтъ величаваго зданія.

На мои глаза, главное чудо этого общаго чуда—это иконостасъ и хоры—мѣсто, гдѣ органъ и куда во время службы собирается причтъ для пѣнія псалмовъ и молитвъ. Они расположены другъ противъ друга и занимаютъ средину главнаго свода.

Иконостасъ отгороженъ высокой бронзовой рѣшеткой; за нею во всю ширину свода, отъ колоннъ до колоннъ, идутъ мраморныя ступени, оканчивающіяся площадкой: тутъ главный престолъ. Глаза ослѣпляются звѣздами изъ драгоцѣнныхъ камней, мерцаніемъ огней сотенъ паникадилъ, блескомъ налоевъ, шитыхъ жемчугомъ и золотомъ, богатствомъ утвари, столько же драгоцѣнной по работѣ, сколько по цѣнности. За престоломъ все пространство между колоннами замыкается иконостасомъ, который въ вышину равняется высотѣ свода. Онъ весь изъ дерева; ряды барельефовъ идутъ одинъ за другимъ; о числѣ ихъ можете судить уже потому, что на иконостасѣ изображенъ ветхій и новый завѣтъ: каждый барельефъ обрамленъ широкой деревянной рѣзной каймой, покрытой херувимчиками, фигурами, ангелами, святыми; все это путается съ листьями, плодами, орнаментами, фантастическими химерами; страшное богатство воображенія озадачиваетъ не менѣе, чѣмъ самое выполненіе; каждый узоръ рѣзца показываетъ сознательнаго, сильнаго мастера; ничтожнѣйшая мелочь пройдена съ любовью, а между тѣмъ все бойко, смѣло, проникнуто огнемъ истиннаго вдохновенія.

Хоры точно также всѣ деревянныя. Вы входите въ замкнутое пространство, открытое только сверху; оно вокругъ исполосовано высокими монументальными сѣдалищами, усыпанными изящнѣйшей рѣзьбой. Надъ хорами возвышается одинъ изъ самыхъ большихъ католическихъ органовъ; трубы его, толстыя, какъ колонны, украшены также деревянною рѣзьбой. Въ хорѣ участвуютъ болѣе ста пятидесяти человѣкъ, не считая сотни дѣтей, кото-

рыя подтягиваютъ дискантомъ, занимаясь въ то же время перелистываньемъ пудовыхъ нотныхъ книгъ, воздвигнутыхъ на вертящихся скульптурныхъ налояхъ.

Случалось, въ это самое время войдешь въ соборъ: человѣческіе голоса и звуки органа теряются въ отдаленіи; прислушиваешься, — точно поютъ нѣсколько серафимовъ, которые спрятались гдѣ-нибудь подъ завиткомъ или гранью въ неизмѣримой вышинѣ главнаго свода.

Между хорами и иконостасомъ возвышается бронзовый подсвѣчникъ; его примешь сначала за памятникъ, поставленный надъ могилою какого-нибудь важнаго прелата; онъ служитъ поддержкою восковой свѣчи, въ которой двѣ тысячи пятьдесятъ фунтовъ вѣсу; это цѣлая мачта! Въ годъ сжигается въ соборѣ двадцать тысячъ фунтовъ воску и столько же фунтовъ масла; краснаго вина на совершеніе тайны причащенія выходитъ до восемнадцати тысячъ литровъ; всякій день въ восьмидесяти придѣлахъ происходитъ до пятисотъ службъ. Поэтому предоставляю вамъ сдѣлать окончательный выводъ о размѣрахъ Севильскаго собора. Размѣрамъ этимъ, надо замѣтить, отвѣчаетъ богатство сокровищъ, которыя намъ показывали въ ризницѣ: здѣсь буквально нагромождены горы золота, серебра, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней; мы видѣли, между прочимъ, огромныя часовни и модели храмовъ изъ золота и серебра; ихъ выносятъ иногда во время церковныхъ процессій; одна изъ нихъ помѣщается на особыхъ парадныхъ носилкахъ, которыя могутъ поднять не менѣе сорока человѣкъ. Разные шкапы, обступающіе кругомъ стѣны ризницы, биткомъ набиты драгоцѣнною утварью и ризами, которымъ цѣны нѣтъ. Словомъ, описать соборъ и все, что въ немъ заключается, невозможно; при одномъ воспоминаніи голова идетъ кругомъ, и мысли путаются".

Какъ видимъ, мысли содержанія данной темы расположены въ извѣстномъ порядкѣ. Такое послѣдовательное развитіе мыслей составляетъ *планъ* темы. Планъ данной темы будетъ слѣдующій: 1) общій видъ собора сверху; 2) исторія постройки собора; 3) впечатлѣніе, производимое внутреннимъ видомъ собора; 4) внутренній видъ собора (своды и колонны, придѣлы и часовни, скульптура, мозаика, статуи, барельефы и картины); 5) невозможность дать подробное описаніе собора; 6) освѣщеніе собора; 7) иконостасъ; 8) органъ; 9) подсвѣчникъ; 10) расходъ воска, вина и масла, и количество ежедневныхъ службъ; 11) богатство ризницы; 12) невозможность подробнаго описанія.

Чтобы получилось сочиненіе, писатель, составивъ планъ, долженъ выразить свои мысли словами. Воспроизведеніе мыслей словами называется *изложеніемъ*. Что касается основной идеи, то она можетъ быть, но можетъ и не быть, смотря по темѣ. Иногда основная идея заключается въ самой темѣ; иногда она не находится въ непремѣнной связи съ темой, въ такомъ случаѣ она должна быть указана. Каждая тема въ зависимости отъ *основной идеи* можетъ быть разработана съ различныхъ точекъ зрѣнія. Напр., въ данномъ изложеніи основная идея—громадность и величественность собора. Темы „Лѣсъ" можетъ быть основная идея—польза человѣку или флора. Основная идея „Лѣсъ" Аксакова—лѣсъ—краса природы; „Классная комната" Л. Толстого—порядокъ Карла Ивановича и безпорядокъ дѣтишекъ; „Комната Плюшкина" — скупость, мелочность и неряшливость хозяина.

1. Задача. Составить планъ темъ „Лѣсъ" Аксакова, „Классная комната" Л. Толстого, „Комната Плюшкина" Гоголя.

2. Задача. Самостоятельно выбрать тему, обдумать, т. е. приготовить содержаніе, сообразуясь избранной основной идеѣ, составить планъ и изложить.

Форма изложенія можетъ быть *монологическая, діалогическая и эпистолярная.* Первая служитъ выраженіемъ мыслей, чувствъ автора самому себѣ, причемъ самъ онъ и возражаетъ и опровергаетъ и доказываетъ. Этотъ способъ самый употребительный; встрѣчается онъ во всѣхъ родахъ сочиненій. Діалогическая или разговорная форма состоитъ въ томъ, что авторъ развиваетъ свою мысль въ разговорѣ между двумя или нѣсколькими лицами, напр., во всѣхъ драматическихъ произведеніяхъ. Эпистолярная форма есть изложеніе въ видѣ писемъ: Напр., „Письма русскаго путешественника" Карамзина.

Характеръ изложенія называется *слогомъ* или стилемъ. Слогъ дѣлится на простой или **прозаическій** и картинный или **поэтическій**. Первый способъ выраженія даетъ ясныя, точныя понятія; онъ долженъ говорить уму читателя. Такимъ слогомъ обыкновенно излагаются науки, т. е., когда передаются извѣстныя фактическія свѣдѣнія или мысли. Поэтическій способъ выраженія даетъ живой образъ, живое представленіе; онъ говоритъ воображенію, чувству. Онъ—необходимая принадлежность всѣхъ родовъ поэзіи.

Что касается до прозаическаго слога, то мы должны, во первыхъ, соблюдать **правильность**, которая состоитъ въ соблюденіи этимологическихъ и синтаксическихъ правилъ даннаго языка.

Во-вторыхъ, **чистоту** языка, которой мѣшаютъ: 1) *Архаизмы*, т. е. старыя слова и обороты, вышедшіе уже изъ употребленія, напр.: *оный, поелику*; дательный самостоятельный падежъ. Но историкъ и поэтъ вправѣ пользоваться архаизмами въ изображеніи далекаго прошлаго для приданія колорита времени своему разсказу.

2) *Неологизмы*, т. е. новыя слова, не получившія права гражданства въ данномъ языкѣ и обыкновенно составленныя безъ всякой надобности,

напр., *мокроступы* (Шишковъ) вм. галоши; *земленаука* вм. географія.

3) *Варваризмы*, т. е. иностранные слова и обороты, употребляемые безъ всякой надобности; напр., *ситуація* вм. положеніе; *руины* вм. развалины. *Она слишкомъ умна, чтобы сказать глупость* (франц. оборотъ); по-русски: она такъ умна, что не скажетъ глупости.

Подобныя заимствованія носятъ различныя названія, смотря по тому, отъ какого народа они перешли: германизмами, галлицизмами, латинизмами, полонизмами и т. д.

4) *Провинціализмы*, т. е. слова и обороты, свойственные одной какой-нибудь области, мѣстности, но не всему литературному языку; напр., *эфта* вм. это; *крятается* вм. идетъ. Для приданія колорита мѣстности писатель можетъ пользоваться провинціализмами, но крайне осторожно.

Въ-третьихъ, должны соблюдать **ясность** слога, которая состоитъ въ томъ, чтобы излагаемое можно было понимать легко, свободно, безъ всякаго усилія ума.

Въ-четвертыхъ,—**точность** слога, которая достигается 1) умѣстнымъ употребленіемъ *синонимовъ*, (т. е. подобнозначащихъ словъ, но съ особыми оттѣнками), напр.; *смѣлый, храбрый, отважный, неустрашимый; сильный, могучій* и т. д. Нагроможденіе синонимовъ вредитъ точности.

Далѣе точности мѣшаютъ 2) *плеоназмы*, т. е. употребленіе 2-хъ понятій, при чемъ одно заключается въ другомъ, напр., *бѣдный нищій.* 3) *Тавтологія*, т. е. повтореніе одного и тоже корня въ двухъ или нѣсколькихъ рядомъ стоящихъ словахъ и повтореніе понятія, (сперва выражается оно положительно, а потомъ отрицательно); напр., *вѣкъ вѣковать; мосты мостить; думою сдумать; мала—не величка.* 4) *Параллелизмы*, т. е. повтореніе одной и той же мысли разными словами, напр., „Русскіе бились храбро; воины Мстислава явили себя героями“. Карамз.

Въ рѣчи поэтической, какъ и въ живой разговорной, удачные синонимы, плеоназмы, тавтологія и параллелизмы являются украшеніемъ.

Картинность или изобразительность слога. Картинности слога способствуютъ *эпитеты, сравненіе, олицетвореніе, тропы* и *фигуры.*

Эпитетъ изъ массы признаковъ выдѣляетъ характерный, выдающійся. Напр., *синее* море, *быстроногій* Ахиллесъ, *хитроумный* Одиссей, *трепетно-листная* осина, *бѣлоствольная* береза, *сѣрый* волкъ. Среди эпитетовъ надо отличать постоянные, встрѣчающіеся въ народной поэзіи, напр., поле *чистое,* конь *борзый,* солнце *красное, добрый* молодецъ, руки *бѣлыя* и т. д. Это постоянство народныхъ эпитетовъ объясняется слѣдующими причинами. Въ народѣ сохраняются поэтическія произведенія, созданныя какими-нибудь выдающимися поэтами. Народъ бережетъ ихъ и передаетъ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Какъ мы, будучи не въ состояніи создавать своими силами поэтическія произведенія, повторяемъ созданія поэтовъ, употребляемъ ихъ изреченія даже въ разговорѣ, цитируемъ ихъ, такъ и народъ повторяетъ произведенія своихъ забытыхъ поэтовъ. Отсюда являются постоянные народные эпитеты. Художники вообще отличаются отъ обыкновенныхъ людей тѣмъ, что они обладаютъ особымъ свойствомъ подмѣчать лишь характерныя черты и, подмѣтивъ ихъ, выражать образнымъ языкомъ. Обыкновенные люди повторяютъ ихъ образы. Слѣдовательно, трудность созданія эпитетовъ, да и вообще образныхъ выраженій, недоступность для простыхъ людей является причиной ихъ постоянности.

Сравненіе такой оборотъ, когда для приданія большей силы однимъ понятіямъ и предметамъ сопоставляемъ ихъ съ другими предметами. Напр., „Ты въ даль протянулась—*пряма, какъ стрѣла...; Какъ вѣтеръ,* пѣснь его свободна“...

Но кромѣ положительныхъ сравненій встрѣчаются и особенно часто въ народной поэзіи—положительно—отрицательныя и отрицательныя сравненія. Напр.

1) „Скачетъ груздочекъ по ельничку
Ищетъ груздочекъ бѣляночку; } положительное —
отр. { Не груздочекъ скачетъ—дворянскій сынокъ,
Не бѣляночку ищетъ — дворяночку“...
(Нар. пѣсн.).

2. отр. { „Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей:
За Волгой, ночью, вкругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась“... (Пушк.).

Олицетвореніемъ называютъ такой оборотъ рѣчи, который безжизненныя, отвлеченныя понятія представляетъ живыми и чувствующими. Напр., въ стихотвореніи Некрасова „Морозъ“ олицетворенъ морозъ; *жадный* мечъ; *встала* обида въ *силахъ* Даждь—бога внука, *вступила* дѣвою на землю Троянову.

Картинности слога помогаютъ *тропы*, т. е. слова, употребляемыя въ переносномъ, иносказательномъ значеніи. Къ нимъ относятся: 1) *метафора*, 2) *метонимія,* 3) *аллегорія,* 4) *гипербола*, 5) *иронія* 6) *синекдоха.*

Метафора есть употребленіе слова, означающаго понятіе конкретное вм. слова, означающаго понятіе абстрактное, напр., *желѣзный* характеръ, *глубокія* познанія, *бархатная* кожа.

На олицетвореніе можно также смотрѣть, какъ на особый видъ метафоры.

Метонимія есть замѣна одного понятія другимъ, напр.: 1) названіе мѣста вм. людей, живущихъ въ немъ. *Вся Москва* вышла навстрѣчу. 2) названіе времени вм. людей, жившихъ тогда—„такъ смотрѣлъ на науку *XVI вѣкъ*“. 3) названіе матеріала вм. вещи изъ него сдѣланной—„не

то, что на серебрѣ, на золотѣ ѣдалъ". 4) названіе символа вм. самого понятія — *лавры* вм. славы; *голубь* вм. невинности. 5) названіе автора вм. произведенія—*читать Л. Толстого*. 6) Названіе части вм. цѣлаго; единственнаго числа вм. множественнаго—*Шведъ, Русскій* колетъ, рубитъ, рѣжетъ. Этотъ послѣдній видъ метониміи носитъ еще названіе *синекдохи*.

Аллегорія (иносказаніе) есть соединеніе нѣсколькихъ метафорическихъ выраженій въ одну картину. Напр., почти всѣ басни носятъ аллегорическій смыслъ.

Гипербола есть чрезмѣрное преувеличеніе или уменьшеніе, напр., слезы текутъ *ручьями*; потъ катился *градомъ*; онъ безсильнѣе *мухи*.

Иронія (насмѣшка)—такое выраженіе, которое понимать должно въ обратномъ смыслѣ, напр.

1) „Отколѣ, *умная*, бредешь ты, голова?"
Лисица, встрѣтяся съ Осломъ, его спросила.
2) „Ты все пѣла? *Это дѣло!*
Такъ поди же, попляши!"

Злая иронія, выражающая негодованіе и презрѣніе, называется *сарказмомъ*, напр., „Радуйся, *Царю Іудейскій!*" говорили воины Христу.—Или въ „Борисѣ Годуновѣ" Пушкина Шуйскій говоритъ о Годуновѣ:

„Какая *честь* для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха".

Кромѣ троповъ изобразительности рѣчи способствуютъ **фигуры**. Фигурами называются такіе обороты рѣчи, которые возникаютъ подъ вліяніемъ сильнаго чувства. Главнѣйшіе виды фигуръ слѣдующіе: 1) *Эллипсисъ*, 2) *повтореніе* 3) *умолчаніе*, 4) *обращеніе*. *Эллипсисъ* — пропускъ нѣкоторыхъ легко подразумѣваемыхъ членовъ предложенія: напр.,

1) „Сокровищъ нѣтъ у насъ въ домахъ!
Тамъ стрѣлы и колчуги!
Мы села—въ пепелъ, грады — въ прахъ,
Въ мечи—серпы и плуги". (Жуков.).
2) „Бой барабанный, клики, скрежетъ".
(Пушк).

При эллипсисѣ обыкновенно пропускается сказуемое.

Повтореніе бываетъ отдѣльныхъ словъ, полустиховъ, цѣлаго ряда стиховъ. Сюда относятся и припѣвы.

Умолчаніе нѣкоторыхъ словъ въ предложеніи подъ вліяніемъ сильнаго наплыва чувствъ, напр.:

„А я... отъ горькихъ, горькихъ слезъ
И свѣтъ въ очахъ затмился"... (Жук.).
„Вошелъ... Ахъ, новость, да какая!" (Пушк.).

Примѣръ въ сценѣ „Скупой рыцарь" Пушкина.

Обращеніемъ называются вопросы и восклицанія, выражающіе сомнѣніе, просьбу, негодованіе, жалобу и проч. и обращенные или къ самому себѣ, или къ другимъ людямъ, или къ природѣ, или, наконецъ, къ Богу; напр.,

1) „Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла" и т. д. (Лерм.).
2) „Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно?
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ?"... (Лерм.).

Благозвучіе слога. Какъ прозаическій, такъ и поэтическій слогъ одинаково требуютъ благозвучія, которое нарушается повтореніемъ одного и того же слова въ разныхъ формахъ, стеченіемъ словъ однозвучныхъ и сопоставленіемъ словъ, происходящихъ отъ одного и того же корня. Напр., 1) Солдаты, *которые* подошли къ непріятелю, *которому* не дали объ этомъ знать лазутчики, сдѣлали залпъ. 2) *Я и у* отца *ея и у ея* дяди.

3. Задача. Въ поэмѣ „Мцыри" указать всѣ эпитеты, сравненія, олицетворенія, тропы и фигуры.

Стихосложеніе. Благозвучіе поэтической рѣчи достигается еще при помощи стиха. Стихъ — это плавная рѣчь, плавность которой заключается въ послѣдовательномъ повышеніи и пониженіи. Во всѣхъ европейскихъ языкахъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, извѣстны три рода стихосложенія: *метрическое, силлабическое* и *тоническое*.

Метрическое—основано на долготѣ и краткости слоговъ. Таково стихосложеніе было у древнихъ грековъ и римлянъ. Русскому языку оно несвойственно—въ немъ нѣтъ дѣленія гласныхъ на долгіе и короткіе.

Силлабическое—основано на числѣ слоговъ въ каждомъ стихѣ. Наименьшее число слоговъ можетъ быть 4, а наибольшее 13. Такое стихосложеніе свойственно только тѣмъ языкамъ, въ которыхъ удареніе въ словахъ находится всегда на одномъ и томъ же опредѣленномъ мѣстѣ; такъ, напр., во французск. яз., польскомъ (на предпослѣднемъ слогѣ). Русскому языку оно не свойственно, потому что относительно ударенія онъ представляетъ большое разнообразіе: встрѣчается удареніе то въ началѣ слова, то въ срединѣ, то въ концѣ. Тѣмъ не менѣе въ 17 и въ 18 столѣтіи употребляли и у насъ силлабическіе стихи, перенявъ ихъ у поляковъ. Примѣръ силлабическаго стихосложенія представляетъ сатира Кантеміра „Къ уму своему".

Тоническое стихосложеніе основано на повышеніи (ударные) и пониженіи (неударные) слоговъ. Оно свойственно русскому и нѣмецкому языкамъ. Открылъ тоническое стихосложеніе Тредьяковскій, только онъ не могъ свою теорію подтвердить, укрѣпить на практикѣ, вслѣдствіе низкаго качества своихъ стиховъ. Почти одновременно съ нимъ, но безъ всякаго съ его стороны вліянія, Ломоносовъ написалъ въ 1739 г. оду „На взятіе Хотина" тоническимъ стихосложеніемъ.

Въ стихѣ наблюдаемъ ритмъ, какъ и во всѣхъ правильныхъ движеніяхъ, подчиненныхъ извѣстнымъ правиламъ. Ритмическою единицею стиха

будетъ стопа, т. е. высокій слогъ съ принадлежащими къ нему низкими.

Стопы бываютъ двухсложныя и трехсложныя. Эти стопы заимствованы съ метрическаго стихосложенія. Объясняется это тѣмъ, что тоническое стихосложеніе близко къ метрическому. Примѣръ:

1) При*бѣ* | *жа*ли | въ *из*бу | *дѣ*ти |

2) Какъ *ны*нѣ | сби*ра*ет | ся *вѣ*щій | Олѐгъ.

Имѣется пять различныхъ видовъ стопъ: 1) двухсложная стопа съ удареніемъ на первомъ слогѣ называется **хореемъ** или **трохеемъ** (въ древности такъ называлась стопа, на которой строился плясовой стихъ). Примѣръ:

Мча̀тся | ту*чи* | вьются | ту*чи*
Нѐви | ди*мко* | *ю* лу | на
*Ос*вѣ | щаетъ | снѣгъ ле | ту*чій*;
Мутно | нѐбо | но̀чь мут | на. (Пушк.).

2) Двухсложная стопа съ удареніемъ на второмъ слогѣ называется **ямбомъ** (насмѣшка, такъ какъ этимъ размѣромъ были написаны ядовито-насмѣшливыя произведенія древне-греческаго поэта Архилоха Паросскаго). Примѣръ:

Пришла̀ | волшѐб | ница̀ | зима̀,
Пришла̀ | разсы | пала̀сь | клока̀ | ми. (Пушк.).

3) Трехсложная стопа съ удареніемъ на первомъ слогѣ называется **дактилемъ** (дактиль значитъ палецъ; долгій слогъ и 2 короткіе, соотвѣтствующіе суставамъ пальца). Примѣръ:

1) Тучки не | бѐсныя | вѣчныя | стра̀нники! (Лерм.)
2) Вырыта | за̀ступомъ | яма глу | бо̀кая. (Никит.)

4) Трехсложная стопа съ удареніемъ на среднемъ слогѣ называется **амфибрахіемъ** (около короткіе, съ двухъ сторонъ короткіе). Примѣръ:

Спаситель, | Спаситель! | Чиста̀ мо | я вѣра!

5) Трехсложная стопа съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ называется **анапестомъ** (отбой, отбиваніе такта: тра та та̀, тра та та̀).

Примѣръ: Не кроп*и* | те меня
Вы, роси*н* | ки дождя!
Я не цв*ѣ*тъ | полево̀й,
Не губ*и* | тельный зно̀й |
Пролетѣлъ | надо мно̀й.

4. Задача. Подыскать по три стихотворенія на каждый размѣръ (хорей, ямбъ, дактиль, амфибрахій и анапестъ). *Примѣчаніе:* при письмѣ надъ слогомъ съ удареніемъ можно ставить тире (—), а надъ слогомъ безъ ударенія слѣдующій значекъ \/. Напримѣръ: Не кроп*и* | те меня.

По окончанію, стихи бываютъ *риемованные* и *бѣлые*. *Риемою* называется созвучіе окончаній двухъ стиховъ. Въ античной поэзіи риемы не было. Она появилась въ средніе вѣка, когда нужно было чѣмъ-нибудь смягчить грубый, неблагозвучный стихъ романскихъ языковъ. Съ тѣхъ поръ она утвердилась въ литературахъ западно-европейскихъ, а оттуда перешла къ намъ. Въ тоническомъ стихосложеніи риема не составляетъ необходимой принадлежности; ея нѣтъ въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, нерѣдко и поэты обходятся безъ нея. Стихи, написанные безъ риемы, называются бѣлыми. Бѣлый стихъ введенъ въ нашу литературу Жуковскимъ, а окончательно усовершенствованъ Пушкинымъ. („Борисъ Годуновъ").

По числу стопъ стихи бываютъ: двухстопные, трехстопные, четырехстопные, пятистопные и шестистопные. Примѣры.

1) „Скрыва̀лось | за го̀ры
Роско̀шно | е со̀лнце"...
2) „Го̀рны | *я* вер | ш*и*ны
Спятъ во | тьм*ѣ* ноч | ной."
3) Съ тѣхъ по̀ръ | какъ В*ѣ*ч | ный *Су* | *дія*
4) Неда̀в | но *я* | стиха̀ | ми ка̀къ | то свѝст | нулъ.
5) Когда̀ | волн*у* | ет*ся* | желт*ѣ* | юща̀ | я н*и* | ва.

Шестистопный ямбическій стихъ называется *александрійскимъ*. Такъ въ послѣднемъ примѣрѣ.

Шестистопный дактило-хореическій стихъ называется *гекзаметромъ*. Примѣръ: Иліада.

Стихи пятистопные и шестистопные для удобства чтенія небольшою остановкою голоса (паузою) раздѣляются на два полустишія. Эта остановка называется **цезурою.**

Группа стиховъ, заключающая въ себѣ опредѣленную мысль и заканчивающая свою систему риемъ, называется **строфою**. Строфы бываютъ трехстрочныя, четырехстрочныя, восьмистрочныя, четырнадцатистрочныя. Трехстрочная строфа называется *терцинами* (такъ написана, напр., „Божественная комедія" Данте, „Драконъ" гр. А. Толстого). Четырехстрочная строфа—*стансами.* (Примѣръ у Пушкина „Стансы"); восьмистрочная—*октавой* (прим. „Домикъ въ Коломнѣ" Пушкина); четырнадцатистрочная — *сонетомъ* (прим., „Мадонна" Пушкина).

Надо замѣтить, что кромѣ двухсложныхъ и трехсложныхъ встрѣчаются четырехсложныя стопы, которыя называются *пеонами.* Пеоны появляются въ двухсложныхъ стопахъ и есть ничто иное, какъ разложившаяся стопа хорей или ямбъ. Подобное разложеніе встрѣчается только съ хореемъ, ямбомъ, но никогда не съ дактилемъ или съ какой-нибудь другой трехсложной стопой. Въ нашей рѣчи слова не только двухсложныя и трехсложныя, составъ которыхъ можетъ совпадать съ двухсложными и трехсложными стопами, но и многосложныя; въ такомъ случаѣ грамматическое удареніе не можетъ соотвѣтствовать ударенію тоническому. Чтобы привести въ согласіе оба ударенія, необходимо бываетъ двухсложныя стопы разлагать, вслѣдствіе чего и появляются пеоны. И такъ, составъ словъ разлагаетъ стопы на пеоны. Примѣръ, „Сцена въ кельѣ Чудова монастыря:"

Ещ*е* | одн*о* | посл*ѣ*днее | сказ*ань* | е
И л*ѣ* | топ*ись* | ок*о*нчена | мо*я*.
(Пушкинъ).

Исчезновеніе стопъ должно быть опредѣленно, что и придаетъ музыкальность стиху.

Кромѣ указанныхъ стопъ, могутъ быть смѣшанныя стопы; при чемъ хореи могутъ соединяться только съ дактилями, амфибрахій съ анапестомъ (напр. „Русалка“. Лерм.)

Роды прозаическихъ сочиненій. Всѣ сочиненія раздѣляются на прозаическія и поэтическія. Если сочиненіе представляетъ собою главнымъ образомъ плодъ ума, размышленія, обдумыванія, то его относятъ къ области прозы и называютъ прозаическимъ; если же оно является плодомъ творчества, т. е. подъ преобладающимъ вліяніемъ чувства и воображенія, то называется поэтическимъ.

Всѣ прозаическія сочиненія дѣлятся на *повѣствованіе*, *описаніе* и *разсужденіе*. *Повѣствованіемъ называется* послѣдовательное изложеніе происшествій, изъ которыхъ сложилось событие. *Описаніемъ* называется изложеніе признаковъ предмета или явленія. *Разсужденіемъ* называется выясненіе какого-нибудь явленія или предмета.

Повѣствованіе, описаніе и разсужденіе можно называть элементами сочиненія со стороны содержанія. Въ каждомъ сочиненіи мы находимъ тѣ и другіе; въ чистомъ видѣ они не встрѣчаются. Но мы все же называемъ одно произведеніе описаніемъ, другое повѣствованіемъ, третье разсужденіемъ, смотря по тому, какой изъ этихъ элементовъ преобладаетъ въ данномъ произведеніи.

6. Задача Написать описаніе „Нашъ городъ“ (дать описаніе своего города); повѣствованіе „Моя жизнь“ (дать свою біографію); разсужденіе: „Зачѣмъ человѣкъ стремится знать прошлое?“.

Повѣствованіе и его части. Въ составъ повѣствованія можетъ входить: 1) обозрѣніе *предшествующихъ* обстоятельствъ, имѣющихъ связь съ повѣствуемымъ событіемъ; 2) изображеніе *времени*, или характера того вѣка, въ которомъ случилось событие, и *мѣста*, гдѣ оно происходило; 3) изображеніе *дѣйствующихъ лицъ*; 4) объясненіе *борьбы* дѣйствующихъ лицъ съ препятствіями; 5) разсказъ самаго *событія*; 6) изложеніе *послѣдствій* повѣствуемаго событія. Чѣмъ значительнѣе излагаемое событіе, тѣмъ нужнѣе ввести въ разсказъ всѣ перечисленныя части. Въ разсказѣ о незначительномъ происшествіи нѣкоторыя изъ этихъ частей выпускаются.

При болѣе грубомъ дѣленіи различаютъ въ повѣствованіи только три части: *вступленіе* (гдѣ авторъ подготовляетъ читателя къ изложенію); *главная часть* (гдѣ излагается самое событіе); *заключеніе* (гдѣ дѣлается выводъ изъ изложеннаго).

Виды повѣствованія. Главнѣйшіе виды повѣствовательной прозы слѣдующіе: лѣтопись, записки, біографія, характеристика и исторія.

Лѣтописью называется хронологически расположенная запись о какихъ-нибудь событіяхъ. Лѣтопись есть первая форма повѣствованія у всѣхъ христіанскихъ народовъ. Возникаютъ онѣ у насъ вслѣдъ за принятіемъ христіанства и тянутся до самаго 18 вѣка.

Записки (историческія) представляютъ повѣствованіе современника о томъ, что онъ самъ видѣлъ, или самъ слышалъ. Онѣ составляютъ какъ бы переходную ступень отъ лѣтописи къ исторіи. Отличіе отъ лѣтописи—личность автора выступаетъ на видный планъ; изложеніе отличается связностью. Но отъ исторіи отличается главнымъ образомъ тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ научнаго изслѣдованія. Примѣры: Исторія Котошихина; „Записки о Екатеринѣ Великой“ — Грибовскаго. Записки, касающіяся всей жизни автора и исключительно его личной жизни, называются автобіографіей. Примѣръ: „Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ“ Ф. Визина.

Біографіей (жизнеописаніемъ) называется изложеніе всей жизни какого-нибудь лица. Краткій біографическій очеркъ, соединенный съ извѣстіемъ о смерти лица, называется *некрологомъ*.

Если біографъ не столько обращаетъ вниманіе на событія въ жизни извѣстнаго лица, сколько на черты его характера, проявлявшіяся въ этихъ событіяхъ, то біографія переходитъ въ *характеристику*. Она приближается уже къ разсужденію.

Характеристика можетъ быть одного человѣка или цѣлаго общества или цѣлаго народа. Составляются характеристики не только дѣйствительныхъ лицъ, но и вымышленныхъ поэтами.

7 Задача. Дать характеристику своего общества.

Исторія представляетъ связное повѣствованіе о событіяхъ, изложенныхъ съ соблюденіемъ строго научныхъ пріемовъ (т. е. съ критической провѣркою фактовъ и съ указаніемъ внутренней связи между ними). Примѣры: „Исторія Государства Россійскаго“, — Карамзина, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“—С. Соловьева), „Исторія“ Бестужева-Рюмина, Костомарова.

Описаніе и его части. Описаніе заключаетъ въ себѣ три части: 1) *вступленіе*, 2) *главную часть* и 3) *заключеніе*.

Во вступленіи авторъ подготовляетъ читателя къ знакомству съ предметомъ, давая общее понятіе объ описываемомъ предметѣ, или указывая на общее впечатлѣніе, имъ производимое, или на мѣсто, съ котораго производилось наблюденіе, или на время, когда оно производилось, или на предметы окружающіе.

Въ главной части авторъ собственно и даетъ описаніе предмета.

Въ заключеніи дѣлается выводъ изъ всего предыдущаго или говорится о чемъ либо, имѣющемъ тѣсную связь съ описаннымъ предметомъ.

Виды описанія. Описаніе раздѣляется на *ученое* и *художественное*, и *путешествіе*.

Ученое описаніе имѣетъ цѣлью сообщить полезныя свѣдѣнія о предметѣ. Оно дѣйствуетъ только на умъ читателя. Примѣръ—любая статья изъ географіи.

Художественное описаніе имѣетъ цѣлью произвести на читателя то же впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на автора. Примѣръ художеств. описанія „Днѣпръ" Гоголя („Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ"... и т. д.).

8 Задача. Написать сначала ученое описаніе своей рѣки, а потомъ художественное.

Путешествіемъ называется сочиненіе, состоящее изъ цѣлаго ряда описаній всего того, что видѣлъ авторъ во время своего странствованія. Примѣръ „Письма русскаго путешественника" Карамзина. „Путешествіе въ Арзерумъ" Пушкина.

Путешествія нерѣдко пишутся въ формѣ писемъ или дневника.

9 Задача. Дать описаніе своего какого-нибудь путешествія.

Разсужденіе и его части. Каждое разсужденіе должно состоять изъ трехъ частей: *вступленія, главной части* или *изложенія* и *заключенія.*

Во вступленіи обыкновенно авторъ излагаетъ и выясняетъ тему или подготовляетъ читателя къ воспринятію ея, указывая на причину явленія, обобщая предметъ разсужденія или сообщая его планъ.

Въ главной части развиваетъ основную мысль.

Въ заключеніи или излагаетъ основную мысль, какъ конечный выводъ изъ разсужденія, или, если основная мысль была уже высказана во вступленіи, излагаетъ слѣдствія, вытекающія изъ нея.

Необходимыя условія всякаго разсужденія: *единство темы* и *логическая послѣдовательность.* Единство основной мысли необязательно.

Способы расположенія мыслей (синтетическій и аналитическій). Построеніе разсужденія, т. е. способы расположенія мыслей, бываетъ двухъ родовъ: *синтетическое* и *аналитическое.*

Синтетическій способъ расположенія мыслей состоитъ въ томъ, что начинаютъ разсужденіе съ общихъ понятій и послѣдовательно идутъ къ болѣе частнымъ явленіямъ.

Аналитическій способъ построенія состоитъ въ томъ, чтобы начинать съ частныхъ случаевъ и переходить къ общимъ законамъ.

Примѣръ синтетическаго разсужденія — „О любви къ отечеству и народной гордости". Карамзина. Примѣръ аналитическаго разсужденія — „О счастливѣйшемъ времени жизни". Его-же

Разсужденіе, заключающее въ себѣ не одну, а нѣсколько основныхъ мыслей, называется сложнымъ. Оно можетъ пользоваться обоими способами попемѣнно.

10. Задача. Привести примѣръ изъ литературы синтетическаго и аналитическаго разсужденія.

Ораторская рѣчь и части ея. Ораторская рѣчь есть особый видъ разсужденія; но она составляется не для чтенія, а для произнесенія въ собраніи. Вообще ораторской рѣчью называется такое литературное произведеніе, которое *произносится* авторомъ (ораторомъ) *передъ* слушателями или для того, чтобы возбудить въ нихъ извѣстное чувство, или для того, чтобы направить ихъ волю къ какому-нибудь рѣшенію, или для того и другого вмѣстѣ.

Ораторская рѣчь раздѣляется на слѣдующія части: 1) *приступъ,* 2) *предложеніе* 3) *главную или доказательную часть,* 4) *патетическую часть* и 5) *заключеніе.*

Въ приступѣ ораторъ подготовляетъ своихъ слушателей къ воспринятію своихъ мыслей, стараясь возбудить симпатію къ себѣ самому и предмету рѣчи.

Въ предложеніи ораторъ объясняетъ слушателямъ, о чемъ онъ будетъ говорить. Предложеніе можетъ распадаться на слѣдующія части: 1) *изложеніе факта,* который подалъ поводъ къ рѣчи; 2) *собственно предложеніе,* гдѣ авторъ излагаетъ свой взглядъ на фактъ; 3) *раздѣленіе,* въ которомъ авторъ сообщаетъ слушателямъ, въ какомъ порядкѣ будетъ говорить.

Въ главной или доказательной части авторъ развиваетъ и уясняетъ тему, доказываетъ справедливость своего взглядъ. Въ этой части ораторъ главнымъ образомъ дѣйствуетъ на умъ слушателей.

Въ патетической части ораторъ дѣйствуетъ на воображеніе и чувство слушателей, представляя предъ ними счастливыя послѣдствія желаемаго имъ факта, или несчастныя — нежелаемаго. Слогъ этой части, благодаря украшеніямъ, приближается къ поэтическому.

Въ заключеніи ораторъ снова обращаетъ вниманіе слушателей на нихъ самихъ или обращается съ молитвой къ божеству, къ Богу.

Виды ораторской рѣчи. У древнихъ было три вида ораторской рѣчи: рѣчь политическая, судебная и панегирикъ (похвальное слово). Съ распространеніемъ христіанства ораторскія произведенія раздѣлились на два вида — *духовныя* и *свѣтскія.* Духовныя имѣютъ своимъ предметомъ религію, уставы церковные и законы нравственности. Свѣтскія—разсматриваютъ явленія государственной и общественной жизни. Духовное ораторское произведеніе называется *словомъ, проповѣдью* или *поученіемъ.* Проповѣди бываютъ двухъ видовъ: поучительныя и хвалебныя.

Свѣтскія рѣчи раздѣляются на политическія, судебныя, похвальныя (панегирики), военныя, академическія и проч.

О поэзіи. Поэзія есть искусство, какъ и живопись, скульптура, архитектура и музыка. Существуютъ въ наукѣ различныя теоріи, объясняющія природу искусства. Одна изъ нихъ, а именно теорія эволюціонистовъ или „теорія игры“, разсматриваетъ искусство въ первой стадіи развитія, какъ игру, на которую пошла незатраченная на личныя потребности энергія. Въ природѣ искусства находимъ тѣ же элементы, что и въ процессѣ игры—игру чувствъ и воображенія (образовъ). Матеріальное благосостояніе вліяетъ на искусство. Въ усиленной борьбѣ за существованіе и въ вѣкъ процвѣтанія практическихъ вопросовъ искусства ослабѣваютъ. Послѣднее наблюдается не только въ жизни народовъ, но и отдѣльнаго человѣка.

Каково отношеніе искусства къ дѣйствительности, природѣ? Искусство подражаетъ дѣйствительности, природѣ, но подражаетъ въ существенномъ, характерномъ. Возьмемъ, напримѣръ, новѣйшее произведеніе Андреева „Большой шлемъ“; въ немъ изображена существенная черта игроковъ: играютъ четверо въ провинціальномъ городѣ дни, мѣсяцы, годы, но нисколько не интересуются другъ другомъ:—кто онъ, гдѣ живетъ, чѣмъ живетъ и проч. Это раскрылось, когда одинъ изъ нихъ умеръ за игрою.

Художественное произведеніе теряетъ свою цѣну, даже перестаетъ быть истиннымъ художественнымъ произведеніемъ, если точно, буквально передаетъ дѣйствительность, факты. Примѣръ: сюжетомъ романа „Воскресенія“ Л. Толстого служитъ фактъ изъ жизни. Онъ былъ раньше разработанъ Карышевымъ въ его произведеніи „Совѣсть“. Послѣднее произведеніе больше и точнѣе воспроизводитъ дѣйствительность, но за то въ художественномъ отношеніи очень страдаетъ.

Истинное искусство должно доставлять эстетическое наслажденіе. Въ эстетическомъ наслажденіи, хотя и находимъ физіологическіе элементы, но все же по существу оно духовное. Главное отличіе эстетическаго наслажденія отъ другихъ состоитъ въ томъ, что оно безкорыстно.

Существуютъ мнѣнія, что искусство должно въ будущемъ погибнуть. Одно изъ этихъ мнѣній говоритъ, что искусство падетъ отъ науки; другіе видятъ опасность для него въ соціальномъ строѣ.

Что касается перваго, то его нетрудно опровергнуть всѣми извѣстными фактами, что наука не только врагъ искусства, но даетъ матеріалъ для него, какъ въ свою очередь и искусство даетъ матеріалъ для науки. Напр., произведенія Достоевскаго внесли богатый вкладъ въ психологію.

Что же касается второго взгляда — опасность искусству отъ общественнаго строя, именно соціальнаго, то онъ происходитъ главнымъ образомъ отъ ложнаго пониманія соціализма. Его истинный девизъ — равенство всѣхъ передъ трудомъ. Каждый, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, будетъ работать въ той области, въ которой болѣе пригоденъ. Слѣдовательно, будутъ также и поэты, и художники, и проч. проч.

Значеніе искусства несомнѣнно велико. Произведенія искусства не только даютъ наслажденія, но они наталкиваютъ насъ на такія мысли въ сферѣ нравственности, которыя безъ искусства не возникли бы.

Такимъ образомъ искусство воспитываетъ общество въ извѣстномъ моральномъ настроеніи. Отсюда цѣнность его зависитъ отъ силы творческой фантазіи и отъ широты кругозора художника.

Поэзія народная и искусственная. Отличаютъ поэзію народную и искусственную. Возникновеніе той и другой объясняется различнымъ культурнымъ состояніемъ народа.

Первобытные люди несравненно меньше отличались другъ отъ друга въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, чѣмъ люди цивилизованные. Представленія одного изъ нихъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и представленія всѣхъ людей его племени. Поэтическое произведеніе, созданное однимъ, усвоивается всѣми и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Его вновь передѣлываютъ, добавляютъ, но въ духѣ всего народа. Имя автора забывается, но произведеніе остается жить въ устахъ народа. Такъ создается *народная поэзія.*

Наконецъ, съ развитіемъ письменности и цивилизаціи, поэзія народная замолкаетъ или остается собственностью низшихъ классовъ общества, ее замѣняетъ *поэзія искусственная,* личное творчество, выражающее чувства и представленія не цѣлаго народа, а отдѣльнаго человѣка-художника.

Роды поэтическихъ произведеній. Поэтическія произведенія бываютъ трехъ родовъ: *эпическія* (эпосъ), *лирическія* (лирика), *драматическія* (драма).

Эпическимъ или *эпосомъ*, называются произведенія, заключающія въ себѣ объективный разсказъ о событіяхъ, о внѣшнемъ мірѣ. Примѣръ: Иліада Гомера.

Эпосъ раздѣляется на народный или устный и искусственный или литературный. Напр., Былины; былины въ изложеніи поэтовъ. Къ *лирическимъ* произведеніямъ или къ *лирикѣ* относятся тѣ произведенія, въ которыхъ выражается личное чувство самого поэта, его душевныя настроенія. Напр., „Парусъ“ Лермонтова.

Драматическія произведенія или *драма* представляютъ событіе въ дѣйствіи. Отсюда, само событіе въ драмѣ является не въ прошедшемъ, а *совершается въ настоящемъ.* Примѣръ—„Ревизоръ“ Гоголя.

Задача. Подыскать по два произведенія на каждый родъ поэзіи.

Главные виды народнаго эпоса. Главнѣйшіе виды народнаго эпоса слѣдующіе: *сказка, былина, пѣсня (историческая), пословица, загадка.*

Сказка есть народное эпическое произведеніе, въ которомъ отсутствуетъ бытовая, историческая и географическая опредѣленность, и въ которомъ всегда проводится какая-нибудь нравственная мысль. Сказки могутъ быть раздѣлены на слѣдующія группы: 1) сказки о животныхъ, 2) сказки о миѳологическихъ существахъ, 3) сказки нравственно-бытовыя, при чемъ бытовой элементъ можетъ быть случайнымъ, нравственный входитъ непремѣнно. Но эта классификація сказокъ дѣлается приблизительной, по преобладанію въ нихъ того или другого элемента. Примѣры первыхъ „Волкъ и Лиса"; вторыхъ—„Хрустальная гора"; третьихъ—„Морозко".

Многія сказки сходны у разныхъ народовъ, напр., сказка о Балдѣ встрѣчается у сербовъ, у болгаръ и у нѣмцевъ. Сказку о Жаръ-птицѣ находимъ также у нѣмцевъ. Съ одной стороны, это обстоятельство объясняется тѣмъ, что сказочный матеріалъ образовался еще въ глубокой древности, до Р. Х., когда всѣ арійскіе народы жили одной семьей въ прародинѣ, въ Средней Азіи. Съ другой стороны, это сходство объясняется торговыми и другими сношеніями разныхъ народовъ, при которыхъ возможно было заимствованіе. Послѣднее объясняютъ двѣ существующія теоріи. Первая принадлежитъ Бенфею (извѣстному нѣмецкому филологу) и заключается въ слѣдующемъ: сказки изъ Индіи перешли въ Тибетъ черезъ монголовъ, отсюда въ Европу чрезъ Россію. Другая теорія Либрехта гласитъ слѣдующее: Индѣйскія сказки перешли въ Европу черезъ арабовъ, Византія служила передаточнымъ пунктомъ. Обѣ эти теоріи правильны и каждая изъ нихъ дополняетъ другую.

Задача. Классифицировать всѣ извѣстныя вамъ сказки по группамъ и указать преобладающій элементъ; если есть миѳъ, то вскрыть его.

Былина и историческая пѣсня. Былина есть такое эпическое произведеніе, въ которомъ рѣчь идетъ о лицахъ и событіяхъ историческихъ или дѣйствующихъ въ исторической обстановкѣ. Это опредѣленіе уничтожаетъ различіе между былинами и историческими пѣснями.

Пословицы представляютъ собою краткія и мѣткія изреченія, въ которыхъ выражаются мысли, сужденія и правила житейской мудрости народа.

Загадки представляютъ собою аллегорическія выраженія, въ которыхъ одинъ предметъ изображается посредствомъ другого, имѣющаго съ нимъ какое-нибудь, хотя бы самое отдаленное сходство.

Главные виды искусственнаго эпоса будутъ слѣдующіе: *поэма, романъ, повѣсть, баллада, идиллія, басня.*

Поэма. Въ исторіи развитія поэмы отличаютъ три главные ея вида: 1) древнѣйшія героическія поэмы, представляющія художественную обработку народнаго героическаго эпоса; 2) тѣ, которыя явились результатомъ подражанія древнимъ національнымъ поэмамъ; онѣ извѣстны подъ именемъ ложноклассическихъ; 3) поэмы новаго времени.

Древнѣйшая героическая поэма (эпопея) есть художественная обработка *народнаго героическаго эпоса*, сгруппировавшагося около какого-нибудь *важнаго историческаго событія*, въ которомъ принималъ участіе весь народъ. Образцомъ такой поэмы служитъ Иліада Одиссея и Гомера. Въ ней находимъ подробное и многостороннее отраженіе эпохи, много фантастическаго, чудеснаго, такъ какъ все это было тѣсно связано съ религіозными вѣрованіями народа; полнѣйшую объективность разсказа. Сюда же относятся —персид. поэма „Шахнаме"" (въ переводѣ книга царей), въ ней разсказывается о борьбѣ Ирана съ Тураномъ; отрывокъ изъ нея „Рустемъ и Зорабъ" переведенъ Жуковскимъ; нѣмецкая поэма „Пѣсня о Нибелунгахъ", въ которой отражается эпоха переселенія народовъ; и друг.

Ложноклассическія поэмы представляютъ собою подражаніе главнымъ образомъ Гомеру и ближайшему его послѣдователю Виргилію (римскій поэтъ I в. до Р. Х., авторъ поэмы „Энеида"). Когда съ эпохи Возрожденія въ Европѣ стали изучать греческихъ и римскихъ писателей, Иліада, Одиссея и Энеида были приняты за образцы, которымъ старались подражать авторы поэмъ. Это подражаніе длилось до второй половины 18 вѣка. За это время создались слѣдующія поэмы, написанныя по классическимъ образцамъ: у итальянцевъ—„Освобожденный Іерусалимъ" Торквато Тассо (16 в.), въ ней разсказывается о взятіи Іерусалима крестоносцами во время перваго крестоваго похода; у португальцевъ—„Лузіада" Камоэнса (16 в.), въ ней говорится о завоеваніяхъ португальцевъ въ Индіи; у англичанъ—„Потерянный рай" Мильтона (17 в.), гдѣ повѣствуется о жизни прародителей въ раю и о ихъ грѣхопаденіи; у нѣмцевъ—„Мессіада" Клопштока (18 в.), въ которой разсказывается объ искупленіи человѣчества Спасителемъ; у французовъ — „Генріада" Волтера — о союзѣ между Генрихомъ III и его зятемъ Генрихомъ IV; у русскихъ—„Россіяда" Хераскова, въ которой воспѣвается покореніе Казани Іоанномъ IV, и его же „Владиміръ" о введеніи христіанства на Руси.

Подражаніе состояло въ слѣдующемъ: для своего повѣствованія выбирали только важныя событія, имѣющія общенародное или общечеловѣческое значеніе; вносили въ свой разсказъ много чудеснаго (фигурировали, кромѣ необыкновенныхъ героевъ, волшебники, волшебницы, злые духи, истолкователи сновъ и другія сверхъестественныя существа); часто начинали поэму словомъ пою; иногда цѣлыя

событія и ихъ обстановка, лица и ихъ рѣчи брались изъ поэмъ Гомера и Виргилія.

Поэма новаго времени раздѣляется на историческую и лироэпическую. Историческая поэма беретъ свое содержаніе изъ исторіи; цѣль ея—высказать какую-нибудь идею, имѣющую общечеловѣческое значеніе. Поэтому она не заботится о возсозданіи той или другой эпохи, но беретъ изъ дѣйствительности то, что соотвѣтствуетъ идеѣ. Слѣдовательно, историческая поэма отличается идеализаціей. Прим.—поэма „Полтава".

Лироэпическая поэма изображаетъ частную жизнь, но не во всей полнотѣ, а лишь важные, замѣчательные моменты, и главною своею цѣлью имѣетъ изображеніе событія не внѣшняго міра, а внутренняго, міра чувствъ. Своимъ распространеніемъ она обязана англійскому поэту Байрону (1788—1824). У насъ впервые появляется со времени Пушкина и Лермонтова. Примѣры — „Кавказскій плѣнникъ", „Цыгане"—Пушкина; „Мцыри"—Лермонтова.

Романъ. Въ романѣ повѣствуется о жизни отдѣльныхъ личностей и въ то же время вполнѣ раскрывается ихъ внутренній міръ и изображается жизнь общества. Въ романѣ находимъ всѣ элементы, изъ которыхъ слагаются сочиненія: повѣствованіе, описаніе и разсужденіе, и все то, что изображается въ другихъ видахъ эпической поэзіи.

Романъ получилъ свое названіе отъ того, что впервые подобныя произведенія появились на языкахъ романскихъ народовъ. Въ первоначальныхъ романахъ, эпохи среднихъ вѣковъ, разсказывалось о различныхъ рыцарскихъ похожденіяхъ и приключеніяхъ. Это такъ называемые *рыцарскіе* романы. Родина ихъ Франція и Испанія. Въ 16 в. во Франціи возникаетъ *сатирическій* романъ, основаніе которому положено романомъ Раблэ „Гаргантюа и Пантагрюэль". Онъ представляетъ собою злую сатиру на все тогдашнее общество. Окончательно утвержденъ сатирическій романъ въ литературѣ испанскимъ писателемъ Сервантесомъ (15—16 вв.) романомъ „Донъ-Кихотъ", въ которомъ безжалостно осмѣяно все рыцарство. „Донъ-Кихотъ" совершенно поразилъ рыцарскіе романы. Въ 17 в. въ Англіи возникаетъ *поучительный* (семейный) романъ; онъ изображаетъ семейную жизнь и домашнюю обстановку. Главными представителями этихъ романовъ были сентиментальные писатели Ричардсонъ (1689—1761) и Гольдсмитъ (1728—1774). На рубежѣ 19 в. въ литературѣ появляется новый романъ *историческій*, т. е. такой, который содержаніе черпаетъ изъ исторіи. Онъ впервые былъ обработанъ знаменитымъ англійскимъ писателемъ Вальтеръ-Скоттомъ (1771—1832). Наконецъ, опять таки въ Англіи, Теккереемъ и Диккенсомъ положено начало новѣйшему роману. Новѣйшій романъ обнимаетъ собою всѣ слои общества, всѣ стороны жизни и разрѣшаетъ всевозможные вопросы.

Примѣры: рыцарскаго средневѣковаго романа „Амадисъ Гальскій; сатирич. указаны; поучительнаго — „Кларисса" Ричардсона, „Векфильдскій священникъ" Гольдсмита; историческаго — „Айвенго", „Эдинбургская темница" Вальтеръ-Скотта, „Юрій Милославскій" Загоскина, „Ледяной домъ" Лажечникова, „Мировичъ" Данилевскаго; новѣйшаго — „Ярмарка тщеславія (Базаръ житейской суеты) Теккерея, „Записки Пикквикскаго клуба" Диккенса, „Тяжелыя времена" его же, примѣры новѣйшаго романа—произведенія Виктора Гюго, Шпильгагена, Гете, Тургенева, Гончарова, Л. Толстого, Достоевскаго и проч. проч.

Повѣсть. Различіе между повѣстью и романомъ только количественное. Поэтому часто одно и то же произведеніе называютъ то повѣстью, то романомъ. *Повѣсть тотъ же романъ, но лишь небольшого объема.*

Примѣры повѣстей: „Шинель" Гоголя, „Капитанская дочка" Пушкина; повѣсти Тургенева.

Небольшая повѣсть, передающая одно—какое-нибудь происшествіе, называется разсказомъ.

Балладою называется стихотвореніе, содержащее въ себѣ разсказъ небольшого фантастическаго происшествія, заимствованнаго иногда изъ народныхъ преданій, или вымышленнаго самимъ поэтомъ. Прототипомъ баллады были народныя пѣсни шотландцевъ и англичанъ. Впервые баллады появились въ Провансѣ, въ южной Франціи, и носили лирическій характеръ. Онѣ слагались и пѣлись народными пѣвцами, трубадурами. Затѣмъ баллада распространяется въ сѣверной Франціи и Англіи и принимаетъ эпическій характеръ. Такова была средне-вѣковая баллада. Она возрождается въ концѣ 18 вѣка въ Германіи въ періодъ „бури и натиска". Поэты обращались къ средневѣковой поэзіи, откуда брали сюжеты для своихъ произведеній. Это были небольшія стихотворенія, въ которыхъ они изображали главнымъ образомъ рыцарскую жизнь, и называли балладами. Въ этихъ балладахъ ожило средневѣковье, съ его рыцарствомъ, съ преданіями, повѣрьями, суевѣріями, съ чудесною фантастическою обстановкою. Такова новая баллада. Съ теченіемъ времени сюжеты ея начинаютъ черпать не только изъ средневѣковья, но изъ преданій классическихъ и своихъ національныхъ.

Задача. Указать въ балладахъ: „Людмилѣ", „Свѣтланѣ", „Графѣ Габсбургскомъ", „Утопленникѣ" и въ „Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ", въ чемъ выражается преданіе, повѣріе или суевѣріе, и элементъ чудесный, фантастическій.

Въ нѣкоторыхъ балладахъ находимъ только одинъ изъ указанныхъ элементовъ—или преданіе безъ фантастическаго элемента (напр. „Василій Шибановъ", А. Толстого), или фантастическій эле-

ментъ безъ народнаго преданія (напр., „Воздушный корабль“ Лермонтова).

Идиллія представляетъ собою разсказъ происшествія, изображающаго простую, безыскусственную жизнь поселянъ и вообще людей, близкихъ къ природѣ.

Идиллія возникла до Р. Х. Основаніе ея положено греческимъ писателемъ Ѳеокритомъ, жившимъ въ III в. до Р. Х. Ѳеокриту подражалъ Виргилій въ своихъ „Буколикахъ“. Значительно позднѣе идиллія процвѣтаетъ въ нѣмецкой литературѣ подъ перомъ Гебеля (1760—1826). Изъ нашихъ идиллистовъ извѣстны Дельвигъ („Отставной солдатъ“) и Гнѣдичъ („Рыбаки“, „Сиракузянки“, послѣдняя —переводъ идилліи Ѳеокрита) — современники Пушкина. Въ концѣ 18 в. въ Англіи появляется новая идиллія, которая хотя и изображаетъ простую, близкую къ природѣ жизнь, но обнимаетъ значительно полнѣе, многостороннѣе: она рисуетъ не только ея привлекательныя стороны, но и темныя. Образцомъ такого рода идиллій можетъ служить „Старосвѣтскіе помѣщики“ Гоголя. Но идиллія такого рода приближается къ повѣсти.

Задача. Указать въ идилліи „Старосвѣтскіе помѣщики“ сначала свѣтлыя стороны ихъ жизни, а потомъ и темныя.

Басня есть нравоучительный аллегорическій разсказъ, который изображаетъ какое-нибудь явленіе изъ человѣческой жизни.

Первымъ баснописцемъ считаютъ грека Эзопа, жившаго въ 6 в. до Р. Х. Дальнѣйшее развитіе басни было сдѣлано Федромъ, римскимъ писателемъ 1 в. по Р. Х. Наконецъ, подъ перомъ французскаго баснописца Лафонтена и русскаго Крылова, басня принимаетъ современный видъ.

Лирика народная. Въ ней изображается внутренній міръ, а отчасти и бытъ всего народа.

Отличительные признаки лирики народной состоятъ въ слѣдующемъ: 1) всякое народное лирическое произведеніе всегда пѣлось, поэтому оно непремѣнно имѣетъ форму *пѣсни*; 2) она служитъ выраженіемъ чувствъ всего народа, а не отдѣльной личности.

Виды пѣсенъ. Лирика народная раздѣляется на пѣсни *религіозныя* (*заговоры*), *обрядовыя*, *семейныя*, *шуточныя*, *разбойничьи*, *солдатскія* и проч.

Обрядовыя въ свою очередь раздѣляются на свадебныя и похоронныя (заплачки).

Виды искусственной лирики слѣдующіе: *ода*, *гимнъ*, *пѣсня*, *сатира*, *элегія*.

Ода есть лирическое произведеніе, въ которомъ изображается чувство восторга, возбужденное какимъ-нибудь важнымъ предметомъ. Она возникла въ Греціи и доведена до совершенства греческимъ поэтомъ Пиндаромъ, жившимъ въ 6 в. до Р. Х. Пиндару подражалъ римскій поэтъ Горацій. Наибольшое распространеніе ода получила въ эпоху ложноклассицизма въ періодъ подражанія античнымъ писателямъ. У насъ первымъ сталъ писать оды Ломоносовъ. Онъ ввелъ въ нашу литературу ложноклассическую оду. Характерныя черты ея: *построеніе* изъ трехъ частей: приступа (вступленіе), предложенія и заключенія; *условный восторгъ*; *чрезмѣрное восхваленіе*; *лирическій безпорядокъ* (быстрый неожиданный переходъ отъ одной картины къ другой, напр., у Ломоносова въ одѣ „На восшествіе...“), *эпизоды* (вставочные разсказы, напр., о Петрѣ и Екатеринѣ I, въ той же одѣ); употребленіе *именъ греческихъ* и *римскихъ боговъ*, употребленіе словъ *лира* и *пою*. Въ нашей литературѣ ударъ ложноклассической одѣ былъ нанесенъ Дмитріевымъ, его сатирой „Чужой толкъ“. Съ Языкова, Батюшкова, Баратынскаго и Пушкина (въ 19 в.) возникаетъ ода „*новѣйшаго времени*“. Въ ней не выполняются требованія ложноклассицизма, и ода становится лишь выраженіемъ чувствъ и мыслей автора, вызванныхъ важнымъ событіемъ. Тонъ этой оды остается однако, нѣсколько торжественнымъ. Примѣры: „На смерть Гете“ Баратынскаго, „Наполеонъ“ и „Памятникъ“ Пушкина, „Послѣднее новоселье“ Лермонтова.

Поэтъ не выражаетъ теперь въ одѣ мыслей и чувствъ, отражающихъ только что воспринятыя впечатлѣнія, но говоритъ въ красивыхъ и сильныхъ стихахъ о своемъ серьезномъ, быть можетъ, долгомъ раздумьѣ надъ предметомъ имъ изображеннымъ, и потому оду въ новѣйшей литературѣ мы можемъ назвать лирической думой, красота которой въ величіи мысли, выраженной въ ней.

Ода религіознаго содержанія называется *гимномъ*; у евреевъ гимнъ называется псалмомъ.

Искусственная *пѣсня* появилась въ подражаніе народной. Художественныя достоинства ея тѣмъ выше, чѣмъ ближе она подходитъ къ народной, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Подражаніе народнымъ пѣснямъ началось съ древности. Въ Греціи извѣстенъ своими пѣснями поэтъ Анакреонъ (ум. 478 г. до Р. Х.). Въ нашей литературѣ самыя художественныя искусственныя пѣсни считаются пѣсни Кольцова и Пушкина. Напр., „Сяду я за столъ да подумаю“ Кольцова, „Пѣсня дѣвушекъ“ Пушкина (изъ Евгенія Онѣгина).

Сатира есть лирическое стихотвореніе, выражающее или насмѣшку, или негодованіе поэта. Иногда въ сатирѣ находимъ оба элемента, иногда одинъ какой-нибудь. Сатира, выражающая насмѣшку, называется *смѣющейся*; а если въ ней выражается негодованіе—*негодующей*. Примѣръ первой „Чужой толкъ“ Дмитріева; второй—„Дума“ Лермонтова.

Зародыши сатиры находимъ въ древней Греціи въ ямбахъ (написаны ямбомъ) Архилоха изъ Па-

роса, жившаго въ 7 в. до Р. Х. Его ямбы отличались такою ядовитою насмѣшкою, что осмѣянный имъ, становился посмѣщищемъ цѣлаго общества. Художественную обработку сатира получила въ римской литературѣ подъ перомъ поэтовъ Горація (въ началѣ 1 вѣка по Р. Х.), Персія (34—62 г. по Р. Х.) и Ювенала (42—122 г. по Р. Х.). Гораціемъ выработанъ видъ сатиры смѣющейся, а Ювеналомъ—негодующей.

Элегіей называется лирическое стихотвореніе, выражающее грустное настроеніе поэта. Примѣры элегій—„Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье" Пушкина, „Тѣнь друга" Батюшкова.

Первоначально элегія не отличалась такимъ узкимъ характеромъ. Какъ и вся лирика, элегія ведетъ начало отъ грековъ. У нихъ элегіей назывался опредѣленный стихотворный размѣръ: соединеніе гекзаметра (шестистопный стихъ) съ пентаметромъ (пятистопный стихъ). Этотъ размѣръ примѣнялся къ разнымъ сюжетамъ: къ вопросамъ нравственнымъ, политическимъ, общественнымъ и чисто-личнымъ. Такимъ образомъ, всякое стихотвореніе, какого бы то ни было содержанія, лишь написанное чередующимися гекзаметромъ и пентаметромъ, называлось элегіей. Первоначально она возникла въ іонійскихъ колоніяхъ и была первымъ лирическимъ произведеніемъ грековъ. Первымъ элегическимъ поэтомъ былъ Каллинъ, родомъ изъ Эфеса, жившій въ 7 в. до Р. Х., затѣмъ Тиртей, (7 в.) аѳинянинъ. Ихъ элегіи носили политическо - воинственное направленіе. Элегіи, посвященныя главнымъ образомъ личнымъ чувствамъ, являются впервые у Мимнерна, родомъ изъ Смирны. Онъ жилъ около 6 в. до Р. Х. Мало-азіатская Іонія находилась въ это время подъ властію лидійскихъ царей; надеждъ на освобожденіе не было; энергія гражданъ изсякла; печальное положеніе родины заставляетъ поэта искать утѣшенія или въ воспоминаніяхъ о минувшей политической свободѣ, или въ чувственныхъ удовольствіяхъ. Въ своихъ элегіяхъ онъ воспѣваетъ молодость, любовь, какъ лучшія блага жизни, старость для него хуже смерти. Современникомъ Мимнерна былъ Солонъ, знаменитый аѳинскій законодатель и поэтъ. Въ своихъ элегіяхъ онъ является горячимъ патріотомъ или философомъ, поэзія для него была средствомъ вѣрнѣе дѣйствовать на массы. Ему принадлежатъ и героическія и дидактическія элегіи. Политическій и поучительный характеръ носятъ элегіи Ѳеогниса (6 в. до Р. Х.). Въ его элегіяхъ выражается чувство злобы на демократовъ. Римская элегія въ самомъ своемъ возникновеніи подходила къ элегіямъ Мимнерна. Римляне смотрѣли на элегію, какъ на грустную пѣсню.

Представителями римской элегіи являются: Тибуллъ, Проперцій и Овидій; всѣ они жили въ вѣкъ Августа. Затѣмъ элегія проникаетъ во всѣ европейскія литературы. Что касается русской литературы, то элегическое направленіе является въ ней господствующимъ. „Печалію согрѣта", по словамъ Пушкина, „гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ".

Драматическая поэзія. *Составныя части драматическаго произведенія.* Каждое драматическое произведеніе или драма представляетъ собою соединеніе эпоса и лирики съ развитіемъ дѣйствія. Кромѣ того, въ драму долженъ входить, какъ обязательный элементъ, борьба дѣйствующихъ лицъ, какъ съ внѣшними препятствіями, такъ и съ самимъ собою, съ своими собственными чувствами. Это-самый важный элементъ, онъ называется драматизмомъ, а положеніе лица, поставленнаго въ необходимость бороться, называютъ положеніемъ драматическимъ. Форма изложенія драмы—діалогическая, которая называется иначе драматической. Встрѣчается иногда въ драмѣ монологъ, но это тотъ же діалогъ, но діалогъ съ самимъ собою. Діалогическая форма изложенія, съ одной стороны, способствуетъ изображенію внутренняго міра дѣйствующихъ лицъ, съ другой,—имѣетъ недостатокъ. Она уступаетъ монологической въ изображеніи внѣшней обстановки, среди которой дѣйствуютъ выведенныя лица, въ изображеніи ихъ наружности. Но на сценѣ это дополняется декораціей, костюмами, гримировкой, мимикой актеровъ.

(Слово „драма" имѣетъ двоякое значеніе: во-первыхъ, драма, какъ совокупность всѣхъ драматическихъ произведеній и, во-вторыхъ, драма, какъ извѣстный видъ драматическихъ произведеній).

Драма дѣлится на слѣдующіе виды: 1) трагедію, 2) комедію, 3) драму (извѣстный видъ драматическихъ произведеній).

Трагедія. Трагедія есть такое драматическое произведеніе, которое, изображая упорную борьбу съ великими препятствіями и тяжкія страданія сильной души, возбуждаетъ въ насъ *удивленіе, ужасъ* и *состраданіе.* Родина трагедіи Греція. Подобно лирикѣ, драма развилась на религіозной почвѣ, имѣла своею первоначальною цѣлію прославленіе боговъ и возбужденіе національныхъ чувствъ. Въ греческомъ богослуженіи были драматическіе элементы, процессіи, символическіе обряды. Но зачатками будущей трагедіи могли явиться лишь тѣ изъ этихъ религіозныхъ представленій, которыя возбуждали въ душѣ человѣка въ сильной степени чувство ужаса, состраданія, печали и радости. Подобный характеръ носили праздники въ честь божества земли и растительности; этихъ боговъ греки изстари прославляли пѣніемъ хоровыхъ пѣсенъ, плясками и музыкальными состязаніями. Прославленіе одного изъ этихъ божествъ, Діониса, (или Вакха) и повело къ зарожденію трагедіи. Діонисъ былъ богомъ растительной силы, вина, подателемъ физическихъ радостей и подъема духа. Греки представляли Діониса странствующимъ на

землѣ среди опасностей, печалей и тріумфовъ, послѣ того, какъ онъ былъ убитъ титаномъ. Зевсъ изъ его теплаго сердца возсоздалъ новаго Діониса. Миѳъ о Діонисѣ былъ олицетвореніемъ послѣдовательныхъ явленій роста и воздѣлыванія виноградной лозы, и, какъ всѣ миѳы, касающіеся природы, носилъ двойственный характеръ: въ немъ была сторона радостная и сторона печальная. Обряды служенія Діонису имѣли символическій смыслъ: изображали смерть и возвращеніе къ жизни бога и увяданіе и возрожденіе растительности; и потому сопровождались выраженіями самыхъ противоположныхъ чувствъ: взрывомъ радости и изъявленіемъ печали. Оба момента въ жизни природы—увяданіе и возрожденіе ея, воспроизводились въ Діонисіяхъ—праздникахъ въ честь Діониса. Такихъ праздниковъ въ Аѳинахъ было четыре, но для исторіи возникновенія трагедіи важны только три. Эти праздники устраивались во время сбора винограда; во время выжимки гроздій; среди зимы, когда откупоривались бочки вина истекшаго года; съ наступленіемъ весны, когда солнце впервые озаряетъ своими лучами виноградники. Первый изъ нихъ праздновался въ Аттикѣ въ декабрѣ и назывался праздникомъ „малыхъ“ или „сельскихъ Діонисій“, такъ какъ онъ праздновался по деревнямъ. Празднующіе восторженно предавались чувствамъ, возбужденнымъ въ нихъ радостными и печальными перемѣнами въ судьбѣ растительности, символомъ которой были событія въ жизни Діониса. Переживая эти впечатлѣнія, они безъ труда отождествляли себя съ самимъ богомъ или его обычными спутниками, сатирами. Чтобы походить на лицъ, приключенія которыхъ воспѣвали, участвующіе въ прославленіи Діониса надѣвали соотвѣтствующіе костюмы. Чтобы отрѣшиться отъ дѣйствительности, перенестись въ фантастическую жизнь, гдѣ происходила жизнь Діониса, участники празднества раскрашивали свое тѣло, надѣвали на головы вѣнки изъ виноградныхъ вѣтвей и изъ вѣчно зеленѣющаго плюща, подвѣшивали бороды изъ большихъ листьевъ растеній, надѣвали маски изъ дерева или коры; представляя собою сатировъ, накидывали на себя козьи шкуры. Обыкновенную принадлежность этихъ праздниковъ составляли диѳирамбы—хоровыя пѣсни, изображавшія страданія Діониса, или гимны въ честь его. Хоръ пѣлъ и плясалъ вокругъ жертвенника; на этомъ жертвенникѣ совершалось закланіе козла, по имени котораго и самая пѣсня называлась трагедіей (пѣсня козла). Такимъ образомъ, диѳирамбъ или народная пѣсня сатировъ и былъ зерномъ трагедіи. Но такъ какъ на ряду съ культомъ Діониса существовалъ культъ героевъ, то послѣднее обстоятельство дало возможность выдѣлиться трагедіи изъ религіи. Въ лицѣ героевъ греки почитали своихъ предковъ и покровителей извѣстной области или города. Герои были болѣе близки людямъ, чѣмъ боги, и потому сдѣлались самыми любимыми божествами народа. Въ честь нѣкоторыхъ изъ нихъ совершались представленія, похожія на тѣ, какія имѣли мѣсто въ культѣ Діониса. Первоначальная трагедія состояла въ слѣдующемъ. Среди пѣвцовъ хора выдѣлялся одинъ, обладавшій живымъ воображеніемъ. Это былъ корифей, глава хора, онъ могъ быть поэтомъ и пѣвцомъ отъ природы. Онъ передавалъ толпѣ страданія бога или національнаго героя, свободно импровизируя. Свой разсказъ онъ сопровождалъ мимическими движеніями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пѣлъ. Хоръ повторялъ отъ времени до времени нѣкоторыя изъ его словъ или установленный припѣвъ. Таково было первое зерно трагедіи. Дальнѣйшая эволюція драматическаго жанра можетъ быть сведена къ тремъ главнѣйшимъ фактамъ: 1) къ обращенію первоначальнаго разсказчика въ актера; это измѣненіе повлекло за собою: 1) введеніе діалога; и, наконецъ, 2) къ развитію правильнаго дѣйствія. Когда прежній разсказчикъ превратился въ актера, то онъ сталъ давать отдѣльные эпизоды о Діонисѣ или о какомъ-нибудь героѣ въ видѣ дѣйствія, представленія. Въ трагедіяхъ вакхическихъ онъ сталъ представлять Бахуса (Вакха) или одного изъ его враговъ, въ героическихъ трагедіяхъ изображалъ того или иного изъ дѣйствующихъ лицъ (бога, героя, вѣстника) поочередно. Введеніе правильнаго дѣйствія выразилось въ оставленіи прежней импровизаціи: роли хора и актера стали заранѣе устанавливаться, а различныя сцены тѣснѣе связываться одна съ другой. Драма развилась и существовала во многихъ мѣстностяхъ Греціи, но только въ Аттикѣ она получила свое полное развитіе. Первымъ шагомъ на пути къ будущей драмѣ было введеніе діалога, приписываемое Ѳеспису (жилъ въ 6 в.). Онъ ввелъ въ представленіе въ честь Діониса разсказы о приключеніяхъ героевъ и такимъ образомъ расширилъ сюжетъ трагедіи, а введеніе діалога ослабило лирическій элементъ; онъ же перевелъ трагедію изъ села въ городъ. Дальнѣйшее развитіе драмы было сдѣлано Фринихомъ. Онъ впервые сталъ выбирать сюжеты для своихъ драмъ не только изъ миѳовъ о другихъ богахъ, кромѣ Діониса, и о герояхъ, но и изъ событій современной исторіи, напр., во „Взятіе Милета“, представилъ гибель Милета отъ персовъ, въ „Финикіянкахъ“ изобразилъ подвиги аѳинянъ въ войнѣ съ персами. Фриниху приписываютъ введеніе женскихъ ролей, исполненіе которыхъ все же поручалось мужчинамъ. Дальнѣйшая разработка греческой трагедіи принадлежитъ тремъ геніальнымъ трагикамъ: Эсхилу, Софоклу и Эврипиду, которые по времени жизни слѣдовали одинъ за другимъ. Въ 480 г. до Р. Х. Эсхилъ, будучи сорокапятилѣтнимъ мужемъ, участвовалъ въ сраженіи при Саламинѣ; Софоклъ, 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ, выступилъ во главѣ побѣднаго хора въ честь

этой битвы; а Эврипидъ какъ разъ въ этотъ день и на самомъ островѣ Саламинѣ появился на свѣтъ. Въ техническомъ отношеніи Эсхилъ удвоилъ число актеровъ и, отодвинувъ на второй планъ лирическія пѣсни хора, далъ первенствующее мѣсто діалогу, который у него ведутъ оба актера другъ съ другомъ, а также и съ хоромъ. Дальнѣйшее усовершенствованіе въ этомъ отношеніи было сдѣлано Софокломъ. Онъ ввелъ 3-го актера, увеличилъ число хористовъ съ 12 до 15, но вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшилъ часть хорового элемента; кромѣ того, онъ ввелъ въ употребленіе раскрашенныя декораціи. Эврипидъ еще болѣе сократилъ значеніе хора, выдвинувъ и расширивъ дѣйствіе.

Примѣры трагедій: Эсхила „Орестейя“, Софокла „Антигона“ „Эдипъ царь“, Эврипида „Медея“.

Греческая трагедія, достигнувъ полнаго своего развитія при трехъ геніальныхъ трагикахъ, начинаетъ падать и уступаетъ свое мѣсто комедіи.

Подобно тому, какъ древняя драма возникла изъ религіозныхъ обрядовъ, такъ и драма средневѣковая ведетъ свое происхожденіе отъ христіанскаго богослуженія. Первоначально драматизаціи подверглись отдѣльныя евангельскія событія; изображались въ лицахъ, разговорахъ и дѣйствіяхъ отдѣльныя событія Священной исторіи. Напр., Тайная вечеря, Судъ надъ Христомъ, его страданія и смерть. Постепенно такіе драматическіе эпизоды достигли самостоятельнаго значенія,—возникли цѣлыя церковныя представленія; вслѣдствіе чего явилась необходимость выдѣлить ихъ изъ богослуженія. Такія церковныя представленія назывались на западѣ *мистеріями*. Слово мистерія—греческое, значитъ таинство, тайное служеніе божеству. Исполнялись онѣ сначала въ церкви священнослужителями и писались на церковномъ, т. е. латинскомъ языкѣ. Съ теченіемъ времени къ исполненію второстепенныхъ ролей были допущены міряне, а съ ними въ латинскій текстъ мистерій сталъ вторгаться и народный языкъ, постепенно завоевывавшій въ нихъ господствующее значеніе. Свѣтскій элементъ сталъ вскорѣ сказываться, и въ содержаніи мистерій — появились комическія фигуры, комическіе эпизоды. Чѣмъ болѣе усиливался свѣтскій элементъ мистерій, тѣмъ болѣе становилось неудобнымъ для духовенства принимать участіе въ ихъ исполненіи. Появились обличенія, укоры за нарушеніе благочинія въ храмахъ. Наконецъ въ 13 вѣкѣ представленіе ихъ переносится сначала на церковную паперть, оттуда на церковный дворъ, а затѣмъ и на городскую площадь. Слѣдствіемъ освобожденія мистерій изъ-подъ контроля духовенства было усиленіе народнаго элемента. Составители мистерій стали брать сюжеты не только изъ церковныхъ преданій, но изъ народныхъ легендъ, апокрифическихъ сказаній и т. п. Къ библейскимъ личностямъ мистерій начинаютъ присоединяться и чисто аллегорическія фигуры, олицетворенія добродѣтели, справедливости и друг. Этотъ новый аллегорическій элементъ мистерій, постепенно развиваясь, положилъ начало самостоятельнымъ *моральнымъ пьесамъ*, такъ называемымъ *moralités*. Содержаніемъ такихъ моральныхъ пьесъ было драматическое изображеніе добродѣтели и порока. Во Франціи и въ Германіи средневѣковая драма впослѣдствіи погибаетъ, но въ Англіи она достигаетъ полнаго своего развитія и совершенства въ вѣкъ Елизаветы, когда драма нашла величайшаго своего представителя въ лицѣ Шекспира. Еще въ концѣ 15 в. въ Англію начали проникать слѣды итальянскаго Возрожденія, характерной чертой котораго было увлеченіе классической древностью. Изученіе классическихъ образцовъ оказало благотворное вліяніе на развитіе средневѣковой драмы въ Англіи, сообщивъ ей правильное построеніе дѣйствія, раздѣленіе на акты, сцены; въ то же время усиливалось народное направленіе. На ряду съ этимъ замѣчается уже у предшественниковъ Шекспира и болѣе глубокое пониманіе задачъ драматической поэзіи; появляется болѣе совершенная разработка характеровъ,—на первый планъ выдвигается психологическая основа дѣйствія, явленія, сознаніе того, что ужасъ жизни заключается не во внѣшнемъ потрясеніи событія, а въ душѣ человѣка, въ страстяхъ его. Трагедія Шекспира есть трагедія страстей, ихъ постепеннаго развитія въ связи съ характеромъ человѣка. Главное вниманіе онъ обращалъ на развитіе психологическихъ основъ характера, внѣшній міръ изображалъ по - стольку, по-скольку это являлось необходимымъ для пониманія характера.

Въ Германіи и во Франціи слѣдствіемъ изученія классическихъ образцовъ явилось слѣпое подраженіе древнимъ, при чемъ главнымъ образомъ формѣ. Это періодъ ложноклассицизма. Появилась теорія, излагавшая правила для составленія всѣхъ родовъ поэзіи. Теоретиками законодателями были—Буало и Баттё, а самыми знаменитыми представителями ложноклассической трагедіи являлись французскіе писатели—Корнель, Расинъ и Вольтеръ. Ложноклассическая трагедія отличалась слѣдующими чертами: 1) соблюденіе трехъ единствъ—времени, мѣста, дѣйствія; 2) умышленное сохраненіе элементовъ эпическаго и лирическаго, вслѣдствіе чего вводили наперсниковъ и наперсницъ, которые замѣняли хоры древней трагедіи; 3) олицетвореніе какой - нибудь идеи, страсти, чувства; 4) вычурность и напыщенность языка.

Ложноклассическая трагедія царила до тѣхъ поръ, пока Европа не узнала Шекспира. Это случилось во второй половинѣ 18 в., когда обратились къ изученію Шекспира. Онъ сдѣлался родоначальникомъ трагедіи новаго времени. Лучшими послѣдователями его были Гете, Шиллеръ, а у насъ Пушкинъ.

Комедія. Комедія есть такое драматическое произведеніе, которое, изображая борьбу мелкихъ и ничтожныхъ людей и ихъ пороки, и недостатки, возбуждаетъ въ насъ смѣхъ, соединяющійся то съ негодованіемъ, то съ презрѣніемъ, то съ сожалѣніемъ. Она возникла также въ Греціи, вышла изъ того же культа Діониса, какъ и трагедія, но обязана своимъ происхожденіемъ веселымъ пѣснямъ въ честь бога Діониса. Эти пѣсни распѣвали во время сельскихъ процессій, имѣвшихъ цѣлью прославленіе Діониса. Обыкновенно пѣвецъ славилъ бога вина и веселья и, безъ сомнѣнія, присоединялъ къ своему гимну различныя шутки и фантастическіе разсказы, а хоръ отвѣчалъ ему припѣвами, сопровождая ихъ крикомъ. Участники праздества пили въ честь Діониса и начинали спорить другъ съ другомъ, драться, пѣть, плясать, наряжаться, изображая собою фантастическія существа. Вся эта хаотическая сцена, полная оживленія, не подчиненная правиламъ искусства, называлась „комедіей“, т. е. собственно пѣснией комоса, отъ „комо“ — пиръ, пляска. Къ 5 в. комедія уже успѣла выработать свою форму. Самымъ лучшимъ представителемъ древней греческой комедіи служитъ Аристофанъ, современникъ Эсхила. Его комедіи осмѣиваютъ различные общественные недуги, какъ напр., сутяжничество, упадокъ прежнихъ нравовъ, вѣры, софистовъ и проч. Изъ 54 комедій Аристофана до насъ дошло только 11. Послѣ Аристофана славился своими комедіями Менандръ (въ 4 в. до Р. Х.). Итакъ, греческая комедія брала своимъ содержаніемъ злобу дня.

Римскіе комики, какъ трагики, слѣдовали греческимъ образцамъ. Лучшіе римскіе комики — Плавтъ (2 в. по Р. Х.) и Теренцій (2 в. по Р. Х.).

Дальнѣйшее развитіе комедіи находимъ у европейскихъ писателей. Въ 17 в. появляется во Франціи знаменитый комикъ Мольеръ, прославившійся главнымъ образомъ комедіями „Тартюфъ“ и „Скупой“. Но это былъ вѣкъ ложноклассицизма, когда комедія должна была укладываться въ рамки ложноклассической теоріи. Отличительные признаки ложноклассической комедіи слѣдующіе: сохраненіе единства времени, мѣста и дѣйствія; дѣленіе дѣйствующихъ лицъ на добродѣтельныхъ и порочныхъ; введеніе резонеровъ; чрезмѣрное преувеличеніе недостатковъ.

Примѣромъ ложноклассической комедіи въ нашей литературѣ будетъ „Недоросль“ Фонъ-Визина. Со времени изученія Шекспира въ европейской литературѣ появляется *комедія новаго времени*, которая доведена до высокой степени художественности и естественности. Образомъ такой комедіи можетъ быть „Ревизоръ“ Гоголя.

Драма (въ тѣсномъ смыслѣ) ведетъ свое начало отъ Шекспира. *Драмой* называется драматическое произведеніе, которое представляетъ соединеніе элементовъ трагедіи и комедіи. Содержаніе свое драма беретъ изъ жизни обыкновенной; герои ея люди или обыкновенные, или близкіе къ обыкновеннымъ. Смотря по преобладанію элемента трагическаго или комическаго — драма приближается то къ трагедіи (напр., драма „Маскарадъ“ Лермонтова), то къ комедіи (напр., драма „Бѣдность не порокъ“ Островскаго.

Слѣдуетъ замѣтить, что комическое въ искусствѣ можетъ основываться не только на комическихъ характерахъ, но и комическихъ положеніяхъ. Произведеніе, основанное на комическихъ положеніяхъ, называется *фарсомъ*. Трагическое положеніе создаетъ *мелодраму*.

Практика русскаго языка.

Практика русскаго языка для 5—8 классовъ гимназіи заключается въ слѣдующемъ:

1. Устно-чтеніе и разборъ словесныхъ произведеній, о которыхъ упоминалось въ „Исторіи словесности".

2. Письменно-разработка темъ (составленіе плана) литературныхъ, историческихъ и отвлеченныхъ, а также написаніе сочиненій на заданныя темы.

Соотвѣтственно этому, настоящій отдѣлъ распадается на два подотдѣла: 1. Историческая хрестоматія съ образцами для чтенія и разбора и 2. Руководство къ сочиненіямъ на темы.

а) Историческая хрестоматія.

Слово митрополита Иларіона о ветхомъ и новомъ завѣтѣ и похвала князю Владимиру.

Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, Богъ Христіянескъ, яко посѣти и сътвори избавленіе людемъ своимъ, яко не презьрѣ твари своея до коньца идольскымь мракомь одержимѣ быти и бѣсовьскыимь служеніимь, но оправьди прежде племя Авраамле скрижальми и закономь, послѣжде Сыномь Своимь вься языкы сълпасе Евангеліимь и крещеніимь, и въводя въ обновленіе пакыбытія въ жизнь вѣчьную....

Законъ бо предътеча бѣ и слуга благодати и истинѣ; истина же и благодать слуга будущему вѣку, жизни нетлѣньнѣй. Яко законъ привождаше възаконеныя къ благодатьному крещенію: крещеніе же препущаеть сыны своя на вѣчьную жизнь. Моисій бо и пророци о Христовѣ пришествіи повѣдаху. Христосъ же и Апостоли Его о въскресеніи и о будущемъ вѣцѣ....

И что успѣ законъ? что ли благодать? Прежде законъ, потомь благодать; прежде стѣнь, ти потомь истина. Образъ же закону и благодати— Агарь и Сарра, работьная Агарь и свободьная Сарра; работьная прежде, ти потомь свободьная. И да разумѣеть, иже чьтеть. Яко Авраамъ убо отъ юности своея Сарру имѣ жену си, свободьну, а не рабу; и Богъ убо прежде вѣкъ изволи и умысли Сына Своего въ міръ посълати, и тѣмь благодати явитися.—Сарра же не раждаше, поне же бѣ неплоды, но заключена бѣ Божіимь промысломь на старость родити: безвѣстьная же и утаеная мудрости божія утаена бяху (отъ) Ангелъ и человѣкъ, не яко не явима, но утаена и на конець вѣка хотяща явитися....

Благодать же глагола къ Богу: аще нѣсть времене снити ми на землю и съпасти міръ, сниди на гору Синай и законъ положи....... Послуша и Богъ яже отъ благодати словесъ, и сниде на Синай.—Роди же Агарь раба отъ Авраама рабичищь, и нарече Авраамъ имя ему: Измаилъ. И снесе Моисей отъ Синайскыя горы законъ, а не благодать, стѣнь, а не истину.—По сихъ же уже стару сущю Аврааму и Саррѣ, явися Богъ Аврааму, сѣдящю ему предъ дверьми куща своея, въ полудьни, у дуба Мамврійскаго; Авраамъ же рече въ сърѣтеніе Ему и поклонися Ему до земля, и пріятъ и въ кущю свою. Вѣку же сему въ коньцю приближающюся, посѣти Господь человѣчьскаго рода и сниде съ небесе, въ утробу Дѣвица въходя; пріятъ же и Дѣвица съ покланяніемь въ кущю плотяную, не болѣвъши, глаголющи къ Ангелу: се раба Господьня, буди мнѣ по глаголу твоему.— Тогда убо отключи Богъ ложесна Саррина, и заченьши ради Исаака, свободьная свободьнаго. Присѣтивъшю Богу человѣчьска естества, явишася уже безвѣстьная и утаеная, и родися, благодать и истина, а не законъ; Сынъ, а не рабъ.—Яко отдоися отроча Исаакъ и укрѣпѣ, и сътвори Авраамъ гоститву велику, егда отдоися Исаакъ сынъ Его. Егда бѣ Христосъ на земли и еще благодать не укрѣпѣла бѣаше, но доямшеся еще, за 30 лѣтъ, въ няже Христосъ таяшеся; егда же отдоися и укрѣпѣ, явися благодать Божія спасеньная вьсѣмъ человѣкомъ въ Іердaньстѣй рѣцѣ; сътвори Богъ гоститву велику и пиръ великъ тельцемь упитаньнымь отъ вѣка, възлюбленьнымь сыномь своимь Іисусъ Христомь, съзъвавъ на едино веселіе небесьныя и земленыя, съвъкупивъ въ едино Ангелы и человѣкы....

Яко же и есть: Вѣра бо благодатьная по вьсей земли распрострѣся, и до нашего языка русьскаго дойде, и законьное езеро пресыше, евангельскый же источьникъ наводнивъся, и вьсю землю покрывъ, и до насъ проліявъся. Се бо уже и мы съ вьсѣми Христіянами славимъ Святую Троицу, а Іюдея мълчить. Христосъ славимъ бываеть, а Іюдеи

кленоми; языци приведени, а Іюдеи отриновени......

Хвалить же похвальными гласы римская страна Петра и Павла, ими же вѣроваша въ Іисуса Христа Сына Божія; Асія, и Ефесъ, и Патмъ — Іоанна Богослова; Индія — Фому, Египетъ — Марка; вься страны, и гради, и людіе чьтуть и славять коегождо ихъ учителя, иже научиша православьнѣй вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами — великая и дивьная сътворьшаго нашего учителя и наставника, великаго кагана нашея земля, Владимера, внука стараго Игоря, сына же славьнаго Святослава, иже, въ своя лѣта владычествующе, мужьствомь же и храбрьствомь прослуша въ странахъ многахъ, и побѣдами и крѣпостію поминаються нынѣ и словуть. Не въ худѣ бо, и не въ невѣдомѣ земли владычьствоваша, но въ русьской, яже вѣдома и слышима есть вьсѣми коньци земля.....

Добръ послухъ благовѣрію твоему, о блаженьниче, святая церкы святыя Богородица Марія, юже съзьда на правовѣрьнѣй основѣ, идеже и мужьственое твое тѣло нынѣ лежить, ожидая трубы архангеловы. Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгій, егожь сътвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, нъ утверждающа, ни умаляюща твоему благовѣрію положенія, но паче прилагающа, не казяща, нъ учиняюща, иже недокончьнаная твоя доконьча акы Соломонъ Давыдова, иже домъ Божій великый святый Его Премудрости съзьда на святость и освященіе граду твоему, юже съ вьсякою красотою украси, златомь и сребромь и каменіемь драгымь, и съсуды честьныими, яже церкы дивьна и славьна вьсѣмъ окружьныимъ странамъ, якоже ина не обрящеться въ вьсемь полунощіи земьнѣмь, отъ въстока до запада, и славный градъ твой Кыевъ величьствомь, яко вѣньцемь, обложилъ, предалъ люди твоя и градъ святѣй вьсеславьнѣй, скорѣй на помощь христіяномъ, святѣй Богородици, ейже и церковь на великыхъ вратѣхъ съзьда во имя первааго Господьскаого праздьника святаaго Благовѣщенія, да еже цѣлованіе Архангелъ дасть Дѣвици, будеть и граду сему. Къ оной бо: радуйся, обрадованьная, Господь съ тобою! Къ граду же: благовѣрьный граде, Господь съ тобою.

Въстани, о честьная главо, отъ гроба твоего, въстани, отряси сонъ! Нѣси бо умерлъ, но съпиши до обьщаго вьсѣмъ въстанія. Въстани, нѣси умерлъ, нѣсть бо ти лѣпо умьрѣти, вѣровавъшю въ Христа, живота вьсему міру. Отряси сонъ, възведи очи, да видиши какоя тя чьсти Господь тамо съподобивъ, и на земли не безпамятьна оставилъ сыномь твоимь. Въстани, виждь чадо свое Георгія, виждь утробу свою, виждь милаaго своего, виждь, егоже Господь изведе отъ чреслъ твоихъ; виждь красящаaго столъ земля твоей, и возрадуйся, възвеселися. Къ сему же виждь и благовѣрьную сноху твою Ерину, виждь внукы твоя и правнукы, како живуть, како хранимі суть Господемь, како благовѣріе держать по преданію твоему, како въ святыя церкъви частять, како славять Христа, како поклоняються имени Его. Виждь же и градъ, величьствомь сіяющь, виждь церкъви цвѣтуща, виждь христіяньство растуще, виждь градъ иконами Святыихъ освѣщаемъ, блистающься, и тиміяномь обьухаемъ и хвалами и божественами пѣніи святыими оглашаемъ. И си вься видѣвъ, възрадуйся, и похвали благаго Бога, вьсѣмъ симъ строителя.

Лѣтопись Нестора.

Легенда объ Апостолѣ Андреѣ. Днѣпръ вътечеть въ Понетьское море жереломь, еже море словеть Русьское, по нему же училъ святый Оньдрей, братъ Петровъ, яко же рѣша. Оньдрею учащю въ Синопіи и пришедъшю ему въ Корсунь, увидѣ, яко изъ Корсуня близь устье Днѣпрьское, въсхотѣ поити въ Римъ и приде въ устье Днѣпрьское; оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра въставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: „видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяеть благодать Божья, имать градъ великъ быти, и церкъви многы Богъ въздвигнути имать“. Въшедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълѣзъ съ горы сея, идѣже послѣже бысть Кыевъ, и поидѣ по Днѣпру горѣ. И приде въ Словѣны, идѣже нынѣ Новъгородъ; и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и какъ ся мыють, хвощються, и удивися имъ. Иде въ Варягы и приде въ Римъ, исповѣда, елико научи и елико видѣ, и рече имъ: „дивьно видѣхъ Словѣньскую землю, идучи ми сѣмо видѣхъ бани древены, и пережьгуть я рамяно, совлокуться и будуть нази, и обліються квасомь усніянымь, и возьмуть на ся прутье младое, бьються сами и того тя добьють, егда вълѣзуть ли живи, и обліються водою студеною, тако оживуть; и то творять по вься дьни немучими никымьже, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а мученье“. Ти слышаще дивляхуся; Оньдрей же бывъ въ Римѣ, приде въ Синопію.

Преданіе объ основаніи Кіева. Полемъ же живъшемъ особѣ и володѣющимъ роды своими, иже и до сея братья бяху Поляне, и живяху кождо съ своимь родомь и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомь своимь. Быша 3 братья, единому имя Кый, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кый на горѣ, гдѣже нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ нынѣ зоветься Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозъвася Хоревица. И сътвориша градъ, во имя брата своего старѣй-

шаго, и нарекоша имя ему Кыевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь; бяху мужи мудри и съмысленп, нарицахуся Поляне, отъ нихъ же есть Поляне въ Кыевѣ и до сего дьне. Ини же не съвѣдуще рекоша, яко Кый есть перевозьникъ былъ; у Кыева бо бяше перевозъ тогда съ оныя стороны Днѣпра; тѣмь глаголаху: „на перевозъ на Кыевъ". Аще бо бы перевозьникъ Кый, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кый княжаше въ родѣ своемь. Приходивъшю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь прiялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и съруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимь, и не даша ему ту близь живущеи; еже и донынѣ наричють Дунайци городище Кыевець. Кыеви же пришедъшю въ свой градъ Кыевъ, ту живутъ свой съконьча; а братъ его Щекъ, и Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь ту съконьчашася.

Мщеніе Ольги. Въ лѣто 6453. Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: „отроци Свенельжи изодѣлися суть оружьемь и порты, а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы". Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и промышляше къ первой дани, насиляше имъ, и мужи его; возъемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущю же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своей: „идѣте съ данью домови, и я возъвращюся, похожю и еще". Пусти дружину свою домови, съ маломь же дружины возъвратися, желая больша имѣнья. Слышавъше же Деревляне, яко опять идеть, съдумавъше со княземь своимь Маломь: „аще ся въвадить волкъ въ овьца, то выносить вьсе стадо, аще не убьютъ его; тако и се: аще не убьемъ его, то вься ны погубить". Послаша къ нему глаголюще: „почто идеши опять? поималъ еси вьсю дань". И не послуша ихъ Игорь; и, вышедъше изъ града Искоростеня, Деревляне убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь; есть могыла его у Искоростеня града въ Деревѣхъ и до сего дьне. Ольга же бяше въ Кыевѣ съ сыномъ своимь съ дѣтьскомь Святославомь, и кормилецъ его Асмудъ, воевода бѣ Свенельдъ, тоже отець Мистишинъ. Рѣша же Деревляне: „се князя убихомъ русьскаго; поимемъ жену его Ольгу за князь свой Малъ, и Святослава, и сътворимъ ему, якоже хощемъ". И посълаша Деревляне лучьшая мужа, числомь 20, въ лодьи къ Ользѣ, и присташа подъ Боричевымь въ лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Кыевьскыя, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. Градъ же бѣ Кыевъ, идѣже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никыфоровъ, а дворъ княжь бяше въ городѣ, идѣже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище бѣ вънѣ града, и бѣ вънѣ града дворъ другый, идѣже есть дворъ Деместиковъ, за святою Богородицею надъ горою дворъ теремьный; бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и воззъва я Ольга къ собѣ: „добри гостье придоша". И рѣша Деревляне: „придохомъ, княгыне". И рече имъ Ольга: „да глаголете, что ради придосте сѣмо?" Рѣша же Древляне: „посъла ны Деревьска земля, рькуще сице: „мужа твоего убихомъ; бяше бо мужь твой якы волкъ восхыщая и грабя, а наши князи добри суть, иже разъпасли суть Деревьску землю; да пойди за князь нашь за Малъ"; бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску. Рече же имъ Ольга: „люба ми есть рѣчь ваша. Уже мнѣ мужа своего не кресити; но хочю вы почьтити наутрія надъ людьми своими, а нынѣ идѣте въ лодью свою, и лязите въ лодьи величающеся. Азъ утро посълю по вы, вы же рьцѣте: не ѣдемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодьи; и възнесуть вы въ лодьи"; и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку, на дворѣ теремьстѣмь, вънѣ града. И заутра Ольга, сѣдящи въ теремѣ, посъла по гости; и придоша къ нимъ глаголюще: „зоветь вы Ольга на честь велику". Они же рѣша: „не ѣдемъ на конѣхъ, ни на возѣхъ; понесѣте ны въ лодьи". Рѣша же Кыянѣ: „намъ неволя; князь нашь убьенъ, а княгыни наша хочеть за вашь князь". И понесоша я въ лодьи. Они же сѣдяху въ перегъбѣхъ, въ великыхъ сустугахъ гордящеся; и принесоша я на дворъ къ Ользѣ, несъше въринуша я въ яму и съ лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: „добра ли вы честь?" они же рѣша: „пущи ны Игоревы съмерти". И повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я. Посълавъши Ольга къ Деревляномъ, рече имъ: „да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да въ велицѣ чьти приду за вашь князь, еда не пустять мене людье Кыевьстіи". Се слышавъше Деревляне собьраша лучьшая мужа, иже держаху Деревьску землю, и посълаша по ню. Деревляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь сътворити, рькущи сице: „измывъшеся придите ко мнѣ". Они же пережьгоша истопъку, и вълѣзоша Деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истопъку, и повелѣ зажечи ю отъ дверій. Ту изгорѣша вьси. И посъла къ Деревляномъ, рькущи сице: „се уже иду къ вамъ, да пристроите меды многы въ градѣ, идѣже убисте мужа моего, да поплачуся надъ гробомъ его, и сътворю тризну мужю своему". Они же то слышавъше, съвезоша меды многы зѣло, възвариша. Ольга же, поимъши мало дружины, легъко идущи приде къ гробу его, плакася по мужи своемь; и повелѣ людемъ своимъ съсути могылу велику; яко сосъпоша, и повелѣ тризну творити. Посемь сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними. Рѣша Деревляне къ Ользѣ: „гдѣ суть дружина наша, ихъ же посълахомъ по тя?" она же рече: „идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего". Яко упишася

Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ поити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ сѣчи Деревляне. И изсѣкоша ихъ 5000; а Ольга возъвратися Кыеву, и пристрои вои на прокъ ихъ.

Кн. Святославъ и кончина Ольги. Князю Святославу възрастъшю и възмужавъшю, нача вои совъкупляти многы и храбры, и легъко ходя акы пардусъ, войны многы творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонъку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на угълехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ постьлавъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочіи вои его вьси бяху. Посылаше къ странамъ глаголя: „хочю на вы ити". И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: „кому дань даете?" они же рѣша: „Козаромъ по щьлягу отъ рала даемъ".

Въ лѣто 6476. Придоша Печенѣзи на руську землю первое, а Святославъ бяше Переяславьци; и затворися Ольга въградѣ со внукы своими, Ярополкомь и Ольгомь и Володимеромь, въ градѣ Кыевѣ. И оступиша градъ въ силѣ велицѣ, безчисленно множьство около града, и не бѣ льзѣ изъ града вылѣзти ни вѣсти, посълати; изнемогаху же людье гладомь и водою. Собравъшеся людье оныя страны Днѣпра въ лодьяхъ, объ ону страну стояху, и не бѣ льзѣ вънити въ Кыевъ ниединому ихъ, ни изъ града къ онѣмъ. Въстужиша людье въ градѣ и рѣша: „нѣ ли кого, иже бы моглъ на ону страну дойти и речи имъ: аще не кто приступить съ утра, предатися имамы Печенѣгомъ?" И рече единъ отрокъ: „азъ преиду"; и рѣша: „иди". Онъ же изъиде изъ града съ уздою, и ристаше сквозѣ Печенѣгы, глаголя: „не видѣли коня никтоже?" бѣ бо умѣя Печенѣжьскы, и мьняхуть и своего. Яко приближися къ рѣцѣ, съверга порты, сунуся въ Днѣпръ и побреде; видѣвъше же Печенѣзи, устремишася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже сътворити. Они же видѣвъше съ оныя страны, и пріѣхаша въ лодьи противу ему, и възяша и въ лодью, и привезоша и къ дружинѣ; и рече имъ: „аще не подъступите заутра къ городу, предатись хотять людье Печенѣгомъ". Рече же воевода ихъ, именемъ Претичь: „подъступимъ заутра въ лодьяхъ, и попадъше княгиню и княжича умъчимъ на сю страну; аще ли сего не сътворимъ, погубити ны имать Святославъ". Яко бысть заутра, всѣдъше въ лодью противу свѣту и въструбиша вельми, и людье въ градѣ кликнуша; Печенѣзи же мьнѣша князя пришедъша, побѣгоша разно отъ града; и изъиде Ольга со внукы и съ людьми къ лодьи. Видѣвъ же се князь Печенѣжьскый, възвратися единъ къ воеводѣ Претичю и рече: „кто се приде?" и рече ему: „лодья оныя страны". И рече князь Печенѣжьскый: „а ты князь ли еси?" онъ же рече: „азъ есмь мужь его и пришелъ есмь въ сторожѣхъ; по мнѣ идеть полкъ съ княземь безъ числа множество". Се же рече, грозя имъ. Рече же князь Печенѣжьскый къ Претичю: „буди ми другъ"; онъ же рече: „тако сътворю". И подаста руку межю собою, и въдасть Печенѣжьскый князь Претичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему броня, щитъ, мечь. Отступиша Печенѣзи отъ града, и не бяше льзѣ коня напоити: на Лыбеди Печенѣзи. И послаша Кыяне къ Святославу, глаголюще: „ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ, малы бо насъ не възяша Печенѣзи, матерь твою и дѣти твоя; аще не поидеши, ни обраниши насъ, да пакы ны возьмуть, аще ти не жаль отьчины своея, ни матере стары суща и дѣтій своихъ". То слышавъ Святославъ, въборзѣ въсѣде на коня съ дружиною своею, и приде Кыеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя, и сжалися о бывшемъ отъ Печенѣгъ; и собра вои, и прогъна Печенѣгы въ поле, и бысть миръ.

Въ лѣто 6477. Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: „нелюбо ми и есть въ Кыевѣ быти, хочю жити въ Переяславьци въ Дунаи, яко то есть середа въ земли моей, яко ту вься благая сходяться: отъ Грекъ злато, паволокы, вина, овощеве розноличніи, изъ Чехъ же, изъ Угоръ сребро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь". Рече ему Ольга: „видиши мя больную сущю, камо хощеши отъ мене ити?" бѣ бо разболѣлася уже; рече ему: „погребъ мя, иди же, яможе хочеши". По трехъ дьнехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вьси плачемь великомь, несоша и погребоша ю на мѣстѣ. И бѣ заповѣдала Ольга не творити тризны надъ собою, бѣ бо имущи презвутеръ; сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущія крестьяньстѣй земли акы деньница предъ солньцемъ и акы зоря предь свѣтомь, си бо сьяше акы луна въ нощи, тако и си въ невѣрьныхъ человѣцѣхъ свѣтящися акы бисеръ въ калѣ; кальни бо бѣша, грѣхъ неомовени крещеньемь святымь. Си бо омыся купѣлью святою, и совлечеся грѣховьныя одежа ветхаго человѣка Адама, и въ новый Адамъ облечеся, иже есть Христосъ. Мы же рьцѣмъ къ ней; радуйся, руськое познанье къ Богу; начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде въ царьство небесьное отъ Руси, сію бо хвалять русьстіи сынове, акы начальницю; ибо по съмерти моляше Бога за Русь.

Крещеніе Руси. Володимеръ же посемь поемъ царицю, и Настаса, и попы Корсуньскы, съ мощьми святаго Климента и Фива, ученика его, поима съсуды церковьныя, иконы на благословенье себѣ. Поставивъ же церковь въ Корсунѣ на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще присъпу, яже церкы стоить и до сего дьне. Възя же ида мѣдянѣ двѣ капищи, и 4 кони мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, якоже не вѣдуще мьнять я мрамаряны суща.

Вдасть же за вѣно Грекомъ Корсунь опять, царица дѣля, а самъ приде Кыеву. Яко приде, повелѣ кумиры испровреци, овы осѣчи, а другыя огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемь. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прельщаше симь образомь человѣкы, да възмездье пріиметь отъ человѣкъ. Велій еси, Господи, и чюдьна дѣла твоя! вчера чьтимъ отъ человѣкъ, а днесь поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрьніи людье, еще бо не бяху пріяли святаго крещенья; и привлекъше вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ рекъ: „аще гдѣ пристанеть вы, то отрѣвайте его отъ берега, дондеже порогы пройдеть; то тогда охабитеся его“. Они же повелѣная сътвориша. Яко пустиша, и пройде сквозѣ порогы; изверже и вѣтръ на рѣни, и оттолѣ прослу Перуняна рѣнь, якоже и до сего дьне словѣть. Посемь же Володимеръ посъла по вьсему граду глаголя: „аще не обрящеться кто рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работьникъ, противенъ мнѣ да будеть“. Се слышавъше людье, съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли“. Наутрія же изъиде Володимеръ съ попы царицины и съ Корсуньскыми на Днѣпръ, и сънидеся безъ числа людій: вълѣзоша въ воду и стояху овы до шіи, а друзіи до персій, младіи же отъ берега, друзіи же млады держаще, съвершеніи же бродяху; попове же стояще молитвы творяху. И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ; а дьяволъ стеня глаголаше: „увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! здѣ бо мьняхъ жилище имѣти, яко здѣ не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о служьбѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣгласъ, а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ; не имамъ уже царьствовати въ странахъ сихъ“. Крестивъшимъ же ся людемъ, идоша кождо въ домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възъзьрѣвъ на небо рече: „Боже, сътворивый небо и землю! призьри на новыя люди сія, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти тобе истиньнаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьяньскыя; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивьнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его“. И се рекъ, повелѣ рубити церкъви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумири; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идѣже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкъви и попы, и люди на крещенье приводити по вьсѣмъ градомъ и селомъ. Посълавъ нача поимати у нарочитыя чади дѣти, и даяти нача на ученье книжьное; матери же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахуся.

14. *Сказаніе о Кожемякѣ*. Въ лѣто 6500. Иде на Хорваты. Пришедъшю бо ему съ войны Хорватьскыя, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срѣте я на Трубежи на бродѣ, гдѣ нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ не сей сторонѣ, а Печенѣзи на оной, и не смѣяху си на ону страну, ни они на сю сторону. И пріѣха князь Печенѣжьскый къ рѣцѣ, возъва Володимера и рече ему: „выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета: да аще твой мужь ударить моимь, да не воюемъ за три лѣта, аще ли нашь мужь ударить, да воюемъ за три лѣта“. И разъидостася разно. Володимеръ же приде въ товары, посъла биричи по товаромъ, глаголя: „нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжиномь?“ И не обрѣтеся нигдѣже. Заутра пріѣхаша Печенѣзи и свой мужь приведоша, и въ нашихъ не бысть. И поча тужити Володимеръ, съля по вьсѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: „княже! есть у мене единъ сынъ меньшій дома, а съ четырьми есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтьства бо его нѣсть кто имь ударилъ: единою бо ми и сварящу, и оному мьнущю усніе, розгнѣвавъся на мя, преторже череви рукама“. Князь же се слышавъ радъ бысть, посъла по нь, и приведоша и ко князю, и князь повѣда ему вься; се же рече: „княже! не вѣдѣ, могу ли ся, и да искусите мя: нѣту лу быка велика и сильна?“ И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздражити быка; возложиша на нь желѣза горяча, и быка пустиша: и побѣже быкъ мимо и, и похвати быка рукою за бокъ, и выня кожю сь мясы, елико ему рука зая. И рече ему Володимеръ: „можеши ся съ нимь бороти“. И на утрія придоша Печенѣзи, почаша зъвати: „нѣ ли мужа? Се нашь доспѣлъ“. Володимеръ же повелѣ той нощи облещися въ оружье; и приступиша ту обои. Выпустиша Печенѣзи мужь свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ; и выступи мужь Володимеръ, и узьрѣ и Печенѣзинъ и посмѣяся, бѣ бо середній тѣломь. И размѣривъше межи обѣма полкома, пустиша я къ собѣ, и ястася, почаста ся крѣпъко держати, и удави Печенѣзина въ руку до съмерти и удари имь о землю; и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша, и Русь погънаша по нихъ сѣкуще, и прогънаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томь и нарече и Переяславль, зане перея славу отрокотъ.

Житіе Θеодосія Печерскаго, составленное Несторомъ.

Наипаче же зѣло любляаше блаженааго христолюбивый князь Изяславъ, предержай тогда столъ отца своего, и часто же и призываше къ собѣ,

множицею же и самъ прихождааше къ нему, и тако духовьныихъ тѣхъ словесъ насыщашеся и отхожааше. Яко же оттолѣ тако Богъ возвеличаше мѣсто то, умножая вьсѣхъ благыихъ въ немъ молитвами въгодника своего.

Отецъ же нашь Өеодосій бѣаше сице запретилъ вратарю, да по отъѣденіи обѣда не отверзаеть вратъ никому же, и никто же пакы да не входить въ манастырь, дондеже будяше годъ вечерьній, яко да полудьнію сущю почіють братія, нощьныихъ ради молитвъ и утреняго пѣнія. И въ единъ день полуднію сущу, пріиде, по обычаю, христолюбецъ Изяславъ, съ маломъ отрокъ. Егда хотяше поѣхати къ блаженуюму, тогда распустяше вся боляры въ домы своя, но токмо съ шестію или пятію отрокъ прихожааше къ нему. Се же, яко рѣкохъ, пріѣхавъ и съсѣде съ коня, ни бо николи же ѣха на дворъ манастырьскыи, и, приступивъ къ вратомъ, повелѣ отверсти, внити хотя. Онъ же отвѣща ему, яко повелѣніе есть великааго отца не отверзати вратъ никому же, дондеже годъ вечерьній будеть. Таче пакы христолюбецъ, возвѣщая ему, да увѣсть, кто есть и глаголаше: се бо азъ есмь, и мнѣ отверзи врата единому. Онъ же не вѣдый, яко князь есть, отвѣщавааше ему сице: рѣхъ ти, яко повелѣно ми есть отъ игумена, яко аще и князь пріидеть, не отверзи вратъ, то уже, аще хощеши, потерпи мало, дондеже годъ будетъ вечерьній. Онъ же отвѣща: яко азъ есмь князь, то или мнѣ не отверзеши. Тогда изникъ видѣтъ, и познавъ князя его суща, и въ страсѣ бывъ, не отверзе вратъ, но блаженуюму сповѣдатъ тече. Оному же стоящю предъ враты и терпящю, о семь подражающю святого и верховьнааго апостола Петра. Изведену бо бывшю тому ангеломь изъ темницѣ, и пришедшю ему къ дому, идеже бѣша ученици его, и толкнувшю ему въ врата, и се рабыни изникнувши, видѣ Петра стояща, и отъ радости же не отверзе воротъ, но текши, повѣда ученикомъ приходъ его. Тако же и се отъ страха не отверзе вратъ, но скоро текъ, повѣда блаженуюму христолюбца. Таче блаженый ишедъ и видѣвъ князя, и поклонися ему, и по сихъ начатъ глаголати ему христолюбець: о како, отче, запрещеніе твое, еже глаголеть черноризець сій, яко аще и князь пріидеть не пустите его. Блаженый же отвѣща: сего ради глаголють, владыко благый, повелѣніе то, якоже да въ годъ полуденный не исходять братія изъ манастыря, но починуть въ то время, нощьнааго ради славословія. Твое же Богомь подвижьное тщаніе къ Святѣй Владычици нашей Богородици благо и души твоей на успѣхъ, и мы же вельми радуемся о прихоженіи твоемь. Таче по сихъ, шедшема има въ церковь и сотворивъ молитву, сѣдоста. Ти тако христолюбивый князь насыщашеся медоточьныихъ тѣхъ словесъ, иже исхожааху отъ устъ преподобнааго отца нашего Өеодосія, и велику пользу пріимъ отъ него, иде въ домъ свой, славя Бога. И отъ того дне большіими начать любити и, и тако имяше его яко единаго отъ первыихъ святыихъ отець, и вельми послушааше его, и творяше вся повелѣная ему отъ великааго отца нашего, Өеодосія...

И се въ единъ день шедшю великууму отцу нашему Өеодосію, нѣкотораага ради орудія, къ христолюбцю князю Изяславу, далече ему сущю отъ града. Таче яко и пришедъ, и до вечера умудрившю ему, орудія ради, и повелѣ христолюбець, нощьнаага ради поспанія ему, на возѣ допровадити и до манастыря его. И яко бысть, идый путемь и возяй его, видѣвъ и въ такой одежи сущаага, и мнѣвъ, яко единъ отъ убогыхъ есть, глагола ему: черноризче, се бо ты по вся дни порозденъ еси, азъ же труденъ сы, и се не могу на кони ѣхати; но сице сотворивѣ: да азъ ти лягу на возѣ, ты же могый на кони ѣхати, всяди на конь. То же блаженый съ всякыимь смѣреніемь воставъ, сѣде на кони, а оному же легшю на возѣ, и идяше путемь, радуяся и славя Бога, и егда же вздрѣмаашеся, тогда же ссѣдъ и текъ, идяаше вскрай коня, дондеже утрудяашеся ти тако пакы на конь всядяше. Часто же уже зорямъ восходящемъ и вельможамъ ѣдущемъ къ князю, и издалеча познавше блаженааго, и ссѣдше съ конь, покланяахуся убо блаженууму отцю нашему Өеодосію, тогда же глагола отроку: се уже, чадо, свѣтъ есть, всяди на конь свой. Онъ же видѣвъ еже тако вси поклоняхуться ему, и ужасеся въ умѣ и трепетенъ сы, воста и всѣде на конь, ти тако поиде путемь, а преподобнууму Өеодосію на возѣ сидящю, вси же боляре срѣтше, поклоняхуся ему. Таче дошедшю ему манастыря, и се ишедше вся братія, поклонишася ему до земля, тоже отрокъ больми ужашеся, помышляя въ себѣ, кто се есть, еже тако вси поклоняються ему; и емъ и за руку, введе и въ трапезьницю, таче повелѣ ему дати ѣсти и пити, елико хощеть, еще же и кунами тому давъ, отпусти и...

Слова Кирилла, епископа Туровскаго.

Изъ слова въ новую недѣлю по Пасцѣ. Ныня солньце красуяся въ высотѣ въсходить и радуяся землю огрѣваеть: възъиде бо намъ отъ гроба праведьное солньце Христосъ и вься вѣрующая ему съпасаетъ. Ныня луна съ вышьняго съступивъши степени, большему свѣтилу честь подаваеть: уже ветъхый законъ, по писанію съ суботами преста и Пророкы, Христову закону съ недѣлею честь подаетъ. Ныня зима грѣховьная покаяніемь престала есть и ледъ невѣрія богоразуміемь растаяся: зима убо языческаго кумирослуженія Апостольскымь ученіемь и Христовою вѣрою престала есть, ледъ же Өомина невѣрія показаніемь Христовъ ребръ растаяся. Днесь весна красуеться, оживляющи земьное естьство; бурьніи вѣтри,

тихо повѣвающе, плоды гобьзують и земля сѣмена питающи зеленую траву ражаеть. Весна убо красьная вѣра есть Христова, яже крещеніемь поражаеть человѣчьское пакыестьство; бурьніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемь претворъшеся на добродѣтель душеполезьныя плоды гобьзують: земля же естьства нашего, акы сѣмя Слово Божіе пріимъши, и страхомь его присьно болящи, духъ спасенія ражаеть. Ныня новоражаеміи агньци и уньци, быстро путь перуще, скачють, и скоро къ матеремъ възращающеся веселяться, да и пастыри свиряюще веселіемь Христа хвалять. Агнеца, глаголю, кротъкыя отъ языкъ люди, а уньца кумирослужителя невѣрьныхъ странъ, иже Христовомь въчеловѣченіемь и Апостольскымь ученіемь и чюдесы, скоро по законѣ емъшеся, къ святѣй церкъви възративъшеся, млеко ученія сосуть; да и учителя Христова стада о въсѣхъ молящеся, Христа Бога славять, вься волкы и агньца въ едино стадо собравъшаго. Ныня древа лѣторасли испущають, и цвѣти благоуханія процвитають, и се уже огради сладъкую проливають воню, и дѣлатели съ надежею тружающеся плододавеца Христа призывають. Бѣхомъ бо преже акы древа дубравьная, не имуще плода, ныняже присадися Христова вѣра въ нашемь невѣрьи, и уже держащеся корене Іосѣева, яко цвѣты добродѣтели пущающе, райскаго пакыбытья о Христѣ ожидають; да и святители о церкъви тружающеся отъ Христа мьзды ожидають. Ныня ратаи слова, словесьныя уньца къ духовьному ярму приводяще, и крестьное рало въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаянія почертающе, сѣмя духовьное въсыпающе, надежами будущихъ благъ веселяться. Дьнесь ветъхая конець пріяша, и се быша вься нова, въскресенія ради. Ныня рѣкы Апостольскыя наводьняються, и язычьныя рыбы плодъ пущають, и рыбари, глубину Божія въчеловѣченія испытавъше, полну церковьную мрежю ловитвы обрѣтають: рѣками бо, рече Пророкъ, разсядеться земля, узьрять и разболяться нечестивіи людіе. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая бъчела, свою мудрость показающи, вся удивляеть; якоже бо они, въ пустыняхъ самокърміемь живуще, Ангелы и человѣкы удивляють, и си, на цвѣты излетающи, медвеныя съты сътваряеть, да человѣкомъ сладость и церкъви потребьная подасть. Ныня вься доброгласьныя пътица церковьныхъ ликовъ гнѣздящася веселяться: и пътица бо, рече Пророкъ, обрѣте гнѣздо себе, олтаря твоя, и свою каяжьдо поющи пѣснь, славить Бога гласѣ немолчьными.

Хожденіе игумена Даніила въ святую землю.

Вступленіе. Се азъ недостойный игуменъ Даніилъ Русьскыя земля хужьшій въ вьсѣхъ мнисѣхъ, смѣренъ сый многыми грѣхы и невѣжьствіемъ, недоволенъ сый во вьсякомъ дѣлѣ блазѣ, и понуженъ быхъ мыслію своею и нетерпѣніемь своимь, въсхотѣхъ видѣти святый градъ Іерусалимъ и землю обѣтованьную Богомь Аврааму. Волею же Божіею хранимый доходихъ святаго града Іерусалима и видѣхъ вьсю землю Галилейскую и святая мѣста, и вься объидохъ, вьсю ту землю, удуже Христосъ Богъ нашь походи своима ногама и много чюдесъ показа преславьно святымъ апостоломъ и своимъ ученикомъ, да то вьсе видѣхъ очима своима грѣшьныма, и вьсе ми Богъ показа видѣти, егоже жедахъ азъ по многы дьни, мыслію своею мучимъ. Но братіе и отьци, господіе мои, простите мя, и не зазьрите моему худоумію и грубости моей, еже съписахъ о святѣмь градѣ Іерусалимѣ, и о земли блазѣ, и о пути семь святѣмь: иже бо кто путемь симь ходить съ страхомь и съ смиреніемь, то не погрѣшить милости Божія николиже. Азъ же неподобьно хоцихъ путемь симь святымь, въ вьсякой слабости и лѣности, пья и ядя и вься неподобьная творя, но обаче надѣюся на милость Божію и на вашу молитву, негли Христосъ Богъ простить мя грѣховъ моихъ безчисленьныхъ, да се и съписахъ путь сей и мѣста си святая, не възношаяся, ни величаяся путемь симь: не буди то, ничтоже бо не сътворихъ добра на пути семь, но любъве ради святыхъ мѣстъ написахъ вьсе, еже видѣхъ очима своима грѣшьныма, дабы не въ забытьи то было, еже ми показа Богъ видѣти недостойному, и убояхъся осуженія онаго раба лѣниваго, скрывъшаго талантъ господина своего и прикупа не сътвори имь; да и се написахъ вѣрьныхъ ради человѣкъ, дабы кто слышавъ о мѣстехъ святыхъ и потъщался душею и мыслію къ святымъ симъ мѣстомъ и равьну мьзду пріимуть съ тѣми, иже будуть ходили до святыхъ сихъ мѣстъ. Мнози же дома суще въ своихъ мѣстехъ добріи человѣци милостынями къ убогымъ и добрыми дѣлы своими достизають сихъ мѣстъ святыхъ, иже большюю мьзду пріимуть отъ Бога; мнози же и доходивъше святыхъ сихъ мѣстъ и видѣвъше святый градъ Іерусалимъ, и вознесъшеся умомь, яко нѣчто добро сътворьше, и пакы погубляють мьзду труда своего, отъ нихъ же первый есмь азъ.

О Іерусалимѣ. Есть же святый той градъ Іерусалимъ въ дебрехъ, и около же его горы каменьны велики и высокы, ольно пришедъ близь къ граду тоже видѣти святый градъ Іерусалимъ: первое видѣти столпъ Давидовъ, а потомъ мало пошедъ, видѣти Елеоньская гора и Святая Святыхъ, а потомь весь градъ видѣти. И ту же есть гора равьна у пути близь Іерусалима, яко версты одной вдалѣ и на той горѣ съсѣдають люди съ коней, и пѣши ходять вьси людіе и поклоняються христіяне святому Въскресенію; и бываеть радость велика вьсякому христіянину, увидѣвъшему святый градъ Іерусалимъ: никто же бо

можеть не прослезитися, видѣвше землю желаньную и мѣста святая, идѣже Христосъ Богъ нашь, нашего ради спасенія, походи; и идуть вьси пѣши съ радостію великою ко граду Іерусалиму.

О Іерданьстѣй рѣцѣ. Іерданъ же рѣка течеть быстро, берегы же имать обонъполъ прикруты, а отсюду пологы; вода же его мутна и сладъка пити вельми и нѣсть сыти піющимъ воду ту святую, и здрава бысть вода та піющимъ ю, ни съ нея болить, ни пакости въ чревѣ нѣсть; вьсѣмь же есть подобенъ Іерданъ къ рѣцѣ Сновьстѣй, въшире и глубле, лукаво же вельми и быстро течеть; болонія же имать якоже и Сновь рѣка; глубле же есть четырей саженъ среди самое купѣли, якоже самъ собою искусихъ и измѣрихъ и пребродихъ на ону страну Іердана, и много походихъ по брегу тому Іерданову любовію; въшире же есть Іерданъ рѣка якоже на устьи Сновь рѣка есть. И есть же по сей странѣ купѣли тоя яко лѣсокъ малъ, древіе много по брегу Іерданову превысоко, яко вербіе есть, и подобьно, но нѣсть верба; выше купѣли яко лозіе много по брегу Іердана; но нѣсть наша лоза, но инака... И есть бо ту тростіе много болоніе имать, яко Сновь рѣка. Звѣрь многъ ту и свиніи дикыя безъ числа много ту, и пардуси мнози ту суть; ту же суть и львове обонъполъ Іердана въ горахъ каменьныхъ, ту ся и ражають. Другыя же горы суть подъ тѣми горами, бѣлы суть вельми, и ти суть близь Іердана. И ту же есть мѣсто близь яко двою дострѣлу вьдалѣ отъ рѣкы Іердановы, къ возводу лиць, идѣже Илія пророкъ въсхищенъ бысть на колесьници огнѣнѣ на небо. И ту же есть близь потокъ Ильинъ воды исполненъ; вода же въ немъ течеть быстро и красьно по каменію въ Іерданъ; вода же та студена и сладъка. И ту же есть печера Іоанна Предотеча надъ потокомь тѣмь; и ту воду пилъ Іоаннъ Предотеча Христовъ, егда ту жилъ въ той печерѣ святой. И ту же есть близь другая печера, идѣже жилъ Илія пророкъ съ ученикомь своимь Елисеемь. И то вьсе благодѣтію Божіею видѣхъ очима своима грѣшьныма и недостойныма. И сподоби же мя Богъ трижды быти на Іерданѣ, и въ самый праздьникъ воды крещенія быхъ на Іерданѣ съ вьсею дружиною моею, и видѣхомъ благодать Божію, приходящую на воду Іерданьскую, и множество народа безчислено тогда приходять къ водѣ съ свѣщами, и вьсю ту нощь бываетъ пѣніе изрядьно и свѣщь безъ числа горящь; въ полуночи же бываетъ крещеніе водѣ: тогда бо Духъ Святый исходить съ небесе на воды Іерданьскыя, человѣци же достойніи добрѣ видять, како всходить Духъ Святый, а вьси народи не видять, но токмо вьсякому человѣку радость бываеть тогда въ сердьци. Да егда погрузять священьници крестъ честьный и егда рекуть „въ Іерданѣ крещающу Ти ся, Господи“,—и тогда вьси людіе въскачють въ Іердани, крещающеся въ Іерданьстѣй рѣцѣ, якоже бо Христосъ въ пополунощи крестилъся отъ Іоанна.

Заключеніе. Ходилъ есми тамо во княженіе Руськое великаго князя Святополка Изяславича, а внука Ярослава Володимерича Кыевьскаго. Богъ тому послухъ и святый Гробъ Господень. Въ вьсѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыхъ не забывахъ именъ князей Русьскыхъ, и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовьныхъ, ни вьсѣхъ Христіянъ николиже не забывалъ есмь, но вездѣ поминалъ есмь въ молитвахъ. И о семь похвалю преблагаго Бога, яко сподоби мя написати имена Русьскыхъ князей въ лаврѣ у святаго Савы, и нынѣ поминаються въ октеніихъ. Се же суть имена ихъ: Михайло-Святополкъ, Василей-Владимеръ, Давыдъ-Святославичь, Михайло-Олегъ, Панкратей-Ярославъ Святославичь, Оньдрей-Мьстиславъ Вьсеволодовичь, Ѳеодоръ-Мьстиславъ Володимеровичь, Борисъ Вьсеславичь, Глѣбъ Миньскый, Давыдъ Вьсеславичь; толико бо есмь поминалъ именъ ихъ, да тѣхъ и вписалъ есмь; прочее же о вьсѣхъ Руськыхъ князехъ и о боярехъ и о вьсѣхъ христіянехъ Русьскыя земля, и отпѣхомъ же литургій вьсѣхъ 90 за князей и за бояръ и за дѣти моя духовьныя и за правовѣрьныя христіяны, за живыя 50, а за мертвыя 40; быша же литургіи ты у Гроба Господьня и въ вьсѣхъ мѣстѣхъ святыхъ. Буди же вьсѣмъ почитающимъ писаніе се съ вѣрою и съ любовію, благословеніе отъ Бога и отъ святаго Гроба Господьня и отъ вьсѣхъ мѣстъ сихъ святыхъ; пріиметь бо мьзду равьну съ ходившими до святаго града Іерусалима и видѣвъшими мѣста си святая вься. Блажени бо видѣвъше и вѣроваша; треблаженіи не видѣвъше вѣроваша. Вѣрою бо пріиде Авраамъ въ землю обѣтованьную. По истинѣ бо есть вѣра равьна добрымъ дѣломъ. Но Бога дѣля отьци и братія, господіе мои, не зазьрите худоумію моему и грубости моей! Да не будеть въ похуленіе написаніе сіе мене дѣля худаго; но гроба Господьня дѣля и святыхъ дѣля мѣстъ почьтѣте его съ любовію, да мьзду пріимете равьну отъ Бога Спаса Господа Нашего Іисуса Христа; да Богъ мира будеть съ вьсѣми вами въ вься вѣкы. Аминь.

Поученіе Владимира Мономаха.

А се тружахъся ловы дѣя... А се въ Черниговѣ дѣялъ есмь: конь дикыхъ своима рукама связалъ есмь, въ пущахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того еже по Роси ѣздя ималъ есмь своима рукама тѣ же кони дикыя. Тура мя 2 метала на розѣхъ и съ конемь, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногама топталъ, а другый рогама болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь отъялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь

скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже: и Богъ невережена мя съблюде. И съ коня много падахъ, голову си разбихъ дважды, и руцѣ и нози свои вередихъ, въ юности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь сътворилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя. На посадьникы не зьря, ни на бирича, самъ творилъ что было надобѣ; весь нарядъ и въ дому своемь, то я творилъ есмь, и въ ловьчихъ ловьчій нарядъ тамъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ. Тоже и худаго смерда и убогыя вдовица не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковьнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ.

Да не зазьрите ми, дѣти моя, ни инъ кто прочетъ: не хвалю бо ся, ни дерзости своей, но хвалю Бога и прославлю милость его, иже мя грѣшьнаго и худаго селико лѣтъ съблюдъ отъ тѣхъ часъ съмертьныхъ, и не лѣнива мя былъ сътворилъ худаго на вься дѣла человѣчьская потребьна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вься дѣла добрая, славяще Бога съ святыми его. Съмерти бо ся, дѣти не боячи, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть,—оже бо азъ отъ рати и отъ звѣри, и отъ воды, отъ коня съпадаяся, то никтоже васъ не можеть вредити ся и убити, понеже не будеть отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будетъ съмерть, то ни отець, ни маги, ни братья не могутъ отъяти; но аче добро есть блюсти, Божіе блюденье лѣплѣе есть человѣческаго.

Слово о полку Игоревѣ.

Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе, начати старыми словесы трудьныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся той пѣсни по былинамъ сего времене, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ вълкомь по земли, сизымь орьломь подъ облакы. Помьняшеть бо, рече, пьрвыхъ временъ усобиця: тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей: которыя дотечаше, та преди пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мьстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми, красьному Романови Святъславличу. Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаше, нъ своя вѣщая пьрсты на живыя струны въскладаше; они же сами князем славу рокотаху.

Почьнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшьняго Игоря, иже стягну умъ крѣпостію своею и поостри сердьца своего мужествомъ; напълнивъся ратьнаго духа, наведе своя храбрыя пълкы на землю половецькую за землю русьскую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое сольнце и видѣ отъ него тьмою вься своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братіе и дружино! луче же бы потяту быти, неже полонену быти; а въсядемъ, братіе, на своя бързыя комони, да позьримъ синяго Дону“... „Хощю бо—, рече—копіе приломити конець поля половецькаго; съ вами, Русичи, хощю главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону. О Бояне, соловію стараго времене! абы ты сія пълкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомь подъ облакы, съвивая, славію, оба полы сего времене, рища въ тропу Трояню, чрезъ поля на горы. Пѣти было пѣснь Игореви, того внуку: „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому“. Чили въспѣти было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: „Комони ржють за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ. Стоять стязи въ Путивлѣ, Игорь жьдеть мила брата Всеволода. И рече ему буй-туръ Всеволодъ. „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтьлый ты, Игорю! оба есвѣ Святъславлича. Сѣдлай, брате, своя бързыя комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряне свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конецъ копія въскърмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаемы, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострены, сами скачють акы сѣрыи вълци въ полѣ, ищючи себѣ чьти, а князю славы“.

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солньце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ.... дивъ кличетъ върху древа, велить послушати земли незнаемѣ, Вълзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожю, и Корсуню, и тебѣ, тьмутороканьскый бълванъ! А Половьци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому: крычать телѣгы полунощи, рьци—лебеди роспущени, Игорь къ Дону вои ведеть.... Вълци грозу въсрожать по яругамъ; орьли клекътомь на кости звѣри зовуть; лисици брешуть на чьрленыя щиты. О русьская земле! уже за шеломенемь еси.

Дълго ночь мькнеть; заря свѣтъ запала; мьгла поля покрыла; щекотъ славій усъпе: говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чьрлеными щиты прегородиша, ищючи себѣ чьти, а князю славы.

Съ зaранія въ пятъкъ потопъташа поганыя пълки Половецькыя и разсушася стрѣлами по полю, помъчаша красьныя дѣвъкы половецькыя, а съ ними злато и паволокы и драгыя оксамиты;... япончицами и кожюхы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ и вьсякыми узорочьи половецькыми. Чьрленъ стягъ, бѣла хоругвь, чьрлена чолка, сребрено стружіе храброму

Святъславличю? Дремлеть въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло. Не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чърный воронъ, поганый Половьчине! Гзакъ бѣжить сѣрымь вълкомь, Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому.

Другаго дьне вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чърныя туча съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солньца; а въ нихъ трепещють синія мълнія: быти грому великому, ити дождю стрѣлами съ Дону великаго; ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецькыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О русьская земле! уже за шеломенемь еси.

Се вѣтри Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя пълки Игоревы; земля тутьнеть, рѣкы мутьно текуть; пороси поля прикрывають, стязи глаголють; Половьци идуть отъ Дона и отъ моря, и отъ вьсѣхъ странъ, русьскыя пълкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомь поля прегородиша, а храбріи Русичи преградиша чърлеными щиты. Яръ-туре Всеволоде! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужьными: камо, туръ, поскочаше, своимь златымь шеломомь посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы половецькыя; поскепани саблями калеными шеломи оварьстіи отъ тебе, яръ-туре Всеволоде!....

Были вѣци Трояни, минула лѣта Ярославля; были пълци Ольговы, Ольга Святъславлича: тъй бо Олегъ мечемь крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше, ступаеть въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давьный великый Ярославль сынъ Вьсеволодъ; а Владимиръ по вься утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе... за обиду Ольгову, храбра и млада князя.... Тогда при Ольгѣ Гориславличи сѣяшеться и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Дажьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ сократишася. Тогда по русьской земли рѣдъко ратаеве кыкахуть, нъ часто врани граяхуть, хотять полетѣти на уѣдіе. То было въ ты рати и въ ты пълки, а сицей рати не слышано. Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копія харалужьная въ полѣ незнаемѣ среди земли половецькыя. Чърна земля подъ копыты костьми посѣяна, а кровію польяна,—тугою възъидоша по русьской земли.

Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями? Игорь пълкы заворочаеть: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дьне къ полудьнію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ доконьчаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша, за землю Русьскую. Ничеть трава жалощами, а древо съ тугою къ земли приклонилось. Уже бо, братіе, не веселая година въстала; уже пустыни силу прикрыла: въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, въступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крилы на синѣмь морѣ, у Дону плещючи, убуди жирьна времена. Усобица княземъ... рекоста бо братъ брату: „се мое, а то—мое же“. И начаста князи про малое „се великое“ мълвити, а сами на себе крамолу ковати; а поганіи съ вьсѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Русьскую. О! далече зайде соколъ, пътиць бья,— къ морю. А Игорева храбраго пълку не кресити...

Жены русьскыя въсплакашася, а ръкучи: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію съмыслити, ни думою сѣдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати“.

А въстона бо, братіе, Кыевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по русьской земли: печаль жирьна тече средь земли русьскыя. А князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищюще на русьскую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора...

Святъславъ грозьный, великый кыевьскый... наступи на землю половецькую; притопьта хлмы и яругы, възмути рѣкы и озера, изсуши потокы и болота; а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзьныхъ великыхъ пълковъ половецькыхъ яко вихрь выторже; и падеся Кобякъ въ градѣ Кыевѣ, въ гридьници Святъславли.

Ту Нѣмьци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря; иже погрузи жиръ въ дънѣ Каялы, рѣкы половецькыя. Русьскаго злата насыпаша ту. Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощеево: уныша бо градомъ забрала, а веселіе пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ. „Въ Кыевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвасте мя, рече, чърною паполомою на кровати тисовѣ, чьрпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы.. великый женьчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя. Уже дъскы безъ кнѣса въ моемь теремѣ златовърсѣмь. Всю нощь съ вечера.... врани възграяху“... И ркоша бояре князю: „Уже, княже, туга умъ полонила: се бо два сокола слетѣста съ отьня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону; уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самою опуташа въ путины желѣзны“. Темно бо бѣ въ 3 день: два солньца помьркоста, оба багряная стълпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца. Олегъ Святъславъ тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; по русьской земли прострошася Половьци, акы пардуже гнѣздо... Се бо готьскыя красьныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня русьскымъ златомь: поють время Бусово, лелѣють месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадьни веселія.

Тогда великый Святъславъ изрони злато слово, съ слезами смѣшено, и рече: „О моя сыновьца, Игорю и Всеволоде! рано еста начала половецькую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати; нъ нечестьно одолѣсте; нечестьно бо кровь поганую пролiясте. Ваю храбрая сердьца въ жестоцѣмь харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли сътвориете моей сребренѣй сѣдинѣ!“....

А чи диво ся, братiе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываеть, высоко пътиць възбиваеть, не дасть гнѣзда своего въ обиду....

Великый княже Всеволоде! не мыслiю ти прилетѣти издалеча, отьня злата стола поблюсти: ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти: аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по рѣзанѣ...

На Немизѣ снопы стелють головами, молотять цѣпы харалужьными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брези не бологомь бяхуть посѣяни, посѣяни костьми русьскыхъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вълкомь рыскаше: изъ Кыева дорыскаше, до куръ, Тьмутороканя; великому Хърсови вълкомь путь прерыскаше. Тому въ Полотьстѣ позвониша заутреню рано у святыя Софеи, а онъ въ Кыевѣ звонъ слышаше. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщiй Боянъ и пьрвое припѣвъку смысленый рече: „Ни хытру, ни горазду, ни пътичю горазду, суда божiя не минути“.

О! стонати русьской земли, помянувъши пьрвую годину и пьрвыхъ князей! Того стараго Владимира не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кыевьскымъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы...

Ярославнинъ гласъ слышить; зегзицею незнаема рано кычеть: „Полечю, рече зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмь его тѣлѣ“. Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, а рькучи: „О вѣтре, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хыновьскыя стрѣлъкы на своею нетрудьною крыльцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселiе по ковылiю развѣя?“ Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, а рькучи: „О Днѣпре Словутичю! ты пробилъ еси каменьныя горы сквозѣ землю половецькую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до пълку Кобякова: възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ не сълала къ нему слезъ на море рано“. Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, а рькучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое сълньце! вьсѣмъ тепло и красьно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на лады вои? въ полѣ безводьнѣ жаждею имъ лукы съпряже, тугою имъ тулы затъче?“

Прысну море полунощи; идутъ сморчи мьглами: Игореви князю Богъ путь кажеть изъ земли половецькой на землю руськую къ отьню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь съпить, Игорь бъдить, Игорь мыслiю поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Доньца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти... Стукну земля, въсшумѣ трава, вѣжи ся половецькыя подвизоша. А Игорь князь поскочи горностаемь къ тростiю и бѣлымь гоголемь на воду; въвьржеся на бързъ комонь и скочи съ него босымь вълкомь, и потече къ лугу Доньца, а полетѣ соколомь подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтраку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомь полетѣ, тогда Влуръ вълкомь потече, труся собою студеную росу: претъргоста бо своя бързая комоня.

Донець рече: „Княже Игорю, не мало ти величiя, а Кончаку нелюбiя, а Русьской земли веселiя“. Игорь рече: „О Доньче! не мало ти величiя, лелѣявъшю князя на вълнахъ, стълавъшю ему зелену траву на своихъ сребряныхъ брезѣхъ, одѣвавъшю его теплыми мьглами подъ сѣнiю зелену древу: стрежаше его гоголемь по водѣ, чайцами на струяхъ, чьрнядьми на вѣтрѣхъ“...

А не сорокы въстроскоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомь. Тогда врани не граяхуть, галици помълкоша, сорокы не троскоташа,... дятьлове текътомь путь къ рѣцѣ кажуть, соловiи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдають. Мълвить Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ къ гнѣзду летить, соколича розстрѣляевѣ своими злачеными стрѣлами“. Рече Кончакъ ко Гзѣ: „Аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ сокольца опутаевѣ красьною дѣвицею“. И рече Гзакъ къ Кончакови: „Аще его опутаевѣ красьною дѣвицею, ни нама будеть сокольца, ни нама красьны дѣвици, то почьнуть наю пътици бити въ полѣ половецькомь“.

Рекъ Боянъ... „Тяжько ти, головѣ, кромѣ плечю, зъло ти, тѣлу, кромѣ головы“,—русьской земли безъ Игоря. Солньце свѣтиться на небеси, Игорь князь въ русьской земли. Дѣвици поють на Дунаи, вьються голоси чрезъ море до Кыева. Игорь ѣдеть по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей; страны рады, гради весели.

Пѣвъши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: „слава Игорю Святъславличю, буйтуру Всеволоду, Владимиру Игоревичю; здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя пълкы! Княземъ слава и дружинѣ“. Аминь!

Слова Серапiона, епископа Владимирскаго.

Слышасте, братiе, самого Господа, глаголюща въ Еуангелiи: и въ послѣдьняя лѣта будуть знаменья въ солньци и въ лунѣ, и въ звѣздахъ, и

труси по мѣстомъ и глади. Тогда реченое Господомь нашимь нынѣ сбысться при послѣднихъ людехъ. Колько видѣхомъ солньца погыбъша и луну померкъшю и звѣздьное премѣненіе; нынѣ же земли трясенье своима очима видѣхомъ. Земля отъ зачала утвержена и неподвижима повелѣньемь Божіимь, нынѣ движеться, грѣхы нашимы колеблеться, беззаконья нашего носити не можеть. Не послушахомъ Еуангелья, не послушахомъ Апостола, не послушахомъ Пророкъ, не послушахомъ свѣтилъ великыхъ, рьку Василья и Григорья Богословьца, Іоанна Златоуста, инѣхъ святитель святыхъ, ими же вѣра утвержена бысть, еретици отгънани быша, и Богъ вьсѣми языкы познанъ бысть. И тѣ учаще не безпрестани, а мы едина беззаконья держимъся. Се уже наказаеть ны Богъ знаменьи, земли трясеньемь его повелѣньемь. Не глаголеть усты, но дѣлы наказаеть: вьсѣмь казнивъ ны, Богъ не отведеть зълаго обычая: нынѣ землею трясеть и колеблеть, беззаконья грѣхы многыя отъ земля отрясти хощеть, яко листвіе отъ древа. Аще ли кто речеть: прежде сего потрясенія бѣша же. Аще бѣша потрясенія—рьку: тако есть; но что потомь бысть намъ? Не гладъ ли, не морове ли, не рати ли многыя? Мы же единако не покаяхомъся, доньдеже приде на ны языкъ немилостивъ, попустивъшю Богу, и землю нашю пусту сътвориша, и грады наши плѣниша, и церкъви святыя разориша, отьци и братію нашу избиша; матере наши и сестры наши въ поруганіе быша. Нынѣ же, братіе, се вѣдуще убоимъся прещенья сего страшьнаго и припадемъ Господеви своему исповѣдующеся, да не внидемъ въ большій гнѣвъ Господень... Въ кое время такы смерти напрасьны видѣхомъ? Иніи не могоша о дому своемь ряду сътворити, въсхыщени быша; иніи съ вечера здрави легъше, наутрія не всташа. Убойтеся, молю вы, сего напрасьнаго разлученья. Аще бо поидемъ въ воли Господьни, вьсѣмь утѣшить ны Богъ нашь, акы сыны помилуеть ны, печаль земьную отъиметь отъ насъ, исходъ миренъ подасть намъ на ону жизнь, идѣже радость, и веселья безконечьнаго насладимъся съ добрѣ угожьшими Богу...

Почюдимъ, братіе, человѣколюбье Бога нашего, како ны приводить къ себѣ, кыми ли словесы не наказаеть насъ, кыми запрещеніи не запрети намъ? Мы же никакоже къ нему обратихомъся. Видѣвъ наша беззаконья умноживъшася, видѣвъ ны заповѣди его отвергъша, много знаменій показавъ, много страха пущаше, много рабы своими учаше и ничимь же уньше показахомъся. Тогда наведе на ны языкъ немилостивъ, языкъ лютъ, языкъ не щадящь красы юны, немощи старець, младости дѣтій. Двигнули бо на ся ярость Бога нашего, по Давиду, въскорѣ възгорѣся ярость его на ны. Разрушены божественныя церкъви, осквернени быша съсуди священіи, потоптана быша святая, святители мечю во ядь быша, плоти преподобьныхъ мнихъ пьтицамъ на снѣдь повержены быша; кровь и отець и братія нашея, акы вода многа, землю напои; князій нашихъ, воеводъ крѣпость исчезе; храбріи наши, страха наполнъшеся, бѣжаша; множайша же братія и чада наша въ плѣнъ ведени быша; села наша лядиною поростоша, и величьство наше смирися, красота наша погибе, богатьство наше инѣмъ въ користь бысть, трудъ нашь поганіи наслѣдоваша, земли наша иноплеменикомъ въ достояніе бысть. Въ поношеніе быхомъ живущимъ въскрай земли нашея, въ посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ; ибо сведохомъ собѣ, акы дождь съ небесе, гнѣвъ Господень...

То аже сему вѣруете, то чему пожигаете я, правьдѣ отвѣтъ даяше. Вы же како осужаете на смерть, сами страсти исполнени суще, и по правдѣ не судите? Иный по враждѣ творить, иный горькаго того прибытъка жадая, а иный ума не исполненъ, только жадаеть убити, пограбити. А еже убити, а того не вѣсть правила божественаго; повелѣвають многыми послухы осудити на смерть человѣка. Вы же воду послухомь постависте, и глаголете: аще утапати начьнеть, неповиньна есть; аще ли пополоветь, волховь есть. Не можеть ли дьяволъ, видя ваше маловѣрье, подержати, да не погрузиться, дабы въврещи въ душьгубьство, яко оставльше послушьство боготворенаго человѣка, идосте къ бездушьну естьству, къ водѣ. Пріясте послушьство на прогнѣванье Божіе. Слышасте отъ Бога казнь посылаему на землю отъ первыхъ родъ до потопа, на гыганты огнемь, при потопѣ водою, при Содомѣ жюполомь, при Фараонѣ 10 казній, при Хананіихъ шершеньми, каменьемь огненымь съ небеси, при Судіяхъ ратьми, при Давидѣ моромь, при Титѣ плѣненьемь, потомь же трясеньемь земли и паденьемь града; при нашемь же языцѣ чего не видѣхомъ? Рати, глади, морове и труси, конечьное—еже предани быхомъ иноплеменьникомъ не токмо на смерть и на плѣненье, но и горькую работу...

Моленіе Даніила Заточника.

Княже мой господине! Яви ми зракъ и образъ твой красенъ. Сыту источаютъ устнѣ твои; посланія твоя, яко рай съ плодомъ; руцѣ твои исполнени отъ злата Ѳарсійска; ланитѣ твои, яко сосудъ арамат; гортань твой, яко кринъ капая муро, милость твою; видъ твой, яко Ливанъ избранъ; очи твои, яко кладязь воды живы; чрево твое бысть, яко стогъ пшениченъ, многи питая; глава твоя превозноситъ главу мою...

Княже мой господине! Не зри на мя, аки волкъ на ягня; но воззри на мя, яко мати на младенца. Воззри, господине, на птицы небесныя, иже не сѣютъ, ни жнутъ, ни въ житницу собираютъ, но

уповаютъ на милость божію. Да не будетъ рука твоя согбена на поданіе убогимъ. Писано бо есть: Просящему у тебѣ дай, толкущему отверзи, да не лишенъ будеши царства небеснаго. Писано бо есть: Возверзи на Господа печаль свою, и той тя препитаетъ во вѣки. Не лиши хлѣба своего нища мудра, но вознеси до облакъ, яко злато чисто въ кальнѣ сосудѣ; а богатъ несмысленъ, аки паволочито возголовіе, соломою наткано.

Княже мой господине! Аще ти есмь на рати не хоробръ, но на словѣхъ ти есмь крѣпокъ, да тѣмъ избираю сладость словесную, совокупляя, аки въ мѣхъ воды морскія, и извитія словесъ, и рѣшенія причтами хитрыми, а глаголивъ языкъ и... увѣтливы уста, яко струя рѣчныя быстрины.

Княже мой господине! Яко же дубъ крѣпится множествомъ коренія, тако градъ нашъ твоею державою. Кормникъ глава кораблю, а ты, княже, людемъ своимъ. Видѣхъ полкъ безъ князя, рече: великъ звѣрь безъ главы. Мужи глава женамъ, а мужемъ князь, а князю Богъ. Якоже паволока, многими шелки испещрена, красно лице являетъ; тако и ты, княже нашъ, многими человѣки славенъ и честенъ во всѣхъ странахъ явися. Яко же неводъ не удержитъ воды, но избираетъ множество рыбъ; тако и ты, княже нашъ, не удержи богатства; но раздавай сильнымъ, совокупляя храбрые; злата бо и градовъ тѣмъ добудеши. Тѣмъ и Езекій царь израилевъ похвалися къ посломъ царя вавилонскаго, показавъ имъ множество злата своего. Они же рекоша: „Наши цари богатѣе тебе, не множествомъ злата, но множествомъ храбрыхъ и мудрыхъ. (Занеже мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти). Вода мати рыбамъ, а ты, княже, людемъ своимъ. Весна украшаетъ землю цвѣты, а ты, княже, насъ украшаеши милостію своею. Солнце едино грѣетъ весь міръ лучами своими, а ты княже, насъ украшаеши и оживляеши милостію своею.

Княже мой господине! Се былъ есмь въ велицѣй нужѣ, подъ работнымъ ярмомъ пострадахъ; все тое искусихъ, яко зло есть. Луче бы мы видѣти нога своя въ лычницѣ въ дому твоемъ, нежели въ червленѣ сапозѣ въ боярстѣмъ дворѣ, луче бы ми тобѣ въ дерузѣ служити, нежели багряницѣ въ боярстѣмъ дворѣ. Нелѣпо бо усерязь златъ въ ноздри свиніи, ни на холопѣхъ добрый портъ. Аще бы котлу золоты кольца во ушію, но дну его не избыти черности и жженія его. Тако и холопу: аще паче мѣры гордѣлъ и буялъ, но укора ему своего не избыти—холопія имени. Луче бы ми вода пити въ дому твоемъ, нежели пити медъ въ боярстѣмъ дворѣ; луче бы ми воробей испеченъ пріимати отъ руки твоея, нежели плеча баранья отъ руки злыхъ государь. Многажды бо ми ся обрѣтаетъ работный хлѣбъ, аки пелынь, въ устѣхъ моихъ, и питіе съ плачемъ растворяхъ. Добру господину служа, дослужится свободы, а злу мужу служа, дослужится большей работы. Соломонъ рече: луче единъ мудръ десяти хоробрующихъ безъ ума. Луче единъ смысленъ десяти владѣющихъ городы. Даніилъ рече: храбра, княже, борзо добудеши, а умный дорогъ есть; зане умныхъ дума добра; тѣхъ бо и полцы крѣпцы и гради тверды. Инѣхъ же полцы сильни, а безъ думы, и на тѣхъ бываетъ побѣда. Мнози бо, ополчающеся на большая грады, съ своихъ съ меньшихъ сѣдаютъ; яко рече Святославъ, сынъ Ольжинъ, идя на Царьградъ съ малою дружиною: „не вѣдомо ны есть, братіе, ити, граду ли отъ насъ плѣнену быти, или будетъ намъ отъ града погибнути: аще Богъ по насъ, то кто на ны?"... Не море потопляетъ корабль, но вѣтры: тако и ты, княже, не самъ впадаеши въ печаль, по введутъ тя думцы. Не огнь творитъ ражженіе желѣзу, но надменіе мѣшное. Уменъ мужъ не вельми на рати хоробръ бываетъ, но крѣпокъ въ въ замыслѣхъ: да тѣмъ добро сбирати мудрые. Дивья бо за буяномъ кони паствити (а за добрымъ княземъ воевати). Многажды бо и безнарядіемъ полцы погибаютъ. Аще уставятся полцы крѣпко, то аще ему и побѣжену быти, но, крѣпко бився, тоже побѣгнетъ; яко Святополкъ, виноватъ будя избивъ братію, но и тако ти есть крѣпокъ, едва силою къ вечеру, рече, одолѣ Ярославъ. Тако и Бонякъ шелудивый хитростію побѣди Угры у Галича: онѣмъ нарядившимся на сступъ, а сіи, яко ловцы, разсыпашася по землѣ. Тако изби Угры на избой, и злѣ ихъ погуби.

Княже мой господине! Азъ бо аще не во Аѳинѣхъ растохъ, ни у философъ учихся, но быхъ падая по книгамъ, яки пчела по различнымъ цвѣтомъ: оттуду избираю сладость словесную, совокупляя мудрость, яко въ мѣхъ воду морскую.

Начахъ глаголати, премудростію хваляся, ни вельми отъ безумія. Не ѣдалъ есмь отъ песка масла, ни отъ козла млека, ни безумнаго, мудрости глаголюща. Како возглаголетъ, имѣя лубенъ умъ, полстенъ языкъ, мысли, яко отрепы изгребные?... Ино бо есть лодія, а иное корабль; ино ти конь, а иное лошакъ; а инъ ти есть уменъ, а инъ безуменъ. Безумныхъ бо ни куютъ, ни льютъ, но сами ся ражаютъ.

Волхъ Всеславьевичъ.

А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь
Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичъ:
Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индѣйское,
А и синее море сколебалося
Для-ради рожденья богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича:
Рыба пошла въ морскую глубину,

Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.
А и будетъ Волхъ въ полтора часа,
Волхъ говоритъ, какъ громъ гремитъ:
„А и гой еси, сударыня матушка,
„Молода Мароа Всеславьевна!
„А не пеленай въ пелену червчатую,
„А не пояси въ поясья шелковыя,—
„Пеленай меня, матушка,
„Въ крѣпки латы булатныя,
„А на буйну голову клади златъ шеломъ,
„Во праву руку палицу,
„А и тяжку палицу свинцовую,
„А вѣсомъ та палица въ триста пудъ“.
А и будетъ Волхъ семи годовъ,
Отдавала его матушка грамотѣ учиться,
А грамота Волху въ наукъ пошла,—
Посадила его ужъ перомъ писать,
Письмо ему въ наукъ пошло.
А и будетъ Волхъ десяти годовъ,
Втапоры поучился Волхъ ко премудростямъ:
А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;
Ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ-золотые рога.
А и будетъ Волхъ во двѣнадцать лѣтъ,
Сталъ себѣ Волхъ онъ дружину прибирать.
Дружину прибиралъ въ три годы,
Онъ набралъ дружины себѣ семь тысячей.
Самъ онъ Волхъ въ пятнадцать лѣтъ,
И вся его дружина по пятнадцати лѣтъ.
Прошла та слава великая
Къ стольному городу Кіеву:
Индѣйскій царь наряжается,
А хвалится-похваляется,
Хочетъ Кіевъ градъ за щитомъ весь взять,
А Божьи церкви на дымъ спустить
И почестны монастыри разорить.
А втопоры Волхъ онъ догадливъ былъ,
Со всею дружиною хораброю
Ко славному царству Индѣйскому,
Тутъ же съ ними во походъ пошелъ.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ по лѣсамъ и по раменью,
А бьетъ онъ звѣри сохатые;
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы—любимой кусъ,
Онъ зайцамъ, лисицамъ не брезгивалъ;
Волхъ поилъ-кормилъ дружину хорабрую,
Обувалъ-одѣвалъ добрыхъ молодцевъ:—
Носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы-то, барсовыя.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ далече на сине море,
А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
А и сѣрымъ, малымъ уткамъ спуску нѣтъ;
А поилъ-кормилъ дружинушку хоробрую:
А все у него были яствы перемѣнныя,
Перемѣнныя яствы сахарныя.

Вольга́ Святославичъ и Микула Селяниновичъ.

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга́,
Молодой Вольга́ Святославговичъ.
Сталъ Вольга́ растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукою-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольга́ растѣть-матерѣть,
Избирать собѣ дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ еще Вольга́ во тридцатыихъ.
Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-Кіевскій
Тремя городами со крестьянами:
Первыимъ городомъ—Гурчевцемъ,
Другіимъ городомъ—Орѣховцемъ,
Третьіимъ городомъ—Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга́ Святославговичъ
Со своей дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ роздольице-чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая;
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга́ до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга́ еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати,
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики пе камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга́ еще третій день,
Третій день съ утра до пабѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,

Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе-то всѣ каменья въ борозду валитъ.
Кабыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга́ таковы слова:
„Божья ти помощь, ора́таюшко!
„Орать да пахать, да крестьянствовати,
„Съ края въ край бороздки пометывати,
„Коренья, каменья вывертывати!“
Говоритъ оратай таковы слова:
— Поди-тко, Вольга́ Святославговичъ,
— Со своею со дружинушкой хороброю,
— Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати!
— Далеко ль, Вольга́, ѣдешь, куда путь держишь
— Со своею со дружинушкой хороброю?—
„Ай-же ты, ра́таю-ратаюшко!
„Ѣду къ городамъ за получкою:
„Ко первому городу ко Гурчевцу,
„Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
„Ко третьему городу ко Крестьяновцу“.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга Святославговичъ!
— А не давно я былъ въ Городни, третьёво-дни,
— На своей кобылкѣ соловоей,
— Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
— Два мѣха соли по сороку пудъ.
— И живутъ-то мужики все разбойники,
— Они просятъ грошéвъ подорожныихъ;
— А былъ я съ шалыгой подорожною,
— Платилъ имъ гроши подорожные:
— Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
— А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.—
Говорилъ Вольга́ таковы слова:
„Ай же, оратай, оратаюшко,
„Поѣдемъ со мной въ товарищахъ!“
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,—
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга́ Святославговичъ!
— Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
— И не для-ради прохожаго, проѣзжаго,
— Я для-ради мужика деревенщины,
— Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,
— Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнути,
— И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?—
Молодой Вольга́ Святославговичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцевъ могучіихъ,
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга́ Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлыимъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга́ тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга́ сталъ помахивати:
„Постой-ка ты, оратай-ратаюшко!
„Этая кобылка конькомъ бы была,
„За эту кобылку пятьсотъ бы дали“.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Глупый Вольга́ Святославговичъ!
— Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки,
— И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
— Этая кобылка конькомъ бы была,—
— За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.—
Говоритъ Вольга́ Святославговичъ:
„Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
„Какъ-то тобя именемъ зовутъ,
„Какъ звеличаютъ по отечеству?“
Говоритъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга́ Святославговичъ!
— А я ржи напашу, да во скирды сложу,
— Во скирды складу, домой выволочу,
— Домой выволочу, до дома вымолочу;
— Драни надеру, да и пива наварю,
— Пива наварю, да и мужичковъ напою.—
— Станутъ мужички меня покликивати:
„Молодой Микулушка Селяниновичъ!“—

Святогоръ.

Снарядился Святогоръ во чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается:
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
„Какъ бы я тяги нашолъ,
„Такъ я бы всю землю поднялъ!“
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку, переметную;
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку, — она не скрянется.
Двинетъ перстомъ ее,—не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою,—не подымется:
„Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
„А эдакова чуда не наѣзживалъ,
„Такова дива не видывалъ:
„Маленькая сумочка переметная
„Не скрянется, не сворохнется, не подымется.“
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама,
Поднялъ сумочку по выше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе.

Илья Муромецъ.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридсять три года;
Пришли къ нему нища братія,
Самъ Исусъ Христосъ, два апостола:
„Ты поди, Илья, принеси испить!“
—Нища братія, я безъ рукъ—безъ ногъ!—
„Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!“
Илья сталъ вставать—ровно встрёпаный;
Онъ пошолъ—принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать;
Ему нищи отворачиваютъ;
Нища братія у Ильи спрашивали:
„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“
—Отъ земли столбъ былъ бы до нёбушки,
Ко столбу было золото кольцо,
За кольцо бы взялъ, святорусску поворотилъ!—
„Ты поди, Илья, принеси другу чашу!“
Илья сталъ имъ поднашивать;
Они Ильѣ отворачиваютъ.
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра.
Они у Ильи стали спрашивать:
„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“
—Во мнѣ силушки половинушка.—
Говорятъ калики перехожіе:
„Будешь ты, Илья, великій богатырь,
„И смерть тебѣ на бою не писана:
„Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
„И со всею поленицею удалою;
„А только не выходи драться
„Съ Святогоромъ богатыремъ;
„Его и земля на себѣ черезъ силуноситъ;
„Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
„У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
„Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
„Его любитъ матушка-сыра земля;
„Не ходи еще на Вольгу Сеславьича:
„Онъ не силою возьметъ,
„Такъ хитростью-мудростью.
„Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго,
„Выходи въ раздольице-чисто поле:
„Покупай перваго жеребчика,
„Станови его въ срубу на три мѣсяца,
„Ты по три ночи жеребчика въ саду поваживай,
„И въ три росы жеребчика выкатывай,
„Подводи къ тыну ко высокому:
„Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать,
„И въ ту сторону, и въ другую сторону:
„Поѣзжай на немъ куда хочешь,
„Будетъ носить тебя“.
Тутъ калики потерялися.
Пошелъ Илья къ родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую:
Очистить надо палъ отъ дубья-колодья:
Онъ дубье-колодье все повырубилъ,
Въ глубоку рѣку повыгрузилъ,
А самъ и сшелъ домой.
Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣхалъ на добромъ конѣ
Мимо Черниговъ-градъ:
Подъ Черниговомъ силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,
И подъѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову.
Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,
Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ-градъ,
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ имъ Илья таковы слова:
„Ай же вы, мужики-Черниговцы!
„Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою;
„А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
„Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кіевъ-градъ“.
Говорили ему мужички-Черниговцы:
— Ай же, удаленькій дородный добрый молодецъ,

— Славный богатырь свято-русскій!
— Прямоѣзжею дорожкою въ Кіевъ пятьсотъ верстъ,
— Окольною дорожкою цѣла тысяча.
— Прямоѣзжая дороженька заколодила,
— Заколодила дорожка, замуравила;
— Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскиватъ,
— Черный воронъ не пролетыватъ:
— Какъ у тоя у Грязи у Черныя,
— У тоя у березы у покляпыя,
— У славнаго креста у Леванидова,
— У славненькой у рѣчки у Смородинки,
— Сидитъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ.
— Свищетъ Соловей онъ по-соловьему,
— Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по-звѣриному:
— Темны лѣсушки къ землѣ приклоняются,
— Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежатъ.—
Илья Муромецъ спущалъ коня онъ богатырскаго,
Поѣхалъ по дорожкѣ прямоѣзжія,
Бралъ онъ въ руку плеточку шелковеньку,
Билъ коня онъ по тучной бедрѣ,
Вынуждалъ коня скакать во всю силушку великую:
Пошелъ его добрый конь богатырскій
Съ горы на гору перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Мелки рѣченьки, озерка межу ногъ спущать;
Подбѣгаетъ онъ ко Грязи той, ко Черныя,
Ко славныя березы ко покляпыя,
Ко тому кресту ко Леванидову,
Ко славненькой рѣчкѣ ко Смородинкѣ.
Какъ засвищетъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
Засвисталъ-то Соловей по-соловьему,
Воскричалъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному:
Темны лѣсушки къ землѣ поклонилися,
Что есть людюшекъ, мертвы лежатъ,—
Ильи Муромца добрый конь потыкается.
Онъ билъ коня по тучной бедрѣ,
Билъ коня, самъ выговаривалъ:
„Ай же ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
„Ты итти не хошь, али нести не мошь?
„Не слыхалъ ты, видно, посвисту соловьеваго,
„И не слыхалъ ты покрику звѣринаго,
„И не видалъ, видно, ударовъ богатырскіихъ,
„Что ты, собака, потыкаешься!“
Становилъ коня онъ богатырскаго,
Свой тугой лукъ разрывчатый отстегивалъ
Отъ праваго отъ стремячка булатнаго,
Накладывалъ-то стрѣлочку каленую
И натягивалъ тетивочку шелковеньку,
Спущалъ-то онъ въ Соловья во разбойника:
Вышибъ ему правое око со косицею;
Палъ-то Соловей на сыру землю.
Старый казакъ Илья Муромецъ
Пристегнулъ его ко правому ко стремени,
Ко правому ко стремячку булатному.
Онъ поѣхалъ по раздольицу-чисту полю,
Ко этому ко гнѣздышку къ Соловьевому.
И со этого со гнѣздышка Соловьяго
Усмотрѣла его больша дочь Невеюшка,
Говоритъ Невея таково слово:
— Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ-чистымъ полемъ,
— И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскоемъ,
— И везетъ онъ мужичища-деревенщину,
— Ко стремени булатному прикована.—
Посмотрѣла его друга дочь Ненилушка,
Говоритъ Ненила таковы слова:
„Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ-чистымъ полемъ,
„И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскоемъ,
„И везетъ онъ мужичища-деревенщину,
„Ко стремени булатному прикована.
Посмотрѣла Пелька, его третья дочь,
Говоритъ Пелька таковы слова:
— Ѣдетъ мужичище-деревенщина
— Раздольицемъ-чистымъ полемъ,
— И везетъ-то государя батюшку
— Къ стремени булатному прикована:
— Ему выбито право око со косицею.
— Ай же, мужевья наши любимые!
— Хватайте-тко рогатины звѣриныя,
— Бѣжите-ка въ раздольице-чисто поле,
— Побейте мужичища-деревенщину!—
Эти зятевья Соловьиные
Похватали рогатины звѣриныя,
Выбѣгали во раздольице-чисто поле,
Они хочутъ бить мужичища-деревенщину.
Воскричалъ Соловей имъ во всю голову:
„Ай же, зятевья мои любимые!
„Побросайте-тко рогатины звѣриныя,
„Вы ведите-тко богатыря свято-русскаго
„Во мое во гнѣздышко во Соловьее,
„Кормите его ѣствушкой сахарною,
„Пойте его питьицемъ медвяныимъ,
„Дарите ему дары драгоцѣнные“....
Не поѣхалъ онъ въ гнѣздышко Соловьее,
А поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру.
Пріѣхалъ онъ ко князю на широкій дворъ
Становилъ онъ коня посередъ двора,
Шелъ онъ въ полату бѣлокаменну.
А Владиміръ князь вышелъ со Божьей церквы.
Отъ той отъ обѣденки Христосскія.
Садился онъ за столики дубовые,
За тыя за скамеечки окольныя,
Ѣсти ѣствушекъ сахарныихъ,
Пити питьицевъ медвяныихъ.
Илья Муромецъ сшелъ въ полату бѣлокаменну;
Онъ крестъ кладетъ по-писанному,
Поклонъ-то ведетъ по-ученому,
На всѣ на три, на четыре на сторонки поклоняется,
Самому-то князю Владиміру въ особину,
И всѣмъ его князьямъ подколѣнныимъ.
Сталъ Владиміръ князь выспрашивать:
— Ты откулешный, дородный добрый молодецъ?
— Тобя какъ молодца именемъ назвать,

— Звеличать удалаго по отечеству?—
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Есть я изъ города изъ Мурома,
„Со славнаго съ села Карачарова,
„Именемъ меня Ильей зовутъ,
„Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ“.
Сталъ Владимиръ повыспрашивать:
— А давно ли ты повыѣхалъ изъ Мурома,
— Ты которою дорожкой ѣхалъ въ стольно-Кіевъ-градъ?—
Говорилъ ему Илья таковы слова:
„Стоялъ-то я заутреню во Муромѣ,
„Поспѣвалъ-то къ обѣденкѣ въ стольно-Кіевъ-градъ.
„Дѣло мое дороженькой замѣшкалось:
„Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
„Прямоѣзжею мимо славенъ Черниговъ-градъ,
„Мимо славную рѣченьку Смородинку“.
Говоритъ Владимиръ таковы слова:
— Во глазахъ, мужикъ, ты посмѣхаешься,
— Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься:
— Подъ городомъ Черниговомъ стоитъ силушка невѣрная,
— У рѣчки у Смородинки Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
— Свищетъ-то Соловей по-соловьему,
— Кричитъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному.—
Говоритъ Илья таковы слова:
„Владимиръ, князь стольно-Кіевскій!
„Соловей-разбойникъ на твоемъ дворѣ,
„И прикованъ онъ ко правому ко стремячку къ булатному“.
Тутъ Владимиръ, князь стольно-Кіевскій,
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,
Скорешенько бѣжалъ онъ на широкій дворъ,
Подходитъ онъ къ Соловью къ разбойнику,
Говоритъ онъ Соловью таковы слова:
— Засвищи-ка, Соловей, по-соловьему,
— Воскричи-тко ты, злодѣй, по-звѣриному!—
Говоритъ Соловей князю Владимиру:
„Владимиръ, князь стольно-Кіевскій!
„Я сегодня не у васъ вѣдь обѣдаю,
„Не васъ я хочу и слушати,
„А обѣдаю у стараго казака Ильи Муромца,
„И его хочу я слушати“.
Говорилъ Владимиръ Ильѣ Муромцу:
— Ай же старый казакъ Илья Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать по-соловьему,
— Прикажи-тко воскричать по-звѣриному!—
Говорилъ Илья Муромецъ разбойнику:
„Засвищи-тко ты, Соловей, по-соловьему,
„Воскричи-ка, Соловей, по звѣриному!“
Говорилъ Соловей Ильѣ Муромцу:
„Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
„Мои раночки кровавы запечатались,
„И не хотятъ уста мои сахарныя:
„Не могу я засвистать по соловьему
„И не могу я воскричать по-звѣриному.“
Говорилъ Илья князю Владимиру:
„Владимиръ, князь стольно-Кіевскій!
„Наливай-ка ты чару зелена вина,
„Не малую стопу—полтора ведра,
„И разведи-тко медами стоялыми,
„Подноси-тко ты къ Соловью ко разбойнику:
„Тутъ уста его сахарныя расходятся,
„И онъ засвищетъ намъ по-соловьему,
„Воскричитъ онъ намъ по-звѣриному.“
Владимиръ, князь стольно-Кіевскій
Скорешенько шелъ въ полату бѣлокаменну,
Наливаетъ-то чару зелена вина,
И не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ-то медами стоялыми,
Подносилъ-то къ Соловью ко разбойнику.
Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ
Принималъ онъ эту чару одной рукой,
Испивалъ эту чару за единый духъ.
Говорилъ ему Илья Муромецъ:
„Засвищи-тко ты, Соловей, только въ полсвиста соловьяго,
„Закричи-тко только въ полкрика звѣринаго.“
Какъ засвисталъ Соловей по-соловьему,
Закричалъ, злодѣй, онъ по-звѣриному;
Отъ этого отъ посвиста соловьяго,
Отъ этого отъ покрика звѣринаго
Темные лѣса къ землѣ поклонилися,
На теремахъ маковки покривились,
Околенки хрустальныя поразсыпались:
Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежать,
А Владимиръ, князь стольно-Кіевскій
Стоитъ—куньей шубонькой укрывается.
Ильѣ Муромцу это дѣло не слюбилося.
Садился-то Илья на добра коня,
Ѣхалъ Илья въ раздольице-чисто поле,
Срубилъ Соловью буйну голову,
Рубилъ ему головку, выговаривалъ:
„Полно-тко тобѣ слезить отцевъ-матерей,
„Полно-тко вдовить женъ молодыихъ,
„Полно спущать сиротать малыхъ дѣтушекъ!“
Тутъ Соловью и славу поютъ.

Добрыня Никитичъ.

Говоритъ Добрыня, сынъ Никитичъ
Своей государынѣ родной матушкѣ:
„Ахъ ты ей, государыни родна матушка!
„Ты на что меня, Добрынюшку, несчастнаго спородила?
„Спородила бы, государыни родна матушка,
„Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
„Завернула въ тонкой въ льняной во рукавичекъ,
„Спустила бы меня во сине море:
„Я бы вѣкъ, Добрыня, въ морѣ лежалъ,
„Я не ѣздилъ бы, Добрыня, по чисту полю,

„Я не убивалъ бы, Добрыня, неповинныхъ душъ,
„Не пролилъ бы крови я напрасныя,
„Не слезилъ Добрыня, отцевъ, матерей,
„Не вдовилъ, Добрыня, молодыихъ женъ,
„Не пускалъ сиротать малыихъ дѣтушекъ".
Отвѣтъ держитъ государыни его матушка:
— Я бы рада тебя, дитятко, спородити
— Таланомъ-участью въ Илью Муромца,
— Силой въ Святогора богатыря,
— Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешку во Поповича,
— Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,
— Я походкою бы тебя щепливою
— Во того Чурилу во Пленковича,
— Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
— Сколько тыя статьи есть, а другихъ Богъ не далъ,
— Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ.—
Скоро-на-скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ,
Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле.
Провожала Добрыню родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по полатѣ похаживать,
Начала голосомъ поваживать
Жалобнехонько она, съ причетью.
У тыя было у стремены у правыя
Провожала Добрыню любимая семья,
Молода Настасья дочь Никулична;
Сама говорила таково слово:
— Когда Добрынюшка домой будетъ,
— Когда дожидать Добрыню изъ чиста поля?—
Отвѣчалъ Добрыня сынъ Никитичъ:
„Когда у меня ты стала спрашивать,
„Тогда я стану тебѣ сказывать:
„Сожидай Добрынюшку по три года;
„Если въ три года не буду, жди друго три;
„А какъ сполнится времени шесть годовъ,
„Да не буду я домой изъ чиста поля,
„Поминай меня Добрынюшку, убитаго,
„А тебѣ-ка-ва Настасья, воля вольная:
„Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
„Хоть за князя поди, хоть за боярина,
„А хоть за русскаго могучаго богатыря,
„А только не ходи за моего брата за названаго,
„За смѣлаго за Алешу за Поповича".
Стала дожидать его по три года.
Какъ день за днемъ будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени да три года,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала сожидать его по другое три.
Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени шесть ужъ лѣтъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.

Во тую пору, въ то время
Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.
Тогда государыни родна его матушка
Жалешенько по немъ плакала,
Слезила она очи ясныя,
Скорбила она лицо бѣлое
По своемъ роженомъ дитяткѣ,
По молодомъ Добрынѣ Никитичѣ.
Сталъ солнышко-Владиміръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать:
„Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
„Молодой вѣкъ свой коротати?
„Поди замужъ, хоть за князя, хоть за боярина,
„Хоть за русскаго могучаго богатыря,
„А хоть за смѣлаго Алешу Поповича".
Отвѣчала Настасья, дочь Никулична:
— Я исполнила заповѣдь мужнюю,—
— Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ;
— Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
— Я исполню заповѣдь свою женскую:
— Я прожду Добрынюшку друго шесть годовъ:
— Такъ сполнится времени двѣнадцать лѣтъ,
— Да успѣю я и въ ту пору замужъ пойти.—
Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени друго шесть годовъ,
Сполнилось вѣрно двѣнадцать лѣтъ:
Не бывалъ Добрынюшка изъ чиста поля,
Сталъ солнышко-Владимиръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать,
Посватывать, подговаривать,
„Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
„Молодой свой вѣкъ коротати?
„Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,
„А хоть за русскаго могучаго богатыря,
„А хоть за смѣлаго Алешу Поповича".
Не пошла замужъ ни за князя, ни за боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Алешу Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
А Добрыня лучился у Царя-града,
А у Добрыни конь потыкается.
„Ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть,
„Зачѣмъ сегодня потыкаешься?"
Испровѣщится ему добрый конь,
Ему голосомъ человѣческимъ:
— Ты ей, хозяинъ мой любимый!
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Твоя молода Настасья дочь Никулична замужъ пошла
— За смѣлаго Алешу за Поповича;
— Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,

— Принимать съ Алешой по злату вѣнцу.—
Разгорячился Добрынюшка Никитичъ,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги промежу заднія,
Что сталъ его бурушка поскакивать
Съ горы на гору, съ холма на холмы,
И рѣки, озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать.
Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летитъ:
Добрый молодецъ перегонъ гонитъ.
Не воротмы ѣхалъ, черезъ стѣну городовую,
Мимо тую башню наугольную...
Идетъ онъ княженецкой дворъ безобсылочно,
А въ палаты идетъ бездокладочно,
Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ,
Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія;
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Солнышку-Владимиру въ особину,
Самъ говоритъ таково слово:
„Здравствуй солнышко-Владимиръ стольно-Кіевскій
„Со своей княгиней со Апраксіей!"
Вслѣдъ идутъ всѣ, жалобу творятъ:
„Солнышко-Владимиръ стольно-Кіевскій!
„Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
„Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцемъ,
„И теперича идетъ скоморошиной,
„Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
„У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
„Всѣхъ насъ взашей прочь толкалъ,
„Скоро проходилъ въ палаты княженецкія".
— Ахъ ты ей, удалая скоморошина!
— Ты зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ,
— На княженецкій дворъ безобсылочно,
— Во палаты идешь бездокладочно,
— Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
— У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
— Скоро проходилъ въ палаты княженецкія?—
Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
Скоморошина въ рѣчи не вчуется:
„Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское?
Съ сердцемъ говоритъ Владимиръ стольно-Кіевскій:
— Что ваше мѣсто скоморошское
— На той на печкѣ на муравленой,
— На муравленой печкѣ—на запечкѣ.—
Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
На тую на печку на муравлену;
Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тыя струночки золоченыя,
Училъ по стрункамъ похаживать,
Училъ онъ голосомъ поваживать,
Играетъ-то онъ въ Царѣ-градѣ,
А на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ,
Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго,
Тутъ всѣ на пиру призамолкнули,
Сами говорятъ таково слово:
„Что не быть это удалой скоморошинѣ,
„А кому ни надо быть русскому,
„Быть удалому доброму молодцу!"
Говорилъ Владимиръ стольно-Кіевскій:
— Ахъ ты ей, удалой, скоморошина!
— Опущайся изъ печки изъ-за-печки;
— Садись-ко съ нами за дубовъ столъ хлѣба кушати,
— Станемъ бѣлыя лебедушки мы рушати.
— За твою игру за веселую
— Дамъ тебѣ три мѣста любимыихъ:
— Первое мѣсто—сядь подлѣ меня,
— Другое мѣсто супротивъ меня,
— А третье мѣсто, куда самъ захошь,
— Куда самъ захошь, еще пожалуешь.—
Не сѣла скоморошина подлѣ князя,
Не сѣла скоморошина противъ князя,
А садилась скоморошина въ скамсочку
Супротивъ княжны порученыя.
Говоритъ удала скоморошина:
„Что солнышко-Владимиръ стольно-Кіевскій!
„Бласлови мнѣ налить чару зелена вина,
„Поднесть эту чару, кому я знаю,
„Кому я знаю, еще пожалую".
Какъ онъ налилъ чару зелена вина,
Онъ опуститъ въ чару свой золоченъ перстень,
Подноситъ княжнѣ порученыя,
Самъ говоритъ таково слово:
„Молода Настасья, дочь Никулична!
„Прими сію чару единой рукой,
„Да выпей-ка чару единыимъ духомъ;
„Буде пьешь до дна, такъ видаешь добра,
„А не пьешь до дна, не видаешь добра."
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила чару единыимъ духомъ,
Да и посмотритъ въ чарѣ свой золоченъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалася;
Сама говоритъ таково слово:
— Солнышко-Владимиръ стольно-Кіевскій!
— Не тотъ мой мужъ, который подлѣ меня,
— А тотъ мой мужъ, который супротивъ меня,
— Сидитъ мой мужъ на скамеечкѣ,
— Подноситъ мнѣ чару зелена вина.—
Сама выскочитъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Упала Добрынѣ въ рѣзвы ноги:
— Прости, прости, Добрынюшка Никитичъ,
— Въ той винѣ прости меня, въ глупости,
— Что не по твоему наказу, де, я сдѣлала,
— Я за смѣлаго Алешеньку замужъ пошла,—
Говорилъ Добрыня, сынъ Никитичъ:
„Что не дивую я разуму-то женскому,
„Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
„Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
„Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ;
„А дивую я солнышку-Владимиру
„Съ молодой княгиней со Апраксіей:
„Солнышко-Владиміръ, тотъ тутъ сватомъ былъ,

„А книгини Апраксія свахою,
„Они у живаго мужа жену просватали.“
Тутъ солнышку-Владимиру къ стыду пришло,
А говорилъ Алешенька Григорьевичъ:
— Прости, прости, братецъ мой названый,
— Что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой семьи,
— Подлѣ молодой Настасьи Никуличной.—
„Въ той винѣ, братецъ, тебя Богъ проститъ,
„Что ты посидѣлъ подлѣ моей любимой семьи,
„Подлѣ молодой Настасьи Никуличной;
„А во другой винѣ тебѣ, братецъ, не прощу:
„Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть лѣтъ,
„Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
„Что нѣтъ жива Добрыни Никитича:
„Убитъ лежитъ во чистомъ полѣ,
„Буйна голова испроломана,
„Могучи плечи испрострѣлены,
„Головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ,—
„Такъ тогда государыни родна матушка
„Жалешенько по мнѣ плакала,
„Слезила свои очи ясныя,
„Скорбила свое лицо бѣлое:
„Съ этой вины тебѣ не прощу!“
Ухватилъ Алешку за желты кудри,
Выдернетъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Алешку о кирпиченъ мостъ,
Повыдернетъ шалыгу подорожную,
Учалъ шалыжищемъ ухаживать,
Чтó хлопанье и чтó оханье, не слышно вѣдь.

Отчего перевелись витязи на Руси?

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ онъ,—черезъ Сафатъ-рѣку
Переправляется сила басурманская;
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
„Ой ужь гдѣ вы, могучіе витязи,
„Удалые братья названные!“
Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
Какъ садилися на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую,
Стали силу колоть рубить.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ;
Бились три часа и три минуточки,
Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
„Не намахалися наши могутныя плечи,
„Не уходилися наши добрые кони,
„Не притупились мечи наши булатные!“
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
„Подавай намъ силу нездѣшнюю;
„Мы и съ тою силою, витязи справимся!“
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей
И крикнули они громкимъ голосомъ:
— А давайте съ нами, витязи, бой держать?
— Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.—
Не узнали витязи воителей.
Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ по-поламъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ по-поламъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ по-поламъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня,
Бились три часа и три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ каменныя горы,
Въ темныя пещеры:
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой,
Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій,
Такъ и окаменѣетъ.
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на Святой Руси.

Василій Буслаевъ.

Въ славномъ великомъ Новѣградѣ
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ, не перечился
Со мужики Новогородскими
Поперекъ словечка не говаривалъ.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и преставился.—
Послѣ его вѣку долгаго

Оставалося его житье-бытье
И все имѣніе дворянское;
Оставалася матера вдова,
Матера Амелфа Тимоѳеевна,
И оставалося чадо милое,
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ,
Будетъ Васенька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимоѳеевна,
Учить его во грамотѣ,—
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,—
Пѣтье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такого пѣвца,
Во славномъ Новѣгородѣ,
Сопротивъ Василья Буслаева.
Повадился вѣдь Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, съ безумницы,
Съ веселыми удалыми добрыми молодцы,
До пьяна ужъ сталъ напиватися,—
А и ходя въ городѣ уродуетъ:
Котораго возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;...
Котораго хватитъ поперекъ хребта,
Тотъ кричитъ, ревѣтъ, окорачь ползетъ.
Пошла-то жалоба великая;—
А и мужики Новогородскіе,
Посадскіе, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдовѣ Амелфѣ Тимоѳеевнѣ
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на умъ учить.
Журьба Васькѣ не взлюбилася,
Пошелъ онъ Васька во высокъ теремъ,
Садился Васька на ременчатый стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты,
Отъ мудрости слово поставлено:
„Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
„Валися къ Васькѣ на широкій дворъ,—
„Тотъ пей и ѣшь готовое
„И носи платье разноцвѣтное".
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.
Въ тоже время поставилъ Васька чанъ середи двора,
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.
Во славномъ было во Новѣградѣ,
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васькѣ на широкій дворъ
Къ тому чану, зелену вину;
Вначалѣ былъ Костя Новоторженинъ,
Пришелъ онъ Костя на широкій дворъ,
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ—
Въ половинѣ было налито
Тяжело свинцу Чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ,—
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ:
Стоитъ тутъ Костя не шевельнется,
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:
„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
„А и будь ты, мнѣ названый братъ,
„И паче мнѣ брата родимаго."
А и мало время позамѣшкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей, дѣти боярскіе,
Пришли ко Васькѣ на широкій дворъ.
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
Тѣмъ молодцамъ сталъ радошенъ и веселешенекъ.
Пришли тутъ мужики Залѣшена,
И не смѣлъ Василій показатися къ нимъ.
Еще тутъ пришло семь братовъ Сбродовичи,—
Собиралися, сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единаго,
Онъ самъ Василій тридцатый сталъ;—
Какой зайдетъ убьютъ его,
Убьютъ его за ворота бросятъ.
Послышалъ Васенька Буслаевичъ
У мужиковъ Новгородскіихъ
Канунъ варенъ, пива ячныя,
Пошолъ Василій со дружиною,
Пришлось во братчину въ Никольщину;—
„Не малу мы тебѣ ссыпь платимъ,
„За всякаго брата по пяти рублевъ."—
А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ,
А и тотъ-то староста церковный
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину;
А и зачали они тутъ канунъ варенъ пить,
А и тѣ-то пива ячныя.
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
Бросился на царевъ кабакъ,
Со своею дружиною хороброю;
Напилися они туто зелена вина,
И пришли во братчину въ Никольщину.
А и будетъ день ко вечеру,
Отъ малаго до стараго,
Начали ужъ ребята боротися,
А въ иномъ кругу въ кулаки битися;
Отъ тое борьбы отъ ребячія,
Отъ того бою отъ кулачнаго,
Началася драка великая;
Молодой Василій сталъ драку разнимать,
А иной дуракъ зашолъ съ носка,
Его по уху оплелъ;
А и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ:
„Гой еси ты, Костя Новоторженинъ,
„И Лука, Моисей, дѣти боярскіе!
„Уже Ваську меня бьютъ."
Поскакали удалы добры молодцы,

Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали,
Кричатъ, ревутъ мужики посадскiе,
Говоритъ тутъ Василiй Буслаевичъ:
„Гой еси вы, мужики Новогородскiе!
„Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
„Напущаюсь я на весь Новгородъ
„Битися, дратися,
„Со всей дружиною хороброю;
„Тако вы меня съ дружиною побьете, Новымъ-городомъ,
„Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
„На всякiй годъ по три тысячи;
„А буде же я васъ побью,
„И вы мнѣ покоритеся,
„То вамъ платить мнѣ такову же дань".
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали.
Началась у нихъ драка-бой великая...
Пошолъ Василiй по Волхъ-рѣкѣ,
А идетъ Василiй по Волхъ-рѣкѣ,
По той Волховой по улицѣ;
Завидѣли добрые молодцы,
А его дружина хоробрая,
Молода Василья Буслаева,—
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
У нихъ-то молодцовъ думушки прибыло:
Молодой Василiй Буслаевичъ
Пришолъ-то молодцамъ на выручку,—
Со тѣми мужики Новогородскими
Онъ дерется, бьется день до вечера;
А ужъ мужики покорилися,
Покорилися и помирилися—
Понесли они записи крѣпкiя
Къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимоѳеевнѣ;
Насыпали чашу чистаго серебра,
А другую чашу краснаго золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьютъ челомъ, покланяются:
„Осударыня матушка,
„Принимай ты дороги подарочки,
„А уйми свое чадо милое,
„Молода Василья со дружиною;
„А и рады мы платить
„На всякой годъ по три тысячи,
„На всякой годъ будемъ тебѣ носить:
„Со хлѣбниковъ по хлѣбику,
„Съ калачниковъ по калачику,
„Съ молодицъ повѣнечное,
„Съ дѣвицъ повалечное,
„Со всѣхъ людей со ремесленныхъ.
„Опричь поповъ и дьяконовъ."
Втапоры матера вдова
Амелфа Тимоѳеевна
Посылала дѣвушку чернавушку
Привести Василья съ дружиною.

Садко богатый гость.

И будетъ въ Новѣгородѣ,
У того ли Николы Можайскаго,
Тѣ мужики Новогородскiе сходилися
На братчину Никольщину,
Начинаютъ пить канунъ, пива ячныя:
И пришелъ тутъ къ нимъ удалой добрый молодецъ,
Удалой молодецъ былъ Волжской сурь,
Бьетъ челомъ, поклоняется:
„А и гой вы еси, мужики Новогородскiе!
„Примите меня во братчину Никольщину,
„А и я вамъ ссыпь плачу немалую."
А и тѣ мужики Новогородскiе
Примали его во братчину Никольщину,
Далъ молодецъ имъ пятьдесятъ рублевъ.
А и зачали пить пива ячныя,
Напивались молодцы уже допьяна,—
А и съ хмелю тутъ Садко захвастался:
„А и гой еси вы, молодцы, славны купцы!
„Припасите вы мнѣ товаровъ въ Новѣгородѣ,
„По три дня и по три уповода;
„Я выкуплю тѣ товары по три дни, по три уповода,
„Не оставлю товаровъ ни на денежку,
„Ни на малу разну полушечку;
„А то коли я товары не выкуплю,
„Заплачу казны вамъ сто тысячей."
А и тутъ мужики Новгородскiе
Тѣ-то-де рѣчи его записывали.
А и выпили канунъ, пива ячныя,
И заставили Садку ходить по Новугороду,
Закупати товары во Новѣгородѣ
Тою ли цѣною повольною.
А и ходитъ Садко по Новугороду,
Закупаетъ онъ товары повольной цѣной:
Выкупилъ товары во Новѣгородѣ,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.—
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце,
А и шедъ Садко Божiй храмъ соорудилъ
А и во имя Стефана Архидьякона:
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Онъ мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскiя двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по второй день по Новугороду,
Во Новѣградѣ товару больше стараго:
Онъ выкупилъ товары и по второй день,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
И влаживалъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце,
Шедъ Садко Божiй храмъ соорудилъ
А во имя Софiи Премудрыя:
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,

Царскія двери вызолачивалъ.
А и ходитъ Садко по третій день,
По третій день по Новугороду,
Во Новѣгородѣ товару больше стараго,
Всякихъ товаровъ заморскихъ:
Онъ выкупилъ товары въ половину дня,
Не оставилъ товару ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку.—
Много у Садки казны осталося,
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце,
Шедъ Садко Божій храмъ соорудилъ
Во имя Николая Можайскаго:
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
А и Ходитъ Садко по четвертый день,
Ходилъ Садко по Новугороду,
А и цѣлый день онъ до вечера,
Не нашелъ онъ товаровъ во Новѣгородѣ
Ни на денежку, ни на малу разну полушечку.
Зайдетъ Садко онъ во темный рядъ,
И стоятъ тутъ черепаны, гнилые горшки,
А всѣ горшки уже битые;
Онъ самъ Садко усмѣхается,
Даетъ деньги за тѣ горшки,
Самъ говоритъ таково слово:
„Пригодятся ребятамъ черепками играть,
„Поминать Садку, гостя богатаго,
„Что не я Садко богатъ—богатъ Новгородъ
„Всякими товарами заморскими,
„И тѣми черепанами, гнилыми горшки.“

Стихъ о Егоріи Храбромъ.

Во градѣ было во Іерусалимѣ
При царѣ было при Ѳедорѣ,
Жила царица благовѣрная
Святая Софія Перемудрая.
Породила она себѣ три дочери,
Три дочери да три любимыя,
Четвертаго сына Егорія
Егорія, свѣта, Храбраго;
По колѣна ноги въ чистомъ сéребрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорія вся жемчужная,
По всемъ Егоріи часты звѣзды.
Сначала было свѣта вольнаго,
Не бывало на Іерусалимъ градъ
Никакой бѣды, ни погибели;
Наслалъ Господь насланіе
На Іерусалимъ градъ:
Напустилъ Господь царища Демьянища,
Безбожнаго пса бусурманища.
Побѣдилъ злодѣй Іерусалимъ городъ;
Сѣчетъ и рубитъ, и огнемъ палитъ;
Царя Ѳедора въ полонъ беретъ,
Въ полонъ беретъ, въ столбъ закладываетъ.
Полонилъ злодѣй три отроцы,
Три отроцы и три дочери,
А четвертаго чуднаго отроца,
Святаго Егорія Храбраго,
Увозилъ Егорья во свою землю,
Во свою землю во невѣрную,
Онъ и сталъ пытать, крѣпко спрашивать:
„А скажи, Егорій, какова роду,
„Каковá роду, каковá чину?
„Царскаго роду, аль боярскаго,
„Аль того чину княжевинскаго?
„Ты которой вѣрѣ вѣруешь?
„Ты которому Богу молишься?
„Ты повѣруй вѣру ты ко мнѣ царю,
„Ко мнѣ царю, къ моимъ идоламъ!“
Святый Егорій-свѣтъ глаголуетъ:
„Ты злодѣй царище бусурманище!
„Я не вѣрую вѣры твоей невѣрныя,
„Ни твоимъ богамъ, ко идоламъ,
„Ни тебѣ, царищу бусурманищу!
„Вѣрую въ вѣру крещеную,
„Во крещеную, богомольную,
„Самому Христу, Царю Небесному!
„Во мать Пресвятую Богородицу,
„Еще въ Троицу нераздѣлимую!“
Вынималъ злодѣй саблю острую,
Хотѣлъ губить ихъ главы
По ихъ плеча могучія:
„Ой вы гой еси три отроцы,
„Три отроцы царя Ѳедора!
„Вы покиньте вѣру христіанскую;
„Повѣруйте мою латынскую,
„Латынскую, бусурманскую!
„Молитесь богамъ моимъ кумирскіимъ,
„Поклоняйтесь моимъ идоламъ!“
Три отроцы и три родны сестры
Сабли острой убоялися,
Царищу Демьянищу преклонилися:
Покидали вѣру христіанскую,
Начали вѣровать латынскую,
Латынскую, бусурманскую.
Царище Демьянище,
Безбожный царь-бусурманище
Возговорилъ ко святому
Егорію Хораброму.
„Ой ты гой еси чудный отроце,
„Святый Егорій Хорабрый!
„Покинь вѣру истинную, христіянскую,
„Повѣруй вѣру латынскую!
„Молись моимъ богамъ кумирскіимъ,
„Поклоняйся моимъ идоламъ!“
Святый Егорій проглаголуетъ:
„Злодѣй царище Демьянище,
„Безбожный песъ бусурманище!
„Я умру за вѣру христіянскую;
„Не покину вѣру христіянскую!

„Не буду вѣровать латынскую,
„Латынскую, бусурманскую;
„Не буду молиться богамъ твоимъ кумирскіимъ,
„Не поклонюсь твоимъ идоламъ!“
На то царище распаляется,
Повелѣлъ Егорія-свѣта мучити
Онъ и муками разноличными.
Повелѣлъ Егорья во пилы пилить;
По Божьему повелѣнію,
По Егоріеву моленію,
Не берутъ пилы жидовскія;
У пилъ зубья позагнулися,
Мучители всѣ утомилися,
Ничего Егорію не вредилося,
Егорьево тѣло соцѣлялося;
Возставалъ Егорій на рѣзвы ноги:
Поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы все архангельскіе.
Возговоритъ царище Демьянище
Ко святому Егорью Хораброму:
„Ой ты гой еси чудный отроце,
„Святой Егорій Хорабрый!
„Ты покинь вѣру истинную, христіянскую;
„Повѣруй въ вѣру латынскую!“
А святой Егорій проглаголуетъ:
„Я умру за вѣру христіянскую;
„Не покину вѣру христіянскую;
„Не буду вѣровать во латынскую,
„Латынскую, бусурманскую!“
На то царище опаляется,
Въ своемъ сердце разозляется.
Повелѣлъ Егорья въ топоры рубить;
Не довлѣть Егорья въ топоры рубить:
По Божію повелѣнію,
По Егоріеву моленію
Не берутъ Егорья топоры нѣмецкіе;
По обухъ лезья приломилися,
А мучители всѣ пріутомилися,—
Ничего Егорью не вредилося;
Егорьево тѣло соцѣлялося;
Да возстаетъ Егорій на рѣзвы нози:
Онъ поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы архангельскіе.
Возговоритъ царище Демьянище
Ко Егорію Хораброму:
„Ой ты гой еси, отче Егорій Хорабрый!
„Повѣруй вѣру латынскую!“
А святый Егорій проглаголуетъ:
„Я умру за вѣру христіянскую;
„Не покину вѣру христіянскую;
„Не буду вѣровать латынскую!“
Царище Демьянище на него опаляется;
Повелѣлъ Егорья въ сапоги ковать,
Въ сапоги ковать, гвозди желѣзные;
Не добрѣ Егорья мастера куютъ:
У мастеровъ руки опущалися,
Ясные очи помрачалися,—
Ничего Егорью не вредилося:
Егорьево тѣло соцѣлялося.
А злодѣй царище Демьянище
Повелѣлъ Егорья во котелъ сажать,
Повелѣлъ Егорья во смолѣ варить.
Смола кипитъ, яко громъ гремитъ,
А посверхъ смолы Егорій плаваетъ;
Онъ поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы все архангельскіе.
Возговоритъ царище Демьянище:
„Покинь вѣру истинную, христіянскую,
„Повѣруй мою вѣру латынскую,
„Латынскую, бусурманскую!“
Святый Егорій проглаголуетъ:
„Я не буду вѣровать вѣру бусурманскую,
„Я умру за вѣру христіянскую!“
На то царище Демьянище опаляется;
Повелѣлъ своимъ мучителямъ:
„Ой вы гой еси слуги вѣрные!
„Вырывайте скоро глубокъ погребъ!“
Тогда же его слуги вѣрные
Вырывали глубокъ погребъ:
Глубины погребъ сорока сажѐнь,
Ширины погребъ двадсяти сажѐнь;
Посидилъ Егорья во глубокъ погребъ,
Закрывалъ досками желѣзными,
Задвигалъ щитами дубовыми,
Забивалъ гвоздями полужеными,
Засыпалъ песками рудожелтыми,
Засыпалъ онъ и притаптывалъ,
И притаптывалъ, и приговаривалъ:
„Не бывать Егорью на святой Руси!
„Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
„Не обозрѣть Егорью солнца краснаго,
„Не видать Егорью отца и матери;
„Не слыхать Егорью звона колокольнаго,
„Не слыхать Егорью пѣнія церковнаго!“
И сидѣлъ Егорій тридсять лѣтъ.
А какъ тридсять лѣтъ исполнилось,
Святому Егорью во снѣ видѣлось:
Да явилося солнце красное,
Еще явилася Мать пресвятая Богородица;
Святу Егорью-свѣтъ глаголуетъ:
„Ой ты гой еси святый Егорій, свѣтъ Храбрый!
„Ты за это ли претерпѣніе,
„Ты наслѣдуешь себѣ царство небесное!“
По Божьему повелѣнію,
По Егорія Храбраго моленію,
Отъ свята града Ерусалима
Поднималися вѣтры буйные:
Разносило пески рудожелтые,
Поломало гвозди полуженые,
Разнесло щиты дубовые,
Разметало доски желѣзныя.
Выходилъ Егорій на святую Русь;
Завидѣлъ Егорій свѣту бѣлаго,
Услышалъ звону колокольнаго,
Обогрѣло его солнце красное.
И пошелъ Егорій по святой Руси,

По святой Руси, по сырой землѣ,
Ко тому граду Ерусалиму,
Гдѣ его родима матушка
На святой молитвѣ Богу молится.—
Приходилъ Егорій во Ерусалимъ городъ:
Ерусалимъ городъ пустъ пустехонекъ:
Вырубили его и выжегли!
Нѣтъ ни стараго, нѣтъ ни малаго!
Стоитъ одна церковь соборная,
Церковь соборная, богомольная:
А во церкви во соборныей,
Во соборныей, богомольныей,
Стоитъ его матушка родимая,
Святая Софія перемудрая.
На молитвахъ стоитъ на Исусовыхъ:
Она Богу молитъ объ своемъ сыну,
Объ своемъ сыну, объ Егорію.
Помолимши Богу, оглянулася;
Она узрѣла и усмотрѣла
Свово чаду, свово милаго,
Свята Егорія, свѣта Храбраго;
Святу Егорью-свѣтъ глаголуетъ:
„Ой ты еси мое чадо милое,
„Святой Егорій,—свѣтъ Храбрый!
„Гдѣ ты былъ, гдѣ разгуливалъ?"
Святый Егорій-свѣтъ глаголуетъ:
„Ой сударыня, моя матушка,
„Святая, премудрая Софія!
„Былъ я у злодѣя царища Демьянища,
„Безбожнаго злодѣя-бусурманища;
„Претерпѣлъ я муки разныя,
„Муки разныя, разноличныя.
„Государыня моя матушка,
„Святая Софья премудрая!
„Воздай мнѣ свое благословеніе:
„Поѣду я по всей землѣ свѣтло-русской,
„Утвердить вѣру христіянскую!"—
Свѣту-Егорію мать глаголуетъ:
„Ты поди, чадо милое!
„Ты поди далече во чисты поля:
„Ты возьми коня богатырскаго
„Со двѣнадесять цѣпей желѣзныхъ,
„И со збруею богатырскою,
„Со вострымъ копьемъ со булатнымъ.
„И со книгою со Евангельемъ."
Тутъ же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Басурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:
Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтья по землѣ разстилалися:
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Святой Егорій глаголуетъ:
„Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
„Встаньте и разшатнитеся,
„Разшатнитеся, раскачнитеся:
„Порублю изъ васъ церкви соборныя,
„Соборныя да богомольныя!
„Въ васъ будетъ служба Господняя!
„Зароститеся вы, лѣса,
„По всей землѣ свѣтло-русской,
„По крутымъ горамъ по высокіимъ!"
По Божьему все повелѣнію,
По Егоріеву все моленію,
Разрослись лѣса по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ по высокіимъ;
Ростутъ лѣса, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.—
Еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на рѣки быстрыя,
На быстрыя, на текучія:
Нельзя Егорью проѣхати,
Нельзя святому подумати.
„Ой вы гой еси, рѣки быстрыя,
„Рѣки быстрыя, текучія!
„Протеките вы, рѣки, по всей землѣ.
„По всей землѣ свято-русскіей!
„По крутымъ горамъ, по высокіимъ,
„По темнымъ лѣсамъ, по дремучіимъ;
„Теките вы, рѣки, гдѣ вамъ Господь повелѣлъ!"
По Божьему велѣнію,
По Егоріеву моленію,
Протекли рѣки, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.
Святой Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ на горы на толкучія:
Гора съ горой столкнулася;
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
„Вы горы, горы толкучія!
„Станьте вы, горы, по старому,
„Поставлю на васъ церковь соборную;
„Въ васъ будетъ служба Господняя!"
Святой Егорій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ, на рыскучіихъ,
И пастятъ стадо три пастыря,
Три пастыря да три дѣвицы,
Егорьевы родныя сестрицы;
На нихъ тѣла, яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ кавыль-трава,
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати,
Егорій святой проглаголывалъ:
„Вы волки, волки рыскучіе!
„Разойдитеся, разбредитеся,
„По два, по три, по единому,
„По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ;
„А ходите вы повременно,
„Пейте вы, ѣшьте повелѣнное,
„Отъ свята Егорія благословенія!
По Божьему все повелѣнію,
По Егоріеву моленію,

Разбѣгалися звѣри по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русскіей:
Они пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
Повелѣнное, благословенное
Отъ Егорія Храбраго.
Еще же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на стадо на змѣиное,
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
„Ой вы гой еси, змѣи огненныя!
„Разсыпьтесь, змѣи, по сырой землѣ,
„Въ мелкія, дробныя череньицы!
„Пейте и ѣшьте изъ сырой земли!“
Святой Егорій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Пріѣзжалъ Егорій
Къ тому ко городу Кіеву.
На тѣхъ вратахъ на Херсонскіихъ
Сидитъ Черногаръ-птица,
Держитъ въ когтяхъ Осетра-рыбу:
Святому Егорью не проѣхать будетъ.
Святой Егорій глаголуетъ:
„Охъ ты, Черногаръ-птица!
„Возвейся подъ нéбеса,
„Полети на Океанъ-море:
„Ты и пей и ѣшь въ Океанъ-морѣ,
„И дѣтей производи на Океанъ-морѣ!“
По Божьему повелѣнію,
По Егорьеву моленію,
Подымалась Черногаръ-птица подъ нéбеса,
Полетѣла на Океанъ-море,
Она пьетъ и ѣстъ въ Океанъ-морѣ,
И дѣтей выводитъ на Океанъ-морѣ,
Святой Егорій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ полаты бѣлы-каменны,
Да гдѣ же пребываетъ царище-Демьянище,
Безбожный песъ-бусурманище.
Увидѣлъ его царище Демьянище,
Безбожный песъ-бусурманище:
Выходитъ онъ изъ полаты бѣлокаменной,
Кричитъ онъ по-звѣриному,
Визжитъ онъ по-змѣиному;
Хотѣлъ побѣдить Егорья Храбраго.
Святой Егорій не устрáшился,
На добрóмъ конѣ пріуправился;
Вынимаетъ мечъ-саблю вострую,
Онъ ссѣкъ его злодѣйскую голову
По его могучія плечи;
Подымалъ палицу богатырскую,
Разрушилъ полаты бѣлокаменныя,
Очистилъ землю Христіянскую,
Утвердилъ вѣру Самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесному,
Владычицѣ Богородицѣ,
Святой Троицѣ нераздѣлимыя.
Онъ беретъ свои три родныхъ сестры,
Приводитъ къ Іорданъ-рѣкѣ;
„Ой вы, мои три родныхъ сестры!
„Вы умойтеся-окреститеся,
„Ко Христову гробу приложитеся!
„Набралися вы духу нечистаго;
„Нечистаго, бусурманскаго:
„На васъ кожа, какъ еловая кора,
„На васъ власы, какъ камышъ-трава!
„Вы повѣруйте Самому Христу,
„Самому Христу, Царю Небесному,
„Владычицѣ Богородицѣ,
„Святой Троицѣ нераздѣлимыя!“
Умывалися, окрещалися:
Камышъ-трава съ нихъ свалилася,
И еловая кора опустилася.
Приходилъ Егорій
Къ своей матушкѣ родимой:
„Государыня моя матушка родимая,
„Премудрая Софья!
„Вотъ тебѣ три дочери,
„А мнѣ три родныхъ сестры!“—
Егоріева много похожденія!
Велико его претерпѣніе!
Претерпѣлъ муки разчоличныя
Все за наши души многогрѣшныя!
Поемъ славу святá Егорія!
Святá Егорія, свѣтъ Хорабраго!
Во вѣки его слава не минуется!
И во вѣки вѣковъ! Аминь!

Щелканъ Дудентьевичъ.

А и дѣялося въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой.—
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ,—
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По Татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ,

Его дома не случилося:
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ,
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ,—
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани, выходы,
Царскіе невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во 100 рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога,
Царское жалованье,
Государево величество;
А не льзя, дескать,
Тоя узды ни продать, ни промѣнять,
И друга дарить.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
„Гой еси, царь Азвякъ,
„Азвякъ Тавруловичъ!
„Пожаловалъ ты молодцовъ
„Любимыхъ шуриновъ:
„Василья на Плесу,
„Гордѣя къ Вологдѣ,
„Ахрамея къ Костромѣ;
„Пожалуй ты, царь Азвякъ,
„Пожалуй ты меня
„Тверью старою,
„Тверью богатою,
„Двумя братцами родимыми,
„Дву удалыми Борисовичи.“
Проговоритъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
„Гой еси, шуринъ мой
„Щелканъ Дудентьевичъ!
„Заколи-тко ты сына своего,
„Сына любимаго,
„Крови ты чашу нацѣди,
„Выпей ты крови тоя,
„Крови горячія;
„И тогда я тебя пожалую
„Тверью старою,
„Тверью богатою,
„Двумя братцами родимыми,
„Дву удалыми Борисовичи.“
Втапоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія,
Выпилъ чашу тоя крови горячія.
А втапоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.
И втѣпоры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А немного онъ судьею сидѣлъ:....
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, честными подарками—
И понесли они честные подарки—
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Втапоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загординился,
И они съ нимъ раздорили—
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося.

Взятіе Казанскаго царства.

Середи было Казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны палаты,
А изъ спальни бѣлокаменной полаты,
Ото сна тутъ царица пробуждалася,
Царица Елена Симеону царю она сонъ разсказала:
„А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
„Что ночесь мнѣ царицѣ мало спалося,
„Въ сновидѣньицѣ много видѣлося:
„Какъ отъ сильнаго Московскаго царства,
„Кабы сизый орлище встрепенулся,
„Кабы грозная туча подымалась,
„Что на наше вѣдь царство наплывала“.

А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымался великій князь Московскій,
А Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель,
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили подъ Казанское царство за пятнадцать верстъ,
Становились они подкопью подъ Булакъ-рѣку,
Подходили подъ другую, подъ рѣку подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ Казанское царство;
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ:
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла;
А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣе.
Воспалился тутъ великій князь Московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель,
И началъ канонеровъ тутъ казнити,
Что началася отъ канонеровъ измѣна;
Что большой за меньшаго хоронится,
Отъ меньшаго ему князю отвѣту нѣту.
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
„Ты великій, сударь, князь Московскій!
„Не вели ты насъ канонеровъ казнити:
„Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
„А въ землѣ-то свѣча идеть тишѣе“.
Позадумался князь Московскій,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою,
Еще какъ бы это дѣло оттянути.
Они тѣ-то рѣчи говорили,
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ,—
Принималися бочки съ чернымъ порохомъ,
Подымало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменны полаты.
И бѣжалъ тутъ великій князь Московскій
На тое-ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія полаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго князя встрѣчала,
А того ли Ивана, сударь, Васильевича, прозрителя;
И за то онъ царицу пожаловалъ
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ великаго князя онъ,
И вынялъ ясны очи со косицами;
Онъ и взялъ съ него царскую корону
И снялъ царскую порфиру.
Онъ царской костыль въ руки принялъ.
И въ то время князь воцарился
И насѣлъ на Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И съ тѣхъ поръ великая слава.

На Рожденіе Петра Великаго.

Какъ да свѣтелъ, радошенъ въ Москвѣ
Благовѣрный князь Алексѣй Михайловичъ:
Народилъ Богъ ему сына царевича Петра Алексѣевича,
Перваго Императора по землѣ.
Всѣ-то русскіе какъ плотники мастеры
Во всю ноченьку не спали, колыбель - люльку дѣлали
Они младому царевичу;
А и нянюшки-матушки, сѣнныя красныя дѣвушки,
Во всю ноченьку не спали, шириночку вышивали,
По бѣлому рытому бархату онѣ краснымъ золотомъ;
Тюрьмы съ покаянными онѣ всѣ распущалися;
А и погребы царскіе они всѣ растворялися,—
У царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости,
А князи сбиралися, бояра съѣзжалися и дворяне сходилися.
А все народъ Божій, на пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются,—
Во весельи, въ радости не видали какъ дни прошли
Для младаго царевича Петра Алексѣевича,
Перваго Императора.

Домострой Сильвестра.

1. *Наказаніе отъ отца къ сыну (гл. 1).* Благословляю азъ грѣшный, имя рекъ, и поучаю, и наказую, и вразумляю сына своего, имя рекъ, и его жену, и ихъ чадъ и домочадцовъ: быти во всякомъ христіянскомъ законѣ, и во всякой чистой совѣсти и правдѣ; съ вѣрою творяще волю Божію, и хранящe заповѣди Его; себе утверждающе во всякомъ страсѣ Божіи, и въ законномъ жительствѣ; и жену поучающе, тако же и домочадцевъ своихъ наказующе: не нужею, ни ранами, ни работою тяжкою; имѣюще яко дѣти, во всякомъ покоѣ: сыты и одѣны, и въ тепломъ храмѣ, и во всякомъ устроѣ. И вдаю вамъ христіянскому жительству писаніе се на память, и вразумленіе: вамъ и чадомъ вашимъ. Аще сего моего писанія не внемлете, н наказанія не послушаете, и по тому не учнете жити, и не тако творити, яко же есть писано,—сами себѣ отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда; и азъ вашимъ винамъ, и грѣху, не причастенъ: кромѣ моея души; азъ о семъ, о всякомъ благочиніи благословилъ, и плакалъ, и молилъ, и поучалъ, и писаніе предлагалъ вамъ; и аще воспріимете сіе мое худое ученіе и грубое наказаніе, со всею чистотою душевною; и прочитая, прося у Бога помощи и разума, по елику возможно, какъ Богъ вразумитъ васъ; и начнете дѣломъ творити вся си: будетъ на васъ милость Божія, и Пречистыя Богородицы, и великихъ чудо-

творцевъ, и наше благословеніе, отнынѣ и до вѣка, и домъ вашъ, и чада ваша, и стяжаніе ваше, и обиліе ваше, что вамъ Богъ подаровалъ: отъ нашего благословенія, и отъ своихъ трудовъ: да будетъ благословенно, исполнено всякихъ благъ, во вѣки, аминь.

2. *Како царя и князя чтити (гл. 7).* Царя бойся и служи ему вѣрою, и всегда о немъ Бога моли и ложно отнюдь не глаголи предъ нимъ; но съ покореніемъ, истину отвѣщай ему, яко самому Богу, и во всемъ повинуйся ему. Аще земному царю правдою служиши, и боишися его: тако научишися и Небеснаго Царя боятися: сей временenъ, а Небесный вѣченъ и судія нелицемѣренъ: воздастъ комуждо по дѣломъ его. Тако же и князямъ покоряйтеся, и должную ему честь воздавай, яко отъ него посланомъ, во отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ. Князю своему пріяйте всѣмъ сердцемъ, и властелемъ своимъ: ни мыслите на ня зла. Глаголетъ бо Павелъ Апостолъ: вся владычества отъ Бога учинена суть: да, аще кто противится властелемъ, то Божію повелѣнію противится. А царю и князю и всякому вельможѣ не тщися служити лжею и клеветою и лукавствомъ: погубитъ Господь вся глаголющая лжу, а шепотники и клеветники отъ народа прокляти суть. Старѣйшимъ себѣ честь воздавай, и поклоненіе твори; среднихъ яко братію почитай; маломожныхъ и скорбныхъ любовію привѣчай; юнѣйшихъ яко чада люби; всякому созданію Божію не лихъ буди; славы земныя ни въ чемъ не желай; вѣчныхъ благъ проси у Бога; всякую скорбь и тѣсноту съ благодареніемъ терпи; обидимъ не мсти; хулимъ моли; зла за зло не воздавай; согрѣшающая не осуждай; воспомяни свои грѣхи: о тѣхъ крѣпко пекися; злыхъ мужей совѣту отвращайся; буди ревнитель правожительствующимъ, и тѣхъ дѣланія написуй въ сердцѣ своемъ, и самъ тако же твори.

Исторія князя великаго московскаго о дѣлахъ.

(Князя Курбскаго).

1. *Самое начало исторіи.* Много кратъ ото многихъ свѣтлыхъ мужей вопрошаемъ быхъ, съ великимъ стужаніемъ: „откуда сія приключишася, такъ прежде доброму и нарочитому царю, многажды за отечество и о здравіи своемъ не радящу, и въ военныхъ вещахъ, сопротивъ враговъ Креста Христова, труды тяжкіе, и бѣды, и безчисленные поты претерпѣвающу, и прежде отъ всѣхъ добрую славу имущему?“ И многажды умолчахъ со вздыханіемъ и слезами, не восхотѣхъ отвѣщати; послѣди же, частыхъ ради вопрошаній, принужденъ быхъ нѣчто рещи отчасти о случаяхъ, приключшихся таковыхъ, и отвѣщахъ имъ: аще бы изъ начала и по ряду рѣхъ, много бы о томъ писати, яко въ предобрый Русскихъ князей родъ всѣялъ діаволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во Израильтескихъ царѣхъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ. Но сія вся оставя, нѣчто изреку о томъ самомъ настоящемъ. Яко глаголютъ многіе премудрые: „доброму началу и конецъ бываетъ добръ“; такожде и сопротивъ: злое злымъ скончавается; а наипаче, отъ самовластнаго человѣческаго естества, злымъ произволеніемъ и по всему супротивнымъ противу Божіихъ заповѣдей дерзати.

2. *Дѣтство и юность Ивана Грознаго.* Тогда зачался нынѣшній Іоаннъ нашъ, и родился, въ законопреступленію и во сладострастію, лютость, яко рече Іоаннъ Златоустый, въ словѣ о женѣ злой, ему же начало днесь намъ Іоанново преподобіе: „И Иродова лютость егда возвѣщалася, смутились внутреннія, сердца вострепетали, зракъ помрачился, разумъ притупился, слухъ скутался“ и прочее. И аще святые великіе учители ужасалися, пишуще отъ мучителей на святыхъ дерзаемыя; кольми паче намъ грѣшнымъ подобаетъ ужасатися, таковую трагедію возвѣщати! Но послушаніе все преодолѣваетъ, паче же стужанія, або докучанія вашего ради частаго. Но и сіе къ тому злому началу еще возмогло: понеже остался отъ отца своего зѣло младъ, аки двy лѣтъ; по немногихъ же лѣтѣхъ, и мати ему умре; потомъ питаша его велицѣ гордые паны, по ихъ языку боярове, его на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретящеся другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденію и сладострастію.

Егда же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять, и впредъ что творилъ, умолчу иныя и иныя, обаче же возвѣщу сіе: началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечуще ихъ (а по ихъ языку, съ крылецъ, або съ теремовъ), такожъ и иныя многія не подобныя дѣла творити, являюще хотящее быти немилосердое произволеніе въ себѣ, яко Соломонъ глаголетъ: „Мудрый, рече, милуетъ души скотовъ своихъ, такоже и безумный біетъ ихъ нещадно;“ а пѣстуномъ ласкающимъ, попущающе сіе и хваляще, на свое горшее отрока учаще. Егда же уже приходяше къ пятому на десять лѣту, и вяще, тогда началъ человѣковъ уроняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сигклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конѣхъ съ ними ѣздити, и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ. И во истину, дѣла разбойническія самыя творяше, и иныя злыя исполняше, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателемъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: „О храбръ, глаголюще, будетъ сей царь и мужественъ“. Егда же пріиде къ седмому на десятъ лѣту, тогда тѣжъ

прегордые сигклитове начаша подущати его и мстити имъ свои недружбы, единъ противъ другаго; и первѣе убиша мужа пресильнаго, зѣло храбраго стратига и великороднаго, иже былъ съ роду княжатъ Литовскихъ, единоколѣненъ кролеви Польскому Ягайлу, именемъ князь Иванъ Бѣльскій, иже не токмо былъ мужественъ, но и въ разумѣ многъ и въ священныхъ писаніяхъ въ нѣкоторыхъ искусенъ. По малѣ же времени, онъ же самъ повелѣлъ убити такожде благородное едино княжа, именемъ Андрея Шуйскаго, изъ роду княжатъ Суздальскихъ.

Посланіе Ивана Грознаго игумену Кирилло-Бѣлоз. монастыря Козмѣ съ братіею, около 1578 г.

Въ пречестную обитель пречистыя Владычицы Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирилла чудотворца, иже о Христѣ божественнаго полка наставнику и вожу, и руководителю къ пренебесному селенію, преподобному игумену Козмѣ, иже о Христѣ съ братіею, царь и великій князь Иванъ Васильевичь всея Руси челомъ бьетъ. Увы мнѣ грѣшному! горе мнѣ окаянному! охъ мнѣ скверному! Кто есмь азъ на таковую высоту дерзати? Бога ради, господіе и отцы, молю васъ, престаните отъ таковаго начинанія. Азъ братъ вашъ недостоинъ есмь нарещися, но по Еуангельскому словеси, сотворите мя, яко единаго отъ наемникъ своихъ; тѣмъ же припадаю честныхъ ногъ вашихъ стопамъ, и милъ ся дѣю: Бога ради, престаните отъ таковаго начинанія. Писано бо есть: „Свѣтъ инокомъ Ангели, свѣтъ же мирянomъ иноки"; ино подобаетъ вамъ нашимъ государемъ, и насъ заблудшихъ во тьмѣ гордости и сѣни смертнѣй прелести тщеславія, ласкосердства же и ласкосердія, просвѣщати: а мнѣ псу смердящему кому учити, и чему наказати, и чѣмъ просвѣтити?...

И аще хощете, есть у васъ, дома, учитель, среди васъ великій свѣтильникъ Кирилъ: и на его гробъ повсегда зрите, и отъ него всегда просвѣщайтеся; потомъ же великіе подвижницы, ученицы его, а ваши наставницы и отцы, по пріятію рода духовнаго даже и до васъ, и святый уставъ великаго чудотворца Кирила, яко жъ у васъ ведется. Се у васъ учитель и наставникъ! отъ сего учитеся, отъ сего наставляйтесь, отъ сего просвѣщайтеся, о семъ утверждайтеся; да и насъ убогихъ духомъ и нищихъ благодатію, просвѣщайте, а за дерзость, Бога ради, простите. Понеже помните, отцы святіи, егда нѣкогда прилучися нѣкоимъ нашимъ приходомъ къ вамъ въ пречестную обитель пречистыя Богородицы и чудотворца Кирила, и случися тако судьбами Божіими: по милости пречистыя Богородицы и чудотворца Кирила молитвами, отъ темныя ми мрачности малу зорю свѣта Божія въ помыслѣ моемъ восприяхъ, и повелѣхъ тогда сущему преподобному вашему игумену Кирилу, съ нѣкоими отъ васъ братіи, нѣгдѣ въ келіи сокровеннѣ быти, самомуже такоже отъ мятежа и плища мірскаго упразднившуся и пришедшу ми къ вашему преподобію: и тогда со игуменомъ бяше Іасафъ архимандритъ Каменской, и Сергѣй Колычевъ, ты, Никодимъ, ты, Антоній, а иныхъ не упомню; и бывшей о семъ бесѣдѣ надолзѣ, и азъ грѣшный вамъ извѣстихъ желаніе свое о постриженіи, и искушахъ окаянный вашу святыню слабыми словесы. И вы извѣстите ми о Бозѣ крѣпостное житіе, и якоже услышахъ сіе божественное житіе, ту абіе возрадовася скверное мое сердце со окаянною моею душею, яко обрѣтохъ узду помощи Божія своему невоздержанію и пристанище спасенія; и свое обѣщаніе положихъ вамъ съ радостію, яко нигдѣ инцѣ, еще благоволитъ Богъ, во благополучно время, здраву, пострищися, точію во пречестнѣй сей обители пречистыя Богородицы, чудотворца Кирила составленія. И вамъ, молитвовавшимъ, азъ же окаянный преклонихъ скверную свою главу и припадохъ къ честнымъ стопамъ преподобнаго игумена тогда сущаго, вашего жъ и моего, на семъ благословенія прося, оному же руку на мнѣ положшу и благословишу мене на семъ, якоже выше рѣхъ, яко нѣкоего новоприходящаго пострищись. И мнѣ мнится окаянному, яко исполу есмь чернецъ: аще и не отложихъ всякаго мірскаго мятежа, но уже рукоположеніе благословенія ангельскаго образа на себѣ ношу. И видѣхъ во пристанищѣ спасенія многи корабли душевные, лютѣ обуреваемы треволненіемъ; сего ради не могохъ терпѣти, малодушствовахъ, и о своей душѣ поболѣхъ, яко сый уже вашъ, да не пристанище спасенія испразднится, сице дерзнухъ глаголати...

Яко же Апостолы Христу сраспинаеми и соумерщвляеми, и совоскрешаеми будутъ, тако и вамъ подобаетъ усердно послѣдствовати великому чудотворцу Кирилу, и преданіе его крѣпко держати, и о истинѣ подвизатися крѣпцѣ, и не быти бѣгуномъ, пометати щитъ и иная: но вся оружія Божія восприимѣте, и не предавайте чудотворцева преданія, никтожъ отъ васъ, яко Іуда Христа, сребра ради, тако и нынѣ сластолюбія ради. Есть бо у васъ Анна и Каіафа, Шереметевъ и Хабаровъ; и есть Пилатъ, Варламъ Собакинъ, понеже отъ царскія власти посланъ; и есть Христосъ распинаемъ — чудотворцево преданіе преобидимо. Бога ради, отцы святіи, и мало въ чемъ ослабу попустите, то и велико будетъ... Видите ли, каково послабленіе иноческому житію, плача и скорби достойно? И по тому вашему ослабленію, ино-то Шереметева для и Хабарова для, такова у васъ слабость учинилася и

чудотворцеву преданію преступленіе. И только намъ благоволитъ Богъ у васъ пострищися, ино-то всему царскому двору у васъ быти, а монастыря уже и не будетъ. Ино почто въ чернцы, и какы молвити: „отрицаюся міра и вся яже суть въ мірѣ“, а міръ весь въ очѣхъ? И како на мѣстѣ семъ святѣмъ со братіею скорби терпѣти и всякія напасти приключшаяся, и въ повиновеніи быти игумену и всей братіи, въ послушаніи и въ любви, якоже во обѣщаніи иноческомъ стоитъ?. А Шереметеву какъ назвати братіею? ано у него и десятый холопъ, который у него въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучше братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ. И велицыи свѣтильницы, Сергій, и Кирилъ, и Варламъ, и Димитрій, и Пафнутій, и мнози преподобніи въ русстѣй землѣ, уставили уставы иноческому житію крѣпостные, якоже подобаетъ спастися; а бояре, къ вамъ пришедъ, свои любострастные уставы ввели; ино-то не они у васъ постриглися, вы у нихъ постриглися; не вы имъ учители и законоположители, они вамъ учители и законоположители. Да, Шереметева уставъ добръ, держите его; а Кириловъ уставъ не добръ, оставите его. Да сегодня тотъ бояринъ ту страсть введетъ, а иногда иной иную слабость введетъ, да помалу, помалу весь обиходъ монастырскій крѣпостный испразнится, и будутъ вси обычаи мірскіе. Вѣдь по всѣмъ монастыремъ, сперва начальники уставили крѣпкое житіе, да опослѣ ихъ разорили любострастные. И Кирилъ чудотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ его Сергѣй; а законъ каковъ былъ, прочтите въ житіи чудотворцевѣ, и тамо извѣстно увѣсте; да тотъ маленько слабость ввелъ, а послѣ его иные поболыше, да помалу помалу, и до сего, якоже и сами видите на Симоновѣ, кромѣ сокровенныхъ рабъ Божіихъ, точію одѣяніемъ иноцы, а мірская вся совершаются, якоже и у Чуда быша среди царствующаго града, предъ нашима очима, намъ и вамъ видима..... Смотрите жъ, слабость ли утвержаетъ, или крѣпость?

О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Григорія Котошихина.

1. *О царскомъ воспитаніи (изъ гл. 1-ой)*. А на воспитаніе царевича или царевны выбираютъ всякихъ чиновъ изъ женъ — жену добрую, и чистую, и мелкомъ сладостну, и здорову, и живетъ та жена у царицы въ Верху на воспитаніе годъ; а какъ годъ отойдетъ, и ежели та жена дворянска роду, мужа ей пожалуетъ царь на воеводство въ городъ, или вотчину дастъ,—а подъяческая, или инаго служиваго чину, прибавятъ чести и дадутъ жалованья немало,—а посадскаго человѣка, и такимъ по тому жъ дано бедетъ жалованье немалое, а тягла и податей на царя съ мужа ея не емлютъ, по ихъ животъ, Да у того жъ царевича или у царевны бываетъ приставлена для досмотру мамка, боярыня честная, вдова старая, да нянька и иныя прислужницы. А какъ царевичъ будетъ лѣтъ пяти, и къ нему приставятъ для береженія и наученія боярина, честью великаго, тиха и разумна, а къ нему придадутъ товарища окольничаго или думнаго человѣка; также изъ боярскихъ дѣтей выбираютъ въ слуги и въ стольники такихъ же младыхъ, что и царевичъ. А какъ приспѣетъ время учити того царевича грамотѣ и въ учители вибираютъ учительныхъ людей, тихихъ и не бражниковъ; а писать учить выбираютъ изъ Посольскихъ подъячихъ; а инымъ языкомъ, латинскому, греческому, нѣмецкому, и никоторымъ, кромѣ русскаго, наученія въ Россійскомъ государствѣ не бываетъ. И бываютъ царевичамъ и царевнамъ всякому свои хоромы и люди, кому ихъ оберегати, особые. А до 15 лѣтъ и больше царевича, окромѣ тѣхъ людей, которые къ нему уставлены, и окромѣ бояръ и ближнихъ людей, видѣти никто не можетъ (таковый бо есть обычай), а по 15 лѣтѣхъ укажутъ его всѣмъ людемъ, какъ ходитъ со отцемъ своимъ въ церковь и на потѣхи; а какъ увѣдаютъ люди, что ужъ его объявили, и изо многихъ городовъ люди не дивовище ѣздятъ смотрити его нарочно.

Царевичи же во младыхъ лѣтѣхъ, и царевны, большія и меньшія, внегда случится имъ идти къ церкви, и тогда около ихъ во всѣ стороны несутъ суконныя полы, что люди зрѣти ихъ не могутъ, также какъ и въ церкви стоятъ, люди видѣти ихъ не могутъ же, кромѣ церковниковъ, а бываютъ въ церкви завѣшены тафтою; и въ то время въ церкви, кромѣ бояръ и ближнихъ людей, мало иные люди бываютъ. А какъ ѣздятъ молитися по монастыремъ, и тогда каптаны и колымаги ихъ бываютъ закрыты тафтами жъ. А учинены бываютъ царицѣ и царевнамъ, для зимнія ѣзды, каптаны на саняхъ избушками, обиты бархатомъ или сукномъ краснымъ, по обѣ стороны двери съ затворами слюдяными и съ завѣсами тафтяными; а для лѣтнія ѣзды колымаги сдѣланы на рыдванную стать, покрыты сукномъ же; входятъ въ нихъ по лѣстницамъ, а сдѣланы бываютъ на колесахъ просто, какъ и простая телѣга, а не такъ какъ бываютъ кареты висячія на ремняхъ; и тѣ колымаги и каптаны бываютъ о двухъ оглобляхъ, а дышелъ не бываетъ, и лошадей въ нихъ запрягаютъ по одной, а потомъ прибавливаютъ и иныя лошади въ припряжь.

1. Слово о побѣдѣ подъ Полтавою въ 1709 г.

(Стефана Яворскаго).

Вся елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко пріемлете, и будетъ вамъ (Марк. XI, 24).

Радуйтеся и веселитеся, Христоименитые люди! Ликуй и торжествуй Церковь Христова и право-

славная великороссійская держава! Се нынѣ время благополучно и благопріятно: уже бо лютая зима прейде, скорбное преста безведріе, буря свирѣпыхъ вѣтровъ непріятельскихъ утолися, облакъ темный и громогласный разгнася, стужа жестокая, печали и воздыханія мимо идоша; цвѣты же радостей и веселія явишася въ земли нашей великороссійской. Нива державы Россійскія угобзися, класы побѣдные благополучно собраны; плевелы же нечестивыхъ шведовъ лютѣ пожаты, и иніи въ снопы связаны, а иніи сожжены. Процвѣте скипетръ державнѣйшаго Государя и плодъ принесе не сторичный, но безчисленный, коимъ всю свою державу насытилъ есть и вселенную всю безсмертною славою наполнилъ. Радуется убо Россійская держава, яко таковую Господь посла милость свою и побѣду Монарху нашему, каковой отъ начала міра не было: исполнилъ есть Господь во благихъ желаніе царево—членовныя льву шведскому сокрушилъ есть. Вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ своихъ; яко обѣща намъ, тако и сотвори, рече: просите и дастся вамъ, елика аще молящеся просите (Марк. XI, 24). Сіе исполни обѣщаніе: призрѣ на моленіе церкви своей святѣй, стенаніе и воздыханіе убогихъ услыша, яко хвалитесь ей съ Давидомъ Святымъ: растерзалъ еси вретище мое, и препоясалъ мя еси веселіемъ, спасе мя отъ устъ львовыхъ (Псал. XXIX, 12)... Лютый оный звѣрь левъ, король шведскій, рыкаше и зіяше устами своими, хотя проглотити Россію; но прехрабрый Сампсонъ нашъ, Государь Царь, заградилъ есть уста тому льву, паче же растерза льва шведскаго. Побѣдилъ есть отъ колѣна Іудова побѣдитель Христосъ чрезъ Христа нашего Царя. Се большая сила орла царскаго, неже львова! Горняя сей мудрствуетъ, а не земная. Орелъ—царь есть воздушныхъ, левъ же земныхъ; орелъ отъ вышнихъ всѣхъ вышши возвышается, левъ паки по земли ползаетъ; орелъ свѣтло очи своя и зѣницы къ солнцу всегда обращаетъ, несмеженно на лучи солнечные смотритъ, а наипаче къ присносіящему солнцу, еже есть Христосъ: Азъ есмь свѣтъ міру; левъ по пустынямъ, по вертепамъ крыется. Яко орелъ, Государь нашъ покры гнѣздо свое, царство свое, Церковь Христову, льва же растерза. Ярящеся левъ сей, гордящеся и хваляшеся Церковь святую и государство наше поглотити, но Господь, гордымъ противящійся, сокруши челюсти его. Тіи спяти быша и падоша, мы же востахомъ и исправихомся (Псал. XIX, 9).

Хваляшеся прегордый онъ Голіаѳъ на новаго Божія Израиля и глаголаше: мечъ мой снѣсть мяса. Утну мечемъ моимъ, пообладаетъ ихъ рука моя; не возвращуся, дондеже скончаются: но прехрабрый Царь Петръ, яко кроткій Давидъ, пращею Духа Святаго и каменемъ Христомъ, побѣдилъ есть. Мечи ихъ сломи, оружія сокруши, щиты сожже, иже имать мечъ исходящій отъ устъ своихъ Христосъ. Святый Іоаннъ Богословъ глаголетъ: и видѣхъ изъ моря звѣрь исходящь, имущь главъ седмь, и роговъ десять: а на главахъ его имена хульна, и звѣрь, его же видѣхъ, бѣ подобенъ рыси, и нозѣ его, яко медвѣдя, и уста его, яко уста львова: и даде ему змій силу свою, и видѣхъ едину отъ главъ его, яко заколену въ смерть (Апок. XIII, 1—3).

Звѣрь изъ моря есть король шведскій, имѣяй главъ седмь главнѣйшихъ генераловъ, который пройде Польшу, Литву, разорилъ домы Божія и обнажилъ, и дерзнулъ окаянный внити въ державу Государеву; но Господь, сокрушаяй брани, левъ отъ колѣна Іудова, побѣдоносный орелъ сокруши главы морскаго звѣря того, и самого уязви язвою смертоносною, еже пребудетъ неисцѣльна на вѣки.

Но и той съ клевреты своими, который поклонился тому звѣрю, пріиметъ казнь и погибель свою, сице глаголетъ писаніе: иже аще кто поклонится звѣрю, и иконѣ его, и пріиметъ начертаніе на челѣ своемъ, или на руцѣ своей, и той имать пити отъ вина ярости Божія, вина нерастворенна въ чаши гнѣва его, и будетъ мученъ огнемъ и жупеломъ предъ Ангелы святыми, и предъ Агнцемъ, и дымъ мученія ихъ во вѣки вѣковъ восходити (Апок. XIV). Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, яко тако будетъ.

Звѣрь той, иже хотяше пожерти жену, то есть невѣсту Христову, Церковь святую, ятъ будетъ. Скорѣйшій орелъ, нежели звѣрь левъ, постигнетъ ихъ и поперетъ ногами, главы сокрушитъ гордыя, роги сотретъ. Святый пророкъ глаголетъ: видѣхъ нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры Ливанскіе, мимоидохъ, и се на бѣ, и взыскавъ его, и не обрѣтеся мѣсто его (Псал. XXXVI, 35).

И сей лютый звѣрь, паче же бездѣльный, превозносяшеся, яко кедры Ливанскіе, и крѣпляшеся, аки дубъ; но, противляйся гордымъ, Господь низложи гордыню его, посѣче тыя гордые кедры, сломи дуба мнящагося быти крѣпка и непреодолѣнна. Се исполнися Іоанново прореченіе: всякое древо не творящее плода и пр. (Іоан. XV, 2). Образъ сего предивный зѣло и весьми страшный видѣлъ во снѣ Навуходоносоръ, царь вавилонскій: видѣхъ бо, и се дубъ среди земли, высота досязаше до небесъ, и кореніе его въ концѣхъ всея земли, листвіе его красно, и плодъ его многъ, и пища всѣхъ въ немъ,и подъ нимъ веселяхуся вси звѣріе дивіи и въ вѣтвѣхъ его живяху вся птицы небесныя, и отъ него питашеся вся земля. Веліе воистину и пречудное сіе древо! но егда только вознесся, абіе смирися, ибо видѣ Ангела вопіюща: посѣцыте дубъ, и обейте вѣтвія его, и обрушите листвіе его, и разсыплите плодъ его. Оле паденія великаго, превысокаго древа до не-

бесъ! Что исполнилося на самѣмъ же Навуходоносорѣ (Дан. IV).

Не тако ли и сей Навуходоносоръ шведскій гордяшеся и возносяшешеся до небесъ? но сѣкирою, о ней же Іоаннъ: се уже и сѣкира при корени древа лежитъ и пр. (Мат. III, 10), то есть силою Божіею и побѣдоноснымъ оружіемъ православнаго Монарха посѣченъ есть. Обиты вѣтви, то есть генералы и полководцы; обрушены и побиты листвія, то есть оружницы; разсыпаны плоды, побраны корысти, знаменія, воинскія потребы. Се коль великое дуба сего паденіе, намъ же возстаніе! Тіи спяти быша и падоша. Вопрошенъ бысть нѣкто отъ риторовъ: что Богъ на небеси дѣетъ? Отвѣщавъ, рече: играетъ съ тварію своею, гордыя смиряетъ, смиренныя возвышаетъ. Но не играетъ то Богъ, о риторе! но Правдолюбецъ правду дѣетъ, о ней же Петръ святый: Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать (I Петр. V, 5). Сице гордящагося Голіаѳа смири и погуби чрезъ Давида смиренна, который каменемъ побѣди. Сице смири гордость Филистиновъ чрезъ Сампсона, Мадіама чрезъ Гедеона, Гаваониты чрезъ Финееса и Іисуса Навина, который побѣди пять царей амморейскихъ со многими тысящами. Славна та бысть побѣда, яко въ то время на прошеніе и моленіе Іисуса Навина ста солнце и мѣсяцъ среди небеси, и пособствоваше сіяніемъ своимъ побѣдити пять оныхъ царей. Но славнѣйшая здѣсь побѣда надъ шведами. Тамо безсловесные свѣтила повелѣніемъ Божіимъ стали и помогали; здѣсь же мысленныя свѣтила: самъ Христосъ Спаситель, иже есть солнце, и луна — пресвятая Дѣва Марія, стали и пособствовали побѣдити гордаго сего. Тамо только солнце и мѣсяцъ стояли, а здѣсь и звѣзды, то есть россійстіи чудотворцы и апостолы святіи и вси святіи помогали. Благополучное убо сіе есть время—мѣсяцъ іюнь, въ онь же дарова побѣду Господь: въ семъ бо мѣсяцѣ солнце входитъ въ знаменіе дѣвицы. Солнце Христосъ внидѣ во знаменіе дѣвицы. Солнце Христосъ внидѣ во знаменіе Дѣвицы, юже видѣлъ Святый Іоаннъ въ Апокалипсисѣ; знаменіе веліе явися на небеси: жена облечена въ солнце и луна подъ ногами ея, и на главѣ ея вѣнецъ отъ звѣздъ двоюнадесяти. Сладко воспѣваше со сверстницами своими сестра Моисеева Марія, восклицающи съ гусльми и тимпаны и иными мусикійскими органы, егда Моисей пройде море и погрузи въ немъ Фараона со всѣмъ воинствомъ; несравнительно сладкіе нынѣ гимны Марія—Церковь святая и Россія, егда скипетродержавецъ нашъ погрузи аки въ морѣ въ ихъ же крови шведа; воспѣваютъ и славятъ, глаголя: славою и честію вѣнчалъ еси, Господи, Царя нашего, и покорилъ еси подъ нозѣ его вся востающіе на ны, и будутъ величати и прославляти сицевую побѣду, сицевый подвигъ, донелѣже рѣки въ море плыти будутъ.

Кіими убо вѣнцы похвальными вѣнчаемъ Тя, Монархо нашъ Петре? Недоумѣемъ. Се самъ Царь небесный, вѣнчавый Тя за труды твоя толикіе, безсмертною вѣнчаетъ тя славою и честію, глаголя: достоинъ еси пріяти славу, и честь, и силу. Побѣждаяй не имать вредитися отъ смерти: побѣждающему и соблюдающему дѣла моя до конца дамъ ему власть надъ языки, и упасетъ я жезломъ желѣзнымъ, и яко сосуды скудельничи сокрушатся; побѣждающаго сотворю столпъ, и дамъ сѣсти со мною на престолѣ моемъ, яко же азъ побѣдихъ и сѣдохъ со Отцемъ моимъ на престолѣ Его. И дамъ ему ясти отъ манны сокровенныя (Апок. II). О которомъ благополучіи благодаряще мы, сынове россійстіи, Господа, церковь святую долженствуемъ непрестанно молити, да сохранитъ тя Государя нашего, цѣла, покоритъ всю силу вражію льва, расширитъ государство и миромъ оградитъ на вѣки. Аминь.

Изъ похвальнаго слова о флотѣ Россійскомъ. *(1720).*

Ѳеофана Прокоповича.

(Необходимость заведенія флота).

Да разсудитъ всякъ, къ чему толь пространная поля водная, моря и безмѣрный океанъ создалъ Богъ? къ питію ли? довлѣли бы на сіе рѣки и источники, не толикое водъ множество, большую часть земноводнаго сего круга объемшее, еще же и питію человѣческому весьма неугодное. Сія того вина есть (яко премудрѣ разсуждаетъ Василій Великій въ своемъ Шестодневіи), что премудрый міра Создатель, промышляя человѣкомъ взаимное друголюбіе, не благоволилъ всѣмъ странамъ земнымъ всякіе плоды житію нашему потребныя произносити; ибо тогда сіи жители на оныхъ, а оные на сихъ ниже посмотрѣли бы, единъ отъ другаго помощи не требуя. Раздѣлилъ убо Творецъ земная своя благая различнымъ странамъ по части, дабы такъ, едина отъ другой требуя взаимнаго пособія, лучше въ любовный союзъ сопрягатися могли. Но понежѣ невозможно было имѣть коммуникацію земнымъ путемъ отъ конецъ до конецъ міра сего, того ради великій промыслъ Божій проліялъ промежъ селенія человѣческая водное естество, взаимному всѣхъ странъ сообществу послужити могущее. А отъ сего видимъ, какая и коликая флота морскаго нужда; видимъ, что всякъ, сего не любящій, не любитъ добра своего и Божію о добрѣ нашемъ промыслу неблагодаренъ есть.

Но обще о пользѣ флота много бы глаголати, но не нужно, яко всякому благоразсудному извѣстно есть. Мы точію вкратцѣ разсудимъ, какъ собственно россійскому государству нужный и по-

лезный есть морской флотъ. А въ первыхъ, понеже не къ единому морю прилежитъ придѣлами своими сія монархія, то какъ не безчестно ей не имѣть флота? Не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, которая, надъ рѣкою или озеромъ положена, не имѣла бы лодокъ: а толь славной и сильной монархіи, полуденная и полунощная моря обдержащей, не имѣть бы кораблей? хотя бы ни единой къ тому не было нужды, однако же было бы то безчестно и укорительно. Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а сами того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стихотворскихъ фабулахъ нѣкій Танталъ стоитъ въ водѣ, да жаждетъ. И потому и наше море не наше. Да смотримъ, какъ то и поморіе наше? развѣ было бы наше по милости заморскихъ сосѣдъ, до ихъ соизволенія.

Что бо, когда благословилъ Богъ Россіи сія своя поморскія страны возвратити себѣ и другія вновь завладѣти, что было бы, аще бы не было готоваго флота? какъ бы мѣста сія удержати? какъ жить и отъ нападенія непріятельскаго опасатися, не токмо что оборонитися?

Земный непріятельскій приходъ издалече слышанъ и нескоръ: есть время приготовиться и предварить его. Не такъ морскій: не летаютъ предъ нимъ голосныя вѣсти, не слышатся шумы, не видно дыма и праха: въ который часъ увидиши его, въ томъ же и надѣйся и пришествія его. Есть ли бы къ намъ добріи гости, не предвозвѣстя о себѣ, моремъ ѣхали, — узрѣвше ихъ, немощно бы уготовать трактаментъ для нихъ. Какъ же на такъ нечаянно и скоро нападающаго непріятеля мощно устроить подобающую оборону? едина конфузія, единъ ужасъ, трепетъ и мятежъ. А хотя бы кто и предвозвѣстилъ о походѣ его, то какъ же еще знать, на который онъ берегъ выйдетъ, на который городъ нападетъ? Какъ многіи поморскія города, не весьма флота не имѣвшіи, но не имѣвшіи флота довольнаго, погибли, разоренни, не отъ сильнаго супостата, но отъ пиратовъ, то есть морскихъ разбойниковъ, полны суть исторіи. А есть ли же иногда морскій непріятель и не получитъ своего желанія; однакожъ, настращавъ и поругався, отступаетъ безъ урону своего, не отлагая злобы, но храня яко неотмщенную на иное время. Приходящаго его не начаешься, отходящаго нельзя догонять. Кратко, рещи: поморію, флотомъ не вооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріятелемъ, какъ трудно связанному человѣку драться съ свободнымъ, или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животнымъ обходиться съ крокодилами.

Такъ же то трудное было бы тебѣ, о Россіе, на поморіи твоемъ съ непріятелемъ обхожденіе, аще не бы милостивый промыслъ Божій предварилъ тебѣ благословеніемъ благостыннымъ, и не возбудилъ бы въ тебѣ тщаливаго духа ко устроенію флота и ко обученію морскаго плаванія. Не былъ бы укрощенъ на лучшее, но только раздраженъ на горшее супостатъ твой. Объяла и завладѣла рука твоя сіе толь славное и великое поморіе, яко возмездіе и обильный плодъ всѣхъ войны сея трудовъ и иждивеній. Но возмогла ли бы и удержать надолго единою земною силою? великою сумнительство. Есть ли же бы не могла, что слѣдовало? испразднился бы слава толикихъ викторій; не меньшая бо слава есть удержать завоеванное, нежели завоевать, давная есть пословица. Отродилася бы непріятелю сила: паки бы было ему съ Ливоніи, Ингріи, Кареліи, Финляндіи множество и воинства, и имѣнія, и хлѣба; паки бы походы его и нападенія на твоя внутренняя. Нынѣ же что? наготствуетъ, скудѣетъ и гладъ терпитъ. И вмѣсто того, чтобы на предѣлы наши нападалъ, своихъ видитъ разореніе; и вмѣсто того, чтобы имѣлъ намъ страшенъ быти, чуждое себѣ заступленіе купуетъ, хотя и не вельми счастливымъ торгомъ. Видиши, о Россіе, пользу флота твоего: не только бы готова и сильна тебѣ отъ нападенія непріятельскаго оборона, которой бы не имѣла еси не имущи флота, по вышепредложенному разсужденію, но и наступательная на онаго сила велика, и викторіи не трудны.

Слово на погребеніе Петра Великаго *(1725). Ѳеофана Прокоповича.*

Что се есть! до чего мы дожили, о Россіяне? что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ! Не мечтаніе ли се? не сонное ли намъ привидѣніе? ахъ, какъ истинная печаль! ахъ, какъ извѣстное наше заключеніе! Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ толикую силу и славу, или, паче рождшій и воспитавшій, прямый сый отечествія своего отецъ, которому по его достоинству добріи россійстіи сынове безсмертну быти желали, по лѣтамъ же и состава крѣпости многолѣтно еще жить имущаго вси надѣялися: противно и желанію и чаянію скончалъ жизнь, и, о лютой намъ язвы! тогда жизнь скончалъ, когда по трудахъ, безпокойствахъ, печалехъ, бѣдствіяхъ, по многихъ и многообразныхъ смертехъ, жить нѣчто начиналъ. Довольно же видимъ, коль прогнѣвили мы Тебе, о Боже нашъ! и коль раздражили долготерпѣніе Твое! О недостойныхъ и бѣдныхъ насъ! О грѣховъ нашихъ безмѣрія! Не видяй сего, слѣпъ есть; видяй-же и не исповѣдуяй, въ жестокосердіи своемъ окаменѣнъ есть. Но что намъ умножать жалости и сердоболія, которыя утолять, елико возможно, подобаетъ. Какъ же то и возможно? понеже есть ли и великіе его таланты, дѣйствія и дѣла воспомянемъ, еще вящше утратою толи-

каго добра нашего уязвимся и возрыдаемъ. Сей воистинну толь печальной траты развѣ бы летаргомъ нѣкіимъ, нѣкіимъ смертообразнымъ сномъ забыть намъ возможно. Кого бы мы, и каковаго и коликаго лишилися?

Се оный твой, Россіе, Сампсонъ, каковый дабы въ тебѣ могъ явитися, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явльшемся весь міръ удивился. Засталъ онъ въ тебѣ силу слабую, и сдѣлалъ по имени своему каменную, адамантову, засталъ воинство въ дому вредное и въ полѣ некрѣпкое, отъ супостатъ ругаемое, и ввелъ отечеству полезное, врагомъ страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищалъ, купно и возвращеніемъ отъятыхъ земель дополнилъ, и новыхъ провинцій пріобрѣтеніемъ умножилъ. Когда же возстающія на насъ разрушалъ, крупно и зломыслящихъ намъ сломилъ и сокрушилъ духи, и, наградивъ уста зависти, славная проповѣдати о себѣ всему міру повелѣлъ.

Се твой первый, о Россіе, Іафетъ, неслыханное въ тебѣ отъ вѣка дѣло совершившій, строеніе и плаваніе корабельное: новый въ свѣтѣ флотъ, но и старымъ не уступающій, какъ надъ чаяніе, такъ выше удивленія всея селенныя, и отверзе тебѣ путь во вся концы земли, и простре силу и славу твою до послѣднихъ океана, до предѣлъ пользы твоея, до предѣлъ правдою полагаемыхъ; власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, нынѣ и на морѣ крѣпкую и постоянную сотворилъ.

Се Моисей твой, о Россіе! не суть ли законы его яко крѣпкая забрала правды и яко нерѣшимыя оковы злодѣянія? не суть ли уставы его ясные—свѣтъ стезямъ твоимъ, высокоправительствующій сигклитъ и подъ нимъ главныя и частныя правительства отъ него учрежденныя не свѣтила ли суть тебѣ къ исканію пользы, и ко отраженію вреда, къ безопасію миролюбныхъ и къ обличенію свирѣпыхъ? Воистину оставилъ намъ сумнѣніе о себѣ, въ чемъ онъ лучшій и паче достохвальный: или яко отъ добрыхъ и простосердечныхъ любимъ и лобызаемъ; или яко отъ нераскаенныхъ льстецовъ и злодѣевъ ненавидимъ былъ.

Се твой, Россіе, Соломонъ, пріемшій отъ Господа смыслъ и мудрость многу зѣло. И недовольно ли о семъ свидѣтельствуютъ многообразная философская искусства, и его дѣйствіемъ показанная и многимъ подданнымъ вліянная и заведенная различная, прежде намъ и неслыханная ученія хитрости и мастерства, еще же и чины, и степени, и порядки гражданскіе, и честные образы житейскаго обхожденія и благопріятныхъ обычаевъ и нравовъ правила: но и внѣшній видъ и наличіе краснопретворенное, яко уже отечество наше и отвнутрь и отвнѣ, несравненно отъ прежнихъ лѣтъ лучшее, и весьма иное видимъ и удивляемся.

Се же твой, о церкве Россійская, и Давидъ и Константинъ: его дѣло — правительство синодальное, его попеченіе — пишемая и глаголемая наставленія. О коликая произносило сердце сіе воздыханія о невѣжествѣ пути спасеннаго! коликія ревности на суевѣрія, и лестническіе притворы, и расколъ гнѣздящійся въ насъ безумный, враждебный и пагубный! коликое же въ немъ и желаніе было и исканіе вящшаго въ чинѣ пастырскомъ искусства, прямѣйшаго въ народѣ богомудрія и изряднѣйшаго во всемъ исправленія.

Но о многоименитаго мужа! краткимъ ли словомъ обымемъ безчисленныя его славы, а простирати рѣчи не допускаетъ настоящая печаль и жалость, слезить и стенать понуждающая. Негли со временемъ нѣчто притупится тернъ сей, сердца наша бодущій, и тогда пространнѣе о дѣлахъ и добродѣтеляхъ его побесѣдуемъ. Хотя и никогда довольно и по достоинству его возглаголати не можемъ; а и нынѣ, кратко воспоминающе и аки бы токмо воскрылій ризъ его касающеся, видимъ, слышателіе, видимъ, бѣдніи мы и несчастливіи, кто насъ оставилъ и кого мы лишилися.

Не весьма же, о Россіяне, изнемогаемъ отъ печали и жалости, не весьма бо и оставилъ насъ сей великій монархъ и отецъ нашъ. Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его дѣлами означилося, при насъ есть. Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ любимую, любима и будетъ; сдѣлалъ врагомъ страшную, страшная и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славную, славная и быть не престанетъ. Оставилъ намъ духовная, гражданская и воинская исправленія. Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ.

Наипаче же, во своемъ въ вѣчная отшествіи, не оставилъ насъ сирыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямаго по немъ помощника въ жизни его, подобонравнаго владѣтеля по смерти его, Тебя, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая Государыня наша, великая героиня, и монархиня, и матерь всероссійская. Міръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быть подобной Петру Великому. Владѣтельское благоразуміе и матернее благоутробіе твое и природою тебѣ отъ Бога данное кому неизвѣстно? А когда обое то утвердилося въ тебѣ и совершилося, не просто сожитіемъ толикаго монарха, но и сообществомъ мудрости, и трудовъ! и различныхъ бѣдствій его, въ которыхъ чрезъ многая лѣта, аки злато въ горнилѣ искушенную, за малое судилъ онъ имѣть тебѣ ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наслѣдницу сотворилъ. Какъ намъ не надѣяться, что сдѣланная отъ него утвердишь, недодѣланная сотворишь, и все въ

добромъ состояніи удержишь? Токмо, о душе мужественная! потщися одолѣть нестерпимую сію болѣзнь твою, аще и усугубилась она въ тебѣ отъятіемъ любезнѣйшей дщери и аки жестокая рана новымъ уязвленіемъ безъ мѣры разъярилася. И якова ты отъ всѣхъ видима была въ присутствіи подвизающагося Петра, во всѣхъ его трудахъ и бѣдствіяхъ неотступная бывши сообщница, понудися такова же быть и прегорькомъ семъ лишеніи.

Вы же, благороднѣйшее сословіе, всякаго чина и сана сынове россійстіи, вѣрностію и повиновеніемъ утѣшайте Государыню и матерь вашу. Утѣшайте и самихъ себе, несомнѣннымъ познаваніемъ Петрова духа въ Монархинѣ вашей видяще, яко не весь Петръ отшелъ отъ насъ. Прочее припадемъ вси Господеви нашему, тако посѣтившему насъ, да, яко Богъ щедротъ и отецъ всякія утѣхи, ея величеству самодержавнѣйшей Государынѣ нашей и ея дражайшей крови: дщерямъ, внукамъ, племянницамъ и всей высокой фамиліи отретъ сія неутолимыя слезы, и усладитъ сердечную горесть благостыннымъ своимъ призрѣніемъ, и всѣхъ насъ милостивнѣ да утѣшитъ.

Но, о Россіе, видя, кто и каковый тебѣ оставилъ, виждь—и какову оставилъ тебѣ. Аминь.

Исторія Россійская *(Татищева).*

Польза Исторіи. О пользѣ исторіи не потребно бы толковать, которую всякъ видѣть и ощущать можетъ; однакожъ какъ нѣкоторые не обыкли о вещахъ внятно и подробно разсматривать и разсуждать, много кратъ отъ поврежденія ихъ смысла полезное вреднымъ, а вредное полезнымъ поставляютъ, слѣдственно въ поступкахъ и дѣлахъ погрѣшаютъ, какъ то мнѣ такихъ о безполезности Исторіи не безъ прискорбности разсужденія слышать случалось; и для того я заполезно разсудилъ о томъ кратко изъяснить.

Въ началѣ разсудя то, что Исторія не иное есть, какъ воспоминовеніе бывшихъ дѣяній и приключеній добрыхъ и злыхъ, потому все то, что мы предъ давнимъ или недавнимъ временемъ чрезъ слышаніе, видѣніе или ощущеніе искусились и вспоминаемъ, есть сущая Исторія, которая насъ ово отъ своихъ собственныхъ, ово отъ другихъ людей дѣлъ учитъ о добрѣ прилежать и зла остерегаться. Напримѣръ, какъ я вспомню, что я вчера видѣлъ рыбака, рыбу ловяща и не малую себѣ тѣмъ пользу пріобрѣтша, то я конечно имѣю въ мысли нѣкоторое понужденіе равномѣрно о такомъ же пріобрѣтеніи прилежать; или какъ я видѣлъ вчера татя или другого злодѣя, осужденнаго тяжкому наказанію или смерти, то меня конечно страхъ отъ такого дѣла, подверженнаго погибели, удерживать будетъ. Равномѣрно всѣ читаемыя нами исторіи такъ: дѣла древнія иногда такъ чувствительно намъ воображаются, какъ бы мы собственно то видѣли и ощущали.

Посему можно кратко сказать, что никаковъ человѣкъ, ни единъ станъ, промыслъ, наука, ниже кое либо правительство, меньше человѣкъ единственный безъ знанія оной совершенъ, мудръ и полезенъ быть не можетъ. Напримѣръ, о наукахъ взявъ, первая и вящшая есть Богословіе, т. е. знаніе о Богѣ, его премудрости, всемощности, еже единственно къ будущему блаженству насъ ведетъ и проч., но не можетъ никакой богословъ мудрымъ назваться, ежели онъ не знаетъ древнихъ дѣлъ божескихъ, объявленныхъ намъ въ Письмѣ Святомъ, якоже когда, съ кѣмъ, о чемъ въ догматахъ или исповѣданіи преніе было, чимъ что утверждено или опровергнуто, для чего древней церкви нѣкоторые уставы или порядки примѣнены, отставлены и новые введены; слѣдственно имъ исторія божественная и церковная, а къ томужъ и гражданская, необходимо нужны, о чемъ Гуецій *), славный французскій богословъ, достаточно показалъ.

Вторая наука — юриспруденція, которая учитъ благонравію и должности каждаго къ Богу, къ себѣ самому и другимъ, слѣдственно къ пріобрѣтенію спокойности души и тѣла; то не можетъ никакой юристъ мудрымъ названъ быть, естьли не знаетъ прежнихъ толкованій и преній о законахъ естественныхъ и гражданскихъ. И какъ можетъ судья право дѣла судить, естьли древнихъ и новыхъ законовъ и причинъ примѣненіямъ неизвѣстенъ? для того ему нужно исторію о законахъ знать.

Третія—медицина, или врачевство, которая наука въ томъ состоитъ, чтобъ здравіе человѣка сохранить а утраченное возвратить, или по малой мѣрѣ болѣзни умножаться не допустить. Сія вся зависитъ отъ Исторіи, ибо должно ему отъ древнихъ знаніе получить, отъ чего какая болѣзнь приключается, какими лѣкарствами и какъ пользована, какое лѣкарство какую силу и дѣйство имѣетъ, чего собственнымъ испытаніемъ и дознаніемъ никто бъ ни во сто лѣтъ познать не могъ. А опыты надъ больными дѣлать есть такая опасность, что можетъ душею и тѣломъ погибнуть, хотя то у нѣкоторыхъ невѣждъ нерѣдко случается. О многихъ прочихъ частяхъ философіи не упоминаю, но кратко можно сказать, что вся философія на Исторіи основана и оною подпираема, ибо все, что мы у древнихъ правыя или погрѣшныя и порочныя мнѣнія находимъ, суть исторіи къ нашему знанію и причина къ исправленію.

Политика же въ трехъ разныхъ качествахъ состоитъ, яко въ правительствѣ внутреннемъ, или экономіи, разсужденіяхъ внѣшнихъ и дѣйствахъ воинскихъ. Всѣ сіи три не меньше Исторіи тре-

*) Huet (1630—1721).

буютъ и безъ нея быть совершенны не могутъ; яко въ экономическомъ правительствѣ нужно знать, какіе отъ чего прежде вреды приключились, какимъ способомъ отвращены или уменьшены, какія пользы и чрезъ что пріобрѣтены и сохранены, по которому о настоящемъ и будущемъ мудро разсуждать можетъ. Для сея-то мудрости древніе латины короля ихъ Януса съ двума лицы изобразили, понеже о прошедшемъ обстоятельно зналъ и о будущемъ изъ примѣровъ мудро разсуждалъ.

Иностранныхъ дѣлъ правительству необходимо нужно знать не токмо о своемъ, но и о другихъ государствахъ, въ какомъ которое прежде состояніе было, отъ чего въ какую перемѣну пришло, и въ какомъ нынѣ состояніи находится, съ кѣмъ, когда, какое преніе или войну о чемъ имѣло, какими договоры о чемъ поставлено и утверждено, и потому благоразумно могутъ въ настоящихъ свои поступки учредить.

Военнымъ вождямъ весьма нужно знать, какимъ кто устроеніемъ или ухищреніемъ великую непріятельскую силу побѣдилъ или отъ побѣды отвратилъ и пр., какъ то видимъ Александръ Великій книги Омеровы о войнѣ Троянской въ великомъ почтеніи имѣлъ и отъ нихъ поучался. Для сего многіе великіе воеводы дѣла свои и другихъ описали; между всѣми знатнѣйшій прикладъ Юлій Кесарь: свои войны описавъ, оставилъ, дабы по немъ будущіе воеводы могли его поступки военные въ примѣръ употреблять, въ чемъ многіе сухопутные и морскіе знатные воеводы писаніемъ ихъ дѣлъ послѣдовали. Многіе великіе государи, если не сами, то людей искусныхъ къ писанію ихъ дѣлъ употребляли, не токмо для того, чтобъ ихъ память со главою осталась, но паче для прикладовъ наслѣдникамъ своимъ показать прилежали. Что собственно о пользѣ Русской исторіи принадлежитъ, то равно какъ о всѣхъ прочихъ разумѣть должно, и всякому народу и области званіе своей собственной исторіи и географіи весьма нужнѣе, нежели постороннихъ; однакожъ должно и то завѣрно почитать, что безъ знанія иностранныхъ своя не будетъ ясна и достаточна: 1) что пишущему свою исторію въ тѣ времена, какъ то дѣлалось, все помогающее или препятствующее отъ постороннихъ извѣстно быть не могло; 2) писатели за страхъ нѣкоторыя весьма нужныя обстоятельства настоящихъ временъ принуждены умолчать, или перемѣнить и другимъ видомъ изобразить; 3) по страсти, любви или ненависти, весьма иначе, нежели суще дѣлалось, описываютъ, а у постороннихъ многократно правильнѣе и достаточнѣе находится. Какъ здѣсь о древности русской за недостаткомъ тѣхъ временъ писателей сія первая часть изъ иностранныхъ большею частію сочинена, а въ прочихъ частяхъ неясности и недостатки тако-жъ отъ иностранныхъ изъяснены и дополнены. И хотя насъ европейскіе историки тѣмъ порицаютъ, яко бы мы исторій древнихъ не имѣли и о древности своей не знали, для того, что они о томъ, какія мы исторіи имѣемъ, неизвѣстны, а хотя нѣкоторые, сочиня выписки краткія или какое-либо обстоятельство перевели, то другіе, думая, что мы лучше оныхъ не имѣемъ, и для того оную презираютъ: сему нѣкоторые наши невѣдующіе согласуютъ, а нѣкоторые, не хотя въ древности потрудиться и не разумѣя подлиннаго сказанія, яко бы для лучшаго изъясненія, но паче для потемненія истины, басни сложа, внесли и сущую правость сказанія древнихъ закрыли; какъ-то: о построеніи Кіева, о строеніи Новаграда Славеномъ и проч. Но я еще точно и ясно скажу, что всѣ европейскіе преславнѣйшіе историки, сколько бы о русской исторіи ни трудились, о многихъ древностяхъ правильно знать и сказать безъ читанія нашихъ не могутъ; напримѣръ, о прославившихся въ здѣшнихъ странахъ въ древности народахъ, яко Амазонахъ, Аланехъ, Гунахъ, Аварахъ, Кимбрахъ и Киммерахъ; яко же о всѣхъ Скиѳахъ, Сарматѣхъ и Славянѣхъ, ихъ родѣ, началѣ, древнихъ жилищахъ и прехожденіяхъ, славныхъ въ древнихъ великихъ градѣхъ и областѣхъ Есседоновъ, Архинеевъ, Комановъ и проч., гдѣ они были и какъ нынѣ зовутся, ни мало не знаютъ, развѣ отъ Исторіи Русской изъясненной неоспоримую истину обрѣсти могутъ. Наипаче же нужна сія Исторія не токмо намъ, но и всему ученому міру, что чрезъ нея непріятелей нашихъ, яко польскихъ и другихъ, басни и сущія лжи къ поношенію нашихъ предковъ вымышленныя, обличатся и опровергнутся.

Сія-то есть потребность Исторіи. Но что всякому человѣку нужно знать, то можно легко уразумѣть, что въ Исторіи не токмо нравы, поступки и дѣла, но изъ того происходящія приключенія описуются, яко мудрымъ, правосуднымъ, милостивымъ, храбрымъ, постояннымъ и вѣрнымъ честь, слава и благополучіе, а порочнымъ, несмышленнымъ, лихоимцамъ, скупымъ, робкимъ, превратнымъ и невѣрнымъ безчестіе, поношеніе и оскорбленіе вѣчное послѣдуютъ: изъ котораго всякъ обучаться можетъ, чтобъ первое колико возможно пріобрѣсти, а другаго избѣжать.

Духовное завѣщаніе сыну (1733).

Татищева.

1. Главнѣйшее есть Вѣра, въ которой ты хотя часто разговорами пространнѣе отъ меня наставливанъ; но надлежитъ отъ самой юности даже до старости въ Законѣ Божіи поучатися день и нощь, и съ ревностью о томъ прилежать, дабы познать волю Творца своего: зане оное просвѣтитъ умъ твой, наставитъ тя на путь правый, есть единый свѣтъ стезямъ нашимъ и премудрость дражайшая паче злата и сребра и каменія драгоцѣнна, еже

ничто достойно есть. Давидъ говоритъ: аще бы не законъ Твой поученіе мое былъ, тогда убо погиблъ быхъ. Для сего нужно тебѣ со вниманіемъ читать Письмо Святое, то есть Библію и Катехизисъ; а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго главное мѣсто имѣютъ, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Афанасія Великаго и Ѳеофилакта Болгарскаго, также печатныя въ нынѣшнія времена истолкованія десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за Катехизисъ, а малая Букварь, или Юности честное зерцало, за лучшее нравоученіе служить могутъ; и всѣ безъ изъятія читать и силу ихъ познать полезно.

Потомъ, когда довольно въ Законѣ своемъ научишься, нужно тебѣ и несогласныхъ нашей Восточной Церкви книги лютерскія, кальвинскія и папижскія читать для того, что мы, съ ними всегдашнее обхожденіе имѣя, часто въ разговоры, до Вѣры принадлежащіе, входимъ; и если ты подлинно ихъ основаній и толковъ не знаешь, то легко обмануться и соблазниться можешь, а особливо отъ папистовъ, яко весьма въ томъ коварныхъ ихъ духовныхъ, остерегаться; и невѣдущему довольно Закона съ ними въ такіе разговоры вступать не безопасно для того, что они въ нѣкоихъ церковныхъ признаніяхъ, и во многихъ наружныхъ или чиновныхъ обстоятельствахъ, особливо же въ призываніи святыхъ, въ поклоненіи иконамъ и въ постахъ кажутся весьма къ нашему исповѣданію близки, которыми невѣдущіе Закона Божія легко обманываются.

2. Весьма нужно тебѣ поучатися и въ свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее—право и складно писать; за тѣмъ ариѳметика, геометрія, артиллерія и фортификація и прочія части математики, такожде нѣмецкій языкъ, что тебѣ необходимо нужно для извѣстія о состояніи государства нашего; исторія русская, которую ты хотя не въ совершенномъ порядкѣ, однакожъ довольную въ моихъ письмахъ найдешь, и къ оной примѣчанія и дополненія изъ чужестранныхъ книгъ, выписанныя на разныхъ бумагахъ, если охота будетъ, можешь въ порядокъ собрать, и какъ себѣ, такъ и всему отечеству въ пользу употребить; географія русская, которую всему шляхетству русскому знать нужно; ее никто не сочинилъ, и я хотя много о томъ трудился, но окончить не надѣюсь: ибо того безъ помощи государя никакъ сдѣлать не можно; однакожъ ты изъ учиненнаго мною распорядка можешь довольно ея пользу знать.

Необходимо нужно есть знать законы гражданскіе и воинскіе своего отечества: и для того конечно въ младости надобно тебѣ Уложенье и артикулы воинскіе, сухопутные и морскіе, не однова, а нѣкогда и печатные указы прочитать, дабы какъ скоро къ какому дѣлу опредѣлишься, могъ силу надлежащихъ къ тому законовъ разумѣть; напипаче же объ ономъ, по причинѣ собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ, съ искусными людьми разговаривать, и порядкамъ, яко же и толкованію законовъ, не меньше же и коварства ябедническія познавать, а не дѣлать, но учиться должно, что тебѣ къ немалому счастію послужитъ.

3. Почтеніе родителей есть первое въ любви ближняго по закону Божію, яко въ десяти заповѣдяхъ положено: чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли; а злоречай родителей смертію да умретъ. И далѣ: проклятъ есть, кто отца или матерь злоречитъ. Соломонъ учитъ: сыне, послушай наказаніе отца твоего и не преслушай повелѣнія матере твоея; сынъ премудръ веселитъ отца, а безуменъ печаль матери. Сирахъ цѣлую главу о должности дѣтей написалъ; паче же отъ Христа и Апостолъ о томъ довольно повелѣнія имѣемъ. И если бъ ты видѣлъ въ родителяхъ какіе пороки, не долженъ ты быть Хамомъ, презрѣвшимъ должность, и посмѣяться родительницѣ; но буди, яко Симъ прикрывая твоею одеждою наготу слабости ея. И если ты понадѣешися на то, что матери тебя, по слабости женской, наказать по достоинству неудобно, то вѣдай и вѣрь подлинно, что Богъ обиды родителей безъ отмщенія не оставитъ, какъ то пагуба Авессалома сына Давидова тебя удостовѣриваетъ; и то еще сказано: не презри отца и заступи въ старости его.

4. А къ службѣ Государю и государству долженъ ты быть вѣренъ и прилеженъ во всякомъ положенномъ на тебя дѣлѣ, такъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной прилежать, и Государю, яко отъ Бога постановленной надъ тобою власти, честь и повиновеніе отдавать; яко и Господь самъ учитъ: воздаждь Богу божіе, а Царю царево. А потомъ Павелъ повелѣваетъ: властямъ повиноватися такъ за очи, какъ во очи, равно какъ самому Богу; Петръ же еще и то повелѣваетъ: раби должны повиноватися властемъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. Посему, если на тебя случится гнѣвъ Государевъ, не злобствуй на него, но разсуждай, что сіе по твоей винѣ или по невинному оклеветанію отъ кого терпишь, и пріемли съ благодареніемъ, яко отъ Бога посланное наказаніе.

Главное же повиновеніе собственно въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи, яко той же Павелъ поучаетъ: рабовь въ онь же звани быете во единомъ тѣлѣ и благодарны бывайте. И хотя сіи слова апостольскія всякому безъ сомнѣнія принять за законъ непоколибимый должно, ибо словеса Христовы суть, яко самъ рекъ: слушаяй васъ мене слушаетъ (а о твердости словесъ своихъ сказа: небо и земля мимо идетъ, словеса же мои не прейдутъ);

однакожъ мы иногда по слабовѣрію нашему лучше на другихъ прикладахъ видимыхъ, нежели на Законѣ утверждаемся; и для того я тебѣ въ примѣръ мое собственное искусство представляю. Родитель мой въ 1704 году, отпуская меня съ братомъ въ службу, сіе намъ накрѣпко наставлялъ, чтобы мы ни отъ какого положеннаго на насъ дѣла не отрицались, и ни на что сами не назывались. И когда я оное сохранялъ совершенно, и въ тягчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ; а когда чего прилежно искалъ или отрекался, всегда о томъ сожалѣлъ. Равно же и надъ другими видѣлъ. Что же къ вѣрности и ревности въ службѣ къ Государю и государству принадлежитъ, то весьма вѣрно служащіе какъ милости и награжденія получаютъ, такъ великимъ опасностямъ и горестямъ подвержены для того, что отъ всѣхъ плутовъ, хищниковъ и прихотьми преисполненныхъ ненависть и клеветаніе и гнѣвъ претерпѣваютъ: какъ мнѣ при Петрѣ Великомъ и нынѣ отъ злодѣевъ приключилось, что я съ великимъ гоненіемъ невинно гнѣвъ Ихъ Величествъ претерпѣлъ напрасно; однакожъ напослѣдокъ отъ Его Величества, вѣчно достойныя памяти Петра Великаго не токмо довольное награжденіе, но и высокую милость чрезъ то оклеветаніе получилъ, а оклеветатели посрамились. И для того, въ томъ не взирая на такія злостныя нападки, мужественно и благоразсудно вѣрность храни, и о пользѣ всеобщей неусыпно прилежи, власть и честь Государя до послѣдней капли крови защищай, съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть Монарха уменьшить никогда не согласуйся: понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ.

5. Не предай немощнаго въ руки сильному; никогда себѣ не воображай, что ты за то пострадаешь; вѣдай, безъ воли Божіей никто тебѣ вреда сдѣлать не можетъ, равно и отъ гнѣва его нигдѣ ничѣмъ укрыться не можемъ. Хотя рѣдкій, ктобы могъ за правое дѣло возблагодарить, и едва имѣлъ-ли кто; однакожъ, не взирая на то, елико возможно прилежи, чтобъ ни въ чемъ присягу свою не нарушить и честно сохранить, за что ты не токмо здѣсь, но и въ будущемъ отъ Бога милость получишь.

А притомъ еще хранися гордости, что у нѣкоторыхъ судей большихъ челобитчикамъ въ честь показываться, не токмо ему бѣднаго человѣка выслушать терпѣливо и дать ему добрый совѣтъ или наставленіе и помощь. Для чего у меня никогда, хотя бы на постелѣ лежалъ, двери не затворялись, чему ты самъ свидѣтелемъ былъ, и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ себѣ докладчикъ былъ; и хотя многократно за бездѣлицами и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся: ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости нужно было помощь подать и великій вредъ отвратить.

Весьма хранись предстателей и совѣтниковъ твоихъ, чтобъ тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, какъ то мнѣ часто случалось видѣть, что жены, сродники, холопи, блюдолизы, ввѣрившіеся пріятели по карточной игрѣ и псовой охотѣ и другими разными вымышленными способами, много судейскими душами торговали; и когда они, простяки бѣдные, нечаянно въ отвѣтъ или въ судъ впадали, то льстецы имъ же насмѣхались и своимъ коварствомъ были собственные ихъ убійцы.

Наипаче же всего хранися секретарей и подьячихъ подчиненныхъ тебѣ, и никогда съ ними крайней дружбы не имѣй, ласкательствамъ ихъ и низкимъ поклонамъ не вѣрь; а особливо чрезъ нихъ ничего не дѣлай и ихъ ни о чемъ не проси, чтобъ на тебя узды не положили и не ввергнули бъ въ напасть, что отъ нихъ судьямъ часто бываетъ. Ихъ совѣты хотя слушай, но не всегда оные тотъ часъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ, и для того хотя иногда видишь, что онъ дѣльно говоритъ, оставь въ молчаніи и спроси другихъ постороннихъ, или тоже самое токмо инымъ порядкомъ сдѣлай, или вели что исполнить, да пристойное, дабы не думали того, что ты ничего отъ себя не умѣешь сдѣлать и правду съ ложью распознать: изъ нихъ рѣдкій, ктобъ не возгордился; а ты отъ того потеряешь надлежащее почтеніе и любовь отъ всѣхъ, а наконецъ и несчастіе претерпишь. Оставь секретарей поводильщиками такимъ судьямъ, кто дѣла разобрать по законамъ не можетъ. Соперниковъ въ миру склонять и посредствовать; естьли не склоняться, то не одного изъ людей искусныхъ въ знаніи законовъ въ совѣтъ признать должно; токмо того храниться, чтобъ во оныхъ не былъ кто склоненъ къ которому судящемуся: и для того не потребно имена объявлять, есть ли дѣло не всѣмъ извѣстное. Когдажъ тобою изъ подчиненныхъ примѣченъ будетъ добродѣтели наполненный, не алчный и справедливый человѣкъ, такихъ не токмо совѣты слушай, но и отмѣннымъ образомъ ихъ во обхожденіе свое принимай. Хотя сіе и рѣдко случается, однакожъ иногда быть можетъ.

Великая есть опасность въ дѣлахъ гражданскихъ, естьли товарищъ безсовѣстный, сребролюбивый и коварный, плутъ или дуракъ, котораго другіе могутъ на многія тебѣ противности навести; и для того тебѣ своихъ засѣдателей главныхъ или подчиненныхъ довольно надобно съ начала искусить и состояніе ихъ совѣсти познать, чтобъ ты впредь не легко могъ обманутъ быть. Однакожъ съ главными во вражду явную вступать и на нихъ протестовать, или въ вышнемъ судѣ жаловаться, елико возможно удерживаться; а подчиненныхъ сначала увѣщеваніями и разговоры прилежи отъ безпорядковъ удержать, словесно, наединѣ, или когда безстыденъ, при людяхъ и съ угрозою большаго наказанія отвра-

щай; а жаловаться на подчиненныхъ и запальчиво поступать не очень прилично: лучше же отъ себя такихъ скорѣе отлучать.

6. Прошу тебя, не имѣй съ богомерзкими и жадными подлецами обхожденія: какого бы они чина и званія ни были, знай, что всякому честному человѣку въ поношеніе и во вредъ всегда бываютъ. Поучаетъ насъ Божественное Писаніе: благіе нравы тлятъ бесѣды злы; не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе, не вѣси кому соберетъ я.

Друзей старайся имѣть такихъ, которые любятъ вѣрность, правду и хранятъ присягу, хотя бъ они и низкой породы были; справедливый человѣкъ самъ себѣ благороденъ: онъ тѣмъ подаетъ о себѣ надежду имѣть его другомъ, что всегда бываетъ одинаковъ въ своихъ предпріятіяхъ, въ богатствѣ и убожествѣ равнодушенъ, только такихъ адамантовъ и фениксовъ въ свѣтѣ весьма мало. Старайся искать ихъ дружбы; а когда надобность тебя доведетъ, въ необходимыхъ случаяхъ требуй отъ нихъ добраго совѣту, что тебѣ весьма будетъ полезно, хотябъ ты и знатный господинъ былъ. Сихъ честныхъ людей называютъ плуты и ненавистники чудовищемъ въ свѣтѣ, понеже отъ нихъ кромѣ добраго порядка въ отечествѣ быть не можетъ; ихъ деньгами подкупить и обольстить ничѣмъ нельзя: они богатство презираютъ, о чинахъ поклоновъ не теряютъ, одну только рожденную свою честь, вѣрность, правду и присягу хранятъ.

Къ уму своему (1729 г.).

Сатира Кантемира.

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити
Можно и славу достать, хоть творцомъ не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестръ. Многи на немъ силу потеряли,
Не дошедъ, нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни расцвѣченна марморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
Правда, въ нашемъ молодомъ монархѣ надежда
Всходитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлинъ славы въ немъ защиту
Своей не слабу почулъ, чтяща свою свиту
Видѣвъ его самого, и во всемъ обильно
Тщится множить жителей парнасскихъ онъ сильно:
Но та бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
Расколы и ереси науки суть дѣти;
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти;
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ,—
Критонъ съ четками въ рукахъ, ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, со страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь, къ церкви соблазну, Библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою съ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишню чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.
Силванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ;
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должно ль о томъ тужить дворянину?
Доводъ, порядокъ въ словахъ подлыхъ то есть дѣло;
Знатнымъ полно подтверждать иль отрицать смѣло.
Съ ума сошелъ, кто души силы и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобы строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни иль въ ящикъ
Хоть грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ, нечасъ при огнѣ, чтобы вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе—все то голы враки;
Глава ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Нять хощешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно, жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло

Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ можно честь на всякій день года
Число мѣсяца и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ алгебры счислимъ.
Силванъ одно знаніе слично людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ и расходы малить;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.
Румяный, трижды рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она не долга: на что коротати,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ божественный, много въ немъ провору:
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ.
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ;
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу:
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ; а ему приходитъ,
Что не во что завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры;
Предъ Егоромъ [1]) двухъ денегъ Виргилій не стоитъ;
Рексу [2]), не Цицерону, похвала достоитъ.

1) Сапожникъ въ Москвѣ.
2) Портной въ Москвѣ.

Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звенятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколько жъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежьли не славить попу святую недѣлю,
Нежьли купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю.
Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щеголь, скупецъ, ханжа и такимъ подобны
Науку должны хулить,—да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой судъ, такъ бы то быть должно;
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ,
А къ томужъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя,
Исчелъ иль, правду сказать, могъ исчесть смѣлѣя.
Полно ль того? Райскихъ вратъ ключари святые
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну украсу.
Епископомъ хощешь быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели везти предъ тобою;
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? что съ нея пользы церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ; а на нихъ церкви права
Лучшія основаны и вся ея слава.
Хочешь ли судьею стать? вздѣнь перукъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Естьлижъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы:
Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подъячимъ должно лѣзть на бумажны горы;
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.

Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство—мудрость одолѣло;
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не виденъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты:
Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты
Всякая высша степень—мзда ужъ не велика,
Седми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглый церковникъ:
Еще не епископъ я, а знаю часовникъ.
Псалтирь и посланіе бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
Смысля дѣло набѣло списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть мнитъ въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти
И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ,
Таковы слыша слова и примѣры видя,
Молчи, уме! не скучай, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ.

М. Ломоносова.

Въ древнія времена, когда Славенскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены, для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народамъ извѣстныхъ; тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего пріобрѣтено купно съ Греческимъ Христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ Греческаго языка на Славенскій для славословія Божія. Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила Еллинскаго слова, коль высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѳеновъ и другихъ въ Еллинскомъ языкѣ Героевъ, витійствовали великіе Христіанскія церкви Учители и Творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими Богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно, вникнувшимъ въ книги церковныя на Славенскомъ языкѣ, коль много мы отъ переводу Ветхаго и Новаго завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцовъ каноновъ видимъ въ Славенскомъ языкѣ Греческаго изобилія, и оттуду умножаемъ довольство Россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію Греческихъ красотъ посредствомъ Славенскаго сродно. Правда, что многія мѣста оныхъ переводовъ не довольно вразумительны; однако польза наша весьма велика. При семъ хотя нельзя прекословить, что съ начала переводившіе съ Греческаго языка книги на Славенскій не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ Греческихъ Славенскому языку странныхъ; однако оныя черезъ долготу времени слуху Славенскому перестали быть противны, но вошли въ обычай. И такъ, что предкамъ нашимъ казалось невразумительно, то намъ нынѣ стало пріятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненіемъ Россійскаго языка съ другими ему сродными. Поляки, преклонясь издавна въ Католицкую вѣру, отправляютъ службу по своему обряду, на Латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большей части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни отъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ Греческаго пріобрѣтены. Нѣмецкій языкъ по то время былъ убогъ, простъ и безсиленъ, пока въ услуженіи употреблялся языкъ Латинскій. Но какъ нѣмецкій народъ сталъ священныя книги читать и службу слушать на своемъ языкѣ, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротивъ того, въ Католицкихъ областяхъ, гдѣ только одну Латынь, и то варварскую, въ служеніи употребляютъ, подобнаго успѣха въ чистотѣ Нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности, такъ и Россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разныя степени: высокой, посредственной и низкой. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій Россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ общеупотребительны, напримѣръ: *Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю*. Ко второму принадлежатъ,

кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ; однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: *отверзаю, Господень, насажденный, взываю*. Не употребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ; *обаваю* [1]), *рясны* [2]), *овогда* [3]), *свѣнъ* [4]) и симъ подобныя. Къ третьему ряду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ Славенскаго языка, то-есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: *говорю, ручей, которой, пока, лишь*. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штилѣ употребить не пристойно, какъ только въ подлыхъ [5]) комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій, раждаются три штиля: высокой, посредственной и низкой. Первой составляется изъ реченій Славенороссійскихъ, то-есть, употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ Славенскихъ Россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ составляться должны Героическія Поэмы, Оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ Россійскій языкъ предъ многими нынѣшними Европейскими, пользуясь языкомъ Славенскимъ изъ книгъ церковныхъ.

Средній штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ Россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія Славенскія въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И словомъ, въ семъ штилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе Славенское положено будетъ подлѣ Россійскаго простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, еклоги [6]) и елегіи сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкой штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то есть, которыхъ нѣтъ въ Славенскомъ діалектѣ [7]), смѣшивая со средними, а отъ Славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матерій, каковы суть комедіи, увеселительныя епиграммы [1]), пѣсни; въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго наставленія о чистотѣ Россійскаго штиля.

Сколько въ высокой поэзіи служатъ однѣмъ рѣченіемъ Славенскимъ сокращенныя мысли, какъ причастіями и дѣепричастіями, въ обыкновенномъ Россійскомъ языкѣ употребительными; то всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы.

Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика: однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки, и сіе, во первыхъ по мѣсту.

Народъ Россійской, по великому пространству обитающій, не взирая на дальное разстояніе, говоритъ по всюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Германіи, Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго, или Бранденбургской Швабскаго, хотя всѣ того жъ Нѣмецкаго народа.

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ народами Славенскаго поколѣнія, которые Греческаго исповѣданія держатся. Ибо хоть раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако для употребленія Славенскихъ книгъ церковныхъ, говорятъ языкомъ, Россіянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели Польской, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность.

По временижъ разсуждая, видимъ, что Россійскій языкъ отъ владѣнія Владимирова до нынѣшняго вѣку, больше семи сотъ лѣтъ, не столько отмѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было: не такъ какъ многіе народы, не учась, не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны, случившейся чрезъ то время.

Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ Славенскихъ въ Россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю, и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности освященнаго мѣста церкви Божіей, и для древности чувствуемъ къ себѣ къ Славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ

[1]) Заклинаю, обаватель—заклинатель.— [2]) Ожерелье.— [3]) Иногда.— [4]) Кромѣ.— [5]) Въ смыслѣ низкій.— [6]) Стихотворная идиллія.— [7]) Нарѣчіи.

[1]) Краткое сатирическое стихотвореніе.

подлыхъ, и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая ровность слова. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго Славенскаго языка купно съ Россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ Греческаго, и то еще чрезъ Латинской. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется, и Россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, коль долго церковь Россійская славословіемъ Божіимъ на Славенскомъ языкѣ украшаться будетъ.

Сіе краткое напоминаніе довольно къ движенію ревности въ тѣхъ, которые къ прославленію Отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей, не мало затмится слава всего народа. Гдѣ древній языкъ Ишпанской, Галской, Британской и другіе съ дѣлами оныхъ народовъ? Не упоминаю о тѣхъ, которые въ прочихъ частяхъ свѣта у безграмотныхъ жителей во многіе вѣки чрезъ преселенія и войны разрушились. Бывали и тамъ Герои, бывали отмѣнныя дѣла въ обществахъ, бывали чудныя въ натурѣ явленія; но всѣ въ глубокомъ невѣдѣніи погрузились. Горацій говоритъ:

Герои были до Атрида;
Но древность скрыла ихъ отъ насъ,
Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертныхъ стихотворцевъ гласъ.

Счастливы Греки и Римляне передъ всѣми древними Европейскими народами. Ибо хотя ихъ владѣнія разрушились, и языки изъ общенароднаго употребленія вышли; однако изъ самыхъ развалинъ сквозь дымъ, сквозь звуки въ отдаленныхъ вѣкахъ, слышенъ громкій голосъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ Героевъ, которыхъ любленіемъ и покровительствомъ ободрены были превозносить ихъ купно съ отечествомъ. Послѣдовавшіе поздніе потомки, великою древностью и разстояніемъ лѣтъ отдѣленные, внимаютъ имъ съ такимъ же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одноземцы. Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ читаетъ у Гомера безъ рвенія? Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Катилину? Возможно ли внимать Гораціевой Лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату, равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель? Подобное счастіе оказалось нашему Отечеству отъ просвѣщенія Петрова, и дѣйствительно настало и основалось щедротою Великія Его Дщери. Ею ободренныя въ Россіи словесныя науки не дадутъ никогда притти въ упадокъ Россійскому слову. Станутъ читать самые отдаленные вѣки великія дѣла Петрова и Елисаветина вѣку и, равно какъ мы, чувствовать сердечныя движенія. Какъ не быть нынѣ Виргиліямъ и Гораціямъ? Царствуетъ Августа Елисавета; имѣетъ знатныхъ и Меценату подобныхъ представителей, чрезъ которыхъ ходатайство Ея Отеческій градъ снабдѣнъ новыми приращеніями наукъ и художествъ. Великая Москва, одобренная пѣніемъ новаго Парнасса, веселится своимъ симъ украшеніемъ, и показываетъ оное всѣмъ городамъ Россійскимъ, какъ вѣчной залогъ усердія къ отечеству своего Основателя, на котораго бодрое попеченіе и усердное предстательство твердую надежду полагаютъ Россійскія музы о высочайшемъ покровительствѣ.

Изъ похвальнаго слова Петру Великому (1755).

М. Ломоносова.

1. *Предложеніе предмета слова и раздѣленіе.* Давно долженствовали науки представить славу его ясными изображеніями; давно желали въ нарочномъ торжественномъ собраніи превознести несравненныя дѣла своего основателя: но вѣдая, коль великое искусство требуется къ сложенію слова, ихъ достойнаго, понынѣ умолчали. Ибо о семъ героѣ должно предлагать, чего о другихъ еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣляхъ ему равнаго: нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы мысль послѣдуя, могла безопасно пуститься въ толикую глубину ихъ множества и величества. Однако наконецъ разсудилось лучше въ краснорѣчіи, нежели въ благодарности показать недостатокъ, лучше съ произносимыми отъ усердной простоты разговорами соединить искренностію украшенное слово, нежели молчать между толикими празднественными восклицаніями; наипаче, когда Всевышній Господь всѣхъ торжествъ нашихъ красоту усугубилъ, пославъ во младомъ Государѣ Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ вожделѣнный залогъ своея къ намъ божественныя милости, которую въ продолженіи Петрова племени почитаемъ. И такъ, оставивъ боязливое сомнѣніе и уступивъ ревностной смѣлости мѣсто, сколько есть духа и голоса, должно употребить или паче истощить на похвалу нашего героя. Сіе предпринимая, откуду начну мое слово? Отъ тѣлесныхъ ли его дарованій? отъ крѣпости ли силъ? Но оные явствуютъ въ преодолѣніи трудовъ тяжкихъ, трудовъ неизсчетныхъ и въ разрушеніи ужасныхъ препятствій. Отъ геройскаго ли виду и возраста, съ величественною красотою соединеннаго? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памяти его изображеніе живо представляютъ, удостовѣряютъ разныя государства и городы, которые, славою его движимы, во срѣтеніе стекались,

и дѣламъ его соотвѣтствующему и великимъ монархамъ приличному взору чудились. Отъ бодрости ли духа пріиму начало? Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе, безъ котораго невозможно было произвести дѣлъ толь многихъ и великихъ. Того ради непосредственно приступаю къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе принять начало, нежели конца достигнуть; и что великій сей мужъ ни отъ кого лучше похваленъ быть не можетъ, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды его исчислитъ, если бы только исчислить возможно было.

И такъ сколько сила, сколько краткость опредѣленнаго времени позволитъ, важнѣйшія токмо дѣла его упомянемъ; потомъ преодолѣнныя въ нихъ сильныя препятствія; наконецъ его добродѣтели, въ таковыхъ предпріятіяхъ споспѣшествовавшія.

2. Устройство флота. Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пути силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшія, простремъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушатели: посмотримъ тамъ дѣла Господни и чудеса его въ глубинѣ, Петромъ показанныя и свѣтъ удивившія.

Пространная Россійская держава на подобіе цѣлаго свѣта едва не отовсюду великими морями окружается и оныя себѣ въ предѣлы поставляетъ. На всѣхъ видимъ распущенные россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя пристани едва вмѣщаютъ судовъ множество; индѣ стонутъ волны подъ тягостью россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышащіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли, въ тихой поверхности водъ изображаясь, красоту свою усугубляютъ; индѣ, достигнувъ спокойнаго пристанища, плаватель удаленныхъ странъ избытки выгружаетъ къ удовольствію нашему. Тамъ новые Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ для приращенія могущества и славы россійской; индѣ другой Тифисъ между сражающимися горами плыть дерзаетъ, со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борется и хочетъ соединить востокъ съ западомъ. Откуду толикая слава и сила россійскихъ флотовъ по толь многимъ морямъ въ краткое время распространилась? откуду матеріи? откуду искусство? откуду махины и орудія, нужныя въ толь трудномъ и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превысокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвигнулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ чрезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, если бы такое невѣроятное и выше силъ человѣческихъ быть являющееся дѣло въ отдаленной древности приключилось и не было бъ въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ. Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что нельзя опредѣлить, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ Петръ Великій. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ былъ неутомимъ, въ обоихъ превосходенъ. Ибо какъ для знанія всего, что ни случается въ сраженіяхъ на сухомъ пути, не токмо прошелъ всѣ мастерства и работы испыталъ собственнымъ искусствомъ, дабы ни надъ кѣмъ не просмотрѣть упущенія должности и ни отъ кого излишества свыше силъ не потребовать: подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта, ничего не оставилъ, въ чемъ бы только его проницательныя мысли или трудолюбивыя руки могли упраздниться. Съ того самаго времени, когда онаго, вещію малаго ботика, но дѣйствіемъ и славою великаго, изобрѣтеніе побудило неусыпный духъ Петровъ къ полезному раченію основать флотъ и на морской глубинѣ показать Россійское могущество, устремилъ и распростеръ великаго разума своего силы во всѣ важнаго сего предпріятія части. Которыя разсматривая, увѣрился, что въ толь трудномъ дѣлѣ успѣховъ имѣть невозможно, ежели онъ самъ довольнаго въ немъ знанія не получитъ. Но гдѣ оное постигнуть? Что великій Государь предпріемлетъ? Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ московскихъ, когда нашъ герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ въ присутствіи всего царскаго дома, при знатныхъ чинахъ россійскаго государства и при знатномъ собраніи дворянства, то радующихся, то поврежденія здравію его боящихся, трудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ; копая рвы и взвозя землю на раскаты, какъ рядовой солдатъ; всѣмъ повелѣвая, какъ государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый учитель и просвѣтитель. Но вящшее возбудилъ удивленіе, вящшее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, когда съ начала на малыхъ водахъ московскихъ, потомъ на большой ширинѣ озеръ Ростовскаго и Кубинскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣлаго моря, увѣрясь о несказанной пользѣ мореплаванія, отлучился на время изъ своего государства и, сокрывъ величество своея особы между простыми работниками, въ чужой земли корабельному дѣлу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному дѣлу прилучившіеся съ нимъ купно въ обученіи, какъ россіянинъ толь скоро не токмо простой плотнической работѣ научился, не токмо ни единой части къ строенію и сооруженію кораблей нужной не оставилъ, которой бы своими руками не умѣлъ сдѣлать, но и въ морской архитектурѣ толикое пріобрѣлъ искусство, что Голландія не могла уже удовольствовать его глубокаго

понятія. Потомъ коль великое удивленіе во всѣхъ возбудилось, когда увѣдали, что не простой то былъ россіянинъ, но самъ толь великаго государства обладатель къ тягостнымъ трудамъ простеръ рожденныя и помазанныя для ношенія скипетра и державы руки. Но только ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для указанія и повелительства въ Голландіи и въ Британіи достигъ совершенной теоріи и практики къ сооруженію флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ великій государь не токмо повелѣніемъ и награжденіемъ, но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ. Я вами свидѣтельствуюсь, великія россійскія рѣки; я къ вамъ обращаюсь, счастливые берега, освященные Петровыми стопами и потомъ его орошенные. Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда тяжкіе къ составленію корабля пріуготовленные члены, нерѣдко тихо отъ работающихъ движимые, наложеніемъ руки его къ скорому теченію устремлялись, и оживленное примѣромъ его множество съ невѣроятною поспѣшностію совершали великія громады? Коль чуднымъ и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ наслаждалися стекшіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошествію на воду приближались! когда неусыпный ихъ основатель и строитель многократно то на верху оныхъ, то подъ ними обращаясь, то кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу махинъ, всѣхъ предосторожностей точность, а усмотрѣнные недостатки исправлялъ повелѣніемъ, одобреніемъ, догадкою и неутомимыхъ рукъ своихъ поспѣшнымъ искусствомъ. Симъ неусыпнымъ раченіемъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ постоянствомъ баснословная древнихъ поспѣшность не вымыслами, но правдою во дни Петровы показалась.

Коль радостны были великому государю толикіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ государства раченіемъ его произведенные, легко изъ того усмотрѣть можно, что не токмо воздаяніемъ удовольствовалъ спотрудившихся съ собою, но и безчувственному дереву показалъ преславный знакъ благодарности. Покрываются Невскія струи судами и флагами; не вмѣщаютъ берега великаго множества стекшихся зрителей; колеблется воздухъ и стонетъ отъ народнаго восклицанія, отъ шума веселъ, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышащихъ махинъ. Какое счастіе, какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на срѣтеніе Монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпіемъ выходитъ? Ветхому ботику, но въ новомъ и сильномъ первенствующемъ флотѣ! Представивъ сего величество, красоту, могущество и славныя дѣйствія, и купно онаго малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпріятіи и неутомимой въ совершеніи бодрости Петровой.

Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ великій нашъ защитникъ!

3. Дѣятельность Петра. — Заключеніе. За отдохновеніе почиталъ себѣ трудовъ своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ его присутствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо его присмотромъ, но и рукъ его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшили; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли и имѣли его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Что жъ его путешествія или лучше быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь кораблей его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумятъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы великія рѣки, Южная Двина и Полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Ренъ и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите: я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми, какъ простой работникъ, трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ; такъ онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго Государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей великими названныхъ. И правда, предъ другими велики, однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтельми украшенъ; но вмѣсто, чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго

государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ землѣ пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своея жизни. Кому жъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море: дхнетъ духъ его и потекутъ воды; прикоснется горамъ—и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ. Божества постигнуть не могутъ. Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.

За великія къ отечеству заслуги названъ онъ Отцемъ отечества. Однако малъ ему титулъ. Скажите, какъ его назовемъ за то, что онъ родилъ дщерь, всемилостивѣйшую государыню нашу, которая на отеческій престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями своихъ подданныхъ снабдила?

Услыши насъ, Боже, награди, Господи! За великіе труды Петровы, за попеченіе Екатеринино, за слезы, за воздыханіе, которыя двѣ сестры, двѣ дщери Петровы, разлучаясь, проливали, за несравненныя всѣхъ къ Россіи благодѣянія награди долгоденствіемъ и потомствомъ.

А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности и героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся: дщерь твоя царствуетъ; внукъ наслѣдникъ; правнукъ по желанію нашему родился; мы тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены; ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ (1743).

Ломоносова.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!
Когда бы смертнымъ толь высоко,
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приближившись воззрѣть:
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.
Сія ужасная громада
Какъ искра предъ тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ!
Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись
Исполнены твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!
Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости твоихъ очей
Ліется радость твари всей.
Творецъ, покрытому мнѣ тьмою
Прости премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою
Всегда творити научи,
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить тебя, безсмертный Царь.

На день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы (1747).

Ломоносова.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ морѣ за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ Той всего превыше;
Душа ея Зефира тише,

И зракъ прекраснѣе рая.

. . . .

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ изъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ;
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на-единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Изъ трагедіи „Дмитрій Самозванецъ" (1771).

А. Сумарокова.

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 1.

Георгій и Ксенія.

Георгій. Языкъ мой долженъ я притворству покорить:
Иное чувствовать, иное говорить,
И быти мерзостнымъ лукавцамъ я подобенъ.
Вотъ поступь, если царь неправеденъ и злобенъ.
Ксенія. Блаженъ на свѣтѣ тотъ порфироносный мужъ,
Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,
Кто пользой общества себя превозвышаетъ
И снисхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни;
Страшатся коего злодѣи лишь одни!
Георгій. О ты, печальный Кремль! сталъ нынѣ ты свидѣтель,
Что днесь низвержена съ престола добродѣтель.
Томящаясь Москва въ уныніи дрожитъ,
Блаженство въ горести изъ стѣнъ ея бѣжитъ:
Дни свѣтлы кажутся густой темнѣе нощи;
Прекрасны вкругъ Москвы покрыта мракомъ рощи.
Когда торжественный шумитъ во градѣ звонъ,
Намъ мнится, что твердитъ онъ града общій стонъ
И церкви нашея паденье возвѣщаетъ.
Которое она отъ Папы ощущаетъ.
О Боже, ужасъ сей отъ Россовъ отведи!
Уже разносится молва на площади,
Что Климентъ обѣщалъ на небеси награду
Мятежникамъ, врагамъ отеческому граду,
И что имъ всѣ грѣхи прощаетъ напередъ;
Пострáждетъ такъ Москва, какъ страждетъ новый свѣтъ.
Тамъ кровью землю всю паписты обагрили,
Побили жителей, оставшихъ разорили,
Средь ихъ отечества стремясь невинныхъ жечь,
Въ рукѣ имѣя крестъ, въ другой кровавый мечъ.
Что съ ними дѣлалось въ незапной ихъ судьбинѣ
Отъ Папы будетъ то тебѣ, Россія, нынѣ.
Ксенія. Всѣ силы пагубны: Димитрій, Климентъ, адъ:
Изъ сердца моего тебя не истребятъ.
О небо, удали свирѣпство папской власти,
А съ нимъ и Ксеніи несносныя напасти,
Дабы свою главу Россія подняла,
А я бъ супругою любовнику была!
Дай намъ увидѣти монарха на престолѣ,
Подвластна истинѣ, не беззаконной волѣ!
Увяла правда вся; тирану весь законъ—
Едино только то, чего желаетъ онъ;
А праведныхъ царей, для ихъ безсмертной славы,
На счастьи подданныхъ основаны уставы.
Намѣстникъ Божества быть долженъ государь.
Рази, губи меня, немилосердый царь!
Изъ тартара тебя Мегера позметала,
Кавказъ тебя родилъ, Ирканія питала.
Извержетъ еретикъ, толпой своихъ рабовъ,
Тѣла святыхъ мужей, ругаясь изъ гробовъ.
Въ Россіи имена ихъ вѣчно сокрушатся,
И домы Божіи въ Москвѣ опустошатся.
Народъ, сорви вѣнецъ съ главы творца злыхъ мукъ!
Спѣши, исторгни скиптръ изъ варваровыхъ рукъ!
Избавь отъ ярости себя непобѣдимой
И мужа украси достойна діадимой!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Димитрій *(одинъ).* Не твердо на главѣ моей лежитъ вѣнецъ,
И близокъ моего величія конецъ.
Повсеминутно жду незапныя премѣны.
О устрашающи меня Кремлевы стѣны!
Мнѣ мнится, что всякъ часъ вѣщаете вы мнѣ:
Злодѣй, ты врагъ, ты врагъ и намъ, и всей странѣ.
Гласятъ граждане: мы тобою разоренны;
А храмы вопіютъ: мы кровью обагренны.
Уныли вкругъ Москвы прекрасныя мѣста,
И адъ изъ пропастей разверзъ на мя уста;
Во преисподнюю зрю мрачныя степени
И вижу въ тартарѣ мучительскія тѣни;
Уже въ геенѣ я и въ пламени горю;
Воззрю на небеса—селенье райско зрю:
Тамъ добрые цари природы всей красою,
И ангели кропятъ ихъ райскою росою;
А мнѣ, отчаянну, на что надежда днесь!
Въ вѣкъ буду мучиться, какъ мучуся я здѣсь.
Не вѣнценосецъ я въ великолѣпномъ градѣ,

Но беззаконникъ злой, терзаемый во адѣ.
Я гибну, множество народа погубя.
Бѣги, тиранъ, бѣги.... кого бѣжать?... себя?
Не вижу никого другаго предъ собою.
Бѣги!... куда бѣжать?... твой адъ вездѣ съ тобою.
Убійца здѣсь—бѣги!... но я убійца сей.
Страшуся самъ себя и тѣни я моей.
Отмщу!... кому?... себѣ... себя ль возненавижу?
Люблю себя... люблю... за что?... того не вижу.
Все вопитъ на меня: грабежъ, неправый судъ,
Всѣ страшныя дѣла, всѣ купно вопіютъ.
Живу къ несчастію, умру ко счастью ближнихъ.
Завидна участь мнѣ людей и самыхъ нижнихъ:
И нищій въ бѣдности спокоенъ иногда;
А я здѣсь царствую—и мучуся всегда.
Терпи и погибай, восшедъ на тронъ обманомъ!
Гони и будь гонимъ; живи, умри тираномъ!

ДѢЙСТВIЕ IV, ЯВЛЕНIЕ V.

Димитрій *(одинъ)*. Блаженная душа идетъ въ объятье Бога;
А мнѣ показана съ престола въ адъ дорога.
Сія послѣдня ночь—ночь вѣчна будетъ мнѣ:
Увижу на яву, что страшно и во снѣ;
Скончаетъ неба мракъ народныя напасти:
Отниметъ у меня и жизнь и силу власти.
Багряная заря спѣшитъ на небеса,
И солнце, утомясь, нисходитъ за лѣса,
Дабы свѣжай себя природѣ возвратило....
Помедли въ небеси, горящее свѣтило!
Во учрежденный часъ ты спустишься всегда,
А мнѣ уже тебя не зрѣти никогда.

ДѢЙСТВIЕ V, ЯВЛЕНIЕ I.

Димитрій *(одинъ)*.

(Занавѣсъ подымается: Димитрій спящій сидитъ на креслахъ, возлѣ него столъ, на которомъ царскія утвари, и проснувся говоритъ):

Довольно я терплю душевныхъ огорченій;
Не умножайте вы, мечты, моихъ мученій;
Мнѣ все приснилося, чѣмъ страшенъ мнѣ сей градъ.
И весь передъ меня предсталъ ужасный адъ.
(Слышенъ колоколъ).
Въ набатъ біютъ! сему біенью что причина?
(Возстаетъ).
Въ сей часъ, въ сей страшный часъ пришла моя кончина.
О ночь! о грозна ночь! о ты, противный звонъ!
Вѣщай мою бѣду, смятеніе и стонъ.
Трепещетъ духъ во мнѣ.... сего не зналъ я прежде...
Объятъ отчаяньемъ—и нѣтъ путей къ надеждѣ.
Домъ царскій зыблется, колеблется чертогъ....
О Боже!... но меня оставилъ вѣчно Богъ,
А люди моего гнушаются и виду..:
Смотрю прибѣжища.... не зрю.... въ геенну сниду.
Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества! и тамъ рука Твоя!
Исторгнешь мя на судъ изъ адскія утробы;
Суди и осуждай за всѣ творимы злобы;
И человѣчества я врагъ и Божества;
Противъ я шелъ Тебя, противъ и естества....
Весь воздухъ восшумѣлъ; враги вооруженны
У стѣнъ моихъ палатъ ярятся приближенны;
А я безсильствую, ихъ наглости внемля.....
Все, все противъ меня: и небо и земля....
О градъ, которымъ я ужъ больше не владѣю,
Достанься ты по мнѣ такому же злодѣю!

Россіяда (1779).

М. Хераскова.

1. ВСТУПЛЕНIЕ.

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попрану власть татаръ и гордость побѣжденну,
Движенье древнихъ войскъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Отъ круга сихъ времянъ, спокойствія начало,
Какъ свѣтлая заря въ Россіи возсіяло,
Отверзи, вѣчность! мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ;
Гдѣ пышной гордости льстецы не почитаютъ;
Передъ усыпаннымъ звѣздами алтаремъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ царемъ;
Гдѣ бѣдный стонъ и плачъ, гдѣ сильный власть забудетъ;
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся, вѣчность! мнѣ, да лирою моей
Вниманье услажду народовъ и царей.

2. КАЗАНСКIЙ ЛѢСЪ.

Въ тѣняхъ Казанскихъ горъ стоитъ дремучій лѣсъ.
Въ немъ рѣдко видимо сіяніе небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки,
Прохожимъ дивные являющи призраки;
Тамъ кажется простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ,
Тамъ вянутъ вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ,
Когда усыплетъ нощь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса,
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ исходитъ бурный пламень,
Тамъ камни падаютъ, біющеся о камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,

И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ;
Пылаетъ гордый дубъ и тополи мастисты;
Повсюду слышатся взыванія и свисты;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ
И шумомъ ужасу пустынѣ придаетъ;
Непостижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ:
Лѣсъ воетъ—адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ.
Вѣщаютъ, что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ небесъ не смѣлъ вступать никто;
Издревле для прохладъ природою основанъ,
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ.

3. ЗИМА.

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ снѣжныхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертный взоръ;
Гдѣ мразы вѣчные сводъ твердый составляютъ
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ,
Изсѣченъ изо льда стоитъ прозрачный домъ:
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ стужъ различны роды;
Тамъ царствуетъ Зима, снѣдающая годы,
Сія жестокая другихъ временъ сестра,
Покрыта сѣдиной, является бодра,
Соперница весны, и осени, и лѣта,
Бѣлѣйщею снѣговъ порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары,
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Столпы, изъ свѣтлаго кристала сотворенны,
Сребристый мещутъ блескъ, лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда—громада льдовъ горитъ.
Тамъ воздухъ застуженъ, токъ водный каменѣетъ;
Стѣсненный мразомъ огнь и гаснетъ и блѣднѣетъ;
И будто въ зеркалѣ тамъ видны небеса;
Тамъ снѣжные цвѣты, кристальны древеса;
Тамъ зрится перлами усыпанное поле;
Тамъ жизнь не дѣйствуетъ, натура тамъ въ неволѣ;
Сѣдые мразы тамъ сѣдыхъ раждаютъ чадъ:
Кудрявы иніи, мятели, томный гладъ.
Развалины градовъ снѣга изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Навислыхъ льдовъ слои подобятся горамъ;
Студенымъ воздухомъ пещеры дышатъ тамъ.
Оттолѣ къ намъ Зима порфиру простираетъ,
Въ лугахъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ
И соки жизненны древесные сосетъ;
На хладныхъ крыліяхъ морозы къ намъ несетъ;
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ ночи
И солнцу отвращать велитъ чело и очи;
Ее со трепетомъ лѣса и роща ждутъ,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ;
На всю натуру сонъ и страхъ она наводитъ.

Душенька (1775).

И. Богдановича.

1. ПЛАВАНІЕ ВЕНЕРЫ.

Богиня дреній свой устроила парадъ
И, въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ дельфинахъ.
Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ дворъ.
Узря Венеру рѣзвы волны,
Текутъ за ней весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ:
Иной вокругъ ея ныряетъ,
Продерзки волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Жемчугъ ей ищетъ тамъ на днѣ,
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ;
Иной, съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ;
Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Даетъ вездѣ приказы строги,
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Предъ нею громко трубитъ въ рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
  О еслибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
  Остался вѣчно въ хрусталѣ!
  Но тщетно то Тритонъ желаетъ:
  Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ,
  Останется одинъ лишь камень,
  А въ сердцѣ лишь несчастный пламень,
  Которымъ втуне тлѣетъ онъ.
  Иной, приставъ къ богинѣ въ свиту,
  Отъ солнца ставитъ ей защиту
  И прохлаждаетъ жаркій лучъ,
  Пуская къ верху водный ключъ.
  Сирены, сладкія пѣвицы,
  Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь:
  Мѣшаютъ съ былями небылицы,
  Ее стараясь превознесть.
  Иныя передъ нею пляшутъ;
  Другія во услугахъ тутъ,

Предупреждая всякій трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ;
Другія жъ, красотамъ дивясь,
Подносятъ ей цвѣточну вязь.
Сама Ѳетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать;
Одни Зефиры лишь въ свободѣ
Венеру могутъ лобызать.

2. ЧЕРТОГИ ДУШЕНЬКИ.

...Душенька отъ сна не прежде пробудилась,
Какъ полдень ужъ прошелъ и послѣ полдня часъ.
Тогда служащія дѣвицы, всѣмъ соборомъ,
Царевну вновь одѣть пришли
И сорокъ платьевъ принесли,
Со всѣмъ къ тому приборомъ.
Въ сей день она себѣ назначила нарядъ,
Который былъ простѣе,
За тѣмъ что Душенька спѣшила поскорѣе
Увидѣть рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ.
Я, Душенькину въ томъ послѣдуя уставу,
Сей домъ представить поспѣшу
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей дѣлать тамъ забаву.
Въ началѣ Душенька по комнатамъ пошла
И не оставила, тамъ бѣгая, угла,
Въ которомъ бы она на часъ не побывала;
Оттуда въ бельведеръ, оттуда на балконъ,
Оттуда на крыльцо, оттуда внизъ и вонъ.
Чтобъ видѣть домъ со всѣхъ сторонъ.
Толпа дѣвицъ за ней бѣжать не успѣвала;
Одни Зефиры лишь ей слѣдовать могли
И Душеньку вездѣ, какъ должно, берегли,
Чтобъ какъ ни есть она, бѣжавши, не упала.
Она смотрѣла раза три
Сей домъ снаружи и внутри.
Межъ тѣмъ Зефиры и Амуры
Казали ей архитектуры
И всяки рѣдкости натуры,
Которы Душенька, осматривая вкругъ,
Желала видѣть вдругъ
И, что смотрѣть, не знала;
Едина отъ другой смотрѣнье отвлекала,
И Душенька бъ еще пошла по всѣмъ мѣстамъ,
Когда бъ отъ бѣгу тамъ
Впослѣдокъ не устала.
Для отдыха она на время отъ трудовъ,
Смотрѣла статуи славнѣйшихъ мастеровъ:
То были образцы красавицъ безподобныхъ.
Которыхъ имена и въ прозѣ и въ стихахъ,
Въ различныхъ повѣстяхъ, и краткихъ и подробныхъ,
Безсмертно царствуютъ, какъ память ихъ въ умахъ.
Калисто, Дафнія, Армида, Ніобея,
Елена, Граціи, Ангелика, Фринея
И множество другихъ богинь и смертныхъ женъ,
Очамъ являясь живо,
Во всей красѣ, на диво,
Стояли тамъ у стѣнъ.
Но по срединѣ ихъ въ началѣ,
На нѣкомъ высшемъ пьедесталѣ,
Тамъ образъ Душенькинъ стоялъ
И паче красотой другіе превышалъ.
Смотря на образъ свой, она сама дивилась
И внѣ себя остановилась:
Другая статуя въ ней видѣлась тогда,
Какой никто потомъ не видѣлъ никогда.
Тутъ долгобъ Душенька осталась
Смотрѣть на образъ сей,
Которымъ обольщалась,
Но слуги, бывшіе при ней,
Въ другихъ мѣстахъ казали ей,
Для новой глазъ ея забавы,
Другіе образы красотъ ея и славы:
До пояса, до ногъ, въ весь ростъ до самыхъ пятъ,
Изъ злата, изъ сребра, изъ бронзы иль изъ стали,
И головы ся, и бюсты, и медали;
А индѣ мозаикъ, иль мраморъ, иль агатъ,
Въ сихъ видахъ новую безцѣнность представляли.
Въ иныхъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи богъ,
Который кисть его водилъ своей рукою,
Представилъ Душеньку со всею красотою,
Какой дотолѣ умъ вообразить не могъ.
Но хочетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ?
Въ иной, Зефиры ей несутъ Помонинъ рогъ
И, сыпля ей цвѣты, съ ней рѣзвятся въ долинахъ;
Въ другой она, съ щитомъ престрашнымъ на груди,
Палладой нарядясь, грозитъ на лошади,
И, болѣ какъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ
Разитъ сердца пріятнымъ моромъ.
А тамъ предъ ней Сатурнъ, безъ зубъ, плѣшивъ и сѣдъ,
Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
Желаетъ быть моложе,
Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки.
А тамъ она видна, подобяся царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ:
Прекрасной Душеньки за честь и красоту,
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету,
Летятъ великою толпою,
И всѣ они несутъ колчаны за плечьми,
И всѣ, прекрасными гордясь ея очьми,
Летятъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихій нравъ:
Полей не обагряетъ кровью
И наконецъ, забывъ военный свой уставъ,
Смягченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью.
А тамъ представлена она среди утѣхъ,

Которы ей вездѣ предходятъ
И вымыслами игръ различныхъ производятъ
Въ лицѣ ея пріятный смѣхъ.
А индѣ Граціи царевну окружаютъ,
Ее различными цвѣтами украшаютъ;
И тихо вкругъ ея летающій Зефиръ
Рисуетъ образъ сей, чтобъ имъ украсить міръ;
Но въ ревности отъ взглядовъ вольныхъ,
Умѣривая умъ любителей свободъ
И, можетъ быть, странясь отъ критикъ злокра-
мольныхъ,
Скрываетъ въ спискѣ онъ большую часть красотъ;
Въ картинахъ же онѣ, какъ вѣстно, чудесами
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.
А чтобъ, встрѣчаясь тамъ,
Различные предметы
Не скучили ея глазамъ:
Въ другихъ мѣстахъ ея портреты
Одни являлись по стѣнамъ,
Въ простыхъ уборахъ и нарядныхъ,
И въ разныхъ платьяхъ маскарадныхъ.
Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
По образу ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ль сидишь ты возлѣ шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта,
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета.

3. ЗМѢЙ ГОРЫНИЧЪ.

Не знаю, въ первый день иль лучше въ перву
ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня, въ мщеніи, послала царску дочь
Принесть чрезъ три часа воды живой и мертвой.
Извѣстенъ весь народъ
О дѣйствѣ оныхъ водъ:
Кто первую попьетъ—здоровье получаетъ,
Вторую кто попьетъ—здоровье потеряетъ;
Но къ симъ водамъ лишь тотъ доходитъ, кто
счастливъ.
Пошла царева дочь тогда безъ дальня чина,
Какъ должно прицѣпивъ
Подъ плечи два кувшина,
Пошла на всѣ труды—
Искать такой воды.
Пошла куда? и кто съ ней будетъ провожатымъ?
Амуръ во всѣ часы ея напасти зрѣлъ
И тотчасъ повелѣлъ
Своимъ слугамъ крылатымъ
Поднять и перенесть царевну въ тотъ удѣлъ,
Гдѣ всяки воды протекаютъ,
Мертвятъ, цѣлятъ и помогаютъ.
Зефиръ, который тутъ по склонности прильнулъ,
Ей на ухо шепнулъ,
Что воды окружаетъ
Большой и толстый змѣй, свернувшись вкругъ
кольцомъ,
И никого отнюдь къ водамъ не допускаетъ,
Какъ развѣ напоитъ кто змѣя питьецомъ.
При семъ ее снабдилъ онъ нѣкакою флягой,
Которую велѣлъ, явясь туда съ отвагой
И змѣю рѣчь сказавъ, въ змѣино горло влить:
Когда жъ на питьецо свою онъ пасть разинетъ,
Онъ голову съ хвостомъ легко потомъ раздвинетъ,
И Душенька найдетъ себѣ свободный путь—
Живую ль, мертвую ль, тамъ воду почерпнуть.
Не въ долгомъ времени царевна путь скончала,
Чрезъ нѣсколько минутъ явилася у водъ
И, вспомнивъ весь совѣтъ, предъ змѣемъ рѣчь
сказала,
Котору выдала впослѣдокъ и въ народъ:
„О змѣй-Горыничъ Чудо-Юда!
Ты сытъ во всяки времена,
Ты ростомъ превзошелъ слона,
И видомъ краше ты верблюда;
Ты всяку здѣсь имѣешь власть,
Блестишь златыми чешуями,
Широко разѣваешь пасть
И можешь всѣхъ давить когтями.
Содѣлай край лихимъ бѣдамъ,
Пусти ты Душеньку къ водамъ“.
Хвалы и титулы плѣняютъ всяки уши
И движутся отъ нихъ жестоки самы души.
Услышавъ похвалы отъ женскаго лица,
Горыничъ пасть разинулъ,
Хлебнулъ изъ фляги питьеца,
Заснулъ и голову съ хвостомъ тогда раздвинулъ.
Открылись разныхъ водъ и рѣки и пруды:
Въ свободѣ Душенька, попивъ живой воды,
Забыла всѣ труды,
И вдругъ здоровѣй стала.
Въ ней нова красота въ то время возблистала,
И къ умноженью лишь соперницѣ досадъ,
Съ водой она, явясь назадъ,
Предъ ней какъ роза процвѣтала.
Впослѣдокъ Душеньку богиня умышляла
Заставить мертву воду пить;
Но просто случаемъ иль чудомъ, можетъ быть,
Кувшинъ съ лихой водой разбился
И умыслъ въ дѣло не годился.

4. ДУШЕНЬКА ВЪ АДУ.

Къ успѣху мщенія, пришло на умъ богинѣ
Отправить Душеньку съ письмомъ ко Прозерпинѣ,
Велѣвъ искать самой во Адъ себѣ пути
И нѣкакій оттоль горшечекъ принести.
Притомъ нарочно ей Венера приказала,
Горшечка чтобъ она отнюдь не открывала.
Зефиръ, не мѣшкавъ, далъ полезный ей совѣтъ
Идти въ дремучій лѣсъ, куда дороги нѣтъ,
Сказалъ, что ей въ лѣсу представиться избушка,
Въ избушкѣ тамъ сидитъ старушка;
Старушка ей вручитъ волшебный посошокъ
И отведетъ ее въ кутокъ,

Въ куткѣ покажетъ въ низъ ступени,
По коимъ въ Адъ нисходятъ тѣни;
И Душенька тогда, лишь ступитъ девять разъ,
Къ Плутону въ области окончитъ всю дорогу;
А къ безопасности отъ страховъ тотъ же часъ,
Откроетъ на показъ
Свою прекрасну ногу;
И можетъ въ-послѣди безстрашно говорить
Съ Плутономъ, съ Прозерпиной, съ Адомъ,
Письмо вручить,
Горшечекъ получить
И службу надлежащимъ рядомъ
Исправно совершить.
Послѣдуя сему закону,
Пошла царевна въ лѣсъ, куда глаза глядятъ,
Нашла подземный ходъ, ступила девять кратъ,
Сошла тотчасъ во Адъ,
Явилась ко Плутону.
Взволновался мрачный край,
Не ждавъ посольства отъ Венеры:
Тризѣвны въ Тартарѣ Церберы
Распространили страшный лай.
Но Душенька, въ сію тревогу,
Едва открыла только ногу,
Какъ вдругъ умолкла адска тварь:
Церберы перестали лаять;
Замерзлый Тартаръ началъ таять;
Подземна царства темный царь,
Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ съ надеждою на слугъ,
Смутился тишиною вдругъ,
Возвысилъ вкругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ, начавши рѣчь запнулся,
И съ роду впервый разъ
Въ то время улыбнулся.
Узрѣвъ толь сильную посольску полномочь,
Какую при письмѣ казала царска дочь,
А паче на нее воззрѣніе Плутона,
Богиня адска трона
Велѣла ей скорѣй пресѣчь
Пристойную на случай рѣчь,
И, по письму вручивъ горшечекъ ей приватно,
Ее, безъ дальнихъ словъ, отправила обратно.

Два сосѣда (1778).

И. Хемницера.

Худой миръ лучше доброй ссоры,
Пословица старинна говоритъ;
И каждый день намъ тожъ примѣрами твердитъ;
Какъ можно не вплетаться въ споры;
А если и дойдетъ нечаянно до нихъ,
Не допуская въ даль, прервать сначала ихъ,
И лучше до суда хоть кой-какъ помириться,
Чѣмъ дѣло выиграть и вовсе просудиться,
Иль, споря о грошѣ, всѣмъ домомъ разориться.
На дворъ чужой свинья къ сосѣду забрѣла,
А со двора потомъ и въ садъ его зашла,
Въ саду бѣдъ пропасть накутила
И гряду цѣлую изрыла.
Встревожился весь домъ,
И въ домѣ бѣганье, содомъ:
Собакъ, собакъ сюда! домашніе кричали;
Изъ избъ всѣ люди побѣжали
И свинью ну травить,
Швырять въ нее, гонять и бить;
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили;
Полѣньями ее, метлами, кочергой;
Тотъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой:
(Обычай на Руси такой).
Тутъ лай собакъ, и визгъ свиной,
И крикъ людей, и стукъ побой
Такую кашу заварили,
Что бъ и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой;
И люди травлю тѣмъ рѣшили,
Что свинью наконецъ убили:
Охотники тѣ люди были!
Сосѣды въ тяжбу межъ собой;
Непримиримая между сосѣдовъ злоба;
Огнемъ другъ на друга сосѣды дышутъ оба;
Тотъ проситъ на того за садъ изрытый свой,
Другой, что свинью затравили:
И первый говорилъ:
Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что у меня ты садъ изрылъ.
Другой же говорилъ:
Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ.
Что свинью у меня мою ты затравилъ.
Хоть виноваты оба были,
Но кстати ль, чтобъ они другъ другу уступили?
Нѣтъ, мысль ихъ не туда:
Во чтобъ ни стало имъ, хотятъ искать суда,
И подлинно суда искали,
Пока всѣ животы судьямъ перетаскали:
Не стало ни кола у истцовъ, ни двора,
Тогда судьи имъ говорили:
Мы дѣло ваше ужъ рѣшили;
Для пользы вашей и добра
Мириться вамъ пора.

Богачъ и бѣднякъ (1778).

И. Хемницера.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ;
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
Дѣтина будешь, какъ дѣтина.
А бѣдный будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей,
Того почтенья не дождется,
Какое отъ всѣхъ богатымъ отдается.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ.
Но бѣдняка никто не только что не встрѣтилъ,
Никто и не примѣтилъ,
Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ,
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;
Но каждый бѣдняку въ отвѣтъ
Короткое: иль да, иль нѣтъ.
Привѣтствія ни въ комъ бѣднякъ нашъ не находитъ:
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью отходитъ.
Потомъ
За бѣднякомъ
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ.
Хотя заслугой, ни умомъ,
Ни чиномъ онъ не отличался;
Но только въ двери показался—
Сказать нельзя какой пріемъ!
Всѣ встали передъ богачемъ,
Всякъ богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ,
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ,
И подъ руки его берутъ,
То тутъ, то тамъ его сажаютъ,
Поклоны чуть ему земные не кладутъ
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ,
Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.
За чѣмъ, онъ говоритъ ему,
Достоинствамъ, уму,
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?—
Легко, мой другъ, понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякій занимаетъ.

Метафизикъ.

И. Хемницера.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ, чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился,
Но сынъ глупѣе воротился:
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ,
И малаго не научили,
А на-вѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало съ глупости онъ по-просту болталъ:
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.
Бывало глупые его не понимали:
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ.
Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьѣ
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньѣ:
„Сыскать начало всѣхъ началъ",
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши, оступился
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести,—
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А умный, между тѣмъ, дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
„Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье,
Центральное влеченье,
Воздушное давленье..."
Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
Вотъ, говоритъ, тебѣ веревка, ухватися!
Я потащу тебя, держися!—
„Нѣтъ, погоди тащить! скажи мнѣ напередъ,"
Понесъ студентъ обычный бредъ:
„Веревка вещь какая?„—
Отецъ его былъ неученъ,
Но разсудителенъ, уменъ.
Вопросъ ученый оставляя,
Веревка вещь, ему отвѣтствовалъ, такая
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ.—
„На это бъ выдумать орудіе другое!"
Ученый все свое несетъ:
„А это что такое!..
Веревка!.. вервіе простое!"—
Да время надобно, отецъ ему на то:
А это хоть не ново,
Да благо ужъ готово.
„Да время что?..."
А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять:
Сиди, сказалъ отецъ, пока приду опять.—
Что если бы вралей и остальныхъ собрать
И въ яму къ этому въ товарищи послать?..
Да яма надобна большая!

Комедія „Недоросль" (1782).

Д. Фонвизина.

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 1.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремѣевна.

Г-жа Простакова *(осматривая кафтанъ на Митрофанѣ).* Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣевна, введи сюда мошенника Тришку *(Еремѣевна отходитъ).* Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ. Митрофанушка, другъ мой, я чаю, тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца... *(Митрофанъ отходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 2.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Тришка.

Г-жа Простакова *(Тришкѣ)*. А ты, скотъ, подойди поближе. Не говорила ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире? Дитя, первое, растетъ; другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи болванъ, чѣмъ ты оправдаешься!

Тришка. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько? Экое скотское разсужденіе!

Тришка. Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Простакова. Еще онъ же и споритъ! Портной учился у другого, другой у третьяго, да первый-то портной у кого учился? Говори, скотъ.

Тришка. Да первый-то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего.

Митрофанъ (*вбѣгаетъ*). Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа Простакова. Такъ поди же вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

Митрофанъ. Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣже и Простаковъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору? Каковъ кафтанъ Тришка сшить изволилъ?

Простаковъ (*отъ робости запинаясь*). Мѣ...мѣшковатъ немного.

Г-жа Простакова. Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

Простаковъ. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Простакова. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Простакова. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь! не смыслитъ самъ разобрать, что широко, что узко.

Простаковъ. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ и вѣрю.

Г-жа Простакова. Такъ вѣрь же и тому, что я холопомъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣже и Скотининъ.

Скотининъ. Кого? за что?. въ день моего сговора? Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да чтожъ ты такъ прогнѣвалась?

Г-жа Простакова. Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ. Нѣтъ.

Простаковъ. Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скотининъ. Я и этого не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изряднехонько.

Г-жа Простакова. (*Тришкѣ*). Выди вонъ, скотъ. (*Еремѣевнѣ*). Поди жъ, Еремѣевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь, я чаю, скоро и учителя придутъ.

Еремѣевна. Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Простакова. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ, какое усердіе, изволь смотрѣть!

Еремѣевна. Да во здравіе, матушка. Я вѣдь сказала это для Митрофана же Терентьевича: протосковалъ до самаго утра.

Г-жа Простакова. Ахъ, Мати Божія? Что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ. Такъ, матушка, вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ. Да, видно, братъ, поужиналъ ты плотно.

Митрофанъ. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

Простаковъ. Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Митрофанъ. Да что! солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

Еремѣевна. Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлый кувшинецъ выкушать изволилъ.

Митрофанъ. И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа Простакова. Какая жъ дрянь, Митрофанушка?

Митрофанъ. Да — то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Какъ же это?

Митрофанъ. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты матушка, изволишь бить батюшку.

Простаковъ *(въ сторону)*. Ну, бѣда моя! сонъ въ руку!

Митрофанъ. (*разнѣжась*). Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-жа Простакова (*съ досадою*). Кого, Митрофанушка?

Митрофанъ. Тебя, матушка! ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ сынокъ—одно мое утѣшеніе!

Скотининъ. Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

Простаковъ. По крайней мѣрѣ, я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ, затѣйникъ! Иногда я отъ него внѣ себя, и отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скотининъ. Только теперь забавникъ нашъ стоитъ, что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ?

Митрофанъ. Нѣтъ, нѣтъ матушка. Я ужъ лучше самъ выздоровлю. Побѣгут-ка теперь на голубятню, такъ авось либо...

Г-жа Простакова. Такъ авось либо Господь милостивъ. Поди порѣзвись, Митрофанушка. (*Митрофанъ съ Еремѣевною отходятъ*).

ДѢИСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 7.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Г-жа Простакева. Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. Ну, а тамъ что?

Г-жа Простакова. А тамъ и женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь; только чтобъ это было послѣдній разъ и чтобъ сегодня жъ быть сговору.

Г-жа Простакова. Придетъ часъ воли Божіей.

Митрофанъ. Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ (*Цыфиркинъ очиниваетъ грифель*).

Г-жа Простакова. А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой: Софьюшкины денежки было бъ куда класть.

Митрофанъ. Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Простакова. (*работая*). Ахъ, Господи Боже мой! Ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе? У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ. Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-жа Простакова. Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. Задача: изволилъ ты, на прикладъ, идти по дорогѣ со мною; ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ. (*Пишетъ*). Трое.

Цыфиркинъ. На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ. Триста.

Цыфиркинъ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смекни-тко, по чему на брата?

Митрофанъ. (*вычисляя, шепчетъ*). Единожды три—три; единожды нуль—нуль; единожды нуль—нуль.

Г-жа Простакова. Что, что? до дѣлежа?

Митрофанъ. Вишь, триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Г-жа Простакова. Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашедъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую,

Цыфиркинъ. Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ. Десять.

Цыфиркинъ. Теперь, правда, не за что; а кабы ты, баринъ, что нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ. (*пишетъ*). Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ. Сколько жъ бы на годъ?

Митрофанъ. (*вычисляя, шепчетъ*). Нуль, да нуль—нуль; одинъ да одинъ... (*задумался*).

Г-жа Простакова. Не трудись по пустому, другъ мой; гроша не прибавлю; да и не за что, наука не такая: лишь тебѣ мученье, а все вижу пустота. Денегъ нѣтъ—что считать? деньги есть—сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкинъ. Шабашъ, право, Пафнутьичъ, Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ. Не бось, братъ, матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ. (*открываетъ Часословъ, Митрофанъ беретъ указку*). Начнемъ, благословясь. За мною со вниманіемъ. Азъ же есмь червь...

Митрофанъ. Азъ же есмь червь...

Кукейкинъ. Червь, сирѣчь, животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

Митрофанъ. Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ. (*учебнымъ голосомъ*) А не человѣкъ.

Митрофанъ. (*также*). А не человѣкъ.
Кутейкинъ. Поношеніе человѣковъ.
Митрофанъ. Поношеніе человѣковъ.
Кутейкинъ. И уни...

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 8.

Стародумъ, Софья, Правдинъ, Милонъ, Простакова. Простаковъ, Скотининъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г-жа Простакова. (*входя*). Все ль съ тобою, другъ мой?

Митрофанъ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Простакова. (*Стародуму*). Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выдти изволилъ. Не взыщи, батюшка...

Стародумъ. О, сударыня, мнѣ очень было бы досадно, ежелибъ вы сюда пожаловали ранѣе.

Скотининъ. Ты, сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я такъ за своей (*Стародуму*). Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. (*Мужу и сыну*). Кланяйтесь.

Стародумъ. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первыхъ, прошу милости садиться. (*Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны*). Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ бъ и умолить!) даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ. О, сударыня, до моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ и вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. (*Къ Правдину*). Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-отъ его выучилъ.

Г-жа Простакова. Всѣмъ наукамъ, батюшка.
Простаковъ. Всему, мой отецъ.
Митрофанъ. Всему, чему изволишь.
(Вмѣстѣ).

Правдинъ. (*Митрофану*). Чему жъ бы напримѣръ?

Митрофанъ (*подаетъ ему книгу*). Вотъ грамматикѣ.

Правдинъ (*взявъ книгу*) Вижу, это грамматика. Что жъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ. Много. Существительное, да прилагательное...

Правдинъ. Дверь, напримѣръ, какое имя? существительное, или прилагательное?

Митрофанъ. Дверь? котора дверь?

Правдинъ. Котора дверь? Вотъ эта.

Митрофанъ. Эта прилагательна.

Правдинъ. Почему жъ?

Митрофанъ. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ не навѣшана: такъ та покамѣсть существительна.

Правдинъ. Такъ поэтому у тебя слово „дуракъ" прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митрофанъ. И вѣдомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаковъ. Каково, мой отецъ?

Правдинъ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ Я думаю, не меньше и въ исторіи.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, онъ еще сызмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторій, Мастеръ, собачій сынъ! Откуда что берется!

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Правдинъ (*Митрофану*). А далеко ли вы въ исторіи?

Митрофанъ. Далеко-ли? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ. А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ.

Стародумъ. Вральманъ! Имя что-то знакомое.

Митрофанъ. Нѣтъ, нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ, что я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ. Да не у ней ли оба вы учились географіи?

Г-жа Простакова (*сыну*). Слышь, другъ мой сердечный. Это что за наука?

Митрофанъ (*тихо матери*). А я почемъ знаю.

Г-жа Простакова (*тихо Митрофану*). Не упрямься, душенька; теперь-то себя и показать.

Митрофанъ (*тихо матери*). Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Простакова. (*Правдину*) Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ. Географія.

Г-жа Простакова (*Митрофану*). Слышишь, ѳоргафія.

Митрофанъ. Да что такое? Господи Боже мой! пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-жа Простакова (*Правдину*). И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ. Описаніе земли.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). А къ чему бы это служило на первый случай?

Стародумъ. На первый случай годилось бы и къ тому, что ежели бъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Гжа Простакова. Ахъ, мой батюшка! да извощики то на чтожъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда; свезутъ, куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, что не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ. О, конечно, сударыня; въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Гжа Простакова. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что-нибудь положитъ. То-то экономъ былъ. Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ-свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ. Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалалеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была голувушка!

Правдинъ. Чтожъ такое?

Скотининъ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки: забылъ наклониться—какъ хватитъ себя лбомъ о притолку, индо пригнуло дядю въ похвямъ потылицею, и добрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился? а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только: цѣлы ли ворота?

Милонъ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ; однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ, (*Милону*). Объ закладъ не бейся, другъ мой. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой, да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую-нибудь должность.

Стародумъ. А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

На смерть князя Мещерскаго (1779).

Г. Державина.

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.
Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ—снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть.
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.
Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся,
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою,
На то, чтобъ умереть родимся.
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.
Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ:
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапну похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Такъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.
Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился;
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣжъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!
Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь

И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ явствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.
Глядитъ на всѣхъ,—и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,—
И точитъ лезвее косы.
Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы гордость, съ бѣдностью совмѣстна;
Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.
Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость:
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ,
Желаніемъ честей размученъ,
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.
Но такъ и мужество пройдетъ
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе монетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите счастьи прочь возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою.
Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ, должно намъ, конечно:
Почтожъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока (1779).

Г. Державина.

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты
И мятели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихаго старика:
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ;
Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей,
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ Сѣверномъ рожденъ.
Родился—и въ ту минуту
Пересталъ ревѣть Борей;
Онъ дохнулъ—и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ— и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ—и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъ простеръ лишь дѣтски руки—
Ужъ, порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки—
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи:
Растворенъ судебъ чертогъ;
Я подумалъ въ изумленьи:
Знать родился нѣкій богъ.
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство;
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ утѣхи и пріятство;
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
„Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!“
Всѣ крылами восплескали,

Каждый Геній восклицалъ:
„Се божественный“, вѣщали,
Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ, всему полезный міру!
Даръ, добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!“
„Будетъ“—и Судьбы гласили—
„Онъ монархамъ образецъ!“
Лѣсъ и горы повторили:
„Утѣшеніемъ сердецъ!“
Симъ Россія восхищенна,
Токи слезны пролила;
На колѣни преклоненна,
Въ руки отрока взяла;
Воспріявъ его, лобзаетъ
Въ перси, очи и уста;
Въ немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота.
Всѣ его ужъ любятъ страстно,
Всѣхъ сердца ужъ онъ возжегъ:
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, нашъ полубогъ!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителямъ во всемъ!
Съ ихъ ты матерью равняясь,
Соравняйся съ божествомъ!

5. **Фелица** (1782).

Г. Державина.

Богоподобная Царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ;
Она мой духъ и умъ плѣняетъ:
Подай найти его совѣтъ.
Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.
Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.
Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клубъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня Парнасска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на востокъ:
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душею
Полезныхъ дней проводишь токъ.
А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью,
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ жизнь мою:
То плѣнъ отъ персовъ похищаю,
То стрѣлы къ туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.
Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи раличныхъ блюдъ,—
Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ,—
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ.
Или великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ англійской златой,
Съ собакой, шутомъ или другомъ,
Или съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ.
Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или, надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ.
Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу;
То въ жмурки рѣзвимся порой;

То въ свайку съ нею веселюся:
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю,
За библіей, зѣвая, сплю.
  Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ,
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ,
Путь добродѣтели прямой.

Видѣніе Мурзы (1783).

Г. Державина.

  На темноголубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна;
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своею рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ.
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
„Блаженъ“, воспѣлъ я, „кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ;
Что карлой онъ, и великаномъ,
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что все сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку и труды!
Блаженъ и тотъ, кому царевны
Какой бы ни было орды
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ
И сребророзовыхъ свѣтлицъ,
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ,
За розсказни, за растабары,
За вирши иль за что нибудь
Исподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ червонцы шлютъ!
Блаженъ!“—Но съ рѣчью сей незапно
Мое все зданье потряслось;
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена,
Сошла—и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона,
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча деснаго полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
Сафиросвѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ иль въ жару блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла.—
Пребудетъ образъ ввѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла!—
„Мурза!“ она вѣщала мнѣ:
Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь царямъ.
Вострепещи, мурза несчастный,
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны

Едва ли вѣрятъ на земли;
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ—тогда
Сей даръ боговъ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта—люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже,
А гдѣ поэты не льстецы?
И ты Сиренъ поющихъ грому,
Въ вредъ добродѣтели, не строй:
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ піитовъ похвала.
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ".
„Кого я зрю, столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты? богиня или жрица?"
Мечту стоящу я спросилъ.—
Она рекла мнѣ: „Я—Фелица!"
Рекла—и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ она явилась.
Мой богъ, мой ангелъ во плоти!...
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не могъ идти.
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
„Возможно ль, кроткая царевна!
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту,
За кажду мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному—очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ.
Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю
И что не изъ чужихъ амбаровъ
Тебѣ наряды я крою.
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Б о г ъ (1784).

Г. Державина.

О ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ—Богъ!
Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій,—
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ;
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.
Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,

А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ.
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ.
Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный, ясный день зимой
Былинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ:
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.
Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эфиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры—
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.
Какъ капля, въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія;
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?—
Въ воздушномъ океанѣ ономъ
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ—и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною;
А я передъ Тобой—ничто.
Ничто!—Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто!—Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь—конечно есь и Ты!
Ты есь! природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь—и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь—я рабъ,—я червь—я Богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ? безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился.
Отецъ! въ безсмертіе Твое.
Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей:
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Памятникъ (1796).

Г. Державина.

Я памятникъ воздвигъ себѣ чудесный, вѣчный;
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! весь я не умру: но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.
О Муза! возгордись заслугой справедливой
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай:
Непринужденною рукой, неторопливой
Чело твое безсмертія вѣнчай.

Водопадъ.

Г. Державина.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми:
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.
Шумитъ—и средь густого бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ,
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ:
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!
Вѣтрами ль сосны пораженны?
Ломаются въ тебѣ въ куски.
Громами ль камни отторженны?
Стираются тобой въ пески.
Сковать ли воду льды дерзаютъ?
Какъ пыль стекляна ниспадаютъ.
Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.
Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ;
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.
Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду,
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ;
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится.

Письма русскаго путешественника (1788—1790).

Н. М. Карамзина.

а) ТВЕРЬ, 18 Мая 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь! Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? не считалъ ли дней и часовъ? Но когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ: на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои; на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись, въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце; на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные, — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, разстроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращусь. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милый Птрв. провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ; „прости!“ Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались.... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь! Ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; на послѣдней станціи въ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ каррикатурами королевы французской и римскаго императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, „выплакать

сердце свое". Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ трогательномъ видѣ. Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезвычайно грустно. Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній! Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

б) ВЪ КАРЕТѢ ДОРОГОЮ (авг. 9).

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Счастливые швейцары! всякій-ли день, всякій-ли часъ благодарите вы небо за свое счастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть, конечно, пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу, не возмущаемую свирѣпыми страстями! Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! если бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой, когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ природы—чувствую я то же, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостію, если бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей; и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, если я когда-нибудь, какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропталъ на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!

в) О ФРАНЦУЗСКОЙ ТРАГЕДІИ.

На такъ называемомъ Французскомъ театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи. Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, немногихъ) нѣмцевъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкій, нѣжный вкусъ и къ искусствѣ писать могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго чувства натуры—простите мнѣ, священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ!—должны они уступить преимущество англичанамъ и нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ „mes feux", „ma foi", вездѣ греки и римляне à la française, которые таютъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами и, теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ автора прекрасныхъ стиховъ, des vers à retenir; они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностью приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными положеніями (situations), и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою.

Коротко сказать, творенія французской Мельпомены славны—и будутъ всегда славны—красотою слога и блестящими стихами; но если трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу, то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ, можетъ быть, ни двухъ истинныхъ трагедій, и д'Аланбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.

г) О ШЕКСПИРѢ.

Въ драматической поэзіи англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного автора; но этотъ авторъ есть Шекспиръ, и англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и съ самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ я не хочу и спорить. Забавные Шекспировы критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: какой смѣшной! какой чудакъ!

Всякій авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самый великій геній не можетъ взять мѣръ своихъ. Но всякій истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ

силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, откровеніе человѣческаго сердца и великія мысли, разсѣянныя въ драмахъ британскаго генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другого поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса!

Бѣдная Лиза (1792).

Н. М. Карамзина.

Можетъ быть, никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ хорошо окрестностей города сего, какъ я, потому что никто чаще моего не бываетъ въ полѣ, никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли—куда глаза глядятъ—по лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое лѣто нахожу новыя пріятныя мѣста или въ старыхъ новыя красоты.

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя, готическія башни Симонова монастыря. Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, которая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ на нее солнце; когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются тучные, густозеленые, цвѣтущіе луга; а за ними, по желтымъ пескамъ, течетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбачьихъ лодокъ или шумящая подъ рулемъ грузныхъ струговъ, которые плывутъ отъ плодоноснѣйшихъ странъ россійской имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые пастухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ простыя, унылыя пѣсни и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ единообразные. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ блистаетъ златоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой же сторонѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское съ высокимъ дворцомъ своимъ.

Часто прихожу на сіе мѣсто, и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачные дни осени горевать вмѣстѣ съ природою. Страшно воютъ вѣтры въ стѣнахъ опустѣвшаго монастыря, между гробовъ, заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келлій. Тамъ, опершись на развалины гробныхъ камней, внимаю глухому стону временъ, бездною минувшаго поглощенныхъ—стону, отъ котораго сердце мое содрогается и трепещетъ. Иногда вхожу въ келліи и представляю себѣ тѣхъ, которые въ нихъ жили—печальныя картины! Здѣсь вижу сѣдаго старца, преклонившаго колѣни передъ распятіемъ и молящагося о скоромъ разрѣшеніи земныхъ оковъ своихъ: ибо всѣ удовольствія исчезли для него въ жизни, всѣ чувства его умерли, кромѣ чувства болѣзни и слабости. Тамъ юный монахъ, съ блѣднымъ лицемъ, съ томнымъ взоромъ, смотритъ въ поле сквозь рѣшетку окна, видитъ веселыхъ птичекъ, свободно плавающихъ въ морѣ воздуха—видитъ, и проливаетъ горькія слезы изъ глазъ своихъ. Онъ томится, вянетъ, сохнетъ — и унылый звонъ колокола возвѣщаетъ мнѣ безвременную смерть его. Иногда на вратахъ храма разсматриваю изображеніе чудесъ, въ семъ монастырѣ случившихся: тамъ рыбы падаютъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами; тутъ образъ Богоматери обращаетъ непріятелей въ бѣгство. Все сіе обновляетъ въ моей памяти исторію нашего отечества — печальную исторію тѣхъ временъ, когда свирѣпые татары и литовцы огнемъ и мечемъ опустошали окрестности россійской столицы, и когда несчастная Москва, какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ.

Но всего чаще привлекаетъ меня къ стѣнамъ Симонова монастыря воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы. Ахъ! я люблю тѣ предметы, которые трогаютъ мое сердце и заставляютъ меня проливать слезы нѣжной скорби!

Саженяхъ въ семидесяти отъ монастырской стѣны, подлѣ березовой рощицы, среди зеленаго луга, стоитъ пустая хижина безъ дверей, безъ окончинъ, безъ полу; кровля давно сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ, лѣтъ за тридцать передъ симъ, жила прекрасная, любезная Лиза съ старушкою, матерью своею.

Отецъ Лизинъ былъ довольно зажиточный поселянинъ, потому что онъ любилъ работу, пахалъ хорошо землю и велъ всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣднѣли. Лѣнивая рука наемника худо обработывала поле, и хлѣбъ пересталъ хорошо родиться. Онѣ принуждены были отдать свою землю въ наемъ, и за весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего—ибо и крестьянки любить умѣютъ — день ото дня становилась слабѣе и совсѣмъ не могла работать. Одна Лиза, которая осталась послѣ отца пятнадцати лѣтъ, одна Лиза, не щадя своей нѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты

своей, трудилась день и ночь: ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды и продавала ихъ въ Москвѣ. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее къ слабобіющемуся сердцу, называла божескою милостію, кормилицею, отрадою старости своей, и молила Бога, чтобы Онъ наградилъ ее за все то, что она дѣлаетъ для матери. „Богъ далъ мнѣ руки, чтобы работать (говорила Лиза): ты кормила меня свою грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ; теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживятъ батюшки“. Но часто нѣжная Лиза не могла удержать собственныхъ слезъ своихъ—ахъ! она помнила, что у нея былъ отецъ, и что его не стало; но для успокоенія матери старалась таить печаль сердца своего и казаться покойною и веселою. „На томъ свѣтѣ, любезная Лиза (отвѣчала горестная старушка), на томъ свѣтѣ перестану я плакать. Тамъ, сказываютъ, будутъ всѣ веселы, я, вѣрно, весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть—что съ тобою безъ меня будетъ? на кого тебя покинуть? Нѣтъ, дай Богъ прежде пристроить тебя къ мѣсту! Можетъ быть, скоро сыщется добрый человѣкъ. Тогда, благословя васъ, милыхъ дѣтей моихъ, перекрещусь и спокойно лягу въ сырую землю“.

О любви къ отечеству и народной гордости.

Н. М. Карамзина.

Любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы, и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ. а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе, — а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные друзья освящаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, несмотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество!

Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лѣчиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется. Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству, ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ нашею, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ, служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій, и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая, или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга; съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ или звеньевъ.— На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который, по ненависти къ штатгальтеру и оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, библіотека: сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину природы, Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: „Никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей, и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ.

Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучать себя къ новостямъ, и мнѣ скучно".

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія — и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества: ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорою патріотизма. Такъ Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ Англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было немного патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ, — а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ.

Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Русскій долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе: ибо обстоятельства были для нихъ счастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго; станемъ смѣло на ряду съ другими; скажемъ ясно имя свое и повторимъ его съ благородною гордостію.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе: слава была колыбелью народа русскаго, а побѣда вѣстницею бытія его. Римская Имперія узнала, что есть Славяне: ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки Византійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ничто не могло противиться и которые отличались отъ другихъ сѣверныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ девятомъ вѣкѣ играли и забавлялись ужасомъ тогдашней новой столицы міра: имъ надлежало только явиться подъ стѣнами Константинополя, чтобы взять дань съ царей греческихъ. Въ первомъ-надесять вѣкѣ русскіе, всегда превосходные храбростію, не уступали другимъ европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по религіи тѣсную связь съ Царемъ-градомъ, который дѣлился съ нами плодами учености, и во время Ярослава были переведены на славянскій языкъ многія греческія книги. Къ чести твердаго русскаго характера служитъ то, что Константинополь никогда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на отечество наше. Князья любили разумъ и знаніе грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости. Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе князей приготовили торжество Чингисхановыхъ потомковъ и наши долговременныя бѣдствія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являютъ свое величіе. Такъ, Россія, терзаемая лютымъ врагомъ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе стыду рабства. Жители Владиміра, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гордости и тѣмъ спасли имя русскихъ отъ поношенія. Историкъ, утомленный сими несчастными временами, какъ ужасною безплодною пустынею, отдыхаетъ на могилахъ и находитъ отраду въ томъ, чтобы оплакивать смерть многихъ достойныхъ сыновъ отечества.

Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? который изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши устрашили востокъ и западъ. Тамерланъ, сидя на тронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра.

И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи! такъ славно отмстилъ врагамъ свирѣпымъ! Надлежало только быть на престолѣ рѣшительному, смѣлому государю. Народная сила и храбрость, послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣстили свое пробужденіе.

Времена самозванцевъ представляютъ опять горестную картину мятежа; но скоро любовь къ отечеству воспламеняетъ сердца—граждане, земледѣльцы требуютъ военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добродѣтельный Мининъ служитъ примѣромъ; и кто не можетъ отдать жизни отечеству, отдаетъ ему все, что имѣетъ... Древняя и новая исторія народовъ не представляетъ намъ ничего трогательнѣе сего общаго, геройскаго патріотизма. Въ царствованіе Александра позволено желать русскому сердцу, чтобы какой-нибудь достойный монументъ, сооруженный въ Нижнемъ Новѣгородѣ (гдѣ раздался первый гласъ любви къ отечеству), обновилъ въ нашей памяти славную эпоху русской исторіи. Такіе монументы возвышаютъ духъ на-

рода. Скромный монархъ не запретилъ бы намъ сказать въ надписи, что сей памятникъ сооруженъ въ его счастливое время.

Петръ Великій, соединивъ насъ съ Европою и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унизилъ народную гордость русскихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва великій государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, летѣли сражаться съ первою европейскою арміею. Явились генералы, нынѣ ученики, завтра примѣры для учителей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ; мы показали, какъ бьютъ шведовъ, турокъ, и наконецъ французовъ. Сіи славные республиканцы, которые еще лучше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ ужасныхъ штыкахъ, бѣжали въ Италіи отъ перваго взмаха штыковъ русскихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть великое свойство души: народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою.

Въ военномъ искусствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, оттого что имъ болѣе занимались, какъ нужнѣйшимъ для утвержденія государственнаго бытія нашего; однакожъ не одними лаврами можемъ хвалиться. Наши гражданскія учрежденія мудростію своею равняются съ учрежденіями другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людкость, тонъ общества, вкусъ въ жизни удивляютъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ осьмого-надесять вѣка считался варварскимъ.

Завистники Русскихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ высшей степени переимчивость, но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованія души? Сказываютъ, что учителя Лейбница находили въ немъ также одну переимчивость.

Въ наукахъ мы стоимъ еще позади другихъ, для того — и для того единственно, что менѣе другихъ занимаемся ими, и что ученое состояніе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, напримѣръ, въ Германіи, Англіи, и проч. Если бы наши молодые дворяне, учась, могли доучиваться и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ Боннетовъ. Успѣхи литературы нашей (которая требуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя науки) доказываютъ великую способность русскихъ. Давно ли знаемъ, что такое слогъ въ стихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У французовъ еще въ шестомъ-надесять вѣкѣ философствовалъ и писалъ Монтань: чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять на ряду съ ихъ лучшими, какъ въ живописи мыслей, такъ и въ оттѣнкахъ слога. Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою. Французскіе, англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе русскихъ. Расположеніе души моей, слава Богу, совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше парижскихъ жителей всѣ произведенія французской литературы, не хотятъ и взглянуть на русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о русскихъ талантахъ! Пусть же читаютъ французскіе и нѣмецкіе журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ. Кому не будетъ обидно походить на Даламбертову мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала отъ другихъ, что онъ умный человѣкъ? Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ русскаго языка. Это извиненіе хуже самой вины. Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ дамамъ утверждать, что Русскій языкъ грубъ и непріятенъ, что charmant и séduisant, expansion и vapeurs не могутъ быть на немъ выражены, и что, однимъ словомъ, не стоитъ труда знать его. Кто смѣетъ доказывать дамамъ, что онѣ ошибаются? Но мужчины не имѣютъ такого любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія для громкой, живописной поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармоніею, нежели французскій; способнѣе для изліянія души въ тонахъ; представляетъ болѣе аналогическихъ словъ, то-есть, сообразныхъ съ выраженнымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-французски, и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено ли, что не умѣемъ изъяснить имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Одинъ иностранный министръ сказалъ при мнѣ, что языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ: ибо Русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію, не разумѣютъ другъ друга и тотчасъ должны прибѣгать къ французскому. Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? Языкъ важенъ для патріота, и я люблю Англичанъ за то, что они лучше хотятъ свистать и шипѣть по-англійски, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

Есть всему предѣлъ и мѣра. Какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ, но долженъ со временемъ быть *самъ собою,* чтобы сказать: *я существую нравственно!* Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса въ жизни,

что могли бы жить, не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ? что тамъ носятъ, въ чемъ ѣздятъ и какъ убираютъ домы? Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку, и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!

До сего времени Россія безпрестанно возвышалась какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ. Можно сказать, что Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ, а мы еще въ срединѣ нашего славнаго теченія. Наблюдатель вездѣ видитъ новыя отрасли и раскрытія, видитъ много плодовъ, но еще болѣе цвѣта. Символъ нашъ есть пылкій юноша; сердце его, полное жизни, любитъ дѣятельность; девизъ его: *труды и надежда!* Побѣды очистили намъ путь къ благоденствію; слава есть право на счастіе.

О счастливѣйшемъ времени жизни.

Н. М. Карамзина.

Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость; однакожъ не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство.

Можно ли хвалить болѣзнь! а старость—сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны. Въ общемъ планѣ, можетъ быть; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и нельзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не философія, а игра ума. Философія занимается только ясными истинами, хотя и печальными, отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ для человѣка снять завѣсы съ дѣлъ своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы удостовѣренія. Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ счастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслію, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки. Однакожъ слова: благо и счастіе, справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другого—вотъ благо; одному лучше, нежели другому—вотъ счастіе!

Какую же эпоху жизни можно назвать счастливѣйшею по сравненію? Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть только животное), но послѣднюю степень физической зрѣлости—время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полнотѣ своей, и тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ природы, для нихъ уставленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашаетъ съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій характеръ благоразумія. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе передъ началомъ увяданія.

Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человѣка. Если бы умная нравственность была случайною принадлежностью существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли, уклоняясь отъ путей натуры: то она не могла бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнять ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни: ибо человѣкъ за тридцать пять лѣтъ, безъ сомнѣнія, не пылаетъ уже такъ страстями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его счастливѣе.

Въ сіе время люди по большей части бываютъ уже супругами, отцами, и наслаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями—семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія: живемъ дома, живемъ болѣе въ самихъ себѣ; требуемъ менѣе отъ людей и свѣта; менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено; стараемся возвеличить его достоинства пользою для общества; хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности обращаются для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе. Поля, нашими трудами обогащенныя, садикъ, нами обработанный, земледѣльцы, насъ благодарящіе, лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ намъ привязанныя—радуютъ мирную душу опытнаго человѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призраки воображенія и страстей, которые обольщаютъ младость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое

чувство жизни бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина. Такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть натуры: думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія! Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самого избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми природа и судьба украшаютъ стезю его въ мірѣ; человѣкъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе же время дѣйствуетъ и торжествуетъ геній. Ясный взоръ на міръ открываетъ истину; воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительно, вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и творенія ума человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ простирать руку къ потомству, быть современникомъ вѣковъ и гражданиномъ вселенной. Молодость любитъ въ славѣ только шумъ, а душа зрѣлая — справедливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолюбіе не волнуетъ, но сладостно покоитъ душу, среди монументовъ тлѣнія и смерти, открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысль утѣшительная для существа, которое столько любитъ жить и дѣйствовать, но столь недолговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній! не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню счастія: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ, которая бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтѣ; но не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы я сказать солнцу: остановися! если бы въ то же время могъ сказать и мертвымъ: возстаньте изъ гроба!

Исторія государства россійскаго (1803—1824).

Н. М. Карамзина.

а) ИСТОРІЯ ВООБЩЕ И ИСТОРІЯ РУССКАЯ ВЪ ЧАСТНОСТИ.

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ исторію: старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены вѣрѣ и дѣеписанію; омраченный густою сѣнію невѣжества народъ съ жадностью внималъ сказаніямъ лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая царства и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ, пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить объ немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане—въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абессиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть греки, римляне плѣняютъ воображеніе; они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя русское имѣетъ для насъ особенную прелесть:

сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. Всемірная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной державы: мысль цѣпенѣетъ! Никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земля, раздѣленная вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія могли составить одну державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ, Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы, являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостію и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи и просвѣтилъ божественною вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не-Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Греція и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи; однакожъ смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новагорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время междуцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы Храбрые, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверской, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно-мужественный Александръ-Невскій; герой-юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю монарха, достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра — и между сими двумя самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ, достойный своего счастія и несчастія, странный лже-Димитрій и, за сонмомъ доблественныхъ патріотовъ, бояръ и гражданъ, наставникъ трона, первосвятитель Филаретъ съ державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тьмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и царь Алексѣй, мудрый отецъ императора, коего назвала Великимъ Европа. Или вся новая исторія должна безмолвствовать, или россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца: но исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественные горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины; но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однакожъ, путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ: въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные.

б) ОСАДА И ВЗЯТІЕ КІЕВА ТАТАРАМИ.

Уже Батый давно слышалъ о нашей древней столицѣ днѣпровской, ея церковныхъ сокровищахъ и богатствѣ людей торговыхъ. Она славилась не только въ Византійской имперіи и въ Германіи, но и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ восточныхъ: ибо арабскіе историки и географы говорятъ объ ней въ своихъ твореніяхъ. Внукъ Чингисхана, именемъ Мангу, былъ посланъ осмотрѣть Кіевъ: увидѣлъ его съ лѣвой стороны Днѣпра и, по словамъ лѣтописцевъ, не могъ надивиться красотѣ онаго. Живописное положеніе города на крутомъ берегу величественной рѣки, блестящія главы многихъ храмовъ, въ густой зелени садовъ,—высокая бѣлая стѣна съ ея гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художествомъ византійскимъ въ счастливые дни Великаго Ярослава, дѣйствительно могли удивить степныхъ варваровъ. Мангу не отважился идти за Днѣпръ: сталъ на Трубежѣ, у городка Песочнаго (нынѣ селенія Песковъ), и хотѣлъ лестію склонить жителей столицы къ подданству. Битва на Калкѣ, на Сити, пепелъ Рязани, Владиміра, Чернигова и столь многихъ иныхъ городовъ свидѣтельствовали грозную силу монголовъ: дальнѣйшее упорство казалось безполезнымъ; но честь народная и великодушіе не слѣдуютъ внушеніямъ боязливаго разсудка. Кіевляне все еще съ гордостію имено-

вали себя старшими и благороднѣйшими сынами Россіи: имъ ли было смиренно преклонить выю и требовать цѣпей, когда другіе Россіяне, гнушаясь уничиженіемъ, охотно гибли въ битвахъ? Кіевляне умертвили пословъ Мангу-хана и кровію ихъ запечатлѣли свой обѣтъ не принимать мира постыднаго. Народъ былъ смѣлѣе князя: Михаилъ Всеволодовичъ, предвидя месть татаръ, бѣжалъ въ Венгрію, вслѣдъ за сыномъ своимъ. Внукъ Давида Смоленскаго, Ростиславъ Мстиславичъ, хотѣлъ овладѣть престоломъ кіевскимъ; но знаменитый Даніилъ Галицкій, свѣдавъ о томъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава, какъ плѣнника. Даніилъ уже зналъ монголовъ; видѣлъ, что храбрость малочисленныхъ войскъ не одолѣетъ столь великой силы, и рѣшился, подобно Михаилу, ѣхать къ королю венгерскому, тогда славному богатствомъ и могуществомъ, въ надеждѣ склонить его къ ревностному содѣйствію противъ сихъ жестокихъ варваровъ. Надлежало оставить въ столицѣ вождя искуснаго и мужественнаго: князь не ошибся въ выборѣ, поручивъ оную боярину Димитрію.

Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрипъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ верблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпный крикъ непріятелей, по сказанію лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ. Димитрій бодрствовалъ и распоряжалъ хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами могольскими; что знатнѣйшіе изъ нихъ суть: Гаюкъ (сынъ великаго хана), Мангу, Байдаръ (внуки Чингисхановы), Орду, Каданъ, Судай-Багадуръ, побѣдитель Ніучей китайскихъ, и Бастырь, завоеватель казанской Болгаріи и княженія суздальскаго. Сей плѣнникъ сказывалъ о Батыевой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началася приступомъ къ вратамъ Лятскимъ, къ коимъ примыкали дебри: тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: „стрѣлы омрачали воздухъ; копья трещали и ломались", мертвыхъ издыхающихъ попирали ногами. Долго остервенѣніе не уступало силѣ; но татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины россійскіе не теряли бодрости; отступили къ церкви Десятинной и, ночью укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля, а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города, однакожъ не было слова о переговорахъ: никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи; великодушная смерть казалась и воинамъ и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ моголы отдыхали на развалинахъ стѣны; утромъ возобновили оное и сломили бренную ограду Россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ св. Владиміра, и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ воеводѣ россійскому: „дарую тебѣ жизнь!" Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезнымъ для отечества..

Моголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія, нѣкогда знаменитая столица, мать градовъ россійскихъ, въ XIV и XV вѣкѣ представляла еще развалины; въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для Россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ кости св. Владиміра? Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ князей. Остался только надгробный памятникъ Ярославовъ, какъ бы въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая... Первое великолѣпное зданіе греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный, былъ сокрушенъ до основанія: послѣ, изъ развалинъ онаго, воздвигли новый, и на стѣнахъ его видимъ отрывокъ надписи древняго. Лавра Печерская имѣла ту же участь. Благочестивые иноки и граждане, усердные къ святынѣ сего мѣста, не хотѣли впустить непріятеля въ ограду его: моголы таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища и, снявъ златокованный крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ, вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими. Если вѣрить лѣтописцамъ XVII вѣка, то первобытное строеніе лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Они же повѣствуютъ, что нѣкоторые иноки Печерскіе укрылись отъ меча Батыева и жили въ лѣсахъ; что среди развалинъ монастыря уцѣлѣлъ одинъ малый предѣлъ, куда сіи пустынники собирались иногда отправлять службу божественную, извѣщаемые о томъ унылымъ и протяжнымъ звономъ колокола.

Батый, узнавъ, что князья южной Россіи находятся въ Венгріи, пошелъ въ область галицкую и владимірскую; осадилъ городъ Ладыжинъ и, не умѣвъ двѣнадцатью орудіями разбить крѣпкихъ

стѣнъ его, обѣщалъ помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему повѣрили, и ни одинъ изъ нихъ не остался живъ: ибо татары не знали правилъ чести и всегда, обманывая непріятелей, смѣялись надъ ихъ легковѣріемъ. Завоевавъ Каменецъ, гдѣ господствовалъ другъ Михайловъ, Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Игоревъ, татары отступили съ неудачею отъ Кременца, Даніилова города, но взяли Владиміръ, Галичъ и множество иныхъ городовъ. Великодушный воевода кіевскій, Димитрій находился съ Батыемъ и, сокрушаясь о бѣдствіяхъ Россіи, представлялъ ему, что время оставить сію землю, уже опустошенную, и воевать богатое государство Венгерское; что король Бела есть непріятель опасный и готовитъ рать многочисленную; что надобно предупредить его, или онъ всѣми силами ударитъ на моголовъ. Батый, уваживъ совѣтъ Димитріевъ, вышелъ изъ нашего отечества, чтобы злодѣйствовать въ Венгріи: такимъ образомъ сей достойный воевода россійскій и въ самомъ плѣнѣ своемъ умѣлъ оказать послѣднюю, важную услугу несчастнымъ согражданамъ. Благоденствіе и драгоцѣнная народная независимость погибли для нихъ на долгое время; по крайней мѣрѣ они могли возвратиться изъ лѣсовъ на пепелище истребленныхъ жительствъ; могли предать землѣ кости милыхъ ближнихъ, и въ храмахъ, немедленно возобновленныхъ ихъ общимъ усердіемъ, молиться Всевышнему съ умиленіемъ. Вѣра торжествуетъ въ бѣдствіяхъ и смягчаетъ оныя.

Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясенія и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ, отъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большой части народа, прибавляютъ: „Батый какъ лютый звѣрь пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе князья россійскіе пали въ битвахъ; другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ; искали заступниковъ между иновѣрными, и не находили; славились прежде богатствомъ, и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, предъ ихъ глазами растоптанныхъ конями татарскими, а дѣвы о своей невинности: сколь многія изъ нихъ, желая спасти оную, бросались на острый ножъ или въ глубокія рѣки! Жены боярскія, не знавшія трудовъ, всегда украшенныя златыми монистами и одеждою шелковою, всегда окруженныя толпою слугъ, сдѣлались рабами варваровъ, носили воду для ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бѣлыя руки свои опаляли надъ очагомъ, готовя пищу невѣрнымъ... Живые завидовали спокойствію мертвыхъ". Однимъ словомъ, Россія испытала тогда всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Римскою имперіею отъ временъ Ѳеодосія Великаго до седьмаго вѣка, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области. Варвары дѣйствуютъ по однимъ правиламъ и разнствуютъ между собою только въ силѣ.

в) МИТРОПОЛИТЪ ФИЛИППЪ.

Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ тружениковъ, Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями игуменъ Филиппъ, сынъ боярина Колычова, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности и служа примѣромъ строгой жизни для иноковъ-отшельниковъ. Государь слышалъ о Филиппѣ: дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни; помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостинницъ, плотинъ, ибо сей игуменъ былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣятельнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго: очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ пустыню; смягчилъ суровость климата; сдѣлалъ воздухъ благорастворениѣе. Безсмертный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ соловецкомъ, любимый, уважаемый Филиппомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова нрава; вѣроятно, что первый открывалъ игумену свою душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго царя, устройствомъ и счастіемъ царства: сіи бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика удаленный на край вселенныя, и не могъ ожидать такой славы. Никто, безъ сомнѣнія, не мыслилъ объ немъ, кромѣ Іоанна: отвергнувъ Германа, царь вздумалъ, мимо святителей, мимо всѣхъ архимандритовъ, возвести Филиппа на митрополію, желая изъявить тѣмъ свое особенное уваженіе къ христіанскимъ добродѣтелямъ и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его. Филиппъ, царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву для совѣта духовнаго, отслужилъ литургію, причастилъ всю братію и со слезами выѣхалъ изъ своей любимой обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда возвратится. За три версты отъ Новагорода встрѣтили смиреннаго Соловецкаго игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуетъ за нихъ предъ трономъ: ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ. Царь принялъ Филиппа съ отмѣнною честію, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно, и наконецъ объявилъ, что ему быть митрополитомъ. Пустынный инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не ввѣрять бремени великаго ладіи малой. Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предло-

жилъ условіе; сказалъ царю: „Повинуюся твоей волѣ; но умири же совѣсть мою: да не будетъ опричнины! да будетъ только единая Россія! ибо всякое раздѣленное царство, по глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества“. Іоаннъ имѣлъ власть надъ собою: остановилъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ; отвѣтствовалъ тихо: „развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня, что ближніе готовятъ мнѣ гибель?“ и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но скоро, выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестіемъ: увидѣли противное. Іоаннъ на сей разъ не хотѣлъ дать ему славы гонимаго за добродѣтель: желалъ склонить его къ безмолвію, явить слабымъ въ глазахъ Россіи, сдѣлать какъ бы соучастникомъ въ новыхъ правилахъ своего царствованія. Главные пастыри церковные служили для того орудіемъ. Повинуясь волѣ Іоанновой, они убѣждали Филиппа принять санъ митрополита безъ всякаго условія, думать единственно о благѣ церкви, не гнѣвить государя дерзостію, но утолить гнѣвъ его и премѣнить въ милосердіе кротостію; доказывали, что мнимая твердость Филиппова въ семъ случаѣ будетъ дѣйствіемъ гордости, несогласной съ духомъ истиннаго слуги Христова; что долгъ святителя есть молиться и наставлять царя единственно во спасеніи души, а не въ дѣлахъ царства. Нѣкоторые изъ святителей внутренно одобряли Филиппову смѣлость, но сами не имѣли ея; другіе— именно: Пименъ новогородскій, Филоѳей рязанскій — искали мірской чести и раболѣпствовали страстямъ Іоанновымъ. Убѣжденія ихъ поколебали Филиппа, не устрашеннаго царскимъ гнѣвомъ, не ослѣпленнаго блескомъ архипастырства, какъ доказало слѣдствіе, но, можетъ быть, смятеннаго мыслію отвергнуть сей верховный санъ дѣйствительно по внушенію тайной гордости, по упрямству и недовѣренности къ провидѣнію, которое властвуетъ надъ царями и не даетъ имъ выступать за черту его вышнихъ уставовъ, безъ сомнѣнія, мудрыхъ, хотя и неизъяснимыхъ для ума человѣческаго. Филиппъ отвѣтствовалъ: „да будетъ, что угодно государю и церковнымъ пастырямъ!“

Написали грамоту, въ коей сказано, что новый избираемый митрополитъ далъ слово архіепископамъ и епископамъ не вступать въ опричнину государеву и не оставлять митрополіи подъ тѣмъ предлогомъ, что царь не исполнилъ его требованія и запретилъ ему мѣшаться въ дѣла мірскія. Святители утвердили сію хартію своими подписями, и Филиппъ, заявленный врагъ опричнины, былъ немедленно возведенъ на митрополію, къ общему удовольствію народа, къ досадѣ развратныхъ любимцевъ Іоанновыхъ. Казалось, что государь одержалъ счастливую побѣду надъ собою, воздавъ честь добродѣтели. Митрополитъ уступилъ, но обнаруживъ свою важную мысль: россіяне узнали, чего онъ желаетъ, и могли надѣяться на будущее, имѣя такого первосвятителя. Всѣ добрые слушали съ восторгомъ привѣтственную рѣчь новаго митрополита къ Іоанну, истинно пастырскую: о долгѣ державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престолу, ослѣпляютъ умъ государей, служатъ ихъ страстямъ, а не отечеству, хвалятъ достойное хулы, порицаютъ достохвальное; о тлѣнности земнаго величія; о побѣдахъ невооруженной любви, которыя пріобрѣтаются государственными благодѣяніями и еще славнѣе побѣдъ ратныхъ. Казалось, что самъ Іоаннъ внималъ съ умиленіемъ гласу наставника, уже давно молчавшему въ семъ храмѣ; что сей нѣкогда любезный для него гласъ напомнилъ ему время счастливое и далъ вкусить сладость, имъ забвенную. Первые дни и мѣсяцы протекли въ мирѣ, въ надеждахъ для столицы. Затихли жалобы на кромѣшниковъ: чудовище вздремало. Царь ласкалъ митрополита, а сей добродѣтельный старецъ, какъ бы опасаясь забыть Соловецкую пустыню и строгій обѣтъ своей юности, началъ строить въ Москвѣ церковь во имя ея святыхъ, Зосимы и Савватія.

г) ІОАННЪ III.

Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной орды, подобной нынѣшнимъ киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростью возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь сибирскихъ и норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную, для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для России; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда, какъ свойственно великому, хитрому монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной

любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Онъ не только учредилъ единовластіе, до времени оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ украинскимъ или бывшимъ литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ, но былъ и первымъ, истиннымъ самодержцемъ Россіи, заставивъ благоговѣть передъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и св. Владиміра служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились титломъ бояръ, дворецкихъ, окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное. Предсѣдательствуя на соборахъ церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя главою духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ царями, величавый въ пріемѣ ихъ посольствъ, любилъ пышную торжественность; уставилъ обрядъ цѣлованія монаршей руки, въ знакъ лестной милости; хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны самодержавія сдѣлался какъ бы земнымъ богомъ для россіянъ, которые съ сего времени начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностью волѣ монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя Грознаго, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ, подобно своему внуку Іоанну Васильевичу Четвертому, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели монархій славятся нѣжною чувствительностью, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничитъ съ суровостью. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова: что просители боялись итти къ трону; что вельможи трепетали и на пирахъ во дворцѣ не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго приказа веселить его и веселиться.

Іоаннъ, какъ человѣкъ, не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донского, но стоитъ, какъ государь, на высшей степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе: она не плѣняетъ насъ, подобно великодушной смѣлости, но успѣхами медленными, какъ бы не полными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій? Славу. Іоаннъ оставилъ государство, удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія, то, которое нынѣ съ любовію и гордостью именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе монголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія державы образуются не механическимъ сцѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ державнымъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ исторіи славу его: знаменитый лѣтописецъ польскій Длугошъ въ 1480 году заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятеля Казиміра. Нѣмецкіе, шведскіе историки шестогонадесять вѣка согласно приписали ему имя Великаго, а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ: оба, безъ сомнѣнія, велики; но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ науками; призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы, и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ воинскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому монарху, къ чести, не къ униженію собственнаго народа.

Сатира: **Чужой толкъ** (1795).

И. Дмитріева.

„Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи равнымъ,
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньѣ славнымъ?
Какъ думаешь?... Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ... нечего читать!
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь—
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ, рѣзвясь, а не четыре дни:
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,

Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно, ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье—
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда,—короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!... а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ иль на что подобное тому:
Тутъ найдешь то, чего бъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: „зари багряны персты",
И „райскій кринъ", и „Фебъ", и „небеса отверсты"!
Такъ громко, высоко!... а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ".
Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно;
Но къ счастью—ежели назвать то счастьемъ можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ,—
Какой-то аристархъ съ нимъ началъ разговоръ.
„На это" онъ сказалъ „есть многія причины;
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторы вамъ охотно объявлю. . .
Я самъ языкъ боговъ, поэзію, люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однакожъ здѣсь въ Москвѣ толкался я, бывало,
Межъ нашихъ Пиндаровъ и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ—лейбъ-гвардіи капралъ,
Ассесоръ, офицеръ, какой нибудь подъячій,
Иль изъ кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ,—народъ все нужный, должностной;
Такъ часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риѳму лишь прибрать едва успѣетъ,
Затѣмъ что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ;
Лишь только мысль къ нему счастливая придетъ,
Вдругъ—било шесть часовъ! уже карета ждетъ:
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону*),
А тутъ и ночь... Когда жъ заѣхать къ Аполлону?
На-завтра, лишь глаза откроетъ—ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ... Куда же? Въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ арлекина ролю.
До оды ль тутъ? тверди, скачи два раза къ Кролю**),
Потомъ опять домой: здѣсь холься да рядись,
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять простись!
Къ тому жъ, у древнихъ цѣль была, у насъ другая:
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О! онъ—онъ бралъ не съ-высока:
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль—награда перстенькомъ;
Нерѣдко сто рублей, или дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова,
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ.
Судя жъ, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ русскихъ музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе же они, сказать вамъ не могу,
А только объявлю—и, право, не солгу—
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,
Котораго трудовъ Меркурій нашъ и Зритель***),
И книжный магазинъ и лавочки полны.
„Мы съ риѳмами на свѣтъ", онъ мыслилъ, рождены:
Такъ не смѣшно ли намъ, поэтамъ, согласиться—
На взморьѣ въ хижину, какъ Демосѳенъ, забиться,
Читать да думать все, и то, что вздумалъ самъ,
Разсказывать однѣмъ шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ, не учась, ученъ, какъ придетъ въ восхищенье:
Науки будутъ все науки, а не даръ;
Потребный же запасъ: отвага, риѳмы, жаръ".
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ поляковъ разгромилъ
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: „Ода!"
Потомъ въ одинъ присѣстъ: „такого дня и года!"
„Тутъ какъ?... „Пою!... Иль нѣтъ, ужъ это старина!"
Не лучше ль: „Даждь мнѣ, Фебъ"!...
Иль такъ: „Не ты одна
Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта!"
Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ чорта?
Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо, я лучше поброжу
И воздухомъ себя открытымъ освѣжу"
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
„Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ:
Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?

---

*) Бывшій содержатель въ Петербургѣ вольныхъ маскарадовъ.

**) Петербургскій портной.

***) Петербургскіе журналы.

Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ—
Неловко что-то все. Да просто напишу:
„Ликуй, герой, ликуй, герой, ты!" возглашу.
Изрядно! Тутъ же что! Тутъ надобенъ восторгъ!
Скажу: „Кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?
Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта
И то, и то"... А тамъ?... извѣстно: „многи лѣта!"
Брависсимо! и планъ, и мысли, все ужъ есть!
Да здравствуетъ поэтъ! осталося присѣсть
Да только написать, да и печатать смѣло!
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ, и въ шляпѣ дѣло!
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ!
Вотъ какъ пиндарилъ онъ и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
„Кто въ громкій славою Екатерининъ вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей и знай: онъ не поэтъ!"
Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ. Воспрянемъ! Марсій ожилъ!
Товарищи! къ столу, за перья! отомстимъ,
Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную сатиру
И оправдаемъ тѣмъ россійску громку лиру.

Примѣчаніе: Послѣ сатиры Дмитріева „Чужой толкъ" по программѣ слѣдуетъ читать басни Крылова, но таковыя здѣсь не приводимъ, такъ какъ достаточное количество ихъ было помѣщено въ „Практикѣ русскаго яз. I—IV кл." Вообще, произведенія, помѣщенныя уже раньше, здѣсь пропускаются, такъ какъ читатели знакомы съ ними.

Трагедія: **Эдипъ въ Аѳинахъ** (1804).

В. Озерова.

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ I.

Эдипъ и Антигона.

Эдипъ. Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.
Антигона. Здѣсь камень вижу я; надъ нимъ древа склонили
Густую сѣнь свою: ты отдохни на немъ!
Эдипъ *(сѣвши на камень).* Спокойно. Я мой вѣкъ на камнѣ кончу семъ.
Антигона. Ужасною тоской твои всѣ мысли полны.
Эдипъ. Увы, какъ въ бурный день свирѣпы гонятъ волны
И отвергаетъ брегъ обломки корабля,
Такъ небомъ и землей гонима жизнь моя!
Антигона. Какимъ мечтаніемъ смущаешь духъ унылой!
Эдипъ. Ахъ, я Эдипъ!
Антигона. Увы, ты съ большей прежде силой
Несправедливый гнѣвъ судьбы своей сносилъ!
Эдипъ. Печальну жизнь влачить недостаетъ мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чтобъ слезы лить, осталися мнѣ очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ взоръ
Ни красоты долинъ, ни возвышенныхъ горъ,
Ни въ вешній день лѣсовъ зеленыя одежды,
Ни съ жатвою полей, оратаевъ надежды,
Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела;
Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы.
При имени моемъ всѣ возстаютъ народы:
Какъ язва лютая, отвсюду я гонимъ!
Антигона. Мы здѣсь убѣжище найдемъ бѣдамъ своимъ.
Эдипъ. Съ какой жестокостью сыны меня изгнали!
Антигона. Почто возобновлять прошедшія печали?
Эдипъ. Я ихъ любилъ...
Антигона. Увы, забудь, забудь о нихъ
И вспоминаньемъ ранъ не растравляй своихъ!
Эдипъ. Предвижу ихъ бѣды: тщеславія развратомъ
Влекомый, Полиникъ не будетъ въ мирѣ съ братомъ...
На злость, на пагубу дѣтей извелъ я въ свѣтъ!
Антигона. Ужели предъ тобой и я виновна?
Эдипъ. Нѣтъ;
Ты утѣшенье мнѣ, любезна Антигона,
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника-отца забыла счастье ты,
Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы.
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы.
Антигона. Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той;
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетой;
Предпочитаю ихъ сіянію короны.
Опорой быть твоей—вотъ счастье Антигоны,
Вотъ титло славное превыше титловъ всѣхъ!
Спокойствіе твое дороже мнѣ утѣхъ.
Увы, родитель мой, гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей, чтобъ сдѣлалось съ тобою!
Ты древнюю главу къ кому бы приклонилъ?
На чью, на чью бы грудь ты слезы уронилъ?
Прохлады въ жаркій день въ моей ты ищешь тѣни;
Я сяду, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,
Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
Ахъ, свѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы забудемъ
И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ!
Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,
Но мнѣ защитою твоею быть дозволь.

Не позавидую въ моей тогда я долѣ
И братьевъ участи, сѣдящихъ на престолѣ.
Эдипъ. Награда сладости на толикихъ скорбныхъ лѣтъ...
О радость полная, моихъ превыше бѣдъ!
Приди, о дочь моя, приди, мое рожденье,
Да будетъ надъ тобой боговъ благословенье!
Живой отрадою наполнила мнѣ грудь,
Любви къ родителю въ примѣръ потомству будь!
О имени твоемъ повѣдаютъ народы,
И похвала твоя пройдетъ изъ рода въ роды.
Но, ахъ, печальна мысль!.. приблизился тотъ срокъ,
Когда разстаться намъ судилъ жестокій рокъ!
Антигона. Еще ты жизнь вести возможешь многи годы.
Эдипъ. Нѣтъ, нѣтъ, не льстись: пора исполнить кругъ природы!
Родится человѣкъ лѣтъ нѣсколько поцвѣсть,
Потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смерти дань отнесть.
Одинъ, шедъ малый путь, другой, прошедъ побольѣ,
Въ гробу покоятся сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ.
Но ты, о дочь моя, печаль свою умѣрь:
Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ отверзаетъ дверь.
Гдѣ мы?
Антигона. Въ долинѣ мы: окрестъ пустынны виды,
И близко межъ древесъ храмъ видѣнъ Эвмениды.
Эдипъ. Храмъ Эвменидъ? Увы, я вижу ихъ: онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ ко мнѣ,
Въ рукахъ змѣи шипятъ, ихъ очи распаленны,
И за собой ведутъ всѣ ужасы геенны.
Антигона. Въ забвенье страшное ума впадаетъ онъ!
Эдипъ. Гора несчастная, ужасный Киѳеронъ!
Ты, первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
Куда на страшну смерть извергъ меня родитель,
Скажи, пещеръ своихъ во мрачной глубинѣ
Скрывала ль ты когда чудовищъ, равныхъ мнѣ?
Антигона *(упадая на колѣни).* Спокойте мысль его, о вы, могущи боги!
Эдипъ. О сколько, фуріи, терзать меня вы строги!
Не вы ль на семъ пути мой обнажили мечъ,
Чтобъ жизнь родителя моей рукой пресѣчь?
Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня вы сочетали;
Изъ вашихъ змѣй вѣнцы намъ брачные сплетали;
Тамъ былъ не Гименей, Мегера тамъ была
И смрадный пламенникъ съ усмѣшкою зажгла.
Вы лютости свои, о фуріи! смягчите,
Иль жизнь Эдипову скорѣе прекратите! *(Упадаетъ на камень).*
Антигона. Отъ мыслей удали толь страшныя мечты!
Эдипъ *(не вставая и отталкивая ее).* Оставь, о Полиникъ! Меня отрекся ты,
Бѣги и не смущай моей минуты слезной!
Антигона. Ужель не узнаешь и дочери любезной?
Увы, родитель мой, познай хотя мой гласъ!
Нѣтъ Полиника здѣсь, весь міръ оставилъ насъ;
Одна я твоему свидѣтельница стону:
Молю, не отвергай усердну Антигону!
Эдипъ *(пришедъ въ себя).* Гласъ сладостный! О дочь, такъ ты одна при мнѣ?
Увы, я здѣсь мечталъ какъ бы въ ужасномъ снѣ!
Представились мнѣ мать, родитель, Эвмениды,
Неблагодарныхъ чадъ противные мнѣ виды
И все сцѣпленіе несносныхъ бѣдъ моихъ.
Сказала ты, что храмъ въ мѣстахъ воздвигнутъ сихъ;
Пойдемъ *(встаетъ)*, поищемъ въ немъ конца бѣдамъ ужаснымъ:
Едины алтари—прибѣжище несчастнымъ.

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 4.

Эдипъ, Антигона и Полиникъ.

Полиникъ. И такъ я осужденъ на вѣчныя мученья?
И такъ не должно мнѣ надѣяться прощенья?
Нѣтъ, недостоинъ я, чтобъ ты когда простилъ:
Я добродѣтели, природу оскорбилъ;
Неблагодаренъ былъ, я былъ безчеловѣченъ;
Твой справедливый гнѣвъ быть долженъ безконеченъ,
И клятвою твоей страданія, напасть,—
Вотъ все, что на землѣ мнѣ отдано на часть!
Но если можетъ въ насъ раскаянье живое
Къ намъ небо мстительно перемѣнить въ благое,
Когда боговъ оно съ злодѣями миритъ,
Твой гнѣвъ, твой правый гнѣвъ ужель не укротитъ?
Ужели въ ярости всегда пребудетъ твердымъ?
Родитель будетъ ли одинъ немилосердымъ?
Склонися къ милости, подобенъ будь богамъ *(бросается къ ногамъ Эдипа).*
Твой кающійся сынъ падетъ къ твоимъ ногамъ.
Тронись раскаяньемъ, въ которомъ я стенаю,
Почувствуй жаръ тѣхъ слезъ, которы проливаю!
Онѣ отъ чувствъ текутъ, душа источникъ имъ,
И ѣдкостью равны мученіямъ моимъ. *(По нѣкоторомъ молчаніи).* Но ты молчишь... но ты чело свое скрываешь...
Прошенья, жалобы и слезы отвергаешь,
Антигона *(упадаетъ къ ногамъ Эдипа).* Родитель мой! и я соединяюсь съ нимъ:
Чтобъ умолить тебя, паду къ ногамъ твоимъ.
Встрѣчались ли когда съ тобою огорченны,
Которы бъ не были въ печали облегченны,
Которыхъ рѣчью ты отрадной не дарилъ
И коихъ съ жизнію опять не примирилъ?
Иль сына своего ты не услышишь стона?
Эдипъ *(поднимая Антигону).*
Ты просишь за кого, любезна Антигона?
Пусть нечестивецъ сей тебя благодаритъ,
Что здѣсь чело мое еще онъ нынѣ зритъ,
Что слышитъ голосъ мой! Клянуся небесами,
Что безъ тебя его не тронулся бъ слезами.
Хотя бъ у ногъ моихъ въ сей часъ онъ умиралъ
И слова моего къ спасенью ожидалъ,
Никакъ бы жалости душа моя не изъявила:

Я бы безмолвенъ былъ, какъ хладная могила.
(*Къ Полинику*):
Скажи, злодѣй, чего ты хочешь отъ меня?
Полиникъ. Чтобъ, чувствія свои ко мнѣ перемѣня,
Мой стонъ услышалъ ты, раскаянье увидѣлъ,
И чтобъ родитель мой меня не ненавидѣлъ;
Нѣтъ, я не варваромъ, не извергомъ рожденъ:
Порокомъ могъ я быть мгновенно побѣжденъ
И уподобиться ужасному злодѣю;
Но душу пылкую, чувствительну имѣю,
И сердце нѣжное тобою мнѣ дано,
Увы, днесь страждуще, растерзано оно,
Покрыто язвами, тоскою изнуренно
И страшной клятвою твоей обременно!
Ты даровалъ мнѣ жизнь, даруй ее мнѣ вновь,
Дай сердцу тишину и возврати любовь!
Любовь твоя, какъ лучъ божественный, небесный,
Проникнетъ въ душу мнѣ, мой токъ престанетъ слезный,
И въ добродѣтеляхъ я укрѣплюся ей.
Родитель, убѣдись мольбою ты моей!
И, милосердія являя совершенство,
Дай сыну своему хоть разъ вкусить блаженство!
Ты согласись идти въ отеческу страну:
Мою передъ тобой исправлю тамъ вину.
Седмь вождей за меня всѣ силы воружаютъ;
Мой станъ, побѣда, тронъ Эдипа ожидаютъ;
Надъ войскомъ, надо мной тебѣ вручаю власть.
Ѳивъ стѣны горцыя должны предъ нами пасть;
И не изгнанника въ тебѣ увидятъ болѣ,
Но мощнаго царя на отческомъ престолѣ;
Страдальчествомъ своимъ достойнаго вѣнца,
И посреди дѣтей счастливаго отца.
Я буду подданнымъ послушнѣйшимъ, вѣрнѣйшимъ,
И ревностнымъ рабомъ, и изъ сыновъ нѣжнѣйшимъ.
Въ супругѣ же моей найдешь ты нѣжну дочь:
Въ день будетъ утѣшать, твой сонъ покоить въ ночь
И такъ любить тебя, какъ любитъ Антигона.
Повѣрь, иного мы не будемъ чтить закона,
Какъ волю лишь твою и, твой храня покой
Семейства цѣлаго союзною рукой,
Въ забвенье у тебя привесть мое злодѣйство.
Эдипъ. Какой несчастный царь тебя пріялъ въ семейство?
Какой отецъ возмогъ безъ чувствъ толико быть,
Чтобъ дочь свою тебѣ супругою вручить,
Чтобы предать ее на горесть и напасти?
Или онъ о моей не вѣдалъ скорбной части?
Жестокосердый сынъ и подданныхъ тиранъ,
Чувствительности даръ тебѣ ль когда былъ данъ?
Тебѣ ли можно быть отцемъ, супругомъ нѣжнымъ,
Главою чадъ своихъ и другомъ ихъ надежнымъ?
Для сердца твоего какой союзъ священъ?
Одною гордостью упитанъ, пресыщенъ,
Священнѣйшій союзъ ты испровергъ природы,
Который первымъ чтутъ по всей землѣ народы.
Нѣтъ, не раскаянье тебя ко мнѣ вело.
Тщеславіе твое унизило чело;
Оно причиною и слезъ твоихъ и стона:
Симъ чувствомъ приведенъ и алчностію трона.
Ты мыслишь оправдать предъ небомъ и землей
Войну, подъятую противъ страны своей,
Когда предлогомъ дашь Эдипа защищенье,
Мое въ отечество и къ трону возвращенье.
Полиникъ. Клянуся всѣмъ тебѣ, что свято съ мірѣ есть,
Что для тебя хочу скиптръ ѳивскій пріобрѣсть.
Эдипъ. Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь.
Сей скиптръ, который мнѣ толь щедро предлагаешь,
Не я ль оставилъ самъ, не я ли вамъ вручилъ,
Не я ли дней моихъ покой вамъ поручилъ,
Быть съ вами навсегда одной считавъ отрадой?
Неблагодарные! что было мнѣ наградой?
Презрѣнье, ненависть, изгнанье и позоръ.
Коль смѣешь, ты на мнѣ останови свой взоръ!
Зри ноги ты мои, скитавшись, изъявленны;
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны;
Ты зри главу мою, лишенную волосъ:
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ!
Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
Твой изгнанный отецъ, безъ пищи, безъ ночлега,
Не зналъ, куда главу несчастну приклонить;
Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой влачить;
И дебри темныя, и глубины пещерны,
Природа зрѣла всѣ злодѣйства безпримѣрны.
Иди, жестокій сынъ! усугубляй вины,
Будь истребителемъ отеческой страны,
Союзниковъ своихъ веди противу брата,
Яви еще примѣръ неслыханна разврата!
Но тамъ, у ѳивскихъ стѣнъ, не тронъ тебѣ готовъ:
Десница мстящая тамъ ждетъ тебя боговъ.
Отъ ѳивскихъ областей удѣлъ тебѣ сужденный
То мѣсто лишь одно, гдѣ ты падешь, сраженный.
Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я,
По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя;
Безъ гроба будешь ты; тебя земля не приметъ,
Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обыметъ,
И призоветъ звѣрей, птицъ хищныхъ изъ лѣсовъ
И домы подданныхъ твоихъ стрегущихъ псовъ.
Иди, бѣги, спѣши на ново преступленье!
Всѣхъ васъ я чуждъ: мнѣ дочь — семья и утѣшенье.

Сельское кладбище (1802).

В. А. Жуковскаго.

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ...
Повсюду тишина, повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.
Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.
Подъ кровомъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ,
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.
Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,
Ни крика пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье—
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.
На дымномъ очагѣ трескучій огнь, сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И дѣти рѣзвыя, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить.
Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И потомъ ихъ лица кропилася земля!
Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ,
Смѣяся въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ,
Пускай съ холодностью презрѣнія внимаютъ
Таящимся во тмѣ убогаго дѣламъ:
На всѣхъ ярится смерть: царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная... и нѣкогда найдетъ;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы,
И путь величія ко гробу насъ ведетъ.
А вы, наперсники фортуны ослѣпленны,
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите презирать
За то, что гробы ихъ не пышны и забвенны,
Что лесть имъ алтарей не мыслитъ воздвигать.
Вотще надъ мертвыми, истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія, блестятъ;
Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами:
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ.
Уже ль смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременитъ.
Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, иль мыслями парить!
Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ,
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждою умерщвленъ.
Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенной,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой;
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой!

Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гампденъ надменный,
Защитникъ согражданъ, тиранства смѣлый врагъ;
Иль кровію гражданъ Кромвель необагренный,
Или Мильтонъ нѣмой, безъ славы скрытый въ прахъ.
Отечество хранить державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуну презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать —
Того имъ не далъ рокъ; но вмѣстѣ преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣсный положилъ;
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ,
И быть жестокими къ страдальцамъ запретилъ —
Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять
И, раболѣпствуя, на жертвенникахъ лести,
Дары небесныхъ Музъ гордынѣ посвящать.
Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ долинѣ жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безпечно шли тропинкою своей...
И здѣсь спокойно спятъ подъ сѣнью гробовою —
И скромный памятникъ, въ пріютѣ соснъ густыхъ,
Съ непышной надписью и рѣзьбою простою,
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ прахомъ ихъ.
Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.
И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не плѣнялся
И взора томнаго назадъ не обращалъ?
Ахъ! нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой;
Ихъ сердце милый гласъ въ могилѣ нашей слышитъ;
Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной урнѣ дышитъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ.
А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный,
И твой ударитъ часъ, послѣдній, роковой;
И къ гробу твоему, мечтой сопровожденный,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой.
Быть можетъ, селянинъ съ почтенной сѣдиною
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
„Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить.
Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто, въ горести безпечной, молчаливой,
Лежалъ, задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой;
Нерѣдко въ вечеру, скитаясь межъ кустами —

Когда мы съ поля шли, и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечерню пѣснь—онъ томными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей.
Прискорбный, сумрачный, съ главою наклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенной,
Которому ничѣмъ души не усладить.
Взошла заря—но онъ съ зарею не являлся,
Ни къ ивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ не приходилъ;
Опять заря взошла—нигдѣ онъ не встрѣчался;
Мнѣ взоръ его искалъ—искалъ—не находилъ.
На утро пѣніе мы слышимъ гробовое...
Несчастнаго несутъ въ могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробіе простое,
Чтобъ память добраго слезой благословить."
Здѣсь пепелъ юноши безвременно сокрыли;
Что слава, счастіе, не зналъ онъ въ мірѣ семъ;
Но Музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.
Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою —
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ,
Дарилъ несчастныхъ онъ — чѣмъ только могъ—слезою;
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ.
Прохожій, помолись надъ этою могилой;
Онъ въ ней нашелъ пріютъ отъ всѣхъ земныхъ тревогъ,
Здѣсь все оставилъ онъ, что въ немъ грѣховно было,
Съ надеждою, что живъ его Спаситель-Богъ.

Людмила (1808).

В. А. Жуковскаго.

„Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?
Съ чужеземною красою
Знать въ далекой сторонѣ
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ;
Иль безвременно могила
Свѣтлый взоръ твой угасила?"
Такъ Людмила, пріунывъ,
Къ персямъ очи приклонивъ,
На распутіи вздыхала.
„Возвратится ль онъ—мечтала—
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ
Съ грозной ратію славянъ?"
Пыль туманитъ отдаленье;
Свѣтитъ ратныхъ ополченье;
Топотъ, ржаніе коней;
Трубный трескъ и стукъ мечей;
Прахомъ панцыри покрыты;
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратныхъ строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны..,
„Возвратились незабвенны!"...
А Людмила? Ждетъ—пождетъ...
„Тамъ дружину онъ ведетъ!"
„Сладкій часъ соединенья!"...
Вотъ проходитъ ополченье;
Миновался ратныхъ строй...
Гдѣ жъ, Людмила, твой герой?
Гдѣ твоя, Людмила, радость?
Ахъ! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нѣтъ.
Тихо въ теремъ свой идетъ;
Томну голову склонила:
„Разступись, моя могила!
Гробъ откройся! полно жить;
Дважды сердцу не любить".
„Что съ тобой, моя Людмила?"
Мать со страхомъ возопила,
„О, спокой тебя Творецъ!"
— Милый другъ! всему конецъ;
Что прошло—невозвратимо;
Небо къ намъ неумолимо;
Царь небесный насъ забылъ...
Мнѣ ль онъ счастья не сулилъ?
Гдѣ жъ обѣтовъ исполненье?
Гдѣ святое провидѣнье?
Нѣтъ, немилостивъ Творецъ;
Все прости! всему конецъ! —
„О Людмила, грѣхъ роптанье;
Скорбь — Создателя посланье;
Зла Создатель не творитъ;
Мертвыхъ стонъ не воскреситъ".
Ахъ! родная, миновалось!
Сердце вѣрить отказалось!
Я ль, съ надеждой и мольбой,
Предъ иконою святой.
Не точила слезъ ручьями?
Нѣтъ, безплодными мольбами
Не призвать минувшихъ дней;
Не цвѣсти душѣ моей.
Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежнихъ лѣтъ краса.
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимыхъ?
Возвращу ль невозвратимыхъ?—
„Царь небесъ, то скорби гласъ!
Дочь, воспомни смертный часъ;
Кратко жизни сей страданье,
Рай—смиреннымъ воздаянье,
Адъ—бунтующимъ сердцамъ;
Будь послушна небесамъ".
— Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
Съ милымъ вмѣстѣ—всюду рай;
Съ милымъ розно—райскій край
Безотрадная обитель.
Нѣтъ, забылъ меня Спаситель!—
Такъ Людмила жизнь кляла,
Такъ Творца на судъ звала...

Вотъ ужъ солнце за горами;
Вотъ усыпала звѣздами
Ночь спокойный сводъ небесъ;
Мраченъ долъ и мраченъ лѣсъ.
Вотъ и мѣсяцъ величавой
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ;
Съ горъ простерты длинны тѣни;
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зерцало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны...
Спятъ пригорки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спитъ...
Чу!... полночный часъ звучитъ.
Потряслись дубовъ вершины;
Вотъ повѣялъ отъ долины
Перелетный вѣтерокъ....
Скачетъ по полю ѣздокъ:
Борзый конь и ржетъ и пышетъ.
Вдругъ... идетъ... (Людмила слышитъ)
На чугунное крыльцо....
Тихо брякнуло кольцо....
Тихимъ шопотомъ сказали....
(Всѣ въ ней жилки задрожали)
То знакомый голосъ былъ,
То ей милый говорилъ:
— Спитъ иль нѣтъ, моя Людмила?
Помнитъ друга, иль забыла?
Весела, иль слезы льетъ?
Встань, женихъ тебя зоветъ.—
„Ты ль? Откуда въ часъ полночи?
Ахъ! едва прискорбны очи
Не потухнули отъ слезъ.
Знать, тронулся Царь небесъ
Бѣдной дѣвицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Гдѣ же былъ? Какой судьбой
Ты опять въ странѣ родной?“
— Близъ Наревы домъ мой тѣсный.
Только мѣсяцъ поднебесный
Надъ долиною взойдетъ,
Лишь полночный часъ пробьетъ—
Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ.
Поздно я пустился въ путь.
Ты моя; моею будь!...
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пѣнье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржалъ.
Ѣдемъ, ѣдемъ, часъ насталъ.—
„Переждемъ хоть время ночи;
Вѣтеръ всталъ отъ полуночи;
Хладно въ полѣ, боръ шумитъ;
Мѣсяцъ тучами закрытъ.“
— Вѣтеръ буйный перестанетъ;
Стихнетъ боръ, луна проглянетъ;
Ѣдемъ, намъ сто верстъ ѣзды.
Слышишь? Конь грызетъ бразды,
Бьетъ копытомъ съ нетерпѣнья.
Мигъ намъ страшенъ замедленья;
Краткій, краткій данъ мнѣ срокъ
Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далекъ.—
„Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колоколъ гудитъ“.
Вѣтеръ стихнулъ; боръ молчитъ;
Мѣсяцъ въ водный токъ глядится;
Мигомъ борзый конь домчится.—
„Гдѣ жь, скажи, твой тѣсный домъ?“
— Тамъ, въ Литвѣ, краю чужомъ;
Хладенъ, тихъ, уединенный,
Свѣжимъ дерномъ покровенный;
Саванъ, крестъ и шесть досокъ.
Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далекъ.—
Мчатся всадникъ и Людьмила.
Робко дѣва обхватила
Друга нѣжною рукой,
Прислонясь къ нему главой.
Скокомъ, летомъ по долинамъ,
По буграмъ и по равнинамъ;
Пышетъ конь, земля дрожитъ;
Брызжутъ искры отъ копытъ;
Пыль катится вслѣдъ клубами;
Скачутъ мимо нихъ рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
Съ громомъ зыблются мосты.
„Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
Мертвый съ дѣвицею мчится;
Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
Страшно ль, дѣвица, со мной?“
— Что до мертвыхъ! что до гроба!
Мертвыхъ домъ земли утроба.—
„Чу! въ лѣсу потрясся листъ,
Чу! въ глуши раздался свистъ.
Черный воронъ встрепенулся;
Вздрогнулъ конь и отшатнулся;
Вспыхнулъ въ полѣ огонекъ.“
— Близко ль, милый?—„Путь далекъ.“—
Слышутъ шорохъ тихихъ тѣней:
Въ часъ полуночныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой
Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
Въ цѣпь воздушную свились;
Вотъ за ними понеслись;
Вотъ поютъ воздушны лики:
Будто въ листьяхъ повилики
Вьется легкій вѣтерокъ;
Будто плещетъ ручеекъ.
„Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
Мертвый съ дѣвицею мчится;
Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
Страшно ль, дѣвица, со мной?“

— Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба. —
„Конь, мой конь, бѣжитъ песокъ;
Чую ранній вѣтерокъ;
Конь, мой конь, быстрѣе мчися!
Звѣзды утренни зажглися,
Мѣсяцъ въ облакѣ потухъ.
Конь, мой конь, кричитъ пѣтухъ".
— Близко ль, милый? — „Вотъ примчались!"

Слышутъ: сосны зашатались;
Слышутъ: спалъ съ воротъ запоръ;
Борзый конь стрѣлой на дворъ.
Что же, что въ очахъ Людмилы?
Камней рядъ, кресты, могилы,
И среди ихъ — Божій храмъ.
Конь несется по гробамъ;
Стѣны звонкій вторятъ топотъ,
И въ травѣ чуть слышный шопотъ —
Какъ усопшихъ тихій гласъ...
Вотъ денница занялась.

Что же чудится Людмилѣ?
Къ свѣжей конь примчась могилѣ,
Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ!
Вдругъ — глухой подземный громъ,
Страшно доски затрещали,
Кости въ кости застучали,
Пыль взвилася, обручъ хлопъ:
Тихо, тихо вскрылся гробъ...
Что же, что въ очахъ Людмилы?..
Ахъ невѣста, гдѣ твой милый?
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой — гробъ; женихъ — мертвецъ.

Видитъ: трупъ оцѣпенѣлый,
Прямъ, недвижимъ, посинѣлый,
Длиннымъ саваномъ обвитъ.
Страшенъ милый прежде видъ:
Впалы мертвыя ланиты;
Мутенъ взоръ полуоткрытый;
Руки сложены крестомъ.
Вдругъ привсталъ... манитъ перстомъ...
„Конченъ путь: ко мнѣ, Людмила!
Намъ постель — темна могила;
Завѣсъ — саванъ гробовой;
Сладко спать въ землѣ сырой".

Что жъ Людмила?.. Каменѣетъ,
Меркнутъ очи, кровь хладѣетъ,
Пала мертвая на прахъ.
Стонъ и вопли въ облакахъ;
Визгъ и скрежетъ подъ землею;
Вдругъ усопшіе толпою
Потянулись изъ могилъ;
Тихій, страшный хоръ завылъ:
„Смертныхъ ропотъ безразсуденъ;
Царь Всевышній правосуденъ;
Твой услышанъ стонъ Творецъ:
Часъ твой билъ, насталъ конецъ".

Изъ повѣсти: **Двѣнадцать спящихъ дѣвъ** (1811).

В. А. Жуковскаго.

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ рѣкой,
  Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь Громобой
  Сидѣлъ одинъ съ кручиной.
Окрестъ его дремучій боръ;
  Утесы подъ ногами;
Туманенъ видъ полей и горъ;
  Туманы надъ водами;
Подернутъ мглою сводъ небесъ;
  Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ темный лѣсъ,
  И волкъ во мракѣ рыщетъ.
Сидитъ съ поникшей головой
  И думаетъ онъ думу:
„Печальный, горькій жребій мой!
  Кляну судьбу угрюму!
Дала мнѣ крестъ тяжелый несть!
  Всѣмъ людямъ жизнь отрада:
Тѣмъ злато, тѣмъ покой и честь,
  А мнѣ — сума награда;
Нѣтъ крова защитить главу
  Отъ бури, непогоды...
Усталъ я! въ помощь васъ зову,
  Днѣпровски быстры воды".
Готовъ онъ прянуть съ крутизны...
  И вдругъ предъ нимъ явленье:
Изъ темной бора глубины
  Выходитъ привидѣнье —
Старикъ съ шершавой бородой,
  Съ блестящими глазами,
Въ дугу согнутый надъ клюкой,
  Съ хвостомъ, когтьми, рогами.
Идетъ, приблизился, грозитъ
  Клюкою Громобою...
И тотъ какъ вкопаный стоитъ,
  Зря диво предъ собою.
— Куда? невѣдовый спросилъ. —
  „Въ волнахъ скончать мученья."
— Почто жъ, безсмысленный, забылъ
  Во мнѣ искать спасенья? —
„Кто ты?" воскликнулъ Громобой,
  Отъ страха цѣпенѣя.
— Заступникъ, другъ, спаситель твой:
  Ты видишь Асмодея. —
„Творецъ небесный!„ — Удержись!
  Въ молитвѣ нѣтъ отрады;
Забудь о Богѣ — мнѣ молись:
  Мои вѣрнѣй награды.
— Прими отъ дружбы, Громобой,
  Полезное ученье:
Постигнутъ ты судьбы рукой,
  И жизнь тебѣ мученье;
Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ

Я способы имѣю;
Къ тебѣ нежалостивъ Творецъ—
Прибѣгни къ Асмодею.
Могу тебѣ я силу дать,
И честь и много злата,
И грудью буду я стоять
За друга и за брата.
— Клянусь... свидѣтель ада богъ,
Что клятвы не нарушу;
А ты, мой другъ, за то въ залогъ
Свою отдай мнѣ душу.—
Невольно вздрогнулъ Громобой,
По членамъ хладъ стремится,
Земли не взвидѣлъ подъ собой,
Нѣтъ силъ перекреститься.
— О чемъ задумался, глупецъ?—
„Страшусь мученій ада."
— Но рано ль, поздно ль... наконецъ
Все адъ твоя награда.
— Тебѣ на свѣтѣ жить—бѣда;
Покинуть свѣтъ—другая;
Останься здѣсь, поди туда—
Вездѣ погибель злая.
Ханжи-причудники твердятъ:
Лукавый бѣсъ опасенъ.
Не вѣрь имъ—бредни: веселъ адъ;
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ.
Мы жизнь пріятную ведемъ;
Нашъ адъ не хуже рая;
Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
Лишь въ адѣ жизнь прямая.
— Тебѣ я теремъ пышный дамъ
И тьму людей на службу;
Къ боярамъ, витязямъ, князьямъ
Тебя введу я въ дружбу;
Досель красавицъ ты пугалъ—
Придутъ къ тебѣ толпою;
И словомъ—вздумалъ, загадалъ,
И все передъ тобою.
И вотъ въ задатокъ кошелекъ:
Въ немъ вѣчно будетъ злато.
Но десять лѣтъ—не болѣе—срокъ
Тебѣ такъ жить богато.
— Когда жъ послѣдній день отъ глазъ
Исчезнетъ за горою,—
Въ послѣдній полуночный часъ
Приду я за тобою.—
Сталъ думу думать Громобой,
Подумалъ, согласился,
И обольстителю душой
За злато поклонился.
Разрѣзавъ руку, написалъ
Онъ кровью обѣщанье;
Лукавый принялъ и пропалъ,
Сказавши: до свиданья!

Но вотъ... настапъ десятый годъ;
Уже онъ на исходѣ;
И грѣшникъ горьки слезы льетъ:
Всему онъ чуждъ въ природѣ.
Опять украшены весной
Луга, пригорки, долы;
И пахарь веселъ надъ сохой,
И счастья полны селы.
Не зритъ лишь онъ златой весны:
Его померкли взоры,
Въ туманъ для нихъ погребены
Луга, долины, горы.
Денница ль красная взойдетъ—
„Прости, гласитъ, денница!"
Въ дубравѣ ль птичка пропоетъ—
„Прости, весны пѣвица!...
Прости—и мирные лѣса,
И нивы золотыя,
И неба свѣтлая краса,
И радости земныя!"
И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ;
Къ себѣ ихъ призываетъ;
И мнитъ: они Творца смягчатъ,
Невиннымъ Богъ внимаетъ.
И вотъ... насталъ послѣдній день;
Ужъ солнце за горою;
И стелется вечерня тѣнь
Прозрачной пеленою;
Ужъ сумракъ... смерклось.... вотъ луна
Блеснула изъ-за тучи;
Легла на горы тишина;
Утихъ и лѣсъ дремучій;
Рѣка сравнялась въ берегахъ;
Зажглись свѣтила ночи;
И сонъ глубокій на поляхъ,
И близокъ часъ полночи...
И мучимъ смертною тоской,
У Спасовой иконы
Безъ вѣры ищетъ Громобой
Отъ ада обороны.
И юныхъ чадъ къ себѣ призвалъ—
Сердца ихъ близки раю.
„Увы! молитесь!—(вопіялъ)
Молитесь, погибаю!"
Младенца внятенъ небу стонъ;
Невинныя молились;
Но вдругъ... на нихъ находитъ сонъ...
Замолкли... усыпились.
И все въ ужасной тишинѣ;
Окрестность какъ могила;
Вотъ... каркнулъ воронъ на стѣнѣ;
Вотъ... стая псовъ завыла.
И вдругъ... протяжно полночь бьетъ;
Нашли на небо тучи;
Рѣка надулась, боръ реветъ,
И мчится прахъ летучій.
Увы! послѣдній страшный бой
Отгрянулъ за горами...
Гулъ тише... смолкъ... и Громобой
Зритъ бѣса предъ очами.

— Ты видѣлъ, рекъ онъ, день изъ глазъ
 Сокрылся за горою;
Ты слышалъ: билъ послѣдній часъ;
 Пришелъ я за тобою.—
„О дай, молю, хоть малый срокъ;
 Терзаюсь; адъ ужасенъ.“
— Свершилось! неизбѣженъ рокъ,
 И поздній вопль напрасенъ.—
„Минуту!“—Слышишь? Цѣпь звучитъ.—
 „О страшный часъ! помилуй!“
— И гробъ готовъ, и саванъ сшитъ,
 И роютъ ужъ могилу.
— Заутра день взойдетъ во мглѣ:
 Подымутся стенанья;
Увидятъ трупъ твой на столѣ,
 Недвижный, безъ дыханья;
Кадилъ и свѣчъ въ дыму густомъ,
 При тихомъ ликовъ пѣньѣ,
Тебя запрутъ въ подземный домъ
 Навѣки въ заточенье;
И страшно заступъ застучитъ
 Надъ кровлей гробовою;
И тихо клиръ провозгласитъ:
 Усопшій, миръ съ тобою!
— И миръ не будетъ твой удѣлъ:
 Ты адово стяжанье!
Но время... идутъ... часъ приспѣлъ...
 Внимай ихъ завыванье;
Сошлись... призывный слышу кличъ...
 Ихъ челюсти зіяютъ;
Смола клокочетъ.... свищетъ бичъ....
 Оковы разжигаютъ.—
„Спаситель-Царь, вонми слезамъ!“
 Напрасное моленье!—
„Увы, позволь хоть сиротамъ
 Мнѣ дать благословенье!“
Младенцевъ спящихъ видитъ бѣсъ—
 Сверкнули страшно очи!
— Лишить ихъ царствія небесъ,
 Предать ихъ адской ночи...
Вотъ слава! мнѣ восплещетъ адъ
 И съ гордымъ сатаною.—
И, усміривъ грозящій взглядъ,
 Сказалъ онъ Громобою:
— Я внялъ твоей печали гласъ:
 Есть средство избавленья;
Покоренъ будь, иль въ адъ сейчасъ
 На скорби и мученья.
— Предай мнѣ души дочерей
 За временну свободу,
И дамъ, по милости своей,
 На каждую по году.—
„Злодѣй! губить невинныхъ чадъ!“
 Ты медлишь? приступите!
Низриньте грѣшника во адъ!
 На части разорвите!—
И вдругъ отвсюду крикъ и стонъ;
 Земля затрепетала;
И грянулъ громъ со всѣхъ сторонъ;
 И тьма бѣсовъ предстала.
Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ,
 Бѣгутъ, гремятъ цѣпями,
И стали грѣшника кругомъ
 Съ разверстыми когтями.
И ницъ повергся Громобой,
 Безчувственъ, полумертвый;
И вопитъ: „страшный врагъ, постой!
 Постой, готовы жертвы!“
И скрылись всѣ. Онъ будитъ чадъ...
 Онъ пишетъ ихъ рукою...
О страхъ! свершилось!... плещетъ адъ
 И съ гордымъ сатаною.

Свѣтлана (1813).

В. А. Жуковскаго.

Разъ въ Крещенскій вечерокъ
 Дѣвушки гадали:
За ворота башмачекъ,
 Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
 Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
 Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
 Клали перстень золотой,
 Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ
И надъ чашей пѣли въ ладъ
 Пѣсенки подблюдны.
Тускло свѣтится луна
 Въ сумракѣ тумана;
Молчалива и грустна
 Милая Свѣтлана.
„Что, подруженька, съ тобой?
 Вымолви словечко!
Слушай пѣсни круговой,
 Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: „кузнецъ,
„Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
 „Скуй кольцо златое:
„Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
„Обручаться тѣмъ кольцомъ
 „При святомъ налоѣ!“
— Какъ могу, подружки, пѣть!
 Милый другъ далеко!
Мнѣ судьбина умереть
 Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ:
 Онъ ко мнѣ не пишетъ,
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
 Имъ лишь сердце дышитъ.
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
 Гдѣ твоя обитель?

Я молюсь и слезы лью:
Утоли печаль мою,
  Ангелъ-утѣшитель!—
Вотъ въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
  Бѣлой пеленою,
И на томъ столѣ стоитъ
  Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
  „Загадай, Свѣтлана!
Въ чистомъ зеркала стеклѣ,
  Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
  Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
  Ужинать съ тобою".
Вотъ красавица одна
  Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
  Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
  Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
  Чуть ліетъ сіянье...
Робость въ ней волнуетъ грудь;
Страшно ей назадъ взглянуть;
  Страхъ туманитъ очи...
Съ трескомъ вспыхнулъ огонекъ;
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
  Вѣстникъ полуночи.
Подпершися локоткомъ,
  Чуть Свѣтлана дышитъ.
Вотъ—легохонько замкомъ
  Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
  За ея плечами.
Кто-то, чудилось, блеститъ
  Яркими глазами,
Занялся отъ страха духъ;
Вдругъ, въ ея влетаютъ слухъ
  Тихій, легкій шопотъ:
„Я съ тобой, моя краса!
Укротились небеса;
  Твой услышанъ ропотъ!"
Оглянулась—милый къ ней
  Простираетъ руки.
„Радость, свѣтъ моихъ очей,
  Нѣтъ для насъ разлуки!
Ѣдемъ! попъ ужъ въ церкви ждетъ
  Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ;
  Храмъ блеститъ свѣчами!"—
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
  Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
  Повода шелковы.
Сѣли—кони съ мѣста въ разъ;
  Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялась
  Вьюга надъ санями.
Скачутъ—пусто все вокругъ,
  Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ,
  Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
  „Что ты смолкнулъ милый?"
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
  Блѣденъ и унылый.
Кони мчатся по буграмъ,
  Топчутъ снѣгъ глубокій;
Вотъ въ сторонкѣ Божій храмъ
  Виденъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ;
  Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
  Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
  „Буди взятъ могилой!"
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ,
  Блѣденъ и унылой!
Вдругъ мятелица кругомъ;
  Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
  Вьется надъ санями.
Воронъ каркаетъ: печаль!
  Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
  Воздымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонекъ;
Виденъ мирный уголокъ—
  Хижинка подъ снѣгомъ;
Кони борзые быстрѣй,
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
  Мчатся дружнымъ бѣгомъ.
Вотъ примчалися—и вмигъ
  Изъ очей пропали;
Кони, сани и женихъ
  Будто не бывали.
Одинокая въ потьмахъ,
  Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
  Вкругъ мятель и вьюга;
Возвратиться—слѣду нѣтъ.
Виденъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
  Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ;
Дверь шатнулася, скрипитъ;
  Тихо растворилась.
Чтожъ? въ избушкѣ гробъ накрытъ.

Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ иконой.
Ахъ, Свѣтлана! что съ тобой?
Въ чью пришла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась;
Со крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.
Все утихло—вьюги нѣтъ;
Слабо свѣчка тлится:
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится;
Все въ глубокомъ, мертвомъ снѣ;
Страшное молчанье!...
Чу, Свѣтлана! въ тишинѣ
Легко журчанье!
Вотъ глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами!
Смолкло все опять кругомъ.
Вотъ Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится;
Сорвался покровъ; мертвецъ—
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Виденъ весь: на лбу вѣнецъ,
Затворенны очи.
Вдругъ въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣли.
Что же дѣвица? дрожитъ,
Гибель близко... но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.
Встрепенулся, развернулъ,
Легкія онъ крилы;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ...
Всей лишенный силы,
Возстенавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами...
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась!
Глядь, Свѣтлана—о Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ!
Ахъ!—и пробудилась.
Гдѣжъ? У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ.... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
„Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ онъ—
Горькую судьбину!
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей—
Радость иль кручину?"
Сѣла—тяжко ноетъ грудь—
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Виденъ сквозь тумана;
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій...
Чу! въ дали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе.... вотъ ужъ у воротъ....
Статный гость на дворъ идетъ...
Кто? женихъ Свѣтланы!
Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой: все тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Тажъ любовь въ его очахъ,
Тѣжъ пріятны взоры,
Тѣжъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жъ, Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты!
Соберитесь, старъ и младъ!
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи лѣты:
Улыбнись, моя краса,
На мою балладу!
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы;
Слава—насъ учили—дымъ;
Свѣтъ—судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
„Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ,
Счастье—пробужденье".
О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!...
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь

Къ ней да не коснется;
Въ ней душа какъ ясный день;
Ахъ! да пронесется
Мимо—бѣдствія рука!
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга.
Будь вся жизнь ея свѣтла!
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга!

Теонъ и Эсхинъ. (1815)

В. А. Жуковскаго.

Эсхинъ возвращался къ пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ,
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.
И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ —
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ, увяла душа:
Въ ней скука смѣнила надежду.
Ужъ взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость.
Все тѣжъ берега, и поля, и холмы,
И тоже прекрасное небо;
Но гдѣжъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?
Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ при домашнихъ пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.
Близь мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ:
То было жилище Теона.
Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны алѣли.
Изъ бѣлаго мрамора гробъ невдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ соплетались.
На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ.
Смотря на багряное море...
Вдругъ видитъ Эсхина—и вмигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.
„Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ пенатамъ!“
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина,
И взглядъ на него любопытный вперилъ:
Лице его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ:
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.
— Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда—лукавый предатель!
Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же ль судьбу возвѣщаетъ?
Ужель и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ пенатахъ?—
Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ...
Эсхинъ! вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь—
Но съ нею печаль неразлучна!
„О, нѣтъ! не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны!
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ.
Я видѣлъ земное блаженство.
„Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей.
„Вотъ счастье, о другъ мой, оно не мечта!
„Эсхинъ, я любилъ, и былъ счастливъ;
Любовью моя освѣтилась душа
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала!
„При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.
„Увы, я любилъ... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
На вѣки ль исчезло? и прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?
„О, нѣтъ! никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ:
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.
„И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?
„Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ...
Ахъ! свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла—
Онъ тотъ же—все ею онъ полонъ.
„По той же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ:
Сихъ узъ не разрушитъ могила.
„Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.
„Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни:
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ авроры.

„Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
  И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что *я человѣкъ*,
  Всегда возвышаюсь душою!
„А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
  О другъ мой! онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее жизни еще впереди,
  Что вѣрно желанное будетъ.
„Сей гробъ—затворенная къ счастію дверь;
  Отворится... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
  На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.
„О другъ мой! искавъ измѣняющихъ благъ,
  Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
  Ты жизнь презирать научился.
Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ.
  Дай руку! близь вѣрнаго друга
Съ природой и жизнью опять примирись;
  О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!
„Все Небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
  Все въ жизни къ великому средство;
И горесть и радость—все къ цѣли одной:
  Хвала жизнодавцу—Зевесу!“

Графъ Габсбургскій.

В. А. Жуковскаго (изъ Шиллера).

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
  Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ.
Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
  Въ сіяньи вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья рейнскій фальцграфъ разносилъ,
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ;
  И семь избирателей чиномъ,
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
  Предъ новымъ своимъ властелиномъ.
Кругомъ возвышался богатый балконъ,
  Ликующимъ полный народомъ,
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
  Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена,
  Судья надъ землею былъ снова;
И воля губить у меча отнята,
Не брошены слабый, вдова, сирота
  Могущимъ во власть безъ покрова.
И Кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
  Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
„Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной;
  „Все царскій мой духъ восхищаетъ;
„Но гдѣ жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
„Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ
  „Игрой и благимъ поученьемъ?
„Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
„Днесь Кесарь, покину ль обычай святой
  „Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?“
И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
  Выходитъ, одѣянъ таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
  Младымъ преисполненный жаромъ.
„Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ;
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
  О всемъ, что святого есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ...
О чемъ же властитель воспѣть повелитъ
  Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?“
— Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой,
  (Пѣвцу отвѣчаетъ властитель).
Онъ высшую силу призналъ надъ собой,
  Минута ему повелитель;
  По воздуху вихорь свободно шумитъ:
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
  Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
  При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ.—
И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
  И голосъ пріятный раздался:
„На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ
  За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ-другъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
  И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ;
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ,
  И слѣдомъ священникъ съ дарами.
„И набожный Графъ, умиленный душой,
  Колѣна свои преклоняетъ,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
  Предъ Тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
  Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь дары отдаетъ,
И обувь снимаетъ и смѣло идетъ
  Съ священною ношею въ воду.
„Куда? изумившійся графъ вопросилъ“.
  — Въ село; умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, что бъ пастырь его разрѣшилъ,
  И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ—
  Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
  Спѣшу обнаженной стопою. —
И пастырю витязь коня уступилъ,
  И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
  Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
  Священникъ же, требу святую

Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Приходитъ ко графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.
„Дерзнули ли помыслить я, графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь сей ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю-Богу служивши?
„Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня.
Отнынѣ Тому, чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила, и честь,
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу и честь и дыханье“.
— Да будетъ же вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почтитъ Онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь Онъ почтенъ былъ тобою;
Гельвеція славой сіяетъ твоей,
И шесть разцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будетъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ,
Да славятся въ роды и роды“.
И въ думѣ главу императоръ склонилъ;
Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ—
И таинство словъ объяснилось:
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой,
И слезы, изъ глазъ побѣжавши струей,
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ...
Все смолкло, на Кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

Изъ Одиссеи (1849).

В. А. Жуковскаго.

...... Златотронная Эосъ явилась
На небѣ; въ домъ свой богиня пошла, разлучившись со мною.
Я жъ, къ своему кораблю возвратясь, повелѣлъ, чтобъ не медля
Спутники всѣ на него собрались и канатъ отвязали;
Всѣ на него собралися и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Былъ намъ на темныхъ водахъ провожатымъ надежнымъ попутный
Вѣтеръ, пловцамъ благовѣющій другъ, парусовъ надуватель,
Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявой богиней.
Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы спокойно
Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинуясь кормилу и вѣтру.
Я жъ, обратяся къ сопутникамъ, такъ имъ сказалъ сокрушенный:
Должно не мнѣ одному, и не двумъ, лишь, товарищи, вѣдать
То, что намъ всѣмъ благосклонно богиня богинь предсказала:
Все вамъ открою, чтобъ, зная свой жребій, могли вы безстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избѣгнуть.
Прежде всего отъ волшебнаго пѣнья Сиренъ и отъ луга
Ихъ цвѣтоноснаго намъ уклониться велѣла богиня;
Мнѣ же ихъ голосъ услышать позволила; прежде однако
Къ мачтѣ меня корабельной веревкой надежною плотно
Вы привяжите, чтобъ былъ я совсѣмъ неподвиженъ; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтобъ сняли съ меня вы
Узы—двойными скрутите мнѣ узами руки и ноги.
Такъ говорилъ я, лишь нужное людямъ моимъ открывая.
Тою порой крѣпкозданный корабль нашъ, плывя, приближался
Къ острову страшныхъ Сиренъ, провожаемый легкимъ попутнымъ
Вѣтромъ; но вдругъ успокоился вѣтеръ и тишь воцарилась
На морѣ: Демонъ угладилъ пучины зыбучее лоно.
Вставши, товарищи парусъ ненужный свернули, сцѣпили
Съ мачты его, уложили на палубѣ, снова на лавки
Сѣли и гладкими веслами вспѣнили тихія воды.
Я же, не медля, медвянаго воску укругъ изрубивши
Въ мелкія части мечемъ, раздавилъ на могучей ладони
Воскъ; и мгновенно онъ сдѣлался мягкимъ; его благосклонно
Геліосъ, богъ жизнодатель, лучемъ разогрѣлъ теплоноспымъ.
Уши товарищамъ воскомъ тогда заклеилъ я; меня же
Плотной веревкой они по рукамъ и по ногамъ привязали
Къ мачтѣ такъ крѣпко, что было нельзя мнѣ ничѣмъ шевельнуться.
Снова подъ сильными веслами вспѣнилась темная влага.
Но въ разстояньи, въ какомъ призывающій голосъ бываетъ
Внятенъ, Сирены увидѣли мимо плывущій корабль нашъ.
Съ берегомъ онъ ихъ поравнялся; они звонкогласно запѣли:
„Къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава ахеянъ,

Къ намъ съ кораблемъ подойди; сладкопѣньемъ Сиренъ насладися;
Здѣсь ни одинъ не приходитъ съ своимъ кораблемъ мореходецъ,
Сердцеусладнаго пѣнья на нашемъ лугу не послушавъ;
Кто же насъ слышалъ, тотъ въ домъ возвращается, многое свѣдавъ.
Знаемъ мы все, что случилось въ Троянской землѣ, и какая
Участь по волѣ безсмертныхъ постигла троянъ и ахеянъ;
Знаемъ мы все, что на лонѣ земли многодарной творится".
Такъ насъ онѣ сладкопѣньемъ плѣнительнымъ звали. Влекомый
Сердцемъ ихъ слушать, товарищамъ подалъ я знакъ, чтобъ не медля
Узы мои разрѣшили: они же удвоенной силой
Начали гресть; а ко мнѣ подошедъ, Перимедъ съ Эврилохомъ
Узами новыми крѣпче мнѣ руки и ноги стянули.
Но когда удалился корабль нашъ и болѣе слышать
Мы не могли ужъ ни гласа, ни пѣнья Сиренъ бѣдоносныхъ,
Вѣрные спутники вынули воскъ размягченный, которымъ
Уши я имъ заклеилъ, и меня отвязали отъ мачты.
Островъ Сиренъ потеряли мы изъ виду. Вдругъ я увидѣлъ
Дымъ и волненья великаго шумъ повсемѣстный услышалъ.
Выпали весла изъ рукъ у гребцевъ устрашенныхъ; повиснувъ
Праздно, онѣ по волнамъ, колыхавшимъ ихъ бились; а судно
Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшія къ бѣгу.
Я же его обѣжалъ, чтобъ людей ободрить оробѣлыхъ;
Каждому сдѣлавъ привѣтствіе, ласково всѣмъ имъ сказалъ я:
Спутники, въ бѣдствіяхъ мы не безопытны; все мы сносили
Твердо, теперь же бѣда предстоитъ не страшнѣе постигшей
Насъ, заключенныхъ въ пещерѣ свирѣпою силой Циклона.
Мужествомъ, хитрымъ умомъ и совѣтомъ разумнымъ тогда я
Всѣхъ васъ избавилъ: о томъ не забыли вы, думаю; будьте жъ
Смѣлы и нынѣ, исполнивъ покорно все то, что велю вамъ.
Силу удвойте, гребцы, и дружнѣе по влагѣ зыбучей
Острыми веслами бейте; быть можетъ, Зевесъ покровитель
Намъ отъ погибели близкой уйти невредимо поможетъ.
Ты же вниманіе, кормщикъ, удвой; на тебя попеченье
Главное я возлагаю — ты правишь кормой корабельной:
Въ сторону долженъ ты судно отвесть отъ волненья и дыма,
Видимыхъ близко; держися на этотъ утесъ, чтобъ не сбиться
Въ бокъ по стремленью — иначе корабль несомнѣнно погибнетъ.
Такъ я сказалъ: все исполнилось точно и скоро; о Скиллѣ жъ
Я помянуть не хотѣлъ: неизбѣжно чудовище было;
Весла бъ они побросали отъ страха и, гресть переставши,
Праздно бъ столпились внутри корабля въ ожиданьи напасти.
Самъ же я, вовсе забывъ повелѣніе строгой Цирцеи,
Мнѣ запретившей оружіе брать для напраснаго боя,
Славныя латы не плечи накинулъ и, два мѣднoострыхъ
Въ руки схвативши копья, подошелъ къ корабельному носу
Въ мысляхъ, что прежде туда изъ глубокаго жадная Скилла
Бросится лога и тамъ ей попавшихся первыхъ похитить.
Тщетно искалъ я очами ее; утомилъ лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть въ глубокое нѣдро утеса.
Въ страхѣ великомъ тогда проходили мы тѣснымъ проливомъ;
Скилла грозила съ одной стороны, а съ другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды изъ чрева ея, какъ въ котлѣ, на огнѣ раскаленномъ,
Съ свистомъ кипѣли онѣ, клокоча и буровясь; и пѣна
Вихремъ взлетала на обѣ вершины утесовъ; когда же
Волны соленаго моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ея: передъ зѣвомъ ужасно
Волны сшибались, а въ нѣдрѣ утробы открытомъ кипѣли
Тина и черный песокъ. Мы, объятые ужасомъ блѣднымъ,
Въ трепетѣ очи свои на грозящую гибель вперяли.
Тою порой съ корабля шестерыхъ отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разомъ схватя ихъ, похитила Скилла;
Взоръ на корабль и на схваченныхъ вдругъ обратившi, успѣлъ я
Только ихъ руки и ноги вверху надъ своеиголовою
Мелькомъ примѣтить: они въ высотѣ призывающимъ гласомъ

Имя мое прокричали съ послѣднею скорбію сердца.
Такъ рыболовъ, съ каменистаго берега длинно-согбенной
Удой кидающій въ воду коварную рыбамъ приманку,
Рогомъ быка луговаго ихъ ловитъ; потомъ изъ воды ихъ
Выхвативъ, на берегъ жалко трепещущихъ быстро бросаетъ:
Такъ трепетали они въ высотѣ, унесенные жадною Скиллой.
Тамъ передъ входомъ пещеры она сожрала ихъ, кричащихъ
Громко и руки ко мнѣ простирающихъ въ лютомъ терзаньи.
Страшное тутъ я очами узрѣлъ и страшнѣй ничего мнѣ
Зрѣть никогда въ продолженіи странствій моихъ не случалось.

Посланіе къ Д. В. Дашкову (1812).

К. Н. Батюшкова.

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ—гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ—гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ—гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады —
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!..
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ!
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей—
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!
Нѣтъ, нѣтъ! Талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ, пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ врагомъ сомкнутымъ строемъ—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды Музы и Хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

Надежда.

К. Н. Батюшкова.

Мой духъ, довѣренность къ Творцу!
Мужайся, будь въ терпѣньи камень!
Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови мечъ врага
И градъ свинцовый отражала?
Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды, и гладъ, и непогоду,
И силу въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезею потаенной,
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ вожатый неизмѣнный?
Онъ! Онъ! Его все даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ Его! и краше всѣхъ
Даровъ надежда лучшей жизни!
Когда жъ узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ

Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

Тѣнь друга (1816).

К. Н. Батюшкова.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона;
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ;
За кораблемъ вилася Гальціона;
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ,
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ
Подъ небомъ сладостныхъ отеческой земли.
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели,
Мечты смѣнялися мечтами,
И вдругъ... то былъ ли сонъ?... предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейскими струями.
Но видъ не страшенъ былъ; чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло.
Какъ утро майское веселіемъ цвѣло
И все небесное душѣ напоминало.
„Ты-ль это?" милый другъ, товарищъ лучшихъ дней!
„Ты-ль это?" я вскричалъ, „о воинъ вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ,
Или протекшее все было сонъ, мечтанье,
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О, молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ,
Пускай рука моя, о незабвенный другъ,
Твою съ любовію сжимаетъ!..."
И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ огнистый полуночи,
Исчезъ,—и сонъ покинулъ очи.
Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины;
Стихіи грозныя казалися безмолвны;
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны.
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла—
Тебя, о милый братъ, о лучшій изъ друзей!

Умирающій Тассъ (1817).

К. Н. Батюшкова.

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ? къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвіей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою Апостоловъ намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому тріумфъ? Тебѣ, божественный пѣвецъ!
Тебѣ сей даръ... пѣвецъ Ерусалима!
И шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато;
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.
Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей столь поздніи награды,
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Незнающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ
И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
Онъ, съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:
„Друзья, о дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище,
Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
О древнее квиритовъ пепелище!
Земля священная героевъ и чудесъ,
Развалины и прахъ краснорѣчивый!
Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
Вы, тополи, вы, древнія оливы,
И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
Засѣянный костьми гражданъ вселенной:
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
Безвременной кончинѣ обреченной.
Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли.
Отъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ уже изгнанникъ,
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,

Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?
Соренто! колыбель моихъ несчастныхъ дней,
Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній,
Ты помнишь, сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
Увы, съ тѣхъ поръ, добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія.
Фортуною изрытыя пучины
Разверзлись подо мной, и громъ не умолкалъ!
Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну гонимый,
Я тщетно на земли пристанища искалъ:
Повсюду перстъ ея неотразимый!
Повсюду молніи карающей пѣвца!
Ни въ хижинѣ оратая простаго,
Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ, не спасъ главы моей,
Безславіемъ и славой удрученной,
Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней
Карающей богинѣ обреченной...
Друзья! но что мою стѣсняетъ страшно грудь?
Что сердце такъ и ноетъ и трепещетъ?
Откуда я? какой прошелъ ужасный путь,
И за что за мной еще во мракѣ блещетъ?
Феррара... Фуріи... и зависти змія!..
Куда? куда, убійцы дарованья?
Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
Вотъ слезы ихъ и сладки лобызанья...
И въ Капитоліи—Виргиліевъ вѣнецъ!
Такъ, я свершилъ назначенное Фебомъ:
Отъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ,
Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
И въ узахъ я душой не измѣнился;
Музъ сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
На берегахъ цвѣтущихъ Іордана;
Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
Въ величіи и блескѣ грозной славы:
Онъ зрѣлъ тебя, Годфредъ, владыко, вождь царей,
Подъ свистомъ стрѣлъ спокойный, величавый;
Тебя, младый Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ;
Въ любви, въ войнѣ счастливый побѣдитель;
Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ силъ,
Какъ огнь, какъ смерть, какъ ангелъ - истребитель...
И тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!
О доблести неслыханной примѣры!
О нашихъ праотцевъ, давно почившихъ сномъ,
Тріумфъ святой, побѣда чистой вѣры!
Торквато васъ исторгъ изъ пропасти временъ:
Онъ пѣлъ—и вы не будете забвенны;
Онъ пѣлъ: ему вѣнецъ безсмертья обреченъ,
Рукою Музъ и славы сплетенный.
Но поздно! я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!..."—
Умолкъ. Унылый огнь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У Парки взять тріумфа день единой.
Онъ взоромъ все искалъ Капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался,
Но, мукой страшною кончины изнуренъ,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужъ къ западу текло
И въ заревѣ багряномъ утопало;
Часъ смерти близился... и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ...
И, оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.
— „Смотрите, онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ,
Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!...
Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное свѣтило засіяетъ...
Ужъ ангелъ предо мной, вожатый оныхъ мѣстъ,
Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами...
Приближьте знакъ любви, сей таинственный крестъ...
Молитеся съ надеждой и слезами!...
Земное гибнетъ все... и слава и вѣнецъ...
Искусствъ и Музъ творенья величавы:
Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небренной славы!
Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Вашъ другъ достигъ желанной цѣли.
Отыдетъ съ миромъ онъ и, вѣрой укрѣпленъ,
Мучительной кончины не примѣтитъ:
Тамъ, тамъ... о счастіе!... средь непорочныхъ женъ;
Средь ангеловъ, Елеонора встрѣтитъ!"
И съ именемъ любви божественный погасъ;
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
День тихо догоралъ... и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
Погибъ Торквато нашъ! воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!..
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ,
И трауромъ покрылся Капитолій.

Изъ греческой антологіи (1820)

К. Н. Батюшкова.

а) ВЪ ОБИТЕЛИ НИЧТОЖЕСТВА УНЫЛОЙ...

Въ обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слезъ,
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ.
Ахъ, тщетно все! Изъ вѣчной сѣни
Ничѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни;
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе; все хладно, все молчитъ;
Надгробный факелъ мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что вы сдѣлали, властители небесъ?
Скажите, что краса такъ рано погибаетъ?
Но ты, о мать-земля; съ сей данью горькихъ слезъ,
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими и успокой въ гостепріимной сѣни.

Горе отъ Ума (1822—23).

А. С. Грибоѣдова.

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 7.

Софья, Лиза и Чацкій.

Чацкій. Чуть свѣтъ—ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ.
(Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку).
Ну, поцѣлуйте-же. Не ждали? Говорите:
Чтожъ, рады? Нѣтъ? Въ лице мнѣ посмотрите:
Удивлены—и только? Вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто бы вчера, вдвоемъ
Мы мочи-нѣтъ другъ другу надоѣли!
Ни на волосъ любви! Куда какъ хороши!
А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся; вѣтеръ, буря...
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ—
И вотъ за подвиги награда!
Софья. Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада!
Чацкій. Вы рады? Въ добрый часъ!
Однакожъ, искренно: кто радуется этакъ?
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей зноби,
Я только тѣшилъ самъ себя.
Лиза. Вотъ, сударь, если бы вы были за дверями:
Ей Богу, нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали мы васъ тутъ.
Сударыня, скажите сами.
Софья. Всегда, не только что теперь.
Не можете вы сдѣлать мнѣ упрека:
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изчужа, издалека,
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ,
Не повстрѣчалъ-ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ.
Чацкій. Положимте, что такъ.
Блаженъ, кто вѣруетъ: тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ, Боже мой, ужель я здѣсь опять,
Въ Москвѣ, у васъ? Да какъ же васъ узнать!
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ,
Играемъ и шутимъ по стульямъ и столамъ?...
Или: вашъ батюшка съ мадамой за пикетомъ,
Мы, въ темномъ уголкѣ, и кажется что въ этомъ?
Вы помните? Вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь.
Софья. Ребячество!
Чацкій. Да-съ, а теперь—
Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно;
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
Не влюблены ли вы? прошу мнѣ дать отвѣтъ.
Безъ думы, полноте смущаться...
Софья. Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ.
Чацкій. Помилуйте, не вамъ—чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
Тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ далъ промахъ;
Все тотъ же толкъ, и тѣ же стихи въ альбомахъ.
Софья. Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть свѣтъ?
Гдѣ жъ лучше?
Чацкій. Гдѣ насъ нѣтъ!
Ну, что вашъ батюшка? Все Англійскаго клуба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ-ли свой вѣкъ?
А этотъ—какъ его—онъ турокъ или грекъ...
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ...
Не знаю какъ его зовутъ...
Куда ни сунься: тутъ какъ тутъ
Въ столовыхъ и гостиныхъ?
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? нашъ кладъ?
На лбу написано: „театръ и маскарадъ";
Домъ зеленью росписанъ въ видѣ рощи;
Самъ толстъ, его артисты тощи.
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ—
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.
А тотъ чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!

Жить съ ними надоѣстъ, и въ комъ не сыщешь пятенъ?
Когда жь постранствуешь, воротишься домой—
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!
Софья. Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.
Чацкій. А тетушка? Все дѣвушкой Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ, къ воспитанью перейдемъ.
Что, ныньче такъ-же, какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки;
Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ.
Нашъ менторъ... помните: колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!..
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!
А Гильоме, французъ, подбитый вѣтеркомъ?
Онъ не женатъ еще?
Софья. На комъ?
Чацкій. Хоть на какой нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напримѣръ.
Софья. Танцмейстеръ? Можно-ли!
Чацкій. Чтожъ? Онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ;
А Гильоме... Здѣсь ныньче тонъ каковъ?
На съѣздахъ, на балахъ, по праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ?
Софья. Смѣсь языковъ?
Чацкій. Да, двухъ,—безъ этого нельзя-жъ.
Лиза. Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ!
Чацкій. По крайней мѣрѣ, не надутый.
Вотъ новости! Я пользуюсь минутой
Свиданьемъ съ вами оживленъ
И говорливъ; а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе?—Гдѣ онъ, кстати?
Еще-ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ, пристаетъ: „пожалуйте списать!"
А впрочемъ онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ:
Вѣдь ныньче любятъ безсловесныхъ.
Софья (*въ сторону*). Не человѣкъ—змѣя! (*громко*) Хочу у васъ спросить:
Случалось-ли чтобъ вы, смѣясь или въ печали,
Ошибкою добро о комъ нибудь сказали—
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть?
Чацкій. Когда все мягко такъ и нѣжно, и незрѣло?
На что же такъ давно? Вотъ доброе вамъ дѣло:
Звонками только что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустынѣ
Спѣшу къ вамъ, голову сломя,
И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю,—
Лице святѣйшей богомолки!...
А все таки я васъ безъ памяти люблю. (*Минутное молчаніе*).
Послушайте, уже ль слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему нибудь вреду?
Но если такъ, умъ съ сердцемъ не въ ладу:
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;
Велите жъ мнѣ въ огонь—пойду какъ на обѣдъ.
Софья. Да, хорошо, сгорите... если-жъ нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣже и Фамусовъ.

Фамусовъ. Вотъ и другой.
Софья. Ахъ, батюшка, сонъ въ руку! (*Уходитъ съ Лизой*).
Фамусовъ. (*Ей въ слѣдъ, вполголоса*). Проклятый сонъ!

ЯВЛЕНІЕ 9.

Фамусовъ и Чацкій (*смотритъ на дверь, въ которую Софья вышла*).

Фамусовъ. Ну выкинулъ ты штуку!
Три года не писалъ двухъ словъ
И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ (*обнимаются*).
Здорово, другъ; здорово, братъ, здорово!
Разсказывай: чай у тебя готово
Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй (*садятся*).
Чацкій. Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!
Фамусовъ. Вамъ, людямъ молодымъ, другого нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты:
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ!
Чацкій. Ахъ, нѣтъ! надеждами я мало избалованъ.
Фамусовъ. „Сонъ въ руку!"—мнѣ она изволила шепнуть...
Вотъ ты задумалъ...
Чацкій. Я? ничуть.
Фамусовъ. О комъ ей снилось? что такое?
Чацкій. Я не отгадчикъ сновъ.
Фамусовъ. Не вѣрь ей: все пустое.
Чацкій. Я вѣрю собственнымъ глазамъ:
Вѣкъ не встрѣчалъ, подписку дамъ,
Чтобъ было ей хоть нѣсколько подобно.
Фамусовъ. Онъ все свое. Да разскажи подробно,
Гдѣ былъ, скитался сколько лѣтъ?
Откудова теперь?

Чацкій. Теперь мнѣ до того-ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ,
И не объѣхалъ сотой доли *(Встаетъ поспѣшно).*
Простите! я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. Прощайте! черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей не забуду.
Вамъ первымъ; вы потомъ разсказывайте всюду.
(*Въ дверяхъ*) Какъ хороша! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Фамусовъ (одинъ).

Который же изъ двухъ?
„Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!“
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноватъ, какого-жъ далъ я крюку!
Молчалинъ давича въ сомнѣнье ввелъ меня;
Теперь... да въ полмя изъ огня:
Тотъ нищій, этотъ франтъ-пріятель,
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ.
Что за коммиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ! *(уходитъ)*.

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 1.

Фамусовъ и Слуга.

Фамусовъ. Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-ка календарь.
Читай, смотри, не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой-же. На листѣ черкни на записномъ,
Противу будущей недѣли:
„Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ,
Во вторникъ званъ я на форели“.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй—умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ;
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!
Отмѣть-ка: въ тотъ же день... нѣтъ, нѣтъ...
„Въ четвергъ я званъ на погребенье“.
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій долженъ самъ туда же лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть!
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ—вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключемъ,— и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ—и на богатой былъ женатъ;
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался—всѣ о немъ съ прискорбьемъ вспоминаютъ:
„Максимъ Петровичъ! миръ ему!“
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши: въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,
„Я долженъ у вдовы, у докторши, крестить“.
Она не родила, но, по расчету
По моему, должна родить.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Фамусовъ, Слуга и Чацкій.

Фамусовъ. А, Александръ Андреичъ, просимъ,
Садитесь-ка.
Чацкій. Вы заняты?
Фамусовъ (*слугѣ*). Поди (*слуга уходитъ*).
Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ:
Забудется, того гляди.
Чацкій. Вы что-то невеселы стали?
Скажите, отъ чего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.
Фамусовъ. Ахъ, батюшка! нашелъ загадку:
Не веселъ я!.. Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку.
Чацкій. Никто не приглашаетъ васъ;
Я только что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ: быть можетъ нездорова?
Фамусовъ. Тьфу, Господи прости! Пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и тоже!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже;
То Софья Павловна больна!
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ, не хочешь-ли жениться?
Чацкій. А вамъ на что?
Фамусовъ. Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни;
По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ не даромъ называли.
Чацкій. Пусть я посватаюсь, вы чтобы мнѣ сказали?
Фамусовъ. Сказалъ бы я, во первыхъ: не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно;
А главное—поди-ка послужи.
Чацкій. Служить бы радъ, прислуживаться тошно.
Фамусовъ. Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы,
Учились бы, на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ... или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ! Онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ...
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ:
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ важны... въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся—тупеемъ не кивнутъ;
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой: и пилъ, и ѣлъ иначе.
А дядя—что твой князь, что графъ!

Серьезный видъ, надменный нравъ;
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось отступиться:
Упалъ, да такъ, что чуть затылка не прошибъ...
Старикъ заохалъ... голосъ хрипкой...
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой —
Изволили смѣяться... Что же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,
Упалъ вдругорядь—ужъ нарочно;
А хохотъ пуще—онъ и въ третій также точно!
А? какъ по вашему? По нашему смышленъ:
Упалъ онъ больно—всталъ здорово.
За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ!... Да! Вы, нынѣшніе— нутка!
Чацкій. И точно, началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, —
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ,
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ:
Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда—тѣмъ спесь, лежи они въ пыли;
А тѣмъ, кто выше—лесть, какъ кружево плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха —
Все подъ личиною усердія къ царю!
Я не о дядюшкѣ о вашемъ говорю:
Его не возмутимъ мы праха.
Но, между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичекъ
Иной, глядя на тотъ скачекъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: ахъ, если бы мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи!
Фамусовъ. Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!
Чацкій. Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ.
Фамусовъ. Опасный человѣкъ!
Чацкій. Вольнѣе всякій дышитъ
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.
Фамусовъ. Что говоритъ! — и говоритъ какъ пишетъ.
Чацкій. У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...
Фамусовъ. Онъ вольность хочетъ проповѣдать!
Чацкій. Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...
Фамусовъ. Да онъ властей не признаетъ!
Чацкій. Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...
Фамусовъ. Строжайше бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжалъ къ столицамъ!
Чацкій. Я наконецъ вамъ отдыхъ дамъ...
Фамусовъ. Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!
Чацкій. Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно;
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу;
Ужъ такъ и быть, я не заплачу.
Фамусовъ. И знать васъ не хочу: разврата не терплю!
Чацкій. Я досказалъ.
Фамусовъ. Добро, заткнулъ я уши.
Чацкій. На что жъ? я ихъ не оскорблю.
Фамусовъ. *(скороговоркою)*.
Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши;
Воротятся—отъ нихъ порядка жди!
Чацкій. Я пересталъ...
Фамусовъ. Пожалуй, пощади!
Чацкій. Длить споры не мое желанье.
Фамусовъ. Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣже и Слуга.

Слуга. Полковникъ Скалозубъ.
Фамусовъ. *(ничего не видитъ и не слышитъ)*. Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ! Какъ пить дадутъ.
Чацкій. Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ.
Фамусовъ. Не слушаю: подъ судъ!
Чацкій. Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ.
Фамусовъ. Не слушаю: подъ судъ, подъ судъ!
Чацкій. Да обернитесь, васъ зовутъ.
Фамусовъ. *(оборачивается)*.
А? бунтъ! Ну, такъ и жду содома!....
Слуга. Полковникъ Скалозубъ. Прикажете принять?
Фамусовъ. *(встаетъ)*. Ослы! сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ же, торопись! *(слуга уходитъ)*.
Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличья нахваталъ;
Не по лѣтамъ и чинъ завидный:
Не нынче, завтра—генералъ!
Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько...
Эхъ, Александръ Андреичъ, дурно, братъ!
Ко мнѣ онѣ жалуетъ частенько:
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Сонюшкѣ. Пустое!

Онъ, можетъ быть, и радъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать, ни завтра, ни сегодня:
Вѣдь Софья молода. А впрочемъ—власть Господня!
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральныя идеи эти брось.
Однако, нѣтъ его! какую бы причину?...
А! знать пошелъ ко мнѣ въ другую половину
(*поспѣшно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Чацкій (одинъ).

Какъ суетится! что за прыть!
А Софья?.... нѣтъ ли впрямь тутъ жениха какого?
Съ которыхъ поръ меня дичится, какъ чужого?
Какъ здѣсь бы ей не быть?...
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ,
А можетъ быть, не только что отецъ?...
Ахъ, тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдаль уѣдетъ!

ЯВЛЕНІЕ 5.

Чацкій, Фамусовъ и Скалозубъ.

Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ сюда-съ,
Прошу покорно, здѣсь теплѣе;
Прозяли вы—согрѣемъ васъ;
Отдушничекъ отворимъ поскорѣе...
Скалозубъ. (*басомъ*). За чѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ?... Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ.
Фамусовъ. Неужто для друзей не дѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣеичъ дорогой!
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу.
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.
Скалозубъ. Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.
(*Всѣ трое садятся; Чацкій поодаль*).
Фамусовъ. Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними—наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы, а я подавно,—
Спасибо научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?
Скалозубъ. Не знаю-съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.
Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ, это вы-ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то за тѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку-ли, къ мѣстечку,—
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тому по службѣ получилъ.
Скалозубъ. Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.
Фамусовъ. Да, счастье, у кого есть этакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?
Скалозубъ. За третье августа; засѣли мы въ траншею:
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.
Фамусовъ. Любезный человѣкъ! И посмотрѣть, такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ!
Скалозубъ. Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему,—онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.
Фамусовъ. Вотъ молодость!... читать... а послѣ хвать!
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.
Скалозубъ. Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ;
Ваканціи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.
Фамусовъ. Да, чѣмъ Господь кого поищетъ, вознесетъ!
Скалозубъ. Бываетъ, моего счастливѣе везетъ:
У насъ, въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.
Фамусовъ. Помилуйте, а вамъ чего не достаетъ?
Скалозубъ. Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.
Фамусовъ. Въ погонь-ли за полкомъ!
За то, конечно, въ чемъ другомъ
За вами далеко тянуться.
Скалозубъ. Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы;
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу:
Мнѣ только бы досталось въ генералы.
Фамусовъ. И славно судите; дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ,—а тамъ
Зачѣмъ откладывать бы дальше—
Рѣчь завести о генеральшѣ...
Скалозубъ. Жениться? Я ничуть не прочь.
Фамусовъ. Чтожъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...

Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода;
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва?
Скалозубъ. Дистанція огромнаго размѣра.
Фамусовъ. Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть.
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцѣ и сыну честь;
Будь плохонькой, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,—
Пускай себѣ разумникомъ слыви,—
А въ семью не включать, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ.
Да это-ли одно?... возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь!
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ ровнехонько, про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь:
На юношей, сынковъ и внучатъ;
Журимъ мы ихъ, а если разберешь—
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ... что слово—приговоръ.
Вѣдь столбовые всѣ; въ усъ никому не дуютъ
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ... бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили—никогда!
Спаси насъ Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ и... разойдутся,
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму!
Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему, вездѣ; надъ ними нѣтъ судей.
За картами когда возстанутъ общимъ бунтомъ,
Дай Богъ терпѣнія,—вѣдь самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ, всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ,—
Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно. Можно ли воспитаннѣе быть?
Имѣютъ же себя онѣ принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой;
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,—
А потому, что патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва!
Скалозубъ. По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.
Фамусовъ. Не поминайте намъ! ужъ мало ли кряхтятъ!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все—на новый ладъ.
Чацкій. Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.
Фамусовъ. *(Чацкому)*. Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать, — не велика услуга.
(Скалозубу).
Позвольте, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
Не служитъ, то есть въ томъ онъ пользы не находитъ,
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой;
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ...
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...
Чацкій. Нельзя-ли пожалѣть о комъ нибудь другомъ
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.
Фамусовъ. Не я одинъ — всѣ такъ-же осуждаютъ.
Чацкій. А судьи кто?.. За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима;
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма;
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и туже,
Не замѣчая о себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажи намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не тѣ ли, что, грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ
И гдѣ не воскресятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты!
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ ли, вы къ кому меня, еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитятею возили на поклонъ,—
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь и жизнь его не разъ спасали... вдругъ
Онъ вымѣнялъ на нихъ борзыя три собаки!
Или вотъ тотъ еще, который, для затѣй,

На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
Но кредиторовъ тѣмъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по-одиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ,
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій:
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,—
Они тотчасъ: разбой, пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.
Мундиръ! одинъ мундиръ!... Онъ въ прежнемъ ихъ быту
Когда-то укрывалъ—расшитый и красивый—
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету...
И намъ за ними въ путь счастливый!
И въ женахъ, въ дочеряхъ къ мундиру та же страсть.
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть;
Но кто-бъ тогда за всѣми не увлекся,
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины—ура!
И въ воздухъ чепчики бросали.
Фамусовъ. *(про себя)*. Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду!
(Громко) Сергѣй Сергѣичъ, я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Скалозубъ и Чацкій.

Сколозубъ. Мнѣ нравится: при этой смѣтѣ,
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, гвардіонцамъ.
Ихъ золоту, шитью дивятся, будто солнцамъ.
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено, и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные по-французски!

ДѢИСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 3.

Чацкій и Молчалинъ.

Чацкій. Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя ныньче? безъ печали?
Молчалинъ. По прежнему-съ.
Чацкій. А прежде какъ живали?
Молчалинъ. День за-день, ныньче какъ вчера.
Чацкій. Къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?
Молчалинъ. По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.
Чацкій. Взманили почести и знатность?
Молчалинъ. Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ.
Чацкій. У васъ?
Молчалинъ. Два-съ:
Умѣренность и аккуратность.
Чацкій. Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ всѣхъ!
Молчалинъ. Вамъ не дались чины? по службѣ неуспѣхъ?
Чацкій. Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.
Молчалинъ. Какъ удивлялись мы...
Чацкій. Какое жъ диво тутъ?
Молчалинъ. Жалѣли васъ.
Чацкій. Напрасный трудъ.
Молчалинъ. Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...
Чацкій. Ей почему забота?
Молчалинъ. Татьянѣ Юрьевнѣ?
Чацкій. Я съ нею незнакомъ.
Молчалинъ. Съ Татьяной Юрьевной?
Чацкій. Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.
Слыхалъ, что вздорная...
Молчалинъ. Да это, полно, та ли-съ?
Татьяна Юрьевна!... извѣстная... притомъ
Чиновные и должностные—
Всѣ ей друзья и всѣ родные.
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ...
Чацкій. На что-же?
Молчалинъ. Такъ... Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не метимъ.
Чацкій. Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.
Молчалинъ. Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ нельзя богаче
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, чтобы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать и весело пожить.
Чацкій. Когда въ дѣлахъ—я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться—дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ,—я не изъ ихъ числа.
Молчалинъ. Простите. Впрочемъ тутъ не вижу преступленья;
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ... знакомъ онъ вамъ?

Чацкій. Ну что жъ?
Молчалинъ. При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья,
Изъ Петербурга къ намъ переведенъ.
Чацкій. Хорошъ!
Пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ!
Молчалинъ. Какъ можно!
Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ.
Читали вы?
Чацкій. Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.
Молчалинъ. Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть.
Не сочинитель я...
Чацкій. И по всему замѣтно.
Молчалинъ. Не смѣю моего сужденья произнесть...
Чацкій. За чѣмъ же такъ секретно?
Молчалинъ. Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.
Чацкій. Помилуйте, мы съ вами не ребяты!
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?
Молчалинъ. Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ.
Чацкій. Зачѣмъ же надобно?
Молчалинъ. Въ чинахъ мы небольшихъ.
Чацкій. (*почти громко*). Съ такими чувствами, съ такой душою
Любимъ!... Обманщица смѣялась надо мною!

ЯВЛЕНІЕ 4.

Вечеръ. Всѣ двери настежь, кромѣ двери въ спальню къ Софьѣ. Въ перспективѣ открывается рядъ освященныхъ комнатъ; слуги суетятся; одинъ изъ нихъ, главный, говоритъ;

Эй, Филька! Ѳомка! ну, ловчѣй!
Столы для картъ, мѣлъ, щетки и свѣчей.
(*Стучится къ Софьѣ въ дверь*).
Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и съ мужемъ; и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета. (*Расходятся; остается одинъ Чацкій*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Чацкій, Наталья Дмитріевна.

Наталья Дмитріевна. Не ошибаюсь-ли?... онъ точно по лицу!
Ахъ, Александръ Андреичъ, вы-ли?
Чацкій. Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы—
Неужто тамъ меня три года измѣнили?
Наталья Дмитріевна. Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
Давно-ли?
Чацкій. Ныньче лишь...
Наталья Дмитріевна. Надолго?
Чацкій. Какъ случится.
Однако кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ,
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.
Наталья Дмитріевна. Я замужемъ.
Чацкій. Давно бы вы сказали.
Наталья Дмитріевна. Мой мужъ—прелестный мужъ; вотъ онъ сейчасъ войдетъ;
Я познакомлю васъ, хотите?
Чацкій. Прошу.
Наталья Дмитріевна. И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.
Чацкій. Я вѣрю: онъ вамъ мужъ.
Наталья Дмитріевна. О, нѣтъ-съ! не потому:
Самъ по себѣ, по нраву, по уму,
Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!
Теперь въ отставкѣ, былъ военный;
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ,
Конечно былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Чацкій, Наталья Дмитріевна и Платонъ Михайловичъ.

Наталья Дмитріевна. Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!
Чацкій. Ба!
Другъ старый! Мы давно знакомы. Вотъ судьба!
Платонъ Михайловичъ. Здорово, Чацкій, братъ!
Чацкій. Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ: ведешь себя исправно!
Платонъ Михайловичъ. Какъ видишь, братъ:
Московскій житель и женатъ.
Чацкій. Забытъ шумъ лагерные, товарищи и братья?
Спокоинъ и лѣнивъ?
Платонъ Михайловичъ. Нѣтъ, есть таки занятья:
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный...
Чацкій. Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже.
Платонъ Михайловичъ. Братъ, женишься, тогда меня вспомянь:
Отъ скуки будешь ты свистать одно и тоже.
Чацкій. Отъ скуки? какъ? ужъ ты ей платишь дань?
Наталья Дмитріевна. Платонъ Михайлычъ къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь, къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу... иногда скучаетъ по утрамъ.
Чацкій. А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ! эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или штабъ?
Наталья Дмитріевна. Платонъ Михайлычъ здоровьямъ очень слабъ:
Чацкій. Здоровьемъ слабъ? Давно ли?

Наталья Дмитріевна. Все ревматизмъ и головныя боли.

Чацкій. Движенья болѣе! Въ деревню, въ теплый край!
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.

Наталья Дмитріевна. Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубитъ?

Чацкій. Москву и городъ!... ты чудакъ,
А помнишь прежнее?

Платонъ Михайловичъ. Да, братъ, теперь не такъ!

Наталья Дмитріевна. Ахъ, мой дружочекъ,
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ!
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ.

Платонъ Михайловичъ. Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна. Послушайся разочекъ, мой милый, застегнись скорѣй.

Платонъ Михайловичъ. (*равнодушно*). Сейчасъ.

Наталья Дмитріевна. Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади.

Платонъ Михайловичъ. Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна. Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди!

Платонъ Михайловичъ. (*поднимая глаза къ небу*). Ахъ, матушка!

Чацкій. Ну, Богъ тебя суди:
Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время!
Не въ третьемъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? Лишь утро—ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ тыла.

Платонъ Михайловичъ (*вздыхаетъ*). Эхъ, братецъ! славное тогда житье-то было!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ-же, князь Тугоуховскій и княгиня, съ шестью дочерьми.

Наталья Дмитріевна. (*тоненькимъ голоскомъ*).
Князь Петръ Ильичь, Княгиня! Боже Мой!
Княжна Зизи! Мими! (*Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ*).

1-я княжна. Какой фасонъ прекрасный!

2-я княжна. Какія складочки!

1-я княжна. Обшито фалбарой.

Наталья Дмитріевна. Нѣтъ, еслибъ видѣли мой тюрлюрлю атласный!

3-я княжна. Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!

4-я княжна. Ахъ, да, барежевый!

5-я княжна. Ахъ, прелесть!

6-я княжна. Ахъ, какъ милъ!

Княгиня. Тсъ! Кто это въ углу, вошли мы, поклонился?

Наталья Дмитріевна. Пріѣзжій, Чацкій.

Княгиня. От-став-ной?

Наталья Дмитріевна. Да, путешествовалъ, недавно воротился.

Княгиня. И хо-ло-стой?

Наталья Дмитріевна. Да, не женатъ.

Княгиня. Князь, князь! сюда, живѣе!

Князь. (*обращаетъ къ ней слуховую трубку*). О, хмъ!

Княгиня. Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе
Натальи Дмитріевны знакомаго: вонъ онъ...

Князь. И—хмъ! (*Отправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ*).

Княгиня. Вотъ то-то дѣтки!
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ.
Танцовщики ужасно стали рѣдки!
Онъ камеръ-юнкеръ?

Наталья Дмитріевна. Нѣтъ.

Княгиня. Богатъ?

Наталья Дмитріевна. О, нѣтъ!

Княгиня. (*громко, что есть мочи*). Князь! князь! назадъ!

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣ же и графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня внучка. Ахъ, grand'maman! ну кто такъ рано пріѣзжаетъ?
Мы первыя. (*Пропадаетъ въ боковую комнату*).

Княгиня. Вотъ насъ честитъ!
Вотъ первая, а насъ за никого считаетъ?
Зла: въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ; ужъ Богъ ее проститъ!

Графиня внучка (*вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ*).
Мсье, Чацкій, вы въ Москвѣ? Какъ были, все такіе?

Чацкій. На что мѣняться мнѣ?

Графиня внучка. Вернулись холостые?

Чацкій. На комъ жениться мнѣ?

Графиня внучка. Въ чужихъ краяхъ на комъ!
О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.

Чацкій. Несчастные! должны упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ,
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ!

ЯВЛЕНІЕ 9.

Тѣ-же и множество другихъ гостей. Между прочимъ Загорѣцкій. Мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. Софья выходитъ изъ своей комнаты. Всѣ къ ней на встрѣчу.

Наталья Дмитріевна. Eh, bon soir! vous voilà! jamais trop diligente!

Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente!
Загорѣцкій (*Софьѣ*). На завтрашній спектакль
имѣете билетъ?
Софья. Нѣтъ.
Загорѣцкій. Позвольте вамъ вручить. Напрасно
бы кто взялся
Другой вамъ услужить; за то
Куда я ни кидался?
Въ контору—все взято;
Къ директору—онъ мнѣ пріятель—
Съ зарей, въ шестомъ часу: и, кстати-ль?
Ужъ съ вечера никто достать не могъ!
Къ тому, къ сему,—всѣхъ сбилъ я съ ногъ.
И этотъ наконецъ похитилъ уже силой
У одного—старикъ онъ хилый,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ:
Пусть дома просидитъ въ покоѣ.
Софья. Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье—вдвое.
(*Являются еще кое-какіе; Загорѣцкій отходитъ къ мужчинамъ*).
Загорѣцкій. Платонъ Михайлычъ!
Платонъ Михайловичъ. Прочь!
Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь;
Я правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вотъ братъ (*Чацкому*),
рекомендую:
Какъ этакихъ людей учтивѣе зовутъ,
Нѣжнѣе? Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ—
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись: переносить гораздъ!
И въ карты не садись: продастъ!
Загорѣцкій. Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ малѣйшей злобы.
Чацкій. И оскорбляться вамъ смѣшно-бы.
Окромѣ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.
Платонъ Михайловичъ. Охъ, нѣтъ, братецъ!
у насъ ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ. (*Загорѣцкій мѣшается въ толпу*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Тѣ-же и Хлестова.

Хлестова. Легко-ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница!.. Мученье!
Часъ битый ѣхала съ Покровки, силы нѣтъ!
Ночь—свѣта преставленье!
Отъ скуки я взяла съ собой
Арабку-дѣвку да собачку;
Вели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,
Отъ ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте! (*садится*).
Ну, Софьюшка, мой другъ.
Какая у меня арабка для услугъ!
Курчавая! горбомъ лопатки!
Сердитая! всѣ кошачьи ухватки!
Да какъ черна! да какъ страшна!
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій! Въ дѣвичьей она;
Позвать-ли?
Софья. Нѣтъ-съ, въ другое время.
Хлестова. Представь: ихъ какъ звѣрей вывозятъ
напоказъ.
Я слышала... тамъ... городъ есть турецкій...
А знаешь-ли, кто мнѣ припасъ?
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій
(*Онъ выставляется впередъ*).
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ
(*Загорѣцкій исчезаетъ*);
Я отъ него было и двери на запоръ,
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ арабченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ, онъ говоритъ,—чай въ карты сплутовалъ;
А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровье!
Чацкій. (*съ хохотомъ Платону Михайловичу*).
Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ: пропалъ.
Хлестова. Кто этотъ весельчакъ? изъ званія
какого?
Софья. Вотъ этотъ? Чацкій.
Хлестова. Ну, а что нашелъ смѣшного?
Чему онъ радъ? какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ!
Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала;
Я за уши его дирала—только мало!

ЯВЛЕНІЕ 11.

Тѣ-же и Фамусовъ.

Фамусовъ (*громогласно*). Ждемъ князь Петръ Ильича,
А князь ужъ здѣсь! А я забился тамъ въ портретной.
Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ? кажется, что нѣтъ: онъ человѣкъ замѣтный,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.
Хлестова. Творецъ мой! оглушилъ: звончѣе всякихъ трубъ!

ЯВЛЕНІЕ 12.

Тѣ-же и Скалозубъ, потомъ Молчалинъ.

Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ запоздали!
А мы васъ ждали, ждали, ждали! (*Подводитъ къ Хлестовой*).
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.
Хлестова (*сидя*). Вы прежде были здѣсь... въ
полку... въ томъ... гренадерскомъ?

Скалозубъ. (*басомъ*). Въ Его Высочества, хотите вы сказать,
Новоземлянскомъ мушкатерскомъ?
Хлестова. Не мастерица я полки-то различать.
Скалозубъ. А форменныя есть отлички:
Въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички.
Фамусовъ. Пойдемте, батюшка; тамъ васъ я насмѣшу:
Курьезный вистъ у насъ. За нами, князь, прошу!
(*Уводитъ съ собой Скалозуба и князя*).
Хлестова. (*Софьѣ*), Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли.
Вѣдь полоумный твой отецъ:
Дался ему трехъ сажень удалецъ!
Знакомитъ, не спросясь, пріятно-ли намъ, нѣтъ-ли!
Молчалинъ (*подаетъ ей руку*).
Я вашу партію составилъ: мосье Кокъ
Ѳома Ѳомичъ и я.
Хлестова. Спасибо, мой дружокъ (*встаетъ*).
Молчалинъ. Вашъ шпицъ—прелестный шпицъ! не болѣе наперстка,
Я гладилъ все его: какъ шелковая шерстка!
Хлестова. Спасибо, мой родной! (*Уходитъ; за нею Молчалинъ и многіе другіе*),

ЯВЛЕНІЕ 13.

Чацкій, Софья и нѣсколько постороннихъ, которые въ продолженіе сцены расходятся.

Чацкій. Ну, тучу разогналъ...
Софья. Нельзя-ль не продолжать?
Чацкій. Чѣмъ я васъ напугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить.
Софья. А кончили-бы злостью.
Чацкій. Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый;
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ, какъ громовой отводъ.
Молчалинъ! кто другой такъ мирно все уладитъ?
Тамъ моську во-время погладитъ,
Тутъ въ пору карточку вотретъ...
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!
Вы давеча его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли—да! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14.

Софья, потомъ г. N.

Софья. (*про себя*). Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства.
Унизить радъ, кольнуть: завистливъ, гордъ и золъ!
Г. N. (*подходитъ*). Вы въ размышленьи?
Софья. Объ Чацкомъ.
Г. N. Какъ его нашли по возвращеньи?
Софья. Онъ не въ своемъ умѣ.
Г. N. Ужель съ ума сошелъ?
Софья. (*помолчавъ*). Не то, что-бы совсѣмъ...
Г. N. Однако есть примѣты?
Софья. (*смотритъ на него пристально*). Мнѣ кажется.
Г. N. Какъ можно, въ эти лѣта!
Софья. Какъ быть! (*въ сторону*).
Готовъ онъ вѣрить!
А, Чацкій! Любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Вы никого не любите щадить,
Угодно-ль на себя примѣрить? (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 15.

Г. N., потомъ г. D.

Г. N. Съ ума сошелъ!... Ей кажется? Вотъ на!
Не даромъ, стало быть,.. съ чего-бъ взяла она!
Ты слышалъ?
Г. D. Что?
Г. N. Объ Чацкомъ.
Г. D. Что такое?
Г. N. Съ ума сошелъ!
Г. D. Пустое.
Г. N. Не я сказалъ, другіе говорятъ.
Г. D. А ты разславить это радъ?
Г. N. Пойду, освѣдомлюсь! чай, кто-нибудь да знаетъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 16.

Г. D., потомъ Загорѣцкій.

Г. D. Вѣрь болтуну!
Услышитъ вздоръ и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь-ли объ Чацкомъ?
Загорѣцкій. Ну?
Г. D. Съ ума сошелъ!
Загорѣцкій. А, знаю, помню, слышалъ!
Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вышелъ.
Его въ безумные упряталъ дядя-плутъ;
Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.
Г. D. Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ!
Загорѣцкій. Такъ съ цѣпи, стало быть, спустили.
Г. D. Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ.
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу; однако, чуръ, секретъ!
(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 17.

Загорѣцкій, потомъ Графиня-внучка.

Загорѣцкій. Который Чацкій тутъ? Извѣстная фамилья:
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.

Вы слышали объ немъ?
Графиня внучка. Объ комъ?
Загорѣцкій. Объ Чацкомъ.,.
онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.
Графиня внучка. Знаю.
Я говорила съ нимъ.
Загорѣцкій. Такъ я васъ поздравляю.
Онъ сумасшедшій...
Графиня внучка. Что?...
Загорѣцкій. Да, онъ сошелъ съ ума.
Графиня внучка. Представьте! я замѣтила сама;
И хоть пари держать, со мной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНІЕ 18.

Тѣ же и Графиня бабушка.

Графиня-внучка. Ахъ, grand'maman! Вотъ чудеса! вотъ ново!
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте! вотъ прелести, вотъ мило!
Графиня бабушка. Мой другъ, мнѣ уши заложило!
Скажи погромче...
Графиня внучка. Время нѣтъ?
Il vous dira toute l'histoire!
Пойду, спрошу. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 19.

Загорѣцкій и Графиня бабушка.

Графиня бабушка. Что? что? Ужъ нѣтъ-ли здѣсь пожара?
Загорѣцкій. Нѣтъ! Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.
Графиня бабушка. Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?
Загорѣцкій. Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ,
Сошелъ съ ума отъ раны.
Графиня бабушка. Что? къ фармазонамъ въ клобъ
Пошелъ онъ? въ басурманы?
Загорѣцкій. Ее не вразумишь! (*Уходитъ*).
Графиня бабушка. Антонъ Антонычъ! Ахъ,
И онъ бѣжитъ! всё въ страхѣ, въ попыхахъ.

ЯВЛЕНІЕ 20.

Графиня бабушка и Князь Тугоуховскій.

Графиня бабушка. Князь! князь! Охъ этотъ князь!—по баламъ, самъ чуть дышитъ!
Князь, слышали?
Князь. А? хмъ!
Графиня бабушка. Онъ ничего не слышитъ!
Хоть, можетъ, видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?
Князь. Э? хмъ!
Графиня бабушка. Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватилъ?
Князь. И? хмъ?
Графиня бабушка. Тесакъ ему да ранецъ!
Въ солдаты!—шутка-ли? перемѣнилъ законъ!
Князь. У? хмъ?
Графиня бабушка. Да!.. въ басурманахъ онъ!
Ахъ, окаянный волтерьянецъ!
Что? а? Глухъ, мой отецъ! Достаньте свой рожокъ.
Охъ, глухота большой порокъ!

ЯВЛЕНІЕ 21.

Тѣ-же и Хлестова, Софья, Молчалинъ, Платонъ Михайловичъ, Наталья Дмитріевна, Графиня внучка, Княгиня съ дочерьми, Загорѣцкій, Скалозубъ, потомъ Фамусовъ и многіе другіе.

Хлестова. Съ ума сошелъ! прошу покорно!
Да невзначай, да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?
Платонъ Михайловичъ. Кто первый разгласилъ?
Наталья Дмитріевна. Ахъ, другъ мой, всѣ!
Платонъ Михайловичъ. Ну, всѣ, такъ вѣришь по неволѣ;
А мнѣ сомнительно.
Фамусовъ (*входитъ*). О комъ? о Чацкомъ, что-ли?
Чего сомнительно? я первый, я открылъ.
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ!
Попробуй о властяхъ,—и невѣсть что наскажетъ?
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,
Хотя передъ какимъ ни есть лицомъ,—
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!...
Хлестова. Туда же изъ смѣшливыхъ!
Сказала что-то я,—онъ началъ хохотать.
Молчалинъ. Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ.
Графиня внучка. Меня модисткою изволилъ величать!
Наталья Дмитріевна. А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ!
Загорѣцкій. Безумный по всему!
Графиня внучка. Я видѣла изъ глазъ.
Фамусовъ. По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.
Хлестова. На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ?
Княгиня. О, вѣрно!
Графиня внучка. Безъ сомнѣнья!
Хлестова. Шампанское стаканами тянулъ.
Наталья Дмитріевна. Бутылками-съ, и пребольшими!
Загорѣцкій (*съ жаромъ*).
Нѣтъ-съ, бочками сороковыми!

Фамусовъ Ну, вотъ, великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье—вотъ чума! ученость—вотъ причина,
Что ныньче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній...
Хлестова. И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ одныхъ
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь ихъ?
Да отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.
Княгиня. Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе...да...го...гическій—такъ, кажется, зовутъ...
Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи
Профессора. У нихъ учился мой родня—
И вышелъ хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи:
Отъ женщинъ бѣгаетъ, и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ знать! онъ химикъ, онъ ботаникъ—
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ.
Скалозубъ. Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэктъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій.
Тамъ будутъ лишь учить по-нашему: разъ, два,—
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.
Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ! нѣтъ, ужъ коли зло пресѣчь,—
Собрать всѣ книги бы, да сжечь.
Хлестова. Отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно—отъ книгъ ли, отъ питья-ль,
А Чацкаго мнѣ, право, жаль!
По христіански, такъ онъ жалости достоинъ;
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.
Фамусовъ Четыре.
Хлестова. Три, сударь.
Фамусовъ. Четыреста.
Хлестова. Нѣтъ триста.
Фамусовъ. Въ моемъ календарѣ...
Хлестова. Всѣ врутъ календари!
Фамусовъ. Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!
Хлестова. Нѣтъ, триста! Ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!
Фамусовъ. Четыреста, прошу понять.
Хлестова. Нѣтъ: триста! триста! триста!

ЯВЛЕНІЕ 22.

Тѣ-же и Чацкій.

Наталья Дмитріевна. Вотъ онъ!
Графиня внучка. Штъ!
Всѣ Штъ. (*Пятятся отъ него въ противную сторону*).
Хлестова. Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ, потребуетъ къ раздѣлкѣ!
Фамусовъ. О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ! (*Опасливо*).
Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ,—ты не здоровъ.
Чацкій. Да, мочи нѣтъ! мильонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ! (*Подходитъ къ Софьѣ*).
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой!
Нѣтъ! недоволенъ я Москвой!
Хлестова. Москва вишь виновата!
Фамусовъ. Подальше отъ него (*Дѣлаетъ знаки Софьѣ*). Г-мъ! Софья! Не глядитъ!
Софья (*Чацкому*). Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?
Чацкій. Въ той комнатѣ незначущая встрѣча.
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ: будто-бы въ отечествѣ, съ друзьями,—
Своя провинція! Посмотришь—вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ.
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды:
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ.—И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье, и стонъ:
„Ахъ, Франція! нѣтъ въ мірѣ лучше края!"
Рѣшили двѣ княжны—сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья;
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ, иль примѣромъ,
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
Пускай меня объявятъ старовѣромъ—
Но хуже для меня нашъ сѣверъ во-стократъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ:
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду—на другую,
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки...
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ?
„Какъ европейское поставить въ параллель

Съ національнымъ,—странно что-то!
Ну, какъ перевести: мадамъ, мадмуазель?
Ужель: сударыня?"—забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите: тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
„Сударыня! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! ха! ха! ужасно!..."
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною,—онъ не новый:
Москва и Петербургъ во всей Россіи—то,
Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ—имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье.
И въ Петербургѣ и въ Москвѣ
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять-шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять,—
Глядь...
(*Оглядывается: всѣ вальсируютъ, старики усѣлись за карты*).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Ночь.

У Фамусова въ домѣ; парадныя сѣни; большая лѣстница изъ второго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей. Внизу, справа, выходъ на крыльцо и швейцарская ложа; слѣва, на томъ же планѣ, комната Молчалина. Слабое освѣщеніе. Лакеи — иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи господъ своихъ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Графиня бабушка и внучка.

Лакей. Графини Хрюминой карета!
Графиня внучка (*пока ее укутываютъ*).
Ну, балъ! ну, Фамусовъ! умѣлъ гостей созвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта!
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать!
Графиня бабушка. Поѣдемъ, матушка, мнѣ право не подъ силу.
Когда нибудь я съ бала да въ могилу. (*Обѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Горичевы. Одинъ лакей около нихъ хлопочетъ, другой у подъѣзда кричитъ:

Карета Горича!
Наталья Дмитріевна. Мой ангелъ, жизнь моя,
Безцѣнный, душенька! что смотришь такъ уныло?
Признайся, весело у Фамусовыхъ было?
Платонъ Михайловичъ. Наташа, матушка, дремлю на балахъ я:
До нихъ смертельный неохотникъ;
А не противлюсь: твой работникъ!
Дежурю за полночь, подъ часъ,
Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно,
Пускаюсь по командѣ въ плясъ.
Наталья Дмитріевна. Ты притворяешься, и очень неискусно.
Охота смертная—прослыть за старика. (*Уходитъ съ лакеемъ*).
Платонъ Михайловичъ (*хладнокровно*). Балъ вещь хорошая, неволя-то горька!
И кто жениться насъ неволитъ?
Вѣдь сказано жъ иному на роду...
Лакей (*съ крыльца*). Въ каретѣ барыня-съ и гнѣваться изволитъ.
Платонъ Михайловичъ. Иду, иду! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Чацкій и его лакей впереди.

Чацкій. Кричи, чтобы скорѣе подавали! (*Лакей уходитъ*).
Ну вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли.
Чего я ждалъ, что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? участье въ комъ живое?
Крикъ, радость, обнялись... Пустое!
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди:
Свѣтло, сине, разнообразно...
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый. Вотъ рѣзво
Домчались къ отдыху — ночлегъ; куда ни взглянешь —
Все та же степь и гладь, и пусто и мертво...
Досадно, мочи нѣтъ, чѣмъ больше думать станешь!
(*Лакей возвращается*).
Готово?...
Лакей. Кучера нигдѣ, вишь, не найдутъ.
Чацкій. Пошелъ, ищи: не ночевать же тутъ.
(*Лакей уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Чацкій и Репетиловъ.

Репетиловъ (*вбѣгаетъ съ крыльца, падаетъ и оправляется*).
Тьфу! оплошалъ! Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза. Откудова, пріятель?
Сердечный другъ, любезный другъ, mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты!
Сей часъ... растолковать прошу:

Какъ будто зналъ, сюда спѣшу...
Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ...
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,—
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть.
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго ей, ей!
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь...
Чацкій. Да полно вздоръ молоть!
Репетиловъ. Не любишь ты меня! естественное дѣло!
Съ другими — я и такъ, и сякъ;
Съ тобою—говорю не смѣло;
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!..
Чацкій. Вотъ странное уничиженье!
Репетиловъ. Брани меня; я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ...
Скажи, который часъ?
Чацкій. Часъ ѣхать спать ложиться.
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.
Репетиловъ. Что, братецъ, балъ, гдѣ мы всю ночь, до бѣла дня,
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты, есть книга...
Чацкій. А ты читалъ?—задача для меня!
Ты Репетиловъ ли?
Репетиловъ. Зови меня вандаломъ —
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ;
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ;
О дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену,
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ,
Танцовщицу держалъ, да не одну—
Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! Не спалъ ночей по десяти;
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру....
Чацкій. Послушай: ври, да знай же мѣру!
Есть отъ чего въ отчаянье придти!
Репетиловъ. Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу на пролетъ...
Чацкій. Вотъ нынче, напримѣръ?
Репетиловъ. Что ночь одна—не въ счетъ!
За то спроси, гдѣ былъ.
Чацкій. И самъ я догадаюсь:
Чай въ клубѣ?
Репетиловъ. Въ англійскомъ, чтобъ исповѣдь начать!
Изъ шумнаго я засѣданья.
Пожалуйста молчи,—я слово далъ молчать:
У насъ есть общество и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ!
Чацкій. Ахъ, братецъ, я боюсь.
Какъ, въ клубѣ?
Репетиловъ. Именно.
Чацкій. Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зашей прогнать и васъ, и ваши тайны.
Репетиловъ. Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ, громко говоримъ—никто не разберетъ.
Я самъ, какъ схватятся объ камерахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ.... ну, объ матерьяхъ важныхъ,—
Частенько слушаю, не разжимая губъ.
Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ.
Ахъ, Александръ, у насъ тебя недоставало!
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ,—мы благо на ходу.
Съ какими я тебя сведу
Людьми!—Ужъ на меня нисколько не похожи.
Что за люди, mon cher! сокъ умной молодежи!
Чацкій. Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? въ глухую ночь?.... Домой—я спать хочу.
Репетиловъ. Э, брось! Кто нынче спитъ! Ну, полно, безъ прелюдій!
Рѣшись, а мы... у насъ рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ:
Кричимъ—подумаешь, что сотни голосовъ.
Чацкій. Да изъ чего, скажи, бѣснуетесь вы столько?
Ужъ вѣрно изъ какихъ-нибудь да пустяковъ.
Репетиловъ. Шумимъ, братецъ, шумимъ!....
Чацкій. Шумите вы—и только?
Репетиловъ. Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ,
Но государственное дѣло.
Оно, вотъ видишь, не созрѣло—
Нельзя же вдругъ.
Что за люди, mon cher! безъ дальнихъ я исторій,
Скажу тебѣ: во первыхъ—князь Григорій,
Чудакъ единственный! насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка:
И также онъ сквозь зубы говоритъ,
И также коротко обстриженъ для порядка.
Ты незнакомъ? О, познакомься съ нимъ.
Другой—Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!
Послушай, милый! Особливо
Есть у него любимое одно:
„А нонъ ла шьяръ ми, но-но-но!"
Еще у насъ два брата,
Леонъ и Боренька—чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь, что сказать
Но если генія прикажете назвать:
Удушьевъ Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его
Читалъ ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ „Взглядъ и нѣчто".

Объ чемъ бишь „нѣчто?"—Обо всемъ.
Все знаетъ: мы его на черный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту...
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ;
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку нечистъ.
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!...
Когда жъ о честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ—
Глаза въ крови, лице горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ.
Вотъ люди! Есть ли имъ подобные? Наврядъ!
Ну, между ними, я, конечно, заурядъ—
Немножко поотсталъ, лѣнивъ—подумать ужасъ!
Однакожъ я, когда умишкомъ понатужась,
Засяду—часу не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу;
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ,
И въ шестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ;
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся! а что любо—любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ;
Далъ сердце доброе—вотъ чѣмъ я людямъ милъ!
Совру-простятъ....

Лакей (*у подъѣзда*). Карета Скалозуба!

Репетиловъ. Чья?

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ-же и Скалозубъ (*спускается съ лѣстницы*).

Репетиловъ. А, Скалозубъ! душа моя!
Постой, куда же? сдѣлай дружбу!... (*Душитъ его въ объятіяхъ*).

Чацкій. Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ? (*Входитъ въ швейцарскую*).

Репетиловъ. Слухъ о тебѣ давно затихъ:
Сказали, что ты въ полкъ отправился, на службу.
Знакомы вы? (*ищетъ глазами Чацкаго*). Упрямецъ, ускакалъ!
Нѣтъ нужды.—Я тебя нечаянно сыскалъ,
И просимъ-ка со мной, сейчасъ безъ отговорокъ!
У князь-Григорія теперь народу тьма:
Увидишь человѣкъ насъ сорокъ.
Фу, сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ, не наскучатъ:
Во первыхъ—напоятъ шампанскимъ на убой,
А во вторыхъ—такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

Скалозубъ. Избавь. Ученостью меня не обморочишь;
Скликай другихъ, а если хочешь,
Я князь Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикните—такъ мигомъ успокоитъ.

Репетиловъ. Все служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда!
И я въ чины бы влѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ, можетъ быть, никто и никогда.
По статской я служилъ. Тогда
Баронъ фонъ Клокъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья
Шелъ на-прямикъ, безъ дальней думы.
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси;
Ему и ей такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси;
Онъ на Фонтанкѣ жилъ,—я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами, огромный—сколько стоилъ!
Женился, наконецъ, на дочери его:
Приданаго взялъ—шишъ, по службѣ—ничего!
Тесть нѣмецъ—а что проку?
Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость будто бы къ роднѣ!
Боялся, прахъ его возьми! да легче ль мнѣ?
Секретари его—все хамы, всѣ продажны
Людишки, пишущая тварь,
Всѣ вышли въ знать, всѣ нынче важны:
Гляди-ка въ „Адресъ-календарь"...
Тьфу! служба и чины, кресты—душѣ мытарства.
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ лѣкарства:
Желудокъ больше не варитъ.
Повѣрь, мой другъ, что споро
Пойдетъ и наше дѣло скоро.
Куда ни поглядимъ... (*Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покуда уѣхалъ*).
Пустое всѣ чины!... Найдемъ чего хотимъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Репетиловъ и Загорѣцкій.

Загорѣцкій. Извольте продолжать. Вамъ искренно признаюсь:
Такой же я, какъ вы, ужасный либералъ.
Я неудачи самъ встрѣчалъ,
И отъ того, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ!

Репетиловъ. (*съ досадою*). Всѣ врозь, не говоря ни слова!
Чуть изъ виду одинъ,—гляди ужъ нѣтъ другова:
Былъ Чацкій — вдругъ исчезъ, потомъ и Скалозубъ...

Загорѣцкій. Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

Репетиловъ. Онъ не глупъ.
Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякіе турусы
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...
Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль!
Мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣже вкусы,

Загорѣцкій. А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьезно поврежденъ?

Репетиловъ. Какая чепуха!
Загорѣцкій. Объ немъ всѣ этой вѣры.
Репетиловъ. Вранье!
Загорѣцкій. Спросите всѣхъ.
Репетиловъ. Химеры!
Загорѣцкій. А, кстати, вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами.
Репетиловъ. Дичь!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Репетиловъ, Загорѣцкій, князь Тугоуховскій, княгиня съ шестью дочерьми; немного погодя, Хлестова спускается съ парадной лѣстницы, Молчалинъ ведетъ ее подъ руку. Лакеи въ суетахъ.

Загорѣцкій. Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣніе:
Безумный Чацкій или нѣтъ?
1 княжна. Какое-жъ въ этомъ есть сомнѣнье?
2 княжна. Про это знаетъ цѣлый свѣтъ.
3 княжна. Дрянскіе, Хворовы, Ворленскіе, Скачковы...
4 княжна. Ахъ, вѣсти старыя! кому онѣ ужъ новы?
5 княжна. Кто сомнѣвается?
Загорѣцкій. Да вотъ не вѣритъ!
6 княжна. Вы?
Всѣ вмѣстѣ. М-сье Репетиловъ! Вы? М-сье Репетиловъ! что вы?
Да какъ вы? Можно-ль противъ всѣхъ?
Да почему вы?—Стыдъ и смѣхъ!
Репетиловъ. (*затыкая уши*).
Простите: я не зналъ, что это слишкомъ гласно.
Княгиня. Еще не гласно бы! съ нимъ говорить опасно!
Давно бы запереть пора!
Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ и даже князь Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ —
Вашъ Чацкій! Ѣдемте! Князь, ты вести бы могъ
Катишь или Зизи; мы сядемъ въ шестимѣстной
Хлестова (*съ лѣстницы*). Княгиня, карточный должокъ?
Княгиня. За мною, матушка!
Всѣ другъ другу. Прощайте! (*Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Репетиловъ, Хлестова и Молчалинъ.

Репетиловъ. Царь небесный
Анфиса Ниловна! Ахъ, Чацкій бѣдный!.. вотъ,
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ?
Хлестова. Такъ Богъ ему судилъ, а впрочемъ
Полечатъ—вылечатъ авось.
А ты, мой батюшка, неизлечимъ, хоть брось!
Изволилъ во-время явиться!
Молчалинъ, вонъ чуланчикъ твой;
Не нужны проводы: поди, Господь съ тобой. (*Молчалинъ уходитъ къ себѣ*).
Прощайте, батюшка; пора перебѣситься! (*Уѣзжаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9.

Репетиловъ (*съ своимъ лакеемъ*).

Репетиловъ. Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда-нибудь. (*Уѣзжаетъ. Послѣдняя лампа гаснетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Чацкій (*выходитъ изъ швейцарской*). Что это? Слышалъ я моими ли ушами?
Не смѣхъ, а явно злость! Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство,
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ—какъ словно торжество,
Другіе—будто сострадаютъ!
О, еслибъ кто въ людей проникъ!
Что хуже въ нихъ: душа или языкъ?
Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ,
Старухи въ-мигъ тревогу бьютъ —
И вотъ общественное мнѣнье!

Изъ поэмы: „Цыгане"*).

(*А. С. Пушкина*).

Цыгане шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,

*) Мелкія стихотворенія, элегіи и баллады Пушкина см. въ „Практикѣ I—IV кл.". Тамъ-же есть изъ поэмы „Полтава"—„Полтавскій бой".

И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальнее глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.

Изъ поэмы: Кавказскій плѣнникъ.

(А. С. Пушкина).

I [1]).

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Воспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей [2]),
Удары шашекъ ихъ жестокихъ,
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепелъ разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.
Текутъ бесѣды въ тишинѣ;
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ:
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесъ. Онъ быстро на арканѣ
Младаго плѣнника влачилъ.
„Вотъ Русскій!“ хищникъ возопилъ.
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой;
Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ;
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ дышитъ.
И долго плѣнникъ молодой
Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
Ужъ полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
И жизни духъ проснулся въ немъ.
Невнятный стонъ въ устахъ раздался;
Согрѣтый солнечнымъ лучомъ
Несчастный тихо приподнялся;
Кругомъ обводитъ слабый взоръ...
И видитъ: неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
Черкесской вольности ограда.
Воспомнилъ юноша свой плѣнъ,
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышитъ: загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги...
Все, все сказалъ ужасный звукъ,
Затмилась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ рабъ.
За саклями [1]) лежитъ
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,
Въ пустомъ аулѣ все молчитъ.
Предъ нимъ пустынныя равнины
Лежатъ зеленой пеленой;
Тамъ холмовъ тянутся грядой
Однообразныя вершины:
Межъ нихъ уединенный путь
Вдали теряется угрюмый:
И плѣнника младаго грудь
Тяжелой взволновалась думой...

II.

Ужъ меркнетъ солнце за горами;
Вдали раздался шумный гулъ:
Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли; въ домахъ зажглись огни
И постепенно шумъ нестройный
Умолкнулъ; все въ ночной тѣни
Объято нѣгою спокойной;
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины;
Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спящія вершины...
Но кто въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкою ступая?
Очнулся Русскій. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ Черкешенка младая.
На дѣву молча смотритъ онъ
И мыслитъ; это лживый сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая.
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной
Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысъ прохладный
Подноситъ тихою рукой...

[1]) I—IV изъ первой части.
[2]) Уздень—начальникъ, князь.

[1]) Сакля—хижина.

III.

Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкалъ;
Тоску неволи, жаръ мятежный
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачася межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ.
И въ ихъ кругу колоссъ двухглавый
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.
Когда съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ надъ ауломъ
Недвижимъ на горѣ сидѣлъ!
У ногъ его дымились тучи,
Въ степи взвивался прахъ летучій;
Уже пріюта между скалъ;
Елень [1]) испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ поднимались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на долы дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались;
Волнами роя крутизны.
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые.
А плѣнникъ, съ горной вышины,
Одинъ, за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

IV.

Но Европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье;
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани.
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда Черкесъ проворный,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукѣ склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный,—
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство—конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится:
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги;
Все путь ему: болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ;
Онъ въ глубь кипящую несется;
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая, смерти проситъ
И зритъ ее передъ собой...
Но мощный конь—его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.
Иль, ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые:
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ;
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный брегъ рѣки—

[1]) Елень—по ц.-славянски „олень“.

И мимо нихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?.. Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась—и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.
Когда же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ,
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня:
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ, ласково встаетъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь [1]) отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимный.
Бывало, въ свѣтлый Байранъ
Сберутся юноши толпою;
Игра смѣняется игрою:
То полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ
Нетерпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ, вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.
Но скученъ міръ однообразный
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ...

V.

Заря на знойный небосклонъ
За днями новы дни возводитъ;
За ночью ночь вослѣдъ уходитъ;
Вотще свободы жаждетъ онъ.

[1]) Чихирь—красное грузинское вино.

Мелькнетъ ла серна межъ кустами,
Проскачетъ ли во мглѣ сайгакъ:
Онъ, вспрыгнувъ, загремитъ цѣпями,
Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
Ночной ауловъ разоритель,
Рабовъ отважныхъ избавитель,
Зоветъ... но все кругомъ молчитъ:
Лишь волны плещутся бушуя,
И человѣка звѣрь почуя,
Въ пустыню темную бѣжитъ.
Однажды слышитъ русскій плѣнный,
Въ горахъ раздался крикъ военный:
„Въ табунъ, въ табунъ“! Бѣгутъ, шумятъ;
Уздечки мѣдныя гремятъ,
Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,
Кипятъ осѣдланные кони;
Къ набѣгу весь аулъ готовъ:
И дикіе питомцы брани
Рѣкою хлынули съ холмовъ,
И скачутъ по брегамъ Кубани
Сбирать насильственныя дани.
Утихъ аулъ; на солнце спятъ
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагіе
Въ свободной рѣзвости шумятъ;
Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ:
Изъ трубокъ дымъ віясь синѣетъ.
Они безмолвно юныхъ дѣвъ
Знакомый слушаютъ припѣвъ,
И старцевъ сердце молодѣетъ...
Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь уснула;
Вершины скалъ омрачены;
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.
Тогда кого-то слышно стало:
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ—печальна и блѣдна
Къ нему приблизилась *она*.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи;
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ ратный.
На плѣнника возведши взоръ,
„Бѣги“ сказала дѣва горъ:
„Нигдѣ Черкесъ тебя не встрѣтитъ.
Спѣши, не трать ночныхъ часовъ;
Возьми кинжалъ: твоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ“.
Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:

Визжитъ желѣзо подъ пилой;
Слеза невольная скатилась,
И цѣпь распалась и гремитъ.
„Ты воленъ“, дѣва говоритъ,
„Бѣги!...“
... Прощальнымъ взоромъ
Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
Пустой аулъ съ его заборомъ,
Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
Стремнины, гдѣ влачилъ оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
Когда въ горахъ Черкесъ суровый
Свободы пѣсню распѣвалъ,
Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокій,
Ложился день на томный долъ,
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный плѣнникъ шелъ.
И передъ нимъ уже въ туманахъ
Сверкали русскіе штыки,
И окликались на курганахъ
Сторожевые казаки.

Изъ поэмы: Мѣдный Всадникъ.

(*А. Пушкина.*)

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго Чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ:
„Отсель грозить мы будемъ Шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ“.
Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ,—нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.
Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла.
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ.
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полночная Царица
Даруетъ сына въ Царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.
Красуйся, градъ Петровъ, и стой,
Неколебимо, какъ Россія!

Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны Финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!
Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье...
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ.

II.

Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури...
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучками народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь —
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы —
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ:
Осада! приступъ! Злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна, челны
Съ разбѣгу стекла бьютъ кормой,
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ
И молвилъ: „Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть“. Онъ сѣлъ
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ:
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы; дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый,
И дома тонущій народъ.

Евгеній Онѣгинъ.

(А. Пушкина).

А) ВОСПИТАНІЕ ОНѢГИНА.

Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель.
Тамъ нѣкогда гулялъ и я,
Но вреденъ сѣверъ для меня.
Служивъ отлично благородно,
Долгами жилъ его отецъ,
Давалъ три бала ежегодно
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва *madame* за нимъ ходила,
Потомъ *monsieur* ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
На докучалъ моралью строгой.
Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.
Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ,
Какъ *dandy* лондонскій одѣтъ,
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцовалъ
И кланялся непринужденно:
Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.
Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,

У насъ не мудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но педантъ:
Имѣлъ онъ счастливый талантъ,
Безъ принужденья въ разговорѣ,
Коснуться до всего слегка;
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданныхъ эпиграммъ.
Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить *vale*,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли;
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.
Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить;
Бранилъ Гомера, Ѳеокрита;
За то читалъ Адама Смита
И былъ глубокій экономъ,
То есть умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.

Б) ТАТЬЯНА.

Ея сестра звалась Татьяна...
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жъ? оно пріятно, звучно;
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль дѣвичьей. Мы всѣ должны
Признаться, вкусу очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство—больше ничего.
И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей.
Ни свѣжестью ея румяной
Не привлекла бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.
Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей;
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пяльцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна,
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
Къ приличію, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.
Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; страшные разсказы
Зимою въ темнотѣ ночной
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкій лугъ
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла:
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтреныхъ утѣхъ.
Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И, вѣстникъ утра, вѣтерокъ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

В) ГАДАНЬЕ И СОНЪ ТАТЬЯНЫ.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ;
Зимы ждала-ждала природа;

Снѣгъ выпалъ только въ январѣ,
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ.
Все ярко, все бѣло кругомъ.
Зима... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки *жучку* посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...
Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ:
Все это низкая природа,
Изящнаго немного тутъ.
Согрѣтый вдохновенья богомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
Живописалъ намъ первый снѣгъ
И всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ.
Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
Прогулки тайныя въ саняхъ;
Но я бороться не намѣренъ
Ни съ кѣмъ покамѣсть, ни съ тобой,
Пѣвецъ Финляндки молодой.
Татьяна, русская душою,
Сама не зная почему,
Съ ея холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозной,
И сани, и зарею поздной
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали,
И имъ сулили каждый годъ
Мужьевъ военныхъ и походъ.
Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты,
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча лапой рыльцо мылъ:
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ, увидя
Младой двурогій ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны,
Она дрожала и блѣднѣла.
Когда жъ падучая звѣзда
По небу темному летѣла
И разсыпалася: тогда
Въ смятеньи Таня торопилась,
Пока звѣзда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось гдѣ-нибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей;
Не зная, что начать со страха,
Предчувствій горестныхъ полна,
Ждала несчастья ужъ она.
Что-жъ? Тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчію склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтреная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима;
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.
Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленный глядитъ;
Онъ чудно-вылитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ:
Изъ блюда, полнаго водою,
Выходятъ кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
„*Тамъ мужички-то все богаты!*
„*Гребутъ лопатой серебро;*
„*Кому поемъ, тому добро*
„*И слава!*" Но сулитъ утраты.
Сей пѣсни жалостный напѣвъ;
Милѣй *кошурка* сердцу дѣвъ.
Морозна ночь; все небо ясно:
Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ согласно...
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ,
Но въ темномъ зеркалѣ одна

Дрожитъ печальная луна...
Чу... снѣгъ хруститъ.. прохожій; дѣва
Къ нему на цыпочкахъ летитъ,
И голосокъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
Какъ ваше имя? Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ: Агаѳонъ.

Татьяна, по совѣту няни,
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала въ банѣ
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ...
И я—при мыслѣ о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно—такъ и быть...
Съ Татьяной намъ не ворожить.
Татьяна поясокъ шелковой
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вьется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

И снится чудный сонъ Татьянѣ:
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двѣ жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей;
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей;
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто-жъ изъ подъ него явился?
Большой взъерошенный медвѣдь;
Татьяна: ахъ! а онъ ревѣть —
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она, скрѣпясь,
Дрожащей ручкой оперлась,
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла—и что-жъ? медвѣдь за ней.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ,
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ.
Кряхтя, валитъ медвѣдь несносный:
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ.
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

Татьяна въ лѣсъ—медвѣдь за нею:
Снѣгъ рыхлый по колѣно ей;
То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпитъ вдругъ, то изъ ушей
Златыя серьги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
Увязнетъ мокрый башмачекъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей некогда; боится,
Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все во слѣдъ;
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;
Она безчувственно покорна,
Не шевелится, не дохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой...
Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой;
Кругомъ все глушь; отвсюду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесенъ;
И ярко свѣтится окошко.
И въ шалашѣ и крикъ и шумъ;
Медвѣдь промолвилъ: *здѣсь мой кумъ,*
Погрѣйся у него немножко!
И въ сѣни прямо онъ идетъ,
И на порогъ ее кладетъ.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ щелку,
И что же! видитъ... за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ:
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой;
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордой,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ!

Борисъ Годуновъ.

(А. Пушкина).

СЦЕНА 5.

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ, 1603 г. Отецъ Пименъ; Григорій спящій.

Пименъ *(пишетъ передъ лампадой).*

Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя;
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъименный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я съизнова живу:
Минувшее проходитъ предо мною!
Давно-ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!..
Но близокъ день—лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье *(пишетъ).*

Григорій *(пробуждается).*

Все тотъ же сонъ! Возможно-ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ, и дремотой,
Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ! и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли Новогородскомъ Вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? напрасно;
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый,
Такъ точно дьякъ, въ приказѣ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ.

Проснулся, братъ?

Григорій.

Благослови меня,
Честный отецъ.

Пименъ.

Благослови Господь
Тебя и днесь и присно и во-вѣки.

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ.
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ:
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ и страшно становилось,
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ, если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи,..
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.

Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ;
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
„Отцы мои, желанный день придетъ,
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши“.
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? на престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобразилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась; а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ патріархомъ,
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ.
И ликъ его какъ солнце просіялъ:
Ужъ не видать такого намъ царя!
О, страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ.

Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ посланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь! На утро въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ: ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ, народъ остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
„Вотъ, вотъ злодѣй!“ раздался общій вопль,
И въ мигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ.
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо! вдругъ мертвецъ затрепеталъ;
„Покайтеся?“ народъ имъ загремѣлъ!
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой ровестникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь
Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій (*Уходитъ*).

Григорій.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ;
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца:
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ,
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

СЦЕНА 7.

Царскія палаты. Два стольника.

Первый.

Гдѣ государь?

Второй.

Въ своей опочивальнѣ.
Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый.

Такъ, вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи,
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

Второй.

Вонъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

Первый.

Какъ онъ угрюмъ! *(Уходятъ).*

Царь *(входитъ).*

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся!...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной:
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ.
Предчувствую небесный громъ и горе,
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать,
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду;
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ:
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня несчастнаго отца!..
Кто не умретъ—я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть.
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста.

СЦЕНА 10.

Царевичъ чертитъ географическую карту. Царевна. Мамка царевны.

Ксенія *(цѣлуетъ портретъ).*

Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ: никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

Мамка.

И, Царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падаетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ и прекрасный и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана Королевича.

Ксенія.

Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна.
(Входитъ Борисъ).

Царь.

Что, Ксенія? что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,

Я счастіе твое не могъ устроить:
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Ѳеодоръ.

Чертежъ земли Московской, наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тамъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ Пермскіе дремучіе лѣса,
А вотъ Сибирь.

Царь.

А это что такое
Узоромъ здѣсь віется?

Ѳеодоръ.

Это Волга.

Царь.

Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ, и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать. (*Входитъ Семенъ Годуновъ*).
Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.
(*Ксеніи*) Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
Прости, мой другъ; утѣшь тебя Господь. (*Ксенія съ мамкой уходятъ*).
Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичъ?

Семенъ Годуновъ.

Нынче
Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій князь-Василья
И Пушкина слуги пришли съ доносомъ.

Царь.

Ну?.

Семенъ Годуновъ.

Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ и черезъ часъ
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

Царь.

Гонца схватить.

Семенъ Годуновъ.

Ужъ послано въ догоню.

Царь.

О Шуйскомъ что?

Семенъ Годуновъ.

Вечоръ онъ угощалъ
Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А розошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

Царь.

Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

Семенъ Годуновъ.

Государь!
Онъ здѣсь уже.

Царь.

Позвать его сюда. (*Годуновъ уходитъ*).

Царь.

Сношенія съ Литвою! это что?..
Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять:
Уклончивый, но смѣлый и лукавый.... (*Входитъ Шуйскій*).
Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій.

Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.

Царь.

Я слушаю тебя.

Шуйскій (*тихо, указывая на Ѳеодора*).

Но, Государь...

Царь.

Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій.

Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть...

Царь.

Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ.

Шуйскій.

Все знаетъ онъ!... Я думалъ, Государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

Царь.

Нѣтъ нужды, князь: хочу сообразить
Извѣстія; иначе не узнаемъ
Мы истины.

Шуйскій.

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что король и паны за него.

Царь.

Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

Шуйскій.

Не вѣдаю.

Царь.

Но... чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій.

Конечно, Царь, сильна твоя держава!
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ.
Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.

Царь.

Димитрія!... какъ? этого младенца?
Димитрія!... Царевичъ, удались!

Шуйскій.

Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!...

Ѳеодоръ.

Государь,
Дозволишь ли?...

Царь.

Нельзя, мой сынъ, поди.
(Ѳеодоръ уходитъ).
Димитрія!...

Шуйскій.

Онъ ничего не зналъ:

Царь.

Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ;
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

Шуйскій.

Иду.

Царь.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть
Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать царей, царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ?
Смѣшно? а что? что жъ не смѣешься ты?

Шуйскій.

Я, Государь?...

Царь.

Послушай, князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего...
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь
Тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца,
И не было ль подмѣна? Отвѣчай.

Шуйскій.

Клянусь тебѣ....

Царь.

Нѣтъ, Шуйскій не клянись,
Но отвѣчай: то былъ Царевичъ!

Шуйскій.

Онъ.

Царь.

Подумай князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

Шуйскій.

Не казнь страшна, страшна твоя немилость!
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,

Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровожденный.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ,
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный:
Глубокая не запеклася язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ.

Царь.

Довольно, удались! *(Шуйскій уходитъ).*

Ухъ тяжело!... дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лице
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась...
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да—вотъ что! теперь я поминаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь—
Уже ли тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! Чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуй—и нѣтъ его.
Такъ, рѣшено: не окажу я страха;
Но презирать не должно ничего...
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

СЦЕНА 21.

Москва. Царскія палаты.

Борисъ, Басмановъ.

Царь.

Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?
Мы тщетною побѣдой увѣнчались.
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
Что дѣлаютъ межъ тѣмъ герои наши?
Стоятъ у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
Вотъ слава! Нѣтъ, я ими недоволенъ:
Пошлю тебя начальствовать надъ ними.
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ спесь о мѣстничествѣ тужитъ!
Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Басмановъ.

Ахъ, государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь!

Царь.

День этотъ недалекъ:
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить!

Басмановъ.

Что на него смотрѣть?
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды,
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ,
Но что жъ? конемъ спокойно всадникъ правитъ,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

Царь.

Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ;
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро—не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже.
(Входитъ бояринъ).
Что?

Бояринъ.

Привели гостей иноплеменныхъ.

Царь.

Иду принять; Басмановъ, погоди,
Останься здѣсь; съ тобой еще мнѣ нужно
Поговорить *(Уходитъ).*

Басмановъ.

Высокій духъ державный!
Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ
Управиться; и много онъ
Еще добра въ Россіи сотворитъ.
Мысль важная въ умѣ его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мнѣ поприще откроется, когда
Онъ сломитъ рогъ боярству родовому!
Соперниковъ во брани я не знаю;
У царскаго престола стану первый...
И можетъ быть... Но что за чудный шумъ?

(Тревога. Бояре, придворные служители въ безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ).

Одинъ.

За лѣкаремъ!

Другой.

Скорѣе къ патріарху!

Третій.

Царевича, царевича зоветъ!

Четвертый.

Духовника!

Басмановъ.

Что сдѣлалось такое?

Пятый и шестой.

Царь занемогъ, царь умираетъ.

Басмановъ.

Боже!

Пятый.

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

(Царя выносятъ на стулѣ; все царское семейство, всѣ бояре).

Царь.

Подите всѣ—оставьте одного
Царевича со мною *(Всѣ удаляются)*. Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ; сейчасъ
Ты царствовать начнешь... О Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой—и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ надлежало бъ;
Но я достигъ верховной власти—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ!
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
Но ты, младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну!
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника, во первыхъ, избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго породой или славой—
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка—
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни—можешь
Ихъ отмѣнить: тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Со временемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды:
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ! не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться по-пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О, милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ:
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость!
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и царь; люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Ѳеодоръ (на колѣняхъ).

Нѣтъ, нѣтъ—живи и царствуй долговѣчно!
Народъ и мы погибли безъ тебя.

Царь.

Все кончено—глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ...

(Входятъ Патріархъ, Святители, за ними бояре. Царицу ведутъ подъ руки. Царевна рыдаетъ).

Кто тамъ?

А! схима... такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи царь идетъ—
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, владыка патріархъ!
Я царь еще. Внемлите вы, бояре:
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цѣлуйте крестъ Ѳеодору... Басмановъ,
Друзья мои!.. при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ и непороченъ.
Клянетесь ли?

Бояре.

Клянемся.

Царь.

Я доволенъ.

Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи,
И вольныя и тайныя обиды...
Святый отецъ, приближься: я готовъ.

(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ въ обморокѣ выносятъ).

Скупой рыцарь.

(А. Пушкина).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Подвалъ).

Баронъ.

Весь день минуты ждалъ я, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Не много, кажется, но понемногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины, съ весельемъ, озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ—и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ?... Какъ нѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свистну,—и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же—ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ:
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья... *(Смотритъ на свое золото).*
Кажется, не много,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный... вотъ онъ. Нынче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ, воя.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ,
Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? этотъ мнѣ принесъ Тибо.
Гдѣ было взять ему, лѣнивцу, плуту?
Укралъ конечно, или, можетъ быть,
Тамъ, на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ...
Да! Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ—я захлебнулся-бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.
(Хочетъ отперетъ сундукъ).
Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отперетъ, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство...
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ. *(Отпираетъ сундукъ).*
Вотъ мое блаженство!
(Всыпаетъ деньги).
Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!...
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ;
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.
(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ).
Я царствую!... Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!... Но кто во слѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда
Подъ эти мирные, нѣмые своды
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ—
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ,
Онъ расточитъ... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костьми, да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,

Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла,—совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце,—совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; это вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ, и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!...
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство.
А тамъ, посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, что кровью пріобрѣлъ.
О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!... О, если бъ изъ могилы
Прійти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!...

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.

А. Пушкина.

I. Вожатый.

Я [1]) приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону и, наконецъ, снявъ шапку, оборотился ко мнѣ и сказалъ:

„Баринъ, не прикажешь ли воротиться?"

— Это зачѣмъ?

„Время ненадежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу".

— Что за бѣда!

„А видишь тамъ что?"

(Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ.)

„Я ничего не вижу; кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

„А вонъ... вонъ: это облачко".

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было сперва за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ.

Я слыхалъ о тамошнихъ метеляхъ и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ [2]), согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ: я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи и велѣлъ ѣхать скорѣе.

[1]) Герой повѣсти Гриневъ.—[2]) Савельичъ дядька Гринева, сопровождающій молодого своего барина, опредѣлившагося на службу.

Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ; сдѣлалась метель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло.

„Ну, баринъ", закричалъ ямщикъ: „бѣда: буранъ!..."

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностію, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали.

„Что же ты не ѣдешь?" спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.

— Да что ѣхать? отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка; невѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ.

Я сталъ было его бранить. Савельичъ за него заступился: „И охота было не слушаться", говорилъ онъ сердито: „воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря-бъ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро мы на свадьбу!" Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего: снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго крученія метели... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное.

„Эй, ямщикъ!" закричалъ я: „смотри: что тамъ такое чернѣется?"

Ямщикъ сталъ всматриваться.

— А Богъ знаетъ, баринъ, сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ или человѣкъ.

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ навстрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поравнялись съ человѣкомъ.

„Гей, добрый человѣкъ!" закричалъ ему ямщикъ: „скажи, не знаешь ли, гдѣ дорога?"

— Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ, отвѣчалъ дорожный: да что толку?

— „Послушай, мужичокъ", сказалъ я ему: „знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?"

— Сторона мнѣ знакомая, отвѣчалъ дорожный: слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперекъ. Да вишь какая погода: какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться, да переждать,

авось буранъ утихнетъ, да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ.

Его хладнокровіе ободрило меня. Я ужъ рѣшился, предавъ себя Божіей волѣ, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучокъ и сказалъ ямщику:

— Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо, да поѣзжай.

„А почему ѣхать мнѣ вправо?" спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ. „Гдѣ ты видишь дорогу? Небось лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй—не стой".

Ямщикъ казался мнѣ правъ.

„Въ самомъ дѣлѣ", сказалъ я: „почему думаешь ты, что жило недалече?"

— А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ, отвѣчалъ дорожный: и я слышу, дымомъ пахнуло; знать деревня близко.

Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то въѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда не могъ я позабыть, и въ которомъ до сихъ поръ вижу нѣчто пророческое, когда соображаю съ нимъ странныя обстоятельства моей жизни. Читатель извинитъ меня, ибо, вѣроятно, знаетъ по опыту, какъ сродно человѣку предаваться суевѣрію, не смотря на всевозможное презрѣніе къ предразсудкамъ.

Я находился въ томъ состояніи чувствъ и души, когда существенность, уступая мечтаніямъ, сливается съ ними въ неясныхъ видѣніяхъ первосонія. Мнѣ казалось, буранъ еще свирѣпствовалъ, и мы еще блуждали по снѣжной пустынѣ... Вдругъ увидѣлъ я ворота и въѣхалъ на барскій дворъ нашей усадьбы. Первою мыслію моею было опасеніе, чтобъ батюшка не прогнѣвался на меня за невольное возвращеніе подъ кровлю родительскую, и не почелъ бы его умышленнымъ ослушаніемъ. Съ безпокойствомъ я выпрыгнулъ изъ кибитки и вижу: матушка встрѣчаетъ меня на крыльцѣ съ видомъ глубокаго огорченія. „Тише", говоритъ она мнѣ: „отецъ боленъ при смерти и желаетъ съ тобою проститься." Пораженный страхомъ, я иду за нею въ спальню. Вижу, комната слабо освѣщена; у постели стоятъ люди съ печальными лицами. Я тихонько подхожу къ постели; матушка приподнимаетъ пологъ и говоритъ: „Андрей Петровичъ, Петруша пріѣхалъ; онъ воротился, узнавъ о твоей болѣзни; благослови его". Я сталъ на колѣна и устремилъ глаза мои на больнаго. Что жъ?.. Вмѣсто отца моего, вижу, въ постели лежитъ мужикъ съ черной бородою, весело на меня поглядывая. Я въ недоумѣніи оборотился къ матушкѣ, говоря ей: „Что это значитъ? Это не батюшка. И къ какой мнѣ стати просить благословенія мужика?" — „Все равно, Петруша," отвѣчала мнѣ матушка: „это твой посаженный отецъ; поцѣлуй у него ручку, и пусть онъ тебя благословитъ..." Я не соглашался. Тогда мужикъ вскочилъ съ постели, выхватилъ топоръ изъ-за спины и сталъ махать во всѣ стороны. Я хотѣлъ бѣжать... и не могъ; комната наполнилася мертвыми тѣлами; я спотыкался о тѣла и скользилъ въ кровавыхъ лужахъ... Страшный мужикъ ласково меня кликалъ, говоря: „Не бойсь, подойди подъ мое благословеніе..." Ужасъ и недоумѣніе овладѣли мною... И въ эту минуту я проснулся: лошади стояли; Савельичъ держалъ меня за руку, говоря:

„Выходи, сударь: пріѣхали".

— Куда пріѣхали? спросилъ я, протирая глаза.

„На постоялый дворъ, Господь помогъ, наткнулись прямо на заборъ. Выходи, сударь скорѣе, да обогрѣйся".

Я вышелъ изъ кибитки. Буранъ еще продолжался, хотя съ меньшею силою. Было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа фонарь подъ полою, и ввелъ меня въ горницу, тѣсную, но довольно чистую; лучина освѣщала ее. На стѣнѣ висѣла винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяинъ, родомъ Яицкій *) казакъ, казался, мужикъ лѣтъ шестидесяти, еще свѣжій и бодрый. Савельичъ внесъ за мною погребецъ, потребовалъ огня, чтобъ готовить чай, который никогда такъ не казался мнѣ нуженъ. Хозяинъ пошелъ хлопотать.

— Гдѣ же вожатый? спросилъ я у Савельича.

„Здѣсь, ваше благородіе," отвѣчалъ мнѣ голосъ сверху.

Я взглянулъ на полати и увидѣлъ черную бороду и два сверкающіе глаза.

— Что, братъ, прозябъ?

„Какъ не прозябнуть въ одномъ худенькомъ армякѣ! Былъ тулупъ, да что грѣха таить—заложилъ вечоръ у цѣловальника: морозъ показался невеликъ".

Въ эту минуту хозяинъ вошелъ съ кипящимъ самоваромъ; я предложилъ вожатому нашему чашку чаю; мужикъ слѣзъ съ полатей. Наружность его показалась мнѣ замѣчательна. Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. Въ черной бородѣ его показалась просѣдь; живые большіе глаза такъ и бѣгали. Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. Волосы были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ

*) Яикъ—прежнее названіе рѣки Урала.

оборванный армякъ и татарскіе шаровары. Я поднесъ ему чашку чаю; онъ отвѣдалъ и поморщился. „Ваше благородіе, сдѣлайте мнѣ такую милость... прикажите поднести стаканъ вина; чай не наше казацкое питье“. Я съ охотой исполнилъ его желаніе. Хозяинъ вынулъ изъ ставца штофъ и стаканъ, подошелъ къ нему и, взглянувъ ему въ лицо: „Эхе“, сказалъ онъ: „опять ты въ нашемъ краю! Отколѣ Богъ принесъ?“ Вожатый мой мигнулъ значительно и отвѣчалъ поговоркою: „Въ огородѣ леталъ, конопли клевалъ; швырнула бабушка камушкомъ, да мимо. Ну, а что ваши?“

— Да что наши! отвѣчалъ хозяинъ, продолжая иносказательный разговоръ: стали было къ вечернѣ звонить, да попадья не велитъ: попъ въ гостяхъ, черти на погостѣ.

„Молчи, дядя“, возразилъ мой бродяга: „будетъ дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ: а теперь (тутъ онъ мигнулъ опять) заткни топоръ за спину: лѣсничій ходитъ. Ваше благородіе! за ваше здоровье!“

При сихъ словахъ онъ взялъ стаканъ, перекрестился и выпилъ однимъ духомъ, потомъ поклонился мнѣ и воротился на полати.

Я ничего не могъ тогда понять изъ этого воровскаго разговора, но послѣ уже догадался, что дѣло шло о дѣлахъ Яицкаго войска *), въ то время только что усмиреннаго послѣ бунта 1772 года. Савельичъ слушалъ съ видомъ большаго неудовольствія. Онъ посматривалъ съ подозрѣніемъ то на хозяина, то на вожатаго. Постоялый дворъ, или по тамошнему *уметъ*, находился въ сторонѣ, въ степи, далече отъ всякаго селенія, и очень походилъ на разбойническую пристань. Но дѣлать было нечего. Нельзя было и подумать о продолженіи пути. Безпокойство Савельича очень меня забавляло. Между тѣмъ я расположился ночевать и легъ на лавку. Савельичъ рѣшился убраться на печь; хозяинъ легъ на полу. Скоро вся изба захрапѣла, и я заснулъ какъ убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидѣлъ, что буря утихла. Солнце сіяло. Снѣгъ лежалъ ослѣпительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ такую умѣренную плату, что даже Савельичъ съ нимъ не заспорилъ и не сталъ торговаться по своему обыкновенію и вчерашнія подозрѣнія изгладились совершенно изъ головы его. Я позвалъ вожатаго, благодарилъ за оказанную помощь и велѣлъ Савельичу дать ему полтину на водку. Савельичъ нахмурился. „Полтину на водку!“ сказалъ онъ: „за что это? За то, что ты же изволилъ подвезти его къ постоялому двору? Воля твоя, сударь: нѣтъ у насъ лишнихъ полтинъ. Всякому давать на водку, такъ самому скоро придется голодать“. Я не могъ спорить съ Савельичемъ. Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. Мнѣ было досадно однако жъ, что не могъ отблагодарить человѣка, выручившаго меня если не изъ бѣды, то по крайней мѣрѣ изъ очень непріятнаго положенія.

— Хорошо, сказалъ я хладнокровно: если не хочешь дать полтину, то вынь ему что нибудь изъ моего платья: онъ одѣтъ слишкомъ легко. Дай ему мой заячій тулупъ.

„Помилуй, батюшка, Петръ Андреичъ!“ сказалъ Савельичъ: „Зачѣмъ ему твой заячій тулупъ? Онъ его пропьетъ, собака, въ первомъ кабакѣ“.

— „Это, старинушка, ужъ не твоя печаль“, сказалъ мой бродяга: „пропью ли я, или нѣтъ. Его благородіе жалуетъ мнѣ шубу съ своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дѣло не спорить и слушаться“.

„Бога ты не боишься, разбойникъ!“ отвѣчалъ ему Савельичъ сердитымъ голосомъ. „Ты видишь, что дитя еще не смыслитъ, а ты и радъ его обобрать, простоты его ради. Зачѣмъ тебѣ барскій тулупчикъ? Ты и не напялишь его на свои окаянныя плечища“.

— Прошу не умничать, сказалъ я своему дядькѣ: сейчасъ неси сюда тулупъ.

„Господи, владыко!“ простоналъ мой Савельичъ. „Заячій тулупъ почти новешенькій! И добро бы кому, а то пьяницѣ оголѣлому!“

Однако заячій тулупъ явился. Мужичокъ тутъ же сталъ его примѣривать. Въ самомъ дѣлѣ, тулупъ, изъ котораго успѣлъ и я вырости, былъ немножко для него узокъ. Однако кое-какъ умудрился и надѣлъ его, распоровъ по швамъ. Савельичъ чуть не завылъ, услышавъ, какъ нитки затрещали. Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкимъ поклономъ: „Спасибо, ваше благородіе! Награди васъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милостей“. Онъ пошелъ въ свою сторону, а я отправился далѣе, не обращая вниманія на Савельича, и скоро позабылъ о вчерашней вьюгѣ, о своемъ вожатомъ и о заячьемъ тулупѣ.

Пріѣхавъ въ Оренбургъ, я прямо явился къ генералу. Я увидѣлъ мужчину роста высокаго, но уже сгорбленнаго старостію. Длинные волосы его были совсѣмъ бѣлы. Старый полинялый мундиръ напоминалъ воина временъ Анны Іоанновны, а въ его рѣчи сильно отзывался нѣмецкій выговоръ. Я подалъ ему письмо отъ батюшки. При имени его онъ взглянулъ на меня быстро. „Поже мой“! сказалъ онъ: „Тафно-ли, кажется, Андрей Петровичъ былъ еще твоихъ лѣтъ, а теперь вотъ ужъ какой у него молотецъ! Ахъ, фремя, фремя!“— Онъ распечаталъ письмо и сталъ читать его въ полголоса, дѣлая свои замѣчанія: „Милостивый государь, Иванъ Карловичъ, надѣюсь, что ваше

*) Яицкое войско—уральскіе казаки.

превосходительство"... Это что за серемоніи? Фуй, такъ ему не софѣстно! Конечно, дисциплина первое дѣло, но такъ ли пишутъ къ старому камратъ?.. „ваше превосходительство не забыло"... гм... „и.... когда... покойнымъ фельдмаршаломъ Мин... походѣ... также и"... Эхе, брудеръ! такъ онъ еще помнитъ стары наши проказъ? „Теперь о дѣлѣ... Къ вамъ моего повѣсу"... гм... „держать въ ежовыхъ рукавицахъ"... Что такое ешовы рукавицъ? Это должно быть русска поговоркъ... Что такое держать въ ешовыхъ рукавицахъ? повторилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Это значитъ, отвѣчалъ я ему съ видомъ какъ можно болѣе невиннымъ: обходиться ласково, не слишкомъ строго, побольше воли, держать въ ежовыхъ рукавицахъ.

„Гм, понимаю... и не давать ему воли"... нѣтъ, видно ешовы рукавицы значитъ не то... „При семъ; его паспортъ"... Гдѣ жъ онъ? А, вотъ... „Отписать въ Семеновскій"... Хорошо, хорошо: все будетъ сдѣлано... „Позволишь безъ чиновъ обнять себя и... старымъ товарищемъ и другомъ", а! наконецъ догадался... и прочая и прочая... „Ну, батюшка", сказалъ онъ, прочитавъ письмо и отложивъ въ сторону мой паспортъ: „все будетъ сдѣлано: ты будешь офицеромъ переведенъ въ***полкъ, и чтобъ тебѣ времени не терять, то завтра же поѣзжай въ Бѣлогорскую крѣпость, гдѣ ты будешь въ командѣ капитана Миронова, добраго и честнаго человѣка. Тамъ ты будешь на службѣ настоящей, научишься дисциплинѣ. Въ Оренбургѣ дѣлать тебѣ нечего; разсѣяніе вредно молодому человѣку. А сегодня милости просимъ отобѣдать у меня".

Часъ отъ часу не легче! подумалъ я про себя: къ чему послужило мнѣ то, что почти въ утробѣ матери я былъ уже гвардіи сержантомъ! Куда это меня завело? Въ***полкъ и въ глухую крѣпость на границу Киргизъ-Кайсацкихъ степей!... Я отобѣдалъ у Андрея Карловича, втроемъ съ его старымъ адъютантомъ. Строгая нѣмецкая экономія царствовала за его столомъ, и я думаю, что страхъ видѣть иногда лишняго гостя за своею холостою трапезою былъ отчасти причиною поспѣшнаго удаленія моего въ гарнизонъ. На другой день я простился съ генераломъ и отправился къ мѣсту моего назначенія.

Герой нашего времени.

(М. Лермонтова.)*

Знакомство съ Масимомъ Максимовичемъ.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла изъ одного небольшаго чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ счастью для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастью для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Кайшаурскую долину. Осетинъ-извозчикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Кайшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто—эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшенныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ, высоко-высоко, золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой, безъименной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Кайшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ; по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ тащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица,—а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколько осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, не смотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ кавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я пошелъ къ нему и поклонился; онъ, молча, отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

„Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ, молча, опять поклонился.

„Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

„Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?"

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.—„Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?"

„Съ годъ", отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично

„А что-жъ?"

*) Мелкія стихотворенія Лермонтова см. въ „Практикѣ русскаго яз. I—IV кл.".

— Да такъ-съ! Ужасные бестіи эти азіяты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ! Быки-то ихъ понимаютъ! запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возмешь? Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ!

„А вы давно здѣсь служите?"

— Да, я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ [1]), отвѣчалъ онъ пріосанившись. Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ— прибавилъ онъ—и при немъ получилъ два чина за дѣло противъ горцевъ.

„А теперь вы"?

— А теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?...

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали, молча, идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла на гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ тележку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались.—„Вѣдь этакій народъ!" сказалъ онъ: „и хлѣба по русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: „офицеръ, дай на водку!" Ужъ татары по мнѣ лучше: „тѣ хоть непьющіе..."

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ, и впереди насъ темносинія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранившемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно мнѣ показалось, что что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни; кой-гдѣ изъ подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать, среди этого мертваго сна природы, фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

„Завтра будетъ славная погода!" сказалъ я.

[1]) Ермоловѣ.

Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

„Что-жъ это?" спросилъ я.

— Гутъ-гора.

„Ну такъ что жъ?

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-гора курилась; по бокамъ ея ползли легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

— Намъ придется здѣсь ночевать, сказалъ онъ съ досадою; въ такую мятель черезъ горы не переѣдешь. Что, были ль обвалы на крестовой? спросилъ онъ извощика.

— „Не было, господинъ", отвѣчалъ осетинъ-извощикъ: „а виситъ много, много".

За неимѣніемъ комнаты для пріѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мною былъ чугунный чайникъ—единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прикрѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія, мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ, куда дѣваться: тутъ блеятъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастію, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе, на подобіе двери. Тутъ открылась картина довольно значительная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По срединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на земли, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать: мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

„Жалкие люди!" сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые, молча, на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ. Повѣрите ли? ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы или черкесы, хотя разбойники, голыши, за то отчаянныя башки, а у этихъ и къ ору-

жію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины.

„А вы долго были въ Чечнѣ?“

— Да, я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода,—знаете?

„Слыхалъ“.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы! Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди—либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!..

„А, чай, много съ вами было приключеній?“ сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и задумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него какую-нибудь исторійку,—желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ, какъ-будто про себя: „да, бывало!“ Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые кавказцы любятъ поговорить, поразсказать: имъ такъ рѣдко это удается; другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ нибудь въ захолустьѣ съ ротой, и цѣлыя пять лѣтъ ему никто не скажетъ *здравствуйте*, потому что фельдфебель говоритъ: *здравія желаю*. А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный; каждый день опасность; случаи бываютъ чудные, и тутъ по неволѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

„Не хотите ли подбавить рому?“—сказалъ я моему собесѣднику: „у меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперь холодно“.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

„Что такъ!“

Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фрунтъ навеселѣ, да ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка—пропащій человѣкъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы, продолжалъ онъ: какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу, ноги унесъ, а еще у мирнаго князя былъ въ гостяхъ.

„Какъ же это случилось?“

— Вотъ (онъ набилъ трубку, затянулся и началъ разсказывать), вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой— этому скоро пять лѣтъ. Разъ осенью пришелъ транспортъ съ провіантомъ: въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій, на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. „Вы, вѣрно, спросилъ я его, переведены сюда изъ Россіи“—Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ, отвѣчалъ онъ.—Я взялъ его за руку и сказалъ: „Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно... ну да мы съ вами будемъ жить по-пріятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ, и пожалуйста— къ чему эта полная форма?—приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ“. Ему отвели квартиру и онъ поселился въ крѣпости.

„А какъ его звали?“ спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ *Печоринымъ*. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить, только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ,—а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ—увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ—онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ, а при мнѣ ходилъ па кабана одинъ на одинъ; бывало по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, за то ужъ иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха... Да-съ, съ большими странностями и, должно быть, богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!..

— „А долго онъ съ вами жилъ?“ спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну да ужъ за то памятенъ мнѣ этотъ годъ: надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ. Вѣдь есть, право этакіе люди у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи.

МЦЫРИ.

(М. Лермонтова).

Разсказъ Мцыри.

Ты хочешь знать, что видѣлъ я
На полѣ?—Пышныя поля,
Холмы, покрытые вѣнцомъ
Деревъ, разросшихся кругомъ,
Шумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
И думы ихъ я угадалъ:

Мнѣ было свыше то дано!
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ!
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года,
Имъ не сойтиться никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые, какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зари
Курилися, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ;
И облачко за облачкомъ,
Покинувъ тайный свой ночлегъ,
Къ востоку направляло бѣгъ—
Какъ будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
Въ снѣгахъ, горящихъ какъ алмазъ,
Сѣдой, незыблемый Кавказъ:
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
И стало въ памяти моей
Прошедшее яснѣй, яснѣй...
И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ;
Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ
И дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица,
И блескъ оправленныхъ ноженъ
Кинжаловъ длинныхъ... и какъ сонъ
Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣгало предо мной.
А мой отецъ! Онъ какъ живой
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ, и помнилъ я:
Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И гордый непреклонный взоръ,
И молодыхъ моихъ сестеръ...
Лучи ихъ сладостныхъ очей
И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
Надъ колыбелію моей...
Въ ущельѣ тамъ бѣжалъ потокъ:
Онъ шуменъ былъ, но не глубокъ;
Къ нему на золотой песокъ,
Играть я въ полдень уходилъ
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ передъ дождемъ
Волны касалися крыломъ;
И вспомнилъ я нашъ мирный домъ,
И предъ вечернимъ очагомъ
Разсказы долгіе о томъ,
Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ міръ еще пышнѣй.
Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ—и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля,—
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ... О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой!...
Бѣжалъ я долго—гдѣ, куда,
Не знаю! ни одна звѣзда
Не озаряла трудный путь.
Мнѣ было весело вдохнуть
Въ мою измученную грудь
Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ —
И только. Много я часовъ
Бѣжалъ, и наконецъ, уставъ,
Прилегъ между высокихъ травъ;
Прислушался: погони нѣтъ.
Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
Тянулся длинной полосой
Межъ темнымъ небомъ и землей.
И различалъ я, какъ узоръ,
На ней зубцы далекихъ горъ.
Недвижимъ, молча, я лежалъ.
Порой въ ущеліи шакалъ
Кричалъ и плакалъ какъ дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змѣя скользила межъ камней;
Но страхъ не сжалъ души моей:
Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей
И ползъ и прятался какъ змѣй.
Внизу глубоко надо мной
Потокъ, усиленный грозой,
Шумѣлъ, и шумъ его глухой
Сердитыхъ сотнѣ голосовъ
Подобился. Хотя безъ словъ,
Мнѣ внятенъ былъ тотъ разговоръ,
Немолчный ропотъ, вѣчный споръ
Съ упрямой грудою камней.
То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй
Онъ раздавался въ тишинѣ;
И вотъ въ туманной вышинѣ,
Запѣли птички, и востокъ
Озолотился; вѣтерокъ

Сырые шевельнулъ листы;
Дохнули сонные цвѣты,
И какъ они на встрѣчу дню,
Я поднялъ голову мою....
Я осмотрѣлся; не таю:
Мнѣ стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежалъ,
Гдѣ вылъ, крутясь, сердитый валъ;
Туда вели ступени скалъ,
Но лишь злой духъ по нимъ шагалъ,
Когда, низверженный съ небесъ,
Въ подземной пропасти исчезъ.
Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ;
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полные на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ припалъ,
И снова вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ страннымъ голосамъ:
Они шептались по кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ; не раздался
Въ торжественный хваленья часъ
Лишь человѣка гордый гласъ.
Все, что я чувствовалъ тогда,
Тѣ думы—имъ ужъ нѣтъ слѣда;
Но я-бъ желалъ ихъ разсказать,
Чтобъ жить, хоть мысленно, опять.
Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока полдневный зной
Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томиться сталъ.

Послѣ Лермонтова идетъ по программѣ А. Кольцовъ, но стихотвореній его было помѣщено достаточно въ „Практикѣ русскаго яз. I—IV кл.“, почему переходимъ прямо къ Гоголю.

Старосвѣтскіе помѣщики.

(*Н. В. Гоголя*).

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ старосвѣтскими, которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плѣсень, и лишенное штукатурки крыльцо не показываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и неспокойныя порожденія злаго духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи. Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома чтобы можно было, во время грома и града, затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ. За нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ; развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ для отдыха коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду съ молодыми, и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимися коврами; возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара; отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него,—все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть, можетъ быть, оттого, что я уже не вижу ихъ и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкатывали подъ крыльцо, кучеръ преспокойно слѣзалъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ будто бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который поднимали флегматическіе барбосы, бровки и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ. Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ, старички, старушки, заботливо выходившіе навстрѣчу.

Ихъ лица мнѣ представляются и теперь иногда въ шумѣ и толпѣ среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ и мерещится былое. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя по крайней мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную буколическую жизнь.

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище, и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ—и ничего болѣе. Грустно! мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу. Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Если бы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другого оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ все въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ, или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезчуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ, вѣрно бы, укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную, жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копейку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ, наконецъ, капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на эти презрѣнныя и жалкія творенія, такъ же какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу *ты*, но всегда *вы*: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна. „Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?“ — „Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я“.

Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержался съ такою опрятностію, съ какою вѣрно не содержался ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ. Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами цвѣточными, огородными, арбузными, висѣли по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтіе прежде, были укладены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится. Но самое замѣчательное въ домѣ—были поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего онѣ пѣли: перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ; но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь въ столовую хрипѣла басомъ; но та, которая была въ стѣнахъ, издавала какой-то странный дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно наконецъ слышалось: батюшки, я зябну! Я знаю, что многимъ очень не нравится сей звукъ; но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда здѣсь услыщать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею, низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ, ужиномъ, уже стоящимъ на столѣ, майскою темною ночью, глядящею изъ сада сквозь растворенное окно на столъ, уставленный приборами, соловьемъ, обдающимъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами, страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и Боже, какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній! Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ, безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и были нѣсколько похожи на тѣ стулья, на которые и донынѣ садятся архіереи. Трехъугольные столики по угламъ, четырехъугольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, коверъ передъ диваномъ съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицы—вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики.

Тарасъ Бульба.

(Н. Гоголя).

а) Пріѣздъ сыновей.

— А поворотись, сынку! цуръ тебѣ, какой ты смѣшной! Что это на васъ за поповскіе подрясники? И эдакъ всѣ ходятъ въ академіи?

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ Кіевской бурсѣ и пріѣхавшихъ уже на домъ къ отцу.

Сыновья его только-что слѣзли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе изъ-подъ лобья, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень сконфужены такимъ пріемомъ отца и стали неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

— Постойте, постойте, дѣти, продолжалъ онъ, поворачивая ихъ: какія же длинныя на васъ свитки[1]) Вотъ это свитки! Ну, ну, ну! такихъ свитокъ еще никогда на свѣтѣ не было! А ну побѣгите оба: я посмотрю, не попадаете ли вы?

— Не смѣйся, не смѣйся, батьку! сказалъ, наконецъ, старшій изъ нихъ.

— Фу, ты какой пышный! а отчего жъ бы не смѣяться?

— Да такъ. Хоть ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то, ей Богу, поколочу!

— Ахъ ты, сякой такой сынъ? Какъ! батька? сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько назадъ.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Какъ же ты хочешь со мною биться? развѣ на кулаки?

— Да ужъ на чемъ бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! говорилъ Бульба, засучивъ рукава.—И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали преусердно колотить другъ друга.

— Вотъ это сдурѣлъ старый! говорила бѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и не успѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ.

— Ей Богу, сдурѣлъ! Дѣти пріѣхали домой, больше году не видали ихъ, а онъ задумалъ Богъ знаетъ что: биться на кулачки!

— Да онъ славно бьется! говорилъ Бульба, остановившись. Ей Богу хорошо!.... такъ-таки, продолжалъ онъ, немного оправляясь, хоть бы и не пробовать. Добрый будетъ казакъ. Ну, здорово, сынку! почеломкаемся!

И отецъ съ сыномъ начали цѣловаться. „Добре, сынку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ; никому не спускай! А все-таки на тебѣ смѣшное убранство. Что это за веревка виситъ? А ты, бейбасъ, что стоишь и руки опустилъ? говорилъ онъ, обращаясь къ младшему. „Что же ты, собачій сынъ, не колотишь меня?“

— Вотъ еще выдумалъ что! говорила мать, обнимавшая между тѣмъ младшаго.—И придетъ же въ голову! Какъ можно, чтобы дитя било родного отца? Притомъ будто до того теперь: дитя малое, проѣхало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ); ему бы теперь нужно отпочить и поѣсть чего-нибудь; а онъ заставляетъ биться!

— Э, да ты мазунчикъ, какъ я вижу! говорилъ Бульба.—Не слушай, сынку, матери: она баба; она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба—чисто поле да добрый конь; вотъ ваша нѣжба! А видите вотъ эту саблю? вотъ ваша матерь! Это все дрянь, чѣмъ набиваютъ васъ: и академія, и всѣ тѣ книжки, буквари и философія, все это *ка зна що*, а плевать на все это!—Я васъ на той же недѣлѣ отправлю въ Запорожье. Вотъ вамъ ваша школа! вотъ тамъ только наберетесь разуму!

„И только всего одну недѣлю быть имъ дома?“ говорила жалостно, со слезами на глазахъ, худощавая старуха-мать. „И погулять имъ, бѣднымъ, не удастся, и дому родного некогда будетъ узнать имъ, и мнѣ не удастся наглядѣться на нихъ!“

— Полно, полно, старуха! Казакъ не на то, чтобы возиться съ бабами. Ступай скорѣе да неси намъ все, что ни есть, на столъ. Пампушекъ[1]), маковниковъ, медовиковъ и другихъ пундиковъ ненужно, а прямо такъ и тащи намъ цѣлаго барана на столъ. Да горилки, чтобы горилки было побольше! Не этой разной, что съ выдумками: съ изюмомъ, родзинками и другими вытребеньками, а чистой горилки, настоящей, такой, чтобы шипѣла, какъ бѣсъ!

Бульба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу. Все въ свѣтлицѣ было убрано во вкусѣ того времени; а время это касалось XVI вѣка, когда еще только-что начинала рождаться мысль объ уніи. Все было чисто, вымазано глиною. Вся стѣна была убрана саблями и ружьями. Окна въ свѣтлицѣ были маленькія, съ круглыми матовыми стеклами, какъ встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ церквахъ. На полкахъ, занимавшихъ углы комнатъ и сдѣланныхъ угольниками, стояли глиняные кувшины, синія и зеленыя фляжки, серебряные кубки, позолоченныя чарки венеціанской, турецкой и черкесской работы, зашедшія въ свѣтлицу Бульбы разными путями, чрезъ третьи и четвертыя руки, что было очень обыкновенно въ эти удалыя времена. Липовыя скамьи вокругъ всей комнаты и огромный столъ посреди ея, печь, разъѣхавшаяся

---

[1]) Свиткой называется верхняя одежда у малороссіянъ.

[1]) Оладьи.

на полкомнаты, какъ толстая русская купчиха, съ какими-то нарисованными пѣтухами на изразцахъ— всѣ эти предметы были довольно знакомы нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ почти каждый годъ домой на каникулярное время, приходившимъ потому, что у нихъ не было еще коней, и потому, что у нихъ не было въ обычаѣ позволять школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были только длинные чубы, за которые могъ выдрать ихъ всякій казакъ, носившій оружіе. Бульба, только при выпускѣ ихъ, послалъ имъ изъ табуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

— Ну, сынки! прежде всего выпьемъ горилки! Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остапъ, и ты, Андрій! Дай же, Боже, чтобъ вы на войнѣ всегда были удачливы! чтобы бусурмановъ били, и турковъ бы били, и татарву били бы, когда и ляхи начнутъ что противъ вѣры нашей чинить, то и ляховъ бы били! Ну, подставляй свою чарку. Что, хороша горилка? А какъ по-латыни—горилка? Тото, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свѣтѣ горилка. Какъ-бишь того звали, что латынскіе вирши писалъ? Я грамоты-то не слишкомъ разумѣю, то и не помню: Горацій, кажется?"

„Вишь какой батько" подумалъ про себя старшій сынъ, Остапъ: „все, собака, знаетъ, а еще и прикидывается".

— Я думаю, архимандритъ, продолжалъ Бульба, не давалъ вамъ и понюхать горилки. А что, сынки, признайтесь: порядочно васъ стегали березовыми да вишневыми по спинѣ и по всему? а можетъ, такъ какъ вы уже слишкомъ разумные, то и плетюгами? Я думаю, кромѣ субботки, драли васъ и по средамъ, и по четвергамъ.

— Нечего, батько, вспоминать, говорилъ Остапъ съ обыкновеннымъ своимъ флегматическимъ видомъ—что было, то уже прошло.

— Теперь мы можемъ расписать всякаго, говорилъ Андрей,—саблями да списами. Вотъ пусть только попадется татарва.

— Добре, сынку! ей Богу, добре! да когда такъ, то и я съ вами ѣду! ей Богу, ѣду? Какого дьявола мнѣ здѣсь ожидать? Что! я долженъ развѣ смотрѣть за хлѣбомъ да за свинарями? или бабиться съ женою? Чтобъ она пропала! Чтобъ я для нея оставался дома? Я казакъ! я не хочу! Такъ что же, что нѣтъ войны? я такъ поѣду съ вами на Запорожье погулять. Ей Богу, ѣду! — И старый Бульба мало-по-малу горячился и наконецъ разсердился совсѣмъ, всталъ изъ-за стола и, пріосанившись, топнулъ ногой.—Завтра же ѣдемъ! Зачѣмъ откладывать? Какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? на что намъ эта хата? къ чему намъ все это? на что горшки?—При этомъ Бульба началъ колотить и швырять горшки и фляжки.

Бѣдная старушка жена, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить, но, услышавши о такомъ страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала такая скорая разлука—и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно сжатыхъ губахъ.

Мертвыя души.

(Н. Гоголя).

а) Плюшкинъ.

Покамѣстъ Чичиковъ думалъ и мысленно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужиками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро, однакоже, далъ замѣтить ему это препорядочный толчекъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и необерегшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же, случалось, своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху да жерди по сторонамъ въ видѣ ребръ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тесъ, разсуждая и, конечно, справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ вёдро и сама не каплетъ; бабиться же въ ней не зачѣмъ, когда есть просторъ и въ кабакѣ, и на большой дорогѣ, словомъ—гдѣ хочешь. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже не живописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго; цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ; на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился съ боку кустарникъ.

Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой,—опустѣвшая деревянная и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями сталъ показываться господскій домъ и, наконецъ, глянулъ весь

въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ, или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною, городьбою. Какимъ то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный зáмокъ, длинный, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера[1]), одинъ противъ другого, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями, или даже забиты досками. Эти окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и засохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетно-листными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и крутился на воздухѣ, какъ правильная, мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители[2]), темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмель, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ, наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между ними углубленіе, зіявшее, какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая, узкая дорожка, обрушенныя перила, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый, дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и, наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленые лапы-листья, подъ однимъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть, какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ, подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ отдернутыя и не вполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда онѣ соединяются вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубо-ощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и даетъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился, наконецъ, передъ самимъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣсень уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній — людскихъ, амбаровъ, погребовъ, видимо ветшавшихъ,—наполняла дворъ: возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего не замѣтно было оживляющаго картину,—ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома. Только одни главныя ворота были растворены и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были бы заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замбкъ-исполинъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала спорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ.

Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура, баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ; на головѣ колпакъ, какой носятъ деревенскія бабы: только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. „Ой баба!“ подумалъ онъ про себя, и тутъ же прибавилъ: „Ой нѣтъ!—Конечно баба!“ наконецъ, сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура, съ своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому что она осмотрѣла не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у ней за поясомъ ключамъ и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

1) Свѣтелка на крышѣ.
2) Верхняя, съ украшеніями, часть колонны.

„Послушай, матушка", сказалъ онъ, выходя изъ брички: „что баринъ?..."

„Нѣтъ дома", прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: „А что вамъ нужно?"

„Есть дѣло".

„Идите въ комнаты!" сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ вошелъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ, наконецъ, очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину.

Тутъ же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкафъ, съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ перламутровою мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ наверху, какая то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь изсохшій, ростомъ не болѣе лѣсного орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какой-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія, какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ. На стѣнахъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ: длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую головою внизъ утку.

Съ средины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена куча того, что погрубѣе и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ, — рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребываніе старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разсматривалъ все странное убранство, отворилась дверь, и взошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, которою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣніемъ, что хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что хочетъ сказать ему Чичиковъ. Наконецъ, послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

„Что-жъ баринъ? у себя, что ли?

„Здѣсь баринъ", отнѣчалъ ключникъ.

„Гдѣ же?" повторилъ Чичиковъ.

„Что, батюшка, слѣпы-то, что-ли?" сказалъ ключникъ.

„Эхва! А вить хозяинъ-то—я!"

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какое у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухли и бѣгали изъ-подъ высоко-выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараніями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, которая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ-

нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ, ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательное и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба зерномъ, мукою и, просто, въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушила загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся, — ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ куда-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево—шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки[1]), ушаты, лагуны[2]), жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкольники[3]), куда бабы кладутъ свои мычки, и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной бересты и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему, — старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ,—все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. „Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту!“ говорили мужики, когда видѣли его идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него незачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору,—шпора эта мигомъ отправлялась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучекъ, лоскутокъ бумажки, перышко, и все это клалъ на бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ, былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости! Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни, вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; а навстрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы, выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были всѣ заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ, приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ: нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабъ-ротмистромъ, Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка, и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель-французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась небезгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны; сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку. Весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что называется въ простонародіи—шишъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, остав-

1) Полубочки. 2) Маленькая бочка. 3) Лукошко для волоконъ.

шаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ, и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты, онъ послалъ ему отъ души свое отцевское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ, остались только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида болѣе и болѣе главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ: сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на немъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно ее было рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было дотронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ мѣтку, чтобы никто воровскимъ манеромъ ея не выпилъ, да гдѣ лежало перышко, или сургучикъ. А между тѣмъ, въ хозяйствѣ доходъ собирался попрежнему: столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была баба, столько же поставокъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился, наконецъ, въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сыномъ, пыталась, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ однакоже ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежащую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ, одного на правое колѣно, а другого на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ: куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

Итакъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ!

Ревизоръ.

(*Н. Гоголя*).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

Комната въ домѣ городничаго. Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій.

Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Какъ! ревизоръ?

Артемій Филипповичъ.

Какъ! ревизоръ?

Городничій.

Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито, и еще съ секретнымъ предписаніемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Вотъ-те на!

Артемій Филипповичъ.

Вотъ не было заботы, такъ подай!

Лука Лукичъ.

Господи Боже! еще съ секретнымъ предписаньемъ.

Городничій.

Я какъ-будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали—и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филиповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: „Любезный другъ, кумъ и благодѣтель“ (*бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами*)... „и увѣдомить тебя“. А, вотъ: „спѣшу, между прочимъ, и увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ (*значительно поднимаетъ палецъ вверхъ*). Я

узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицемъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...“ *(остановясь)* ну, здѣсь свои... „то совѣтую тебѣ взять предосторожность, ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня...“ Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: „сестра Анна Кирилловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кирилловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ...“ и прочее и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да, обстоятельство такое необыкновенное, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лукичъ.

Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Городничій (испуская вздохъ).

Зачѣмъ! такъ уже видно судьба! *(Вздохнувъ).* До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну; и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ-ли гдѣ измѣны.

Городничій.

Экъ куда хватилъ! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный что-ли? Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Нѣтъ, я вамъ скажу. Вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды; даромъ что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій.

Мотаетъ, или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ. Смотрите! по своей части я коекакія распоряженія сдѣлалъ, совѣтую и вамъ, особенно вамъ, Артемій Филипповичъ. Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по домашнему.

Артемій Филипповичъ.

Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій.

Да. И тоже надъ кождою кроватью надписать по латыни, или на другомъ такомъ языкѣ... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ, — всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бы ихъ было меньше: тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію или къ неискуству врача.

Артемій Филипповичъ.

О! Насчетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше; лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой! если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бы съ нимъ изъясняться: онъ порусски ни слова не знаетъ.

Христіанъ Ивановичъ *(издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву и, и нѣсколько на е).*

Городничій.

Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ, въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенятками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему же сторожу и не завесть его? только знаете, къ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Городничій.

Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь и надъ самымъ шкафомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять можете его повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода — это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствитетьно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ *(издаетъ тотъ же звукъ).*

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Городничій.

Да я такъ только замѣтилъ вамъ. На счетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Чтожъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки; но чѣмъ взятки? борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Городничій.

Ну, щенками или чѣмъ другимъ — все взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль...

Городничій.

Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? за то вы въ Бога не вѣруете, вы въ церковь никогда не ходите; а я по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Ѳедоровичъ.

Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій.

Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно на счетъ учителей. Оню люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, вошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу: вотъ этакъ *(дѣлаетъ гримасу)*, и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстуха утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего: можетъ быть оно тамъ и нужно такъ—объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ посѣтителю— это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ, или другой кто, можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти.

Лука Лукичъ.

Что жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? я ужъ нѣсколько разъ говорилъ. Вотъ еще на дняхъ, когда зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

Городничій.

То же долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова — это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя.

Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ—еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ — ей-Богу! сбѣжалъ съ каѳедры и, что силъ есть, хвать стуломъ объ полъ. Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ.

Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Говоритъ: какъ хотите, для науки я жизни не пощажу.

Городничій.

Да, таковъ ужъ неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ или пьяница или рожу такую строитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ.

Не приведи Богъ служить по ученой части! всего боишься, всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Городничій.

Это бы еще ничего. Инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ; а. вы здѣсь голубчики! А кто, скажетъ здѣсь судья Ляпкинъ-Тяпкинъ. А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній? — Земляника. А подать сюда Землянику! Вотъ что худо!

Руководство къ писанію сочиненій на темы.

(Сост. А. Смирновъ).

Прежде чѣмъ говорить о тѣхъ чисто-техническихъ пріемахъ, къ которымъ долженъ прибѣгать пишущій сочиненіе на тему, необходимо съ одной стороны указать на ту общую цѣль, къ которой стремится всякій авторъ, а съ другой—на тѣ необходимыя условія, при которыхъ возможно бываетъ взяться за разработку той, или иной темы.—Не вдаваясь въ подробности отличія субъективнаго и объективнаго творчества, съ которыми читатель долженъ быть знакомъ по курсу теоріи словесности, мы можемъ сказать, что руководящимъ мотивомъ всякаго литературнаго произведенія является желаніе автора подѣлиться своими мыслями съ читателемъ, привить ему свою точку зрѣнія, познакомить его съ той, или иной картиной дѣйствительности,—предварительно пропустивъ ее черезъ призму своего міросозерцанія.—Ясно, что для того, чтобы передавать точку зрѣнія необходимо имѣть ее самому, поэтому прежде чѣмъ приступить къ разработкѣ заданной темы для всякаго автора, будь онъ опытнымъ литераторомъ, ли начинающимъ ученикомъ, необходимо бываетъ уяснить ее самому себѣ, т. е. окончательно установить собственную точку зрѣнія на тотъ предметъ, о которомъ будетъ говориться въ сочиненіи. Идея сочиненія должна быть ясна для автора еще до планировки его, до подыманія матеріала, т. к. вся эта работа: и подборъ матеріала, и планировка находятся въ тѣсной зависимости отъ идеи.— Такимъ образомъ, писаніе сочиненія возможно только при томъ условіи, когда съ одной стороны для автора ясенъ вопросъ, заключающійся въ темѣ, а съ другой стороны — когда отвѣтъ на этотъ вопросъ уже предрѣшенъ и дальнѣйшая работа сводится только къ возможно болѣе ясной, точной и обоснованной формулировкѣ этого отвѣта. Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, тѣ темы, на которыя приходится отвѣчать ученикамъ старшихъ классовъ гимназіи или экстернамъ, держащимъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, я долженъ замѣтить, что большинство, если не всѣ сочиненія этого рода носятъ характеръ разсужденій и поэтому сводятся въ большинствѣ случаевъ къ выясненію какого-либо понятія, или доказательству истинности какого-нибудь сужденія.—Предполагая, что читающій эти строки уже знакомъ съ теоріей словесности вообще и въ частности съ теоріей разсужденій, я укажу только на основныя формы темъ сочиненій этого рода.—

Каждая заданная тема представляетъ изъ себя *полное,* или *неполное* сужденіе; полнымъ сужденіемъ является тема въ томъ случаѣ, если въ ней даны подлежащее и сказуемое, такъ что авторъ сочиненія долженъ при развитіи ея (темы) доказать совмѣстимость, или несовмѣстимость этихъ двухъ понятій.

Напр.: тема—„*Трудъ полезенъ человѣку*“.— Здѣсь даны и подлежащее (*трудъ*) и сказуемое

(*полезенъ*)—требуется только доказать совмѣстимость этихъ двухъ понятій. — Ко 2-й категоріи относятся темы, въ которыхъ дано одно понятіе—*сказуемаго*, къ которому требуется сначала *подыскать* понятіе подлежащаго, а затѣмъ, какъ и въ первой категоріи, доказать совмѣстимость этихъ двухъ понятій (даннаго и подысканнаго).—Напр.: тема—„*Что приноситъ пользу человѣку?*"—Предположимъ, что авторъ находитъ наиболѣе соотвѣтствующимъ подлежащимъ къ данному сказуемому („приноситъ пользу")—понятіе „*трудъ*" —тогда тема принимаетъ тотъ же видъ, какъ и въ первомъ примѣрѣ, и автору остается только доказывать совмѣстимость этихъ двухъ понятій.— Наконецъ, къ 3-й категоріи относятся темы, въ которыхъ дано одно понятіе — подлежащаго, къ которому требуется подыскать соотвѣтствующее понятіе—сказуемаго, чтобы свести къ темамъ 1-й категоріи.—Напр., тема—„*какое значеніе для человѣка имѣетъ трудъ?*" — Подлежащее — „трудъ"—дано, требуется подыскать понятіе сказуемаго и затѣмъ доказать совмѣстимость даннаго подлежащаго и подысканнаго сказуемаго.—Такимъ образомъ мы видимъ, что заданная въ той, или иной формѣ тема должна быть приведена къ формѣ болѣе или менѣе категорическаго сужденія и только послѣ этого возможно приступать къ самому развитію мысли въ сочиненіи.—Дальнѣйшая стадія работы заключается въ подысканіи подходящаго матеріала, а затѣмъ въ расположеніи этого матеріала въ томъ, или иномъ порядкѣ.

При подысканіи матеріала необходимо обращать вниманіе на то, чтобы этотъ матеріалъ содѣйствовалъ выясненію точки зрѣнія автора, той идеи, которую онъ проводитъ въ своемъ сочиненіи. Какъ въ живой рѣчи ораторъ прибѣгаетъ къ наиболѣе вѣскимъ аргументамъ, подтверждающимъ его главную мысль, заранѣе предотвращая тѣ возраженія, которыя можетъ высказать слушающій, такъ и пишущій сочиненіе долженъ отстаивать свою точку зрѣнія, подбирая соотвѣтствующій матеріалъ.—Нечего и говорить, что чѣмъ шире и разнообразнѣе этотъ матеріалъ, чѣмъ полнѣе можетъ обосновать свои мысли авторъ сочиненія, тѣмъ выше будетъ и качество самаго сочиненія.— Помимо того матеріала, который мы можемъ черпать, смотря по характеру темы или въ литературѣ, или въ окружающей насъ жизни, намъ нерѣдко приходится прибѣгать къ примѣрамъ, живо подтверждающимъ нашу мысль. Эти примѣры въ сочиненіяхъ играютъ роль опытовъ въ естественныхъ наукахъ, оживляя самое изложеніе и болѣе наглядно доказывая мысль автора.—Но несмотря на то значеніе, которое имѣютъ примѣры, ими необходимо пользоваться очень осторожно съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы они не заслоняли собой тѣхъ разсужденій, которыя являются наиболѣе существенной частью сочиненія. При выборѣ примѣровъ необходимо стараться останавливаться только на тѣхъ изъ нихъ, которые вполнѣ ясно и по возможности кратко подтверждаютъ только что высказанную мысль (характеричность примѣровъ).—Если примѣръ вводитъ какую-либо новую мысль, или, вслѣдствіе мѣстности, можетъ быть истолкованъ по-разному, то онъ теряетъ свое значеніе, являясь тормазомъ въ общемъ развитіи мысли сочиненія.— Иногда пишущій сочиненіе все доказательство своей мысли строитъ на цѣломъ рядѣ примѣровъ, выхваченныхъ болѣе или менѣе удачно изъ литературныхъ произведеній или изъ собственнаго опыта, почти совсѣмъ не „разсуждая" и не доказывая логическимъ путемъ идеи сочиненія:— безусловно такой пріемъ надо считать ошибочнымъ, такъ какъ читателю въ такомъ случаѣ предоставляется только сырой матеріалъ, а не разобранная тема.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, тѣ *правила, которыхъ нужно придерживаться при первомъ ознакомленіи съ темой*, подготовляясь къ ея дальнѣйшей разработкѣ: съ одной стороны возможно широкое знакомство со всѣмъ тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ вопросу, затронутому темой, затѣмъ выясненіе (для себя) той идеи, которая будетъ проведена въ сочиненіи, подборъ матеріала, наиболѣе подходящаго для проведенія этой идеи и, наконецъ, поскольку возможно,—выборъ наиболѣе характеричныхъ примѣровъ для подтвержденія основной мысли сочиненія. Необходимо добавить еще, что при выборѣ матеріала мы должны быть позможности самостоятельны, т. е. къ имѣющемуся подъ руками матеріалу мы должны относиться критически, не полагаясь исключительно на авторитетъ тѣхъ источниковъ, къ которымъ мы обращаемся.—Нужно имѣть въ виду, что всякое утвержденіе и обращеніе въ сочиненіи не должно быть голословно, и авторъ долженъ имѣть свое собственное убѣжденіе, которое можетъ составиться только при критическомъ отношеніи къ матеріалу, при детальномъ знакомствѣ со всѣмъ тѣмъ, что можно сказать *за* или *противъ* развиваемой мысли.

Слѣдующая стадія разработки темы заключается *въ составленіи* болѣе или менѣе подробнаго *плана;* я говорю: „болѣе или менѣе" въ виду того, что не всегда удается въ самомъ началѣ предусмотрѣть всѣ тѣ детали, на которыя распадаются отдѣльныя части сочиненія и, наконецъ, зачастую во время самаго писанія сочиненій вводятся новыя части, замѣняются намѣченныя раньше—вслѣдствіе требованій логики, или какихъ-либо другихъ соображеній.

Говоря о планѣ сочиненія вообще, мы можемъ только указать на тѣ общія характерныя черты отдѣльныхъ частей сочиненія, на которыя особенно слѣдуетъ обратить вниманіе. Наиболѣе крупныхъ частей во всякомъ сочиненіи бываетъ три:

введеніе, главная часть и заключеніе. Каждая изъ этихъ частей имѣетъ свое назначеніе, которое нужно имѣть въ виду при дѣленіи подобраннаго матеріала. Въ первой части сочиненія —введеніи— авторъ стремится подготовить читателя къ воспринятію тѣхъ мыслей, которыя составляютъ главный предметъ сочиненія. По большей части здѣсь выясняются причины, побудившія автора остановиться на данной темѣ (т. е. выясняется, въ чемъ заключается интересъ, вызываемый данной темой), при чемъ нерѣдко здѣсь же намѣчается въ общихъ чертахъ основная мысль сочиненія, которая будетъ развиваться далѣе въ главной части. Въ этой части (введеніи) встрѣчаются чаще всего слѣдующія ошибки: во-первыхъ, ученикъ почти весь матеріалъ, находящійся у него подъ руками, вкладываетъ въ введеніе, такъ что въ главной часто ему уже почти ничего не остается говорить, или приходится повторять то, что уже было сказано раньше. Затѣмъ часто вступительная часть сочиненія бываетъ слишкомъ распространена независимо отъ темы и матеріала, такъ что почти равняется, а иногда даже и превосходитъ главную часть, въ которой авторъ, затратившій всю энергію на введеніе, даетъ только рядъ заключеній безъ всякихъ выводовъ и разсужденій. Наконецъ, самая крупная ошибка, которую дѣлаютъ въ введеніи, заключается въ томъ, что эта часть оказывается оторванной отъ всего сочиненія: не зная съ чего начать, ученикъ говоритъ во введеніи о предметахъ, не имѣющихъ никакого, или почти никакого отношенія къ главной мысли сочиненія; поэтому необходимо при планировкѣ сочиненія обратить особое вниманіе на то, чтобы введеніе вполнѣ соотвѣтствовало главной идеѣ сочиненія, чтобы оно не было слишкомъ распространенно и чтобы оно въ достаточной мѣрѣ подготовляло читателя къ дальнѣйшему развитію основной мысли.

Наиболѣе крупной и важной частью сочиненія является слѣдующая, непосредственно за введеніемъ, такъ называемая, *главная часть,* въ которой развивается основная мысль сочиненія; тутъ автору приходится очень старательно располагать заготовленный матеріалъ такимъ образомъ, чтобы, не нарушая внутренней связи, доказать истинность своего взгляда по частямъ, отдѣляя болѣе существенное отъ менѣе существеннаго, подтверждая отдѣльныя мысли подходящими примѣрами.—Ходъ разсужденій можетъ итти двоякимъ образомъ: авторъ можетъ переходить отъ менѣе вѣскихъ доказательствъ къ болѣе важнымъ въ порядкѣ, такъ сказать, *восходящей градаціи,*—или наоборотъ—онъ можетъ въ началѣ главной части привести наиболѣе сильные аргументы, а затѣмъ перейти къ доказательствамъ второстепеннымъ—въ порядкѣ *градаціи нисходящей;* дѣло только въ томъ, чтобы существовала градація, а не было бы смѣшенія существеннаго съ несущественнымъ. (Систематизація).—На это обстоятельство необходимо обратить вниманіе въ самомъ началѣ при составленіи плана. Весь матеріалъ, находящійся подъ руками, надо расположить въ порядкѣ той или иной градаціи, озаглавивъ отдѣльныя части; эти части должны быть болѣе или менѣе крупными, т. е. я хочу сказать, что при первоначальномъ составленіи плана, нельзя сразу приступать къ детальному раздробленію на части, а необходимо сначала отмѣтить важнѣйшіе пункты въ ходѣ развитія мысли, имѣя все время передъ глазами основную идею сочиненія, которая должна связывать всѣ эти части въ одно неразрывное цѣлое.—О размѣрахъ главной части сочиненія не приходится говорить, такъ какъ это зависитъ отъ темы и того матеріала, которымъ пользуется пишущій сочиненіе.—Послѣ того, какъ намѣчены важнѣйшіе пункты этой части, можно приступить къ дальнѣйшему подраздѣленію, придерживаясь того же порядка, т. е. располагая матеріалъ по степени его важности.

Послѣ такой детальной разработки главной части можно переходить и къ послѣдней части сочиненія—заключенію, которое такъ же, какъ и введеніе, должно быть тѣсно связано со всѣмъ сочиненіемъ, являясь конечнымъ выводомъ изъ всего того, что было сказано въ предшествующихъ частяхъ. — Если въ введеніи, какъ мы говорили, авторъ стремится подготовить почву для воспринятія главной мысли сочиненія, то въ заключеніи онъ стремится къ общей, болѣе или менѣе полной, формулировкѣ, вытекающей изъ тѣхъ разсужденій, которыя авторъ приводитъ въ главной части; поэтому мы должны стремиться, чтобы заключеніе было только *выводомъ изъ сказаннаго,* чтобы въ немъ не давалась какая-либо новая мысль, требующая особыхъ разсужденій и доказательствъ.—Имѣя въ виду небольшіе размѣры обыкновеннаго ученическаго сочиненія (не болѣе листа) и скудность матеріала, которымъ располагаетъ авторъ такого сочиненія, я думаю, не лишнимъ будетъ остеречь пишущаго сочиненіе на тему отъ излишней категоричности въ заключеніи.—Къ формулировкѣ какой бы то ни было мысли нужно относиться очень осторожно, потому что каждое слово здѣсь должно быть достаточно обосновано, достаточно доказано предшествующими разсужденіями и если мы будемъ въ заключеніи дѣлать слишкомъ обобщающіе выводы, то мы рискуемъ быть голословными. —Насколько часто встрѣчаются въ ученическихъ сочиненіяхъ слишкомъ распространенныя введенія— настолько же часто авторы этихъ сочиненій не находятъ, что сказать въ заключеніи и поэтому ограничиваются нѣсколькими словами, часто не имѣющими никакого отношенія къ главной мысли сочиненія.—Эта излишняя лаконичность безъ сомнѣнія является недостаткомъ, такъ-какъ заклю-

ченіе вслѣдствіе этого не достигаетъ своей цѣли— быть конечнымъ выводомъ въ ясной и сжатой формѣ, обобщающимъ все сказанное раньше.

Послѣ того, какъ планъ сочиненія составленъ сообразно съ выше данными указаніями, можно приступать и къ самому изложенію.—Помимо тѣхъ требованій теоретическаго характера, которымъ должно удовлетворять всякое изложеніе мысли, необходимо помнить, что чѣмъ ближе изложеніе къ живой разговорной рѣчи, чѣмъ меньше искусственности, сухости и педантизма въ изложеніи—тѣмъ выше достоинство сочиненія.—Ошибки, чаще всего встрѣчающіяся въ изложеніи, заключаются или въ излишней лаконичности, когда ученикъ только схематически передаетъ свои мысли, не пытаясь связать ихъ между собою періодическою рѣчью,— или наоборотъ, стараясь избѣжать этой ошибки, пишущій впадаетъ въ противоположную крайность, сооружая искусственнымъ путемъ такіе длинные періоды, что въ нихъ бываетъ трудно разобраться... Избѣгая той и другой крайности, нужно по возможности чередовать періодическія фразы съ болѣе короткими, чтобы, такимъ образомъ, достичь извѣстной плавности въ изложеніи. — Но менѣе часто встрѣчается ошибка, заключающаяся въ частомъ повтореніи одной и той же мысли, или одного и того же слова; перваго можно избѣжать при правильной планировкѣ сочиненія, второго же можно избѣжать только при внимательномъ перечитываніи написаннаго и замѣнѣ однихъ словъ другими, сходными въ синонимическомъ отношеніи; иногда приходится совершенно перефразировать какую-либо часть сочиненія, чтобы избѣжать накопленія однихъ и тѣхъ же словъ и выраженій... — При выполненіи плана въ самомъ изложеніи необходимо также заботиться, чтобы переходы отъ одной части къ другой (напр.—отъ введенія къ главной части) не были слишкомъ рѣзки съ внѣшней стороны, такъ какъ отъ этого въ значительной степени страдаетъ цѣльность всей работы.

Давши рядъ общихъ указаній по поводу пріемовъ, къ которымъ слѣдуетъ прибѣгать при работѣ любой заданной темы, я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на отдѣльныхъ видахъ темъ, чаще всего разбираемыхъ въ старшихъ классахъ гимназій и другихъ средне-учебныхъ заведеній.— Приблизительно всѣ эти темы можно разбить на пять отдѣловъ: 1) отвлеченныя, 2) историческія, 3) историко-литературныя, 4) литературныя, и 5) характеристики.

Отвлеченныя темы трактуютъ, главнымъ образомъ, относительно общихъ явленій изъ практической и нравственной жизни человѣка, поэтому матеріалъ, которымъ пользуется авторъ такого сочиненія, отличается обширностью и разнообразіемъ.—Въ этомъ заключается извѣстная доля удобства и неудобства при писаніи сочиненій: съ одной стороны, обиліе матеріала даетъ возможность полнѣе отвѣтить на вопросъ, заключающійся въ темѣ; съ другой стороны, благодаря этому обилію матеріала, труднѣе оріентироваться въ немъ, труднѣе отдѣлять существенное отъ несущественнаго; поэтому, чтобы сочиненіе на отвлеченную тему удовлетворяло общимъ требованіямъ, необходимо съ особенной осторожностью подбирать факты, подтверждающіе главную мысль, выбирая ихъ частью изъ собственныхъ жизненныхъ наблюденій, общихъ правилъ нравственной этики, частью изъ источниковъ историческаго и литературнаго характера, такъ какъ въ этихъ послѣднихъ жизнь часто отражается полнѣе и ярче, чѣмъ мы ее можемъ наблюдать въ окружающей насъ дѣйствительности.

При планировкѣ сочиненій этого рода мы по большей части въ введеніи—или *опредѣляемъ* то понятіе, о которомъ будемъ говорить дальше, или, какъ я говорилъ раньше, выясняемъ причину, вызвавшую въ насъ интересъ къ данной темѣ; иногда бываетъ удобно въ введеніи указать на какія-либо авторитетныя мнѣнія, высказанныя выдающимися людьми по поводу вопроса, заключающагося въ темѣ.—Такъ, напр., разбирая тему: „*Здоровье высшее благо*", мы въ введеніи опредѣляемъ слово—„Здоровье"—(нормальное состояніе человѣческаго тѣла при полной гармоніи всѣхъ его органовъ)—Тема:—„*Надежда и воспоминаніе, какъ два главныхъ источника радости въ жизни человѣка*".—Введеніе:—опредѣленіе понятій „надежда" — „воспоминаніе"—(„Надежда есть чувство, заставляющее человѣка или предполагать совершеніе факта для себя выгодно, или обставлять его такими условіями, исполненіе которыхъ для насъ пріятно". — „Воспоминаніе есть дѣятельность ума, заглядывающаго въ книгу прошлаго и останавливающагося обыкновенно на ея лучшихъ страницахъ")—Тема: „*Знаніе—лучшее богатство*".—Введеніе: Стремленіе людей къ пріобрѣтенію знаній. (Выясненіе причины, заставившей насъ заинтересоваться даннымъ вопросомъ.)—Тема: „*Жизнь—борьба*".—Введеніе: „Взгляды и отношенія къ жизни Шекспира, Крылова и Майкова" („Жизнь, что ты? Садъ засохшій подъ дикими безплодными травами"— —*Шекспиръ*. „Какъ бываетъ жить не тошно, а умирать еще тошнѣй".—*Крыловъ*. — „Жизнь хороша, когда я въ мірѣ необходимое звено; со всѣмъ живущимъ заодно"—*Майковъ*).

Безусловно приведенными выше разсужденіями и примѣрами я не хочу сказать, что всякое введеніе должно подходить подъ эту мѣрку—я только указываю на наиболѣе распространенный пріемъ.

При всемъ разнообразіи планировки главной части сочиненій отвлеченнаго характера, зависящемъ отъ разнообразія заданныхъ темъ, можно все-таки замѣтить общую тенденцію этой плани-

ровки; въ виду того, что, какъ сказано выше, отвлеченныя темы трактуютъ относительно общихъ явленій изъ *пророческой* и *нравственной* жизни, въ большинствѣ случаевъ главная часть сочиненія распадается на двѣ крупныя, изъ которыхъ въ одной разбираемый вопросъ разсматривается по отношенію къ нравственной жизни человѣка, а въ другой—по отношенію къ его жизни физической, или матеріальной.—Напримѣръ, тема: „*Жизнь—борьба*“

Главная часть: 1) a) Борьба за существованіе. *(Дарвинъ)*.
b) Борьба за привилегированное положеніе. *(Ланге*—„Рабочій вопросъ“).

2) Борьба нравственная.
a) Съ бѣдствіями, которыя насъ постигаютъ.
b) Съ привычками и наклонностями.
c) За убѣжденія.

Тема: „*Значеніе путешествій*“.

Главная часть: I { Обогащаетъ умъ человѣка. Развиваетъ общительность между людьми.

2) а) путешествія поправляютъ часто здоровье
б) способствуютъ развитію торговли.

Заключеніе въ сочиненіяхъ на отвлеченную тему не отличается какими-либо особенно характерными признаками и поэтому въ особыхъ указаніяхъ не нуждается.

Историческія темы. Ко второй категоріи относятся сочиненія историческаго характера въ которыхъ обыкновенно выясняется значеніе какого-либо историческаго событія, освѣщается отдѣльная эпоха, или дается характеристика какой-либо исторической личности, раскрывающая значеніе значительности этого лица для государства, или общества. Такимъ образомъ, мы видимъ, что темы этого рода обыкновенно выхватываютъ какое-либо звено изъ цѣпи событій, связанныхъ между собою какъ хронологически, такъ и по внутреннему содержанію.—Для того, чтобы сочиненіе по возможности полно отвѣчало на вопросъ заключающійся въ темѣ, еще во время собиранія матеріала необходимо обратить вниманіе на то мѣсто, какое занимаетъ разбираемое событіе въ цѣпи другихъ историческихъ событій, предшествовавшихъ или слѣдовавшихъ за нимъ.—Смыслъ всякой реформы, общественнаго переворота и другого историческаго событія можетъ быть ясенъ только тогда, когда мы сравнимъ эти факты съ предшествующей и послѣдующей эпохами, поэтому въ введеніи такихъ сочиненій удобнѣе всего бываетъ вкратцѣ очертить состояніе народа, государства, общества *до* того момента, съ котораго начинаетъ дѣйствовать новый историческій факторъ, наиболѣе интересующій насъ.=Напр.:—тема: „*Значеніе появленія христіанства на Руси*“—введеніе: „*языческія вѣрованія русскихъ до принятія христіанства*“.—Сообразно съ такимъ введеніемъ главная часть является непосредственнымъ развитіемъ тѣхъ „причинъ“, на которыя авторъ указываетъ въ своемъ вступленіи.—Иногда въ введеніи указываются тѣ данныя, благодаря которымъ мы можемъ разбирать тотъ, или иной историческій вопросъ, или тѣ причины, которыя побудили насъ остановиться на данной темѣ.—Напр.: тема: „*Значеніе открытія Америки*,“ введеніе „*Современная роль Америки*.“

Трудно предугадать и сообщить способы планировки главной части историческаго сочиненія; съ одной стороны при расчисленіи этой части можно придерживаться хронологическаго порядка, указывая сначала на причины событія, а затѣмъ постепенно переходя къ выясненію значенія самаго событія, или же можно располагать матеріалъ по степени его важности, придерживаясь общихъ правилъ градаціи.—Напр.:—тема: *Значеніе эпохи Великаго переселенія народовъ*“—главная часть: а) значеніе этой эпохи въ политическомъ отношеніи б) въ экономическомъ отношеніи в) въ религіозномъ отношеніи г) въ нравственномъ отношеніи д) въ научномъ отношеніи.

Дальнѣйшее подраздѣленіе главн. части при выясненіи значенія какого-либо событія, или реформы, ставится въ связь съ выясненіемъ положительныхъ и отрицательныхъ послѣдствій, вызванныхъ даннымъ событіемъ.—Характеризуя какую-нибудь эпоху, чье-нибудь царствованіе,—также удобнѣе всего отдѣльно очертить темныя и свѣтлыя стороны...

Въ заключеніи сочиненій такого типа авторъ обыкновенно въ общихъ чертахъ указываетъ или на дальнѣйшія судьбы того народа, государства, или общества, о которомъ онъ говорилъ, или же, подобно введенію, указываетъ на важность разобраннаго вопроса какъ по существу, такъ и въ связи съ дальнѣйшими историческими событіями.—Напр.: тема: „*Значеніе дѣятельности Цезаря*“—Заключ. „*Значеніе дѣятельности Цез. въ дальнѣйшей жизни римскаго народа*“—Тема: „*Царствованіе Карла Великаго*“—Заключ. „*Царствованіе К. В.—важный періодъ средневѣковой исторіи*“.

Въ виду того, что историческія темы затрагиваютъ такіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ требуетъ болѣе широкаго знакомства какъ съ фактами

исторіи, такъ и съ тѣмъ освѣщеніемъ, которое давалось этимъ фактомъ въ разное время, мы должны слѣдить за тѣмъ, чтобы наши разсужденія были по возможности полнѣе обоснованы; если при разборѣ отвлеченныхъ темъ можно допустить различныя точки зрѣнія и независимость логическихъ выводовъ, то здѣсь эти выводы, имѣютъ значеніе лишь по-стольку, по-скольку они опираются на дѣйствительность, на факты.

Историко-литературныя и литературныя темы. На третьемъ мѣстѣ я поставилъ темы историко-литературнаго характера. Имѣя въ виду то обстоятельство, что большинство ученическихъ сочиненій тѣсно связано съ прохожденіемъ курса исторіи литературы, я рѣшилъ всѣ темы, связанныя съ этимъ курсомъ, разбить на три группы въ зависимости отъ широты задаваемаго вопроса.— Къ историко-литературнымъ темамъ относятся тѣ изъ нихъ, въ которыхъ ставится вопросъ относительно-какого-либо произведенія устной или письменной словесности, при чемъ имѣется въ виду то мѣсто и то значеніе, какое имѣетъ данное произведеніе въ исторіи развитія литературы. Является ли это произведеніе повтореніемъ прежнихъ мотивовъ, отдѣляетъ ли оно собою одну эпоху отъ другой, въ какой мѣрѣ отразилось на немъ вліяніе другихъ литературъ, связано ли оно съ исторической жизнью народа—вотъ рядъ вопросовъ, которые разбираются въ этихъ сочиненіяхъ; сюда же относятся темы, задающіяся цѣлью выяснить значеніе того, или другого писателя какъ по содержанію его сочиненій, такъ и по ихъ внѣшней отдѣлкѣ. — Чисто - литературныя темы даютъ болѣе узкіе вопросы: сюда относятся разборы отдѣльныхъ произведеній безъ указанія на ихъ историческое значеніе; обыкновенно, давая отвѣтъ на такія темы, авторъ обращаетъ особое вниманіе на тотъ матеріалъ, которымъ пользовался художникъ при созданіи выведенныхъ типовъ, на психологію художника, такъ или иначе отразившуюся въ произведеніи, на достоинства и недостатки произведенія какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны и т. д. Характеристики, относящіяся также къ сочиненіямъ на литературныя темы, отличаются тѣмъ, что здѣсь обыкновенно разбирается не цѣлое сочиненіе, а только одинъ, иногда два характера, выведенныхъ въ произведеніи; несмотря на то, что характеры эти бываютъ по большей части въ художественныхъ произведеніяхъ выражены довольно ярко, сочиненія этого рода вызываютъ много затрудненій, требуя большой осмотрительности какъ въ подборѣ матеріала, такъ и въ распоряженіи его.—Общій смыслъ указаній для писанія сочиненій какъ на историко-литературныя, такъ и на литературныя темы, сводится къ тому, что здѣсь мы должны скомбинировать все то, что говорилось относительно пріемовъ писанія сочиненій на темы отвлеченныя и историческія. — Еще до разбора литературнаг произведенія въ историческомъ, или чисто-литера турномъ отношеніи мы должны непремѣнно опре дѣлить себѣ то мѣсто, какое занимаетъ данно произведеніе въ литературѣ той эпохи, къ которо оно относится; мы должны въ достаточной мѣр представлять себѣ духовный обликъ автора этог произведенія, создавшійся подъ вліяніемъ среды окружающей его; должны по возможности опредѣ лить себѣ тѣ вліянія, которыя отразились как на произведеніи, такъ и на авторѣ въ період созданія имъ разбираемаго нами произведенія наконецъ, мы должны понять: насколько реальн отразилась въ произведеніи современная автор дѣйствительность. — Только съ такимъ запасом матеріала возможно приступать къ разбору самаг произведенія и его оцѣнкѣ съ внутренней и с внѣшней стороны: только при такомъ всесторон немъ знакомствѣ съ предметомъ можно *понят* истинный смыслъ произведенія.—Конечно, помим изученія самыхъ произведеній намъ надо по воз можности знакомиться съ истолкованіями этих произведеній, въ которыхъ критики уже выпол няютъ часть возложенной на насъ задачи и, та кимъ образомъ, даютъ намъ въ руки уже разра ботанный матеріалъ. Однако критическія стать требуютъ въ свою очередь детальнаго изученія для того, чтобы онѣ могли служить вполнѣ по лезнымъ матеріаломъ для насъ, въ большинствѣ ж случаевъ мы только опираемся на нихъ для того чтобы придать болѣе вѣсу своимъ разсужденіямъ

Переходя къ планировкѣ сочиненій на исто рико-литературныя темы, мы должны въ общих чертахъ придерживаться тѣхъ правилъ, о которых говорилось раньше. Общая схема такого плана представляется въ такомъ видѣ: *введеніе;* состоя ніе литературы въ предшествующую эпоху (д выхода въ свѣтъ произведенія, или до появлені того, или другого художника).

Здѣсь обыкновенно очерчивается то направлені которое царило въ литературѣ, упоминаются пи сатели и произведенія, являющіеся наиболѣе яр кими представителями этого направленія, указы ваются задатки (если они есть) того новаго, чт вноситъ въ литературу, или разбираемое сочи неніе, или писатель, о которомъ придется говорит дальше.

Главн. часть. A) Какія причины содѣйствовал появленію новаго направленія.

1) Вліяніе литературъ другихъ народовъ.

2) настроеніе современниковъ.

3) личныя особенности писателя, внесшаго, ил развившаго новое направленіе.

B) Новое направленіе, отразившееся въ разби раемыхъ произведеніяхъ писателя.

1) положительныя стороны этого направленія: a) по содержанію и b) по формѣ.

2) отрицательныя стороны направленія: a) по содержанію и b) по формѣ.

3) какъ отнеслись современники къ новому направленію.

C) Нѣтъ ли въ разбираемомъ произведеніи остатковъ стараго направленія и, если есть, то какіе?

Заключеніе.—Отраженіе новаго направленія въ произведеніяхъ современниковъ и писателей позднѣйшей эпохи.

Этотъ обобщающій планъ пригоденъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тема затрагиваетъ вопросъ относительно произведеній и ихъ авторовъ, стоящихъ на граняхъ различныхъ эпохъ въ литературѣ, когда пишущему сочиненіе приходится освѣщать моментъ перелома, перехода отъ одного направленія къ другому. (Напр., у насъ при Карамзинѣ переходъ отъ ложно-классическаго направленія къ сентиментальному).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится отвѣчать на темы чисто-литературнаго характера, иначе сказать — разбирать произведеніе по существу, раскрывая и разъясняя ту мысль, которую авторъ воплощаетъ въ художественную форму, мы должны прежде всего указать то мѣсто, которое занимаетъ данное произведеніе среди другихъ произведеній того же автора; затѣмъ выяснить ту идею, которую проводитъ художникъ въ своемъ произведеніи; наконецъ, оцѣнивъ предварительно самую идею, указать: удачно или неудачно проводитъ писатель эту идею; сообразно съ этимъ производится и планировка сочиненій этого рода.—Напр.:

Введеніе: причины появленія на свѣтъ разбираемаго произведенія, и связь его съ другими произведеніями того же автора.

Главн. часть: A) — Идея сочиненія и ея достоинство. B) — Положительныя стороны въ изображеніи выведенныхъ типовъ: 1) ихъ реальность, 2) полнота въ изображеніи характеровъ и т. д.

C) Отрицательныя стороны въ изображеніи выведенныхъ характеровъ: 1) неестественность характеровъ, 2) отсутствіе живости въ изображеніи и т. д.

Заключеніе.—Поскольку авторъ своимъ произведеніемъ достигаетъ намѣченной цѣли.

Характеристика является описаніемъ внутренней жизни человѣка, внутренняго смысла и значенія тѣхъ поступковъ, въ которыхъ отражается характеръ человѣка; касаясь внѣшности, характеристика затрагиваетъ ее постольку, поскольку эта внѣшность является отраженіемъ внутреннихъ качествъ. Въ виду того, что внутреннія свойства человѣка часто недоступны непосредственному наблюденію и проявляются, главнымъ образомъ, по отношенію къ тѣмъ, или инымъ событіямъ, или людямъ, мы должны указать въ отношеніи къ чему и къ кому разбираемъ мы данный характеръ; такъ, напримѣръ, мы можемъ характеризовать человѣка по отношенію къ самому себѣ, къ обществу, къ роднымъ, къ людямъ равнымъ, или стоящимъ выше, или ниже, къ политическому моменту и т. д. Съ другой стороны, нельзя забывать, что характеръ человѣка проявляется различнымъ образомъ въ разные моменты своего развитія по отношенію къ одному и тому же предмету, поэтому намъ необходимо отмѣчать эти моменты, характеризуя измѣненія отношеній человѣка къ окружающему въ зависимости отъ смѣны возрастовъ, отъ воспитанія, отъ окружающей среды и т. д.

Опредѣливъ такимъ образомъ различныя отношенія человѣка и измѣненія этихъ отношеній, мы стараемся уловить ту внутреннюю связь, которая существуетъ между всѣми этими проявленіями характера, прослѣдить то „постоянное", которое существуетъ у каждаго, даже самаго, такъ называемаго, безхарактернаго человѣка: это „постоянное", сохраняющееся при всякихъ отношеніяхъ и обстоятельствахъ и является сущностью характера человѣка, выясненіе которой надо считать наиболѣе цѣнной частью характеристики. — Пользуясь только что сказаннымъ, за основу плана сочиненія можно принять или отношеніе человѣка къ разнымъ предметамъ, или различныя обстоятельства, отразившіяся на развитіи характера; при болѣе полной характеристикѣ можно соединить оба способа дѣленія, тогда планъ приметъ приблизительно такой видъ:

Введеніе: Отношеніе автора къ художественному типу, выведенному въ литературномъ произведеніи.

Главн. часть. A) Вліянія, подъ которыми сложился разбираемый характеръ: 1) воспитаніе, 2) школьная среда: a) вліяніе товарищей, b) вліяніе учителей, 3) вліяніе книгъ, 4) вліяніе общества и т. д.

B)—Положительныя черты сложившагося характера: 1) по отношенію къ семьѣ, 2) по отношенію къ товарищамъ, 3) по отношенію къ обществу, 4) по отношенію къ самому себѣ.

C) Отрицательныя черты разбираемаго характера: 1) по отношенію къ семьѣ и т. д.

Заключеніе: значеніе выведеннаго литературнаго типа.

Дальнѣйшее подраздѣленіе частей зависитъ уже отъ тѣхъ, или иныхъ особенностей разбираемаго характера. Характеристику можно считать только тогда законченной, когда для читающаго становится ясно, изъ какихъ элементовъ сложился данный характеръ, какія субъективныя черты этого характера развились подъ различными вліяніями и, наконецъ, какъ и въ какихъ поступкахъ и отношеніяхъ этого человѣка отразились наиболѣе существенныя, положительныя и отрицательныя черты этого характера.

— Общіе внѣшніе пріемы писанія сочиненія на темы учениками старшихъ классовъ среднихъ

учебныхъ заведеній заключаются въ слѣдующемъ: прежде всего, послѣ перваго ознакомленія съ темой, ученикъ составляетъ планъ, сообразно съ данными выше указаніями, озаглавливая каждую часть по возможности кратко и ясно. (При указаніи первой и послѣдней части нельзя ограничиваться названіями „введеніе", „заключеніе", а необходимо вкратцѣ указать и ихъ содержаніе). Планъ этотъ такъ же, какъ и сочиненіе, пишется сначала начерно, при чемъ ученикъ долженъ время отъ времени перечитывать написанное, свѣряя съ составленнымъ планомъ, такъ какъ иногда приходится поправлять самое сочиненіе, примѣняя его къ плану, иногда же, наоборотъ, вносить нѣкоторыя измѣненія и въ самый планъ. Всѣ поправки должны быть сдѣланы отчетливо (лучше на поляхъ), чтобы при сравненіи переписанной на-чисто работы съ черновикомъ не могло возникнуть никакихъ недоразумѣній.—Сначала пишется тема, затѣмъ подробный планъ, и, наконецъ, изложеніе; каждую отдѣльную крупную часть нужно начинать съ новой строки, чтобы сочиненіе и съ внѣшней стороны соотвѣтствовало плану.—Число поправокъ въ чистовой работѣ должно быть сведено до минимума.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ указанія, которыя можно сдѣлать пишущему сочиненіе на тему.

I. Темы отвлеченныя.

1) Какую пользу мы извлекаемъ для себя изъ чтенія произведеній изящной литературы.

ПЛАНЪ.

Введеніе.—Воспитательное значеніе наукъ и изящной литературы для человѣка.

Главн. часть А.—Польза, извлекаемая изъ чтенія произведеній изящной литературы въ умственномъ отношеніи: 1) расширеніе умственнаго кругозора, 2) обогащеніе знаніями, 3) выработка слога.

В) Польза, извлекаемая изъ чтенія произведеній изящной литературы въ нравственномъ отношеніи: 1) выработка нравственнаго идеала, 2) пріобрѣтеніе правильнаго взгляда на жизнь, 3) воспитаніе эстетическаго вкуса.

С) Изящная литература содѣйствуетъ развитію прогресса: 1) изящн. лит. воспитываетъ политическое міросозерцаніе общества, 2) развиваетъ благородныя стремленія въ обществѣ къ дальнѣйшему совершенствованію.

Заключеніе. Необходимость критическаго отношенія къ произведеніямъ изящной словесности.

ИЗЛОЖЕНІЕ.

Въ воспитаніи своего ума и чувства человѣкъ идетъ двумя путями, взаимно дополняющими другъ друга и дающими возможность все болѣе и болѣе расширяться кругу людей, стоящихъ на высшей ступени умственнаго и нравственнаго развитія. Съ одной стороны, крупнымъ факторомъ культурнаго развитія общества являются науки, благодаря которымъ человѣкъ все ближе и ближе подходитъ къ разрѣшенію трудной задачи познанія окружающаго міра и самого себя;—съ другой стороны, на помощь наукамъ приходитъ изящная литература, которая въ жизненныхъ образахъ воплощаетъ высокіе идеалы, не поддающіеся научному анализу. Та жизненная правда, которую зачастую тщетно мы ищемъ въ окружающей насъ жизни, выпукло и ярко отражается въ произведеніяхъ изящной словесности, или привлекая насъ своими положительными сторонами, или отталкивая своей пошлостью, пустотою.

Не требуя большого напряженія ума, изящная литература играетъ едва ли не первенствующую роль въ расширеніи нашего умственнаго кругозора. То элементарное образованіе, которое даютъ намъ: школа, общеніе съ окружающей жизнью, бесѣды съ опытными людьми — все это развиваетъ нашъ умъ, даетъ ему возможность разбираться болѣе, или менѣе вѣрно въ окружающей насъ дѣйствительности, но врядъ ли сможемъ сдѣлать широкое обобщеніе, врядъ ли сможемъ ясно отличить типичное отъ нетипичнаго, не познакомившись съ міромъ художественнаго творчества—изящной литературой. Живое изображеніе дѣйствительности, современной намъ, или относящейся къ древнѣйшей эпохѣ, даетъ намъ возможность шире взглянуть на жизнь, обобщить тѣ частные случаи, на которые мы раньше не обращали вниманія, задаться новыми вопросами, которые раньше не приходили въ голову. Цѣлый рядъ типовъ, выведенныхъ художникомъ, знакомитъ насъ съ новыми характерами, новыми душевными мірами людей, зачастую имѣющими много общаго съ нашимъ собственнымъ внутреннимъ міромъ. Множество свѣдѣній, новыхъ для насъ и, быть можетъ, требующихъ затраты большого умственнаго труда для ознакомленія съ ними научнымъ путемъ, усвоиваются нами легко при передачѣ ихъ художникомъ. Яркимъ примѣромъ такого образовательнаго значенія произведеній изящной литературы являются „Письма русскаго путешественника" Карамзина, въ значительной степени обогатившія умы современниковъ, познакомивши ихъ съ жизнью другихъ государствъ, съ мыслями западныхъ философовъ, имена которыхъ врядъ ли были извѣстны широкимъ кругамъ тогдашняго общества. Позднѣе Пушкинъ и Лермонтовъ цѣлымъ рядомъ художественныхъ

произведеній ознакомили современниковъ съ Кавказомъ, чудными видами горной природы, образомъ жизни горцевъ, ихъ нравами и обычаями. Всѣ эти свѣдѣнія легко и незамѣтно впитываются читателемъ, обогащая сокровищницу его знаній и тѣмъ еще болѣе развивая его въ умственномъ отношеніи. Наконецъ, самый языкъ произведеній изящной литературы — живой и образный, подходящій къ разговорной рѣчи и въ то же время лишенный ея недостатковъ благотворно вліяетъ на развитіе нашего слога, придавая ему большую гибкость и свободу, и тѣмъ самымъ даетъ намъ возможность непосредственно дѣлиться съ окружающими своими впечатлѣніями и выводами, сдѣланными на основаніи нашихъ наблюденій, или жизненныхъ опытовъ.

Помимо развитія нашего ума произведенія изящной литературы играютъ немаловажную роль въ развитіи тѣхъ нравственныхъ принциповъ, которыми мы руководствуемся въ жизни. Раскрывая передъ нами душу выведенныхъ типовъ съ ея темными и свѣтлыми сторонами, рисуя картину внутреннихъ переживаній людей болѣе, или менѣе близкихъ намъ по своему душевному складу, — художникъ побуждаетъ насъ произнести свой нравственный приговоръ надъ дѣйствующими лицами и этимъ содѣйствуетъ воспитанію въ насъ собственнаго нравственнаго идеала, стремленіе къ которому часто наполняетъ всю нашу жизнь. Самый взглядъ нашъ на окружающую дѣйствительность, на общество въ значительной степени перерабатывается подъ вліяніемъ произведеній литературы: мы привыкаемъ къ болѣе правильной оцѣнкѣ положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ жизни, отношеніе наше къ окружающимъ людямъ становится глубже, такъ какъ каждый ихъ поступокъ является для насъ уже не случаемъ, а, главнымъ образомъ, проявленіемъ внутренней жизни.

Къ этимъ же произведеніямъ изящной литературы прибѣгаемъ мы въ цѣляхъ получить эстетическое наслажденіе, дающее намъ возможность на время забыть о пошлости окружающей насъ дѣйствительности, о тѣхъ разочарованіяхъ и неудачахъ, которыми жизнь притупляетъ нашу энергію, необходимую намъ для достиженія намѣченнаго идеала. Вдохновенныя слова поэта, картины, созданныя имъ—доставляютъ намъ эстетическое наслажденіе, пробуждаютъ въ насъ новыя силы къ дальнѣйшей борьбѣ, направляя ихъ ко всему лучшему, свѣтлому.

Оказывая благотворное вліяніе на отдѣльныхъ людей, произведенія изящной литературы зачастую воспитываютъ цѣлыя поколѣнія въ томъ, или иномъ направленіи, содѣйствуя развитію прогресса какъ въ политической, такъ и въ общественной жизни.—Такъ, напримѣръ: „Записки охотника“—Тургенева, сыграли немалую роль въ борьбѣ противъ крѣпостного права. — Въ прекрасныхъ и живыхъ образахъ нарисовавъ жизнь помѣщиковъ и крестьянства, Тургеневъ въ значительной части общества вызвалъ сочувствіе къ благодѣтельной реформѣ и этимъ приблизилъ время ея выполненія.

Указывая на такое широкое значеніе произведеній изящной словесности, мы однако должны имѣть въ виду, что не всѣ произведенія этого рода являются руководителями общества къ благимъ цѣлямъ; художественность изображенія зачастую не искупаетъ недостатковъ идеи, проводимой авторомъ. Немногіе, подобно Пушкину, могутъ по праву сказать:

„ И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
„ Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
„ Что прелестью живыхъ стиховъ я былъ полезенъ
„ И милость къ падшимъ призывалъ.—

2) Значеніе путей сообщенія.

Введеніе. Забота всѣхъ государствъ о проведеніи хорошихъ путей сообщенія.

Гл. часть. А)—Польза, приносимая государству хорошими путями сообщенія въ политическомъ отношеніи: — I. въ мирное время: 1) во внѣшней политикѣ: α) сношенія съ иностранными государствами, β) знакомство съ внутреннимъ состояніемъ другихъ государствъ 2) во внутренней политикѣ: α) централизація власти, β) освѣдомленность о состояніи всего государства; II. въ военное время: 1) быстрота передвиженія войска, 2) быстрота передвиженія провіанта и боевыхъ припасовъ.

В)—Польза, приносимая государству путями сообщенія въ общественномъ отношеніи: 1) развитіе торговли, 2) развитіе промышленности: α) промышленность добывающая, β) промышленность обрабатывающая; 3) значеніе путей сообщенія для распространенія просвѣщенія; 4) развитіе общенія между людьми, благодаря путямъ сообщенія.

Заключеніе. Стремленіе людей къ открытію новыхъ способовъ передвиженія (воздухоплаваніе).

3) Трудъ въ жизни человѣка.

Введеніе.—Отраженіе сложившагося понятія о необходимости труда въ пословицахъ.

Гл. часть. А) Значеніе труда въ матеріальномъ отношеніи: 1) физическое развитіе человѣка, благодаря труду; 2) матеріальное благосостояніе въ зависимости отъ труда.

В) Значеніе труда въ умственномъ отношеніи: 1) трудъ развиваетъ любознательность, 2) даетъ возможность на практикѣ примѣнить и развить свои знанія.

С) Значеніе труда въ нравственномъ отношеніи: 1) развитіе энергіи, 2) твердости характера, 3) развитіе умѣнья работать надъ собой.

Д) Значеніе труда для общественной жизни (Развитіе государства въ экономическомъ и политическомъ отношеніи въ зависимости отъ трудолюбія гражданъ).

Заключеніе.—Обязанность каждаго человѣка трудиться.

4) Значеніе путешествій.

Введеніе. Какъ нужно путешествовать?

Гл. часть. А) Значеніе путешествій для развитія нашего ума: 1) знакомство съ новыми странами, 2)—съ новыми государствами, 3)—съ новыми людьми и характерами.

В) Значеніе путешествій въ эстетическомъ отношеніи: 1) смѣна впечатлѣній, 2) красоты природы.

С) Значеніе путешествій въ матеріальномъ отношеніи: 1) путешествія способствуютъ развитію торговли,—2) часто поправляютъ и закаляютъ здоровье.

Заключеніе. Взглядъ на путешествія Карамзина.

5) Богатство и бѣдность въ жизни человѣка.

Введеніе.—Зависимость человѣка отъ внѣшнихъ условій жизни.

Гл. часть А). — Вліяніе бѣдности: I) Положительныя стороны бѣдности: 1) бѣдность развиваетъ въ человѣкѣ энергію, 2) пріучаетъ къ трудолюбію, 3) научаетъ человѣка понимать и сочувствовать несчастію ближнихъ. II. Отрицательныя стороны бѣдности: 1) бѣдность возбуждаетъ зависть къ богатымъ, 2) дѣлаетъ людей мелочными, 3) является часто причиной преступленій, 4) принуждаетъ человѣка трудиться до изнуренія и, такимъ образомъ, разрушаетъ его здоровье.

В.—Вліяніе богатства: I) Положительныя стороны богатства: 1) богатство доставляетъ независимость, 2) даетъ возможность обогатиться духовно, 3) даетъ возможность помогать ближнимъ; II. Отрицательныя стороны богатства: 1) богатство дѣлаетъ человѣка апатичнымъ; 2) — дѣлаетъ человѣка нечувствительнымъ къ страданіямъ ближнихъ, 3) — изнѣживаетъ человѣка, 4) развиваетъ скупость.

Заключеніе. — Истинно-богатымъ человѣкомъ можетъ быть названъ человѣкъ, довольный своимъ положеніемъ.

6) „Наука сокращаетъ намъ опыты быстро текущей жизни“.

Введеніе. Стремленіе человѣка къ знанію.

Гл. часть. А) Пріобрѣтеніе знаній первобытнымъ человѣкомъ: 1) знаніе пріобрѣтается только путемъ личнаго опыта, 2) рядъ ошибокъ, тормозящихъ развитіе знанія.

В) Непродолжительность человѣческой жизни, мѣшающая отдѣльному лицу пріобрѣсти обширныя познанія въ той, или иной области.

С) Наука, какъ совокупность знаній, приведенныхъ въ систему: 1) науки гуманитарныя, 2) науки естественныя.

D) Польза наукъ для человѣка: 1) для государственнаго дѣятеля, 2) для общественнаго дѣятеля, 3) для всякаго гражданина.

Заключеніе. Прогрессъ умственнаго развитія общества находится въ тѣсной зависимости отъ развитія наукъ.

7) Подъ какими вліяніями складывается характеръ человѣка?

Введеніе. Характеръ человѣка является отраженіемъ самыхъ разнообразныхъ вліяній.

Гл. часть. А) Вліяніе воспитанія: 1) примѣръ родителей, 2) наставленія старшихъ и учителей, 3) среди сверстниковъ.

В) Вліяніе книгъ и искусствъ: 1) вліяніе научныхъ книгъ, 2) вліяніе литературныхъ произведеній, 3) вліяніе произведеній искусствъ.

С) Вліяніе матеріальнаго положенія: 1) вліяніе богатства, 2) вліяніе бѣдности.

D) Вліяніе общества.

E) Вліяніе удачъ, или неудачъ, постигающихъ человѣка въ жизни.

F) Вліяніе климата и природы: 1) вліяніе суроваго сѣвернаго климата, 2) вліяніе умѣреннаго климата, 3) вліяніе жаркаго климата, 4) вліяніе мѣстности приморской, 5) вліяніе мѣстности гористой, 6) вліяніе мѣстности лѣсистой, 7) вліяніе мѣстности ровной.

Заключеніе. Каждый характеръ, развиваясь подъ различными вліяніями, обладаетъ въ то же время индивидуальными чертами.

8) Познай самого себя.

Введеніе. Въ чемъ заключается познаніе самого себя? Такое познаніе сводится къ пониманію положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ своего внутренняго „я“ и къ безпристрастной самооцѣнкѣ.

Гл. часть. А) Познаніе окружающаго міра: 1) при помощи наукъ, 2) при помощи искусствъ, 3) при помощи общенія съ людьми.

В) Самонаблюденіе и самоанализъ: 1) человѣкъ долженъ слѣдить за проявленіемъ своего характера по отношенію къ событіямъ и людямъ, его окружающимъ, 2) человѣкъ долженъ безпристрастно оцѣнивать свои поступки.

С) Сравненіе себя съ другими людьми.

Заключеніе. Самопознаніе есть высшая ступень умственнаго развитія.

9) Положительныя и отрицательныя стороны любопытства.

Введеніе. Опредѣленіе понятія любопытства.

Гл. часть. А) Любопытство двигаетъ человѣка по пути прогресса въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, 2) любопытство приводитъ къ великимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, 3) содѣйствуетъ улучшенію народнаго быта.

В) Отрицательныя стороны любопытства: 1) любопытство бываетъ направлено на мелочи жизни, 2) любопытство является слѣдствіемъ праздности, 3) любопытство часто имѣетъ цѣлью доставить неудовольствіе ближнему (сплетни).

Заключеніе. Любопытство свойственно въ той, или иной мѣрѣ всякому человѣку.

10) Значеніе дара слова.

Введеніе. Даръ слова, какъ свойство, отличающее человѣка отъ другихъ животныхъ.

Гл. часть. А) Значеніе дара слова—какъ свойства говорить: 1) духовное общеніе между людьми, 2) при помощи слова люди имѣютъ возможность дѣлиться своими знаніями, 3) значеніе дара слова для умственнаго и нравственнаго совершенствованія человѣка, 4) ясность всякой мысли въ значительной степени зависитъ отъ ея словесной формулировки.

В) Значеніе дара слова, какъ ораторскаго таланта: 1) значеніе ораторскихъ рѣчей въ политическомъ отношеніи: а) по внутренней политикѣ, b) во внѣшней политикѣ (примѣръ Греціи и Рима), 2) значеніе судебныхъ ораторскихъ рѣчей: а) защита невинныхъ, b) искорененіе порока, 3) общественное значеніе ораторскихъ рѣчей: а) установленіе правильной точки зрѣнія на предметъ рѣчи, b) вліяніе на нравственность общества, с) пробужденіе энергіи въ обществѣ, благодаря ораторскимъ рѣчамъ.

Заключеніе. Слово является двигателемъ прогресса.

II. Историческія темы.

1) Значеніе реформъ Петра Великаго для русскаго народа.

ПЛАНЪ.

Введеніе.—Состояніе русскаго государства до Петра Великаго.

Гл. часть.—А. Значеніе реформъ въ дѣлѣ управленія государствомъ: 1) учрежденіе коллегій, 2) учрежденіе Сената, 3) дѣленіе государства на губерніи, 4) борьба со взяточничествомъ, 5) перемѣны въ области управленія духовными дѣлами.

В) Значеніе реформъ въ военномъ дѣлѣ: 1) замѣна стрѣлецкихъ войскъ регулярными, 2) обученіи арміи по образу нѣмецкой, 3) основаніе флота, 4) побѣды новой русской арміи.

С) Значеніе реформъ въ экономическомъ отношеніи: 1) увеличеніе государственныхъ доходовъ, 2) развитіе коммерческихъ предпріятій: а) торговля, b) ремесла, с) фабричная дѣятельность.

D) Значеніе реформъ въ частной жизни русскаго народа: 1) пробужденіе умственныхъ стремленій общества, 2) признаніе правъ личныхъ заслугъ каждаго гражданина, 3) улучшеніе положенія женщинъ: а) запрещеніе совершать браки противъ желанія жениха, или невѣсты, b) уничтоженіе замкнутаго образа жизни женщинъ.

Заключеніе. Значеніе реформъ Петра для послѣдующаго развитія русскаго государства.

ИЗЛОЖЕНІЕ.

Бросая бѣглый взглядъ на состояніе русскаго государства до Петра, мы не можемъ не замѣтить того застоя въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики, который былъ вызванъ, съ одной стороны, инертностью русскаго общества, замкнувшагося въ рамкахъ узко-національнаго патріотизма, съ другой стороны, не менѣе пагубной инертностью правительства, мало заботившагося о благосостояніи государства. До вступленія на престолъ Петра, Россія представляла печальную картину какъ въ экономическомъ, такъ и въ административномъ отношеніи, произволъ, всюду царившій, внушалъ недовѣріе къ власти и тѣ слабыя попытки къ преобразованіямъ, которыя дѣлались правительствомъ до Петра, не могли увѣнчаться успѣхомъ, т. к. общество относилось враждебно ко всякимъ новшествамъ.—Нужна была твердая воля и сильная вѣра въ пользу и необходимость преобразованій, чтобы ввести жизнь Россіи въ новое русло, порвавъ съ тѣми предразсудками, которые господствовали въ тогдашнемъ обществѣ.

Такимъ свѣжимъ человѣкомъ явился Петръ—могучій, независимый, полный вѣры въ свѣтлое

будущее Россіи. Цѣлый рядъ реформъ административнаго, экономическаго и политическаго характера ознаменовалъ царствованіе этого великаго преобразователя. Выясняя характеръ этихъ преобразованій мы прежде всего замѣчаемъ стремленіе къ приведенію въ порядокъ всѣхъ учрежденій, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась административная власть. Такъ, Петръ учреждаетъ по совѣту Либбница рядъ „коллегій“, между которыми распредѣляются тѣ смѣшанныя обязанности „приказовъ“, выполненіе которыхъ зависѣло болѣе отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ отъ общихъ законовъ; учреждается „сенатъ“, которому предписывается Петромъ, „судъ имѣть нелицепріятный, смотрѣть за расходами, стараться объ увеличеніи доходовъ, смотрѣть, чтобы служилые люди не избѣгали службы“. Для удобства управленія Петръ дѣлитъ государство на 12 губерній, административное управленіе которыми поручаетъ ландратамъ во главѣ съ губернаторомъ, или вице-губернаторомъ, игравшимъ роль президента въ совѣтѣ ландратовъ. Всѣ эти нововведенія частью заимствованныя на западѣ, частью являвшіяся передѣлкой старыхъ порядковъ, несмотря на тотъ протестъ, которымъ отозвалось общество, сыграли крупную роль въ дальнѣйшемъ развитіи русскаго государства. Съ одной стороны, общество было вызвано изъ пассивнаго состоянія къ болѣе живой активной работѣ; цѣлый рядъ новыхъ людей выступили на арену политической и административной дѣятельности на смѣну отжившимъ слугамъ рутины. Съ другой стороны, благодаря заведенному раздѣленію власти между различными учрежденіями, установился нѣкоторый порядокъ въ управленіи; произволъ отдѣльныхъ лицъ замѣнился законами, на существованіе которыхъ до Петра мало кто обращалъ вниманіе. Цѣлый рядъ мѣръ и указовъ, если не совсѣмъ прекратилъ, то въ значительной степени ослабилъ одно изъ сильнѣйшихъ золъ тогдашняго административнаго управленія — взяточничество. Наконецъ, и въ области управленія духовными дѣлами Петръ ввелъ болѣе нормальную коллегіальную систему, которая, съ одной стороны, значительно ослабила политическую власть отдѣльныхъ представителей духовенства, а съ другой стороны, внесла извѣстный порядокъ въ ихъ самоуправленіе.

Всѣ эти реформы въ значительной степени содѣйствовали внутренему усиленію государства, однако Петръ не ограничивался заботами о внутреннемъ благосостояніи Россіи; не менѣе, если не болѣе, важнымъ казалось для него выдвинуть Россію, какъ сильную державу, съ мнѣніемъ которой приходилось бы считаться Западной Европѣ, отъ которой столько заимствовалъ самъ Петръ. Для осуществленія этой мечты необходимо было увеличить военное могущество государства, и вотъ мы видимъ, что цѣлый рядъ реформъ, стоившихъ немалыхъ затратъ энергіи и денегъ, мало-по-малу утверждаютъ это могущество по отношенію къ сосѣдямъ. Стрѣлецкое войско, существовавшее до Петра, не представляло изъ себя организованной силы, способной противостоять дисциплинированнымъ войскамъ сосѣдей; стрѣльцы служили только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ политическихъ авантюристовъ и поэтому были скорѣе внутренними врагами, чѣмъ защитниками государства. Поэтому первой военной реформой Петра была замѣна стрѣлецкаго войска регулярнымъ, сформированнымъ и обученнымъ по образцу нѣмецкой арміи. Другой слабой стороной русскаго государства въ военномъ отношеніи было отсутствіе флота, безъ котораго могущество Россіи не могло быть полнымъ; поэтому одной изъ важнѣйшихъ заботъ Петра въ теченіе всей его жизни было создать и по возможности лучше оборудовать какъ торговый, такъ, въ особенности, военный флотъ. Поѣздка за-границу, личное обученіе въ корабельныхъ мастерскихъ, приглашеніе иностранныхъ мастеровъ, образованіе въ Россіи „кумпанствъ“ для постройки кораблей и, наконецъ, смѣлый шагъ во внѣшней политикѣ для открытія выхода къ Балтійскому морю—все это было блестящимъ выполненіемъ задуманнаго плана, поставившимъ Россію въ число великихъ державъ.

Всѣ эти преобразованія во внѣшней и внутренней политикѣ требовали большихъ издержекъ, способныхъ разорить страну; однако Петръ сумѣлъ, съ одной стороны, значительно увеличилъ доходы казны (въ 1710 году доходы простирались до 3 милліоновъ, въ 1725—уже до 10)—а съ другой цѣлымъ рядомъ мѣръ онъ улучшилъ матеріальное положеніе народа. Къ числу такихъ мѣръ относятся—улучшеніе путей сообщенія, сношенія, завязанныя съ заграничными торговыми фирмами субсидіи частнымъ лицамъ, желавшимъ открывать заводы и фабрики и т. д. Покровительство ремесленникамъ также содѣйствовало развитію внѣшней торговли.—Однако, несмотря на всю благотворность дѣятельности Петра, общество, невѣжественное въ своей массѣ, относилось съ недовѣріемъ къ преобразователю и зачастую старалось помѣшать его благимъ начинаніямъ; поэтому, въ цѣляхъ дальнѣйшаго развитія и укрѣпленія реформъ, Петру приходилось много заботиться и о реформированіи частной жизни общества, придерживавшагося взглядовъ домостроя и связаннаго укоренившимися предразсудками.

— Важнѣйшими мѣрами борьбы съ застоемъ общественной мысли было учрежденіе учебныхъ заведеній высшаго и низшаго порядка, переводы иностранныхъ учебниковъ и книгъ, съ поясненіями наиболѣе образованныхъ людей того времени, отправокъ молодежи за-границу для знакомства съ западной цивилизаціей, приглашеніе иностранцевъ и т. д. Важнымъ новшествомъ, ожи-

вившимъ общество, было уничтоженіе мѣстничества и признаніе правъ личныхъ заслугъ каждаго гражданина, благодаря которому у многихъ энергичныхъ людей невысокаго происхожденія явилась охота развить свои способности и послужить общественному дѣлу.

Наконецъ, сама рутинная обстановка семейной жизни, пагубно отзывавшаяся на умственномъ и нравственномъ развитіи отдѣльныхъ членовъ семьи, была по возможности преобразована Петромъ: такъ, онъ запретилъ совершать браки противъ желанія жениха, или невѣсты, ослабивъ этимъ безпредѣльную власть родителей надъ дѣтьми, уничтожилъ по возможности замкнутый образъ жизни женщины; подобныя мѣры въ значительной степени содѣйствовали смягченію тогдашнихъ суровыхъ нравовъ, воспитывая новыхъ гражданъ—болѣе свободныхъ, съ болѣе широкими умственными запросами и стремленіями.

Указывая на характеръ и значеніе реформъ Петра для современниковъ, мы говоримъ только о началѣ тѣхъ коренныхъ преобразованій русской политической и общественной жизни, продолженіемъ которыхъ является вся дальнѣйшая исторія Россіи. Петръ разбилъ оковы, связывавшія русское общество, коснѣвшее въ предразсудкахъ и выдвинулъ Россію на тотъ новый путь, которымъ шла оно еще долгое время.

2) Значеніе Крестовыхъ походовъ.

Введеніе.—Причины Крестовыхъ походовъ.

Гл. часть.—A) Значеніе Крестовыхъ походовъ въ политическомъ отношеніи: 1) упадокъ вассальной зависимости, 2) усиленіе власти папъ, 3) усиленіе королевской власти, 4) начало уничтоженія крѣпостной зависимости.

B) Значеніе Крестовыхъ походовъ въ экономическомъ отношеніи: 1) развитіе торговыхъ сношеній съ Востокомъ, 2) развитіе промышленности.

C) Значеніе Крестовыхъ походовъ въ умственномъ отношеніи: 1) обмѣнъ знаній между европейскими и восточными народами, 2) вліяніе Востока на развитіе наукъ и искусствъ европейскихъ народовъ.

D) Отрицательныя стороны Крестовыхъ походовъ: 1) стремленіе къ легкой наживѣ, 2) упадокъ земледѣлія, 3) упадокъ промышленнвсти и торговли во время Крестовыхъ походовъ, 4) болѣзни, 5) грабежи.

Заключеніе.—Крестовые походы представляютъ собою важнѣйшую эпоху средневѣковой исторіи.

3) Монгольское иго и его значеніе для Россіи.

Введеніе.—Состояніе Руси до монгольскаго нашествія: 1) политическій строй, 2) умственное и духовное развитіе послѣ принятія христіанства.

Главн. часть.—A) Вредное вліяніе монгольскаго ига: 1) огрубѣніе нравовъ: а) отраженіе этого огрубѣнія на законодательствѣ (введеніе смертной казни), в) отраженіе огрубѣнія на семейной и общественной жизни, 2) упадокъ умственнаго развитія народа, 3) уплата дани тяжело отзывается на экономическомъ состояніи, 4) отраженіе татарскаго вліянія на языкѣ.

B) Вліяніе монгольскаго ига въ хорошую сторону для русскаго государства: 1) прекращеніе мелкихъ междоусобій въ виду общаго несчастія и объединеніе Руси, 2) основаніе монастырей (вслѣдствіе вѣротерпимости татаръ) и ихъ образовательное значеніе.

Заключеніе.— Продолжительность вліянія монгольскаго ига.

4) Значеніе появленія христіанства на Руси.

Введеніе.—Языческія вѣрованія славянъ до принятія христіанства.

Гл. часть. A) Положительныя стороны появленія христіанства на Руси: 1) развитіе чувства гуманности; 2) устройство монастырей и ихъ культурное значеніе; 3) воспринятіе вмѣстѣ съ христіанствомъ византійской цивилизаціи; 4) прекращеніе междоусобій; 4) объединеніе отдѣльныхъ княжествъ; 6) появленіе законовъ.

B) Отрицательныя стороны появленія христіанства на Руси: 1) упадокъ самостоятельнаго художественнаго творчества, 2) непониманіе и, вслѣдствіе этого, неправильное толкованіе многихъ христіанскихъ истинъ, 3) подчиненіе вліянію Византіи и упадокъ самобытной культуры.

Заключеніе.— Появленіе христіанства послужило толчкомъ къ дальнѣйшему росту и развитію русскаго государства.

5) Причины и слѣдствія Греко-персидскихъ войнъ.

Введеніе.—Состояніе Персіи и Греціи до Греко-персидскихъ войнъ.

Гл. часть—A) Причины возникновенія Греко-персидскихъ войнъ: 1) успѣхи персидскаго оружія побуждаютъ ихъ къ новымъ и новымъ завоеваніямъ, 2) богатая Греція особенно привлекаетъ персовъ, 3) свободолюбивая Греція побуждаетъ

Персію не держаться уклончивой политики и содѣйствуетъ разрыву мирныхъ отношеній, 4) удобство естественныхъ границъ придаетъ мужества грекамъ.

B) Слѣдствія Греко-персидскихъ войнъ.

1) для Персіи: 1) обнаруженіе слабыхъ сторонъ персидскаго государства во время войны: a) нравственная и политическая разрозненность народовъ, входившихъ въ составъ персидской монархіи, b) враждебное отношеніе покоренныхъ персами племенъ къ своимъ завоевателямъ, c) отсутствіе даровитыхъ полководцевъ d) изнѣженность персовъ, 2) постепенное распаденіе персидской монархіи.

2) для Греціи: 1) послѣ войны Греція занимаетъ первенствующее мѣсто среди другихъ народовъ, 2) матеріальное обогащеніе Греціи, 3) возвышеніе Аѳинъ надъ Спартой, 4) развитіе зодчества и скульптуры, 5) проявленіе увѣренности въ своихъ силахъ и способностяхъ, 6) возникновеніе междоусобныхъ войнъ.

Заключеніе.—Политика захвата и завоеваній всегда приводитъ къ паденію государства въ политическомъ и нравственномъ отношеніи.

6) Россія въ періодъ отъ 1601 до 1613 года.

Введеніе.—Упадокъ нравственности и огрубѣніе нравовъ въ народѣ въ періодъ царствованій Ивана Грознаго и Бориса Годунова.

Гл. часть.—A.) Бѣдствія, постигшія русскій народъ въ эту эпоху (голодъ, чума, грабежи, пожары).

B) Недовольство создавшимся положеніемъ: 1) недовольство низшихъ сословій (прикрѣпощеніе крестьянъ), 2) недовольство бояръ и другихъ знатныхъ родовъ (борьба за престолъ), 3) взаимная партійная вражда.

C) Внѣшнія бѣдствія: 1) корыстолюбивыя притязанія Польши, 2) самозванцы, 3) возстанія инородцевъ.

D) Неспособность правительства бороться со всѣми этими бѣдствіями: 1) по отношенію къ внутреннимъ врагамъ, 2) по отношенію къ внѣшнимъ врагамъ.

E) Причины спасенія Россіи отъ полной гибели: 1) религіозность: a) непріязнь къ врагамъ иновѣрцамъ, объединившая враждующія партіи, b) значеніе Троицкой Лавры; 2) чувство патріотизма.

Заключеніе.—Тяжелыя послѣдствія смутнаго времени.

7) Внутренняя политика Екатерины II.

Введеніе.—Екатерины II, какъ продолжательница начинаній Петра Великаго.

Гл. часть.—A) Вліяніе зап.-европ. образованности на Екатерину: 1) „О преступленіи и наказаніи“ Беккарія, 2) „Духъ законовъ“ Монтескье.

B) Наказъ къ сочиненію новаго уложенія: 1) причины появленія наказа, 2) работа комиссіи и ея значеніе (слова Екатерины: „комиссія уложенія подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ, и о комъ пещись должно“).

C) Реформы въ управленіи: 1) „Учрежденія для управленія губерній“, 2) городовое положеніе 3) потвержденіе правъ дворянства.

D) Мѣры къ поднятію доходовъ казны: 1) отобраніе имущества у духовенства, 2) учрежденіе государственнаго земельнаго банка.

E) Мѣры для умноженія и сохраненія народонаселенія: 1) возвращеніе раскольниковъ, 2) льготы для иностранныхъ колонистовъ.

F) Мѣры для народнаго воспитанія: 1) дѣятельность Бецкаго, 2) открытіе воспитательныхъ домовъ, 3) основаніе инженернаго и артиллерійскаго кадетскихъ корпусовъ, 4) открытіе народныхъ училищъ.

Заключеніе.—Дѣятельность Екатерины имѣетъ характеръ незаконченности

8) Значеніе борьбы Россіи съ кочевниками.

Введеніе.—Географическое положеніе Россіи.

Гл. часть.—A) Значеніе этой борьбы для Россіи.

I. Значеніе борьбы съ мелкими кочевниками (хозарами, печенѣгами, половцами): 1) остановка колонизаціи на югѣ, 2) затрудненіе сношеній съ Византіей, 3) огрубѣніе нравовъ, 4) развитіе воинственности у южныхъ и юго-восточныхъ славянскихъ племенъ.

II. Значеніе борьбы съ татарами: 1) ослабленіе отдѣльныхъ княжествъ, 2) объединеніе Руси около Москвы, 3) упадокъ умственнаго и нравственнаго развитія народа, 4) упадокъ торговли и промышленности.

III. Значеніе дальнѣйшихъ успѣховъ въ борьбѣ съ кочевниками: 1) расширеніе предѣловъ государства, 2) объединеніе славянскихъ племенъ въ одно сплоченное цѣлое, 3) сознаніе собственныхъ силъ.

B) Значеніе борьбы Россіи съ кочевниками для Западной Европы: 1) натискъ кочевниковъ или не доходилъ, или слабо отражался на западныхъ народахъ, 2) развитіе западно-европейской культуры подъ защитой Россіи.

C) Значеніе этой борьбы для кочевниковъ: 1) смѣшеніе кочевниковъ съ русскими, 2) пріобщеніе ихъ къ культурѣ.

Заключеніе.—Борьба съ кочевниками обратила слабую и раздробленную Русь въ могучее государство.

III. Историко-Литературныя темы.

I) Значеніе Гоголя въ русской литературѣ.

ПЛАНЪ.

Введеніе.—Смѣна направленій въ русской литературѣ до Гоголя.

Главная часть. А) Область жизни, затрагиваемая произведеніями Гоголя: 1) жизнь въ изображеніи Пушкина; 2) пошлая сторона жизни, не освѣщенная Пушкинымъ; 3) взглядъ Гоголя на значеніе мелочей въ жизни; 4) типы людей, на которыхъ остановилъ свое вниманіе Гоголь.

В) Характеръ творчества Гогола: 1) выпуклость и яркость изображенія; 2) Гоголь, какъ экспериментаторъ; 3) характеръ юмора Гоголя; 4) жизненность выводимыхъ Гоголемъ типовъ.

В) Внѣшняя сторона произведеній Гоголя: 1) языкъ Гоголя при описаніяхъ природы и высокихъ движеній души; 2) живость разговорной рѣчи выведенныхъ типовъ.

Д) Цѣль, которую преслѣдовалъ Гоголь въ своихъ произведеніяхъ: 1) взглядъ Овсянико-Куликовскаго на творчество Гоголя; 2) цѣль Гоголя воздѣйствовать на общество.

Заключеніе.—Пушкинъ и Гоголь, несмотря на различіе путей, которыми они идутъ—достигаютъ одной и той же цѣли.

ИЗЛОЖЕНІЕ.

Если мы прослѣдимъ за развитіемъ русской литературы, начиная съ Карамзина, то намъ представится картина постепеннаго, и притомъ довольно быстраго, перехода отъ одного направленія къ другому.—Приверженцы ложно-классической теоріи настолько отдалили литературу отъ дѣйствительной жизни, что въ обществѣ совершенно упалъ интересъ къ ихъ сухимъ, искусственно построеннымъ произведеніямъ. Стремленіе къ реальности и чистой художественности въ изображеніи выводимыхъ типовъ побудило Карамзина, Жуковскаго и другихъ менѣе важныхъ писателей искать новыхъ путей творчества; сентиментализмъ и романтизмъ явились переходными ступенями къ новой художественной литературѣ, представителями которой у насъ выдвинулись такія крупныя личности, какъ Пушкинъ и Гоголь.

Выясняя значеніе послѣдняго въ русской литературѣ, мы должны прежде всего остановиться на томъ матеріалѣ, которымъ пользовался великій художникъ, на тѣхъ сторонахъ жизни, которыя болѣе всего привлекали его вниманіе.—Несмотря на то, что произведенія Пушкина были тѣмъ конечнымъ пунктомъ, къ которому стремились писатели новаго направленія, начиная съ Карамзина, мы не можемъ сказать, что въ нихъ жизнь отразилась цѣликомъ.

Свѣтлый умъ Пушкина сосредоточился на тѣхъ сторонахъ жизни, въ которыхъ ярче и полнѣе всего проявились положительныя стороны человѣческой души.—Оставалась еще цѣлая нетронутая область: мелочи жизни, пошлость, все то, что скрывается отъ людскихъ очей, все то, чего не замѣчаютъ или, вѣрнѣе, не хотятъ замѣтить люди и что, однако, не скрылось отъ пытливыхъ взоровъ Гоголя.—„Великій темный умъ", какъ называетъ Гоголя Овсянико-Куликовскій, досказалъ не досказанное Пушкинымъ, великій художникъ мелочей дорисовалъ огромную картину жизни, созданную Пушкинымъ. Изъ отрывковъ „переписки" Гоголя и тѣхъ лирическихъ отступленій, которыя то и дѣло встрѣчаются въ его произведеніяхъ, мы видимъ, какое большое значеніе онъ придавалъ въ жизни, той „тинѣ мелочей", которая засасываетъ человѣка, превращая героевъ—въ пошлыхъ людей, связанныхъ между собою общими пустыми интересами. И вотъ эти-то мелкіе, опустившіеся люди, отторгнутые отъ всѣхъ высокихъ умственныхъ движеній, замкнувшіеся въ будничный обстановкѣ „сѣренькой" жизни, люди зачастую „пріятные" и даже „пріятные во всѣхъ отношеніяхъ" гостепріимные, какъ „старосвѣтскіе помѣщики", и скупые, какъ Плюшкинъ, нахальные, какъ Ноздревъ, и скромные, какъ чиновникъ Башмачкинъ, грубые, какъ Собакевичъ, и мягкіе, какъ Маниловъ, всѣ эти люди обратили на себя вниманіе художника, всѣ они превратились въ глазахъ его въ „героевъ", не тѣхъ героевъ, которые привлекаютъ насъ своимъ сильнымъ характеромъ, своимъ благородствомъ, или отталкиваютъ крупными недостатками, нѣтъ, герои Гоголя—будничные, не интересные, но въ то же время въ высшей степени жизненные, близкіе намъ...

Остановивши свое вниманіе на „повседневныхъ характерахъ", Гоголь освѣтилъ ихъ такъ живо въ своихъ произведеніяхъ, такъ „выпукло и ярко" выставилъ ихъ крѣпкою силою своего неумолимаго рѣзца, что „мелкіе" люди превратились въ „крупные" художественные типы, имена которыхъ обратились въ прозвища, до сихъ поръ обращающіяся въ обиходѣ живой разговорной рѣчи. Будучи по преимуществу художникомъ „экспериментаторомъ", Гоголь не удовлетворялся однимъ наблюденіемъ тѣхъ людей, которые его интересовали, — онъ примѣрялъ къ себѣ самому ихъ хорошія и дурныя стороны, онъ вмѣстѣ съ ними погружался въ „тину засасывающихъ мелочей" и поэтому, когда онъ создавалъ художественные типы, когда осмѣи-

валъ ихъ пороки, онъ былъ чуждъ сарказма, онъ не бичевалъ людей за ихъ пошлость, онъ смѣялся горько смѣялся, страдая за то, что такъ смѣшны эти люди, лишенные высшихъ стремленій и интересовъ, которыми долженъ обладать человѣкъ. Этотъ смѣхъ сквозь слезы является отличительной чертой произведеній Гоголя, придавая имъ то глубокое значеніе, какое они сохраняютъ до нашего времени. Но въ угоду юмору, Гоголь въ своемъ художественномъ творчествѣ не расходится съ дѣйствительностью; вѣрный завѣтамъ Пушкина, онъ создаетъ типы жизненными, правдивыми, сохраняющими свои индивидуальныя особенности. Въ пошлости и мелочахъ жизни Гоголь находитъ столько разнообразія, что всѣ типы, выведенные имъ, не сливаются, не смѣшиваются, отчего въ значительной степени выигрываетъ яркость изображенія.

Не менѣе оригинальнымъ и самобытнымъ является Гоголь и въ тѣхъ внѣшнихъ пріемахъ, къ которымъ онъ прибѣгаетъ въ моментъ творчества; языкъ его произведеній вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію: тамъ, гдѣ онъ изображаетъ природу, или говоритъ о высокихъ стремленіяхъ души—языкъ его пышенъ и живописенъ, при обрисовкѣ же выводимыхъ пошлыхъ типовъ Гоголь удачно передаетъ характерныя особенности ихъ языка и этимъ еще болѣе усиливаетъ „выпуклость и яркость“ изображенія.

Несмотря на то, что Гоголь былъ художникомъ—реалистомъ, онъ не принадлежалъ къ „натуральной школѣ“ объективнаго творчества; „птичье творчество было также совершенно чуждо Гоголю“ говоритъ Овсянико-Куликовскій, такъ какъ Гоголь, создавая свои художественные образы, постоянно видѣлъ передъ собою опредѣленную цѣль: онъ стремился воздѣйствовать на настроеніе общества, вызвать въ немъ спящія нравственныя силы, необходимыя для душевнаго обновленія. И дѣйствительно, глубокая психологическая правда художественныхъ типовъ и тотъ мягкій юморъ, которымъ проникнуты его произведенія, дѣлаютъ эти типы близкими читателю, заставляя его путемъ сравненія замѣчать и въ себѣ тѣ „мелочи“, въ тинѣ которыхъ тонетъ общество, и стремиться къ искорененію въ себѣ этихъ недостатковъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, несмотря на отличіе путей, которыми идутъ Гоголь и Пушкинъ въ своемъ творчествѣ, они достигаютъ одной и той же цѣли. Эту равноцѣнность своего таланта съ талантомъ Пушкина замѣчалъ и самъ Гоголь, когда говорилъ: „равно чудны стекла, озирающія солнце и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ... много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія“.

2) Значеніе русскихъ народныхъ сказокъ.

Введеніе.—Взглядъ народа на сказки.

Главная часть. A) Миѳологическое значеніе сказокъ: 1) отношеніе первобытнаго человѣка къ окружающей его природѣ; 2) представленіе о таинственныхъ существахъ, населяющихъ окружающій міръ; 3) олицетвореніе различныхъ временъ года въ сказкахъ.

B) Бытовое значеніе сказокъ: 1) отраженіе темныхъ и свѣтлыхъ сторонъ семейной жизни народа въ сказкахъ; 2) отраженіе общественной жизни въ сказкахъ („Горшеня“, „Шемякинъ судъ“).

C) Нравственно-поучительное значеніе сказокъ: 1) изображеніе борьбы между добромъ и зломъ; 2) отношеніе къ слабымъ и обиженнымъ въ сказкахъ; 3) типъ „дурачка“,—какъ „непрактичнаго“ человѣка („Норка звѣрь“, „Морозко“, „Правда и кривда“); 4) бодрое настроеніе, отражающееся въ сказкахъ.

D) Эстетическое значеніе сказокъ: 1) художественное изображеніе природы; 2) образность языка въ изображеніи міра красоты, правды и добра.

E) Значеніе сказокъ, какъ историческаго матеріала.

F) Значеніе сказокъ, какъ предмета подражанія великихъ художниковъ.

Заключеніе.—Взгляды Пушкина, Лермонтова и Толстого на сказки.

3) Значеніе былинъ.

Введеніе.—Освѣщеніе исторической эпохи, къ которой относятся былины.

Главная часть. A) Отраженіе въ былинахъ исторической жизни народа: 1) борьба съ кочевниками; 2) внутренній государственный строй Руси: *a)* отношеніе народа къ князю, *b)* отношеніе князя къ дружинѣ и народу, *c)* роль дружины; 3) торговыя сношенія съ сосѣдними государствами.

B) Бытовое значеніе былинъ: 1) семейная жизнь народа: *a)* отношенія между дѣтьми и родителями, *b)* отношенія между мужемъ и женой; 2) образъ жизни богатырей-дружинниковъ; 3) образъ жизни князя и его приближенныхъ.

C) Отраженіе религіозныхъ взглядовъ народа въ былинахъ: 1) остатки язычества; 2) идеи христіанства.

D) Значеніе былинъ для самого народа: 1) по былинамъ народъ знакомится съ исторіей своей страны; 2) былины являются для народа кодексомъ нравственныхъ законовъ; 3) былины замѣ-

няютъ изящную литературу; 4) былины служатъ для поддержанія и укрѣпленія національныхъ силъ.

Е) Значеніе былинъ для изслѣдователей позднѣйшихъ эпохъ: 1) былины, какъ историческій матеріалъ; 2) знакомство по былинамъ съ убѣжденіями и взглядами народа.

Заключеніе.—Эпически-спокойный тонъ разсказа въ былинахъ.

4) Значеніе Ломоносова въ изящной словесности.

Введеніе.—Художественное настроеніе Ломоносова, проявляющееся въ различныхъ возрастахъ.

Главная часть. А) Выработка Ломоносовымъ новаго поэтическаго языка: 1) значеніе „Разсужденія о пользѣ книгъ церковныхъ"; 2) Ломоносовъ, какъ основатель тоническаго стихосложенія; 3) значеніе „Грамматики" и „Реторики" Ломоносова для русскаго литературнаго языка.

В) Лирика Ломоносова: 1) красота описаній; 2) отраженіе историческаго момента въ лирикѣ Ломоносова; 3) отраженіе религіозныхъ взглядовъ; 4) отраженіе чувства патріотизма.

С) Вліяніе художественныхъ произведеній Ломоносова на умы современниковъ: 1) ломка отжившихъ литературныхъ традицій въ наиболѣе культурной части общества; 2) популяризація возвышенныхъ идей, благодаря ясности слога и художественности произведеній Ломоносова.

Заключеніе.—Ломоносовъ, какъ связующее звено между массой народа и культурнымъ обществомъ.

5) Развитіе драмы въ русской литературѣ.

Введеніе.—Значеніе драматическихъ произведеній.

Главная часть. А) Русскій театръ допетровской эпохи: 1) религіозный характеръ драмъ Кіевской Руси; 2) драмы Симеона Полоцкаго и основаніе въ Москвѣ театра.

В) Театръ при Петрѣ: 1) общедоступность театра; 2) свѣтскій характеръ драмъ этой эпохи.

С) Театръ при Сумароковѣ: 1) ложноклассическое направленіе драмъ Сумарокова, 2) историческій характеръ сюжетовъ, 3) отсутствіе поэтическихъ достоинствъ.

D) Театръ Екатерининскаго времени: 1) народный характеръ комедій Фонвизина, 2) живость выведенныхъ Фонвизинымъ типовъ, 3) вліяніе ложноклассической теоріи.

Е) Комедія Крылова.

F) „Горе отъ ума" Грибоѣдова: 1) реальность выведенныхъ типовъ, 2) осатки лож. классицизма.

G) Драматическія произведенія Пушкина: 1) вліяніе Шекспира, 2) отреченіе отъ ложно-классическихъ традицій, 3) общечеловѣчность выведенныхъ характеровъ, 4) народность драмъ Пушкина.

Н) Драматическія произведенія Гоголя: 1) вліяніе Пушкина, 2) отраженіе особенностей таланта Гоголя на его комедіяхъ.

Заключеніе. — Общій очеркъ дальнѣйшаго развитія драмы въ русской литературѣ.

6) Значеніе Державина для русской литературы.

Введеніе.—Взглядъ Ломоносова на оду.

Гл. часть. — А) Особенности тона одъ Державина: 1) внесеніе въ оды шутливаго тона, 2) сатирическій элементъ одъ Д., 3) искренность лирики Д., 4) соединеніе поэтическихъ началъ съ философскими.

В) Историческое значеніе одъ Державина: 1) отраженіе эпохи Екатерины въ одахъ Державина, 2) изображеніе Державинымъ отдѣльныхъ историческихъ личностей.

С) Особенности языка одъ Державина: 1) живость языка, 2) отголоски народной поэзіи.

Заключеніе.—Державинъ является по содержанію своихъ произведеній и по ихъ внѣшней отдѣлкѣ достойнымъ предшественникомъ Пушкина.

7) Сентиментализмъ, внесенный Карамзинымъ въ русскую литературу.

Введеніе. — Вліянія, подъ которыми сложился характеръ Карамзина.

Гл. часть. А) Русская литература до Карамзина: 1) баснословность сюжетовъ, 2) сухость изложенія, 3) напыщенность и неестественность, 4) романы, отличающіеся цинизмомъ, 4) общество не удовлетворялось существующей литературой.

В) Сентиментализмъ въ произведеніяхъ Карамзина: 1) односторонность и неглубокость подражанія К. Стерну, 2) отсутствіе юмора, 3) противоположная крайность (по сравненію съ псевдоклассическими произведеніями), въ которую впадаетъ К. въ изображеніи характеровъ: а) ихъ неестественность, в) отсутствіе полноты въ изображеніи характеровъ; 4) предвзятость идей воплощаемыхъ въ произведеніяхъ Карамзина.

С) Положительныя стороны сентиментализма, внесеннаго Карамзинымъ въ русскую литературу: 1) съ внутренней стороны; а) первый шагъ къ реальному изображенію дѣйствительности, в) стремленіе сдѣлать литературныя произведенія доступными болѣе широкому кругу читателей; 2) съ

внѣшней стороны: а) сближеніе литературнаго языка съ разговорной рѣчью, в) внесеніе новыхъ словъ въ литературный языкъ.

Заключеніе.—Вліяніе Карамзина на дальнѣйшее развитіе литературы.

8) Заслуги Жуковскаго въ русской литературѣ.

Введеніе.—Личность Жуковскаго по біографическимъ даннымъ.

Гл. часть. А) Общія положенія романтическаго направленія въ произведеніяхъ Жуковскаго: 1) жизнь—счастье, 2) истинное счастье—любовь и возвышенныя чувства, 3) человѣкъ долженъ стремиться къ самоусовершенствованію, 4) несчастье и счастье въ равной мѣрѣ способствуютъ самоусовершенствованію, 5) воспоминанія и надежды въ жизни человѣка, 6) вѣра въ загробную жизнь.

В) Переводныя произведенія Жуковскаго: 1) выборъ художественныхъ произведеній иностранной литературы для перевода, 2) самостоятельное творчество въ переводахъ Ж., 3) внѣшняя отдѣлка переводныхъ произведеній.

С) Оригинальныя произведенія Жуковскаго: 1) патріотическія стихотворенія, 2) отраженіе религіозныхъ взглядовъ въ произведеніяхъ Ж., 3) внѣшняя благозвучность и живость языка.

D) Отпечатокъ романтизма на всѣхъ произведеніяхъ Жуковскаго.

Заключеніе.—Значеніе романтизма, внесеннаго Жуковскимъ для дальнѣйшаго развитія русской литературы.

9) Черты ложно-классицизма въ комедіи Фонвизина „Недоросль".

Введеніе.—Развитіе русской драмы до Фонвизина.

Гл. часть. А) Неполнота изображенія характеровъ въ Недорослѣ: 1) порочныя лица, 2) добродѣтельныя лица.

В) Присутствіе резонеровъ.

С) Соблюденіе единствъ: 1) времени, 2) мѣста, 3) дѣйствія.

D) Искусственность: 1) въ накопленіи случайностей, 2) въ развязкѣ.

Заключеніе. — Значеніе „Недоросля" для дальнѣйшаго развитія русской драмы.

10) Байронизмъ въ русской литературѣ.

Введеніе.—Смѣна направленій въ русской литературѣ.

Гл. часть. — А) Сущность байронизма: 1) идеалъ независимой личности, 2) гордость, 3) стремленіе къ самоанализу, 4) чувство неудовлетворенности, 5) пессимистическій взглядъ на жизнь человѣка.

В) Отраженіе байронизма въ произведеніяхъ Пушкина: 1) Кавказскій плѣнникъ, 2) Цыганы, 3) Бахчисарайскій фонтанъ, 4) Евгеній Онѣгинъ.

С) Отраженіе байронизма по произведеніямъ Лермонтова: 1) субъективность творчества Л., 2) отраженіе байронизма въ его произведеніи „Демонъ", 3) отраженіе байронизма на характерѣ Печорина и другихъ героевъ поэмъ Лермонтова, 4) мотивы примиренія съ жизнью въ стихотвореніяхъ Лермонтова.

Заключеніе.—Значеніе байронизма въ дальнѣйшемъ развитіи русской литературы.

IV. Темы литературныя.

I) Разборъ „Пѣсни про купца Калашникова".

ПЛАНЪ.

Введеніе.—Типичность характеровъ, выведенныхъ въ „Пѣсни".

Гл. часть.—А) Характеристика Ивана Грознаго: 1) подозрительность, 2) вспыльчивость, 3) жестокость.

В) Характеристика купца Калашникова: 1) отношеніе Калашникова къ семьѣ, 2) прямота, 3) благородство, 4) смѣлость.

С) Характеристика Кирибѣевича: 1) неуравновѣшенность натуры Кирибѣевича, 2) поэтичность натуры Кирибѣевича.

D) Общая оцѣнка достоинствъ „Пѣсни": 1) эпическое спокойствіе тона, 2) черты, сближающія „Пѣснь про купца Калашникова" съ наружными пѣснями: а) сочувствіе страданію, в) внѣшніе пріемы Лермонтова, придающіе его произведенію характеръ народной пѣсни.

Заключеніе.—Близость Лермонтова къ народному міросозерцанію.

ИЗЛОЖЕНІЕ.

„Пѣснь про купца Калашникова" можетъ быть по справедливости названа „исторической" пѣснью, несмотря на то, что, какъ сюжетъ, такъ и лица, выведенныя въ ней (кромѣ Ивана Грознаго), являются плодомъ фантазіи автора.. Дѣло въ томъ, что въ этой картинѣ настолько правдиво воспроизведенъ бытъ той эпохи, къ которой относится повѣствованіе, настолько типичны характеры купца и опричника, что самая фабула отступаетъ

на второй планъ, и передъ нами встаютъ, какъ живые,—могучіе образы русской старины.

Первымъ крупнымъ дѣйствующимъ лицомъ, въ „Пѣсни" является Грозный; всѣ тѣ характерныя черты, которыми надѣлилъ эту историческую личность народъ въ своихъ пѣсняхъ, Лермонтовъ перенесъ въ свое произведеніе. При постепенномъ развитіи того драматическаго сюжета, въ которомъ сталкиваются интересы трехъ различныхъ какъ по общественному положенію, такъ и по складу ума и характера, людей,— характеръ Грознаго проявляется во всей своей непривлекательности. Жестокость, подозрительность, вспыльчивость— вотъ тѣ черты, которыми надѣляетъ его Лермонтовъ въ своей „Пѣсни".—Въ тонкой ироніи рѣчей Грознаго, въ тѣхъ поэтическихъ сравненіяхъ и оборотахъ, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, говоря съ Кирибѣевичемъ и Калашниковымъ, сквозитъ холодная жестокость.

... „топоръ велю наточить — навострить,
„Палача велю одѣть—нарядить,
„Чтобы знали всѣ люди московскіе,
„Что и ты не оставленъ моей милостью".

говоритъ онъ въ отвѣтъ на правдивую рѣчь Калашникова, какъ будто издѣваясь надъ своей жертвой.—Такой же жестокостью дышитъ и его рѣчь, обращенная къ Кирибѣевичу:

„Гей ты вѣрный нашъ слуга Кирибѣевичъ,
„Аль ты думу затаилъ нечестивую?
„Али славѣ нашей завидуешь?
„Али служба тебѣ честная прискучила?
„Когда всходитъ мѣсяцъ, звѣзды радуются,
„Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
„А которая за тучку прячется,
„Та стремглавъ на землю падаетъ".

Здѣсь поэтическая форма, въ которую заключена мысль Грознаго, еще ярче обнаруживаетъ его безсердечность, его подозрительность, готовую пробудиться по отношенію къ каждому по самому ничтожному поводу.

Мы видимъ, какъ быстро эта подозрительность овладѣваетъ Грознымъ; изъ-за того только, что „не поднялъ глазъ молодой боецъ". Иванъ Васильевичъ весь горитъ негодованіемъ и, въ порывѣ бѣшенства, ударяетъ палкой объ полъ, да такъ, что

... „дубовый полъ четверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ наконечникомъ".

Этими немногими штрихами обрисованъ весь Грозный, съ его широкой, мощной натурой, не знавшей границъ своей власти, своихъ желаній...

Не менѣе ярко очерченъ и характеръ купца Калашникова. Хорошій семьянинъ, человѣкъ со сложившимися вполнѣ опредѣленно взглядами на честь—Калашниковъ проявляетъ способность мужественно отстаивать свои убѣжденія, твердо высказывая свои взгляды, не боясь никакой опасности. Онъ суровъ и прямолинеенъ въ своихъ разсужденіяхъ и поступкахъ. Подозрѣвая жену въ измѣнѣ, онъ не перевариваетъ мысли, что она можетъ нарушить клятву, поправъ законы Божескіе и человѣческіе, и готовитъ ей суровую кару:

„Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
„За дубовую дверь окованную,
„Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла"...

говоритъ онъ женѣ, но лишь только убѣждается въ ея неповинности, — онъ не останавливается передъ силой своего оскорбителя, онъ не думаетъ о томъ, что его врагъ — царскій любимецъ,—въ немъ закипаетъ благородный гнѣвъ, желанье смыть позоръ съ себя и со своей семьи; смѣло идетъ Калашниковъ на „смертный бой, послѣдній бой" постоять „за святую правду—матушку", и правда торжествуетъ, опричникъ падаетъ отъ руки Степана Парамоновича, позоръ смытъ, обида отомщена, но судьба посылаетъ еще новое испытаніе мужеству Калашникова: предъ лицомъ Грознаго онъ долженъ отвѣчать „по правдѣ, по совѣсти", „вольной волею, иль нехотя" онъ убилъ царскаго слугу. Только ложью можетъ спасти себя Калашниковъ, но не такой онъ человѣкъ; правда дороже всего ему на свѣтѣ и онъ, мужественно глядя смерти въ глаза, отвѣчаетъ по чистой совѣсти, бодро идетъ на казнь за ту „святую правду", къ которой сводились въ его понятіи законы Божескіе и человѣческіе.

Кирибѣевичъ не менѣе прекрасенъ въ своемъ порокѣ!—Это поэтическая натура, полная отваги и удали молодецкой, но натура неуравновѣшенная, безъ твердыхъ убѣжденій и понятій о долгѣ, подверженная страстнымъ порывамъ и увлеченіямъ. Любовь къ Аленѣ Дмитревнѣ заполонила цѣликомъ его душу.

„Опостыли мнѣ кони легкіе,
„Опостыли наряды парчевые,
„И не надо мнѣ золотой казны"...

плачется онъ, и горько звучитъ въ устахъ молодого опричника въ расцвѣтѣ силъ и здоровья полная поэтической печали рѣчь:

„Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
„Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
„И безъ похоронъ горемышный прахъ
„На четыре стороны развѣется".

Не негодованіе, а состраданіе вызываетъ этотъ человѣкъ поглощенный своей любовью, отдавшійся весь страстно-нѣжному чувству къ „чужой женѣ"; трагизмъ положенія вполнѣ искупаетъ тотъ „грѣхъ", который совершаетъ Кирибѣевичъ...

Переходя къ обще оцѣнкѣ произведенія, мы не можемъ не замѣтить того эпически-спокойнаго тона, какимъ Лермонтовъ излагаетъ грустною повѣсть любви опричника; этотъ тонъ особенно сближаетъ произведеніе Лермонтова съ народными пѣснями. Однако личность разсказчика не пропадаетъ въ „Пѣсни": разстановка словъ, сравненія, эпитеты—все это обнаруживаетъ отношеніе автора.

къ тѣмъ событіямъ и лицамъ, о которыхъ идетъ рѣчь:

„Ужъ зачѣмъ же ты, алая заря, просыпалася?
„На какой ты радости разыгралася?

говоритъ Лермонтовъ, какъ бы томимый зловѣщимъ предчувствіемъ передъ боемъ Калашникова и Кирибѣевича. Далѣе въ описаніи смерти Кирибѣевича мы не видимъ торжества, не видимъ радости по поводу того, что правый взялъ верхъ; судъ Божій свершился, преступникъ наказанъ, но поэтъ грустить о человѣкѣ, павшемъ жертвой своей страсти:

„И опричникъ молодой застоналъ слегка,
„Закачался, упалъ замертво;
„Повалился онъ на холодный снѣгъ,
„На холодный снѣгъ будто сосенка,
„Будто сосенка во сыромъ бору,
„Подъ смолистый подъ корень подрубленная...

Это сравненіе съ сосенкой, это повтореніе словъ „на холодный снѣгъ", эта нѣжность, которой дышитъ описаніе, этотъ тяжелый стихъ: „Подъ смолистый подъ корень подрубленная",— которымъ замыкается рядъ легкихъ стиховъ, свидѣтельствуетъ о томъ тяжеломъ чувствѣ, съ которымъ поэтъ говоритъ о смерти Кирибѣевича. Такое сочувствіе страданію праваго и виноватаго, такая мягкость и нѣжность повѣтствованія—еще болѣе сближаетъ „Пѣснь" Лермонтова съ лучшими произведеніями народной словесности. Наконецъ, и самая форма „Пѣсни" вполнѣ „народная": тѣ же живописныя сравненія, также много втрѣчается эпитетовъ постояннаго характера („заря *алая*" „плечи *богатырскія*"), тѣ же повторенія...

Сравнивая „Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ" съ другими произведеніями Лермонтова, мы видимъ, что она является единственнымъ въ своемъ родѣ художественнымъ произведеніемъ народной пѣсни, выдержаннымъ какъ по содержанію, такъ и по формѣ; въ ней ярче всего сказалась необыкновенная способность Лермонтова къ пониманію русской народной поэзіи, сказалась близость поэта къ народному міросозерцанію.

2) Идеалъ человѣка и гражданина по одѣ Державина „Вельможа".

Введеніе. Сатирическій характеръ одъ Державина.

Гл. часть. А) Идеалъ „человѣка" по одѣ „Вельможа": 1) религіозность и благочестіе, 2) борьба со страстями, 3) воспитаніе воли, 4) служеніе истинѣ, 5) идеальный человѣкъ долженъ быть хорошимъ семьяниномъ.

В) Идеалъ „гражданина" по одѣ „Вельможа": 1) любовь къ ближнему, 2) энергія, 3) трудолюбіе, 4) стремленіе принести пользу своему отечеству, 5) безкорыстіе.

Заключеніе. Значеніе оды „Вельможа" для современниковъ.

3) Разборъ баллады Жуковскаго „Свѣтлана".

Введеніе. Идея баллады.

Гл. часть А) Внутреннія достоинства „Свѣтланы": 1) народный элементъ въ балладѣ, 2) задушевность ея, 3) искусное развитіе сюжета.

Б) Внѣшнія достоинства „Свѣтланы: 1) короткость и легкость, 2) отраженіе общаго жизнерадостнаго настроенія, 3) изящество фантастическихъ образовъ.

С) Недостатки „Свѣтланы": 1) наивность сюжета, 2) недостатокъ національнаго элемента, 3) отсутствіе глубокой идеи.

Заключеніе. „Свѣтлана" даетъ слабое понятіе объ идейной сторонѣ романтизма.

4) Художественность басенъ Крылова.

Введеніе. Общее значеніе басенъ.

Гл. часть. А) Художественность басенъ Крылова съ внутренней стороны: 1) отсутствіе во многихъ басняхъ „нравоученій", 2) естественность сюжетовъ, 3) осторожность въ выборѣ поэтическихъ образовъ 4) сохраненіе психологической вѣрности въ изображеніе характеровъ, 5) народность басенъ Крылова: a) употребленіе Крыловымъ пословицъ въ басняхъ, b) выраженія Крылова, принявшія характеръ пословицъ.

В) Художественность басенъ Крылова съ внѣшней стороны: 1) легкость языка, 2) образность языка, 3) звукоподражательность стороны, 4) присутствіе народныхъ выраженій.

Заключеніе. Педагогическое значеніе басенъ Крылова.

5) Элегіи Пушкина.

Введеніе. Разнообразіе душевныхъ настроеній, отражающихся въ произведеніяхъ Пушкина.

Гл. часть. А) Мотивы, затрагиваемые П. въ элегіяхъ: 1) неудовлетворенность жизнью, 2) вопросъ о смерти.

В) Общій тонъ элегій Пушкина: 1) элегіи П. проникнуты чувствомъ тихой грусти, 2) П. не доходитъ до отчаянія, 3) въ элегіяхъ П. отражается вѣра въ свѣтлое будущее.

С) Лиризмъ элегій Пушкина: 1) искренность, 2) отсутствіе преувеличеній, 3) задушевный характеръ элегій Пушкина.

D) Внѣшнія достоинства элегій Пушкина: 1) простота языка, 2) соотвѣтствіе стихотворной формы и содержанія.

6) Разборъ „Кавказскаго плѣнника" Пушкина.

Введеніе. Подчиненіе Пушкина вліянію Байрона.

Гл. часть А) Черты байронизма въ характерѣ кавказскаго плѣнника: 1) чувство пресыщенія жизнью, 2) разочарованность, 3) любовь къ свободѣ, 4) любовь къ природѣ, 5) угрюмость 6) гордость.

В) Недостатки въ обрисовкѣ характера кавказск. плѣнника: 1) неестественное постоянство въ любви къ отвергшей красавицѣ, 2) неестественность отношенія къ черкешенкѣ.

С) Внѣшняя сторона поэмы: 1) лирическія отступленія 2) описанія природы.

Заключеніе. Кавказскій плѣнникъ является типомъ, чуждымъ русской жизни.

7) Разборъ „Скупого рыцаря" Пушкина.

Введеніе—Отраженіе вліянія Шекспира на драмѣ Пушкина „Скупой Рыцарь".

Гл. часть. А) Развитіе характеровъ въ драмѣ: I. Характеристика Альбера: 1) храбрость Альбера, 2) горячность его, 3) отношенія къ отцу, 4) понятіе о рыцарской чести. II. Характеристика „скупого рыцаря": 1) скупость рыцаря, 2) отсутствіе понятія о нравственности, 3) жестокость, 4) отношенія къ сыну, 5) остатки рыцарскаго понятія о чести въ рыцарѣ.

В) Общія достоинства драмы: 1) яркая обрисовка характеровъ, 2) заключенность драмы, 3) художественная оцѣнка языка, 4) выдержанность колорита средне-вѣковой эпохи.

Заключеніе.— Заслуги Пушкина въ развитіе русской драмы.

8) Бытъ казачества по повѣсти Гоголя „Тарасъ Бульба".

Введеніе. — Типичность лицъ, выведенныхъ въ повѣсти.

Главная часть. А) Семейная жизнь казаковъ: 1) положеніе женщины: а) по отношенію къ мужу, b) по отношенію къ дѣтямъ, е) по отношенію къ хозяйству; 2) отношеніе казака къ семьѣ: а) отношеніе къ женѣ, b) отношеніе къ дѣтямъ.

В) Общественная жизнь казачества: 1) воинственность казаковъ, проявляемая по отношенію къ сосѣдямъ, 2) грабежи, 3) разгульный образъ жизни въ Сѣчѣ, 4) проявленіе патріотизма и военной доблести.

Заключеніе. Историческая вѣрность картины, нарисованной въ повѣсти „Тарасъ Бульба".

9) Бытъ русскихъ помѣщиковъ по произведеніямъ Гоголя.

Введеніе. Произведенія Гоголя являются яркимъ отраженіемъ русской дѣйствительности.

Гл. часть. А) Духовная жизнь помѣщиковъ: 1) отсутствіе умственныхъ интересовъ, 2) узость кругозора, 3) слабое понятіе о законахъ нравственности.

В) Семейная жизнь помѣщиковъ: 1) отсутствіе духовнаго общенія въ семьѣ, 2) столкновенія между родителями и дѣтьми изъ-за матеріальныхъ интересовъ, 3) мелочность взаимныхъ заботъ членовъ семьи.

С) Общественная жизнь помѣщиковъ: 1) отношеніе къ крестьянамъ, 2) отношеніе къ городскому чиновничеству, 3) мелочность, проявляемая въ отношеніяхъ помѣщиковъ между собой.

Заключеніе. Безотрадность картины жизни русскихъ помѣщиковъ.

10) Мотивы примиренія съ жизнью въ произведеніяхъ Лермонтова.

Введеніе. Мрачный тонъ большинства произведеній Лермонтова.

Гл. часть. А) Вѣра въ высокія стремленія, заложенныя въ душу каждаго человѣка: 1) блаженство чистыхъ душъ, изображенныхъ въ стихотвореніи „Ангелъ", 2) страданія души на землѣ, 3) сохраненіе „искры Божіей" въ душѣ человѣка въ теченіе всей жизни.

В) Вѣра въ возможность счастья вслѣдствіе глубины и благородства человѣческой души: 1) стремленіе человѣка къ осуществленію высшаго идеала въ жизни, 2) бодрость въ борьбѣ съ жизненными невзгодами.

С) Примиреніе съ жизнью, благодаря созерцанію природы.

D) Душевное успокоеніе, благодаря религіозному чувству.

Е) Утѣшеніе въ молитвѣ.

Заключеніе. Значеніе разобранныхъ мотивовъ поэзіи Лермонтова для общей оцѣнки его поэтическаго творчества.

V. Характеристики.

1) Характеристика Чацкаго.

ПЛАНЪ.

Введеніе. Чацкій,—какъ центральная фигура въ комедіи „Горе отъ ума".

Гл. часть. А) Вліянія, подъ которыми сложился характеръ Чацкаго: 1) Вліяніе воспитанія

въ дому Фамусовыхъ, 2) вліяніе среды, въ которой вращался Чацкій, 3) вліяніе „новыхъ людей“, 4) вліяніе поѣздокъ за-границу.

В) Умъ Чацкаго: 1) развитіе ума подъ вліяніемъ образованія, 2) поверхностность ума Чацкаго.

С) Міросозерцаніе Чацкаго: 1) честность взглядовъ Чацкаго, 2) взглядъ Чацкаго на отношенія къ служебнымъ обязанностямъ, 3) взглядъ Чацкаго на образъ жизни общества, 4) взглядъ Чацкаго на крестьянскій вопросъ, 5) искренность личнаго чувства Чацкаго къ Софьѣ, 6) патріотизмъ Чацкаго.

Заключеніе. Чацкій, какъ типъ передового человѣка.

ИЗЛОЖЕНІЕ.

Центральной фигурой среди дѣйствующихъ лицъ комедіи „Горе отъ ума“, въ которой такъ живо обрисовано современное Грибоѣдову общество, является Чацкій, представитель новаго поколѣнія тѣхъ бодрыхъ людей, которые, отказавшись отъ рутинныхъ правилъ жизни ихъ дѣдовъ и отцовъ, старались вывести Россію на новый путь — путь прогресса и цивилизаціи.

Характеръ Чацкаго такъ же, какъ характеръ большинства людей, сложился подъ самыми разнообразными вліяніями. Судя по тѣмъ біографическимъ даннымъ, которыя мы можемъ почерпнуть въ самой комедіи, воспитаніе Чацкаго въ домѣ московскаго туза—Фамусова мало чѣмъ отличалось по своимъ пріемамъ отъ системы воспитанія, осмѣянной съ такимъ сарказмомъ самимъ Чацкимъ: тѣ же гувернеры, гувернантки и учителя „числомъ поболѣе—цѣною подешевле“, тѣ же наставленія, касающіяся внѣшнихъ манеръ и „приличій“, на которыхъ зиждилось благополучіе московскаго „свѣта“, то же невниманіе къ духовному развитію ребенка, къ его умственнымъ запросамъ, къ его задаткамъ будущаго „человѣка“.

Трудно было сохранить „живую душу“ въ такой обстановкѣ; много нужно было имѣть природнаго ума и самостоятельности, чтобы сумѣть критически взглянуть на пустоту окружающей жизни, чтобы правильно оцѣнить то дутое величіе, которымъ кичилось общество московскихъ „тузовъ“. И вотъ, мы видимъ, что Чацкій не поддался пагубному вліянію окружавшей его среды; недостатки общества и воспитанія послужили ему на пользу, развивъ въ немъ духъ критицизма, побудивши его искать новыхъ путей, новой, осмысленной, жизни, Взглянувши на обратную сторону медали, Чацкій уже не могъ примириться съ окружающей обстановкой; онъ примкнулъ къ той прогрессивной части общества, которая напрягала всѣ усилія, чтобы пробудить русское общество отъ умственной и нравственной спячки. Умъ и честь—вотъ тѣ новые кумиры, непонятные московскому чиновничеству, которымъ служилъ Чацкій и тотъ кружокъ молодежи, къ которому онъ принадлежалъ. Понятіе о чести воспиталъ въ себѣ Чацкій частью гляля на окружающихъ его людей и видя въ нихъ полное отсутствіе понятій о нравственности, частью поддерживая сношенія съ „новыми людьми“, служителями честныхъ идей; для развитія ума — онъ уѣхалъ за-границу, чтобы тамъ пополнить свое образованіе, взглянуть на новую жизнь.

Мы застаемъ Чацкаго въ тотъ моментъ, когда онъ со свѣжими впечатлѣніями, накопившимися заграницей, съ вполнѣ сложившимся міросозерцаніемъ, отвыкшій отъ обычаевъ и взглядовъ круга людей, изъ котораго онъ вышелъ, — снова попадаетъ въ круговоротъ московской жизни, въ общество „большихъ“ и „маленькихъ“ Фамусовыхъ; то, съ чѣмъ прежде Чацкій мирился вслѣдствіе привычки, теперь кажется ему настолько страннымъ и чуждымъ, что онъ не можетъ сдержать своего негодованія, и, вступая въ неравную борьбу съ отжившимъ поколѣніемъ, обнаруживаетъ вполнѣ свои внутреннія качества.

Оцѣнивая Чацкаго со стороны ума, проявившагося въ этой борьбѣ, мы не можемъ не замѣтить, что благодаря природнымъ качествамъ и образованію, полученному заграницей, умъ его отличается остротою и внѣшнимъ блескомъ, привившимся въ тѣхъ мѣткихъ „эпиграммахъ“, которыя то и дѣло срываются съ его языка, но умъ этотъ не глубокъ. Чацкій не могъ, или не хотѣлъ понять, что всѣ его остроумные выпады по отношенію къ Фамусову, Скалозубу и Молчалину не могли имѣть серьезнаго значенія; даже болѣе—эти выпады въ большинствѣ случаевъ были совершенно непонятны людямъ, которые „Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ

„Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма“.

Въ отвѣтъ на цѣлую филиппику, который разражается Чацкій противъ Скалозуба и ему подобныхъ, тотъ, ухватившись за скорлупку его мысли, выражаетъ свое удовольствіе словами:

„Мнѣ нравится при этой смѣтѣ
„Искусно какъ коснулись вы
„Предубѣжденія Москвы... и т. д.

Ясно, что человѣка, способнаго глубже взглянуть на своихъ противниковъ, такая реплика должна бы охладить и заставить прибѣгнуть къ какому-либо другому оружію, однако, Чацкій продолжаетъ упорно обличать своихъ враговъ на непонятномъ для нихъ языкѣ.

Несмотря на эту поверхностность ума, изъ всѣхъ словъ Чацкаго видно, что онъ разобрался если не во всѣхъ, то въ большинствѣ насущныхъ вопросовъ жизни и далъ правильную оцѣнку недостаткамъ современнаго общества. Изъ всѣхъ обличительныхъ рѣчей его мы можемъ составить понятіе о его собственныхъ взглядахъ, и первое, что бросается въ глаза—это честность и прямота, которыя красной нитью проходятъ черезъ всѣ его сужденія. Касаясь понятія о службѣ, онъ выражаетъ взглядъ, что человѣкъ долженъ служить

„дѣлу, а не лицамъ“, служить, а не прислуживаться; онъ возстаетъ противъ того легкомыслія, съ какимъ Фамусовы относились къ своимъ обязанностямъ, говоря:

„Когда въ дѣлахъ—я отъ веселій прячусь;
„Когда дурачиться—дурачусь;
„А смѣшивать два эти ремесла
„Есть тьма охотниковъ; я не изъ ихъ числа“.

Чацкаго поражаетъ поклоненіе москвичей передъ внѣшнимъ мишурнымъ блескомъ чиновничества.

„Мундиръ! одинъ мундиръ!“ (восклицаетъ онъ) онъ въ прежнемъ ихъ быту,
„Когда-то дорывалъ, расшитый и красивый,
„Ихъ слабодушіе, разсудка нищету“.

Говоря о самомъ образѣ жизни московскаго общества, Чацкій возмущается безсодержательностью и пустотой этой жизни:

„Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера,
„И положенный часъ приливамъ и отливамъ“,
„Вчера былъ балъ, а завтра будутъ два...

Затрагивая вопросъ о крестьянахъ, Чацкій является яркимъ поборникомъ свободы и съ страстнымъ негодованіемъ обличаетъ современныхъ баръ, обращавшихся съ крѣпостными, какъ съ животными; его слова о „Несторѣ негодяевъ знатныхъ“ и помѣщикѣ, распродавшемъ свой крѣпостной балетъ дышатъ благороднымъ негодованіемъ.

Искренность и прямота характера Чацкаго проявляется и въ чувствѣ его къ Софьѣ. Не вѣря тому, что его мѣсто въ сердцѣ Софьи могъ занять Молчалинъ—воплощеніе добродѣтелей „умѣренности и аккуратности“, онъ говоритъ:

„Не есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
„Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
„Казался прахъ и суета? и т. д.

Несмотря на тотъ пріемъ, который оказываетъ Чацкому ретроградная Москва, несмотря на негодованіе, вызываемое въ немъ тѣмъ большинствомъ, которое стоитъ поперекъ его дороги, несмотря на разочарованія, встрѣчающіяся на каждомъ шагу, Чацкій любитъ свою родину. Чувство патріотизма влекло его въ Россію, чувство патріотизма сказывается и въ томъ монологѣ, которымъ онъ обрушился на московское общество за „слѣпое и рабское подражаніе“ всему иностранному...

Изъ всѣхъ горячихъ монологовъ и репликъ Чацкаго, образныхъ и живыхъ, несмотря на стихотворную форму, передъ нами ярко обрисовывается образъ передового человѣка, руководимаго честными идеями и желаніемъ служить умственному и нравственному прогрессу общества. Пусть неглубокъ былъ умъ Чацкаго, пусть въ борьбѣ съ невѣжественнымъ обществомъ онъ непроизводительно тратилъ свои молодыя силы, но мы видимъ въ немъ одного изъ идейныхъ борцовъ, которые были, есть и будутъ въ русской жизни и отъ которыхъ въ значительной степени зависитъ движеніе государства по пути прогресса.

2) Характеристика Бориса Годунова. *(по Карамзину).*

Введеніе. — Художественность изображенія характеровъ въ „Исторіи Г. Р.“ Карамзина.

Гл. часть.—А) Борисъ Годуновъ, какъ человѣкъ: 1) положительныя стороны его характера: a) умъ, b) энергія, c) доброта; 2) отрицательныя стороны его характера: a) властолюбіе, b) хитрость, c) лицемѣріе.

В) Борисъ Годуновъ, какъ правитель: 1) положительныя черты Годунова, какъ правителя: a) заботы объ экономическомъ благосостояніи народа, b) заботы о просвѣщеніи народа; 2) отрицательныя стороны Годунова, какъ правителя: a) подозрительность по отношенію къ подданнымъ, b) жестокость по отношенію къ подданнымъ.

C) Борисъ Годуновъ, какъ отецъ.

Заключеніе. — Отношеніе Карамзина къ личности Бориса Годунова.

3) Характеристика Екатерины по одамъ Державина.

Введеніе.—Державинъ, какъ пѣвецъ Екатерины.

Гл. часть.—А) Екатерина II, какъ человѣкъ: 1) умъ, 2) правдивость, 3) искренность, 4) гуманность, 5) скромность: a) въ пищѣ, b) въ образѣ жизни.

В) Екатерина II, какъ правительница: 1) гуманность по отношенію къ подданнымъ, 2) идеи равенства, свободы и любви, проводимыя ею въ жизни, 3) забота о матеріальномъ благосостояніи народа, 4) забота о умственномъ и нравственномъ развитіи народа, 5) забота о внѣшнемъ величіи Россіи.

Заключеніе.—Сравненіе исторической оцѣнки дѣятельности Екатерины съ оцѣнкой Державина.

4) Характеристика Гринева (Андрея Петровича).

Введеніе.—Предки Гринева.

Гл. часть. А) Отношеніе Гринева къ служебнымъ обязанностямъ: 1) честное выполненіе долга, 2) вѣрность данной присягѣ, 3) прямота по отно-

шенію къ высшимъ, 4) вѣра въ свои силы, 5) неспособность льстить и подслуживаться.

B) Отношеніе Гринева къ крестьянамъ: I. Положительная сторона этихъ отношеній: 1) любовь къ крестьянамъ, 2) забота объ ихъ благосостояніи.

II. Отрицательная сторона этихъ отношеній: 1) грубость обращенія съ крестьянами, 2) Гриневъ видитъ въ крестьянахъ людей низшей расы.

C) Отношеніе Гринева къ семьѣ: I. Отношеніе къ женѣ: 1) любовь къ женѣ, какъ къ слабому созданью, 2) деспотизмъ, проявляемый Гриневымъ по отношенію къ женѣ.

II. Отношеніе къ сыну: 1) забота о нравственномъ воспитаніи сына, 2) забота объ образованіи сына, 3) суровость Гринева, какъ отца.

Заключеніе. — Андрей Петровичъ Гриневъ является представителемъ своей эпохи.

5) Характеристика Ленскаго.

Введеніе.—Противоположность характеровъ Ленскаго и Онѣгина.

Гл. часть. A) Вліянія, подъ которыми сложился характеръ Ленскаго: 1) природная склонность къ чувствительности, 2) поѣздка заграницу, 2) знакомство съ произведеніями Шиллера и Гете, 4) уединенный образъ жизни.

B) Положительныя стороны характера Ленскаго: 1) благородство, 2) вѣра въ свѣтлое будущее, 3) способность жертвовать собой во имя идеи, 4) чистота чувства къ Ольгѣ.

C) Отрицательныя стороны характера Ленскаго: 1) поверхностность взгляда на жизнь, 2) наивность, 3) непониманіе окружающихъ его людей, 4) отсутствіе твердой воли и самостоятельности въ сужденіяхъ.

Заключеніе.—Отношеніе Пушкина къ Ленскому.

6) Характеристика Татьяны.

Введеніе. — Татьяна, какъ положительный типъ русской женщины.

Гл. часть. A) Вліянія, подъ которыми сложился характеръ Татьяны: I. Вліяніе семьи: 1) вліяніе няни: а) развитіе фантазіи, б) развитіе пониманія народнаго духа, 2) вліяніе родителей. II. Вліяніе книгъ: 1) возникновеніе вопросовъ въ умѣ Татьяны подъ вліяніемъ книгъ, 2) идеалъ „героя", создавшійся подъ вліяніемъ Ричардсона и Руссо, 3) развитіе фантазіи подъ вліяніемъ романовъ. III. Вліяніе природы на развитіе характера Татьяны.

B) Природная задумчивость и мечтательность.

C) Положительныя черты характера Татьяны: 1) доброта, 2) пытливый умъ, 3) стремленье къ высшему идеалу, 4) твердость характера, 5) честность.

D) Отрицательныя черты характера Татьяны: 1) излишняя мечтательность, 2) недостатокъ энергіи.

Заключеніе. Отношеніе Пушкина къ Татьянѣ.

7) Сравнительная характеристика Онѣгина и Печорина.

Введеніе. — Увлеченіе русскаго общества байронизмомъ.

Гл. часть. A) Общія условія, при которыхъ сложились характеры Онѣгина и Печорина: 1) неправильное воспитаніе, полученное Онѣгинымъ и Печоринымъ, 2) легкомысленный образъ жизни того и другого въ ранней молодости, 3) и Онѣгинъ и Печоринъ вращаются въ одномъ и томъ же обществѣ.

B) Общія черты характера Онѣгина и Печорина: 1) критическій умъ, 2) неудовлетворенность жизнью, 3) замкнутость характера, 4) эгоизмъ, гордость.

C) Отличительныя черты характера Онѣгина и Печорина: I. 1) Умъ Печорина отличается глубиной, 2) умъ Онѣгина — поверхностенъ. II. 1) сильно развитая въ Печоринѣ способность самоанализа, 2) неспособность Онѣгина къ глубокому самоанализу. III. 1) глубина разочарованности Печорина, 2) поверхность разочарованности Онѣгина. IV. 1) сила воли Печорина, 2) слабоволіе Онѣгина.

Заключеніе. Искупительное значеніе нравственныхъ страданій Онѣгина и Печорина.

8) Сравнительная характеристика Плюшкина и „Скупого рыцаря".

Введеніе. Порокъ скупости въ изображеніи писателей различныхъ эпохъ и національностей.

Гл. часть. A) Общія черты характера Плюшкина и „Скупого рыцаря": 1) скупость, 2) оторванность отъ общества, 3) алчность, 4) жестокость: а) по отношенію къ дѣтямъ, b) по отношенію къ посторроннимъ; 5) отсутствіе умственныхъ интересовъ.

B) Отличительныя черты характера „Скупого рыцаря": 1) осмысленность скупости „Скупого рыцаря": а) мечты о величіи и могуществѣ, b) пріобрѣтеніе только того, что дѣйствительно можетъ обогатить, 2) остатки рыцарскаго понятія о чести, 3) сознаніе своихъ обязанностей по отношенію къ герцогу.

C) Отличительныя черты характера Плюшкина: 1) безсмысленность пріобрѣтеній Плюшкина, 2) мелочность, 3) полное отсутствіе понятій о чести и какихъ бы то ни было обязанностяхъ.

Заключеніе. Характерныя особенности таланта Пушкина и Гоголя, отразившіяся въ созданіи типовъ—скупцовъ.

Вопросникъ-экзаменаторъ.

I.

1. Сколько частей рѣчи и какія? 2. На какіе разряды дѣлится имя существительное? 3. Сколько родовъ и какъ они узнаются? 4. Какъ измѣняется имя существительное? 5. Какія бываютъ имена прилагательныя? 6. Какъ измѣняются имена прилагательныя? 7. Какія бываютъ имена числительныя? 8. Какъ измѣняются имена числительныя? 9. Какія бываютъ мѣстоименія? 10. Какъ измѣняются мѣстоименія? 11. Какіе бываютъ глаголы? 12. Какъ измѣняются глаголы? 13. Какія бываютъ нарѣчія? 14. Какъ измѣняются нарѣчія и какія? 15. Для чего служатъ предлоги? 16. Для чего служатъ союзы? 17. Что выражаютъ междометія? 18. Изъ чего состоитъ слово? 19. Какъ дѣлятся звуки? 20. Какъ дѣлится слово по грамматическому составу? 21. Какъ дѣлятся слова по логическому составу? 22. Какія части различаютъ въ предложеніи? 23. Какія бываютъ предложенія? 24. Чѣмъ выражается подлежащее? 25. Чѣмъ выражается сказуемое? 26. Чѣмъ выражаются опредѣленія? 27. Чѣмъ выражаются дополненія 28. Чѣмъ выражаются обстоятельственныя слова? 29. Чѣмъ выражаются звательныя слова? 30. Въ чемъ состоитъ согласованіе словъ? 31. Въ чемъ состоитъ управленіе словъ? 32. Какіе предлоги управляютъ родительнымъ падежомъ? 33. Какіе предлоги управляютъ дательнымъ падежомъ? 34. Какіе предлоги управляютъ винительнымъ падежомъ? 35. Какіе предлоги управляютъ творительнымъ падежомъ? 36. Какія бываютъ придаточныя предложенія? 37. Посредствомъ чего подчиняются придаточныя опредѣлительныя предложенія къ главнымъ? 38. Посредствомъ чего сокращаются прид. опредѣлит. предложенія? 39. Какъ и съ чѣмъ согласуются причастія въ сокращенныхъ опред. предложеніяхъ? 40. Посредствомъ чего подчиняются главнымъ придаточныя дополнительныя? 41. Посредствомъ чего сокращаются придаточныя дополнительныя? 42. Посредствомъ чего подчиняются главнымъ придаточныя обстоят. мѣста? 43. Посредствомъ чего подчиняются главнымъ придаточныя обстоят. времени? 44. Посредствомъ чего подчиняются главнымъ придаточныя обстоят. образа дѣйствія? 45. Посредствомъ чего подчиняются главнымъ придаточныя обстоят. причины? 46. Посредствомъ чего подчиняются главнымъ придаточныя обстоят. цѣли? 47. Посредствомъ чего сокращаются придаточныя обстоят. предложенія? 48. Какими сочетаніями соединяются равносильныя предложенія?

2.

1. Какіе образцы русской словесности сохранились отъ 11-го вѣка? 2. Какіе образцы сохранились отъ 12-го вѣка? 3. Какіе образцы сохранились отъ 13-го вѣка? 4. Какія былины наз. былинами о старшихъ богатыряхъ? 5. Какія былины названы былинами о младшихъ богатыряхъ? 6. Какія извѣстны изъ новгородскихъ былинъ? 7. Назвать образецъ духовнаго стиха. 8. Какія извѣстны историческія пѣсни? 9. Какіе образцы русской словесности сохранились отъ 16-го вѣка? 10. Какіе образцы русской словесности сохранились отъ 17-го вѣка? 11. Что есть замѣчательнаго въ русской словесности 18-го вѣка? 12. Перечислить главнѣйшихъ писателей 19-го вѣка и назвать ихъ лучшія сочиненія.

Конспектъ

(*Отвѣты даются краткіе безъ повторенія вопросовъ*).

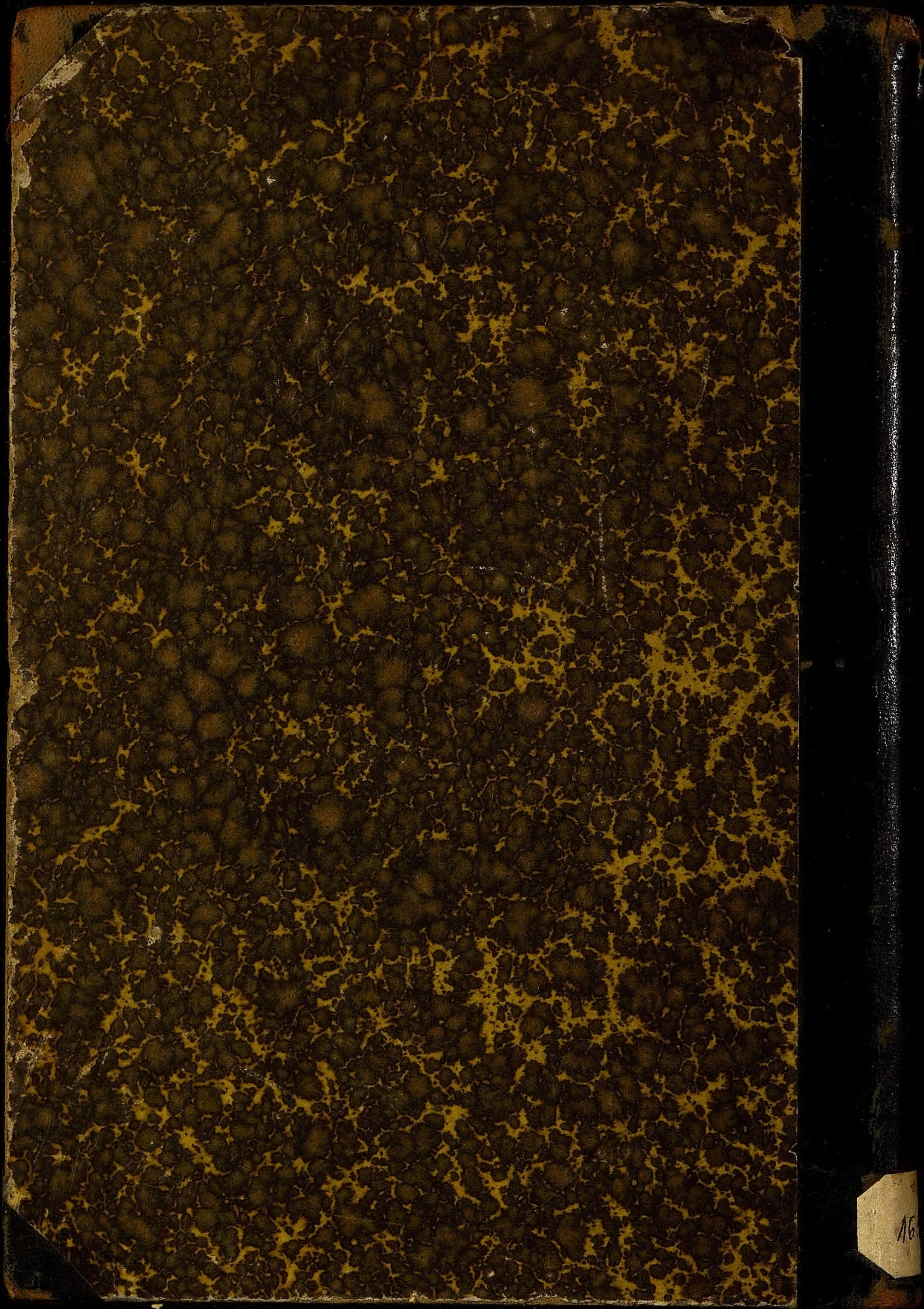
I.

1. Девять: имя существительное, прилагательное, числительное, мѣстоименіе, глаголъ, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, междометіе. 2. Имена чувственныя и умственныя, одушевленныя и неодушевленныя, нарицательныя и собственныя, собирательныя и вещественныя, увеличительныя и уменьшительныя. 3. Три: мужской съ оконч. ъ, ь, й, женскій съ оконч. а, я, ь, средній съ оконч. о,

е, мя. 4. По числамъ—единственное и множественное, и падежамъ—именительный, звательный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный. 5. Качественныя, относительныя и притяжательныя, увеличительныя и уменьшительныя. 6. По степенямъ сравненія (положительная, сравнительная и превосходная), родамъ, числамъ и падежамъ. 7. Количественныя и порядковыя. 8. По падежамъ, нѣкоторыя также по родамъ и числамъ. 9. Личныя, притяжательныя, указательныя, относительныя, вопросительныя, опредѣлительныя, неопредѣленныя. 10. По падежамъ, нѣкоторыя по числамъ и родамъ. 11. Дѣйствительные, взаимные, возвратные, средніе, страдательные; совершенные, несовершенные, однократные, многократные. 12. По наклоненіямъ, числамъ, лицамъ, временамъ и въ прошедшемъ времени по родамъ. 13. Образа дѣйствія, выраженія, количественныя, отрицательныя, причины, мѣста, времени. 14. Качественныя—измѣняются по степенямъ сравненія. 15. Для выраженія отношеній между словами. 16. Для соединенія словъ въ предложенія и предложеній—въ рѣчь. 17. Разныя чувства. 18. Изъ звуковъ. 19. На гласныя и согласныя. 20. На корень, приставку и окончаніе. 21. На простыя и сложныя. 22. Подлежащее, сказуемое, опредѣленія, дополненія, обстоятельственныя слова и слова звательныя. 23. Главныя, придаточныя, вводныя и вносныя; распространенныя и нераспространенныя; полныя и неполныя, личныя и безличныя; простыя, слитныя и сложныя. 24. Всѣми частями рѣчи. 25. Глаголомъ и именами существ. и прилагат. 26. Именемъ прилагательнымъ и существительнымъ. 27. Именами, мѣстоименіемъ и глаголомъ неопр. накл. 28. Нарѣчіями и другими частями рѣчи. 29. Именительнымъ падежомъ именъ и мѣстоименій. 30. Въ употребленіи ихъ въ одномъ родѣ, числѣ, падежѣ и лицѣ. 31. Въ употребленіи падежей согласно требованіямъ управляющихъ словъ. 32. У, подлѣ, близъ, около, вокругъ, среди, между, противъ, изъ, безъ, кромѣ, изъ-за, изъ-подъ, съ, отъ, до, для, ради. 33. Къ, по. 34. Чрезъ, сквозь, въ, на, за, подъ, предъ, съ, о, объ, по. 35. За, предъ, надъ, подъ, съ. 36. Опредѣлительныя, дополнительныя, обстоятельственныя. 37. Отн. мѣст.—который, чей, какой? 38. Посредствомъ имени существ., прилагат. и причастія. 39. Со своимъ опредѣляемымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ. 40. Посред. кто, что, чтобы. 41. Посредствомъ имени существительнаго, прилагательнаго, причастія и неопред. наклоненія глагола. 42. Гдѣ, куда, откуда. 43. Когда, пока дотолѣ, какъ, межъ-тѣмъ какъ. 44. Словно, подобно, будто-бы, какъ-бы, какъ-такъ. 45. Потому-что, оттого-что, за то-что, за тѣмъ-что. 46. Чтобы, дабы, для того-чтобы. 47. Дѣепричастія, существит. съ предлогомъ, причастія. 48. Соединительное и противительное.

2.

1. Слово митрополита Иларіона, (о Новомъ и Ветхомъ Завѣтѣ) и похвала князю Владиміру; лѣтопись Нестора и составленное имъ житіе Өеодосія Печерскаго. 2. Слово въ новую недѣлю по Пасхѣ — Кирилла Туровскаго; хожденіе игумена Даніила въ Святую землю; Поученіе Владиміра Мономаха; Слово о полку Игоревѣ. 3. Слово Серапіона, еп. Владимірскаго „О нашествіи татаръ“, Моленія Даніила Заточника. 4. Волхъ Всеславьевичъ, Вольга Святославичъ, Микула Селяниновичъ, Святогоръ. 5. Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ. 6. Василій Буслаевъ, Садко — богатый гость. 7. Стихъ о Егоріи Храбромъ. 8. О Щелканѣ Дудентьевичѣ, Иванѣ Грозномъ, на рожденіе Петра Великаго. 9. Домострой Сильвестра, соч. Андрея Курбскаго — Исторія князя великаго московскаго о дѣлахъ, Посланіе Іоанна Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. 10. Соч. Котошихина: О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. 11. Соч. Стефана Яворскаго—Слово о побѣдѣ подъ Полтавой; соч. Өеофана Прокоповича — О флотѣ Россійскомъ и на погребеніе Петра Великаго; соч. Татищева—Исторія Россійская и Духовное завѣщаніе сыну; сатиры Кантемира; соч. Ломоносова—Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ, Похвальное Слово Петру I, Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ, Ода „На восшествіе на престолъ Елисаветы“, трагедія Сумарокова „Дмитрій Самозванецъ“, поэма Хераскова „Россіада“, поэма Богдановича „Душенька“, басни Хемницера, комедія Фонвизина — Недоросль, оды Державина. 12. Карамзинъ—Письма русскаго путешественника, Исторія государства Россійскаго, Бѣдная Лиза, о любви къ отечеству и народной гордости; Дмитріевъ — Чужой толкъ; Крыловъ—басни; Озеровъ—Эдипъ въ Аөинахъ; Жуковскій—стихотворенія; Батюшковъ—стихотворенія; Грибоѣдовъ—Горе отъ ума; Пушкинъ—Кавказскій плѣнникъ, Цыгане, Полтава, Мѣдный всадникъ, Капитанская дочка, Евгеній Онѣгинъ, Борисъ Годуновъ, Скупой рыцарь; Лермонтовъ—Герой нашего времени, Мцыри и мелкія стихотворенія; Кольцовъ—пѣсни; Гоголь — Старосвѣтскіе помѣщики, Тарасъ Бульба, Мертвыя души, Ревизоръ.


16